

Денис
Лукашевич

Мёртвый Тном

Эратия. Страна, где живут люди, эльфы, гномы. Там гоблины занимаются мелким бизнесом, а тролли служат в королевской армии магобойцами. А еще Эратия — это королевство, победившее Темного Властелина. Тридцать лет назад отгремела война с Темным Властелином. И Свет, конечно, победил. Вот только вечный мир так и не наступил. Почему-то тьма в людских сердцах никуда не делась. На Королевство надвигается новая опасность. Цверг Шмиттельварденгроу, один из солдат армии Тьмы, выжил, но стал изгоем и преступником. Он влачит жалкое существование в эратийской глуши, но ему приходится вновь напомнить о себе, чтобы вернуть свою собственность: проклятую секиру Головоруб. Однажды его секира оказалось выкрадена, и теперь темный гном вынужден вернуться в мир, чтобы найти свое сокровище. Он вновь вступил на кровавый путь войны против всего мира. И ему уже все равно, кто у него на пути: Свет, Тьма или варвары с востока. Гнев темного гнома настигнет каждого.

Маховик истории набирает обороты и никого не менет чаша сия: ни правых, ни виноватых.

ЧАСТЬ 1. ШМИТТЕЛЬВАРДЕНГРОУ

1.

Гном замедлился, а потом и вовсе остановился. Он уже и забыл, как это тяжело — бегать.

Старый кузнечный молот оттянул руки с широкими волосатыми запястьями, и ржавый оголовок с гулким стуком коснулся твердого — слежавшийся песок пополам с щебнем — пола. Дыхание с шумом вырвалось из приоткрытого рта — и осело мутными каплями на густой, спутанной бороде, спускавшейся по выпуклой груди почти до самого пояса. Влага мгновенно впиталась в волосы и смешалась с едким потом, обильно увлажнившим виски под курчавыми плотными бакенбардами.

Нет, не для этого рождены цверги. Для неторопливой, грохочущей поступи в плотном строю на поле боя — это да, но не для бессовестного, иссушающего глотку бега. А ведь здесь, в низкой, земляной пещере стоял, попытавшись отдышаться, настоящий, чистокровный — высшей пробы — цверг.

Борода — непролазная черная поросль, тщательно выпестованная за долгие годы — вместе с густыми спутанными волосами, ниспадавшими на широкий лоб, скрывала почти всю физиономию цверга. Из смоляных зарослей лишь гневно сверкали глубоко посаженные глаза, торчал большой пористый нос, красный, в багровых прожилках, жадно всасывающий воздух расширившимися ноздрями, а по бокам от него белели высокие выступающие скулы, грубые, шершавые, словно наждачный камень.

— Мерзкие воры! — громоподобный рык разнесся по пещере, гулко отразился от сводов, густо усеянных сталактитами, и эхом вернулся обратно. — Ну, попадитесь мне только! Я надеру ваши тощие зеленые задницы! Я вам такое сделаю, что вас даже ваши зеленозадые матери-потаскухи не узнают! А если узнают — ужаснутся и удавят, как увечных котят. Вы будете плясать на раскаленных углях до тех пор, пока ваши ноги не сгорят по самые яйца! Тогда мы и посмотрим, какие вы шустрые!

Гоблины лишь на мгновение обернулись и затрусили дальше, закинув за спины тяжелые мешки. Один даже завел похабную песенку, в которой перечислил разнообразные подробности интимной жизни матери неугомонного цверга. Отчего тот разошелся еще больше, правда, поток брани, несшийся вслед ушастым проходимцем, начал постепенно иссякать.

— Засранцы!.. Ых... Вы от меня не уйдете!... Уф... Я вас поймаю хоть на краю земли или не бывать мне цвергом по имени Шмиттельварденгроу!..

С ловкостью, выдававших в них умельцев особого рода, они обходили ловушки, которыми была забита пещера, и споро продвигались к выходу. Только длинные уши покачивались в такт шагам.

Не смотря на всю серьезность заявлений, цверг все же постепенно отставал от шайки гоблинов, подчистую обобравших его пещеру. Тяжело сопя и отдуваясь, гном топал огромными сапожищами, яростно вращал глазами и топорщил всклокоченную бороду. В руках его плясал молот, но единственное, с чем он сталкивался, — это воздух. Уж очень грозно он рассекал его, однако, от этого гном только больше уставал, потому что тяжелое

оголовье то и дело инерцией заносило его в стороны.

Шмиттельварденгроу люто ненавидел воров, хотя сам не брезговал брать «лишнее» у окрестных селян. И до сегодняшнего дня кладовые его пещеры были забиты золотыми и серебряными монетами, изысканными украшениями и дорогим оружием, собранными еще на войне, а также старыми инструментами, битой посудой, рваной обувью и прочим барахлом, то есть всем тем, что в течение более чем тридцати лет послевоенной жизни собирал цверг. Такова была природа его народа: гном мог жить впроголодь, носить в течение десятков лет одни и те же сапоги, рядиться в грязные лохмотья, но ни одна монетка не могла покинуть пределов пещеры.

Уж лучше отвести глаза туповатым крестьянам и стащить свиной окорок.

И вот в один совсем не прекрасной день дело всей его жизни пошло насмарку. Каким-то образом гоблины пронюхали про его богатства и успешно обообрали, оставив только полусгнившую одежду и особую заколдованную секиру. Шмиттельварденгроу как раз успел к этому времени основательно набраться добротным гоблинским алкоголем и проснулся лишь тогда, когда длинноухие воры подбирали то, что пропустили при первоначальном просмотре.

Единственное, что успел заметить цверг спросонья, так это огромный мешок, а под ним тонкие зеленые ноги с непропорционально большими босыми ступнями. Еще несколько мгновений потребовалось, чтобы до затуманенного разума дошла вся странность происходящего. Чуть больше мгновений ушло на то, чтобы высказать весомое мнение о происхождении зеленокожих грабителей, а также предсказать их будущую судьбу. В итоге драгоценное время было упущено, и оставалось только размахивать в бессильной злобе старым молотом. Но Шмиттельварденгроу был не из тех, кто быстро сдавался.

— Ну же, давай, Шмиттельварденгроу! Они не должны далеко уйти! — подбадривал себя цверг, тяжело отдуваясь. — Еще немножко! Эту ногу вперед, теперь вторую! Двигай ты, старая развалюха!

Но ноги передвигались все медленнее и медленнее, молот неподъемным грузом оттягивал до земли руки, а из прокуренных легких доносились подозрительные хрипы. Глаза заливал едкий пот, и взлохмаченные волосы, свисающие на лицо, заслоняли взор. Цверг так и не заметил, как задел тонкую шелковистую нить, растянутую поперек прохода. Тяжелый камень со свистом пронесся по пещере и окончил свой полет, звонко соприкоснувшись с головой Шмиттельварденгроу. Он успел сделать еще пару шагов, когда тело его наконец поняло, что мозг на данный момент находится в непродолжительной отключке и им никто не управляет, и немедленно приняло горизонтальное положение. При этом опять пострадал высокий выпуклый лоб, который мог принадлежать лишь чистокровному представителю почтенного народа гномов.

Последний гoblin, самый хлипкий из всех, на выходе из пещеры обернулся, оскалился в улыбке всеми своими шестьюдесятью четырьмя зубами, перекинул поудобнее мешок и зарысил дальше, подгоняемый чириканьем собратьев.

Очнувшись, Шмиттельварденгроу (для друзей можно просто — Шмитт, хотя таковых у злонравного цверга водилось не слишком много, да и тех он последний раз видел еще во

время службы в горгонадской армии) перевернулся на спину и раскинул руки, чувствуя удивительную легкость во всем теле и звенящую пустоту в голове. Он еще долго лежал, соображая, что это такое бугристое, грязное и темное он видит над собой. Потом до него дошло, что это свод пещеры, а также то, что у него дико болит голова, и то, что его зовут Шмиттельварденгроу, и никак иначе.

Цверг поднялся, сжимая голову так, как будто она могла рассыпаться при любом неверном движении. Рядом на полу валялся расколовшийся надвое булыжник. Внутри него поблескивала открытая тонкая, словно ниточка, золотая жила, застывшая в камне.

— М-да, — протянул гном, держа в руке камень. — Золото... Стоп! Где мое золото?!

Шмиттельварденгроу подскочил, позабыв про боль, и ринулся к выходу. Теперь он передвигался гораздо осторожнее и медленнее. Кроме уже испробованной на собственной макушке, в пещере имелась еще масса разнообразных ловушек, правда, ни одной из них не удалось задержать пронырливых гоблинов.

Внезапный отдых дал возможность измученному организму избавиться от излишков самогона в крови, и теперь в темной душе, преисполненный по-настоящему адской ненавистью, поднималась расчетливая и холодная злоба: цверг не собирался никого жалеть.

— Клянусь всеми порождениями Бездны, — твердил он на ходу. — Клянусь в том, что я достану вас, мелкие, вонючие, мягкоголовые коротышки, и вы горько пожалеете о том, что посмели притронуться к моему золоту. Вы будете умолять меня о быстрой смерти, но я буду глух к вашим мольбам!

Но угроза пока оставалась лишь угрозой. На выходе и пещеры он остановился и огляделся. Снаружи его дом представлял собой грязную дыру в земле, скрытую от чужого глаза густыми зарослями дикого терновника. Растение подчинялось магическим талантам гнома и раздвигалось, освобождая путь лишь по его желанию. Правда, теперь в нем была аккуратно вырублена узкая просека, достаточная, однако, для тощих, легкокостных зеленокожих коротышей гоблинов. Кроме того, обзор застила густая пелена дождя. Где-то вдалеке гроыхал гром, а у входа в пещеру вскипала пузырями внушительная лужа.

Как известно любому колдуну, вода смывает все следы, в том числе и магические. Цверг разочарованно потянул воздух крупным пористым носом — не осталось даже запаха. Оставалось либо сдаться, либо начинать шевелить мозгами. Шевелить мозгами было тяжело, но, как известно, если гному предложить сдаться, то это значит нанести тому смертельное оскорбление, которое смывалось исключительно кровью.

Шмиттельварденгроу вернулся в свою пещеру, угрюмо сел за старый, бугристый от многочисленных ножевых шрамов стол и вперился в мутную бутылку из-под самогона. Мысли ворочались тяжело, постоянно сталкиваясь друг об друга с глухим звуком и редко несли хоть какое-нибудь рациональное зерно. В таких случаях обычно помогала чарка чего-нибудь горячительного, но все запасы цверг успел осушить еще раньше.

Однако, несмотря на все препятствия, мысли постепенно упорядочились, потекли ровным потоком, а в голове из разрозненных кусочков как мозаика стала складываться единая картина.

Гоблины. Длинноухие обычно не вмешиваются в дела людей, троллей и прочих светлых рас, потому что, как известно каждому, они приходились дальними родственниками побережным оркам, а значит, в их крови могла присутствовать и толика Тьмы. Нынче им то и дело приходилось доказывать, что на самом деле все обстоит иначе и более верных делу Свету проходимцев больше нельзя было найти. И хитростью гоблины могли уделать любого

из Громадин — по крайней мере, они так сами считали.

Цверг стал перебирать в голове всех влиятельных и богатых гоблинов, которых он знал. Круг подозреваемых резко сократился. И первое место в нем занимал гoblin Джереми Глазастый, он же — Глазастик. Пренепреятнейшая личность, однако, не стоило забывать, что и сам Шмиттельварденгроу не пользовался особым почетом, так что общаться приходилось. По крайней мере, из-за того, что он снабжал гнома выпивкой за те крохи, что удавалось стянуть у крестьян. Вспомнилось одновременно и то, как курьер от Джереми — тоже, между прочим, гoblin — с подозрительным любопытством оглядывался в пещере цверга. Видать, примеривался, как сподручнее проникнуть.

— Ну что ж, Глазастик! — пробормотал цверг, все также буравя взглядом пустую бутылку. — Ты совершил большую ошибку, раз решил обворовать меня. А я ошибки не прощаю.

Гном поднялся из-за стола и спустился в замаскированный проход, ведущий в сокровищницу. Правда, от маскировки после нашествия гоблинов осталась лишь рваная циновка, зашвырнутая в угол. Сокровищница была неприятно пуста, лишь всякий хлам валялся по углам, который и стоило убрать уже давным-давно, да руки никак не доходили. Посеред сокровищницы на собственном пьедестале, грубо тесаном из массивного валуна, серого гранита с черными прожилками обсидиана, таинственно сиял Головоруб — монструозная секира, украшенная многочисленными барельефами демонических рож и черепов. Сиял он тоже своеобразно: от него не исходило никакого света, наоборот, казалось, он вбирал в себя свет от прогоревших факелов, напиваясь тьмой. Ежели свет освещал, то этот наоборот, погружал окружающее в тесный сумрак. Рукоять из того же черного металла была отполирована до блеска многочисленными касаниями и снова просилась в руки, дабы испытать крови врагов, как когда-то раньше. Лезвие покрывала густая вязь фигур, изображавших сцены самого изощренного насилия и смертоубийства, скалились отвратные рожи, выполненные с потрясающими искусством и реализмом. Рисунок стекал с лезвия и на рукоять, превращаясь в рубчатые выступы, удобные и для одноручного, так и для обоеручного хвата. Заканчивались рожи острым, чуть искривленным шипом, удобным для добивания уже поверженных противников.

Шмиттельварденгроу осторожно снял секиру со стены и взвесил в руках. Несмотря на размеры, она была невероятно легкой, а лезвие было все также остро, как в тот день, когда великий мастер Доннермагнустру выковал ее.

— Заждалась, дорогая моя, — шептал как живому существу цверг. — Ничего, скоро я дам тебе отведать сладкой крови моих врагов.

Гном поднялся к себе, отыскал в куче тряпок более-менее целый клетчатый плед и тщательно обернул им Головоруб. С помощью обрезка веревки он изготовил лямку и закинул секиру за спину. Сверху он накинул походный плащ, прорванный в нескольких местах и грубо зашитый кусками мешковины. Несколько ножей уютно устроились на поясе. Последний раз оправившись, цверг оглянулся назад в темный уютный зев родной пещеры. Почему-то появилось ощущение, что вернется он сюда не скоро, но сомнения были не свойственны Шмиттельварденгроу. Поэтому он, накинув капюшон, и, как уже век назад, когда он был молод, силен, а Головоруб только-только обживался в его руках, решительно шагнул наружу. А дождь продолжал лить как из ведра и вскоре скрыл плотную коренастую фигуру.

Конечно же, Эратия не ограничивалась низменной плодородной равниной, что окружала Ведмин Яр, и могла удивить чужестранца многими чудесами, например, белоснежными башнями златоглавного Торгмара, королевской столицы, оседлавшей излучину могучей Торы, или многоголосым портом в Умбриэне, где, если верить очевидцам, мачты причаливших кораблей торчали так часто, что напоминали лес, выросший в море. Однако, здесь Королевство вряд ли что могло предложить взыскательному взору: бесконечные заплаты чересполосицы, одинокие хуторы, небольшие деревеньки и мелкие, никому не нужные городки, оживавшие только во время осенних ярмарок. Здесь не проходили торговые шляхи, не велись яростные сражения Темных войн и не рождались великие царедворцы. И земля сия называлась по старинной традиции Левандией. Главным и крупнейшим поселением в Левандии числился городок на пару тысяч жителей Ведмин Яр, получивший свое название из-за мутной старинной историей со зловредной колдуньей, благородным героем и, само собой, красивой принцессой, от которых, если верить истории, и происходил род баронов Левандийских — местных господарей. По некоторым версиям сразу от всех троих.

Как не раз упоминал сам Глазастик, обретался он в Ведмином Яре, что размещался в десяти милях к северу от пещеры Шмиттельварденгроу. Топать было далеко, поэтому цверг, не мешкая, зашагал по направлению к городу по размокшей от дождя дороге. Или вернее — тропке, разбитой телегами и самотканой крестьянской обувкой. Осенний ливень вымыл из окружающего все краски, оставив лишь различные оттенки серого, что, на самом деле, не шибко мешало цвергу: он, как и все представители его народа, с трудом различал цвета, да и то самые яркие и отчетливые. Например, цвета крови. Уж ее оттенки цверг различал отлично.

Вдоль дороги выстроились в ряд деревья, тоскливо покачивавшие голыми ветвями. Опавшие листья уже давно лишилась своих сверкающих драгоценных цветов и превратились в грязно-серое месиво, отвратительно чавкающее под ногами. Вокруг простирались унылые поля, заканчиваясь у горизонта голубой полоской леса. Кое-где курились сизые дымки редких хуторов и деревень. Эратийская осень уныла, как и всякая осень средней полосы.

Пару раз цверг встречал по дороге крестьянские телеги, запряженные флегматичными тарквиниями. Возницы не обращали никакого внимания на одинокую фигуру, закутанную в плащ, и проезжали мимо, благо незнакомец не просился на подводу и не кланчил медяк на прокорм. Шмитт продолжал идти, пропуская телеги, груженные брюквой и свеклой и опустив глаза к земле. Иногда он бормотал под нос проклятия, тряс кулаком и выкрикивал проклятья, вызывая испуг у случайных прохожих. Те старались обходить незнакомца стороной: кто знает, что у юродивого на уме. Авось, и напороочествует чего дурного...

Что-то блеснуло в бурой дорожной грязи. Гном остановился и, запустив в грязь толстые заскорузлые пальцы, извлек золотую монету с гордым профилем древнего императора. Довольная ухмылка промелькнула на сумрачном лице цверга.

— Ой, а шо вы там нашли, сударь? — раздался прямо над ухом хриплый мужской голос. — Дык енто ж монета, цельного злата. Думается мне, сударь, та самая, шо я потерял по прошлой неделке! Ну ведомо, сударь, как оно бывает: напился, пальцев не чувствуешь — в руках не то, что монета — кружка не держится!

— Истинно так! — Грубый смех еще троих поддержал бывшего обладателя золотого.

Шмиттельварденгроу медленно повернулся, все еще скрывая лицо в тени капюшона.

Заявленный обладатель монеты не выглядел тем, кто носит в кармане столь крупные номиналы. Даже более того, при взгляде на него становилось ясно, что и медяк он видит лишь по большим празднествам да во время пьяного угара. Кореша его были ему под стать.

Ничего особенного: обычные деревенские мужики с дубинами наперевес, крепкие, но трусоватые и ленивые. К тому же и беглые, судя по тому, как они оглядывались по сторонам. У главного к тому же лицо было расщеплено ударом кнута, искорежившего и без того, судя по всему, безобразную физиономию. Остальные могли похвастаться не меньшими увечьями, хотя ни у одного не было столь живописных. Шмиттельварденгроу громко прочистил горло и с отяжечкой харкнул напрямик на ногу главному — ражему детине с перекошенной шрамом физиономией.

— Да ну. — Цверг опустил руки и спрятал их под плащ.

Главарь гнусно ухмылялся редкими гнилыми зубами и поигрывал здоровенной палкой. Цверг едва доходил ему до солнечного сплетения.

— Слышь ты, коротышка! Гони сюда монету и вали отседава, пока мы не сделали тебя еще короче. Будешь паинькой, — он окинул фигуру Шмитта оценивающим взглядом, задержался на секунду на все еще крепких, хоть и изрядно стоптанных сапогах и пошевелил в грязи пальцами босых ног, — оставим при обувке.

Сообщники согласно заржали, увлеченно тряся лохматыми бородами. Шмиттельварденгроу тяжело вздохнул и молча скинул капюшон, открывая на всеобщее обозрение серокожее лицо и глаза с ярко-красными радужками. Разбойники как по команде перестали улыбаться и испуганно уставились на гнома.

— Клянусь Святым Светом, цверг! — сдавленно прошептал один из них.

Цверг растянул тонкие губы в мерзкой ухмылке, выставив на всеобщее обозрение острые треугольные зубы. Еще во времена своей лихой молодости Шмиттельварденгроу подпилил зубы. После этого приходилось, правда, есть с особой осторожностью, иначе можно было запросто откусить язык, но впечатление на врагов они производили незабываемое.

Главарь оказался менее впечатлителен, чем его сообщники. Он угрожающе поднял свою дубину и надвинулся на гнома.

— Ты бы мог просто уйти, урод, но теперь мы тебя здесь и уроем.

— Зря! — прошипел цверг и без предупреждения ударил ножом, как по волшебству возникшему в руке, в живот главаря.

Лезвие почти без сопротивления, почти не слышно вошло в плоть. Брызнула кровь; мужик выронил дубину и рухнул на колени. Нож, зажатый в твердой гномьей руке, легко вспорол кожу, выпуская наружу клубки сизых внутренностей. Главарь захныкал, пытаясь вернуть их на место. Вырвав нож, цверг развернулся к остальным разбойникам. Во второй руке появился еще один нож. Ошеломленные неожиданным натиском, они так и не смогли оказать толкового сопротивления. Один попытался отмахнуться дубиной, но рухнул на землю с разрубленной коленной чашечкой, а второй впопыхах, попытавшись ударить плотницким топором, споткнулся на ровном месте и осел на колени. Он подставился так замечательно, что захлебнулся собственной кровью, хлынувшей в разрезанного от уха до уха горла.

Последний разбойник, видя, что дело оборачивается совсем не так, как он со свояками

рассчитывал, бросил дубину и со всей прытью кинулся через поле. Цверг ухмыльнулся — пролитая кровь напомнила ему о том, как это хорошо — сражаться и убивать. Тем более, он не мог позволить множиться слухам об ужасной твари — цверге в Левандии. Он прошептал заклинание и щелкнул пальцами. Прах отозвался мгновенно, впитался в черную влажную почву, в жухлые полегшие стебли растений, заставили их сплестись в прочные веревки. В тот же миг черные плети, окутанные туманной дымкой, выскочили из жирной черной земли и захлестнули колени мужика. Он рухнул в грязь, и раз за разом вытягивающиеся из-под земли щупальца в мгновение ока обвили его шею. Он задержался, пытаясь вырваться, но спустя мгновение раздался сухой треск и он затих. Черные щупальца медленно распались и стекли на землю черными потеками вместе с дождевой водой.

Шмиттельварденгроу пошатнулся, в глазах потемнело на долю секунды, но он довольно улыбнулся. Оправившись, подошел к стонущему раненому и добил его, перерезав ему глотку.

Гном удовлетворенно хмыкнул, окинул взглядом дело своих рук, вытер об плащ ножи, вернул их в ножны и спокойно обыскал покойников. У бывших разбойников нашлось пару медяков и фляга с самогоном. Цверг все еще чувствовал слабость после применения магии и, не мешкая, залпом осушил емкость. Сразу стало легче и веселее. На радостях он сжал пальцы так сильно, что баклажка из выдолбленной тыквы треснула. И потому улетела в кусты. После всего Шмитт церемонно поклонился уже остывающему главарю и двинулся дальше: пройти еще предстояло немало.

4.

Ведьмин Яр был скорее просто большой деревней, чем городом. Только старый обшарпанный деревянный палисад, которым было обнесено поселение, и древняя каменная башня, поросшая мхом и служившая местом проживания барона Люквидуса Левадийского — хозяина города и окрестных земель, придавали ему городской статус. Да и то — с натяжкой. Шмиттельварденгроу скептически оглядел укрепления и грязно выругался. Как и у всех гномов, зодческое искусство людей не вызывало у него иного чувства, кроме как презрения. Правильно когда-то говорил Повелитель Горгонада, что люди годны только для того, чтобы пахать в поле и чистить выгребные ямы.

Небо все также было затянуто низкими свинцовыми тучами, но ливень сменился легкой моросью. Цверг в последний раз затянулся самокруткой и поднялся с холодного валуна, валявшегося около дороги. Втоптав в грязь окурок, Шмитт решительно двинулся к воротам.

Тяжелые дубовые створки были распахнуты настежь, впуская тоненький ручеек крестьянских поклаж, тянувших обязательный оброк барону. На страже стояли отъевшиеся на казенных харчах тролли в заржавленных кольчугах, скалили иногда крупные лошадиные зубы и угрожающе потрясали копьями, пугая зашуганных селян. Цверг втиснулся между телегой, груженной мешками с брюквой и хмурым охотником, тащившем связку птичьих тушек, тщательно маскируясь под еще одного безымянного и безликого странника.

— Эй ты! Мелкий который! Да ты! Ходь сюды! — Шмиттельварденгроу прошипел сквозь зубы проклятие: проскользнуть незаметно не получилось. Путь ему преградило короткое копьё с широким листовидным наконечником, которым удобно было и колоть и рубить.

В отличие от своих собратьев орков тролли, несмотря на всю свою природную тупость,

в прошлой войне выбрали правильную сторону и бок о бок с людьми и другими светлыми расами крушили стены Горгонада. И теперь они уютно устроились в Эратии, пожиная плоды победы.

— Кто таков? Чего надобно в Яре? — широченный тролль одновременно спрашивал и ковырял в носу огромным пальцем. С непропорционально маленького черепа свисали редкие белесые патлы.

— Питер Граверс из Торнака. Приехал по личному делу. — Шмиттельварденгроу старался, чтобы голос его звучал как можно доброжелательнее, а лицо скрывалось в тени капюшона.

— Питер, гришь, Граверс, — сощурился тролль. — По личному, гришь, делу. Мурдел, глянька на него. Никого не напоминает?

— Не-а, а чо? — лениво огрызнулся второй, роясь в корзине с яблоками, одновременно распахивая их по карманам. Стоявшего напротив крестьянина распирало от возмущения, но, сравнивая комплекцию свою и троллью, он благоразумно сдерживался от замечаний. — Хай проходит, только, Гурдел, плату за въезд и беспокойство служивых людей возьми.

— Лады, — кивнул тролль и повернулся к цвергу. — С тебя, ента, пятера медью. За беспокойство, так сказать.

Шмиттельварденгроу проскрежетал зубами, зашуровал руками в карманах. Тренькнула легковесная медь. Гном сгреб ее в жменю и протянул громиле. Названный Гурдел с зубастой ухмылкой принял плату, внимательно пересчитал. После нахмурился, хмыкнул — и еще раз пересчитал.

— Дык, дрожайший Питер, туточки только четыре монетки. Четыре! А за проход надобно пять!

Со сдавленным ругательством Шмиттельварденгроу вновь полез в карман, но в этот раз пальцы наткнулись на тот самый золотой червонец. Гном сжал его в кулаке, но руку так и не высунул.

— Нету больше. Может, договоримся на четыре?

— Нетушки, — мотнул бугристой головой тролль. — Давай пятеро или вали отседава. Не заставляй людей ждать!

Позади, в очереди, согласно загомонили. Цверг набычился, побагровел.

— Дык последнее отдал!

— Ничего не ведаю! Пятеру!

Неожиданно рядом с гномом оказался второй тролль — прозванный Мурделом.

— А ты погодь! — он прищурился и мертвой хваткой сжал запястье цверга.

Для этого ему пришлось наклониться, но движение его было стремительным и незаметным. Раз — и словно на руке сомкнулась цепь.

— А енто ж что?

Шмиттельварденгроу не успел разжать пальцы и выронить в карман золотой, как тролль выдернул его руку и заставил показать свое сокровище Гурделу.

— Ты ж поглянь!

— Нашел по дороге, — буркнул гном, отводя взгляд и презирая самого себя за то, что приходится оправдываться перед варваром-троллем. — Потерял, видать, кто-то...

У тролля вытянулось от удивления лицо.

— Гля, Мурдел, что у милсдаря Граверса из Торнака имеется. Говорит, на дорогах валяется. Мож и нам поискать? Авось, тож шо-нибудь откопаем!

— Надо будем — откопаем, — флегматично протянул Мурдел, но руку так не отпустил. — Вот только все равно — по-до-зри-тель-но!

Успешно выговорив трудное словцо, он улыбнулся, довольный собой.

— Да-да! — размеренно качнул головой Гурдел. — Но мы ж не звери какие-нибудь. Мы все разумеем, а потом с благовейным сердцем принимаем дар многоуважаемого Питера Граверса из Торнака в счет морального убытку, а также уплаты штрафа за самовольный проход!

— Но я...

Гурдел не стал даже его слушать. Смахнул с ладони золотой, заулыбался, козырнул и добавил:

— Добро пожаловать в Ведьмин Овраг! Не балуй и тогда, может быть, мы и не встретимся, Питер Граверс из Торнака.

— А медь же ж!

— Вали давай! — нахмурил брови Гурдел и стал настойчиво подталкивать цверга здоровенной лапой к воротам. — Давай-давай, пока я не начал разбираться, в каком-таком месте валяются бесхозные золотые!

Шмиттельварденгроу почел за лучшее не спорить, лишь пообещал при удобном случае проклясть наглого тролля.

Эратийские города никогда не отличались чистотой и опрятностью, а та глушь, которой был Ведьмин Яр, и в помине не ведала о таких понятиях. В грязи и помоях, сплошным слоем покрывавших кривые улочки, копошились ленивые свиньи, а чумазные ребятишки в лохмотьях и обносках увлеченно гонялись друг за другом, перекидываясь комками жирной грязи или кое-чем еще похуже. Вторые, а иногда и третьи этажи нависали над улицами, поддерживаемые хлипкими брусьями. Прохожие протискивались по узким улицам, переругиваясь друг с другом и пинками разгоняя подвернувшихся под ноги свиней и детей.

Шмиттельварденгроу увлеченно работал локтями, расталкивая горожан, когда раздался звук кавалерийского рожка и все тут же прыснуло в стороны, увлекая за собой и цверга. Кавалькада баронских дружинников на огромных рыцарских лошадях проскакала по улице, разбрызгивая грязь. Жирный плотный ком грязи прилетел прямо в физиономию карлика. Гном, все еще ослепленный клейкой массой, бросил черное проклятие вслед конникам, которое обязательно исполнится. Не сегодня, так завтра у одной из лошадей распухнет сустав или воин неожиданно упадет и сломает ногу. Цверги всегда славились своими проклятиями — еще одна причина, по которой их ненавидели все вокруг. Отплевавшись и кое-как очистившись, удостоив уничижительного взглядом потешающихся над ним ребятишек, он поплелся дальше, изрыгая ругательства в два раза чаще, чем раньше.

5.

Джеремя Глазастый был типичным гоблином, гоблином вульгарис, если по-ученому, но отличительная черта у него все-таки имелась: большие навывкате глаза, из-за которых он и получил свое прозвище. Как и большинство его собратьев, начинал Глазастик с мелкого воровства, но однажды он стал свидетелем того, как его подельники познакомились с «пеньковой тетушкой» на небольшой, но тогда весьма многолюдной площади Ведьминого Яра. Событие сие сильно изменило Джеремя и заставило его заняться более

законопослушным ремеслом.

Глазастый стал торговцем и скупщиком краденого, что, в общем-то, типично для большинства поумневших с возрастом гоблинов.

Он отмывал от крови дорогие драгоценности и старил с помощью простенькой магии фальшивые монеты, давал в залог и выбивал долги, продавал и покупал все, до чего могли дотянуться его цепкие пальцы. Вскоре дела пошли в гору. Гоблин приобрел небольшую лавку, подмял под себя воровское подполье Ведьминого Яра, завязал связи с самим бароном, который оказался весьма беспринципным типом и покровительствовал Джеремию за определенную долю доходов. Но гоблину всего этого было мало.

Глазастик был жаден и хотел еще большей власти и денег. Уже много лет он лелеял тайный план по расширению влияния на соседние баронства. А там можно было подготовить плацдарм для выхода на короля, занять дворянское звание, замок и собственные земли с трудолюбивыми крестьянами, работающими на доброго ушастого сюзерена. Но перед ним стояло одно «но». Деньги. Вернее, большие деньги. Что еще правильнее, **ОЧЕНЬ** большие деньги, коих во всей Левадии, включая и казну барона, по традиции пустую, и в помине не водилось.

По меркам Ведьминого Яра Джеремиа был очень богат, но все эти богатства ничего не стоили, скажем, в столице Эратии, златоглавом Торгмаре. Глазастик требовался крепкий финансовый тыл. И, как это всегда случается, выход нашелся совершенно неожиданно.

Некоторое время назад Глазастик познакомился с цвергом с труднопроизносимым именем, которое гоблин так и не сумел запомнить. А, как всем известно, цверги питают неумную страсть к накопительству, отчего многие из них после Темных войн стали объектом охоты всевозможных авантюристов. Закончилось это плачевно: цвергов практически повывели, а сокровища оказались не столь обширны, как в рассказах перепивших трубадуров. Но Джеремиа решил не выпускать его из виду. Постепенно гном стал испытывать некоторую долю доверия к гоблину, подпитываемую дешевой выпивкой. Так как бородач крайне редко покидал свою пещеру, то Джеремиа воспользовался этим предложением, чтобы подсылать к нему своего племянника Джарвуса, подающего большие надежды. Племянничек оказался ловким малым и подтвердил догадки предприимчивого родственника: пещера цверга была напичкана ловушками, и в ней имелся тайник.

И в один прекрасный день гном как всегда упился до неменяемого состояния, и племянник со своими друзьями по-быстрому обчистили пещеру. Хотя чуть не произошла накладка: цверг обладал закаленным организмом — выпитого оказалось недостаточно для продолжительного забытья. Очнулся он в тот щекотливый момент, когда гоблины еще не скрылись с награбленным. Хотя это тоже оказалось на руку Глазастик. Джарвус рассказал, что в тайнике они нашли здоровенную заколдованную секиру, которую суеверные гоблины не решились трогать. Но Джеремиа к предрассудкам своих малограмотных родственников относился скептически. Магия в его представлении была не опаснее молотка: тот ведь может и по голове стукнуть, но исключительно по воле разумного существа. Так и магия была не более чем инструментом, посложнее молотка, но тем не менее. К тому же, магические вещи стоили дорого во все времена. Конечно, для цверга не составит труда вычислить Джеремию, и он непременно заявится к нему за своим добром, может быть даже и с секирой. Но не зря же Глазастик прикармливал городскую стражу...

Лавка гоблина нашлась быстро. В грязном переулке, отходившем коротким аппендиксом от центральной улицы Яра, пронзавшей городок подобно стреле, направленной

к баронской башне, спряталось нарочито скромное заведение с двусмысленным названием «Скупка и продажа», грубо выведенным на выцветшей вывеске. Шмиттельварденгроу хищно улыбнулся, оглянулся по сторонам и ударом ноги открыл дверь. Дверь неожиданно легко распахнулось, стукнулась об стену и с грохотом снова захлопнулась. Пробурчав под нос проклятье, цверг открыл ее уже аккуратнее.

Джеремия сидел за невысокой конторкой и что-то писал в толстый журнал учета доходов и расходов, поминутно поправляя сползавшие с огромного носа профессорские очки: у Глазастика было нормальное зрение, но он считал, что очки придают ему солидности. Цверг улыбнулся — он уже представлял, как будет вгонять линзы в выпученные буркалки. Джеремия мигнул в ответ пару раз, вцепившись длинные тонкими пальцами в страницы учетной книги.

— Ну, здравствуй, Джеремия! — Голос гнома не предвещал ничего хорошего.

— О-о-о! Кого я вижу! — Гоблин, отделившись от первоначального испуга, прямо лучился гостеприимством и радостью. — Какими судьбами, сударь? Может быть, что-то не так с товаром, которым я вас снабдил?

— Нет, с самогоном все отлично. Я пришел по другому поводу. Джеремия, я дам тебе шанс умереть быстрой и безболезненной смертью, если ты сразу же отдашь мне мое золото.

— Золото? Какое золото? — Удивление в голосе Джеремии было каким-то неуверенным. Все-таки по актерскому мастерству он немного не дотягивал до необходимого в его профессии уровня. — Не ведаю ни о каком золоте! Извините, но я уважаемый гоблин и не потерплю угроз в свой адрес... Извольте, мислдарь извиниться немедленно, иначе вы ответите за свой навет!

Цверг, ошалевший от подобной наглости, подскочил к нему и сдавил железными пальцами горло гоблина. Джеремия захрипел и задержался, пытаясь вырваться.

— Говори, длинноухий мерзавец, иначе ты будешь умирать долго и мучительно. Я знаю множество способов причинения боли... — прошептал ему прямо на ухо Шмиттельварденгроу. — Где. Мое. Золото.

— Зачем тебе золото, цверг? — прохрипел Глазастик, с ненавистью глядя на гнома. — Ты его все равно не тратишь, а золото, лежащее мертвым грузом, никому не нужно. Я же его вложу в правильное дело и, может быть, даже поделюсь с тобой прибылью...

Гоблин попытался улыбнуться, но у него получилось из рук вон плохо. А Шмиттель свирепел все больше и больше. Еще немного и тонкая гоблиничья шейка бы просто хрустнула в руках гнома... Он остановился на полпути, когда Джеремия уже начал синеть. Так легко он не отделается.

Шмиттель разжал руки, и Глазастик повалился на пол, растирая онемевшее горло, но цверг не дал ему расслабиться. Удар тяжелого сапога пришелся по физиономии гоблина. Очки отлетели в сторону за компанию с несколькими зубами. Мягкие, будто резиновые губы лопнули, будто перезревшие вишни. Черная на зеленоватой коже кровь побежала по острому подбородку. Джеремия пискнул что-то просительно, завозился в углу, куда он залетел после гномьего пинка. И в тот же момент в лавке стало как-то тесновато из-за появившихся буквально из ниоткуда двух троллей. Только дверь хлопнула, словно от порыва ветра. Цверг с удивлением узнал в них своих давнишних стражников у ворот. Один с сожалением качал головой, клацая при этом массивной челюстью, а второй грозно хмурил брови, покачивая окованной железными полосами палицей.

— Я ж тебе говорил: не балуй! — проговорил Гурдел, тот, который с клацающей

челюстью. В его голосе слышалось практически взавправдашнее сожаление. — А ты... Извиняй, но ты должен пройти с нами. Верно я грю, Мурдел?

— Верно, Гурдел! — кивнул второй, авторитетно покачивая палицей.

— Так что, пойдём, брат цверг, по доброй воле, — продолжал первый. — Лучше будет и нам, и тебе.

— Ну что, цверг, как тебе такой расклад? — мстительно прочирикал из своего угла Джеремя. — Ты здесь никто! И ты решил, что будешь диктовать мне условия и ещё угрожать?!

— Ты пожалеешь об этом, Джеремя, — прошептал цверг и речитативом начал: — Из темного леса, из гнилого болота, из глубокой могилы приди несчастье...

— Остановите его! — в ужасе взвизгнул гоблин, в отчаянии молотя по воздуху руками, как будто это могло защитить его от черного проклятия.

Мурдел молча взмахнул палицей, целясь в макушку Шмиттельварденгроу. Но цверг оказался слишком ловким для неповоротливого тролля. Палица со свистом пронеслась мимо, ударив по ноге самого громилу. Мурдел взревел, подпрыгивая на одной ноге и круша все вокруг. Но и гном сбился на ругательства, не закончив проклятие. Проскользнув под ногами троллей, он кинулся к Глазастик, сжимая в руках один из своих ножей: кривое, черное от алхимических снадобий лезвие, тоже цвергская игрушка, легко режущая и мясо, и кость. Но закончить справедливое возмездие ему не дали. Ременная петля захлестнула его шею и опрокинула на пол. Гурдел, хищно ухмыляясь, приподнял цверга за другой конец петли, и тяжелый кулак с широкими сбитыми костяшками врезался ему в лицо, сворачивая челюсть. Именно этот кулак — здоровенный и мослатый — было последним, что запомнил Шмиттельварденгроу.

— Ну вот и все, цверг, — проговорил Глазастик, снимая с бесчувственного тела секиру, — теперь тебе точно никакое золото не понадобится.

6.

Цверг попытался сглотнуть, но этому мешал кляп. Тугая ременная петля не позволяла вытолкнуть его. Он валялся на куче гнилой соломы со связанными за спиной руками в тесной темной камере с влажными, поросшими плесенью стенами. Ужасно хотелось выпить.

Гном уже не чувствовал ладоней, но больше всего его мучило чувство собственной беспомощности. Он как последний дурак попался в примитивную ловушку и даже ничего не смог сделать против туповатых троллей. Бессилие терзало его похлеще любой физической боли. Хотя боли тоже хватало: ужасно ныла челюсть, а левый глаз заплыл и ничего не видел. Цверг промычал сквозь кляп что-то невразумительное и перевернулся на другой бок, перебирая в голове ужасные планы отмщения.

Но цверг не мог даже встать: ноги его также были связаны. Оставалось только сосредоточено грызть кляп, надеясь, что его зубы достаточно остры и крепки, чтобы справиться с сырой кожей кляпа.

Противно заскрипели петли тяжелой тюремной двери. Шмиттель замер, притворяясь бесчувственным. Явственно пахло гнилым луком, застарелым потом и плохо выделанной кожей. Стражники, наставив копыя, осторожно приблизились к гному. Тот молчал, угрюмо отвернувшись к стенке, ожесточенно скрипел зубами, пережевывая кляп.

— Живой ли? — неуверенно буркнул один.

— Живой! Что с ним-то делается?! Цверги жеж, как ведомо всем, двужилые сволочи!

И не такое выдерживали. А ну подъем, свиная харя! — рыкнул второй стражник и ткнул цверга под бок тупым концом копья.

Шмиттельварденгроу завозился, повернулся, прогудел что-то неразборчивое сквозь кляп.

— Видал?! — подбоченившись, кивнул второй стражник. — Видать, еще и проклятия бормочет, сволота. Добро, что ему догадались кляп сунуть.

— А кто отсоветовал?

— Ну эти, молодые, тролли наши. Говорят, что в войну они были ентими, как их, «охотниками на магов», магобойцами. Ведомо, что тролли волшебю не подвластны, вот и набирали из них спецотряды. Они, кажись, из ентих...

— Угу. Им-то хорошо, а ежели ентот догадается нас проклясть, коли мы кляп вытащим. Может енто, язык отрежем, шоб не проклятиствовал?

Цверг сдавленно замычал: его держали те, кто ни бельмеса не смыслил в магии, ведь даже со свободным ртом он бы ничего не смог сделать, только сотрясал бы воздух грязными, но пустыми словами, за которыми не было ни капли силы. Потому что, как известно, без рук на колдовство способны лишь самые лучшие, могущественные маги, навроде Горгонадца. Правда, и того его искусство не спасло.

— Молчи, дурында, — второй отвесил первому крепкую затрещину. Стражник покачнулся, потирая бритый затылок и укоризненно глядя на своего старшего товарища. — А чем же он с капитаном будет разговаривать? Знаки на руках раскидывать?!

— Ну лады, лады... Значит так, — продолжил первый, — мы сейчас развяжем тебе ноги, и ты пойдешь с нами, но без всяких твоих колдовских выкрутасов. Понял, цверг?

Шмиттельварденгроу безнадежно кивнул. Ему ничего не оставалось делать, кроме как подчиниться глупым людям. Один из стражников перепилил тупым ножом веревки на лодыжках цверга, пока второй целился в него ржавым копьем. Гном утрюмо поднялся и поплелся между стражниками, злобно сверкая красными глазами.

Немного прогулявшись по сырým подземельям, освещенным неверным светом редких факелов, конвой поднялся в довольно большую комнату с маленьким зарешеченным окном, через которое был виден краешек молодого месяца.

Обстановка комнаты ограничивалась большим дубовым столом с подозрительными бурыми пятнами, хлипковатым на вид трехногим табуретом и широкоплечим человеком в алом плаще, увлеченно читавший исписанные листки. При этом он шевелил губами и сокрушенно покачивал головой, как будто написанное вызывало у него искреннее возмущение.

— Господин, мы привели заключенного, как вы просили, — вытянулся во фронт стражник.

Человек в плаще кивнул, не отрываясь от чтения, и затем добавил:

— Присаживайся, цверг. В ногах правды нет.

Шмиттельварденгроу подчинился. Хотя, наверное, стоять было бы безопаснее, так как табурет опасно закрипел под весом цверга и накренился. Стражники застыли каменными изваяниями по бокам гнома. Хотя это им только казалось: на самом деле они постоянно шевелились, то переминаясь с ноги на ногу, то просто почесываясь во внезапно зазудевших местах.

— Знаешь, цверг, а ты крупно попал! — без предисловий начал человек в плаще. — Буквально, за один день. Для этого нужен талант.

Шмиттельварденгроу что-то нечленораздельно промычал.

— Да-да, именно талант, — улыбнулся человек. — Вот тут я читаю твое дело и просто диву даюсь. Ну да ладно, начнем сначала.

Человек увлеченно зашуршал бумагами и вскоре извлек на свет еще один листок, в общем, совершенно ни чем не примечательный.

— Имя: неизвестно. Происхождение: цверг. А ведь мне казалось, что вас всех уничтожили в войне. Смешно, но я пугаю вами своих детей...

Цверг мог многое ему сказать насчет того, что он детишек еще так напугает, что они забудут своего папу.

— ...Род занятий: неизвестно. И неудивительно. Причины задержания: попытка убийства, сопротивление аресту, нанесение увечий стражам, попытка использования запрещенной магии... Богатый список! — Человек поднялся со стула с высокой спинкой, обитого дорогой кожей. Его явно недавно принесли в камеру, так как здесь, среди грязных, заплесневевших стен, он смотрелся несколько неуместно. — Но хуже этого только то, что ты грязный темнило. Сожалею, но за поклонение Тьме у нас вздергивают на виселице. Пеньковая тетушка всегда рады таким, как ты.

Шмиттельварденгроу яростно прорычал что-то и завозился, пытаясь разорвать веревки, стягивающие его руки. Человек улыбнулся, заметив его реакцию.

— Но с другой стороны, есть альтернатива. Эратия снова встала на пути нового врага, который грозит нам с востока, — диких необузданных кочевников, готовых растоптать все, что дорого истинному эратийцу! И в свете этой опасности возросла значимость хорошо вооруженной и крупной армии, под определение которой паладины уж никак не попадают. А для этой армии крайне необходимы ресурсы, которых сейчас предостаточно, но вот рабочих рук, чтобы добывать эти ресурсы решительно не хватает. Поэтому король принял решение использовать труд преступников во благо королевства. По секретному указу всех приговоренных к смерти ждет помилование, и замена смертной казни на пожизненную каторгу.

Человек присел на краешек стола, посмотрев в глаза цвергу.

— Ты можешь спросить, почему я тебе все это рассказываю. Так я тебе отвечу: решить отправить тебя на каторгу или познакомить с пенькой. А мое решение всецело зависит от твоего желания сотрудничать. Ну, так что? Ты не против?

Шмиттельварденгроу задумался. Помогать ненавистным людям совсем не хотелось, но с другой стороны мертвый он никому не сумеет отомстить. Все обещания и проклятия лягут на темную душу цверга и не дадут воссоединиться с духами предков. Посмертие на земле, без шанса обрести когда-нибудь покой, зная, что где-то ходит безнаказанный зеленомордый мерзавец, растрачивая его золото. А ведь цверг на то и цверг, что его не могут удержать никакие оковы и никакие клетки. Гном со свистом втянул воздух сквозь кляп и кивнул. На лице человека мгновенно засияла радостная улыбка.

— Мы сейчас снимем кляп, но ты должен пообещать, что не будешь здесь никого проклинять и тем более творить заклятия. В этом случае приговор будет вынесен очень быстро и столь же быстро приведен в исполнение. Все понятно?

Цверг снова кивнул. Человек улыбнулся еще шире и сделал знак одному из стражников. Тот осторожно развязал на затылке ремень и тут же отскочил, готовый насадить цверга на

копье при любом неосторожном движении. Шмиттельварденгроу с отвращением выплюнул уже изрядно изжеванный кляп и несколько раз клацнул зубами, разминая затекшие челюсти.

— Воды, — едва слышно прошептал цверг, показывая одними глазами на кадку с водой, стоявшую в углу.

Человек в плаще самолично набрал в ковш с длинной ручкой воды и дал напиться гному. Цверг жадно хлебал, пыхтя и обливаясь. Вода помогла. Шмиттельварденгроу заговорил вполне уверенно и четко.

— Что тебе надо, человек?

— Я всегда знал, что вы, цверги, на первое место ставите дело, а не чувства! — довольно щелкнул пальцами главный. — Расскажи мне, зачем ты заявился к Глазастик? Я, конечно, знаю, что он достоин самых изощренных пыток, но чем и тебе он успел насолить?

Упираться не было смысла.

— Он украл мое золото.

— Ух ты! А много?

— Много, — недовольно буркнул цверг.

— Ай-й-й! — покачал головой человек. — А делиться он, видимо, не собирается. Не так ли?

Гном пожал плечами.

— Вот и ладненько! Главное, это найти компромисс! Хорошо, завтра я подпишу приказ о помиловании и изменении наказания на каторгу. И завтра же ты отправишься по этапу вместе с тюремным караваном в Ганалийскую долину. Там славные рудники... Прощай, милый цверг! Надеюсь, мы больше никогда не увидимся. Уведите его!

Гном опять вернулся в свою камеру, а человек в алом плаще, он же барон Люквидус принялся расхаживать по своему кабинету, уже представляя в уме, как будет выбивать золото из оборзевшего гоблина. Но его планам не суждено было сбыться. В небольшом окошке, ведущем в кабинет барона, показался темный ушастый силуэт. Гоблин ловко открыл ставни с помощью тонкой проволоки, скинув щеколду, приставил к тонким губам мундштук духовой трубки и с силой дунул. Отравленная игла вонзилась в широкую красную, как у крестьянина шею барона. Яд подействовал мгновенно. Люквидус рухнул на стол, корчась в конвульсиях и захлебываясь пеной. Через пару мгновений он затих. Гоблин удовлетворенно хмыкнул, убрал трубку и растворился в ночи.

В ту же ночь Джереми Глазастый первый узнал о безвременной кончине барона и проговорил, любовно поглаживая цвергское золото:

— Теперь уже никто не сможет нас разлучить. Нас ждет большое будущее!

В темноте таинственно поблескивало лезвие Головоруба.

7.

Процедура оформления новоявленного каторжника прошла на удивление буднично. На следующее утро в Ведьмин Яр прибыл тюремный караван, состоявший из вереницы повозок-клеток, вроде тех, в которых возят цирковых зверей. Караван сопровождал отряд солдат, наряженных в голубые туники с желтым королевским ястребом на груди, и группа смиренных клириков в наверняка белых поначалу сутанах. Правда, теперь дорожная пыль сделали их скорее темно-серыми, украсив черной окантовкой грязи по краям. Да и сами

клирики были неприметно-серыми, одинаковыми как близнецы-братья — подготовка в Цитадели стирала личностные различия.

Из головной повозки с матерчатым верхом вынесли нечто вроде раскладного столика и колченогий табурет.

Клирик, оседлавший его, с одухотворенным лицом старательно выводил в здоровенной амбарной книге фамилии, клички и титулы осужденных, высунув от усердия кончик языка. В связи с тем, что основная масса осужденных на каторгу состояла из деревенского мужичья, пойманного на воровстве из баронских закровов, и просто всяких подозрительных личностей, арестованных под горячую руку, особенно много было прозвищ и прискорбно мало титулов. А если быть совсем точным, то единственным носителем титула был Шмиттель.

— Шмиттельварденгроу, аттаруан Симгара и капитан Четвертого полка Темной Гвардии, — гордо произнес цверг. Скрывать свое происхождение не имело смысла: пусть людишки поймут, какая важная персона им попалась. Другое дело, что Симгар вот уже лет тридцать, как разрушен до основания, а в последний бой Темная Гвардия приняла свой последний бой два десятилетия назад.

Но сказанное не произвело особого впечатления. Клирик лишь искоса взглянул на цверга и сказал стоявшему рядом стражнику:

— Ошейник!

Солдат довольно осклабился и тут же извлек из повозки покрытый зарубками и царапинами самого отвратительного вида ошейник, состоявший из двух металлических дуг толщиной где-то в четверть пальца. Цверг непроизвольно сглотнул. Он знал, что это такое.

Толстые полосы сомкнулись на шее, с отвратительным скрипом крепежный болт встал на место. Леденящее прикосновение к коже и полная неспособность колдовать. Метеоритное железо, более известное как «душителъ магов». Шмиттельварденгроу был знаком с похожим инструментом еще во время службы в Гвардии: Горгонадец таким образом наказывал провинившихся магов. Тогда это была сложная конструкция из ошейника, железной маски, ножных и ручных кандалов и металлического корсета, сжимавшего грудь. Такое своеобразное орудие казни: колдуны без малейшего притока магии попросту умирали в страшных мучениях. Правда, ошейник оставлял небольшой ручеек магической энергии, не давая цвергу окончательно загнуться, но от этого ему отнюдь не становилось легче. Скорее это походило на изощренную пытку: магия-то ощущалась, только вот пользоваться ею стало невозможно.

Все формальности закончились где-то к полудню. Такой небольшой городок как Ведмин Яр даже при великом желании не мог дать достаточного количества бесплатной рабочей силы, поэтому караван двинулся дальше, собирая по городам и весям Эратии дань в виде верениц оборванных и изможденных заключенных, бывших солдат темных орд, предателей, служителей разгромленных тайных культов, что встали на сторону Горгонадца. Они все выбрали не ту сторону и сопровождались уже даже не ненавидящими, а просто презрительными взглядами. Память о войне уже успела подернуться пеленой времени, и нелюбовь к темным теперь носила характер традиции, поддерживаемой клириками.

Шмиттельварденгроу выделили отдельную повозку с железными прутьями с полруки толщиной, выломать которые не представлялось не малейшей возможности. Поэтому особое внимание гном уделил своему новому украшению. Правда, тоже без особых достижений. Только убедился, что болт был прикручен намертво, и сорвал пару ногтей в безуспешных

попытках отвинтить его. Оставалось наконец успокоиться и отдаться течению жизни, несущему его все дальше и дальше на северо-восток.

На второй неделе караван посетил Маран. Суровая столица Утгарона спускалась по южным отрогам Королевского хребта, омывая свои гранитные парапеты в теплом и ласковом море Седрэ. Шмиттельварденгроу стоило больших усилий попытку вызывать как можно меньше приступов любопытства у прохожих-дварфов, которых здесь было превеликое множество. Между дварфами и цвергами на протяжении веков велось постоянное соперничество, порой переходящее в открытое противостояние. А ведь и те, и другие были из одного народа, из гномов. Разница между ними сводилась исключительно к политическим взглядам, которые, как известно, больше иных причин способствуют раздору и взаимной ненависти.

Но цвергу в тот день пришлось не раз славить Тьму: видимо, тюремные караваны были не редкостью в Маране, стоявшем на единственном сухопутном пути в Восточную Эратию, не считая труднопроходимые перевалы Королевского хребта. Дварфы спешили по своим делам и не собирались обыскивать повозки в поисках цвергов.

Обошлось, и караван, пройдя знаменитым маранскими Вратами Востока, покинул Королевство и ступил на разоренную, бедную землю Восточной Эратии — извечное поле битвы Света и Тьмы, добра и зла, как вещали клирики с амвонов. Но для Шмиттельварденгроу это было место позора и смерти, места, где он сражался за чужие интересы.

Повернув на север, караван, посетив Валдар, последний аванпост Срединной Эратии, захиревшую крепость с гарнизоном в пару сотен ополченцев, и двинулся вдоль Королевского хребта. Похолодало. Стылый ветер с равнины Горго пробирал до костей: поздняя осень с голыми деревьями и опустевшими полями здесь была особенно промозгла и холодна. Разоренная войнами, эпидемиями и голодными бунтами Восточная Эратия только-только входила в русло нормальной жизни. Вернее пыталась это сделать. Как будто и не прошло три десятка лет мира. Лишь руины городов и деревень густо поросли бурьяном и деревьями, вставая на пути немymi памятниками бушевавшей огнем и сталью эпохи. Кое-где настырные люди продолжали цепляться за жалкие клочки земли, ютятся в кособоких лачугах и кутаясь в лохмотья. Они провожали пустыми взглядами караван и снова сгибались в три погибели, стараясь поспеть собрать незавидные урожаи до первых заморозков. Иногда вдалеке вставали куцые, полуразрушенные замки местных аристократов, когда-то так же, как и их подданные теперь, гнувшие спины на прежних хозяев Восточной Эратии. Коса горгонадской армии безжалостно прошла по верхушкам общества, трезво рассудив, что многочисленные вельможи ей совершенно ни к чему, а вот бесплатная рабочая сила весьма пригодится. Все эти графы и бароны, герцоги и князья пошли на мясо не особо разборчивым в еде солдатам Горгонада. А когда все закончилось, оказалось, что править уже и некому. Тогда эратийский король по праву сильного объявил эти земли своими и стал постепенно их восстанавливать, раздав разоренные земли обедневшим аристократами, младшим сыновьям вельможных родов и безземельным рыцарям. Те было взялись за дело, но так и не сумели возродить павшую страну из пепла прошедшей войны. Лишь вездесущие сорняки облюбовали земли, щедро удобренные пеплом и кровью.

Не было видно конца и пути. Вереница повозок все тянулась и тянулась на север, а позади оставались лиги разбитых дорог, дремучих лесов, глухих болот и руин богатых и величественных некогда городов, где нынче лишь были на луну дикие гули и волки.

Иногда цверга невольно пробирала дрожь: он приближался к исконным землям Тьмы, туда, где была его родина и откуда началось нашествие горгонадских полчищ. Не раз он мучился вопросом, а если кто-то из его сородичей остался в живых. Какова будет встреча? Что они друг другу скажут? Отношения между самими цвергами тоже нельзя было назвать приятными, но все же они были одной крови, жили и сражались плечом к плечу... Но с другой стороны, а что, если ничего не осталось, кроме вымерших подземелий и гробниц давно почивших вождей. Сомнения не были свойственны Шмиттельварденгроу, и новые ощущения цверг никак не мог назвать приятными. Всю свою жизнь он знал, что его ждет и что ему надо делать, но только не теперь. Караван вез его в неизвестность.

День следовал за днем, сливаясь в недели, а те, в свою очередь, сплетались в месяцы. На исходе листопада, когда на землю лег первый снег, а вода в реках покрылась первым льдом, по которому можно было уже ходить без опаски, караван вступил в тень, отбрасываемую могучими стенами Эрдерета. Гладкие, черные, словно сложенные из лучшего обсидиана, они были крепче стали и возносились на двести локтей вверх, башни квадратного сечения венчали углы, зубчатый парапет обегал несокрушимые стены, а в центре южной стены под могучим барбаканом притаились ворота из железного дерева. С невольным восхищением цверг уставился на древнюю твердыню. Для консервативного ума цверга было большой проблемой поверить, что Эрдерет построен исключительно человеческими руками. Видимо, у людей в то время был приступ фортификационного вдохновения.

Ворота были уже распахнуты, и в проеме стояло несколько королевских солдат — хмурых ветеранов, наверняка еще помнивших годы Темной войны. Внимание Шмиттельварденгроу привлекла необычная возня на самом входе в крепостной дворик. Смуглокожий человек в драной алой мантии отчаянно отбивался от группки стражников, сопровождая свои действия неразборчивыми на таком расстоянии криками. Мага, судя по мантии, тащили в сторону каравана, а точнее в сторону повозки Шмиттельварденгроу. Выстроившись полукругом, рядом шли клирики со сложенными на груди руками и невероятно одухотворенными лицами, как будто вели раскаявшегося грешника на очищающую молитву во славу Света. Также цверг отметил еще кое-какие детали: во-первых, железное украшение на шее мага, аналогичное ошейнику цверга, во-вторых, крайне необычную внешность человека. Сразу становилось ясно, что родом он был из весьма и весьма далеких мест, оттуда, где климат был более мягким и благоприятным человеку.

— Да как вы смеете! — Уже ближе стал понятен смысл возмущенных восклицаний мага. — Я официальный представитель Огненной Коллегии Джаффских Эмиратов! Это мэрджес! Вы хотя бы понимаете, что наносите тяжелейшее оскорбление всем джаффским магам в моем лице! В конце концов, это нарушает все нормы и правила международного пра... кхха...

Наверное, солдатам надоело выслушивать правовые эскапады возмущенного мага, так как один из них, не церемонясь, врезал магу в живот обухом боевого топора, заставив того выпучить глаза от боли и нехватки воздуха, внезапно покинувшего легкие. Воздействие возымело нужный эффект, так как дальнейшую дорогу к каравану человек провел молча, обвиснув на руках стражи.

— Цверг, к тебе сосед! — ухмыльнулся один из стражников, высокий бородач с улыбкой, доброжелательной как волчий оскал. — Будет тебе подружкой. Путь-то еще долог...

Остальные стражники согласно заржали. Шмиттельварденгроу злобно оскалился сквозь

прутья, заставив шутника вздрогнуть от испуга, и многообещающе добавил:

— Я его съем!

Стражники как-то сразу стушевались, что-то забормотали под нос, скорее всего, молитвы и разошлись. Только теперь Шмиттельварденгроу заметил, что его сосед вжался в дальний от цверга угол клетки и испуганно смотрел на него.

Губы человека мелко дрожали, а лицо цветом напоминало выбеленное полотно. Цверг снова оскалился, заставив человека побледнеть еще больше. Шмиттельварденгроу устало махнул рукой и отвернулся к прутьям, провожая тоскливым взглядом стены Эрдерета.

Копыта тяжеловозов-тарквиниев звонко зацокали по каменному настилу моста. Река Стир несла под ним свои черные безжизненные воды к огромному озеру Храш, на берегу которого и стоял Эрдерет. На горизонте уже вставала громада Лыдистого нагорья, а прямо перед караваном расстилалась пустынная тундра равнины Горго.

8.

— Давай, ты меня есть не будешь. — Это были первые слова мага, которые услышал Шмиттельварденгроу после того, как тот отошел от первоначального испуга. — Я невкусный — одни кости да кожа! Да к тому же у меня лишай! Вот тут! — Южанин задрал мантию, демонстрируя довольно неприятную на вид сыпь на правом боку. — Непусти боги, несварение случится, а в данной местности это чревато!

Цверг не удержался и скосил глаза на мага, и тут же уперся взглядом в расплывшееся на животе красное пятно с белесыми точками мелких чешуек. Такое зрелище никак нельзя было назвать приятным, и Шмиттельварденгроу разом потерял аппетит даже к пустой похлебке, которой его потчевали на протяжении всего пути. Цверг с усилием сглотнул и буркнул в ответ:

— Я тебе и так верю, можно было без доказательств.

Южанин радостно осклабился: понял, что ужин из него откладывался до неопределенного времени.

— А ты ведь и вправду цверг? — Оправившийся от испуга южанин оказался на редкость болтливым. — А я читал, что цверги все вымерли... Ой, извините, я не хотел задеть ваши чувства! Просто во всех источниках написано так. И в «Происхождении темных рас» Уридиса, и в «Истории Горгонада» Маркония. И вид живого и невредимого цверга представляется мне чрезвычайно необычным. Это как... как увидеть живого дракона!

Шмиттельварденгроу постарался, чтобы взгляд его вышел покрасноречивее. Южанин осекся и залился смущенным багрянцем.

— Хм, чего-то меня понесло. И в самом деле. Знаете, у меня просто есть такая плохая привычка. Прямо удержаться не могу: слова льются из меня потоком, если дело касается истории Темных войн. Знаешь ли, согласно Гарниоду, ну то, который автор «Темных анналов»... Дхар, я опять начал заговариваться, а ведь мы даже не знакомы! Позвольте представиться, — Южанин поднялся, но невысокий потолок не позволил ему выпрямиться в полный рост: он так и остался стоять, изогнувшись замысловатым образом. — Джалад ур-Малашан, также известный, как Джалад Валантский! Почему Валантский? Все очень просто: я просто родом из Валанта. Дипломированный огненный маг первой ступени. Ну, если быть совсем честным, не совсем первой и не совсем дипломированный — я чуть-чуть

не доучился. На почве расхождений во взглядах на морально-этическую сторону магии вошел в небольшой конфликт с преподавателями: старый ретроград все никак не мог понять, что чистое познание без примеси моральных оценок, на которые так падок человек, — единственный и истинный путь развития магических наук. Посему мне пришлось срочнейшим образом покинуть Академию в Джаффе, да и саму Джаффу тоже. Гм, вернее Джаффу меня заставила покинуть угроза моей жизни в лице доблестных воинов славного эмира: к сожалению, предрассудки в нашем мире распространены довольно широко. С тех пор я путешествую по миру и собираю разрозненную информацию по эпохе Темных войн, а также интересуюсь некоторыми аспектами чернокнижия.

— Далековато занесли тебя поиски... — философски вставил цверг, оценивающе осматривая щуплую фигуру Джалада Валантского. Удивительное дело, но словоизлияния южанина даже не слишком утомили цверга. — Лишай также в странствиях приобрел?

— Ну-у-у... — протянул смутившийся южанин. — В моих исследованиях мне довелось вплотную познакомиться с не самыми приятными сторонами человеческого бытия. Но ради той цели, которую я преследую, все трудности и лишения не стоят и черного гроша!

— И что же эта за цель? — Цверг не любил людей, но долго пребывать в одиночестве и без верного друга — самогона не могло даже такое склочное и нелюдимое существо. Черная душа требовала общения.

— О-о-о, это великая цель! — Джалад настолько возбудился, что попытался нервно расхаживать по клетке. Но объем отведенного свободного пространства оказался слишком мал, поэтому южанину пришлось притушить свой пламенный пыл. — Эта цель позволит открыть новые горизонты магии и прогресса! Раздвинуть границы познания до бесконечности! Я хочу, — Южанин перешел на торжественный тон, — возродить темную магию с ее потрясающими способностями! Стихийная волшба изжила себя, стала уделом ретроградов с узколым мышлением, а новое поколение выбирает чернокнижие!

— В таком случае, новому поколению светит плотное общение с клириками и проживание в Ганалийской долине — это в лучшем случае. А в худшем — костер и полное развоплощение.

— Ради великой цели можно пожертвовать даже своей жизнью! — торжественно заключил Джалад.

Цверг лишь скептически хмыкнул. Фанатиков он не любил еще пуще людей.

— Великая цель?! — Гном оскалился. — Скорее великое заблуждение. Уж поверь мне — я испытал это на собственной шкуре, сражаясь за призрачные идеалы. Все в этом мире очень просто: кровь, грязь и слезы. Самые великие цели добиваются именно такой ценой. Если тебе говорят: я сражаюсь за свободу, значит, он сражается за власть, если сражается за счастье, значит, за свое личное, а остальные пусть летят в самую глубокую бездну. Чернокнижие — это так, пшик, налет пыли. Вот я почти великий чернокнижник? И что же? — Он поднял руки, закованные в железные кандалы. — Из-за них все мои таланты не стоят и пустого шлака.

— Великая цель существует всегда. — Джалад заспорил с еще большим жаром. — Без нее наша жизнь бессмысленна и сера. Мы просто движемся по течению, отдаваясь воле судьбы, но, когда появляется цель, мы готовы бороться и страдать во имя. Я знаю, чего стремлюсь достичь и понимаю, что живу не зря. А ты... Ты просто живешь, слепо движешься из прошлого в будущее, ожидая, когда топор какого-нибудь дикого орка не раскроит тебе череп, или, скорее всего, ты просто не сопьешься!

— Да что ты понимаешь, человек! — Цверг вскочил на ноги. Его лицо пылало гневным румянцем. — Ты учишь меня жизни?! Я прожил два столетия и не видел ничего, кроме смерти и боли, ненависти и злобы. Вот твоя жизнь! Ты едешь на каторгу, в Ганалийскую долину, где будешь гнить заживо, терпеливо снося зверства надсмотрщиков и беспредел старшин. В конце концов тебе выроют аккуратную такую могилку в отвалах шлака рядом с такими же, как ты, неудачниками! Где ты видишь великую цель? Твоя единственная цель — это выжить! Причем любой ценой!

Джалад обиженно набылчился, замолчал и отвернулся от цверга. Некоторое время они ехали молча, только слышался скрип колес и редкие переговоры стражи. Серые холмы равнины Горго медленно тянулись по обе стороны каравана, вселяя в душу тягучую как слизь тоску. Цверг немного повозился-повозился, угрюмо проворчал под нос пару ругательств и устоялся поверх драного плаща, которым он укрывался, на Джалада.

Маг тоскливо взирал на проплывавшую мимо унылую равнину. Тонкие черты смуглого лица заострились и поблекли. Шмиттельварденгроу недовольно пробормотал пару ругательств в бороду и неожиданно произнес:

— Ты... это... извини меня. — Цверг как будто отрывал с каждым словом от себя кусок плоти. Шмиттельварденгроу вообще-то редко извинялся. — Не обращай на мое брюзжание внимания. Я... как бы... это... стар уже. Аргхх! Разорви меня черный дхар! Что я делаю?! — Остальные слова превратились в нечленораздельный поток ругательств.

Джалад подождал, пока цверг выругается, и неуверенно улыбнулся.

— Я не обижаюсь. — Джалад сокрушенно покачал головой и причесал давно немытый волосы грязной пятерней. — Может быть, ты в чем-то и прав. Давай оставим наши разногласия и просто поговорим о чем-нибудь нейтральном. Например, что это за руины вот в той стороне.

9.

— Клянусь всеми порождениями Бездны! — невольно выдохнул Шмиттеварденгроу. — Чтоб мне провалиться! Горгонад!.. Давненько я здесь не бывал.

— О-о-о! — благоговейно выдохнул Джалад, припав к прутьям.

Справа от каравана на невысоком оплывшем холме громоздились причудливые руины. Многочисленные арки, сотни массивных колонн, уродливые статуи, изогнувшиеся фантазмагорическими фигурами, обломки рухнувших башен и многие мили полуразрушенных стен, переплетавшиеся в замысловатый каменный лабиринт. Более мелкие детали были неразличимы на таком расстоянии, но своеобразная темная аура места накрывала невидимой тенью даже караван, заставляя возниц подгонять лошадей, а стражников и клириков нервно оглядываться.

— Никогда не думал, что когда-нибудь увижу его! — проговорил Джалад, не сводя взгляда с Горгонада. — Конечно, я надеялся, но никогда не думал, что моя мечта сбудется. Самое удивительное, что руины до сих хранят запах темного могущества. — Маг прикрыл глаза и поводил перед носом рукой, как какой-нибудь ценитель дорогих духов пробует новый изысканный аромат.

Шмиттельварденгроу лишь задумчиво пригладил бороду. Он ничего не чувствовал: ни могущества, ни магии. Только холодный ветерок с равнины Горго. Для него Горгонад уже

потерял свое значение — старые, никому не нужные руины. К тому же они будили старые воспоминания, пронизанные горьким ароматом ностальгии. Внезапно он начал говорить, медленно и раздумчиво, словно припоминая полузабытую легенду:

— Когда-то здесь стояли прекрасные башни, тонкие и изящные, выстроенные руками моего народа. Они соединялись сотнями мостиков и галерей. Настоящий дворец. Правда, я уже ничего не строил: мое поколение только воевало. Но я любил здесь отдыхать. Там среди стен были разбиты вечноцветущие сады и рощи. Сама земля была пронизана магией. Ведь чернокнижие может не только разрушать, но и строить. Под городом пролегали сотни миль подземелий, где Горгонадец создавал невиданных доселе существ. Многие из тварей, что сейчас бродят по Эратии, были рождены здесь. И отсюда железная рука вела в бой непобедимые рати. Мы думали, что непобедимые. — Цверг замолчал, вспоминая. Перед его внутренним взором вставали стройные ряды цвергов-секироносцев, одетые в звериные шкуры и вооруженные палицами и костяными колотушками орды дикарей из-за Межевых гор и тысячи тысяч орков, огров и прочих рас, пришедших под знамена Горгонада. Тогда это действительно казалось непреодолимой силой. — Паладинов было много меньше, но, оказалось, что для победы не нужны огромные рати и воинские умения, а воля, смелость и решимость горстки людей, сподобившихся на штурм Горгонада. Не знаю, что тогда случилось. Наверное, Темный просто запаниковал, когда увидел под своими стенами врагов, или еще что. Так или иначе, но все пошло наперекосяк...

— Я слышал это легенду, — кивнул Джалад. — «Эти храбрецы пробрались вовнутрь Темной Цитадели и пронзили зачарованным клинком гнилое сердце Повелителя Зла, и стены обиталища Тьмы пали, лишённые поддержки темной воли своего обитателя» — напыщенно произнес маг голосом многопьющего барда. — Так меня учили с детства. Только где потом подевались эти «храбрецы»? После войны не существует ни одного упоминания о них, кроме Железного Дровосека. Но тот сумел сделать себе карьеру на своих бывших подвигах. Но Воровка, Синий Бельт, Храбрый Низушек и Космач — что с ними стало?

— То мне не ведомо. Мало ли что могло с ними случиться. — вздохнул Шмиттельварденгроу. — Главное, чем все закончилось: поражением и... — цверг осекся.

Он просто не мог в это поверить. Тонкий, практически неосязаемый луч коснулся его. Не стихийная волшба, ни камлание орочьих шаманов — настоящая Тьма.

Шмиттельварденгроу не мог пользоваться магией, но ощущал ее в достаточной мере, чтобы почувствовать следящее заклинание. Очень сложное и незаметное. Вроде мимолетно брошенного взгляда, который, однако, успевает подметить все детали. Достаточно тонкое, чтобы его не могли учуять клирики, сопровождавшие караван.

Луч задержался только на мгновение, но и его хватило, чтобы сердце цверга учащенно забилось, едва не захлебываясь от усердия. Не надо было быть выдающимся чернокнижником, чтобы понять: заклинание исходило откуда-то из руин. Цверг замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Гном довольно долго неподвижно просидел, не реагируя на настойчивые попытки Джалада дозваться до него. Но луч так и не вернулся. Только стук сердца громовым эхом отзывался в ушах. Шмиттеварденгроу облегченно выдохнул:

— У-ух! Покажется ведь такое! — А сам тайком продолжал следить за руинами одним глазом. — Из-за этих воспоминаний всякая ерунда в голову лезет, раздоби мне молот!

Джалад невольно восхитился способностью гнома смотреть в две стороны одновременно; он даже испугался, что цверг от таких усилий серьезно окосеет.

— С тобой все нормально?

— Да-да, — ответил цверг, продолжая следить боковым зрением за разрушенным Горгонадом. — Показалось что-то.

На долю секунды Шмиттеварденгроу уловил какое-то движение среди колонн, но это могло быть что угодно: заплутавший орк или какое-нибудь северное животное, забредшее в руины... Может, и луч был всего лишь игрой воображения, разогретого воспоминаниями? Вскоре цверг уже почти себя в этом убедил. Не осталось никого и ничего — мертвые руины и забытые кости павших на полях сражений.

10.

Легендарная Ганалийская долина по сути и долиной то не являлась. Неизвестно, кто ее так назвал и в честь чего, но одно только упоминание о ней вызывало как у добропорядочных адептов Света, так и у коварных приверженцев Тьмы примерно одни и те же чувства: смесь страха и глубокого желания находиться как можно дальше от нее.

Когда-то в стародавние времена, так давно, что даже у практически бессмертных эльфов-пустынников не осталось об этом сведений, Эратию постиг катаклизм космических масштабов. Огромный астероид, состоящий сплошь из железа и никеля, разбился на этом месте, образовав кратер диаметром несколько десятков миль: огромную, идеально круглую впадину, усыпанную железными осколками. Падение вскрыло также глубокий пласт практически чистого железа, которое, как известно, крайне вредно для любой магии. Дикие племена первых людей обходили это место стороной, разумно рассудив, что там, где магические стихии сходят с ума и любая волшба может скорее прикончить самого колдуна, делать нормальным людям совершенно нечего. А вот ненормальным там самое место: Ганалийская долина стала местом ссылки непримиримых бунтарей, свергнутых правителей, магов-преступников и прочих отщепенцев общества. Эпохи сменялись эпохами, волны великих переселений народов прокатывались по миру, а назначение долины не менялось. Даже когда правил Горгонадец, эта славная традиция не забывалась. Высококачественное железо, добываемое здесь, не закончилось и до сих пор, только шахты все глубже и глубже вгрызались в породу. Те, кому доводилось отбыть тут срок и возвратиться домой, поговаривали, что некоторые шахты доходят до центра мира, в самую глубокую тьму, которая никогда не ведала света, чуждой даже чернокнижникам.

— Славное местечко. — С дрожью в голосе произнес Джалад, выслушав рассказ Шмиттеварденгроу. — Пожалуй, только Бездна может быть хуже.

— Не уверен! — ухмыльнулся цверг. — Скорее всего, легенды об ужасах Ганалийской долины и породили миф о Бездне. Каторжники, говорят, никогда не видят белый свет. Они вкалывают не покладая рук там внизу, старятся и умирают во тьме, практически слепые. — зловеще закончил Шмиттельварденгроу, таинственно сверкая алыми глазами.

О приближении к Ганалийской долине возвестили многочисленные столбы дыма, поднимающиеся над кратером и видимые за много миль вокруг. Ноздри широкого пористого носа цверга затрепетали, чувствуя запах гари. По обе стороны широкого тракта, проложенного сотнями повозок, груженных железом в слитках и уже готовым оружием, земля была черной от копоти. Множество ручейков и рек, стекающих сюда с отрогов Льдистого нагорья, были безнадежно отравлены отходами железоделательного

производства: просто такая же черная, как все вокруг, безжизненная жижа.

В придорожных канавах попадались остовы разбитых телег и разнообразный ржавый металлолом, в котором копошились подозрительные личности в живописных лохмотьях, которые тут же бросались врассыпную при виде каравана, волоча при этом за собой более-менее целые стальные болванки и заготовки под оружие. Иногда рядом с трактом возвышались грубые орочы статуи, поставленные здесь еще во времена Горгонада. Массивные, сложенные из необработанных глыб, они изображали различных божеств из богатого ороczego пантеона. Хоть орки кочевали сейчас далеко на севере, за Лыдыстым нагорьем, но новые хозяева Ганалыйской долины сочли для себя излишним трудом убирать памятники монументального искусства зеленокожих дикарей.

— Клянусь всеми порождениями Бездны! Чтоб меня!.. — неожиданно выпалил Шмиттельварденгроу, ухватившись за прутья и уставившись на одну из статуй.

— Что такое? — встрепенулся Джалад и также подался вперед.

— Дварфы, — хмуро произнес цверг таким тоном, как будто самолично выносил себе смертный приговор.

И в самом деле, для него дела оборачивались не лучшим образом. На той статуи, которая привлекла внимание цверга, красовалась довольно грубая надпись, вырубленная на скорую руку в цельном монолите фундаментального живота каменного монстра. Три слова, выведенных дварфскими рунами: «ЭТО НАША ЗЕМЛЯ».

Скоро показалось еще несколько изваяний, украшенных надписями с подобным содержанием, вроде «ЗДЕСЬ ЖИВУТ СЛАВНЫЕ ДВАРФЫ», «ЧУЖОЙ ЗДЕСЬ ЛИШНИИ и прочее. Чем ближе караван подъезжал к долине, тем фразы становились все более и более угрожающими. В конце концов, на огромном валуне (статуи к этому моменту уже закончились) была выведена на редкость длинная и сложная для простых как гранитная плита дварфов надпись: «ЕСЛИ ТЫ НАМ ВРАГ, ТО ЭТА ЗЕМЛЯ СТАНЕТ ДЛЯ ТЕ МОГИЛОЙ». Внизу мелкими корявыми буквами добавили: «НАДГРОБИЕ МЫ ТЕИ ОБЕСПЕЧИМ». Юмор у дварфов был столь же суров, как и они сами.

— Как-то однообразно, — прокомментировал надписи Джалад, — ни капли фантазии. Вот помню я, когда был помельче...

За две сотни лет цверг научился отлично говорить взглядом. Пожалуй, найти взгляд красноречивее цвергского вряд ли представлялось возможным. В тонком искусстве разговора без слов Шмиттельварденгроу достиг невероятных высот: одних только угрожающих взглядов цверг знал сотни, рассчитанных на широчайший спектр собеседников. Существовал особый взгляд для человека: вместе с угрозой в нем чувствовался легкий аромат презрения, а также щепотка брезгливости. Взгляд для гоблина допускал наличие едва заметной жалости, чтобы длинноухий смог ощутить собственную ущербность. Сложнее всего для обучения взгляд, предназначенный для огра или тролля. Такие толстокожие существа реагируют только на неприкрытую ярость или ненависть, такую, которая ощущается практически на материальном уровне.

Как и многие до него, Джалад понял взгляд цверга без слов и тут же умолк. Правда, он попытался добавить что-то извинительно-просительное, но повторный взгляд отверг его беспочвенные претензии.

Шмиттеварденгроу почувствовал, как его темное сердце екнуло и ушло куда-то в пятки — вид массивного барбакана, нависающего над высоченными воротами из листовой стали, мог привести в душевное смятение любого, даже жестокосердного огра или тролля с его каменной шкурой и не менее каменными мозгами. Цверг всегда утверждал, что ничего не боится. Обычно, это «ничего» само его боялось, но теперь гному пришлось признать, что есть на свете вещи, вызывающие у него трепет и холодный пот в подмышках.

По обыкновению dwarфов надвратное укрепление было сложено из массивных каменных блоков и являло собой кульминацию практичности без какой-либо доли элегантности или хотя бы соразмерности. Просто невероятно тяжеловесное сооружение, готовое, казалось, перестоять даже древнее нагорье, где они были добыты. По верху барбакана шел ряд массивных зубцов, размером превышавших даже самих dwarфов, выглядывавших из-за них.

Когда караван подъехал вплотную к воротам, что-то в глубине крепости дрогнуло, прогрохотало, напоследок ухнуло, и стальные створки со скрежетом принялись раскрываться. Цверг с трудом сглотнул.

Казалось, прошла вечность перед тем, как ворота, повторно вздрогнув, полностью растворились. Огромные тягачи-тарквинии испуганно мотали тяжелыми вытянутыми мордами, норовя задеть неосторожных широкими ребристыми рогами, и шумно фыркали, протестуя против дальнейшего продвижения, так что возницам пришлось поработать хлыстами и вожжами, чтобы заставить слушаться норовистых животных. Dwarфы наблюдали за происходящим и отпускали соленые шуточки — они недолюбливали наглых людишек так же, как и цверги, хоть и сражались на стороне Света. Карликов до сих пор терзала ревность из-за того, что главными плодами победы воспользовались именно люди, а не могучие и храбрые сыновья Гара Мудрого. Ведь что им досталось: проклятая долина на краю земли и продуваемая всеми ветрами бесплодная равнина. И то на правах бессрочной аренды.

— Эй, мягкотелые, вы и с женами так нерешительны? — Похожий на перестук валунов смех dwarфов разнесся по окрестностям, породив многократное эхо.

Под аккомпанемент dwarфских насмешек караван начал спускаться по пологой тропе, вытоптанной сотнями повозками до твердости камня и ширины хорошего торгового тракта.

Долина напоминала огромный вывернутый наизнанку муравейник. Дно кратера было изъедено сотнями шахт, над чьими черными зевами постоянно клубилась рудничная пыль. Серые облака поднимались над ними восходящими ветрами, набравшими в долине невиданную силу, и смешивались с клубами черного угольного дыма, изрыгаемого гигантской железодельной фабрикой, напоминавшей нагромождение игрушек ребенка-великана: кубы, конусы, пирамиды, цилиндры, смешанные в нарочитом хаосе, столь характерном для невзыскательного чувства прекрасного подземных карликов. Под сланцевыми навесами виднелось скопление огромных плавлен, подсвеченных алеющим в недрах железодельной фабрики расплавленным металлом. От шахт к фабрике протянулась целая паутина узкоколеек, по которым ежеминутно сновали вагонетки, груженные рудой, древесным углем, слитками железа и угрюмыми каторжниками. Тянули их худые, черные от пыли и угля, тарквинии с обрезанными рогами. И постоянный рокот работающих машин, грохот колес вагонеток и ругань надсмотрщиков, похожая на перестук валунов камнепада.

— Ой что нас ждет! — причитал Джалад раскачивался из стороны в сторону, стоя на коленях. — Я умру совсем молодым! Мама, за что же ты меня бросила такого непутевого?!

Маг тихо всхлипнул.

— Кончай ныть, огневик, а то вырву тебе язык! — огрызнулся Шмиттеварденгроу, сосредоточенно изучая обстановку. Джалад тут же заткнулся, словно кто-то выключил у него звук. — Вместо того чтобы стонать о своей дхаровой судьбе, лучше внимательно смотри по сторонам.

В ответ Джалад лишь разревелся, размазывая сопли и слезы по чумазому лицу. Шмиттельварденгроу в очередной раз выругался, проклиная судьбу за то, что она связала его с этой бесхребетной тряпкой, которую и есть было бы противно.

Караван остановился совсем недалеко от первого ряда шахт — самых новых, еще совсем не глубоких. Земля под ногами ощутимо подрагивала, как будто горный великан увлеченно бухал ногами, исполняя затейливый великанский танец.

— Руки держим на виду, глаз не поднимать! — зычным голосом выкрикнул командир каравана. — Выгружаемся, сволота темняцкая!

Солдаты церемонится не стали: побежали вдоль колонны, открывая клетки и выталкивая вяло сопротивлявшихся арестантов. Цверг покорно подчинился, не желая получать новые тумачи, лимит на которые он исчерпал еще в Ведьмином Яру. Активно работая глотками, а также увесистыми дубинками они быстро согнали заключенных в одну большую дрожащую толпу. Деревенские мужики, заросшие по самые глаза бородой, какие-то подозрительные личности с воровскими замашками, типы с самыми разбойничьими физиономиями, обезображенными шрамами, сломанными носами и следами от постыдных болезней инстинктивно жались друг к другу. Цверг и маг затесались в глубину толпы так, что полностью скрылись за многочисленными, давно нематыми спинами. Клирики стояли невдалеке и монотонно читали молитвы, ежесекундно кланяясь. Кто-то из толпы выкрикнул:

— Что вы там бормочите, святоши! Рано читать «За упокой». — Раздались редкие и неуверенные смешки. — Я еще не скоро встречусь со Светом!

Командир зло осклабился, и несколько солдат кинулись в толпу, активно работая дубинками. Вскоре наглец был найден и брошен под ноги старшему.

— Что, угостить тебя крепким солдатским сапогом?

— Не стоит, уважаемый! — раздался глухой рокошующий бас. — Не портите мне рабочих. Им еще работать и работать.

Массивный, как три упитанных, но не отличающихся ростом человека, вперед вышел дварф. Несмотря на распространенное мнение, что все дварфы постоянно носят доспехи, этот выглядел вполне цивильно, отдавая предпочтение традиционной человеческой одежде. На нем был кафтан из синего сукна, украшенный серебряными пуговицами с изображением кузнечного молота, подпоясанный широким кожаным ремнем; на его ногах красовались непропорционально большие сапоги из грубой жесткой кожи. Традиционная рыжая гномья борода была заплетена в три толстых косы, заправленных за пояс. Кроме того, на поясе у него висела маленькая ритуальная секира, отлитая из цельного куска серебра, — особый знак высшей касты воинов-священников Стангарона. Старший каравана учтиво поклонился, приложив правую руку к сердцу: видимо, он был знаком с кастовой иерархией дварфов.

— Приветствую тебя, могущественный!

Командир выпрямился и без волнения выдержал тяжелый взгляд темных, истинно дварфских глаз.

— И тебя всех богатства, уважаемый, — улыбнулся гном, и обстановка как-то сразу стала поспокойнее. — Длительный путь. Общество отпетых мерзавцев-шрленгов — не самое

приятное в нашем несовершенном мире. — Дварф специально впустил в разговор ругательное прозвище людей, бытовавшее среди подземных жителей, надеясь поддеть человека. Шмиттельварденгроу хорошо в этом разбирался. Отношения между союзниками были не из тех, что подпадают под определение «дружба народов».

Дварфа сопровождала целая процессия: воины, вооруженные огромными ростовыми топорами и одетые в долгополые кольчуги и простые конические шлемы, мастера-железоделы с красными от жара лицами и курчавыми тускло-черными обгоревшими бородами, мастера-углежоги, покрытые многочисленными слоями копоти и относительно чистый и опрятный низушек-писец, увешанный многочисленными писчими принадлежностями, как дуб игрушками во время праздника Весеннего Равноденствия. Пожалуй, только с низушками, обитавшими в обособленном поселке Глухая Топь, у dwarфов сохранились теплые отношения. Связано это было с некоторыми событиями, произошедшими во время войны.

— Господин Фолвенбранд, разберитесь с формальностями — пора приступать к работе.

Низушек принял из рук клирика лист с реестром новоприбывших и принялся вслух зачитывать имена. Названные выходили вперед под оценивающие взгляды dwarфов; нерасторопных подбадривали пинками и тычками. Дело продвигалось быстро. Шмиттельварденгроу, само собой, оказался в конце списка.

— Аттатуан Шмиттельварденгроу! — выкрикнул господин Фолвенбранд.

Наступила зловещая тишина. Дварфы прекрасно знали, кто такие аттатуаны.

— Так-так-так! — с многообещающей «радостью» хмыкнул главный гном. — С каких это пор сюда зачастили цверги? Просим-просим! Выходи, первый из равных, не мешало бы представиться друг друг лично.

— Зачем нам представляться, каменная рожа? — с вызовом произнес цверг, выглядывая из-под подмышки Джалада. — Я и так тебя прекрасно вижу. Или ты хочешь позавидовать моей прекрасной солидной бороде? Да уж — твоя борода, мягко говоря, не из лучших. У людей и то гуще растет!

— Я сейчас вырву твою бороду по волоску, и тогда мы посмотрим! — вскипел dwarф, уже закатывая рукава, собираясь задать крепкую взбучку наглецу.

— Не спешите, могущественный, — на широкое плечо гнома легла крепкая солдатская рука. — Это заключенный, а не смертник. Законы должны уважаться везде. — Голос командира каравана прямо лучился удовольствием и радостью оттого, что ему подвернулся способ проучить наглого карлика. — Он стоит на земле, подвластной королю, и находится под его защитой. Или вы, могущественный, сомневаетесь в этом?

— Вот именно! Руки прочь от моей великолепной бороды, — поддакнул цверг.

— Нет, — буркнул dwarф, многообещающе сверкнув глазами. Карлик несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь. — Я вас понимаю, уважаемый. Конечно.

Гном пригладил бороду и, не сводя «дружелюбного» взгляда с цверга, начал речь:

— Дорогие мои! — Можно было спорить на что угодно, что все поголовно отдали бы последнюю грязную и рваную рубашку, чтобы перестать быть «дорогими моими». — Я рад приветствовать вас в моем заведении, известном, как исправительная колония каторжного типа «Ганалийская долина». Вам всем очень повезло, — сердечно добавил он. — Мое заведение пользуется заслуженной славой. Наши служащие предлагает обширный набор услуг: крепкий здоровый сон, ежедневные прогулки по интереснейшим местам подземного мира, здоровое питание, различные физические упражнения. И, на мой взгляд, главное:

общение с интереснейшими людьми с уникальными судьбами. Все, как говорится, проверено временем. Кроме того, все должны знать, что меня зовут Норманг Меднобородый и теперь я ваш царь, бог и отец. Мое слово для вас закон. Вы меня поняли?

— Понято, Норманг. — Шмиттельварденгроу ухмыльнулся. — А если память начнет подводить? Все-таки возраст...

Норманг сурово свел кустистые рыжие брови к переносице и ответил:

— А для улучшения памяти и таких, как ты, у нас существует Четвертый забой.

— Основа делового успеха — это планирование, — назидательно поднял длинный узловатый палец Джереми. — Без умелого планирования ты так и не сможешь подняться выше мелкого воришки. Ты думай-думай, и запоминай!

— Угу, — буркнул Джарвус, не вынимая пальца из носа. Может быть, он и думал, но явно не о планировании.

— Думаешь, что произошедшее — это случайность? Нет! Все было тщательно продумано и подготовлено. Я все распланировал на несколько ходов вперед.

— Угу.

— Вот видишь, и теперь я обладатель огромного состояния и больших перспектив.

— Угу.

— Тебе стоит запомнить простую логическую цепочку: планирование — золото — власть. Запомнил?

— Угу. Золото — власть...

— Молодец! Тебя ждет большое будущее.

Честно говоря, Джарвусу было на это наплевать. Он плевал на все: на будущее, на деньги, на людей, на своих братьев-гоблинов, даже на своего дрожайшего дядюшку. Только вот опасался чересчур уж явно это проявлять: все-таки дядя Джереми обладал достаточно сильным влиянием, чтобы, захотев того, превратить его жизнь в ад. Племянник представлял собой тот тип мыслящих существ, которые жили только сегодняшним днем. Вся его жизнь заключалась в трех словах: жратва, бухло и девки. Единственное, что могло заинтересовать тонкую душу Джарвуса, так это легкий способ получить все выше перечисленное. Матушка считала его непутевым. Отец, деда, друзья и братья — все считали непутевым и ленивым. А ленивых в гоблинской среде не любили, и значит быть Джарвусу битым часто и нещадно, если бы не покровительство влиятельного дядюшки, пользовавшегося среди зеленокожих всеобщим уважением.

Джереми, уважая свою сестру, страстно просившую за своего младшего сынка, крепко ухватился за племянника, не давая ему спуску даже за малейший проступок (проступок в понимании гоблина, многие моральные и этические нормы длинноухих весьма расходятся с общепринятыми людскими). И тогда Джарвус с удивлением понял, что для того, чтобы обеспечить себя всем необходимым, надо много и тяжело работать, не гнушаясь даже самыми грязными делишками. Которые тоже делаются — тяжело и долго. Но он был готов на все, лишь бы заслужить одобрение дядюшки, ведь Джарвус уже давно вывел собственную логическую цепочку: дядюшка — трудолюбие — деньги — жратва, бухло и девки. Гоблин с удовольствием выбросил бы этап «трудолюбие», подсократив до привычного «дядюшка — деньги — жратва, бухло и девки», но пойти против воли дядюшки он боялся, поэтому к «трудолюбию» приходилось относиться, как к необходимому злу.

— Славно-славно! — довольно потер руки Джереми. — Как там дела у молодого барона Люквидуса?

— Все в ажуре! — заверил Джарвус, горя от исполнительского пыла. — Фраер быстро

утумкал, что ежели он против нас рыпнется, то придет за ним быстрый карачун. Ага!

— Что за слог! — сморщился Глазастик. — И где же ты такого поднахватался? Наверное, у своих дружков-кобольдов? Надо переводить тебя на какую-нибудь руководящую должность, дабы ты поднакопил немного грамматического чутья, а то так и помрешь шестеркой.

— Я не шестерка! — обиженно насупился Джарвус. — Подо мною и так ходит с десятков быков. Я — голова!

— Сказал бы я, чего ты голова, вернее головка, да сестрица моя обидится. Ладно, что еще?

— Там, это, Мурдел и Гурдел тебя требуют. Говорят, что ежели ты с ними не перебазаришь, то «испытать тебе горя полную чарку». — Последнюю фразу племянник попытался воспроизвести с характерным тролличьим прононсом.

Джеремия на мгновение задумался, ущипнув себя за кончик длинного носа. Так или иначе, вопрос с троллями необходимо было решить. Характерная гоблинская бережливость посоветовала избавиться от них, но в тоже время не менее характерная расчетливость напомнила о том, что тролли могли понадобиться, как специалисты в вопросах определенного рода.

— Ладно, Джарвус, где они?

— В лавке дожидаются.

— И напоследок, Джарвус! Не «перебазарить», а «поговорить»! Запомнил?

— Угу.

2.

— Рад! Рад вас видеть, мои дорогие друзья! — расплылся в профессиональной улыбке Джеремия при виде двух троллей, топтавшихся в его лавке. Хотя на самом деле его больше интересовало, чтобы они не перевернули стойки с многочисленными амулетами и статуэтками, приносящими удачу, возле которых опасно отирался Мурдел — младший из братьев. — Какими судьбами вы оказались в моем скромном заведении?

— Значицца так, Глазастик! — Гурдел, видимо, не испытывал взаимной симпатии к зеленокожему коротышке и не собирался этого скрывать. — Гони наши бабки, или же испытать...

— Знаю-знаю, испытать мне горя полную чарку! — кивнул Джеремия. — К чему столько агрессии. Ведь мы только успели сработаться, стать партнерами... А ведь партнеры должны друг другу помогать, но никак не угрожать!

Голос гоблина был полон практически настоящего сожаления и горя. Тролли недоуменно переглянулись. Гурдел уже менее уверенно сказал:

— Ну дык, это... Мы же и сами не супротив. Только дык серебро...

— Деньги, да... Деньги нужны всем. Я же поспешу вас обрадовать: деньги будут. Не «серебро», а настоящее, блестящее золото. Маленькие такие приятно бренчащие в кошельке желтенькие кругляши. Я люблю эти милые желтые кругляши, а вы?

Тролли, совсем сбитые с толку, согласно кивнули.

Но Джеремия прекрасно понимал, что эти великаны были не из тех, кого можно было долго дурить. Несмотря на туповатую внешность, Гурдел и Мурдел слыли обладателями

отнюдь не тролличьего ума. Братья происходили из небольшого племени, затерянного где-то на Королевском хребте, которое славилось своими охотниками за магами. Можно сказать, что поставка опытных бойцов-антимагов была единственной статьей дохода забитого горного племени. Тролли, происходившие из него, обладали удивительным иммунитетом к магии, который, согласно теории эратийских алхимиков, объяснялся большим количеством железа в их крови. Поколение за поколением естественный отбор и многочисленные войны, в которых участвовали тролли-наемники, произвели существ, почти не боявшихся магии, в присутствии которых любой маг, даже законопослушный, окольцованный Орденом Света, почувствовал бы себя неуютно. К тому же братья служили в королевской армии, в спецвойсках Ордена. Поговаривали, что на счету Гурдела и Мурдела не один десяток невинно убиенных темных магов и некромантов. Джереми был склонен верить этим сведениям, а бойцы такого уровня могли пригодиться и ему.

— Друзья, я вам предлагаю свое долговременное сотрудничество. Я же прекрасно понимаю, что городская стража — это не то, что вы могли бы заслуживать. — Тролли безмолвно переглянулись. Что-то странное блеснуло в их маленьких глазках, утонувших под массивными складчатыми лбами. — Ваши уникальные таланты могли бы сослужить немалую роль в моих дальнейших начинаниях. И можете мне поверить, моя благодарность не будет знать предела! Вы готовы принять мое предложение?

Тролли загадочно переглянулись, и их морды как-то странно вытянулись, приобретя невозмутимость лиц каменных статуй. Нехорошее предчувствие шевельнулось в расчетливой голове Джереми. По его задумке, тролли должны были тут же согласиться, чуть не пускаясь в пляс оттого, что их берут в серьезное дело. Хотя с другой стороны — профессиональные магоборцы! Кто для них какой-то мелкий гоблинский авантюрист из дыры наподобие Ведьминого Яра? «Ага — мелкий! Тогда какого дхара они кукуют стражниками в этой дыре?»

— Мы еще подумаем! — чуть ли не хором выпалили тролли и, дружно развернувшись, двинулись к выходу. Мурдел при этом все-таки задел ненадежные стойки. Небольшая статуэтка гоблинской богини удачи Джулии сорвалась с верхней полки и, коснувшись дощатого пола с дребезжающим звоном, разлетелась на мелкие осколки. Для любого гоблина сие происшествие стало бы дурным предзнаменованием, но только не для Джереми. Глазастик тяжело вздохнул, извлек из-под стойки метлу и совок и аккуратно сгреб осколки в урну. Он не верил в суеверия.

А в это время...

Гурдел и Мурдел спешили к одной неприметной хижине на окраине Ведьминого Яра, притулившейся к неказистой крепостной стене. Ни проливной дождь, ни холод не могли заставить их вернуться в казарму, к теплу, постелям и крепкому низушному элю.

Через ворота их пропустили беспрепятственно: уставший стражник, куковавший у сторожки в собачий час, устало зевнул и кивнул им. А после опять оперся о свое копьё, прикрыв глаза. Они не зажигали факелов. А к чему они им? Как и их далекие родственники, орки, они отлично видели в темноте, однако, вполне терпимо относились к солнечному свету.

Но, как назло, начался дождь. Мелкий и густой, мгновенно покрывший кожу и одежду

влажной пленкой.

Мурдел на повороте чуть не упал в овраг, наполненный дождевой водой, что окружал Ведьмин Яр с северной стороны, около ворот. Только помощь брата помогла ему удержаться. Дождь заливал глаза, застят туманной пеленой окружающую местность, но и это мало мешало братьям. Разбрызгивая лужи и грязь, тролли уверенно шагали за северную сторожевую башню — скорее формальность, чем реальную защиту. У подножия башни скопилось немало жалких хибар, крытых гнилой соломой, дранкой и просто лохмотьями — нечто вроде постоянного двора для крестьян, что не успели к закрытию ворот на ночь. Вот и несколько возков, накрытых дерюгой и мешковиной. Рядом уныло мокли тарквинии и лошади. Тут же прохаживались какие-то люди с дубьем, — видимо, крестьяне, что стояли на страже своей собственности. Местность тут, несмотря на близость городка, была бандитская и опасная.

Нужная хижина нашлась быстро, благо она была несколько больше и ухоженнее, чем остальные, — своеобразный люкс для бедных. На входе под дощатым навесом на деревянном чурбачке сидел крепкий на вид человек в крестьянской рубахе и кожаных штанах. Ворот рубахи был расстегнут, обнажая широченную волосатую грудь. Хотя было довольно холодно, но он даже не подавал виду. Развалившись на чурбачке и вытянув вперед ноги в крепких высоких сапогах, он время от времени прикладывался к большому глиняному кувшину. А рядом стояло еще парочка идентичных емкостей. Опустевших.

Правда, у сидящего в глазах не было ни капли хмеля.

Тролли подошли и коротко поздоровались. Человек кинул на них быстрый взгляд, еще раз приложился к кувшину и только после этого кивнул, мол, проходите. Братья без стука отворили тоненькую дверцу и зашли вовнутрь.

— Что вам надо? — без предисловий и приветствий спросил обитатель хижины. — Какие-то проблемы?

Братья мгновенно вытянулись по стойке «смирно», вперив пустые взгляды куда-то в стену. Не сказать, чтобы они боялись сидящего перед ними человека — для них такое чувство было слишком тонким и малопонятным, что пронять сермяжные тролличьи натуры, — но уважали.

Уважали достаточно, чтобы понимать силу и возможности этого человека. Правда, не совсем человека. Наполовину. А наполовину эльфа-пустынника. Высокий, выше любого человека, чуть ли не с тролля ростом, но гораздо хлипче и тонкококнее. Утонченный даже в грубом кожаном колете и кожаных же штанах, заправленных в узкие сапоги-ботфорты. На тонких элегантных пальцах арфиста — увесистые перстни, так не вяжущиеся с окружающей действительностью: грубой, сколоченной из досок мебели, массивного, окованного железом сундука в углу и сброшенных в кучу одежды и оружия. И, наконец, длинные черные волосы, собранные в хвост на затылке с помощью замысловатого золотого украшения — даже в своем теперешнем положении Героним Аеландский, а именно так звали полуэльфа, не мог отказать себе в остатках роскоши дворцового прошлого.

— Ну... дык это... возникли некоторые вопросы.

Полуэльф удивленно изогнул тонкую элегантную бровь, что протянулась от переносицы до виска, чуть ли не до вытянутого, заостренного уха.

— Вопросы? Скажите пожалуйста, а когда их у вас нет?

Мурдел, начавший разговор, замялся, потупив взор. Слово взял Гурдел.

— Дык... Глазастик предложил нам с ним поработать. Вот!

— И? — предложил уточнить Героним.

— Э-э-э... — тролли переглянулись. — Ну дык... мы решили посоветоваться.

— Ах, вот оно что! — щелкнул пальцами обитатель хижины. — Правда, перед тем, как вы спросите совета, я хочу уточнить: вы согласились?

— Ну... — Гурдел утратил остатки красноречия и теперь с титаническими усилиями пытался связать слова в более-менее осмысленные слова: — Это... ё-мое... дык... в ентом... это... мы и хотим совета!

— Ух! — с притворной усталостью выдохнул полуэльф. — Да уж, шпионы с троллей никакие. Не обижайтесь, друзья. Вы истинные воины — подковерные интриги вам чужды.

Тролли согласно заулыбались.

— Правда, и у меня есть вопрос: Глазастик вас заподозрил? — тут же опечалил их Героним.

Братья стушевались, снова переглянулись, Гурдел открыл было рот, но снова захлопнул челюсти, не проронив ни слова, еще раз посмотрел на брата и только после этого нерешительно начал:

— Мы думаем...

— Вы думаете? — с издевательским удивлением переспросил Героним.

Гурдел не заметил насмешки и честно ответил:

— Да, мы думаем... думаем, что нет.

— Уверены?

— Да... — задумчиво протянул Гурдел, теребя пряжку ремня.

— Ну, тогда ладно. Будем действовать согласно ситуации. Тянуть нам больше не стоит, ведь объект, как вы сказали, уже у гоблина, — полуэльф задумался и добавил. — Осталось лишь провести репатриацию. Вы в курсе плана?

— В курсе!

— Тогда можете идти. Во славу Света и Короны!

— Во славу! — с глухим звуком стукнулись подовые кулачищи в широкие тролличьи груди.

Гурдел и Мурдел бочком вылезли наружу и прикрыли за собой дверь. Героним улыбнулся, покачал головой и снова вернулся к чтению, так бесцеремонно прерванному троллями. Он не злился на них — слишком высокомерен для этого, слишком воспитан и утончен. Тем более иного материала для работы не нашлось. В этой провинции вообще было напряженная обстановка с опытными кадрами, приходилось выбирать из плохих и худших. С троллями еще повезло.

— Эх! — вздохнул Героним, вспоминая столицу, ее роскошь и богатство, тысячи огней королевского дворца и прекрасных придворных дам, готовых не раздумывая кинуться в объятия миловидного полуэльфа. — Эх!

На стол нагло взобрался здоровенный рыжий таракан, шевельнул длинными усищами, которым позавидовал любой кавалерист, пробежал по столешнице и остановился перед миской с остатками еды. Героним опасно сузил глаза и одним щелчком холеных пальцев с аккуратными подпиленными ногтями отправил нахальное насекомое в далекий полет. Стукнувшись об стенку, таракан упал на спину, забил в воздухе тонкими ножками, все-таки перевернулся, с укоризной посмотрел на полуэльфа и скрылся в щели между половицами.

Героним еще раз вздохнул и углубился в чтение.

— Внимание! — Джеремиа аккуратно постучал по столу серебряной ложкой, утихомирявая разбушевавшихся родственников. Большинство замолчало, а самых буйных уgomонили соседи — Джеремию здесь уважали. — Прошу внимания!

Добившись желаемого, Глазастик с умилением улыбнулся, поправил плохо сидящий на нескладной фигуре сюртук и начал речь:

— Я рад, что все вы откликнулись на мое приглашение. — Гости одобрительно загудели, польщенные вниманием и уважением со стороны успешного родственника. — Мне очень приятно видеть всех вас за одним столом, ведь все члены семьи должны держаться друг друга, и вряд ли я добился всего, что имею сейчас, без помощи моих родственников. — После этих слов Джеремиа с улыбкой кивнул двоюродному дяде Джасперу и его сыну Джиссеру, сидящим по левую руку. Те с важностью приняли благодарность: когда-то Джаспер помог подняться Джеремии, снабдил начальным капиталом, то есть разглядел в тщедушном, глазастом гоблине перспективную личность. — Ведь главное для любого уважающего себя гоблина — это семья и его родственники. Потому как в одиночку мы слабы, как тоненький прутик, но если взять много-много таких прутков, связать их в один толстый сноп, то даже самый сильный тролль не сможет переломить их. Так и семья: пока мы вместе, пока мы объединены одной целью — мы непобедимы!

Приглашенные родственники дружно зашумели, захлопали в ладоши, покачивая длинными ушами. Джеремиа с воодушевленной улыбкой окинул зал долгим взглядом и подумал: «Как же, одной целью! Пока я силен, вы будете со мной, но достаточно мне дать слабину, и вы ударите в спину! Вот и приходится союзников воспитывать самому — только тогда я буду знать, что меня не предадут». Гоблин с нежностью посмотрел на равнодушно жующего свиной окорок Джарвуса, похлопал его по плечу и тихо буркнул:

— Нахлебники!

— Чё? — сразу откликнулся племянник.

— Ты кушай-кушай. Не обращай внимание.

Джарвус последовал совету и вновь впился в мясо мелкими острыми зубами. Что бы ни думал о своих родственниках Джеремиа, но он понимал: в будущем без них не обойтись. Даже без троюродной сестры Джиллиан и ее мелкого паскудника Джорджа. Чем хороша гоблинская семья, так только тем, что она всегда готова поддержать своего родственника в начинаниях, сулящих большую выгоду, дабы оторвать и себе кусочек от чужого пирога.

Когда же, наконец, родственнички отсмеялись, отшумели и были готовы внимать дальше, Джеремиа продолжил:

— И сегодня, как никогда, мне необходима помощь семьи! — Гоблины как по команде наострили уши, ловя каждое слово. — Ибо я, наконец-то, приведу в действие свой давний план по захвату мира!

Гости глухо зашумели. Уши многих слушателей мгновенно поникли, Джаспер с удивлением переглянулись с Джиссером, Джоссер — второй сын покойного ныне дядюшки Джильи — и Джилак, старший племянник Джеремии, брат Джарвуса, синхронно покрутили пальцем у виска, мол, странности богатого родственничка окончательно перешли все границы. Глазастик поднял руки, привлекая всеобщее внимание — смотрели на него уже несколько неприязненно, даже презрительно и недовольно.

— Подождите, не спешите с выводами! Ведь вы еще не дослушали меня — я же выражаюсь фигурально.

— Фигурально-мигурально! — буркнула Джиллиан на ухо Джорджу. — Скорее всего, Глазастик вконец свихнулся от своего богатства...

Сказано это было громко и отчетливо, чтобы все могли слышать. Раздались скромные, но весьма отчетливые смешки. Джеремиа бросил мстительный взгляд.

— А ты от своей бедности!

Джиллиан вскочила, длинные зеленые уши дрожали от ярости:

— Да как ты смеешь...

— Хватит! — раздался зычный голос главы семейства — дедушки Джуна. Старый морщинистый гоблин с огромным массивным носом поднялся со своего места, пригладил редкие седые пряди на зеленом черепе и пристально посмотрел на Джиллиан:

— Молчи, несчастная! Лучше бы поучилась у своего братца — он то смог чего-то достичь, в отличие от тебя и твоего отпрыска!

Джиллиан тихо буркнуло что-то вроде «было бы чему учиться», но замолчала, сжав губы в тонкую полоску.

— Прошу, Джеремиа, продолжай, — с теплотой в голосе попросил дедушка Джун.

— Значит так, мой план очень прост: у каждого из присутствующих имеются определенные связи в своих городах, поселках, деревнях и даже, может быть, хуторах. — Гости согласно закивали. — Так вот, вашей первейшей задачей для достижения процветания нашего совместного бизнеса будет...

— Как же! — не выдержала Джиллиан. — Совместного, ну конечно!

— Я что сказал?! — прошипел сквозь зубы дедушка Джун. Небольшой сучковатый посох, что он использовал при ходьбе, он взял на манер дубинки, угрожающе покачивая им в воздухе.

— Но... — попыталась было возмутиться Джиллиан, но тут же смолкла под тяжелым дедушкиным взглядом.

— Еще одно слово — и я выгоню тебя из семьи, — ровным голосом пообещал дедушка Джун и сел на свое место. Справа и слева от него угрюмо зыркали два дюжих внука, по комплекции не уступавшие гномам. — Продолжай, не стесняйся — надеюсь, нас больше не прервут.

— ...будет выход на представителей так называемого теневого бизнеса с рядом конструктивных предложений по консолидации капиталов и организации общей стратегии развития. Если же вы не достигнете желаемых результатов, то разрешается использование всего спектра, гм, специфических средств оперативного убеждения и принуждения.

Лицо дедушки Джуна скукожилась, а глаза почти полностью пропали в глубоких морщинах и складках дряблой светло-зеленой кожи.

— Че? — выдохнул его правый внук — Джофс, почесывая когтем лысую макушку.

— А... — поднял руку Джелекс — двоюродный брат Джеремии.

— А насчет необходимых ресурсов и золота не беспокойтесь, — предупредил вопрос Глазастик. — Я выступлю одновременно и организатором и спонсором мероприятия. А теперь — вопросы!

— А нам чё за выгода? — подал голос один из многочисленных братьев Джарвуса.

— Совместное участие в бизнесе пропорционально вашим достижениям и успехам и, соответственно, влияет на процент, получаемый от прибыли.

— Ага! — вдруг задумался Джелекс. — У меня, кажется, двоюродная тетка замужем за Джоком — нашенским угорским авторитетом.

— Вот, видите! — широко улыбнулся Джеремя. — Родственные связи — уже зацепка. Что еще?

— А карточный долг пойдет?

— Конечно.

— А... а... а... — предложения понеслись со всех сторон. Их было так много, что Глазастик не успевал отвечать.

— Короче, — перекрыл шум и гам Джеремя. — Значит, все с предложением согласны?

— Угу!!! — разом рывкнули внуки-громилы, внимательно выслушав дедушку.

— Прекрасно! — потер руки Джеремя. — Прекрасно! Кушайте, гости, ни в чем себе не отказываете — нам предстоит еще очень много дел...

4.

Пир был великолепен. Некоторые из приглашенных не видели столько еды и за всю свою жизнь. Зеленые ушастые твари наелись и напились до отвала, даже Джиллиан с Джорджем и те не отказали себе в удовольствии, а потом она долго и пространно извинялась перед Джеремией за все сказанное. Глазастик слушал и кивал в такт ее словам, понимая, что это пока, а потом... А потом мало ли что может случиться. Жизнь вообще опасная штука.

Гости разошлись к поздней ночи, кое-кто заночевал в свободных комнатах, а Джеремя и Джарвус остались разбирать завалы из грязной посуды и поломанной мебели — некоторые из родственничков здорово побуянили. Племянник предложил пригласить «быков», но Глазастик решительно отказался — подчиненных и слуг ни один уважающий себя гoblin не приведет в свое родное логово. Про что он и не преминул заметить Джарвусу. Тот лишь кивнул и ответил своим знаменитым:

— Угу.

— Молодец! — похвалил его Джеремя, потрепав патлатые кудри меж длинных ушей. — Ты приберись тут, а я... уэээуу... пойду вздремну — день выдался сегодня на редкость загруженным.

— Угу, — буркнул в ответ Джарвус, меланхолично подметая пол.

Глазастик поднялся к себе, отягощенный выпитым и съеденным. Племянник еще для виду помахал метлой, а через полчаса открыл входную дверь, за которой мокли под морозящим осенним дождем Гурдел и Мурдел. Одеты они были во все черное, на физиономии натянули черные же платки с прорезями для глаз, и каждый имел при себе тяжелую дубинку на поясе.

— Заходим, — прогундосил племянник и приглашающе отступил в сторону. — Только тихо.

— Ну, дык... — начал было Гурдел своим басовитым раскатистым рыком, от которого дребезжали стекла в окнах, но тут же умолк, приласканный братским локтем в область солнечного сплетения.

— Дык я тихо, — шепотом закончил тролль и обиженно засопел.

Тролли как можно тише поднялись на второй этаж, сопровождаемые Джарвусом.

— Он тут, — кивнул племянник на дверь, за которой почивал дядя, посапывая и

похрапывая во сне. — Все как договорились? Мне — половина золота, вам — секира и вторая половина.

— Дык верно все! — кровожадно оскалился Гурдел, мерно ударяя дубинкой по левой ладони. — Будет все в лучшем виде.

Дверь тихо скрипнула. Джеремиа лишь причмокнул и перевернулся на другой бок. Над его кроватью, в кожаной перевязи висел на стене Головоруб, загадочно блестящий в темноте. Лезвие нависало над головой гоблина, похожее на топор палача, занесенный над осужденным преступником. Секира хотела крови — это тролли почувствовали сразу же, как только вошли в спальню. Чутье, тренированное за многие годы в спецвойсках, сработало без задержек и ошибок.

Но и Головоруб почувствовал их. Злое оружие обратило свой кровожадный взгляд на них, лезвие хищно оскалилось полумесяцем голодной улыбки. Гурделу даже показалось, что секира чуть-чуть сдвинулась с места, потянулась к ним.

— Горгонадское отродье! — прошипел Гурдел и взмахнул дубинкой, целясь в голову Джеремиа.

То ли секира предупредила на подсознательном уровне гоблина, то ли он просто услышал тролля, но Джеремиа раскрыл глаза, что тут же вылезли из орбит, скатился с кровати и забился в дальний угол комнаты, зажав в зубах подол ночной рубашки.

— Что вам надо? — тонко выкрикнул он. — Мы... мы же договорились!

— Он нас узнал! — взревел Гурдел и замахнулся дубинкой.

Мурдел без разговоров кинулся к гоблину, расставив длинные руки в стороны. Его сразу стало как-то слишком много, чем не преминул воспользоваться здоровенный шкаф с антресолями. Троль снес его как пушинку, подняв столб пыли. Мебель с грохотом опустилась на кровать, подмяв ее под себя и превратив в месиво из щепок и ошметков постельного белья. Из раскрытой дверцы вывалилась одежда, тряпичной волной затопившая комнату. Вместе с тем, шкаф зацепился за секиру, сорвал ее со стены и по невероятной случайности кинул в руки Джеремиа. Секира на лету развернулась и уютно улеглась в ладонях гоблина.

— Уууаааууу! — взвыл он от прилива невероятной силы и злобы.

Головоруб взвился в воздух, звонко пропев песню кровавой жажды, и опустился на затылок пригнувшегося Мурдела. Гурдел потрясенно застыл. Но в слишком неумелых руках находилась секира: лезвие с разочарованием пронеслось мимо желанной головы и вонзилось в толстую тролличью ляжку. Послышался явственный чмокающий звук, словно кто-то шумно тягивал через соломинку тягучую жидкость. Мурдел неожиданно тонким голосом прокричал:

— Помогите — оно ест меня!

— Ха-ха!!! — безумно выплюнул в лицо троллю Джеремиа, все еще сжимая в руках рукоять секиры, которая, к тому же, даже слегка двигалась в ране. Взад-вперед, наклонялась влево-вправо, прорубая себе путь к кости.

Крик Мурдела уже захлебывался в хрипах и воплях невыносимой боли, когда брат подоспел на помощь, скинув с себя внезапное оцепенение. Хрякнул дубинкой по голове гоблина, вырвал рукоять из слабеющих рук и с невероятным усилием вытащил Головоруб из раны, что присосался к троллю наподобие жуткой стальной пиявки. Но и в руках Гурдела она не задержалась долго. Словно иглу загнали в запястье, и оно мгновенно онемело — оружие, порожденное злом и тьмой, было в ярости на своих обидчиков. Секира отвесно

упала на пол, целясь по Гурделовым пальцам. Тролль едва успел отдернуть ногу, и Головоруб лишь бессильно звякнул, глубоко вонзившись в доски пола.

Мурдел бился на полу, с его губ слетали крупные хлопья пены и пятнали пол. Кровь хлюпала под ногами, впитывалась в валяющуюся одежду, превращая ее в грязные мокрые тряпки. Гурдел в тяжком отчаянии видел, как жизнь вытекает из брата тонким ручейком — ничего он уже поделать не мог. Тролль опустил на колени, хлюпая носом и вытирая слезы на морщинистых щеках, вытащил нож и — один порез под подбородком, там, где у троллей пролегает сердечная жила. Сжал братову голову в своих широких грубых ладонях и прижался лбом ко лбу, безудержно рыдая над телом Мурдела. Сколько жарких битв они прошли вместе, сколько пережили, что бы все закончилось так... глупо.

Что-то сломалось в каменной тролличьей натуре, хрустнуло звонким стеклом и разлетелось на мелкие осколки.

Брат затих быстро, скончавшись уже в полузабытьи. Не от яда проклятого оружия он умер, а от руки родственника, и его душа навсегда останется в чертогах племенных предков, пировать за одним столом с древними воинами. Таково правило: убить раненого соплеменника, чтобы не потерять отважную душу в прожорливой глотке проклятой секиры.

Ветер шелестел занавесками в раскрытом окне, шумел дождь и редела белугой вольная стихия. Джереми и след простыл, лишь кровавый отпечаток узкой ладони на подоконнике. Позади хлопнула дверь — Джарвус сбежал, когда заваруха только началась. Лишь Головоруб крепко застрял в досках и, кажется, неслышно злорадствовал над потерей.

Гурдел поднялся — темная ярость плескалась в черных глазах. Он с силой пнул секиру, та обиженно завибрировала в ответ, мол, за что? На все воля Великого Света.

— Не Света! — поправил себя Гурдел. — Тьмы, мать твою, Тьмы! Будь моя воля, я бы расплющил тебя кузнечным молотом в самом жарком горне, что я смогу найти!

— Руки коротки! — насмешливо проскрипели доски, когда тролль высвобождал секиру. Теперь он заблаговременно обмотал руки тряпицами, да и само оружие завернул в шерстяное одеяло, заглушив голодный звон обиженного Головоруба. Перевязал веревкой и закинул за спину. Брата он бережно поднял на руки и торжественно двинулся к выходу.

Родственники, оставшиеся на ночевку, боязливо посматривали из-за дверей своих комнат, но мешать не посмели. Когда же братья покинули дом Джереми, они тотчас же кинулись обыскивать дом в поисках вожака золотых дел. А золото тем временем шустро убегало к небольшой калитке в городской стене, которой пользовались исключительно в темных целях. Правда, все унести у Джарвуса просто не хватило сил, поэтому гоблин поступил по известному принципу орков: что не съем, то понакусываю. Золото, что не уместилось на щуплых зеленых плечах, благополучно утонуло в выгребной яме около дома.

Возле калитки деревянный палисад практически не охранялся, стража в количестве двух подвыпивших мужиков, увлеченно игравших в кости, сидела в относительно теплой и сухой сторожке — все-таки последний раз Ведьмин Яр штурмовали орочьи банды во время возвышения Горгонадца, и когда-то в это время последний раз и ремонтировались стены.

5.

Джереми вывалился из окна и шмякнулся в мусорную кучу, глубоко погрузившись в залежи гнилых капустных кочерыжек, картофельных очисток и обглоданных костей.

Адреналин еще кипел в крови, а сердце неистово билось в клетке ребер, словно птичка, стремящаяся на свободу. Такого Глазастик не переживал уже давно, а может быть и никогда. Он до сих пор помнил бурлящую силу проклятой секиры, ее неистовую злобу и ярость, жидким пламенем, растекшимся по венам. Благоразумный и рассудительный, в некотором роде даже бессердечный Джеремиа ощутил себя вдруг диким берсеркером, что с пеной на губах кусал край щита и крушил черепа врагов. Правда, силенок в Глазастике было не так уже и много, да и вместо щита — подол ночной сорочки, изжеванный теперь в тонкие влажные лоскутки.

Но холодные помои привели его в чувство, горячка боя схлынула, оставив после себя усталость и ноющую головную боль. Джеремиа с осторожностью потрогал лоб: к пальцам прилипла тонкая корка запекшейся крови, а чуть выше слипшиеся волосы образовали естественную повязку, срывать которую Глазастик не ощущал никакого желания. Он пошевелил ногами и руками, проверяя, все ли в порядке, ничего ли невзначай не сломалось. Слава Святому Свету, но тело было в относительном порядке, не считая разбитой головы, пары синяков и ушибленного копчика.

Сколько раз Джеремиа ругался с соседским лавочником из-за того, что тот постоянно складировал отходы своего бизнеса под стенами гоблинского обиталища. Лавочник каждый раз клятвенно заверял, что это было в последний раз, но каждую ночь с завидной регулярностью появлялись ароматные кучи. И только сегодня Джеремиа готов был расцеловать сволочного торговца и официально разрешить тому устроить свалку под окном спальни, дабы всегда существовала возможность безопасных побегов. Тут в многострадальную зеленую голову пришла печальная мысль, что навряд ли ему удастся вернуться к прежнему существованию. Глазастик с тоской поглядел на темные окна дома: он прекрасно понимал, что кто-то взялся за него всерьез, правда, кто этот неизвестный можно было предполагать сколь угодно долго. Им вполне мог оказаться и баронский сын, спрятавший коварную и мстительную натуру за туповатой маской придурка-вырожденца благородных кровей.

От грустных мыслей Джеремию отвлекла быстрая тень, мелькнувшая в тупичке, куда выходила задняя дверь дома.

Глазастик присмотрелся: мимо него, неся на плечах огромный по сравнению с тщедушным тельцем мешок, нагло пер Джарвус. Мешок с каждым шагом презрительно звякал, как будто смеялся над Глазастиком, мол, смотри, как тебя собственный племянш оставил с носом.

Внутри у гоблина все вскипело, как в недавней схватке, — оскорбленное доверие требовало немедленного и жестокого отмщения. Джеремиа вскочил, забыв о всякой предосторожности, и со всех ног кинулся за Джарвусом. Тот заметил погоню и припустил что есть мочи. Казалось, и мешок ему не мешает. Но дыхание подвело племянника где-то на втором десятке футов: Джарвус замедлился, сипло задышал, как загнанная лошадь и шаг стал неуверенным и заплетающимся. Но золото он все равно не бросил, и, в конце концов, как и полагается, жадность его погубила.

Глазастик настиг его в несколько прыжков и сбил с ног. Мешок отлетел вперед, прогремев рассыпавшимися монетами.

— Ах ты, отродье гхурла! — Глаза Джеремии, и без того выпученные и страшные, вылезли из орбит еще больше — со стороны могло показаться, что они сейчас окончательно выскочат из глазниц и повиснут на ниточках нервов. — Как тебе такое могло прийти в

голову?! Почему ты это сделал?! Я ведь все тебе давал и всему учил, а ты, хлямба гуркула, ударил мне в спину.

— Я не виноват!.. — просипел Джарвус сдавленным голосом — цепкие руки Глазастика, стиснувшие его шею, и не думали ослаблять хватку. — Это все... хрррггг... Героним! Это он меня... хрррггг... надоумил! А у тебя... хрррггг... ххх... — В этот момент хрипы племянника стали особенно сильными и многообещающими, так что Джереми пришлось немного сбавить давление на голосовые связки. — Хууу... у тебя так много золота!..

— Что за Героним? — брызжа слюной, прохрипел Глазастик.

— Это... это один полуэльф, живет за городом под стеной в Ночевке. Крайняя слева хата, там еще амбал на входе сидит. Он... он страшный тип, жуткий такой, особенно когда смотрит в глаза. Мне пришлось согласиться, иначе мне крышка.

— Что еще я должен знать? — Джереми уже немного успокоился и мог рассуждать вполне трезво.

— Кажется, — Джарвус с усилием сглотнул, — он работает на короля. Так Мурдел говорил...

Карточный домик мечтаний и планов Джереми рухнул еще несколько минут назад, когда ему чуть не проломили голову, а теперь же по руинам еще и прошлись тяжелым грязным сапогом, проутюжив остатки последних надежд. Король — это такая сила, против которой не попрешь. Не сдюжит и десяток таких, как Джереми. Короля можно было обмануть, втереться в доверие, на что, вообще-то, и рассчитывал Глазастик, но переходить дорогу власти он никак не собирался. Это раньше короли были добрыми и мудрыми, а теперь настало время жестоких и коварных властителей, для которых подданные лишь инструмент — это в лучшем случае, а чаще всего просто расходный материал, пушечное мясо, как говорят дварфы.

На то, чтобы полностью осмыслить происходящее, Джереми потребовалось несколько секунд. Но, кто бы не стоял за Джарвусом, предательство Глазастик прощать не собирался.

— Даже если бы тебя принуждал сам Горгонадец, ты не мог так поступить! И этому не прощения, ибо ты нарушил святое правило нашего народа: никогда не предавать семью. — Джереми начал вещать, как раньше, когда внушал непутевому родственнику прописные истины теневого бизнеса, но в эту минуту он ничему его учить не собирался. Он выносил приговор. — И тебя ждет суровое наказание: смерть.

Джарвус не успел и пикнуть, когда на его шею сдавили умелые руки Джереми. На стороне племянника была молодость и сила, а на стороне Глазастика — многолетний опыт и праведная ненависть. Пальцы сами собой нашли главную жилу и сдавили ее, перекрывая путь крови к голове. Джарвус почувствовал, как теряет сознание и стремительно несется в темную бездну. Может быть, именно в ту самую Бездну...

А в это время...

Гурдел стоял перед Геронимом и, подняв угрюмый взор, смотрел на него. Там, за широкими черными зрачками зияла звенящая пустота, усыпанная острыми осколками.

— Славно! — Героним восхищенно вертел в руках Головоруба, поглаживая завитки демонических барельефов. — Славно! Такое оружие многого стоит.

— Но не жизни моего брата, — процедил Гурдел, с ног до головы покрытый запекшейся кровью. Чуть в сторонке на лавочке лежало нечто большое, накрытое куском холстины. Из-под края саванна высывалась черная от крови рука да пара грязных сапогов, подбитых железными гвоздями.

— Жаль, конечно, — равнодушно сказал Героним, не отрывая взгляда от секиры. — Но нам, к сожалению, часто доводится жертвовать самым ценным и близким во имя общего дела.

— Чё это за общее дело? Пора уж и рассказать, ежели брата за него угробил.

— Справедливое замечание.

Героним положил Головоруб на стол поверх бумаг и раскрытой книги, а сам склонился над сундуком, обильно украшенным железом и амбарными замками. Полуэльф поколдовал над ними, отщелкнул один за другим, хотя Гурдел и не заметил в его руках ключа, и откинул крышку. Троль не выдержал и заглянул через плечо.

— Я решил, что ты должен знать, зачем все случилось. — Героним поднялся и уступил место Гурделу. — Смотри.

А в сундуке находилось с десяток разновеликих свертков. Что только не пошло на их создание: и выделанная кожа, и куски звериных шкур, и грубый холст, и мешковина, и тончайший шелк, и бархат, шитый золотом и серебром.

— Что это?

— Оружие. Проклятое оружие, — на всякий случай уточнил полуэльф. — Ближайшие родственники секиры. — Он покосился на Головоруба.

Секира, почувствовав, что ее поминают, самодовольно звякнула, лежа на столе, лезвие бросило отблеск чуть презрительной улыбки. Гурдел не выдержал, и сотворил знак Святого Света. Головоруб звякнул теперь по-иному, обиженно, что ли.

— Не стоит, — с мягкой улыбкой остановил тролля Героним, когда тот попытался снова пересветиться. — Им это не нравится. Порождения Тьмы, знаешь ли...

— Дык, но зачем?! — потрясенно спросил Гурдел. — Да весь этот металлолом надобно давно закопать в самой глубокой яме, поближе к Бездне!

— Ты, мой друг, слишком категоричен. — Полуэльф снова обмотал Головоруба в холстину, обвязал веревкой и сложил в сундук, а после повторил загадочные действия с замками. Механизмы щелкнули и надежно закрыли хранилище проклятого оружия. — Сейчас наступают такие времена, когда любое средство необходимо для борьбы.

— Для борьбы с кем?

— Как будто врагов мало! — возмутился Героним. — Враги ж, они как тараканы, есть всегда и везде. Вот ты сейчас стоишь и ласы со мной точишь, а в это время защитники Черных Холмов бьются с дикими степняками. Ты вот это знаешь?

— Не-а, — удивленно поскреб макушку троль. — Дык, шо ж ента получается: война, чё ли?

— Война, мой друг, война. Степняки будут пострашнее Горгонадца. Представь, они пьют кровь младенцев!

— Да ну!

— Ну да. А особенно им по нутру кровь младеней твоего народа, маленьких таких тролльчат!

— Дык я их!.. — Гурдел инстинктивно схватился за рукоять дубинки, все еще висевшей у него на поясе.

— Мы и так делаем все, что можем, — тяжело вздохнул Героним. — Боремся с угрозой, не покладая рук... — Полуэльф с сомнением посмотрел на массивные ладони тролля, раза в три шире его узкой элегантной ручки. — ...И лап. Вот почему и твой брат погиб не зря. За великое дело положил он живот свой!

— Дык, оружие-то проклятое, Тьмой изрыгнутое и Злом помеченное!

— Друг мой! — устало присел Героним, словно беседа его утомила, особенно то, что приходится объяснять такие элементарные вещи. — Друг мой, когда нам угрожает зло великое, не грех и к злу малому обратиться. Исключительно для защиты!

— Дык, мало десяти клинков, чё бы войско вооружить.

— Во-первых, не я один собираю оружие. Таких королевских порученцев по всей Эратии немало. Всех вместе будет около тысячи клинков...

— Дык, все равно мало!

— Не перебивай! А во-вторых, не как оружие они нужны нам, а как средство магической поддержки.

— Чего?

— В каждой такой секире есть сила: большая и маленькая, очень злая и так, более-менее. Каждый клинок отправляется в Цитадель Света, где проходит определенный обряд, какой, мне не ведомо. Да и не наше это дело, а тех, кто наверху.

Героним для дополнительной аргументации своих слов ткнул пальцем в сторону потолка. Гурдел проследил за направлением, но ничего, кроме полусгнивших досок и ажурной паутины не увидел, но для важности кивнул:

— Угу.

— Теперь ты знаешь все! Каково твое решение: быть с нами или идти своей дорогой? Сам понимаешь, чтобы смерть твоего брата не была напрасной. — А брательник, как чувствовал в этот момент Героним, уже ощутимо пахивал да успел лавку и пол под ней изрядно перепачкать кровью.

«Придется мыть. Самому» — промелькнула философская мысль в голове полуэльфа, и взгляд как бы сам собой зацепился за швабру и деревянное ведро в углу.

— Дык я, наверное, согласен — делать-то мне уже нечего.

— Правильный ответ, мой друг. — Полуэльф ободряюще похлопал Гурдела по плечу.

6.

Конечно, тролли — хорошие ребята, но тугодумы и немного того, малопонятливы — в общем. Так что общение с одним из их представителем, пусть и весьма одаренным по меркам этого сурового племени, изрядно утомило, и Героним был только рад, когда удалось выпроводить Гурдела вместе с его непутевым, а теперь еще и мертвым братцем. Помог троллю Артеран — громилоподобный тип, вечно хмурый и молчаливый, дежуривший у двери хижины полуэльфа. Хотя он и был человеком, но статью уступал троллю совсем чуть-чуть, и, что больше всего нравилось Герониму, практически никогда не разговаривал, ни о чем не спрашивал и лишь молча выполнял приказы и распоряжения своего остроухого босса. Кроме того, Артеран ни с кем не общался, не имел ни родственников, ни друзей — баклаги и кувшины с чем-нибудь горячительным успешно заменяли и тех, и других... Пил Артеран всегда и много, но Героним еще ни разу не видел его пьяным или даже слегка навеселе.

Порой складывалось впечатление, что алкоголь на вышибалу не действует вообще, и потреблял он его исключительно в качестве топлива, как печка поглощает дрова, чтобы согреть тела и души домочадцев.

— Наконец-то! — удовлетворенно выдохнул полуэльф, когда Гурдел, его дохлый братец и Артеран скрылись за дверью. Перед этим Артеран получил четкие указания никого не пускать, кроме кого-нибудь действительно важного. Кто будет этим важным, дескать, и сам поймешь.

Необходимая бумага нашлась сразу — у Геронима была хорошая привычка хранить важные документы в специально отведенных для этого местах, вроде тайника под половицами. Деревянный пол в таких домах был роскошью, крестьяне и случайные путники обходились обычным земляным, но хибару полуэльфа постоянно подмывало во время дождей, и образовывалось нечто вроде домашнего болотца. Поэтому в первый же день своего здесь пребывания, когда он вплотную столкнулся с дурнопахнущей жижей, заливавшей его дом, Героним приказал Артерану вырыть небольшой дренажный канал и положить пол из подручных средств. При этом, правда, пришлось разобрать на стройматериалы соседскую хижину, а ее обитателя — нечёсаного и немытого типа неопределенного пола — принудительно выселить на пустырь. Тип принял все случившееся с философским стоицизмом, и возражать не стал.

А бумага-то была очень важной, фактически она являлась основным руководящим документом, на основании которого полуэльф и развернул свою деятельность. Значилось там десять пунктов со схожим, в общем-то, содержанием: меч такой-то, кинжал такой-то, топор такой-то и так далее. Героним не знал, что послужило основанием для создания подобного списка: старинная хроника, воспоминания бывшего солдата горгонадских полчищ или показания осужденного на долговременное заточение в стенах Цитадели Света. Но, во всяком случае, выглядело все очень подозрительным.

Полуэльф нашел секиру в списке, благо секир имелось не так уж и много — всего лишь одна. И прозывалась она довольно зловеще.

— Головоруб — надо же! — хмыкнул Героним. — Мрачная какая-то фантазия у цвергов.

А тут нечему было удивляться: у темного народа и фантазии темные.

Что касается самого списка, то полуэльф редко задумывался над перипетиями создания документа. Темное это дело, как и все, что касалось проклятого оружия. Цитадель хранила свои секреты трепетно и надежно, как мать свое дитя, да и лезть в ее дела Героним не горел особым желанием, а то ведь можно лишиться слишком любопытного носа вкупе с головой. Это похуже будет, чем даже интрижка с королевской любовницей.

Полуэльф, высунув от усердия кончик языка, аккуратно вычеркнул Головоруба, тем и закончив список. Все, что можно было собрать, было собрано, все, что можно вычеркнуть, вычеркнуто. Теперь дело за малым — вызвать посланника Цитадели. Ну, если говорить по правде, не совсем и малым. Ведь в дело предстояло вступить магии, а то вестник из плоти и крови слишком ненадежен для таких дел. Существовала даже специальная директива, согласно которой «филиалы и отделы региональные Цитадели Света обязаны извещать организацию с помощью магии альбо духов низших закабаленных, ибо в обязательство ихнее входит секретность строжайшая посланий и донесений важных».

Магия — штука тонкая. Есть и стихийная, а есть и чернокнижная, запрещенная святейшим указом Светлого Синода. И как все, порожденное Бездной и силой, черпаемой из

нее, темная волшба весьма и весьма соблазнительна: простая и одновременно могущественная. Но, к тому же, и развращающая невероятно. Сила Бездны разлита повсюду, и хватает ее с избытком, ведь Эратия очень близка с Бездной, как соседние струны на арфе. Близки-то — близки, а вот перешагнуть нельзя, нету таких дорожек, кроме смерти, а магия, погляди, хлещет полноводной рекой — для нее не существует преград. Пользуйся, черпай ведрами, вот только не лопни. Горгонадец ведь тоже считал себя всемогущим и бездонным, но магия как бурлящий поток: один неверный шаг, лишний глоток и захлебнешься, не выплывешь. Вот такое хитрое дело. А стихийная магия совсем другая.

Силы стихийной тоже много, но попробуй, вырви ее у природы. Надорвешься и, бывало, ничего не получишь. Воздух — стихия ненадежная, ветреная. Вызовут дождик для увлажнения полей или солнечный денек для хорошего настроения, но потом надо следить, чтобы дождь не превратился в потоп, а теплое солнце не вызвало страшной засуху.

Земля — антагонист Воздуха. Стихия инертная, тяжелая на подъем. Сам умаешься, а она даже не откликнется. Требуется тут немалое искусство и внутренняя человеческая сила огромная, чтобы выдюжить Землю.

Вода же похожа одновременно и на Воздух, и на Землю. То раскопегарить ее тяжело, то утихомирить нету сил. Двойственная стихия, и тем опасная: никогда не знаешь, чего от нее ожидать.

А Огонь совсем другое дело. Стихия та податливая как глина, удобная как кровать и надежная как амбарный замок, сработанный дварфами. Делай с ней, что хочешь: бросайся во врага огнешарами, призывай духов огня — саламандр. Одна проблема: мало ее. Обыкновенного костра хватает на два-три заклинания средней силы, а что-нибудь серьезное чародеить надо у очень сильного пламени: кузнечного горна, горящего озера с земляным маслом, а лучше сама суть огня, изрыгнутая из-под земли. На зря самые могущественные огненные маги обитают в Джаффе — стране действующих вулканов и лавовых рек.

Но для дела, задуманного Геронимом, сойдет и слабое пламя самодельной печки, едва согревавшей убогую лачугу. Полуэльф подкинул пару чурбачков для надежности, чтобы огонь в самый ответственный момент не погас. Присел возле печки, вытянул руки ладонями вперед, словно хотел согреться, и прикрыл глаза. С его губ слетели первые слова заклинания:

— Пламя жадное, пламя верное, огонь подземный и огонь небесный откликнись на просьбу и пришли вестника своего верного для дела правильного и хорошего. Услышь меня, опаляющая стихия...

Остальные слова превратились в неразборчивое бормотание. Оранжево-красные отблески легли на худощавое лицо. Огонь взвился, выскочил из темницы очага, чуть не опаляя брови. Пламя как-то странно дернулось, выгнулось дугой в сторону заклинателя и выплюнуло из себя маленький оранжевый шарик. Саламандра поднялась ближе к лицу Геронима, на гладкой как стекло поверхности проявились маленькие алые глазки, аккуратный ротик с пухлыми губками. Полуэльф раскрыл глаза.

— Чего надо? — зевнув, пискнул дух.

— Послание передать.

— Слушаю, — сказано это было таким усталым голосом, словно бедный дух только то и делал, что носился по миру, передавая письма и вести.

— Дело закончено, комплект собран, жду ревизии.

— Адрес?

— Цитадель Света, лично командору Хорасу.

- Камин, печка, костер?
- Камин, большой такой, горит все время. Хорас стар уже, греет постоянно свои кости.
- Ну ясно, я полетел что ли?
- Давай, до встречи.
- Угу, — пискнула напоследок саламандра и снова нырнула в огонь.

Теперь можно не опасаться, донесение будет доставлено до адресата и никто лишний его не узнает. Героним вздохнул с облегчением, смахнул редкие капли пота, выступившие на лбу, и прилег на узкую лежанку в углу возле печки, ногами к горячей стенке. Теперь можно и расслабиться — ждать оставалось еще два дня — столько времени потребуется, чтобы доскакать от Цитадели до Ведьминого Яра ревизорам. Они-то и заберут с собой сундук с трофеями, а, может быть, и самого полуэльфа, которому так надоели грязные простолюдины, грязный город, грязный дом... Героним спал, и снились ему Королевский дворец, огни Торгмара и ежегодный бал в честь королевы.

7.

Быстрокрылый дух, который вовсе не имел крыльев, но зато знал тайные пути пламени, насквозь пронизывающие мир, буквально за несколько минут донес сообщения до командора Хораса.

Старый паладин как всегда дремал в глубоком мягком кресле напротив пышущего жара огромного камина. Хорас завернулся в многочисленные одеяла, но все равно продолжал мерзнуть: странный недуг поразил крепкое тело. Ни молитвы клириков, ни запретные смеси ведьм и целителей не могли излечить Хораса, они даже не могли понять, отчего он страдает. Болезнь пришла внезапно и за один день поселила в членах мерзкий холод, все ближе и ближе подбирающийся к сердцу. Месяц за месяцем, год за годом, хворь подтачивала крепкое тело, пока могучий некогда паладин не превратился в трясущегося старика, который уже едва мог таскать священные доспехи. Теперь они пылились без дела в углу комнаты Хораса на деревянном каркасе, и, будто стальной двойник, олицетворяющий силу и славу рыцаря Света, презрительно подмигивали огненно-красными бликами полированного металла.

Хорас выпростал исхудалую руку из вороха мехов, пригубил из чаши с согревающим отваром. На короткое время обжигающая жидкость потеснила болезнь, делая кровь снова горячей, как в молодости, но и она не смогла надолго сдержать телесный лед: призрак тепла сжался в студеном объятиях и растворился в бездонном море холода. Когда паладина снова скрутил жесточайший приступ озноба, из огненной бездны камина выскочила маленькая оранжевая сфера и зависла перед морщинистым лицом. Почувствовав на лице жар, Хорас раскрыл глаза.

— Командор Хорас? — маленькое личико умилительно сжалось, сию секунду приняв серьезное выражение, столь ему не свойственное.

— Он самый, — сквозь кашель прохрипел командор. Но от появления саламандры стало легче и покойнее. Болезнь затаилась в глубине организма и лишь сверкала льдисто-голубыми глазами в терпеливом ожидании.

— Сообщение от Геронима: «Дело закончено, комплект собран, жду ревизии».

— Славно! — Впервые за много дней приятное известие: Магистр будет рад. Командор Хорас позволил себе мимолетную улыбку. — Спасибо. Можешь идти.

— Пока! — пискнула саламандра и растворилась в огне.

Паладин залпом осушил согревающий настой, загнав болезнь поглубже, откинул меха, морщась от холода, и встал на ноги. Голова закружилась, повело прямо в жаркий огонь. На мгновение Хорас позволил себе слабость, подумал: «А ведь в огне не так уж и плохо, хотя бы там нет этого проклятого холода, замораживающего кишки в тугой ком. Один шаг — и тепло. Горячо. Жарко!». И потом в течение нескольких минут клял себя за греховный порыв и вспоминал молитвы из Светоча Веры.

Посчитав, что такого искупления пока достаточно, практически недрогнувшей рукой стукнул в небольшой бронзовый гонг. В эту же секунду на пороге комнаты возник оруженосец в легком доспехе и благоговейном выражении на лице: как же, герой войны с Горгонадом, победитель Темной гвардии, Истребитель нечисти. Внутри закипал гнев на себя, на молодого оруженосца, на самого Магистра, на всех тех, кто окружал его и сочувственно улыбался ему. Как же Хорас ненавидел эти сочувствующие улыбки, но смирение, которому учат клирики и Светоч, не давало разродиться гневу.

— Помоги мне, мой мальчик, — практически прошептал командор, опираясь на вырезанный из железного дуба посох. Латный воротник каторжной цепью тянул вниз и натирал шею, давил на грудь, стесняя дыхание, что Хорас давно решил про себя, что последнюю регалию паладина с него снимет только смерть. — Проводи меня к Магистру.

— Слушаюсь, мастер Хорас! — с готовностью подставил плечо услужливый оруженосец и повел многочисленными темными коридорами и галереями, мимо келий рыцарей и клириков, молитвенных залов и оружейных, пока не остановились перед простой, но надежной дверью. Такую и тараном за раз не пробьешь. Оруженосец осторожно постучал.

За дверью послышался металлический лязг, возня и лишь потом раздался гулкий, словно из трубы голос:

— Войдите.

Полутьму, царившую в кабинете Магистра, нарушал лишь эльфийский волшебный светильник, наполненный солнечным песком из далеких пустынь Ливарэля. За широким письменным столом, обложившись ворохом бумаг и странных фолиантов, сверкал стальными плечами широкоплечий до неприличия человек в полном доспехе. На зеркальной поверхности нагрудника сверкало самоцветами Пламя Веры: семь изгибающихся линий, исходящих из одной точки, образующихся некое подобие пламени. Прорези клювастого забрала как всегда были полны тьмы. Заклепки, соединяющие его со шлемом, сверкали маленькими брильянтами, искусно вставленными в стальные шляпки.

— Важное сообщение, Магистр! — Хорас не стал утруждать себя церемониалом и примостился на стуле для гостей. Проклятый холод уже щекотал спину ледяными пальцами. Оруженосец, подчиняясь движению руки Магистра, скрылся за дверью. — Да и не тот это недуг, что поддается лечению. Сами знаете, сколько средств опробовано, остается лишь уповать на Свет...

Только Хорас мог позволить себе такое панибратское обращение к Магистру, ибо он неизмеримо давно, как уже кажется сейчас, служил в отряде Железного Дровосека — сильнейшего и искуснейшего паладина, никогда не снимавшего сверкающие доспехи и рубившего врагов, подобно тому, как лесоруб валит столетние деревья. За что он, кстати, и получил свое прозвище. Это был тот самый отряд, что самоубийственно штурмовал Горгонад вместе с небольшой компанией dwarфов, низушков и людей. И из всего отряда, лишь двое остались в живых: Хорас и Железный Дровосек. Дровосек, шатающийся от усталости,

выкрикнул из последних сил вызов на поединок чести, даже не рассчитывая на то, что враг откликнется. Но он ошибался. Горгонадец принял вызов, и паладин вошел во врата вражеской столицы. Вернулся он только через два дня, и две ночи, неся в руках уродливую голову темного волшебника. И в эту же минуту Горгонад пал.

— Да верно! — Из-за шлема, опирающегося на широкие магистерские плечи, Хорас не заметил кивка. — Только Свет поможет нам. Так что за сообщение?

— Помните полуэльфа по имени Героним?

— Ну конечно! Это тот милый молодой человек, чуть не наставивший рога Его Величеству? — Смех Магистра получился каким-то приглушенным с примесью металлического скрипа.

— Он самый! — кивнул Хорас. — Он исполнил задание — оружие собрано.

— Точно?! — Магистр подался вперед, опершись руками, закованными в латные перчатки, о столешницу.

— У меня нет причин сомневаться.

— Прекрасно! — Магистр в возбуждении вскочил и стал расхаживать по кабинету, грохоча при каждом шаге доспехами. — Прекрасно! Скоро мы запустим горны...

— Что, простите? — Командор впервые видел своего командира в таком возбужденном состоянии. Обычно, Железный Дровосек держался спокойно, был предельно вежливо даже с простолюдинами и чуть отстранен, как и подобало магистру Ордена Света. Такой взрыв чувств был ему несвойственен. Хорас помнил, что даже перед сражением с Горгонадцем, будущий Магистр был совершенно спокоен.

И вообще, с точки зрения командора после той войны его командир сильно изменился, казалось, он даже немного раздался в плечах. Голос стал ниже, или это только казалось, ведь стальной шлем сильно искажал звуки. И это странное долголетие... Хораса болезнь все больше пригибала к земле, а Магистру все было нипочем: чудовищно тяжелые доспехи он носил легко, как пушинку, и вряд ли бы даже сегодня нашелся бы рыцарь, искуснее его в фехтовании. Может быть, благословение Света за совершенный подвиг? Хорасу хотелось верить, но червь сомнения точил его не хуже болезни.

— Все просто великолепно, друг мой! Первая половина плана приведена в исполнение! Необходимо как можно быстрее доставить оружие ко мне.

— А Героним?

— Полуэльф? — Магистр хмыкнул. — Он должен пропасть, сгинуть без следа.

— Но...

— Это необходимая жертва, Хорас, — Магистр подошел ближе и положил руку на плечо командору. Даже сквозь плотную ткань он почувствовал ледяное прикосновение металла. — Свет простит нас и поймет. А Героним и так не жилец: вряд ли Его Величество оставит беднягу в покое.

Внезапно тусклый свет упал таким образом, что осветил прорези забрала, и Хорас увидел глаза Магистра. Голубые, как древний лед, и столь же холодные. Глаза показались лишь на мгновение, чтобы затем скрыться в густых тенях.

— Иди отдыхай, друг мой, а я сам разберусь со всеми делами. Тебе нужен крепкий здоровый сон — я распорядюсь, чтобы тебе помогли.

Знакомый оруженосец вывел растерянного командора из кабинета и отвел в его комнату, уложил в кровать под белым, шитым серебром балдахин, подкинул дров в камин и прикрыл за собой дверь. А Хорас все никак не мог прийти в себя, ведь он помнил, что

глаза у Железного Дровосека были серо-стальными, под цвет его лат.

8.

Тройка всадников в белоснежных плащах через час покинула ворота Цитадели и галопом рванули на юго-восток, к Ведьминому Яру через полноводную Фейзану. Плащи развевались за плечами огромными сверкающими из-за серебряных нитей, искусно вшитых в ткань, знаменами, не скрывая блеск зеркальных доспехов. Паладинам не от кого было скрываться или чего-то стесняться. Простолюдины и благородные с поклонами уступали им дорогу, а рыцари без устали неслись к своей цели. Каждые десять миль они меняли лошадей в трактирах и постоянных дворах: хозяева были только рада поспособствовать Ордену Света и получить за это благословение у клирика.

Миля пролетала за милей, а паладины ни разу не остановились на постоялом дворе, не сняли священных лат. Башня барона Ведьминога Яра показалась на исходе второго дня, как и рассчитывал Героним. И перед самым закатом всадники подъехали к трущобам, притаившимся у стены города. И застыли в нерешительности. На этом информированность посланцев заканчивалась.

К тому же, вся беда была в том, что при виде паладинов обитатели трущоб мигом попрятались по своим крысиным норам, ослепленные сиянием справедливости, как сказали бы сами паладины, или, что будет ближе к правде, испугавшиеся известных на всю Эратию зеркальных лат. Только один паренек, сотрясаемой крупной дрожью возле повозки, груженной капустой и морковью, застыл на месте: он одновременно боялся и паладинов, и крепкого отцовского кулака, потому и дрожал осиновым листом под острым как полуторные мечи у пояса взглядом всадников.

— Эй ты! — властно позвал его один из паладинов с серебряной капитанской вязью на стальном нагруднике. — Желаете помочь Свету?

— Д-д-да... — выдавил из себя паренек. Его «да» получилось больше похожим на сдавленный выдох, будто ему со всего маху саданули под дых.

— Знаешь, где можно найти Геронима?

— Н-н-нет.

— А странных незнакомцев не видел? Эльфов, например?

Паренек снова мотнул головой, но неожиданно его чумазое лицо осветилось умственной деятельностью.

— Эльфов не видел, но полуэльф есть один. Живет в конце енттой улицы, в самом лучшем доме, только давно он тут живет, с год — не меньше.

— Прибудет с тобой Свет! — торжественно произнес паладин и подкинул в воздух золотой софлер с профилем царствующего монарха. Проявив недюжинную ловкость, наблюдательный парень поймал его и мигом припрятал за пазухой. Склонился в благодарном поклоне.

— Вперед. — Могучие рыцарские кони двинулись дальше, повинувшись властному движению латной рукавицы.

От чтения Геронима отвлекло неясный грохот, раздавшийся за дверью.

— Хозяин велел не пущать! — авторитетно заявил Артеран. — Кто такие?

— Ты что ли ослеп — латы не видишь? Мы верные рыцари Ордена...

— Да мало ли кто мог зашиться в эти стальные бочки! Кто такие, еще раз спрашиваю?

«Ой, дурак!» — пронеслось в голове полуэльфа. Он, не дожидаясь печального конца спора — Героним уже различал, благодаря своему острому слуху, шорох извлекаемых из ножен мечей, резко раскрыл дверь и, лучезарно улыбаясь, склонился в элегантном придворном реверансе.

— Мы крайне рады видеть воинов Света в нашей скромной обители! Простите моему спутнику его невежество!

— Может быть... — процедил капитан, сверкая недобрыми глазами сквозь прорези забрала. Но меч благополучно снова скрылся в ножнах. Его примеру последовали и остальные паладины. Лишь Артеран продолжал постукивать по ладони короткой дубинкой, обитой железными полосами.

— Проходите, — Героним услужливо уступил дорогу паладинам.

Те молча прошли вовнутрь, сопровождаемые колючим взглядом вышибалы. Тот им откровенно не доверял. «Странно!» — подумал полуэльф. — «И как я умудрился найти единственного на всю Эратию человека, не доверяющего Ордену?» Героним конечно преувеличивал: Артеран не был одинок, но таких индивидов все равно было слишком мало.

— Не желаете чего-нибудь выпить? — извивался в лабиринте угодливости полуэльф. — Или поесть? Так я быстро распоряджусь. Может быть, желаете отдохнуть после дороги?

Капитан с сомнением оглядел узкий лежак, застланный серым бельем, и перевел взгляд на Геронима.

— Мы пришли по делу, а не для того, чтобы лакать вино!

— Само собой! Само собой! А вот и оружие!

Героним выдвинул тяжелый сундук из-под стола и услужливо раскрыл крышку. Протянул бумажку со списком.

— Все согласно реестру.

— Проверим, — кивнул капитан и быстро пробежался глазами по списку, ежесекундно сравнивая его и имеющееся в наличии оружие. Изучение недлинного в общем списка заняло у рыцаря не меньше четверти часа.

— Все хорошо, — улыбнулся под забралом капитан, так что Героним не увидел эту улыбку, иначе она могла показаться ему двусмысленной. — Все просто замечательно. Орден Света благодарен за службу и готов достойно вознаградить. Флетт, убей его!

Героним не успел даже удивиться, настолько неожиданным оказался этот приказ. А паладин Флетт уже извлек из ножен длинный кинжал и кинулся в атаку. Ему бы гораздо сподручнее было бы рубануть полуэльфа мечом, тогда бы его точно ничего не спасло, но хижина была слишком тесной для меча.

Древние инстинкты отца-эльфа, дремавшие под спудом сознания, среагировали гораздо быстрее разума, отбросив Геронима к дальней стене. Флетт продолжал надвигаться, сжимая в руках смертоносное лезвие. Полуэльф, повинуясь скорее наитию, чем трезвому рассудку, пинком опрокинул стол, отделяя себя от паладина. Но и второй паладин продолжал надвигаться, покачивая шестопером.

— Артеран! — в истерике выкрикнул Героним, и тотчас же входная дверь взорвалась облаком щепы, и что-то невероятно быстрое и тяжелое врезалось в первого паладина. Воин с грохотом повалился, зацепив при этом какие-то глиняные тарелки и бутылки, а также и сундук с оружием.

Второй паладин попытался защититься от смерча, именуемого Артераном, но все равно

не избег дубинки. Стальной шлем от тяжелого удара загудел боевым барабаном. Капитан оказался гораздо расторопнее своего подчиненного. Рыцарь ловко увернулся от очередного удара, пропуская утяжеленную железом дубинку над собой. Инерция казавшегося неотразимого удара увела Артерана в сторону, из-за чего паладин на время исчез из его поля зрения. Вышибала также не заметил стремительный росчерк короткого лезвия. И так не успел ничего предпринять, когда капитанский кинжал на добрых две ладони вошел в живот Артерана.

Полуэльф, испуганно наблюдал за схваткой, когда его верный слуга умер, и тогда он понял, что следующим на очереди окажется именно он. Героним быстро оценил сложившуюся ситуацию. К двери не прорваться — дорогу перекрывали уже снова готовые к бою паладины, оставался лишь один путь: в стене, к которой прижимался полуэльф, имелось слабое место. Тонкая доска, закрывавшая огромную дыру, сделанную летом неуклюжим тарквинием, держалась лишь на паре гвоздей — оставалось чем-нибудь выбить ее.

Рука само собой нащупала рифленую рукоять и крепко сжалась вокруг жутких барельефов, полностью покрывавших цвергскую секиру. Героним не понимал, что он делает, но оружие уже покоилось в профессиональном хвате опытного секироносца, хотя полуэльф из оружия умел обращаться только со столовыми приборами. Он не понимал откуда у него в голове возникли эти знания, но ему было уже не важно: внутри закипала кровавая ярость берсерка. Героним издал неразборчивое горловое рычание и бросился вперед, ловко скользя на полусогнутых. Ярость, возбужденная секирой, и первобытные инстинкты остроухих предков слились в жутком тандеме, яростно требовавшем крови.

Головоруб застонал в предвкушении. Полукруглое лезвие взметнулось в воздух, чуть не задев потолочные стропила, и скорее пнуло противника, чем ударило. Но и этого оказалось достаточно. Острый загнутый конец как тонкую бумагу пробил доспехи и раздробил ключицу паладина Флетта. Кровь хлынула у того из щелей забрала, ноги подкосились, и мертвый паладин железным хламом рухнул на пол. Головоруб отчаянно завибрировал в руках, впитывая душу убитого паладина, и отчего слегка приспустил вожжи, управляющие полуэльфом, и Героним чуть не выронил оружие. Секира в ответ снова застонала, но уже недовольно, словно досадуя на еще одного неумелого и слабого духом хозяина.

Капитан, разъяренный неожиданным сопротивлением полуэльфа, пер вперед, рисуя в воздухе блестящие ленты ложных выпадов, отвлекая внимание врага, а второй паладин, отошедший от удара по голове, поступил более хитро: стал обходить Геронима со стороны.

Героним чуть не пропустил смертоносный выпад кинжала, но Головоруб среагировал быстрее, легко отбив клинок и тут же ударив в ответ. Но капитан ожидал этого и ловко уклонился, снова пуская кинжал в дело. Секира коротко звякнула в ответ; клинок, попавший в захват между нижним краем лезвием и рукояти, вывернулся из руки паладина и отлетел в дальний угол. Полуэльф не медля нанес еще один удар; Головоруб истошно взвыл в воздухе и молниеносно опустил на шлем паладина.

Только чудо спасло капитана: глиняный черепок скользнул по полу, увлекая за собой и ногу — паладин нелепо взмахнул руками, и приземлился на свой твердый латный зад. Головоруб недовольно прожужжал над самой головой, лишь слегка скользнув по шлему. Капитан, проявив недюженую ловкость, перекатился через спину и вскочил на ноги, извлекая меч. А теперь настал черед удачи Геронима. Взгляд капитана сместился за спину полуэльфа, и тот мгновенно присел, чувствуя, как его волосы на затылке шевелит неприятный ветерок от пронесшегося всего в дюйме над головой шестопера.

Полуэльф рубанул с разворота, но не смог удержать равновесие: тяжелая секира с воем унеслась куда-то назад, а Героним, крутнувшись на согнутых ногах, завалился на бок. Шестопер на мгновение завис над ним и стремительно опустился вниз...

9.

Гурдел продолжал беспробудно пьянствовать, оплакивая своего брата — предложение полуэльфа отнюдь не вернуло душевное равновесие и не излечило кровоточащую рану потери.

Причем и отомстить не удалось: Джеремиа бесследно сгинул.

Троль носился по городу, распуская бродячих собак и редких ночных прохожих. В периоды обострения буйства громил ни в чем не повинные торговые лавки и выбивал двери в поисках «проклятой длинноухой задницы». Так продолжалось в течение нескольких ночей, и горожан порядком надоели пьяные выходки тролля и они нажаловались самому барону, тот, в свою очередь, передал жалобы начальнику стражи — матерому троллю Грохнаку, ветерану войны с Горгонадом и просто честному парню.

Грохнаку было искренне жаль Гурдела, но поделать он ничего уже не мог. Так в один прекрасный день Гурдела с позором изгнали со службы без выходного пособия. И ему ничего не оставалось делать, как отправиться к Герониму на постой: кроме службы, у тролля отобрали и место в казарме.

Первое, что поразило все еще трезвого и оттого хмурого тролля, так это полная тишина подстенного стойбища. Его разнородные обитатели попрятались по своим норам и носу не казали наружу. Профессиональное чутье подсказало, что здесь что-то не чисто. Из вещей у Гурдела остались одежда и нож в поясных кожаных ножнах, даже скорее не нож, а полноценный тесак длиной с локоть и с шириной лезвие не меньше тролличьей ладони. Недостаток остроты с лихвой компенсировался большим весом и немалой силой в руках Гурдела. Троль привык доверять своему чутью и немедленно извлек оружие из ножен.

Еще сильнее в своих подозрениях он утвердился, когда увидел тройку здоровенных рыцарских лошадей. И стояли они именно около хижины Геронима. Тихий вскрик из хижины заставил его замереть и насторожиться. Теперь он не сомневался.

Хлипкая стена, сложенная из гнилых досок и кусков кирпича практически рухнула, подняв облако пыли. В проломе посланником смерти появился могучий тролль. Рука с зажатым шестопером замерла.

— Мы рыцари... — начал было паладин, но не успел закончить фразу: Головоруб, раскалившись от ожидания, взвился в воздух и по подлomu ударил в пах. Лезвие в форме полумесяца легко вошло в тело, кромсая плоть и кости. Секира удовлетворенно заурчала от удовольствия, заворочалась в ране, впитывая кровь и жизнь жертвы, и лишь через несколько секунд со звонким чмоканьем покинула тело паладина. Рыцарь, на удивление тонко вскрикнув, сжал ноги и стальным истуканом повалился на пол. Никто этого не видел, но на лице, спрятанным за забралом, застыло удивленное и немного обиженное выражение.

Капитан, поняв, что находится в меньшинстве, отступил назад, выставив перед собой меч, грозя наколоть на него, как бабочку на иголку, каждого, кто сунется.

— Вы не ведаете, что творите! — гулко прозвучало из-под забрала. — Нападение на рыцарей Ордена, двойное убийство... Простой смертью вы явно не отделаетесь. Троль, ты

пока ты еще не совершил ничего предосудительного — помоги мне, и Орден не останется в долгу. Убей полуэльфа.

Гурдел засомневался. А ведь и в самом деле, что его связывало с Геронимом: сомнительная сделка и вот теперь возможность превратиться в злейшего врага Ордена. «Неплохо, а?» — с ехидцей заметил внутренний голос. — «А смерть Мурдела? Героним ведь во всем виноват: кто вас послал за секирой?» Гурдел не заметил еще Головоруба: секира благоразумно спряталась под телом полуэльфа. Из небытия возникло лицо брата, и было оно столь же грустно, как в тот день, когда скончалась матушка. И братова кровь на руках. Гурдел тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Никого я убивать не буду. Не убивца я, и тебе не позволю, будь ты хоть трижды паладин!

— Ты пожалеешь, тролль, если стал по другую от меня сторону баррикад.

— Все равно! — криво ухмыльнулся тролль, поигрывая свои тесаком. — Сейчас мы уйдем, а ты уж волен потом делать, че хочешь: кричать, звать подмогу, но сейчас молчи, если хочешь жить. И твоя зубочистка туточки не спасет.

Сказано было таким тоном, что капитан ясно понял, что сейчас стоит уступить: ни силой, ни проворством он тягаться с троллем не мог. Пересилив себя, капитан кивнул.

— Уходи и падай эту забирай. Мы еще встретимся, тролль. Обязательно встретимся.

— Может быть. — Гурдел решил не растрачивать силы на словесную перепалку и уходить. Он так до конца и не понял, что его заставило так поступить, но выбор сделан — назад не повернешь.

Гурдел подхватил за шиворот очумевшего Геронима и покинул хижину таким же путем, каким и зашел, окончательно развалив стену. Крыша опасно накренилась, обидчиво скрипя стропилами. Головоруб все еще сжимаемый рукой полуэльфа ехидно звякнул: он опять победил.

А капитан молчал и глядел вслед им, уведших кроме того двух рыцарских лошадей. Ему спешить было некогда: он знал, что им нигде не скрыться и не спрятаться. Эратия велика, но только не для мести Ордена Света.

ЧАСТЬ 3. ПОБЕГ ИЗ ЧЕТВЕРТОГО ЗАБОЯ

1.

Жук-огнедуй недовольно заворочался в своем гнезде из сплавленных камней, привлеченный шумом в окружающей тьме. Насекомое было абсолютно слепо, но отлично ориентировалось на слух. Жук замер, вытянувшись на тонких лапках, и прислушался. Звук не повторился, и существо успокоилось и замерло в гнезде, свернув длинное членистое тело вокруг четырех больших, с человеческий кулак яиц.

— Дурак! — прошипел Шмиттельварденгроу растерянному Джаладу, задевшему неудачно подвернувшийся под ноги камешек. — В следующий раз сам пойдешь на охоту, и тогда моли всех бессмертных о возвращении в бараки.

Бараками в Четвертом забое назывались пещеры, в стенах которых были прорублены узкие каменные ниши, служившие постелями для всех каторжан, обитавших в этих проклятых шахтах. Конечно, не королевские апартаменты, но вполне сносно: Шмиттельварденгроу приходилось спать под проливным дождем и на голых камнях. А вот Джаладу было тяжело: все-таки такая жизнь требовала привычки. Но в последнее время нытья и жалоб со стороны огненного мага стало гораздо меньше.

— Фозз, ты готов? — окликнул Шмиттельварденгроу огромного косматого огра.

— Всегда, капитан, — гулко шепнул огр.

Фозз, пожалуй, был единственным существом на земле, встрече с которым искренне обрадовался цверг. Огромный косматый огр, звероподобное существо, страшное в своем неистовстве — таким его запомнил Шмиттельварденгроу. Но не таким он был сейчас. Чем-то он походил на цверга: потерянный в послевоенном мире, лишенный цели и смысла жизни, он катился по дороге своей судьбы, равнодушный к жизни, его окружавший. Главное для него было, чтобы остальные оставили его в покое.

Не оставили.

Отряд дварфов отловил его в восточной Эратии. Фозз промышлял разбоем и людоедством — у огров такое в порядке вещей, но подобные увлечения не находили понимания у соседей. Обозленные крестьяне собирались его собственноручно судить и казнить за совершенные злодеяния, затравив собаками, но горные карлики, восхищенные невероятной силой пленника, распорядились им со свойственным им практицизмом: определили в Ганалийскую долину. Фозз воспринял свою судьбу стоически, хотя тоже, поначалу, доставлял немало хлопот своим тюремщикам. То тут, то там стали пропадать люди, орки и даже дварфы, что вообще не лезло ни в какие ворота. И после показательной порки стальным бичом, достаточно крепким, чтобы пробить даже такую толстую шкуру, как у огра, его определили в Четвертый забой.

Жук-огнедуй снова дернулся, ощущая неясную угрозу, притаившуюся во тьме, но куций умишко твари не был слишком изощренным, чтобы заставить его покинуть гнездо и обследовать пещеру. Тем более, он по праву ощущал себя здесь полным хозяином. Даже странные существа, поселившиеся в верхних пещерах, боялись его трогать. Все, кроме цверга.

— В свое время, — шептал Шмиттельварденгроу, — я отлавливал этих тварей

десятками. Жидкость у них в брюхе сжигает даже камень, а от дерева или плоти не оставляет и пепла. Но тем жук и опасен: плюнет тебе в лицо и никакой щит не поможет!

— И как же его убить? — поинтересовался Джалад.

— Смотри и учись, жалкий человечешко! — ехидно ухмыльнулся в темноте цверг. — Фозз, действуй.

Повинуясь его сигналу, огр поднял над головой здоровенный валун, размахнулся и метнул в дальний конец пещеры. Своеобразный снаряд просвистел над головой Джалада и с оглушительным грохотом приземлился в дальнем конце пещеры. Гулкое эхо заметалось под каменным сводом, забилось громовыми разрядами в уши и затихло лишь через несколько секунд.

Жук-огнедуй завертелся на пяточке света, образованном его полыхающим брюшком, замер, выбрав наиболее подозрительную сторону, и громко рыгнул. Струя яркого пламени обдала каменные стены, превращая их в раскаленные потеки. Раскаленные ручейки побежали вниз, образуя настоящую огненную реку. А жук продолжал изрыгать огонь, поливая окружающее пространство. Яркий свет бил в глаза.

И только через несколько минут, основательно обработав пещеру, тварь стала подавать признаки усталости: тонкие ножки задрожали, словно поддерживали невероятную тяжесть, а огненная буря превратилась в тонкую струйку, бессильно тянущуюся к земле. Сияние брюшка несколько приутихло, лишь тускло рдели в темноте слезы расплавленного камня.

— Вперед!

С гиканьем и воплями цверг, человек и огр бросились на жука. Огромное насекомое растерянно развернулось в их сторону, но лишь смогло слабосильно плюнуть в огра. Фозз легко избег плевка, перепрыгнув маленькую пылающую воронку. Огромная кирка, словно специально изготовленная под габариты огра, с хряском вломилось в хитиновое тельце, расплескивая сукровицу и лимфу, и пригвоздила жука к земле. А Джалад и Шмиттельварденгроу тем временем обрабатывали неподатливую голову огнедуга, круша жвала и твердый хитиновый лоб.

— Только не брюхо! Не трожь брюхо! — не забывал вопить при этом цверг, сосредоточенно кроша жучиные челюсти.

Не прошло и минуты, как туловище и голова жука превратились в малоаппетитное месиво; тонкие мохнатые ножки судорожно дергались, уже не в силах поднять растерзанное тельце.

— Хо-хо! — довольно вытер пот Шмиттельварденгроу. — Учитесь, сопляки! Кто ж вам еще покажет, как надо правильно уделывать огнедуга. Жалкобородые дварфы небось позабыли уже про такое искусство. Взрывают, копают... Эх!

Цверг закончил свою тираду безнадежным вздохом и махнул рукой, мол, что с них возьмешь, с этих дварфов.

— Господин Шмиттельварденгроу! — издевательски-вежливо обратился Джалад к цвергу. — А, собственно, зачем нам он?

— Люди! — соорил презрительную мину гном. — Они глупее орков. И ничегошеньки не понимают в горном деле. Как можно было заметить, огненное дыхание жука, сжигает даже камень, и мы легко сможем проходить дневную норму там, где остальные будут вкалывать, не разгибая спину. И тогда, может быть, тебя не оприходует плетью этот рожденный в дерьме засранец Сломанный Клык.

Джалад почесал все еще зудевшие следы от орочьего кнута, расплосовавшего

практически всю спину, но он вполне понимал, что цверг делает все это отнюдь не ради молодого мага. Ему самому досталось не меньше, только толстокожий Фозз практически не пострадал — сваленную в плотные колтуны шерсть и саблей не пробьешь, не говоря уже о кнуте. Но как-то сразу повелось, что огр во всем помогал цвергу.

Шмиттельварденгроу успел уже перевязать куском бечевы тонкий стебелек, соединявший туловище и брюшко, и резким рывком отделить его от измочаленного жучиноного тела. Кроме того, в руках цверга возникла странная конструкция, называемая им «брызгалкой», и комок мягкой глины. Устройство сие напоминало железный кубок с маленьким рычажком и непропорционально длинной ножкой-трубкой. Гном как-то попытался перед охотой объяснить устройство и принцип работы брызгалки, но как только дело зашло о клапанах и избыточном давлении, Фозз с преувеличенным вниманием стал изучать узор из сталактитов, а Джалад соорудил жутко заинтересованную рожицу, хотя по глазам было видно, что он где-то далеко отсюда. Цверг махнул рукой, в очередной раз удостоверившись в полной технической бездарности надземных рас.

— Вставляем брызгалку сюда, — Шмиттельварденгроу не устал комментировать каждое свое действие, гордый от осознания своего превосходства. — Обмазываем глиной вот здесь для полной герметизации... — Цверг высунул язык от усердия, покрывая толстым слоем глины устье стебелька и вставленной в нее железной трубки брызгалки. — И портативный огнемет готов!

Судя по скептическим выражением лиц окружающих странное устройство в руках у Шмиттельварденгроу вызывало сомнения как своей формой, так и надежностью конструкции. Цверг хмыкнул — что они понимают — и нажал рычажок. Внутри огнемета что-то подозрительно скрипнуло и засипело. Огненный столп полыхнул в опасной близости от Фозза. Невероятно, но невозмутимый огр от испуга и неожиданности немного присел. Длинные, стоящие торчком уши прижались к голове.

— Вот что значит техническое превосходство! — Шмиттельварденгроу торжествующе ухмыльнулся, оскалив острые зубы.

2.

Шмиттельварденгроу не зря выбирал самые глубокие шахты: там хотя бы не было круглосуточного надзора, а вокруг не слонялись обнаглевшие орки. Как и везде до того, из-за своего неуживчивого и склочного характера цверг умудрился в первый же день своего пребывания в Четвертом забое нажить себе врагов из числа самых многочисленных местных обитателей — орков.

Немудрено, что этих диких варваров в Ганалийской долине водилось во множестве. Прямо за Лыдыстым нагорьем кочевали целые орды орков, а такому многочисленному, невоспитанному и главное голодному народу всегда свойственна привычка к опустошительным набегам — хорошо, что и между собой орки враждовали также отчаянно, как и со своими соседями. Времена, когда несметные орочьи полчища под началом Горгонадца прокатывались по цивилизованным землям неудержимым зеленым катком из плоти, острой стали и безумной жажды наживы, прошли давным-давно.

С тех пор минуло более тридцати лет, война закончилась, Горгонад пал, а с ним исчезла и направляющая длань Повелителя, орки перессорились и передрались, разделились на

множество игрушечных орд, странствующих по вымерзшей равнине. В силу природной глупости и бесшабашной лихости орки часто хватались за то, что им было ни прожевать, ни проглотить. Например, за горные крепости dwarфов. Столь же расчетливые, сколь и грубые бородачи не преминули воспользоваться этим источником дармовой рабочей силы, ведь на самом деле орки были довольно трусоватым народом. И грабежи они совершали, имея численный перевес, и лобызали сапоги каждому, кому доставало силы наступить на горло орочьей песни.

Из традиций орков следует упомянуть лишь то, что они клялись неким Прохвесаром, а проклинали странным Пьютером. Кто или что это такое понять было трудно из-за чудовищного произношения, но многие каким-то таинственным образом связывали их с самым обидным для орка прозвищем «рожденный из грязи».

Именно эти слова были первыми, сказанными Шмиттельварденгроу по отношению к Сломанному Клык — главарю или как говорили сами орки «пахану» братвы Четвертого забоя. Что, само собой, было весьма неосмотрительным поступком. И в тот же день цверга и Джалада чуть не избили до смерти, единственное, что их спасло, было вмешательство Фозза. Огр в свойственной ему флегматичной манере раскидал по углам орков-«быков» и унес пострадавших в свой угол подземных барачков, залечивать попорченное самолюбие.

Противостояние Сломанного Клыка и Шмиттельварденгроу таким образом вовлекло в свою орбиту множество посторонних совершенно непричастных личностей, включая Джалада и Фозза. Велось оно с переменным успехом. Сперва цверг уверенно двигался к победе, ощущая себя в относительной безопасности за могучей волосатой огрской спиной, пока его не подвела достопамятная страсть к горячительным напиткам, а единственным поставщиком местного пойла, носящего аутентичное название «шахтерка», являлись орки. Сломанному Клык не составило труда подмешать в шахтерку какого-то сонного зелья, и под видом дара примирения преподнести цвергу. Шмиттельварденгроу сотоварищи не сдержался и в тот же день отметил победу, которая обернулась поражением и прилюдным позором.

После орочьего кнута в лапах Сломанного Клыка гном не мог ни сесть, ни лечь на спину, но больше всего страдало необъятное цвергское самолюбие. Джалад и Фозз пострадали меньше. А ведь после им назначили двойную норму выработки руды, что могло обернуться еще худшими последствиями, если бы не рационализаторские предложения Шмиттельварденгроу...

Джалад размотал истершуюся полоску ткани, которая защищала шею от грубых краев железного ошейника, и обмотал новую, более-менее чистую и целую, для чего пришлось пожертвовать еще одним куском своей мантии.

— И все равно, я не понимаю, как этот огнемет поможет нам выполнить дневную норму? Да, мы прожжем в камне немалую дыру. — Маг скосился на чуть оплавленный раструб брызгалки. — Но как мы извлечем руду из кипящего расплавленного камня? — Джалад соорудил выразительное лицо.

Тут же не выдержал Фозз и улыбнулся. Его голова словно раскололась широкой зубастой щелью. Шмиттельварденгроу же трясся от смеха, пытаясь удержать под мышкой самодельный огнемет, а руками хватал сползающий пояс с изрядно похудевшего стана.

— Клянусь Бездной! Но он еще глупее, чем я думал! Так не разбираться в металлургии еще надо уметь.

Джалад обиженно насупился.

— Я разбираюсь в истории и магии, а знание кузнечного ремесла в мои обязанности не входит!

— Не входит, значит не входит! — хмыкнул цверг и сложил огнемёт в холщовый мешок, набитый тряпьем. — Пошли, братцы каторжники — нам ещё работать.

Шахта Чёрные Каверны проходила намного глубже всех остальных, но, все равно, пещера жука-огнедуга находилось ещё ниже, сплетаясь с запутанной сетью таких же проходов и туннелей, уходящих на вовсе невообразимую глубину. Даже Шмиттельварденгроу, привыкший к узким коридорам и кельям своей страны, чувствовал себя здесь неуютно, словно из каждой пещеры за ним наблюдали чьи-то глаза. Фозз, например, был приучен к горам, но никак не к темным шахтам, и его плотный мех больше мешал в теплом климате подземного мира, а Джалад, тем более, никак не годился к местным условиям, но гном теперь понимал, почему люди являлись самым многочисленным народом Эратии — эти блохи привыкали ко всему.

Чтобы как-то разогнать окружающую тьму, каторжники зажгли маленькие шахтерские фонарики, наполненные сырой нефтью. Огоньки сильно чадили и освещали лишь лица, поэтому приходилось работать практически вслепую. Только на верхних уровнях, в бараках и жилищах надсмотрщиков света было достаточно, чтобы не заблудиться в хитросплетениях коллекторов и коридоров, проложенных ещё в те времена, когда о дварфах в этих местах и слухом не слыхивали.

Первым шел Шмиттельварденгроу, за ним Джалад, а замыкал Фозз, вынужденный из-за своих размеров протискиваться в узкую шахту на четвереньках. Чем выше они поднимались, тем больше свидетельств разумной жизни попадалась им навстречу: то след от кирки, то железный штырь, вбитый в стену, то разбитый шахтерский фонарик. Но гном не стал подниматься наверх, а свернул в темный аппендикс, отходивший влево и чуть вниз от главного ствола. Здесь даже отсутствовали сваи, поддерживающие свод шахты. Компания товарищей по несчастью прошла ровно сто шагов, пока не уперлись в изуродованную многочисленными ударами зубил и кирок стену.

Шмиттельварденгроу извлек огнемёт и довольно ухмыльнулся:

— Неудачники разбили здесь свои лбы, но мой-то лоб крепче камня! — Чуть сдавив локтями бока брюшка, гном нажал на рычажок.

Пламя, вырвавшееся из раструба, настороженно лизнуло стену, оставив легкие стеклянистые потеки, но, удостоверившись в своей силе, с удвоенной энергии набросилось на породу. Дохнуло обжигающим теплом.

Там, где огонь касался скалы, порода плавилась и бурлила, стекала на пол. Уже не ручейки, а настоящие лавовые реки бороздили каменный пол.

Вместо того, чтобы отпрянуть назад, Джалад подался вперед, протянул руки, а глаза его горели алыми отблесками внутреннего пламени. Пальцы складывались в замысловатые знаки, с губ слетали слова заклинания, и впервые под сводами этой шахты звучали гортанные звуки древнего языка огненных магов Джаффы.

— Зря стараешься, — буркнул Шмиттельварденгроу, останавливая огненный поток. — Близок локоток, да не укусишь.

Джалад с разочарованием опустил руки.

— Не смог удержаться. Такой океан силы, а я не чувствую его. — В глазах мага мелькнула предательская влага. — Цверг, а может нам попробовать сжечь ошейники?

— Не получится. Чтоб мне пропасть в Бездне, но ты скорее обратишься в горку пепла,

чем ошейник просто нагреется. Да и мало это поможет. Ганалийская долина — не то место, где рекомендуется чародейство. Тебя просто размажет тонким слоем по всей долине!

— Как масло по куску хлеба, — вдруг добавил Фозз и улыбнулся.

Шмиттельварденгроу и Джалад переглянулись, но промолчали. Гном снова сложил в мешок огнемет и довольно потер руки.

— Ладно, не будем о грустном. Фозз, пускай воду.

Еще предыдущие поколения каторжан обнаружили подземный источник, который впоследствии был загнан в новое каменное русло и теперь журчал по всему ярусу, хоть ненамного облегчая участь работающих здесь осужденных. И снова ему предстояла возможность основательно поработать. Систему трубопроводов из кожи и железных обрезков помог собрать Джалад, немного знакомый с ирригационной системой Джаффских Эмиратов, чью территорию практически полностью состояла из пустынь и лавовых полей, и земледелие представлялась весьма трудоемким. Правда, юный маг до сегодняшнего момента не имел понятия о назначении трубопровода, но, как всегда, с цвергом не поспоришь.

Оскалится, проклянет, а может и съест на пару с огром-проглотом — как тут спорить!

И теперь смысл проекта стал потихоньку доходить до огненного мага, но, как человек, далекий от металлургии, он слабо представлял, как все это поможет им выполнить дневную норму, поэтому приходилось полностью полагаться на цверга.

Фозз кивнул и провернул задвижку на ближайшей трубе, зиявшей черным провалом в нескольких метрах от расплавленного ада, в который превратилась шахта. Загудела, забилась в стальных оковах вода и хлынула белым пенным потоком на озерцо расплавленного камня.

Белесое облако быстро поднималось над остывающей скалой, и только сейчас Шмиттельварденгроу понял, что кое-что не учел:

— Чтоб меня сожрали все демоны Бездны! Совсем забыл! Ходу отсюда!!!

На последнем слове голос цверга сорвался на визг, и словно эти самые демоны Бездны подстегивали его — так шустро он сиганул наружу. Джалад тоже не стал дожидаться и разгадывать то, что так сильно испугало Шмиттельварденгроу. Огненный маг, благодаря своей юности и юркой подвижности джаффа, быстро обогнал цверга и первым покинул шахту. За ним выскочил гном, хрипло дыша и хватавшего ртом воздух, как выброшенная на берег рыба — сказывалась общая слабость испорченного вредными привычками организма. Только Фозз так и не успел выбежать; плотное облако раскаленного пара с шумом пыхнуло из пещеры и поднялось вверх по вертикальному шахтному спуску наверх.

3.

Фозз появился только тогда, когда пар полностью рассеялся. Огра ощутимо шатало, и, чтобы не упасть, он одной рукой опирался об стену. Мокрая шерсть висела грязными космами, а с ярко-пунцовой физиономии в обрамлении густых бакенбардов ошалело глядели выпученные темные глазки. Но, несмотря на все это, на узких губах Фозза гуляла довольная клыкастая ухмылка.

— Фозз! А я думал, что сегодня мы ужинаем вареным огром! Жестковато, конечно, зато много, — с ложным сочувствием обрадовался цверг.

Но Фоззу грубоватый юморок гнома пришелся по душе: широкая пасть растянулась еще

больше.

— То, что нас не убивает, делает сильнее, — почему-то сказал огр и шумно почесался. От распаренного тела поднялась волна невыносимой вони.

Джалад тут же одолели позывы к рвоте, но пустой желудок, вдруг сообразив, что и изрыгать-то нечего, быстро успокоился. В этот момент огненный маг также был готов закусить вареной огрятинкой.

В шахте расплавленная порода застыла причудливыми формами. В свете шахтерских фонариков сверкали еще горячие стеклянистые бугры и наросты, под ногами весенним тонким ледком хрустел легкий шлак. Не тратя время на разговоры, Шмиттельварденгроу ударил киркой по блестящему холмику. Камень, как ни странно, раскололся с легким звоном, обнажив вплавленные в него гладкие окатыши темно-серого цвета — настоящие железные самородки. У Джалада от удивления глаза полезли на лоб.

— Невероятно! Магия?

— Ты что, тысяча демонов Бездны тебе в глотку! — Цверг улыбнулся, гордый своим достижением. — Торжество технической мысли. Дварфы — жалкие подражатели по сравнению с цвергами. Еще в детстве я прожигал «огненным дыханием» в скалах проходы, где могли разъехаться две телеги, а в горне им же плавил мифрил и адамантиум. А железо, если его как дерьма в навозной яме, можно добывать и таким способом. Шлак, образующийся сверху, хрупкий как горный хрусталь. Ладно, не будем рассиживаться: из-за нашего друга огра мы опять вынуждены будем хлебать тюремную баланду, а не мясной супчик. Но и это не так уж плохо, чем остаться вовсе без пайка. Не так ли, Фозз?

— Угу, — буркнул огр, совершенно не обидевшись. Для этого он был слишком толстокожим существом.

За несколько часов троица сумела загрузить несколько вагонеток шлаком и железом. В центральном стволе шахты были проложены две узкоколейки: одна в сторону отвалов выработанной породы — «мусоросборника», как их называли сами каторжники, а одна — напрямик к огромным домнам железоделательной фабрики, сплетаясь и соединяясь с сотнями ее сестер-близнецов из других забоев. Не стоило бояться, что надсмотрщики заинтересуются несколькими вагонетками из тысяч, поступающих из забоя. Оставалось лишь доставить их к станции паротяга — пыхающего дымом и паром стального чудовища о десяти колесах, доставлявшего руду на поверхность. Но до него еще требовалось добраться.

Вагонетки снабжались своеобразной упряжью, вроде лошадиной, в которую впрягались сами каторжники. Тянуть тяжеленные вагонетки приходилось вручную, и был это поистине труд, достойный применения в качестве наказания грешных душ в Бездне. Раньше и на поверхности использовали заключенных и тарквиниев, пока громыхающий всеми своими деталями и тормозящий у каждого столба технический прогресс дварфов не дошел до изобретения паротяга — гордости подземной расы. Хотя Шмиттельварденгроу и о нем отзывался исключительно в презрительном тоне, считая его чем-то вроде костылей для малоспособных к волшебству гномов.

Само собой, в вереницу тяжеленных вагонеток с чистым железом впрягся неприхотливый Фозз, а Шмиттельварденгроу вместе с Джаладом взяли на себя значительно более легкие со шлаком. К тому же, цверг не горел желанием подниматься наверх к станции паротяга, где все время ошивались орки-надсмотрщики, а, не ровен час, можно было встретиться нос к носу с дварфами.

Вагонетки шли ходко — каждый из каторжников понимал, что хорошо смазанные

рельсы, это залог облегчения работы. Через несколько часов плутания по подземным коридорам, цверг и человек вышли к мусоросборнику. Но даже здесь отсутствовал выход на поверхность: несколько десятков узких шурфов пробивали стену пещеры и тянулись до грандиозных отвалов использованной породы по ту сторону защитного вала Ганалийской долины.

На то, чтобы опорожнить вагонетки, ушло еще пару часов, и по окончании работы, даже такой значительно облегченной, Джалад чувствовал себя так, словно за день перевез таких вагонеток не пару штук, а три-четыре сотни. Цверг же, наоборот, чувствовал, что постепенно втягивается в ритм, руки наливаются силой, и уже не так беспокоят прокуренные легкие и болящая спина; с каждым днем тело становилось гибче и ловчее, а голова работала как никогда ясно и четко.

Хоть охота на огнедую и путешествие к мусоросборнику заняло немалую часть рабочего дня, цверг и джаффец вернулись в подземные бараки раньше, чем остальные. Определил их лишь Фозз, увлеченно уплетавший свою порцию зеленоватой бурды, которой потчевали своих подопечных дварфы. Их чего она готовилось, оставалось величайшей загадкой Ганалийской долины, но судя по вкусу и запаху, нормальные продукты в этот секретный состав не входили. Фозз и Шмиттельварденгроу восприняли такое питание вполне нормально — в своем походном прошлом им приходилось употреблять кое-что гораздо неприятнее, но более капризный желудок Джалада сначала отчаянно сопротивлялся насилию над собой и отказывался от такой пищи. Но джаффец промучился лишь несколько первых дней, пока опасность голодного обморока и безрадостной кончины в дварфской домне не заставили желудок поменять свое претенциозное мнение.

Фозз в пару движений похожей на совок ладони опорожнил свою миску и теперь с плохо скрытым вождением поглядывал на порции своих друзей. Цверг скептически оценил содержание своей миски и изрек вердикт:

— Да уж... Вареный огр был бы гораздо питательнее. А ты бы, Фозз, не отказался от себя в качестве жаркого?

Огр громко рыгнул, утер физиономию тыльной стороной ладони и меланхолично заметил:

— Пусть каждый вкусит моей плоти, и плотью моей причастятся.

Джалад поперхнулся. Отплевавшись, он с удивлением воззрился на него. Шмиттельварденгроу опередил невысказанный вопрос огненного мага и пояснил:

— Когда-то мы наткнулись на библиотеку одного эратийского лорда, и наш большой друг пристрастился к чтению. Ну, там философские трактаты всякие, алхимические труды и прочее дхарово дерьмо.

— Радость чтения — одно из высших благословений Всевышнего! — наставительно произнес Фозз.

— Что, однако, не мешало тебе есть людей, — съязвил в ответ Шмиттельварденгроу. Огр лишь скромно потупился.

Только когда колония светлячковых грибов на потолке жилой пещеры стала постепенно гаснуть, отмечая начало ночи в этом подземном царстве, стали появляться остальные каторжники, усталые, изможденные и отнюдь не такие жизнерадостные, как давешняя троица. Но у заключенных не хватало сил даже на выражение своей завистью более удачных сокамерников, лишь бы до койки — выдолбленной в каменной стене ниши — добраться. К тому же многие уснут голодными, так как не смогли выполнить дневную норму. Но и это

еще было полбеда. Гораздо хуже, если каторжан решит прошерстить сам Сломанный Клык.

Видимо, у кого-то возникла схожая мысль, чем он все и сглазил. Дикий хохот, рык и хрюканье возвестили о приближении вождя орков-каторжан, великого и ужасного Сломанного Клыка и его свиты. Те редкие разговоры, что еще возникали среди уставших заключенных, тут же стихли. И чем громче были звуки, тем утрюмее становилось молчание, словно накапливающееся в ожидании настоящей бури. У входа в барак заметались отблески факелов — процессия была уже совсем близко. Даже Шмиттельварденгроу чуть-чуть скукожился, но тут же одернул себя и выругался сквозь зубы. И словно в ответ на его ругательства возник глухой рык, сложившийся в более-менее осмысленные, но донельзя грубые слова:

— Где эти, гхырлы?! Где эти бездельники, привыкшие лишь жратву лопать в три горла?! Сломанный Клык покажет вам, как следует работать!

В жилую пещеру ввалилась гурьба орков, размахивавшая факелами, а во главе ее важно шествовал крупный побуревший орк. Желтые клыки выпирали из-под нижней губы, сплюснутый нос сморщился, словно от вони давно немых тел, под кожаной безрукавкой проступили бугры перекачанных мышц, а за пояс был заткнут бич.

Клык постоянно касался его то левой, то правой рукой, словно не мог приноровиться под неудобное оружие, для обращения с которой необходима была немалая сноровка. В голове у цверга возникла странная мысль, что он-то вполне справился с бичом, руки помнили то, как когда-то давным-давно, словно в другой жизни, Шмиттельварденгроу гнал пленных-людей в симгарские копи.

— Ах, вот они где! — Вывернутые губы растянулись в довольной ухмылке. Но такая улыбка возникла на косорылой физиономии Клыка лишь в те моменты, когда кто-нибудь мог серьезно пострадать. Шмиттельварденгроу со всей ясностью помнил эту ухмылочку, когда принимал отравленный самогон из рук орка. Впоследствии гном искренне поклялся разбить эти ненавистные губы в кровь и повыбивать все орочьи клыки ко всем дхарам. — Сборище грязных свиней, поедателей помоев и шахтерской пыли! Клянусь Прохвесаром, вы у меня будете так работать, словно сам Пьютер за вами гонится! Копыто! Череп!

Верные прихлебатели Свиное Копыто и Раскроенный Череп подскочили к своему жожаку и замерли в ожидании дальнейших приказаний, по-собачьи преданно уставившись в воспаленные зенки повелителя.

— Этих и этих, — когтистый палец ткнул практически наугад в толпу каторжников, выбирая очередную жертву, — в комнату воспитания.

Орки с радостью бросились выполнять приказания главаря. Бедняги, которым определили комнату воспитания — пещеру, в которой Клык «воспитывал» с помощью бича заключенных, — отнеслись к этому со спокойствием фаталистов и практически безропотно подчинились происходящему. Всех все равно не накажешь, но каждый из запуганной толпы каторжан понимал, что на следующий день такая участь могла постигнуть и его.

Но даже после позорной порки Шмиттельварденгроу не боялся Сломанного Клыка, просто их конфронтация перешла в фазу позиционной борьбы. Заставить что-то сделать цверга и его поделщиков орки все равно не могли, но и гном не мог уже активно выступать против них: шахтерка хоть немного скрашивала жизнь в этом филиале Бездны в Эратии. И тем более Шмиттельварденгроу удивился, когда Сломанный Клык удостоил своим вниманием его скромную персону. Но более всего цверга поразило то, что орк пришел не с угрозами и ругательствами, а с предложением:

— Шмитти! — Цверга передернуло, волна темной ярости клокочущей волной поднялась в черной как уголь душе. Но запредельным усилием воли он себя сдержал, лишь сжались пудовые кулаки. — Клянусь Прохвесаром, мы так долго обретаемся вместе, но нам так и не получилось пообщаться без... эээ... отягчающих обстоятельств. — Из-за чудовищного произношения последняя фраза выродилась в почти бессвязный набор букв: «ощагщающих общаяельштв», но последовавшее за ней слово Клык выговорил почти правильно: — Поговорим?

4.

Вопреки распространенному мнению об умственных способностях орков Сломанный Клык был далеко не глуп. Он, как говорится, был умным орком. Очень умным по мнению своего народа. Ни особой силой, ни ловкостью Клык никогда не отличался, но, главное, он научился быть изворотливым и хитрым. Дварфы захватили его еще в голопужом детстве, и с тех пор орк воспитывался, если здесь применимо такое слово, в строгости каторжного рабства и подчинении вышестоящему начальству в лице суровых и скорых на расправу гномов.

Но подчиняться хотелось не очень.

Такой дуализм смущал лишь поначалу, во время горячей юности. Со временем постоянный конфликт внутренних и внешних интересов лишь развил заложенный природой потенциал орка, превратив его в весьма скользкого типа, мыслившего с гибкостью змеи и быстротой атакующего тигра. Недостаток образования с лихвой компенсировался живостью мышления.

И только благодаря своему уму Клык достиг того, что имел: стал практически единовластным главарем ганалийской общины орков. Дварф смотрел на все это сквозь пальцы: гномов постоянно не хватало, и лучше иметь собственного ручного орка-надсмотрщика, чем нанимать на работу ленивых людей, любителей выпить и побуйнить.

Четвертый забой превратился для Клыка в некое подобие штаб-квартиры: далеко от хозяйского взгляда, большое количество соплеменников и фактическая безнаказанность и всесильность в этом отдельно взятом отделе ганалийского филиала Бездны Эратии.

— Ты отлично поработал, гноме! — Орк благожелательно оскалился. Но, все равно, улыбкой эту гримасу можно было назвать с трудом. — Я наслышан, клянусь Прохвесаром! Ты и твои кореша выполнили самую большую норму на сегодня. Ежели есть еще разногласия между нами, то хотелось бы послать их всех к проклятому Пьютеру. Ну так как, цвергушка?

Уж чересчур тон Клыка был милым и дружелюбным. Цверг растянул тонкие темные губы в довольной ухмылке, а сам накрепг остатки серого вещества. Явно чего-то замышлял хитроумный орк. Но и опять ссориться с ним было не с руки. Шмиттельварденгроу не мешало бы заключить и такое перемирие. Поглядеть, что задумал зеленокожий.

— Ну, заberi меня демон, стараемся. Не так ли, друзья?

Фозз и Джалад переглянулись. Джаффец пожал плечами и согласно кивнул, огр же опять разродился умной книжной сентенцией:

— Лучше худой мир, чем добрая война.

— Предлагаю закрепить наше новое соглашение доброй чаркой крепкой шахтерки! — подмигнул цвергу Клык и щелкнул когтистыми пальцами.

В ту же секунду орки-прихлебатели засуетились: появились пузатые тыквы с выбитым нутром, наполненные чем-то булькающим и терпко пахнущим. Словно из ниоткуда возникли грубые глиняные чашки, наполнились дурманым алкоголем.

Шмиттельварденгроу с шумом втянул в себя яростный аромат сивухи, облизнул внезапно пересохшие губы и залпом выпил всю чашку. Обжигающая волна шахтерки лизнула огненным языком горло, прокатилась горячей волной по пищеводу и разорвалась как кровь огнедуга где-то в желудке. Организм, соскучившийся по старому доброму алкоголю, возликовал. Радостно стало на темной цвергской душе.

Джалад лишь чуть-чуть пригубил и скривился так, словно хлебнул кислоты, а Фозз даже не поморщился, лишь утерся кулаком и протянул кружку за добавкой. Орки одобрительно заворчали, налили еще. Огр растянул пасть в широкой, чуть глуповатой улыбке.

— Сладостен мне сей напиток, как прикосновение любимой.

Сломанный Клык сел на корточки, как и подобает орочьему пахану, быки тоже сели кружком. Зачесались и начали угрожающе посматривать на остальных каторжников, тайком косившихся на зеленокожее собрание. Шмиттельварденгроу сотоварищи тоже ловил иногда неодобрительные, а порой и откровенно враждебные взгляды. Еще неизвестно, приобрел ли цверг новых друзей, но врагов сегодня точно прибавилось. Но ему было сейчас на это плевать — главное, что под рукой была крепкая шахтерка.

Пили долго. Сколько поглотило его безмерное нутро, Шмиттельварденгроу уже не помнил. Только смутно мелькал на периферии сознания пьяно-веселый Джалад, распевавший похабные песенки в обнимку с орками. Фозз толкал какие-то глубокомысленные философские речи, вычитанные в разнообразных умных книжках. Клыкпил наравне с цвергом, но, почему-то, не пьянел, много спрашивал и странно улыбался.

Все допытывался, как удалось им выполнить практически невероятную норму, неведомым образом перелопатить горы руды. Дварф-надзиратель особенно напирал, требуя узнать секрет цверга, но Шмиттельварденгроу об этом и не догадывался. Но интуиция, даже изрядно притупленная алкоголем, подсказывала: молчи, рассказывай все, что угодно, кроме как про цвергский секрет огненной крови. И гном молчал, отделялся общими фразами об энтузиазме, дружеской взаимопомощи и прочей дребедени, знакомой ему лишь понаслышке, как что-то легендарное и невероятное. Энтузиастов цверг презирал, считая нахлебниками и любителями, от которых больше беды, чем пользы. А друзей... А сколько тех было друзей в жизни Шмиттельварденгроу? Раз-два и обчелся. Врагов же было не в пример больше.

Цверг заснул, подложив кулак по щеку, похрапывая и причмокивая в бороду. Сломанный Клык глотнул воды из своей кружки — не время пить шахтерку, когда дварфы наседают, требуя информации о своем далеком родственнике. Орк бы уже давно утопил бы и его, и всех его знакомцев — огра и человека — в подземной реке, что протекала чуть южнее по старым туннелям и шахтам, прокопанным в стародавние времена, когда о гномах тут и слыхом не слыхивали. И чем же их заинтересовал цверг? Пил серокожий много, пьянел сильно, болтал немало, да все не по делу. Разумел-таки засранец, что Клык не из-за доброго характера поил его шахтеркой.

Клык пнул ногой одного из храпящих вповалку орков. Бычьего Глаза, крепкого, на голову выше своего главаря и раза полтора шире в плечах, но не слишком умного бугая — типичного представителя орочьего народа, из-за которого и возникли распространенные стереотипы о могучей, но не слишком умной силе зеленокожих.

Бычий Глаз перевернулся, пробормотал что-то спяну, но тут же вскочил, когда увидел

возвышавшегося над ним босса.

Пахан подошел ближе, убедился, что все в бараке спят, быстро шепнул орку:

— Завтра пойдешь с ними, посмотришь, что да как. И мне расскажешь. Иди, встретишь их в новых шахтах, но на глаза не шибко показывайся, чтобы не заподозрили чего. Усек?

Глаз с готовностью кивнул.

— Ну, тогда беги. — Подзатыльником Клык придал ускорение бугаю.

Пусть Глаз и не слишком умен, зато верен и исполнительен.

5.

Голова раскалывалась после вечернего употребления шахтерки. Даже деревенская сивуха не так шибала в мозги.

— Водички? — предупредительный Джалад подал черпачок с холодной, чуть солоноватой водой.

Рядом журчал подземный источник. Свод пещеры покрывал замысловатый узор осевших минеральных солей, образуя фантастические картины. При должном воображении можно было представить, что свод пещеры покрывают рисунки великих битв сверкающих ангелоподобных существ. Цверг сплюнул от отвращения к таким приторно-сладким фантазиям. Ему по душе были суровая мрачность подземных цвергских городов и дикий хаос природных пещер с обязательным скелетом, прикованным цепью к сундуку с сокровищами. Вот если бы вместо этого блестящего безобразия им повстречался такой сундучок... Маленький такой — большой не надо, можно сказать, даже шкатулочка с приятным разнообразием золотых и серебряных монет, сверкающая россыпью изумрудов и рубинов, а также совсем небольшим, но симпатичным мифриловым кинжальчиком с золотой насечкой. Но, к сожалению, мечты оставались мечтами, сундучка не было, и приходилось любоваться лишь отложениями минеральных солей и скоплениями сталактитов.

— Как ты, Капитан? — Фозз ловил слепых крабиков, обитавших в вымытой источником котловине.

Огр выхватывал цепких бледных тварей, кидал на зуб и с хрустом разгрызал хитиновый панцирь. Флегма стекала неаппетитными нитями по волосатому подбородку вместе с кусочками панциря и несъедобными частями крабика.

Джалад также питался насекомыми, но делал это куда как поэстетичнее, следуя всем правилам правильного питания, принятым в жаркой Джаффе. Он ловким движением разрывал краба, высасывал содержимое клешней, а остальное выбрасывал.

— Неплохо, — причмокнул он. — Можно будет набрать их и потом сварить — будет еще лучше.

— Зачем стремиться к большему, когда природа всегда готова дарить все необходимое тому, кто почитает и любит ее. — Фозз был как всегда в своем репертуаре, сыпал книжными цитатами.

— Филеас из Кандиты? — оживился Джалад. — Интересная мысль, но я не скажу, что согласен с ним. Тут я больше склоняюсь к теории господина Филоха из Торгмара, утверждавшего, что человек обязан сам взять у природы то, что ему необходимо, и даже больше. Тем самым он и отличается от неразумного животного.

— Человек, по сути, обезьяна, одевшая платье и считающая себя высшим существом. Но

только такое сравнение обидно для обезьяны, ибо она хотя бы честна перед собой и окружающими, — возразил Фозз цитатой из «Современных нравов» господина Йох'атута из Калемалы.

Но у джаффца была наготове цитата из его любимого Филоха:

— В каждом разумном существе есть частица божества, делающего его высшим созданием на земле.

Шмиттельварденгроу, всех этих ученых книжек не читавший, решил блеснуть житейской мудростью:

— Скажи это Клыку — он проникнется.

— Но, вроде бы, он вчера вел себя вполне приветливо...

— Как джаффский удав, гипнотизирующий кролика.

— Бывшими враги бывают только после смерти, — вставил Фозз, многозначительно воздев палец вверх.

— Кстати, я заметил...

Цверг пнул под колено Джалада, заставив того умолкнуть.

— ... а крабики нынче повкуснее будут. Новый вид? — поспешно закончил джаффец, испуганно повернувшись к цвергу.

Тот прижал палец ко рту, призывая к молчанию.

Фозз, повинуясь его едва заметному кивку, встал, шумно встал. Встряхнулся и зевнул, обнажив внушительный набор клыков и резцов. Они выдавали в нем всеядного существа, способного питаться чем угодно. Даже орками.

Он кивнул в сторону выхода из пещеры.

— Пойду опорожнюсь. — И грузно потопал в темному.

Шмиттельварденгроу дождался, пока он отойдет подальше, разогнав нечаянные «уши», а после шепотом добавил:

— Мы не одни. — Маг испуганно завертел головой, стараясь разглядеть хоть что-нибудь за пределами освещенного факелами пятна. — Не так открыто, болван. Я тоже это заметил — бутылки были выдолблены из тыквы, а ближайшая тыква растет далеко за Стиром. Или Клык активно связан с дварфами, либо...

— Либо он знает тайный ход из долины, — закончил за него Джалад. — Что вероятнее. Я сделал схожий вывод, но только не несколько иному признаку: в шахтерке я распознал легкую примесь волчьего мха, а он растет только к северу от Ганалии. Да-да, в университете я активно изучал зельеварение. Волчий мох дарит утешение и туманит разум.

— А там, где растет этот мох, кочуют орочьи орды. Проглоти меня Бездна, а этот Сломанный Клык не так прост, как кажется! Другой вопрос, а что ему надо от нас? К чему вдруг такая благожелательность?

Джалад молчал долго, иногда поглядывал в темноту пещеры.

Потом он спросил:

— Он следит за нами?

— Не он, конечно, а кто-то из его бугаев. — Цверг заговорил совсем тихо. — И он совсем рядом. Совсем. Поэтому к пещере с огненной кровью мы не пойдем. Спустимся еще ниже, к древним пещерам. Стукач Клыка должен сгинуть, и так, чтобы никто его не нашел.

Джалад согласно кивнул. Поднялся, подтянул штаны, в одну руку взял кирку, в другую масляный светильник.

— Ну, наверное, пора.

Троица спустилась так низко, как еще никогда не спускалась. Пещера огнедуя осталась где-то наверху. Лабиринт пещер тянулся еще дальше, в жуткие темные глубины земли, или, по мнениям некоторых, в самую Бездну. Шмиттельварденгроу не верил в это, но признавал, что делать там нечего даже цвергам, чувствовавшим себя под землей как дома. Мало ли что может в тех глубинах прятаться. До народа гномов доходили смутные легенды и слухи о зле, по сравнению с которым Горгонадец не опаснее младенца.

Шмиттельварденгроу не горел желанием проверять эти слухи.

Но и здесь неисследованные пещеры под Четвертым забоем могли скрывать многое, и троица сильно рисковала, находясь здесь. И встреча с огнедуем было не самым неприятным событием, могущим произойти здесь.

Орк все не отставал — никто его не видел, но Шмиттельварденгроу чувствовал неотступный, чуть нагловатый взгляд, к которому в последнее время примешивалась и толика страха.

Чувствуя слезку, цверг шепнул Фоззу и Джаладу, шагавшим по бокам от него:

— Быстро сворачиваем в левую пещеру. Не оглядывайтесь — идите до тех пор, пока я не окликну, — сказал это и тут же растворился во тьме, затушив свой светильник.

Бычий Глаз на мгновение остановился, старательно вглядевшись во тьму. Прислушался.

Вокруг расплескалась гнетущая тишина подземелья, лишь в отдалении со звоном разбивались капли воды, проникавшие сквозь трещины в породе из подземной реки, гудевшей где-то высоко наверху, неправдоподобно высоко, хотя раньше казалось, что ниже той реки ничего и нету. Ниже лишь тьма, страх и Бездна. Вот Глаз и спустился так глубоко, как еще никогда не забирался, следуя за тройкой неугомонных каторжан. И что им не сидится наверху? А ведь, вроде бы, и работать пора, а они все шастают по подземельям.

А внизу было далеко не так, как казалось в бараках. Да, тьмы и страха хватало, но ничего, напоминавшего Бездну, лишь бесконечная вязь пустых и гулких пещер. Каторжники свернули влево, скрывшись в очередном проходе. То ли показалось, то ли действительно среди них нет цверга? Вокруг стояла крошечная тьма, но Глаз предпочел притушить светильник, дабы не выдать своего присутствия. Он дождался, пока пятно света не растворилось в окружающей темноте, зажег собственный светильник и двинулся вслед за цвергом и компанией. Но не успел он сделать и пары шагов, как что-то большое и тяжелое сшибло с ног, придавило сверху бородатой пытящей тушей. Светильник отлетел в сторону и погас. В крошечной тьме особенно угрожающе прозвучал хриплый, прокуренный голос:

— Вот ты и попался. — Кажется, неведомый мучитель рассмеялся, если этот каркающий звук можно назвать смехом. Глаз с ужасом узнал в обладателе страшного голоса давешнего гнома с непроизносимым именем. — Клянусь всеми демонами Бездны, как ты мог поверить, что сможешь невозбранно следить за цвергом в подземелье?

Орк что-то сдавленно пискнул.

— Вот-вот. А теперь ты мне расскажешь о своем пахане все, что знаешь.

Внезапно зажегся светильник, и Глаз увидел над собой оскалившуюся физиономию цверга, а рядом с ним огромную вонючую тушу огра и презрительно ухмыляющегося человека в рваном балахоне.

И Бычий Глаз с ужасом понял, что расскажет все. Абсолютно все.

Лишь через несколько минут после того, как затих последний крик, эхо которого еще долго гуляло по подземелью, появился Шмиттельварденгроу. Джалад со смесью страха и интереса посмотрел на него. Цверг тщательно вымыл руки в подземном ручье.

— А этот, Сломанный Клык, хитрый сукин сын, клянусь Бездной. Похитрее многих будет, хоть и орк.

— Мы частенько недооцениваем своих врагов, отчего страдают наши друзья, — разродился новой цитатой Фозз.

— В точку, Фозз.

— Так что интересного мы узнали? — Джалад сгорал от любопытства.

— Есть у нашего общего друга один большой секрет.

— У Сломанного Клыка, что ли? — В жгучем любопытстве джаффец принялся нервно потирать ладони.

— У него самого. Оказывается, в долину ведет тайный ход, по которому он и связывается со своими сородичами, перепродает железо в обмен на всякие разности. А шахтерка — это лишь мелкая часть той торговли.

— В этом замешаны и дварфы?

Шмиттельварденгроу позволил себе снисходительную ухмылку, которая, однако, все равно затерялась в дебрях грязной и жесткой бороды, похожей больше на метелку, прицепленную к мощному цвергскому подбородку.

— А куда ж без них, что б их пожрали твари Бездны! Везде всунут свои жиденские бороденки. И, само собой, найдут способ урвать лишнюю монетку, даже в таких, — цверг обвел широким движением опытного сеятеля пещеру, — условиях.

— И сделайте врагов своих друзьями, дабы изничтожить их изнутри, — дополнил умозаключения гнома Фозз, опять воспользовавшись своей поистине уникальной памятью на книжные цитаты.

— Совершенно верно, друг мой! — Огр все-таки немного подпортил триумф Шмиттельварденгроу, отчего гном среагировал чуть менее радостно, чем следовало. — Бычий Глаз не знал, где находится ход — Клык держит местонахождение в секрете. Умен, демон его раздери! Поэтому мы должны поближе сойтись с орочьей кодлой. И, как правильно заметил наш большой и начитанный друг, «изничтожить их изнутри». По крайней мере, встретиться с Клыком без его вечных прихлебателей, в далекой темной пещерке...

На том и закончили. Приближалось время сдавать дневную норму, а руды они не накапали ни грамма. Пришлось заняться делом, пока тайный ход Сломанного Клыка оставался секретом. Снова в ход пошел иxor жука-огнедуга. Все прошло еще лучше, чем вчера. Даже огр, обычно выполнявший всю опасную работу, практически не пострадал. Лишь чуть-чуть подпалил мех чуть ниже спины, когда иxor вспыхнул позади него огненной сферой, а Фозз улепетывал от него во все лопатки.

Цверг взвесил остатки огненной жидкости в сморщенном мешочке, в который превратилось брюшко огнедуга.

— Немного осталось. Еще несколько раз — и все.

Джалад легкомысленно махнул рукой, мол, что переживать, еще достанем.

— Хех, если бы это было так легко...

— Вы же говорили, что добывали огнедуг в детстве ради развлечений! — насторожился маг.

— Ну... — Шмиттельварденгроу насупись, громко засопел, понимая, что его

подловили. Но это ощущение длилось лишь мгновение, чтобы смениться недовольным бурчанием: — Может быть, я немного преувеличивал, но сути это не меняет!

— И что же дальше? — Джаффец позволил себе немного подпустить недовольства в голос.

— А дальше... А дальше у меня есть планы на данный мешочек.

Какие же это планы, цверг уточнять не стал, отделавшись многозначительным выражением лица. Но Джалад чувствовал, что гном хочет втянуть их в очередную дурно пахнущую авантюру, вроде той, закончившейся прилюдным позором.

— Планы? Опять планы? Помню, в последний раз...

— Джалад, кончай нудеть — у меня терпение не бесконечное. Клянусь Бездной, долго я твоего нытья не выдержу. Сормлю огнедуям, или... Или сам съем. Ты у нас питательный.

Джалад насупился, но промолчал: понимал, что цверга ему не переспорить никогда в жизни. Такое воистину ослиное упрямство стоило еще поискать.

7.

— Клянусь Прохфесаром, мне этот парень нравится! — Клык захохотал во все горло, задрав массивный подбородок. Он смеялся долго, бил себя ладонями по животу — это у орков был такой способ показать, что они веселятся, и чуть порывивал время от времени. — Давно бы так!

Шмиттельварденгроу едва сдержался, чтобы не влупить по зеленой физиономии кулаком. Он представил это во всех красках и движениях, а рука непроизвольно сжалась. Да так, что побелели костяшки, но цверг стойко выдержал искушение. Лишь криво оскалился, пытаясь выдавить из себя нечто похожее на искреннюю улыбку. Получилось плохо, но Клык, слава Бездне, этого не заметил — уж слишком он был увлечен идеей.

А идея, на первый взгляд, была хороша, ой, как хороша. Подумать только: увеличить добычу руды в несколько раз, и все благодаря каким-то подземным жучкам. Именно, подземным жучкам, хотя Шмиттельварденгроу не стал бы столь пренебрежительно высказываться об огнедуях. Но гном мог позволить себе промолчать: орков ему не было жалко, пусть парочка пойдет в расход. Главное, чтоб Клык выжил — у цверга к нему была масса вопросов.

Даже самый хитрый орк не мог на это не купиться. Гном с презрением подумал, что Клык стремится выслужиться перед дварфами на очередную парочку послаблений.

— Так мы договорились? — Шмиттельварденгроу чуть склонил голову набок, оценивающе поглядывая на орка. Здоровый, скотина, хорошо, что у них есть огр — надо будет постараться побыстрее скрутить эту зеленошкурую орясину.

— Договорились, ха-ха! Конечно же! А что ты хочешь взамен?

Шмиттельварденгроу облизнулся. Тут главное не продешевить. Пересохшая глотка напомнила, что он давненько не употреблял алкоголь. Гном пожевал губами, поскреб жесткую бороду. Ответил:

— Неограниченный доступ к шахтерке... И курева. Много.

А что еще можно ожидать от старого пьянчуги, страдающего от крепкой ломки ввиду отсутствия любимых продуктов?

— Лады! — Сломанный Клык сплюнул на когтистую ладонь и протянул для

рукопожатия. Переборов отвращение, цверг повторил процедуру и пожал мокрую шершавую лапу.

Правда, потом он украдкой усердно вытер ее об штанину.

Шмиттельварденгроу, Джалад и Фозз в компании с еще парочкой орков дожидались Клыка, выказавшего желание подготовиться к предстоящему походу. Главарь решил не размениваться своими шестерками, вполне трезво рассудив, что лучше ему самому проконтролировать процесс добычи огнедуйского ихора. Ведь, как известно, если хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам.

Конечно, не обошлось без компании и крепких орков-бугаев. Сам Клык явился попозже, но не слишком — у него, как говорится, подштанники горели. Шмиттельварденгроу с удивлением его оглядел. Воспользовавшись доступом к бесплатному железу, Клык смастерил, то ли сам, то ли с чей-то помощью, настоящий доспех: массивную кирасу, наплечники, конический шлем с нависающим забралом, юбку из стальных полос и стальные же леггинсы, обтянувшие мощные орочьи икры.

Правда, выглядело это отнюдь не внушительно, а откровенно глупо. Изю всех заклепок, соединяющих части лат, завязок и ремешков, то есть буквально отовсюду выпирал оружейный гений орков. То есть не тот самый гений, создающий замечательные вещи, а гений в самом наихудшем его значении, когда кажется, что создать что-то более отвратительное и несуразное вряд ли вообще возможно.

Но для орков нет недостижимых целей. Железо, покрытое крапинками и кляксами ржавчины, криво сидящие доспехи, скрепленные кое-как, грязные и мятые...

Завершал все шлем, увенчанный длинным острым шпилем с мохнатым волосяным хвостом. Само собой, шпиль уверенно клонился вправо, не из-за того, что шлем сидел криво — с этим то все было в порядке, — а из-за всего того же пресловутого кузнечного орочьего гения, умудрившего даже шлем выковать, скосив немного набок.

Завершал все монструозный топор, насаженный на рукоять длиной не меньше человеческого роста. Угловатое, тупое, но компенсирующее все свои недостатки размерами и весом оружие. Таким если не разрубишь, то хотя бы раздобишь, сплющишь, что тоже с точки зрения орков довольно неплохо.

Другое дело, что таким оружием в узких пещерах Четвертого забоя не сильно-то и помашешь.

— Дело-то у нас опасное, — пояснил Клык причину своего маскарада. — Мало ли что...

Шмиттельварденгроу промолчал, но про себя подумал: «А так ты делаешь его еще опаснее. Только глухой огнедуй тебя не услышит! А так как глухих огнедуйцев нет... Значит, никаких жуков нам не светит, господин орк. Зато как облегчает это нашу задачу!» А сам улыбался, скаля острые акульи зубы. Такую улыбку можно было назвать приторной, но разве у акул бывают приторные улыбки? Только соответствующего взгляда не хватает...

Но со взглядами сейчас стоило повременить — такой мастер в опасных и темных ситуациях, как Шмиттельварденгроу, чувствовал ситуацию буквально кожей.

Наверное, разрешение на поход было получено на самом верху, потому как во время странствия по обжитым и людным уровням Четвертого забоя никто не посмел преградить путь по-идиотски величественному Сломанному Клыку и его банде. Никто не изъявил желание бросить даже мимолетный взгляд в сторону орков: при их появлении каторжники старательно отводили глаза и с удвоенными усилиями принимались за работу. Не

расторопных били бычьими хлыстами и пудовыми кулаками орки-подручные, желавшие выслужиться перед главарем. Шмиттельварденгроу и его друзьям это было лишь на руку.

Ситуация немного изменилась, когда необычная компания спустились на необитаемые уровни, где и факелы попадались лишь через несколько десятков ярдов, а вскоре пропали и они. Шахты, прорубленные трудолюбивыми руками каторжан, вонзились, словно скальпель медикуса, в гущу переплетений пещер и таинственных ходов, уходивших так глубоко, что об этом было страшно подумать. И оркам на самом деле стало страшно. Даже матерый и самоуверенный Клык вжался в самую гущу своей банды, затерявшись среди «быков».

А вот цверг приободрился — как-никак практически вотчина — и топал впереди. За ним семенил Джалад, которому общество немых дикарей (а то, что и сам маг мылся неизвестно когда, скромно опускалась, ибо орки не причащались чистотой, пожалуй, с рождения) вызывало отвращение гораздо более сильное, чем страх перед нависающим над самой головой затянутым тьмой каменным потолком. Завершал цепочку спокойный какдохлая рыба Фозз. А вот за ним уже и тянулась сбившееся в перепуганное стадо Клыковская кодла.

Шмиттельварденгроу знал, что огнедуи никогда не вернутся на место смерти их сородича, поэтому он повел орков гораздо ниже, туда, куда сам никогда не забирался, но где гарантированно могли встретиться жуки. А также всевозможные иные неприятности, которые не преминули вскоре сообщить о своем присутствии.

Орк, чье имя история не сохранила, провалился в практически отвесный колодец, внезапно возникший посреди подземного туннеля. Истошный вопль еще долго бился в лабиринте пещер, пока не стих где-то далеко-далеко внизу. И это событие словно послужило сигналом, чтобы из всех щелей полезли всевозможные твари.

Двоих утянула во тьму Черная Пелерина, спустившая с потолка практически невесомые нити. И тут же занялась перевариванием еще живых бедняг. Орки поспешили побыстрее убраться из зоны действия опасного хищника. Чтобы попасться на зубах еще одному.

Теперь уже и вовсе неведомое творение пещерного мира выбросило из темного исполинскую клешню и утянуло самого Раскроенного Черепа. Верный сподвижник Клыка, страшный даже по меркам своего народа уродец, испещренный шрамами, как ладонь линиями судьбы, судя по быстро затихшим крикам мучился не долго. Но парочка зеленокожих все-таки решила это проверить, пусть и не по своей доброй воле, а по безапелляционному приказу Сломанного Клыка. Пропали и они. Как никто не пытался, на все призывные крики тьма ответила тишиной и затихшим на самой границе слышимости шебуршанием.

Клык смирился с потерей, чтобы двигаться дальше. Но теперь он не столь доверял цвергу, смотрел подозрительно и зло. Однажды, когда сожрали очередного орка, а троица каторжан осталась невредимой, он взорвался:

— Куда ты, сожри тебя Пьютер, нас завел?! Пробируешь надурить меня? Быть может, пощекотать тебя моим топором. — И воинственно потряс оружием. При этом задел парочку сталактитов, которыми каменным дождиком просыпались ему за шиворот. Он же подумал, что некий обитатель подземелья пытается испробовать нежного орочьего мяса, и отчаянно заплясал на месте, пытаясь вытряхнуть призрачного вредителя.

Шмиттельварденгроу дождался, когда прекратиться яростная орочья тарантелла и утихнет ужасающий грохот, и только тогда ответил:

— Если ты и твои бандюганы будут так шуметь, то мы, клянусь всеми порождениями

Бездны, никаких огнедуев не увидим и в помине.

— Смотри у меня, — сурово пообещал Клык. — Если что, и никакой дхарский Пьютер тебе не поможет!

Цверг отвернулся и зашагал дальше. Но не минуло и пары минут, как он замер. Поднял руку, сжатую в кулак, словно призывал к молчанию. Но Клыку потребовалось время, чтобы где пинками, а где парой крепких словечек привести орков в спокойствие. Зеленокожие молчали и тряслись от страха, сжимая в мокрых ладонях факелы и оружие. В этот момент они походили на огромного ежа, только что выбравшегося из гущи лесного пожара, и некоторые иглы еще до сих пор тлеют. Гном помолчал некоторое время, словно прислушиваясь к чему-то. После чего прошептал:

— Мы уже рядом. Будьте наготове.

8.

Прямо за поворотом им открылась огромная пещера, чьи истинные размеры были скрыты во тьме, наполненной шорохами и хрустом многочисленных хитиновых конечностей.

Шмиттельварденгроу поднял выше факел и осветил матово-блестящие спинки многочисленных огнедуев и стеклянистые потеки застывшего расплава на каменных стенах.

Где-то около десятка, если не больше. Они ползали вокруг, иногда натыкались на камень или иное препятствие, и тогда они выпрямляли передние лапки и изрыгали пламя. Даже камень не мог ему препятствовать: он плавился, собирался вокруг огнедуев, и жуки начали барахтаться в расплавленных минералах.

— Чтоб их всех Пьютер... — Кто-то из орков не выдержал и громко поделился своим мнением со своими соседями.

Огнедуи тут же заволновались, защелкали жвалами, зашевелили усиками и все, как один, вытянулись вверх на передних лапках.

...Остальные слова утонули в силовом выдохе, что издало пережатое горло глупого орка. Свиное Копыто что есть силы давил его обеими руками. Шмиттельварденгроу подождал немного, пока орк не перестанет дергаться и выразительно посмотрел на Сломанного Клыка, мол, получше бы следил за своими «быками». Клык лишь пожал плечами, отчего звякнул своими самодельными латами. Новый звук еще больше взъярил жуков: пламя стало интенсивнее, насекомые быстро засновали туда-сюда, словно пытались отыскать чужаков, так бесцеремонно вторгшихся на их высокое собрание.

Шмиттельварденгроу глубоко вздохнул, переглянулся с Фоззом и Джаладом. Кивнул. И одними губами прошептал:

— Пора.

Гном пнул ногой один из камней, во множестве разбросанных вокруг, — остатков сталактитов и сталагмитов, лопнувших от чудовищных перепадов температур. Оплавленный булыжник, подпрыгивая на рывках и уступах, отлетел в сторону сгрудившихся в кучу зеленокожих.

— Что за?.. — выдохнул один из них, воинственно потрясая дубинкой с насаженными на нее железными шипами.

Звук, порожденный камнем, разнесся по пещере. Эхо раздробило его на серию

оглушающих щелчков и постукиваний, будто разом сработали механизмы сотен и сотен дварфских часов, отмечающих круглую дату, знаменательное время и прочую глупость. Акустика в пещере была просто превосходная. Шмиттельварденгроу пришла в голову совершенно неуместная мысль, что здесь можно было устроить замечательный концерт на сотню, не меньше, черепных барабанов, дудок из берцовых костей, воя пытаемых кошек и прочих народных цвергских музыкальных инструментов. Зрелище, представшее перед его внутренним взором, было поистине грандиозное.

Но гном вернулся в реальный мир очень быстро: огнедуи, оглушенные безумным эхо, все еще гулявшим под пещерным сводом, пришли в неистовство. Восемь, а то и девять тварей разом изрыгнули огонь, чуть не оставивший от цверга пару капель железа из антимагического ошейника. Но Шмиттельварденгроу неведомым чудом (здесь явно не обошлось без покровительства демонов Бездны, как после уверял он) отскочил в сторону, представляя жукам отличную возможность оставить от орков пепел, сажу, головешки и прочие результаты реакций горения.

Цверг словил себя на мысли, что начинает рассуждать, как джаффский маг, видимо, долгое общение с людьми не проходит даром.

Кстати, и Джалад, и Фозз проявили не меньшую ловкость, укрывшись за оплавленным валуном. Держалось их убежище недолго. Пара секунд, и камень раскалился докрасна и принялся оплывать, как снежная баба под юным мартовским солнцем. Тогда человек и огр приступили к активным действиям, отчаянно прорубаясь к выходу сквозь остатки Клыковской банды. Фозз вырвал у одного полубожженного, обезумевшего от боли орка дубинку, лишив беднягу одновременно и здоровенного шмата кожи. «Бык» вскрикнул и повалился без сознания на пол, чтобы в следующее мгновение исчезнуть во всепожирающем пламени бездумной ярости огнедуя. Но огру уже было все равно. Он с флегматичным равнодушием добивал следующего. На отрешенной огрской морде застыло выражение философской задумчивости, а губы беззвучно двигались, словно он читал по памяти отрывки из некой умной книги, пока вбивал в плечи очередному орку его голову.

Юркий Джалад сновал меж выживших, как ангел мщения, разя направо и налево грубым орочьим кинжалом, снятым с очередного мертвеца. Ослепленные, испуганные и растерянные бандиты метались у самого входа, но все равно не могли его найти, слепо натыкались на стены и друг на друга, пока джаффец собирал свою кровавую жатву. Его глаза, как удовлетворенно заметил Шмиттельварденгроу, пылали истинно цвергской яростью. «А из мальчишки будет толк», — подумал он.

И из-за этого чуть не упустил Сломанного Клыка, проскользнувшего в узкий туннель, ведущий из пещеры. Цверг подхватил чью-то кирку, остро заточенную и, тем самым, превращенную в оружие, и бросился вслед за ним. Краем глаза он заметил, что и Фозз, и Джалад последовали его примеру. В последний момент они выскочили из пещеры, а за их спинами вспух алый, перечеркнутый желтыми росчерками шар и пожрал оставшихся орков. Упругая горячая волна огромной мягкой ладонью подтолкнула замыкающего Фозза, нежно, но настоятельно изгнавшая его самого и его компаньонов из подземных чертогов жуков-огнедуев.

Шмиттельварденгроу приглашать не требовалось. Ухватившись покрепче за кирку, он уверенно настигал Сломанного Клыка, тыкавшегося в лабиринте пещер, как слепой котенок в мешке. Но теперь его начинало подводить собственное здоровье. Грудь словно стальным обручем сдавило — каждый вздох отзывался тупой ноющей болью. Кровь гулками толчками

забилась в висках. Рот мгновенно пересох, а глаза заплыли пеленой кровавых лоскутов. Схватка с орками и последующий пещерный спринт окончательно выбили его из сил, и уже в который раз Шмиттельварденгроу проклял свою беспомощную старость и отвратительный образ жизни.

Цверг привалился к стене, жадно глотая сухой горячий воздух. Фозз и Джалад на мгновение задержались, словно в ожидании очередных инструкций. Струйка тягучей слюны вылетела изо рта, и гном просипел:

— Не дайте ему уйти — он наша единственная надежда. С ним еще штук пять зеленомордых. Всех прибейте, кроме Клыка. А я подойду немного попозже. Лишь немного отдышусь.

Не задавая лишних вопросов, огр и человек вновь устремились за орками. Гном немного подышал и тяжело затопал вслед за ними, ежеминутно останавливаясь, чтобы отдышаться. Кирка тянулась за ним, высекая радостные искры из каменного пола.

9.

Шмиттельварденгроу подоспел лишь на шапочный разбор. Все орки, кроме одного, были убиты, валялись с разбитыми головами и резаными ранами. Сломанный Клык сидел, широко раскинув ноги и озираясь вокруг с совершенно потерянным видом. Помятый шлем съехал назад, а из-под него вылезли мокрые пряди волос, налипшие на лоб. Один глаз заплыл превосходным наливным синяком, а из уголка рта стекала тоненькая струйка слюны. Фозз с плотоядным видом нависал над ним, сжимая в здоровенной лапище уцелевший факел.

— Что... что вы будете со мной делать, дхаровы ушлепки?

— Эй, поосторожней на поворотах! — устало возмутился Джалад, машинально вытирая кинжал об остатки своей мантии.

При виде Шмиттельварденгроу Сломанный Клык подобрался и вовсе тоненьким, писклявым голоском возопил:

— Я Сломанный Клык! Вы не посмеете! Вы пожалеете, клянусь Прохвесаром! Отродь Пьютера...

— Молчать, пока тебя не спросили. — Цверг коротко, без замаха ударил орка по лицу, отчего кособокий шлем окончательно слетел с головы и с гулким стуком укатился в темноту. — Где выход на свободу?

— Тебе не удастся... — Снова удар. Веером разлетелись капли крови.

— Где выход?

— Отродь...

Шмиттельварденгроу бил долго, с наслаждением, пока не устал. Тяжело дыша, он отошел, посасывая сбитые костяшки. Опять повторил вопрос.

Теперь уже Клык молчал, лишь посасывал разбитую губу да пытался определить языком количество выбитых зубов.

— Фозз, раздень засранца.

Огр быстро с этим управился, и вскоре орк остался в некоем подобии стеганого комбинезона, пропитавшемся резкой вонью застарелого пота. Цверг одолжил у Джалада горящий факел и навис над зеленокожим. Фозз быстренько его скрутил, не давая даже

дернуться.

— Думаю, это сделает тебя более общительным! — Шмиттельварденгроу ткнул факелом в живот орка и поддержал, пока комбинезон не начал тлеть и запахло горелой плотью.

Остро запахло мочой. Сломанный Клык страшно закричал и через несколько секунд потерял сознание, но быстро был приведен в сознание могучими огрскими пощечинами. Цверг снова приблизил факел к запекшейся плоти, показывая, что это все еще не конец. И теперь орк испугался по-настоящему.

— Суки! — Глаза у него округлились и сделались испуганными и какими-то молящими. — Я... я все скажу, клянусь Прохвесаром! Только не надо так делать!

— Ну, мы ждем.

И Клык рассказал все. Он спешил, захлебывался словами, перебивал сам себя, перепрыгивал с одного на другое, повторялся, но в его речи был смысл. Слова сыпались из него непрерывным потоком, но из-за волнения и страха акцент стал совершенно чудовищным, и речь вскоре превратилась в бессвязную мешанину рычаний, поскуливаний и стонов. Чтобы привести его в чувство цверг снова расписался на его физиономии своим кулаком. Голова орка мотнулась и он замолчал, тихонько поскуливая, булькая слезами, соплями и кровью. Шмиттельварденгроу наполнился совершенным презрением по отношению к этому жалкому существу.

— Свяжите его — пойдет с нами, если он обманул...

Орк привстал на четвереньки и преданно закивал, словно соглашаясь с доводами гнома.

— Я выведу вас! Верьте мне — я все покажу, клянусь Прохвесаром. Все! За мной...

Фозз не дал ему вырваться. Одним концом предупредительно захваченной с собой веревки связал руки Клыка, а другой намотал на свое запястье. Пинками поднял орка и погнал его вперед.

Орк то вырывался вперед, гонимый стремлением услужить новым хозяевам, то вновь возвращался, напуганный теньями, таившимися в темноте и порой напоминавшими о себе таинственными шорохами и отдаленными завываниями. И принимался всячески ластиться, но подобные проявления рабской покорности были уж слишком навязчивыми, и тогда Клыку немало перепадало от цверга и огра. Порой и Джалад добавлял пару ударов.

Но орк был словно заведенный: забегал вперед, прибежал назад, получал свою порцию тумачков и вновь упрыгивал вперед. При этом он постоянно бормотал:

— Там-там! Уж близко! Я приведу! Я покажу!

Но пока всех вел Шмиттельварденгроу. До тех пор, пока они не вернулись на жилые ярусы. Фозз по знаку цверга немного стравил веревку, позволяя зеленокожему проводнику забегать гораздо дальше вперед. Но перед этим предусмотрительно заткнули кляпом рот, не давая тому возможности позвать на помощь. Тем более все больше их путь пролегал вслед за узкоколейкой, ведущей к станции паротяга. Хорошо, что сейчас работы были в разгаре, и по дороге им никто не встретился, но чем ближе была станция, тем больше возрастала опасность встречи.

По дороге они свернули в укромную пещерку, где хранилось брюшко огнедуга с остатками ихора.

Теперь Шмиттельварденгроу тащил его за своей спиной.

— Стоп! — Фозз с силой дернул за веревку. Орк повалился и обиженно заскулил сквозь кляп. — Там кто-то есть.

И действительно, через мгновение пространство шахты наполнилось гулкими звуками грубой речи dwarфов и топотом тяжелых подкованных сапог. Шмиттельварденгроу, Джалад и Фозз едва успели скрыться в узком тупичке. Последним туда втянули то ли обессиленного, то ли уже равнодушного к своей судьбе Клыка.

— Тихо!

Два dwarфа протопали мимо. Невысокие, но такие массивные, что едва помещались в стволе шахты. Объему придавали секиры на длинных рукоятях и толстые кожаные куртки с наклепанными стальными бляхами.

Они о чем-то болтали на своем наречии, ворочая словами, как камнетесы булыжниками. Шмиттельварденгроу, немного знакомый с ним, разобрал что-то про орка. Dwarфы досадовали, что какой-то «зеленокожий ублюдок» опаздывает и заставляет их торчать в Четвертом забое. Когда они скрылись за поворотом, цверг вытащил кляп и испытующе глянул на орка. Спросил:

— Успел своим хозяевам все разболтать? Кто нас ждет у паротяга?

— Я ничего... — Удар под дых. Клык согнулся от боли.

— Повторяю вопрос: кто? И уж лучше, клянусь всеми порождениями Бездны, тебе рассказать.

— Клянусь Прохфесаром! Я не знаю, сколько их там! Они... они говорили, что будут ждать. Ну, может, от силы штук двадцать dwarфов. Не больше. Хоз... Норманг говорил своим помощникам, что у него мало воинов, а доверить такое дело кузнецам и кочегарам нельзя.

— А тебе можно?

Орк потупился под тяжелым взглядом цверга.

— Я в авторите. Крышую весь Четвертый Забой, позволяя Нору не держать здесь дополнительную стражу.

— Двадцать гномов — многовато будет, — Фозз ожесточенно потер гривастую голову. Джалад кивком выразил согласие с мнением огра.

— Много для нас, достаточно для нашего сюрприза. — Выразительно покачал зажатой в руке брюхом огнедуя, на дне которого болтыхалась опасная как гнев демона жидкость.

Так они пропустили еще два патруля и через полчаса по субъективному цвергскому времени, неразлучная троица вместе с плененным орком вышли к станции паротяга. Хорошо, что внезапно верный Клык указал на тайный ход на станцию, выходящий на маленький козырек под самым сводом пещеры.

А внизу пыхтели, гремели и лязгали многочисленные механизмы паротяга, могущие показаться непросвещенному человеку магическим чудом, порождением неизвестно чего, но гарантированно вызывающего чувство невольного трепета перед величавой конструкцией. Но только не у Шмиттельварденгроу. Цверг в первые мгновения нашел у паротяга кучу недостатков и недоработок: то котел был слишком большой, то шатуны плохо обработаны, то шестерни не зачищены как следует, то шипящие цилиндры шипят не как следует.

Сам гном в технике разбирался куда хуже, чем в темной магии, что, однако, нисколько не мешало ему высказывать свое авторитетное мнение.

Кроме паротяга, внизу суеилось порядка двух десятков dwarфов, может быть и больше. Из-за клубов пара и дыма большая часть посадочной площадки с многочисленными кранами, лебедками и тросами скрывалась в неизвестности. И кто знает, сколько бородатых коротышек таилось в дыму.

— Что делать-то будем? — Джалад выжидающе посмотрел на цверга. По мнению

Шмиттельварденгроу в этом взгляде было слишком много скепсиса, который не мешало и посрамить.

Маг так и не заметил, как цверг одним незаметным движением зашвырнул мешок с воспламеняющимся составом на посадочную площадку. Бурдюк полетел вниз, напоролся на решетчатую стрелу одного из многочисленных кранов, отлетел в сторону и с мерзким хлопаяющим звуком лопнул, ударившись о железную бочину паротяжного котла.

Огонь, оседлав волну перегретого пара, вырвавшегося из расколовшегося котла, с яростным наслаждением лизнул свод пещеры, взвился злобной тварью и обрушил свой пламенный гнев на всех, кто находился в данный момент на станции. Дварфы бросились врассыпную, но бесполезно. Огонь настигал их всюду. Красное с желтыми и черными прожилками море разлилось повсюду, жадно поглощая и живую плоть, и мертвый металл. Крики затихли быстро, поглощенные в огненном буйстве.

Но огонь затих быстро, сменившись раскаленным туманом, что затопил собой все разрушения на посадочной площадке. Развороченные механизмы паротяга исчезли в белесом тумане, подсвеченным краснотой расплавленного металла.

— Ну вот и все! — Шмиттельварденгроу вздохнул в притворном расстройстве. Смахнул несуществующую слезу, улыбнулся и бодрым шагом двинулся вниз, в сторону главного входа.

И в этот же момент наткнулся на разъяренный dwarфский патруль. Бородатые лица разукрасились румянцем праведной ненависти, потные кулаки были сжаты на древках массивных топоров. И именно это спасло цверга от неминуемой гибели. Один из гномов взмахнул своим оружием, чиркнул по каменному потолку, выбив ослепительные искры, и на мгновение задержался, давая цвергу уйти от неминуемой смерти. Лезвие просвистело в опасной близости и со звонким лязгом раскололо валун, попавшийся под ноги.

Шмиттельварденгроу не удержался и завалился на спину. Прошептал пару своих коронных проклятий и отполз в сторону.

— Сдохни, отродье! — взревел промахнувшийся dwarф и ринулся вперед.

Но он не успел. Длинная огрская рука метнулась волосатой змеей вперед, перехватила топор под самым лезвием, вывернула из стальной гномьей хватки и в мгновение ока вернула его обратно, заехав кованым оголовком по широкому dwarфскому лбу. Кровь залила краснокожее лицо, и карлик медленно осел на пол, сведя пустые глаза к переносице.

Второму бы с воплем броситься прочь, предупредить своих о неслыханном злодеянии, да гордость не позволила. Dwarф наклонился, выставив вперед мощную голову на манер атакующего быка, словно хотел повалить огромного Фозза. Но маневр выдался неудачным, а причиной тому были куда как более крупные габариты огра, низкий потолок, заставлявший его находиться на полусогнутых, отчего центр тяжести тела находился не слишком высоко над землей. Dwarф врезался плечом в волосатую тушу и замер, так и не сдвинув огра ни на дюйм. Тот лишь покачнулся.

Покачнулся, оттеснил гнома, вдавил массивной ладонью в пол, заставив того опуститься на колени и одним молодецким замахом отрубил ему голову. Обезглавленное тело покатилося по земле, щедро орошая камни кровавым дождем.

встревоженными и обеспокоенными голосами. И среди них было прискорбно много слов на грубоватом дварфском наречии — уж слишком долго поверженный паротяг не появлялся на поверхности.

Шмиттельварденгроу, Джалад и Фозз вслед за Сломанным Клыкком быстро перебежали измененную до неузнаваемости станцию паротяга. Все многочисленные погрузочные устройства превратились в отекие огрызки, торчавшие из сглаженного пола. Оплавленный остов паротяга торчал из затвердевшего расплава, как скелет какого-то доисторического чудовища, вросшего в камень. От дварфов не осталось ни следа.

Четверка быстро нашла незаметный ход, один из многих пронизывающих землю, как ходы насекомых муравейник. И, если бы не орк, даже такой искушенный в подземных странствиях цверг, как Шмиттельварденгроу никогда не отыскал бы путь среди этого лабиринта.

Цверг пропустил тот момент, когда над ним перестало доветь железо, переполнявшее окружающие земли. Это было подобно глотку свежего воздуха после каменного мешка в тюрьме Горгонадца, или, если использовать цвергские сравнения, блеск граней жила драгоценных камней в свете факелов после удручающего однообразия пустой породы. И оттого особенно сильно сдавило шею кольцо, сковавшее даже не на материальном, а на духовном уровне сущность цверга. Больше его он не собирался терпеть.

По знаку Шмиттельварденгроу вся четверка остановилось. Да и отдохнуть не помешало бы. Тяжело дыша, цверг просипел, с усилием прогоняя воздух сквозь широкие ноздри:

— Надо отдохнуть! Фозз, можешь снять? — Он поддел пальцем железную ленту ошейника.

— Подобно титану, он разорвет цепь, сковавшую мой разум... — согласился попробовать огр.

Сцепил могучие руки на ленте ошейника, запустил толстые пальцы под металл, отчего гном почувствовал, что кольцо угрожающе плотно охватывает шею, мешая сделать полноценный вдох. Фозз оскалился, напряг руки.

Вздулись под плотным мехом бугры мускулов. Тело цверга отозвалось кроваво-красными пятнами перед глазами и разноцветными кругами. Казалось, еще немного и гном больше не будет нуждаться ни в воздухе, ни в магии. Ни в чем, кроме погребального пламени кремационной домны.

И железо не выдержало. Обиженно проскрипело и лопнуло острыми осколками. Шмиттельварденгроу чуть не задохнулся от захлестнувшего его черную душу блаженства единения с темной магией Бездны.

— А мне? — скромно попросил Джалад.

Процедура повторилась и с джаффцем. Маг вскрикнул от удовольствия. Потер освобожденную шею, глупо улыбаясь.

— Дальше, — проскрипел цверг и снова отчаянно заработал отяжелевшими ногами, продвигаясь к выходу. Несмотря на усталость последние ярды казались невероятно легкими, словно он скинул огромную ношу, тяготившую его все это время.

На поверхность они выбрались через несколько часов обессиливающей беготни по подземелью. Снаружи царила холодная северная ночь, миглом обхватившая одетые в одни лишь лохмотья изможденные тела. Над головой чудовищным, многоцветным полотнищем горело северное сияние. Оно отбрасывало призрачные отблески на утесы Ганалийского кратера, отделявшие его от всего мира.

Шмиттельварденгроу обессилено повалился на шлаковые отвалы, покрывавшие склоны горного хребта. Рядом тянулись ряды черных отверстий в скалах, сквозь которые сбрасывалась пустая порода. Видимо, и тот ход, через который они прошли когда-то служил своеобразным мусоропроводом, да по мере углубления шахт был приспособлен местными орками под свои нужды.

Клык опустил рядом, испуганно заглянув в глаза цвергу.

— А... Ты. — Шмиттельварденгроу устало махнул. — Фозз!

Огр опустил могучий кулак на голову орка. Хрустнули раздробленные позвонки. Кровь хлынула из проломленного черепа, заливая идиотскую физиономию.

Сломанный Клык повалился на бок и покатился вниз, по отвалам пустой породы.

— Холодно, — прошептал Джалад, обхватив себя руками за плечи. Сыну огненной Джаффы было особенно тяжело.

Один лишь Фозз чувствовал себя превосходно, впервые за много лет выпрямившись во весь свой немалый рост. Уперся в бока, подставив широкую волосатую грудь свежему ветру с равнин Горго.

— Да уж, теплая одежда нам не мешает, — согласился с магом Шмиттельварденгроу, окончательно продрогнув на ледяном ветру.

Внизу, у самого подножия гор путеводными огоньками во тьме горело несколько костров, а от тайного хода к ним вела найденная тропа с явными признаками активного использования. Вокруг валялся разнообразный мусор и пищевые остатки, глиняные черепки и каменные осколки. И даже пару ржавых ножей. А чуть дальше — опустевший жбан шахтерки.

— Орки? — Джалад посмотрел на цверга.

— Они самые. Кто, как не они.

— Зеленокожие варвары, обитатели стылых земель, враги прогресса и цивилизации, — подтвердил книжной цитатой мысли мага Фозз. — Сколько бед они принесли благословенной Эратии...

— А ты как будто не вредил «благословенной Эратии»? — с ехидцей переспросил Шмиттельварденгроу.

— Непонимание — вечный бич истинного поэта! — наставительно произнес огр. Для увесистости своего довода воздел в воздух толстый палец, увенчанный грязным обломанным когтем.

— Сейчас нам встретятся еще несколько непонимающих! — Шмиттельварденгроу зашагал вниз по тропе. Вслед за ним последовали и Джалад с Фоззом.

По мере приближения стоянки, стали слышны орочьи голоса, грубый смех и рычание, иногда подавали голос верховые животные орков — шаграты. Шмиттельварденгроу припал к вставшей на попа каменной плите и осторожно выглянул, когда до костров осталось несколько ярдов. Рядом с раздражающим шумом скатился Джалад. Фозз, как заправский следопыт, бесшумно спустился и присел на корточки рядом.

— Семь, нет восемь клыкастых, — Шмиттельварденгроу нахмурился. Потом зажмурил глаза и начал шептать что-то под нос. Джалад с любопытством прислушался: какое-то заклинание на цвергском наречии.

Пробежала поземка, и подобно кругам на воде разошелся воздух. Джаладу показалось, что где-то в небе с неслышным, но ощутимым на физическом уровне звуком лопнула струна. Цверг обессилено обмяк.

— Раздери меня демоны! Все еще никак. Пробуй ты, Джалад. Надо идбавиться от орков, желательно по-тихому.

Маг согласно кивнул, и сменил гнома на его посту. Впился цепким взглядом в ближайший костер и забормотал:

— Огонь всесильный! Огонь покорный! Огонь верный! Исполни мою волю — напитайся силой, покажи свою ярость!..

Пламя на мгновение пригасло, подернулось пеплом, чтобы в следующее мгновение взвиться до самых небес. Орки сначала недоуменно застыли соляными столбами, чтобы через мгновение с воплями броситься врассыпную. Огонь взвился огромной змеей, хлестнул в сторону убегающих дикарей, но те оказались слишком шустрыми, и огненное чудовище лишь разочарованно прошипело, роняя снопы искры, мигнуло несколько раз и развеялось на ветру.

Джалада уверенно потянуло в сторону, но Шмиттельварденгроу успел его подхватить и снова поставить на ноги.

— Молодца, парень! — похвалил скрипя черным сердцем цверг южанина. — Пора уходить, пока они не вернулись проверить, кто их так лихо сдул с насиженного места. Ха, они сиганули и даже забыли про своих животных!

Шаграты слепо тыкались друг в друга, кричали неприятными скрипящими голосами, но убежать не могли, будучи крепко стреноженными. Лишь Фозз, несмотря на звероватый облик, сумел их успокоить. Что-то пошептал в мохнатые уши, и шаграты мигом стихли и принялись ластиться к великану.

Орки зарычали в темноте, неуверенно возвращаясь на свою стоянку.

— Нет времени на ласки! Джалад, ты можешь ехать верхом? — Шмиттельварденгроу с сомнением оглядел побледневшего и обессиленного джаффа.

— Легко, а ты?

Цверг насупился. Показательно взлетел в седло, чтобы чуть не сверзиться с обратной стороны, каким-то чудом удержался и с вызовом посмотрел на южанина.

— Клянусь всеми порождениями Бездны, я катался и не на таких тварях, или не быть мне цвергом по имени Шмиттельварденгроу! Ты и представить себе не можешь каких!..

Джалад лишь хмыкнул и с пластикой прирожденного наездника оказался в седле. Происхождение давало о себе знать. В Джаффе лошадь почитались выше жизни. Где-то на уровне воинской чести.

Огр неуверенно помялся, но отвязал остальных шагратов и громкими криками и рыком заставил тех убежать.

— Ты чего? — удивился непривычной жалости Шмиттельварденгроу.

— Тяжесть тела моего так велика, чтобы ее могла нести любая иная тварь земная или воздушная, или морская...

— Ладно я понял. Не отстанешь?

Фозз мотнул головой, мол, справлюсь.

— И это, — Цверг намотал уздечку на руку. — Кончай непонятно говорить.

— Искусство красиво говорить сиречь красноречие есть умение, дарованное свыше, чтобы от него отказываться.

— Ты не исправим. — И впервые за все это время цверг улыбнулся открыто и по-доброму, без всякой задней мысли или злобной задумки. — Тогда вперед. Ходу!

Шаграты послушно рванулись с места. Могучие когтистые ноги уверенно вцепились в

мерзлую землю, густая шерсть раздулась бурыми космами и ледяной ветер облизал шершавым лица и губы, отчего те мигом потеряли чувствительность.

Впереди расстиралась сумрачная равнина Горго. Что ждало цверга, человека и огра впереди никто не знал, но разве это являлось поводом, чтобы отказываться от будущего? Всяко оно будет лучше, чем то, что они оставили позади.

ЧАСТЬ 4. БИТВА ПРИ ЧЕРНЫХ ХОЛМАХ

1.

— Что разлеглись, мокрицы гражданские?! — острый и твердый носок сапога пребольно ткнул под ребра Джереми. — Подъем, глазастьенький ты мой!

Почему-то его невзлюбил Джубел — командир одного из полков «добровольческого» ополчения Грануйского графства, в которое затесался Глазастик, оставалось загадкой. Но сам-то Джеремя не слишком-то и стремился ее разгадывать. Сейчас его голову занимало нечто совершенно противоположное: как побыстрее слить от этого дурно вооруженного сброда, гордо именуемого Первым Грануйским добровольческим полком.

И поначалу идея записаться в ополчение показалась Глазастику вполне адекватной: кто будет искать гоблина-преступника в армии. Правильно, точно такой же идиот, как и сам гоблин-преступник-солдат.

Началось все достаточно просто. В соседнем Ведьминому Яру городке Дубовый Шлем в таверне нажирался армейский вербовщик в гербовой тунике Грануи. Джеремя вежливо подсел к нему, завел разговор и высказал горячее желание послужить Королевству и графству. Вербовщик мигом протрезвел, словно и не выпил до этого два, а то и три (если судить по черепкам на полу) здоровенных кувшина с вином. Скоренько подсунул бумагу с гербовой королевской печатью, где вежливый гоблин вписал свое имя (ненастоящее, само собой разумеется) и место рождения (также весьма далекое от истинного). И с этих пор Джон из Варда стал ополченцем грануйского народного полка под командованием благородного графа Конрада в составе Первой Объединенной королевской армии.

На коротком брифинге, который провел капрал-вербовщик ему и еще несколькими неудачниками, Джеремя узнал, что кроме ополченских подразделений в состав войска входят рыцарские хоругви, а также капеллы паладинов количеством около пятисот штук — элита элит. Все это было бы очень интересным, если бы не один момент: «Джон из Варда» лишь ждал шанса сделать ноги из этой сборной Эратии по войне.

Но вот только шанс все никак не желал показываться: день проходил за днем, миля за милей, войско успело пересечь Маран, и выйти на холодные, опустошенные просторы Восточной Эратии. Вскоре на горизонте показались стены Валдара. В крепости они остановились лишь на один день. Набрав провизии и «добровольцев» королевская армия двинулась дальше в бескрайнюю восточную степь. И чем дальше они отходили от Валдара, тем хуже и горше становилось настроение Джереми. Немало этому способствовал и его гоблин-командир Джубел — отрывка славной зеленокожей и длинноухой расы.

Джубел еще раз пнул его ногой, ехидно улыбаясь.

— Мне долго ждать?

— Встаю, уже встаю! — Джеремя неохотно поднялся, оправил кургузый мундир грязно-зеленого цвета с нашитой на груди металлической пластиной и с глухой ненавистью уставился на командира.

Сержант Кранг, старослужащий и, так сказать, ветеран ополчения, сидевший рядом, испуганно вскочил следом, не дожидаясь начальственного гнева в свой адрес. Джубел лишь скользнул по нему презрительным взглядом и все свое внимание уделил Джереми.

— Ты хочешь мне что-то сказать, лупоглазый? — Джубел заложил руки за спину и выжидающе уставился на своего соплеменника.

Джеремя было открыл рот, чтобы высказать все наболевшее, но заметил, как Кранг сделал страшные глаза и отчаянно замахал из стороны в сторону головой, и все-таки промолчал. Рядовой облегченно выдохнул.

— Никак нет, мастер! — на одном выдохе выпалил Глазастик, отчаянно сверля глазами облачко на насыщенно голубом небе.

Джубел внимательно уставился в неподвижные зрачки гоблина, пожевал тонкими губами, но всего лишь кивнул. Оглядел остальных бойцов своего отряда, разлегшихся вповалку на травянистом холмике.

— Сегодня снимаемся с лагеря.

— Так точно, мастер! — в две глотки гаркнули Джеремя и Кранг.

Лагерь просыпался. Зашевелились многочисленные ополченцы, в своих коричневых плащах и темно-зеленых мундирах похожие на диковинных насекомых, облепивших окрестности Черных Холмов. Чуть поодаль от них, в самом поселке развевались королевские и орденские стяги. Меж высоких шатров сновали люди. А вокруг раскинулось безбрежное поле палаток, обыкновенных навесов и наскоро выкопанных землянок. Особняков стояли возы обоза, строго охраняемые баронскими ратями. Те хоть смотрелись не столь впечатляюще, как паладины, но все же куда уж боеспособнее голозадного ополчения. Вся эта армейская суeta была совсем не по нутру Джеремя.

Гоблин был не особо силен в воинском деле, и весь лагерь напоминал кое-что из обычной жизни: разбитой яйцо на сковородке. Посередине желток, чуть подернувшийся блестящей пленкой, переливающейся на солнце, — это королевская ставка со всеми прихлебателями и советниками. Цвет нации, так сказать. А вокруг безбрежное море уже основательно подгоревшего белка: черная корка голодранцев и бедных селян, силком согнанных в ополчение, и здоровенная плямба обоза. И степь, сухая, выжженная беспощадным солнцем до бледной желтизны — здоровенная сковородка.

Как только перед внутренним взором возникло подобное сравнение, Глазастика сразу же передернуло: на сковородке ощущалось как-то совсем неуютно. Была бы компания еще хорошая, да и с той не повезло: малограмотные селяне и тупой солдафон, только и умеющий, как сверкать командирским глазом и внушительно стоять на посту, держась за небольшое копьцо и внимательно следить за дальним горизонтом.

На дальнем конце лагере зародилось неясное волнение. Джеремя вытянул шею, стараясь разглядеть происходящее. Бессмысленное на первый взгляд метание ополченцев по лагерю показалось ему недобрый знаком. Ой, каким недобрый!

— Что такое? — Джубел развернулся на каблуках. Хорошие у него были сапоги, совсем не стоптанные — видать, одевал он их только по особым случаям. А хороший гоблин — это гоблин без обуви. Глазастик скривился.

К полковнику-гоблину подбежал посланник — мальчишка лет двенадцати-четырнадцати, вытянулся во фрунт и залпом выпалил:

— Степняки, господин полковник! Они выступают!

— Наконец-то! — удовлетворенно протянул гоблин. Громко втянул воздух большим пористым носом и резко рявкнул: — Подъем, оглоеды! Выступаем — оружие получите согласно росписям! Сержанты, стройте этих лентяев! Чтобы через две минуты передо мной был боеспособный полк, иначе...

Что скрывалось за этим «иначе, можно было уже не раскрывать: каждый удумал себе по мере собственной испорченности.

Кранг выпрямился, выпятив тощую грудь, и рявкнул:

— Взвод, стррройсь! Рррнясь! Ну что, оглоеды, скоро будет пляска!

2.

Главное — это оружие. Джеремя относился к этому утверждению с предельной ясностью, нутром понимания, что иначе жизнь его в намечающейся битве не будет стоять и гроша. Поэтому, как только их собрали в некое подобие строя, Глазастик чуть ли не вприпрыжку понесся в сторону обоза, где уже разворачивались большие и тяжелые возы, ведомые флегматичными тарквиниями. Раскрылись полотняные пологи и прямо на землю принялись скидывать связки старого оружия и доспехов.

Глазастик подхватил длинный кинжал и короткое копьё, ухватил посеченную ржой кольчугу мелкой вязки и чуть ли не с торжествующим криком понесся прочь сквозь толпу ополченцев. С этим, ежели что, можно было с легкостью и дезертировать, если особо припечет. Копье бросит, а кинжал пригодится. Да и кольчуга не сильно стесняла движения, и, кроме того, неплохо прикрывала ценную шкурку. Уж кто-то, а он не горел особенным желанием положить свою буйную головушку за короля и прочие мифические идеалы. Главное, уцелеть в первые мгновения, а потом стоит воспользоваться легендарной ловкостью гоблинского племени и слинять в наступившей неразберихе.

Увлеченный своими мыслями, он и не заметил, что, проталкиваясь сквозь толпу, чуть не врезался в мрачного, как глубины Бездны, Джубела. Полковник, сложив жилистые руки на впалой груди, с нескрываемым презрением взирал на Джеремию. Длинный тонкий рот постоянно искривился в отвратительной ухмылке.

— Че, зеленомордый, намылился в легкую пехоту? Побегать хочешь, ножками поработать? — процедил полковник.

Джеремя от неожиданности обмер и лишь разродился протяжным «э-э».

— Че за «э-э»? А ну рррнясь перед своим командиром! — Джеремя тут же вытянулся в полный рост, словно марионетки, которую вздернул на нитях безжалостный кукловод, Гоблин замер, преданно сверля взглядом медную пуговицу на самопальном Джубеловском мундире. — Таких бегунков у нас хватает, а вот в копейщиках — недобор. Некоторые, отринув патриотические чувства, отказывается идти на передовую, чтобы кровью, так сказать... А ты у нас парень не промах. Сержант, марш сюда!

Кранг, гремя сочленениями старого колонтаря, подскочил к полковнику, грохнул латной перчаткой по ржавому остроконечному шлему.

— Господин полковник...

— Выдай этому бойцу и остальным охломонам из своего взвода по длинному копьё или алебарде — выступаете в первой линии. Приказ ясен?

Сержант молодецки звякнул доспехом, повторно и предельно радостно отдавая честь, только, как заметил Джеремя, лицо его смерно побледнело, а рука, застывшая у кованого козырька шлема, мелко дрожала.

— Так точно, господин полковник!

Молодецкий окрик разнесся далеко вокруг, аж звякнул старый колонтарь.

Джеремия от военного дела был весьма далек, поэтому сразу же, как только Джубел скрылся из поля зрения, подскочил к Крангу, дернул за край колонтаря, шепнул:

— Что теперь?

— Что-что... — зло буркнул сержант. — Конец нам. Первая линия — принимает первый удар врага. Сам должен понимать, что в этом ничего хорошего нет. Слышь, гобла, ты шибко везучий?

— Ну, по разному.

— Тогда молись своим богам, чтобы мы пережили этот день.

На горизонте, там, где по данным конных разъездов находился лагерь степняков, вставала серая пыльная стена; мелко дрожала земля — Джеремия остро чувствовал это своими большими плоскими ступнями.

Кранг всунул ему в руки длинное копье, тут же возмнившее себя самостоятельным существом — длинное древко повело в сторону, и только ценой огромных нечеловеческих усилий удалось удержать его в вертикальном положении. На недостижимой высоте сверкал на солнце трехгранный наконечник.

«Здоровенный дрын, и ничего более», — мелькнуло в голове.

— Что застыл, гобла?! — Кранг пнул Джеремию под зад. — В строй, сволота, быстро! — И тут же без перехода: — Рррняйсь, рванина! Равнение, оглоеды! Рррнение, я сказал!!! Или вы думаете, что будете жить вечно, бесхвостые обезьяны?! В строй, вашу мать, за графа, за короля, за Свет!!!

Глазастик чуть ли не кубарем влетел в гудящую толпу злых и рассерженных ополченцев. Толкаясь и спотыкаясь, горе-солдаты создавали некое отдаленное подобие строя. Дубасили друг друга тяжелыми копьями и алебардами, ругаясь и матерясь, но сбивались в плотную кучу, пропахшую страхом, немытым телом и горелой кашей. Кто-то тащил с собой здоровенный чугунный котел, отдувался и пыхтел, но тянул. Кранг подскочил к ополченцу и врезал крепкого подзатыльника.

— Куда тянешь, мать твою? Брось! — С тихим «а пожрать!» ополченец оставил в покое котелок, ко дну которого прилипли скудные остатки каши.

По лбу Джеремии градом катился пот, под отяжелевшей кольчугой одежда промокла насквозь и хлюпала, прилипая к влажному телу. Кто-то отдал Глазастике ногу, и теперь он хромал, морщась от пульсирующей боли при каждом шаге, словно земля была усыпана гвоздями.

— Рррняйсь, стадо баранов! Теснее, мать вашу! Копья держать ровно. И алебарды, умник! — Звук удара органично вплелся в многоголосые стоны этого огромного, но беспомощного животного под названием «народное ополчение».

Копье гуляло в руках, как продажная девка, недовольная размером оплаты. Того и гляди, вырвется. Мощно врезали под коленку тяжелым сапогом — гоблин завыл от боли, но копье удержал, и все-таки втиснулся в середину неровного строя. Вперед в развалочку вышел Джубел, хмуро поглядывая на ополченцев, вооруженных и одетых как попало. Судя по некоторым физиономиям, неожиданная служба для некоторых была избавлением от гораздо худшей участи — плахи и секиры палача.

— Бойцы! — Пуговицы на мундире Джубела сияли патриотическим блеском. Начищенные щитки, закрывающие узкие плечи, слепили глаза. — Сограждане! Сегодня наш долг...

— Ух, сволота зеленомордая, гладко стелит! — процедил сквозь зубы соседний

Джеремие ополченец, здоровенный тип со шрамом, наискосок пересекавшим красную рячу. Из-за него казалось, что Гернор, как вроде бы звали детину, постоянно издевательски скалится. Он громко засопел сквозь сломанный и неправильно сросшийся нос: — Ты как, гобла? Жить хочешь? Ага, я тоже, сученок...

— ...Враг на подходе, и от нас требуются решительные действия. Спасем же наши родные земли от нашествия диких варваров! За графа, за короля, за Эратию! За великий и всеблагий Свет!

Перед строем двинулись клирики со священными бронзовыми лампами и чадящими чем-то горьким и сладковатым кадилами, монотонно читающие литании из больших, покрытых сусальным золотом книг. Когда они закончили, Вразнобой грохнули тысячи ног, и людская лавина, похожая на волну мусора покатила по выжженной степи навстречу пыльному пологу, встававшему чуть ли не до небес.

3.

Отдаленный рокот напоминал голос прибоя, да только откуда в степи море? Нет, то был прибой иного рода... Пропыленный вал тысяч лошадей и людей, грязной пеной над которыми вставали многочисленные грубые знамена: черепа и шкуры зверей, темные флажки и выпелы, гремящие костяные бубны. А перед ним рвалось грозное улюлюканье, пока еще тихое, но с каждой минутой становившиеся все громче и громче.

— Держать строй! — перекрикивались сержанты. Иногда подскакивали к чересчур быстроногим или медлительным и пускали в ход пудовые кулаки и древки копий для вразумления и воспитания. — Держать строй!

Страшно. Немилосердно сдавил мочевого пузырь. Руки — мокрые от пота, и древко скользило, так что толком и не ухватиться. Пальцы гудели от напряжения и хотелось пить. Джеремия посмотрел вверх, на далекое и жаркое не по сезону солнце, что жгло лицо и руки. Кольчуга оковами легла на плечи, мешая дышать и расправить спину. Сейчас решение нацепить на себя доспехи уже не казалось таким удачным.

— Нас пустят первыми, — шептали в строю, — а потом дружинников.

— А паладины? Светляки на что?

— Енто ж элита! Погонят степняков, когда те побегут от нас.

— Побегут, конечно ж! — хихикнули к ответ. — Гляди чтоб нас во время ентого бега не потоптали.

— Ну дык, лошадь — это ж как медведь, а копышко, шо рогатина. Слышь, мужики, что никто из вас не ходил на косолапого?

— Ходили! — Тяжкий вздох.

— Сам ты косолапый! Сравнил, понимаешь!..

— Держать строй, оглоеды!

И все время вперед.

— Не отставать, бараны!

Джеремию уже изрядно шатало от усталости, руки уже не просто ныли, они казались двумя свинцовыми чушками, по какой-то дикому случаю приделанными к телу. Гоблин не чувствовал ни пальцев, ни ладоней, только пылавшие огнем предплечья. Перекинув на плечо копье, он пошевелил онемевшими пальцами, стараясь разогнать застоявшуюся кровь, больше

похожую теперь на расплавленное олово. Мигом в ладони вонзились тысячи иголочек.

Перед глазами плыло. Желтая высохшая трава под ногами, пылающий нестерпимым сиянием небосвод над головой да стена пыли впереди. Черные фигурки всадников напоминали неровный раскачивающийся частокол. Солнце отбрасывало блики на наконечники дротиков и мечей. Доносился многоголосый визгливый вой. Рокот превратился в топот лошадиных копыт, будто чудовищный оркестр, состоящий из одних барабанов.

Под ногами вырос небольшой холмик, и Джеремя, оглянувшись, сумел увидеть королевское войско, пятнистой кляксой растекшееся по степи справа и слева. Позади сверкала королевская ставка, окруженная плотным стальным кольцом паладинов.

— Элита выжидает. — Кто-то нервно хохотнул.

— Гляди, дружинники по бокам. — Шепнули позади.

И действительно клякса с флангов замыкалась двумя темными косами, далеко вытягивающимися вперед. Своеобразные клещи, призванные окружить и сдавить вражескую армию. На ветру полоскались тяжелые знамена графов и герцогов, изукрашенные и причудливые. Джеремя сглотнул: а ведь главный натиск окруженных степняков придется по центру, прямо сюда, где он так бодро вышагивает.

Стало невыносимо страшно, и только чудом Джеремию удалось сдержать подступившую к горлу панику. Но он тут же почувствовал, как что-то теплое течет по ногам. К страху прибавился и стыд. Но, с другой стороны, шагать с опорожненным мочевым пузырем было куда уж легче.

— Стояять!!! — разнеслось гулкое по строю.

Покачнувшись, словно наткнувшись на упругую преграду, армия встала. Сухой жаркий ветер лизнул шершавым языком лицо, на время осушив кожу. Джеремя слизал соленую корку на губах.

— Оружие на изготовку!!! Выполнять!!!

— Это как? — Глазастик обернулся к Гернору.

— Гляди, — хмыкнул ополченец.

Он сделал шаг вперед и с силой вонзил тупой конец древка в твердый грунт. С первого раза не получилось: стальное навершие лишь царапнуло по плотной корке высушенной земли. Только во второй раз, навершие с сухим хрустом вонзилось в почву.

— Ногой подпирай, щоб не выскочил!

Джеремя послушался. Копье вошло в землю лишь с четвертой попытки, да и то неглубоко. Подперев его ногой, гоблин стал ждать.

Степняки приближались. Теперь можно было разглядеть сквозь пыльную пелену отдельные детали: всадников на невысоких мохнатых лошадках, лохматые шапки и грязно-серые кожухи на голое тело, злые лица. Глазастик не мог разглядеть детали, но что лица именно злые, он не сомневался: от таких типов ожидать добрых открытых улыбок не приходилось.

— Стояять!!! — пронеслось над строем. — Чтобы не случилось — держать строй!

Грохот стоял такой, что уже ничего не было слышно, кроме себя самого. Словно весь мир только и состоял, что из топота тысяч копыт по раскаленной земле. Резким рефреном в него вплеталось улюлюканье и вой, что издавали степняки. Видимо, для страха. Честно признаваясь самому себе, Джеремя вынужден был признать эффективность данной тактики: если бы его не подпирали сзади, то он уже улепетывал отсюда во все лопатки.

Теперь он видел степняков во всех деталях. Не мешала ни пыль, ни солнце: хрипящие

кони, безжалостные лица, сморщенные, будто печеное яблоко, загорелые до черноты, сверкающие сабли и короткие костяные луки, уже растягиваемые в смертоносной улыбке. Гремящая костяными бубенцами сбруя.

Взвизгнула стрела, и кто-то, захрипев, упал на землю.

— Сомкнуть строй, болваны! — гаркнули слева. — Не высовываться.

Опять пронзительный свист. Еще и еще. Длинная стрела с белым оперением, скользнула по земле, выбив фонтанчик пыли и подкатилась к ногам гоблина. Как замороженный, он уставился на нее, и лишь после страшного хрипа сбоку, в котором смешался страх и ярость, поднял голову.

Прямо на него летела оскаленная лошадиная морда, роняя клочья желтой пены.

4.

Удар. Словно в гонг грохнули, аж в ушах зазвенело. Заныло, завибрировало в руках копьё. Древко выгнулось дугой — Джеремя отлично чувствовал чудовищное напряжение, возникшее в дереве — и упруго выпрямилось, ударив плетью по ладоням. Оружие выдержало.

Но зато лошадь споткнулась, зарылась с жутким, почти человеческим криком головой в землю. Степняк швырнул в сторону саблю, схватившись рукой за окровавленную грудь, едва укрытую разодранным кожухом. Завалился набок с простого потертого седла и замолк, уткнувшись лицом в пыль. И тут же снова возник гарцующий конь, и воин с глазами-щелочками, размахивающий саблей и вопящий во все горло. Странно, но в его глазах Джеремя увидел все тот же страх. Да, степняк выглядел необычно, но в нем не было ни нечеловеческой злобы, ни одержимости порождений Бездны. У него не было даже самых завалящих клыков и когтей! Даже наоборот: пока степняк раззявил пасть в отчаянном вопле, Глазастик заметил, что у того изрядно не хватает зубов.

И упустил момент, когда степняк замахнулся для удара, готового развалить гоблина надвое. На помощь подоспел Гернор. Наконечник алебарды скользнул в подмышку врага и с хряском вошел в плоть. В лицо брызнули горячие алые капли — степняк выпучил глаза, булькая кровью, хлынувшей из горла. И медленно сполз с обезумевшего коня. Мохноногая лошадка, потоптавшись неуверенно на месте, с хриплым ржанием устремилась прочь.

Снова и снова степняки, как тараканы, лезли вперед. Скалили гнилые зубы, бешено вращали глазами и пытались врубиться в ошестинившийся копьями и алебардами строй ополченцев. В каком-то рванье, сырых невыделанных шкурах, грязные и чумазые. Ничем они не были лучше королевских ополченцев.

— Не зевай! — Гернор, гремя сочленениями кольчуги, воткнул лезвие алебарды не в меру ретивого степняка, что чуть не развалил Джеремию пополам, и тут же схлопотал саблей по спине. Сморщился, прошипел что-то сквозь зубы и развернулся, орудуя алебардой, как косой, благо длинное и широкое острие позволяло подобные выходы.

Стоны и хрипы умирающих, крики и вой еще живых, конское ржание и топот копыт, проклятия и ругательства слились в чудовищную какофонию, увертюру смерти и убийства. Глазастик уже ничего соображал, только тупо тыкал перед собой копьём, стараясь хоть краем лезвия достать хоть кого-нибудь в накатывающих волнах врагов. В глазах рябило и плясало, руки ныли от боли и усталости, его самого качало, как тростник на ветру, но каким-

то чудом он стоял.

Древко выгнулось, заскрипело и заныло, и со звонким щелчком лопнуло. Хлестнуло щепой. Один кусок копья остался в степняке, второй — в руках. С отчаянным визгом Джеремя швырнул обломок в толпу и бросился наутек, вернее, попытался это сделать. Под ноги упал ополченец — молодой еще парень с рассеченным лицом: изо рта хлещет кровь, безумно сверкает единственный уцелевший глаз.

Гоблин повалился на него, перемазался красным. Кровь была повсюду: на руках, на лице, кольчуга покрылась отвратительным алым лаком, земля разъезжалась под ногами, мокрая и скользкая.

— Ы-ы! — Джеремя на четвереньках попытался подняться. Пошатываясь, сделал еще один шаг.

Тяжелое древко влетело прямо в зубы. Во рту мигом стало солоно. Отплевываясь и пуская кровавые пузыри, гоблин пополз, загребая грязь тонкими пальцами.

— Подъем, сволота! — Кто-то ухватил его за шкурку, подкинул как кутенка и всунул в руки копье. Джубел ухмылялся, на окровавленном лице сверкали безумной яростью глаза: — В бой, отродье! В бой... хррр!

Короткий дротик снес полковника. Джубел, ухватившись за торчавшее в груди древко, повалился набок, суча ногами и харкая кровью. На его мундире вокруг торчащего древка мигом набрякло темное пятно.

Джеремя отшатнулся и снова упал в кровавую грязь. Гремящая костяшками на сбруе, широкая конская грудь нависла над ним.

— А-а-а!

— Помогите!

— Держать стро... ух!

Острое копыто кувалдой вбилося в землю на расстоянии в несколько пальцев от головы гоблина, второе скользнуло по уху. Джеремя катался по земле, стараясь уберечься от топчущейся лошади, от ее смертоносных копыт. Страх поглотил его целиком, не оставив ровным счетом никакого лоска, накопленного за всю относительно цивилизованную жизнь. Остались лишь звериные чувства и повадки.

Рука сама нащупала кинжал на поясе, и с силой вогнала его в мохнатое брюхо. Лошадь взревела и встала на дыбы. Джеремя со звериным воем, нажал еще сильнее, и клинок вошел в мягкую плоть по самую рукоять. Гоблин дернул кинжал в сторону, распарывая плотную шкуру. Кровь соленой волной хлынула в рот, дымящиеся кишки вывалились наружу. Лошадь всхрапнула и замертво рухнула на землю, придавив собой всадника.

Его лицо перекосилось от ужаса, когда он увидел, как перемазанное кровью жуткое зеленокожее чудище с длинными обвисшими ушами ползет к нему, скаля острые зубы и сжимая в руках кинжал. На лезвии болтались прилипшие куски плоти.

Джеремя прыгнул и силой вогнал кинжал в горло. Степняк забулькал, дернулся пару раз и затих.

Наваждение схлынуло. Пошатываясь, Джеремя поднялся. Огляделся. Ни о каком подобии строя не могло идти даже речи, все смешалось в кучу: кони и люди, степняки и эратийцы. Лязг оружия, отчаянные крики. Смерть.

— Гобла! А я думал, что тебе конец! — Рядом возник ухмыляющийся Гернор. В руках он сжимал окровавленный по самую рукоять ростовой топор. — Живехенек? Ага, есть в тебе нужная жилка!

Глазастик глухо застонал, поднимаясь. Сил на то, чтобы говорить, у него не осталось.

— Ясно, — хмыкнул Гернор. — Держись меня — будем пробиваться.

Не было никакого желания перечить, и Глазастик послушался.

Яркий блик ослепил на мгновение. Проморгавшись, он увидел, как где-то справа что-то сверкает, настоящая волна сияния, неудержимый вал полированного металла. Неужели...

— Паладины! — взревело сразу несколько глоток по соседству.

— Свет велик! Навались, братцы!

С глухим уханьем ополченцы подались вперед, сбились в кучу, в которой оказался и Джеремя с Гернором. Чуть погодя они заметили и Кранга, продолжавшего командовать своим взводом. Одной рукой он продолжал сжимать грануйское полковое знамя — красный разъяренный бык на коричневом поле. Говорили, что его придумал сам граф. Над толпой витало радостное воодушевление, даже и гоблин поддался на всеобщую веселую лихость. Паладины ведь — победа близка!

Рядом охнули.

— Во имя Света! Мужики, гляньте!

— Держать строй... Ох, что это такое?

— Да защитит нас Свет!

Сверкающая волна распалась на отдельные детали, похожая на шкуру огромной змеи. Тысячи чешуек, уложенных ровным узором. Джеремя присмотрелся и тоже обомлел.

«Елита», как сказали бы ополченцы. Настоящая степная «елита». Все, что было раньше — это так, оборванцы, сродни королевским ополченцам. А теперь... А теперь в бой шла реальная сила. Степная гвардия.

Ухоженные поджарые рысаки вместо нескладных мохнатых лошадок. Яркие попоны и мелкая вязь кольчуги на мощных крупах. На всадниках странный доспех, состоящий из сотен отполированных чешуек, — тело облегает, как вторая кожа. Покачивались в воздухе сотни ярких плюмажей на вершинах остроконечных шлемов с длинными и острыми наносниками, закрывающими чуть ли не пол-лица. Длинные и широкие листовидные наконечники копий наклонены вперед.

Острый стальной клин, как нож в расплавленное масло, вонзился в толпу ополченцев, сминая и разделяя ее на две части. Крики боли и ужаса вспороли воздух, чудовищный лязг сталкивающегося металла резанул слух.

— Где дружинники? Они должны были их остановить! — высокий, полный отчаянной надежды голос откуда-то сбоку. Кажется, это кричал молодой веснушчатый паренек с окровавленным лицом и в рассеченной кольчуге. Мелко дрожало копье в грязных руках.

— Нету уже дружинников, — пробормотал Кранг.

— Нету?! Как нету?! Где паладины?

Кто-то обернулся, вглядываясь назад, где раньше сверкали застывшими статуями из расплавленного металла ровные ряды гвардии Ордена Света, да металось на ветру тяжелое, шитое золотом и серебром королевское знамя. Там ничего не было. Паладины, развернувшись, уходили, перед ними маячил королевский ястреб, а позади — тянулся уцелевший обоз.

— Король бежал!

— А-а! Ратуйтесь, хлопцы!

— Держать строй!!! — Но как-то слишком неуверенно: скорее больше по привычке, чем по необходимости. — Ах, в Бездну все! Отступаем!!!

— Спасите!!!

Ополчение покачнулось, подалось сначала вперед, гремя оружием, и отхлынуло назад. Мигом войско превратилось в обезумевшую толпу.

Паника накрыла черным крылом всех, без исключения. Животный страх за свою жизнь, чувство локтя, сумасшествие спасающихся — все навалилось удушливой волной на Джеремию. Толпа врезала сапогом по печени, втоптала в землю, прошлась тяжелой подошвой по спине, размолотила в щепы древко, все еще стиснутое в руках, подхватила неистовым ураганом с землю и швырнула дальше.

А сзади с торжествующим улюлюканьем неслись степняки, рубили и кололи убегающих, арканы выхватывали из стада, в которое превратилось ополчение, людей и швыряли под копыта своих коней. Сзади неслись стрелы, разя в спины и задницы. Стальной клинок степной гвардии уверенно резал толпу на две части: одна — между молотом и наковальней вражеской армии, вторая... Второй дали шанс, но ненадолго. Как только расправились с первой половиной, степняки повернули и против остальных.

Это была бойня — ничего больше. Глазастик бежал изо всех сил, шныряя между топчущихся лошадей и падающих ополченцев. Чудом уворачиваясь от летящих стрел и стальных молний копий.

Еще чуть-чуть и еще. Дыхание рвало раскаленной кочергой грудь, ноги одеревенели, и гоблин уже совершенно не чувствовал, как он их переставляет. В глазах — багровый туман, и бьется в голове пойманной птицей душа.

Он не бежал, а просто медленно плелся, едва переставляя ноги. Огромные ступни заплетались, цеплялись одна за одну, руки повисли бесчувственными плетями. Еще один бесконечный по счету шаг — ноги подогнулись, и Джеремия рухнул в пыль. Перевернулся на спину. Ему было просто все равно: он устал настолько, что уже просто было наплевать на поганых степняков. Скорей бы они пришли, да прекратили мучения.

Он перевернулся и вместо оскаленных степняцких рыл увидел звезды, огромные, сияющие и завораживающие. Просто звезды...

5.

Он лежал в траве и смотрел на небо. Звезд больше не было, а только лишь опрокинутое бледно-голубое дно огромной чашки. Даже небо в степи казалось пыльным — так и тянуло наслюнявить палец и провести по грязи. Авось, да проступит пронзительно-яркая полоса истинного цвета.

Осознание того, что он все еще жив, пришло к Джеремию лишь после этого дурацкого желания. Потом нахлынула радость. Дикое, необузданное счастье. Хотелось прыгать и плясать, орать во все горло и смеяться до колик в животе. Слава Свету, но сил на все это просто не осталось.

Глазастик лишь тихо застонал, перевернулся набок и попытался подняться, опираясь на руки...

Что-то тяжелое опустилось сверху и снова прижало его к земле. Тихий голос, что пах гнилыми зубами, старым луком и кровью раздался совсем рядом:

— Тихо, зеленка, не шевелись! А то спугнешь свою удачу.

Внутри все похолодело, желудок сжался и подпрыгнул куда-то к горлу. Джеремиа

медленно повернул голову.

Совсем рядом, спрятавшись за павшей лошастью, лежал Гернор и самодовольно лыбился.

— Тебе везет, — прошептал он. Из-за шрама и улыбки его физиономия перекосилась еще больше, став совсем уродливой. — Вот я и решил отхлебнуть из твоей чаши со счастьем. Теперь тихо — степняки за последний час прошли здесь дважды. Может еще подтянуться. Подождем темноты — потом двинемся.

— Куда? — выдохнул Глазастик, косясь на ополченца.

— А дхар его знает! Может на север, к Горгонаду. Думаю, возвращаться в Эратию смысла нет... Заткнись — кто-то идет!

Наверное, Гернор сам себе приказал замолчать, потому что за весь разговор гоблин сказал лишь одно слово. Да что там сказал — выдохнул на пределе сил.

Джеремя тихо перевернулся на живот и залег рядом с ополченцем.

Солнце пекло немилосердно и кольчуга немедленно нагрелась на солнце. Пот потек ручьем, разъедая ранки и ссадины, но Глазастик лежал, молчал и терпел.

Вскоре он услышал тихий шорох — кто-то пробирался между валявшимися в траве телами ополченцев и степняков.

Первых было намного больше — пришельцы с востока гнались за ними долго, добывая паникующий сброд, в который превратилась королевская армия. Наверное, только чудо помогло спастись Джеремии. Оставалось лишь надеяться, что пока что оно оставалось с ним.

Сухой ветер гонял пыль над высушенной травой, шелестел пожелтевшими стеблями, да трепал одежду на трупах. Чего-чего, а мертвецов в округе хватало. Разрубленные, растоптанные тела, поломанное оружие, торчащие обломки копийных древков. Имелось несколько конных трупов, почерневших и раздувшихся. Над степью висела густая вонь, жужжали огромные зеленоватые мухи, назойливо лезли в уши и глаза.

Отяжелевшие от переедания стервятники тяжело переваливались с ноги на ногу, гоняли подвернувшихся ворон, карканьем выдававших свое явное неодобрение подобным поведением пернатых собратьев.

Одним словом, практически идиллическая картинка — трупы Глазастика смущали мало. Главное, что он остался жив, а остальное... Да пади оно все в Бездну!

Жара. Чем выше поднималось солнце, тем сильнее Глазастик ненавидел Великую Степь, а также проклятое ополчение, Джубела, барона, рыцарей, паладинов и, в довесок, самого короля. Еще он ненавидел степняков, но как-то меньше: не они притянули его на край света и не они бросили его в кровавую баню. Скорее гоблин воспринимал их, как неумолимую стихию, вроде морского прибоя, или отлива-прилива. Накатило — и отступило. Теперь Джеремя с предельной ясностью прочищенного крепкой затрешиной мозга понимал, что проку в этом великом походе на восток не было. Степняки морским валом сравняли королевские войска со степью и покатались дальше.

Джеремя представил, куда он мог бы податься. В восточной Эратии делать нечего: разруха, голод, нищета — особого капитала не заработаешь. До западной попробуй-ка добраться, да и бессмысленно. Путь к ней один: через врата Марана, да и то, вероятность столкнуться там с отступающей армией короля и степной ордой возрастает многократно. Значит, тоже отбывается.

Перлам? Так вообще, демон знает где! Непрístupные горы, невежественные овцеводы и грубые наемники.

Джаффские Эмираты? А что, вариант! Погода там всегда хорошая, море теплое, а жители богаты и доверчивы. А как же иначе?! Жизнь под крепкой рукой огненных магов, в безопасности и довольстве кого хочешь расслабит. Вот там да, там найдут применения таланты Джереми по прозвищу Глазастик. Нет, отмечается: чтобы добраться до Эмиратов пришлось бы еще переправиться через море. На западе, через узкую часть моря Седрэ постоянно курсировал паром — огромный плот, сложенный из вековых толстенных сосновых стволов, служивший в своем роде и небольшим городком, где процветала торговля. Городок так и прозывался — Плот. Да и ширина моря в том месте едва превышала двух десятков миль — в хорошую погоду можно было увидеть джаффский берег. А если бы следовать строго на юг прямо из Великой степи, то Джереми неизбежно бы встретил широченную, за сотни и сотни миль водную гладь, кое-где разбавленную небольшими островками, где, судя по слухам, процветало пиратство и людоедские культы. Кто его знает — может, и гоблин придется там по вкусу... В смысле, в запеченном или хорошо прожаренном виде.

Показалась чья-то голова. Белобрысая, лохматая и совсем не степняцкая. Вскоре возникла и вторая, которую Глазастик опознал, как принадлежащую сержанту Крангу. Внутри набухла неожиданная радость — неужели он обрадовался какой-то человеческой морде?! Гоблин-таки не удержался. Приподнялся немного. Махнул рукой.

— Сюда!

— Чтоб тебя дхар! — рыкнул Гернор, но было уже слишком поздно: Кранг и белобрысый успели заметить гоблина.

Сержант махнул в ответ и вскоре был уже в их укрытии. Гернор посмотрел на него совсем не дружелюбно.

— Живой, гобла! Есть в тебе стерженек! — хмыкнул Кранг, похлопав по плечу Глазастика. Быстро кивнул Гернору, подозрительно оглядев того. — Надо выдвигаться домой. Авось обгоним степняков. Хоть они и лошадные, но все равно двигаются медленно: разъезды, обоз... Успеем в Маран, там и встретимся с нашими.

— Нашими? — процедил сквозь Гернор. — Где ты тут наших нашел, сержант?! Наши бросили нас на копья этих уродов. Наши...

— Ты поклялся служить королю и Свету! — набычился Кранг и потянулся к ножу, торчавшему у него за поясом.

Это движение не осталось незамеченным: Гернор подобрался, чуть отодвинулся от сержанта. Самодовольная ухмылка превратилась в звериный оскал. Между ними застыли Джереми и белобрысый.

— К дхару твоего короля! К дхару твой Свет! Я на такое не подписывался!

— А на что ты подписывался, друг? — почти ласково произнес Кранг, пока что лишь оглаживая костяную рукоять. — Кто говорил, что будет легко.

Потом все произошло слишком быстро, но вовсе не то, что ожидал увидеть Джереми. Белобрысый поднял голову и уставился куда-то за спину сержанту. Лицо его, длинное, почти лошадиное, вытянулось еще больше. Яркие проступили веснушки на бледной коже.

Гоблин даже не стал смотреть. Спустя мгновение он услышал громкое лошадиное ржание.

— Илля-алланай! — истошно взвыл степняк, и волосяная петля аркана взлетела в воздух.

Джеремя с отчаянным воплем отпрыгнул, и веревка захлестнула горло белобрысого. Тот попытался ее сорвать, но в следующий момент всадник рванул аркан, затягивая петлю, и ополченец повалился на землю, хрипя. Что-то явственно хрустнуло — и малец обмяк. Лошадник дернул поводьями, рванул в сторону, и уже мертвец потянулся за ним по земле.

Кранг вскочил, метнул нож. Тот мелькнул серебристой рыбкой и впился в бедро степняка, прибывая его к лошади.

Воин вскрикнул, выпустил аркан, хватаясь за торчащую из его плоти рукоятку. Но не успел. Гернор повалил его вместе с лошастью, потянув за сбрую. Оседлал и в три удара превратил узкоглазое скуластое лицо в кровавое месиво.

Кранг мотнул головой Джеремя.

— Уходим.

Гернор уже не ждал их, рванул прочь, пригибаясь к земле. Слышались гортанные степные кличи и доносился топот копыт.

Дзинькнула тетива, и стрела скользнула по длинному торчащему уху гоблина. Он споткнулся и упал, обхватив голову руками. Перед ним в поднявшейся пыли гарцевали степняки верхом на своих мохнатых лошадках. То же самое было и позади.

Гернор остановился, поднял руки. Аркан захлестнул его и повалил на землю. Тут же двое степняков на полном ходу соскочили на землю и принялись его вязать. Кранг развернулся навстречу нагонявшим его лошадикам, вскинул руки — видимо, он что-то собирался кинуть, потому что вслед за этим движением в него впилось сразу две стрелы. Сержант замер, подняв руки, сплюнул кровью на землю, измазав красным бороду, и медленно завалился назад. Джеремя замер и принялся мысленно молиться Джулии, надеясь, что она еще следит за ним и не обиделась на него из-за разбитой статуэтки. Хотя надежды на это было мало.

Рядом опустилось лошадиное копыто, сминая стебли степного ковыля. Медленно, очень медленно Джеремя повернул голову — над ним возвышалась, заслоняя солнца могучая фигура, получеловек-полуконь. Солнечные лучи слепили и не давали разглядеть лица.

— Хирра макуйлла! — хрипло сказал степняк и коротко хохотнул. В его руке было кривая сабля, но не спешил пускать ее в ход.

Клинок с легким шелестом вошел в кожаные ножны. Степняк перегнулся через седло и ухватил гоблина за длинное ухо. Джеремя дико взвыл, и даже не от боли, а от обиды, острой, будто клинок паладина. Ухо горело огнем, а ноги уже болтались в воздухе. Степняк, держа гоблина за ухо, поднес его к лицу. Ощерился щербатой ухмылкой; дохнуло гнилью из разверстого рта.

— Хирра макуйлла? — снова процедил он сквозь зубы. Вышло нечто вроде шипящего шепота, будто это произнесла змея, внезапно научившаяся говорить.

Рядом появился еще один степняк. Он рассмеялся.

— На-хирро! — И ткнул пальцем в одну голов, притороченных к его седлу. Указывал он на залитую давным-давно высохшей кровью голову Джубела — это поганую физиономию Джеремя не забыл бы никогда. — Хоблин-а.

— Хооблин! — протянул первый степняк и выпустил Глазастика.

Но тот не успел ступить и шага, как его обхватил аркан, а чьи-то сильные руки прижали его к земле и со сноровкой принялись вязать ему руки.

Джеремия не сопротивлялся и вскоре оказался рядом с Гернором. Половина лица бывшего ополченца заплывало огромным синяком, руки были крепко связаны за спиной. Длинный кожаный ремень тянулся от него к одной лошади, привязанный другим концом к высокой луке седла. Точно такой же ремень связывал Джеремию и лошадь того самого степняка, что тягал его за ухо. Судя по его лицу, шибко довольным он не выглядел: видимо, ожидать поймать кого-то более мужественного (и человеческого), а не неведомую зеленошкурую зверушку. Он с раздражением дернул за ремень, заставляя Глазастика подняться, и двинулся вперед. Рядом с гоблином поплелся и Гернор. Единственным способным открываться глазом он посмотрел на Джеремию.

— Что, гобла, исчерпалась удачка-то? Слишком много в одни руки — поглядишь, и на меня обратит внимания! — он хохотнул и тут же осекся под угрюмым взглядом раскосых глаз едущего рядом степняка.

ЧАСТЬ 5. СРЕДИ ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ

1.

— Слыхали, степняки погнали короля чуть ли не до самого Марана!

— Падла! Вешать таких надо!

— Погоди-то вешать! Вешать — это дело нехитрое! Г-рят, степняков была — тьма тьмущая! Наши посекали половину, а против второй половины таки и не выдюжили.

— Не выдюжили?! Ха-ха! Да почти все паладины вернулись назад — г-рят, они в битве даже не участвовали. Только мужичков положили...

— Да-а-а! Мужичков — жалко. Чуть какая беда — сразу мужичков по загровку. Графья жируют, а мужички расхлебывают. Эх, наливай давай — помянем.

— Только не чокаясь!

— Дык, само собой!..

Гурдел повернулся и вопросительно посмотрел на Геронима. Полуэльф хлебал местный горький эль, при этом он держал бокал, брезгливо отставив мизинец в сторону. Героним Аеландский, гроза всех придворных красавец и похититель фрейлинских сердец страдал. Страдал от невозможности принять ванну, сменить белье и просто от невыносимой компании глупого и прямого, как доска, тролля.

— Что?! — буркнул полуэльф, соизволив-таки обратить внимание на своего вынужденного компаньона.

— Авось, проканает? Чай, со степняками не каждый день война. Забыли про нас, а, как думаешь?

— Ага! — отозвался Героним с неприкрытой издевкой. — А потом догнали, и еще раз забыли! Пойми, тролль твою башка, Цитадель от нас так просто не отделается: паладины землю рыть будут, но найдут!

— А я здесь при каких? — Тролль начинал злиться — его уже знатно бесило высокомерное презрение полуэльфа. Вместо того, чтобы вместе искать выход из сложившегося положения, он просто предавался пьянству и банально сидела на шее у Гурдела. Кому это понравится?

Героним пробулькал что-то невразумительное и вновь принялся за свой многонесчастный эль. Их бегство из Ведьминого Яра нельзя было назвать организованным. Хоронясь по пустынным лесным тропам, им удалось оторваться от преследователей, но вряд ли надолго. Если Гурдел еще мог в одиночку, как и любой тролль, прожить, питаясь подножным кормом и не обращая внимание на острую нехватку удобств цивилизации, то Героним, будучи утонченным ценителем комфорта был просто обузой: он не мог в одиночку выжить в лесу, не обладал выносливостью и силой тролля и не мог спокойно переносить отсутствие элементарных удобств, к коим он привык за свою жизнь в королевском дворце. Но, чего нельзя было не признать, в полуэльфе был стержень. Пока Героним Аеландский держался и это хорошо — кто знает, чего стоило ожидать впереди. Одно раздражало — неизбывное высокомерие, из-за лишений и трудностей ставшее еще язвительнее и злее.

Героним и Гурдел остановились в трактире «Сонный мельник» — неплохом по меркам эратийской глубинки заведении. В отличие от столичных притонов тут не пытались

обдурить, обсчитать, а протухшего цыпленка выдать за свежего дракона, и относительно чистые комнаты сдавались за умеренную цену. Только местный эль был на любителя — горечь от каких-то добавляемых трав надолго еще чувствовалась на языке. Хотя, если распробовать, был вполне ничего.

Посетителей было немного, даже по меркам воскресного вечера, что для местного захолустного Кадийского графства было не так уж и удивительно. В основном, охотники и рудокопы. Густые леса западных отрогов Королевского хребта давали много дичи, а местные каменистые земли не уступали им в изобилии рудных жил — требовалось лишь желание все это добыть и стойкость к невзгодам и лишениям. Дикий, малоосвоенный край — тут привыкли доверять только себе и не ждать помощи от короля или Ордена. Торгмар и Цитадель ведь далеко, а разбойнички и прочая нечисть — близко. Поди дождись помощи — уж лучше самому взять в руки топор... Но даже здесь главной темой для разговоров была начавшаяся война со степными племенами, а особенно — недавнее поражение королевского войска. Видать, и отсюда немало кормильцев ушло на войну, без надежды вернуться домой.

Как ни отвратительно это звучало, но война могла сыграть на руку полуэльфу и троллю: в наступившей неразберихе, когда к границе подходила орда и неизвестно еще, как поведут себя дварфы-уты... Что гномам до людских распрей, а степняки наверняка будут покупать оружие Подгорья не хуже эратийцев! Короче, путь был один: через Королевский хребет в Восточную Эратию, оказавшуюся фактически отрезанной от метрополии. Но надо было спешить, пока еще первые снега не перекрыли горные перевалы. Что ж, они практически успели: отсюда и до Бакшунского перевала оставалось совсем чуть-чуть — семьдесят миль по дрянной дороге, но это мелочи по сравнению с тем, что довелось пережить ранее.

И только потому Гурдел согласился с Геронимом переночевать в более-менее приличной гостинице. Оставалось уже совсем чуть-чуть, а после перевала их следы просто затеряются на просторах Восточной Эратии.

Полуэльф наконец-то допил свой эль и отставил кружку в сторону. Словно из-под земли у их столика возник хозяин заведения — «Сонный мельник» не был таким богатым заведением, чтобы позволить себе подавальщика. К тому же трактирщик проникся симпатией по отношению к своим гостям, ведь, судя по грубым, будто на камне тесаным чертам лица и мощному телосложению, в его жилах текла определенная доля крепкой, настоящей тролличьей крови.

— Что желаете еще?

— Эх-ма! — Гурдел хлопнул по заметно округлившемуся пузу. — Моget, и хватит. Слышь, хозяин, нам бы комнатку...

— Все, что угодно! У нас есть богатый выбор...

— Самую лучшую, что есть в этой дыре! — хлопнул плотно набитым кошель по столу Героним: местный эль оказался, судя по всему, чересчур крепким для утонченной эльфийской конституции. — Чтоб с удобствами!

Трактирщик, что только-только плотоядно облизывался, глядя на туго набитый кошель, соорудил скорбную мину.

— Сожалею, сударь, но удобства все во дворе.

— А ванна тоже во дворе?

— Что вы, сударь! Если изволите, то тотчас же прикажу приготовить!

— А во сколько обойдутся нам сии апартаменты?

— Серебряный с каждого.

— Что?! — подскочил полуэльф. — Да это грабеж среди бела дня! Да в Торгмаре столько стоит приличная гостиница!

Трактирщик равнодушно пожал плечами.

— Ну, езжайте в свой Торгмар. А тут мы единственные, и нас свои расценки. Так что — вот!

Гурдел, не принимавший участие в споре, молча выложил на стол две монеты. Мужчина профессиональным движением сгреб их в карман.

— А, ладно! — величаво махнул рукой Героним, мол, давая свое величайшее дозволение. — Веди в свои хоромы!

— Прошу за мной, судари!

Трактирщик провел их на второй этаж своего заведения и показал их комнату: широченную, хоть пляши, да только обстановка была более чем скудна. Пару кроватей на массивных резных основаниях, сундук, надежный, деревенский, окованный тусклой медью, пара стульев да тяжелый стол с выскобленной до белизны столешницей. Потемневший от времени бронзовый подсвечник на ней.

Героним скептически оглядел комнату, шепнул троллю:

— Может, отдельную возьмешь — может, тебе не ведомо, но во сне ты знатно храпишь.

Гурдел украдкой показал полуэльфу мозолистый кулак.

— Стерпишься!

— Ладно, — быстро согласился тот, — только ты ждешь, пока я не засну.

Тролль промолчал.

Наконец, трактирщик закончил расписывать те шикарные по местным меркам удобства, что он готов был предложить, и осведомился:

— Судари желают вместе обмыться?

Тролль свирепо зыркнул на мигом стушевавшегося мужчину.

— Нет! Я и так обойдусь! — И протопал к своей кровати. Мебель жалобно скрипнула под его весом. Героним страдальчески закатил глаза.

— От тебя воняет!

— Ниче! — махнул рукой Гурдел — Стерпишься.

— А я желаю! — сказал Героним. — Пусть приготовят прямо в комнате.

— Мигом исполню! — трактирщик поклонился.

Он, было, направился к двери, потом остановился. Оглянулся на своих гостей.

— Судари, — трактирщик откашлялся, — прошу ночью из трактира не выходить.

— А что так? — мигом заинтересовался полуэльф.

— Ну, у нас это не принято... Знаете, поверья там всякие...

— Какие-такие поверья?

— Ну... — Мужчина явно стеснялся описывать местные суеверия путешественникам из столицы, как представились полуэльф и тролль. — Сегодня полнолуние, а Большой Ларвийский Погост... Конечно, это все суеверия, но, видите ли, люди пропадают да и вовсе — лучше поберечься... Мало ли что, а то ведь случается... всякое... Милостивые судари могут не обращать на мои слова внимания, но на душе легче будет, раз я предупредил. Вы же сами решайте, что да как...

Наверное, трактирщик еще долго бы распылялся в извинениях, но Героним прервал его повелительным движением руки.

— Хорошо! Мы поняли! А теперь ванна!

— Ах, да-да-да! — закивал головой трактирщик. — Сей момент!

И скрылся за дверью. Полуэльф осторожно поставил Головоруба, замотанного в тряпье, в уголок и с видимым наслаждением потянулся.

— Что ж, вполне себе и ничего!

2.

Ванну — здоровенную деревянную бадью — приволок дюжий хлопец, невероятно похожий на трактирщика, наверняка, сын. Он же натаскал и горячей воды, исходящей густым паром. Потом пришла и дочь — тоже крепко сбитая девушка, но довольно-таки миловидная, видимо, пошла в мать. Она принесла чистые полотенца и здоровенный кусок вываренного мыла. Героним не стал дожидаться ее ухода и принялся скидывать грязные пропотевшие одежды. Девушка мигом зарделась и рванулась было к двери, но полуэльф окликнул ее:

— Милочка, а одежду простирать?

Оглушительно хлопнула дверь — аж посыпалась труха с потолочных балок. Гурдел ухмыльнулся, а полуэльф озадаченно почесал голову. Пожал плечами.

— Недостаток воспитания — что поделать!

Троль сдавленно хрюкнул в ответ, едва сдерживая улыбку. Повалявшись немного на кровати, ему надоело внимать водным процедурам своего спутника, и он решил спуститься вниз — хлебнуть еще пару кружек местного эля. Или чего покрепче, благо, деньги позволяли — бежав из Ведьминого Яра, троль и полуэльф прихватили с собой и жалованье, которое полагалось им, как агентам Цитадели Света. Вышло немало — паладины не поскупились. А чего им скупиться? Только идиоты или полные безумцы решат обчищать карманы воинов Света.

Спустившись вниз, троль заказал себе две кружки эля и тарелку местных копченых «медвежьих ушек». Конечно, с теми, что готовят тролли, им не сравниться, но все же лучше, чем в том Ведьмином Яре. Цивилизация со всеми ее недостатками еще только пробиралась сюда, и потому еще можно было вкусить сладостный вкус дикой воли в этом захолустье. Оприходовав эль и «ушки» Гурдел почувствовал, что и это и все предыдущие просится наружу — что ж, можно и поискать достопамятные удобства.

Сделав все свои дела, троль, заправляясь, вышел на дорогу, огляделся. Безымянная деревенька со всех сторон окружалась непролазным лесом — ели-великаны, темные, мрачные, вздымались вокруг, и терпкий аромат свежей хвои приятно щекотал тролличьий нюх. А над лесом проступали голубоватые отроги Королевского хребта, где глубились зацепившиеся за острые вершины каменных великанов облака.

Почти, как дома...

Гурдел тяжело вздохнул: немного раньше, когда он только-только ушел со службы, то можно было отправиться сюда — наверняка здесь отличная охота. А потом, кто знает, и остаться, завести жену... Местные красавицы отдавали предпочтение домовитости и мужской силе, чем смазливой красоте — полуэльф не пришелся бы здесь ко двору, а вот троль... Могучий, крепкий, выносливый — мечта, а не мужчина.

Мечтая, троль, однако, не переставал внимательно наблюдать за всем происходящем. Не укрылось от его взгляда и кавалькада всадников, въехавшая в поселок по центральной и

единственной улице, сливающейся с коротким огрызком тракта, что вел к горам, к гномьим шахтам.

Возглавляли процессию с десятков дружинников барона Кравии, соседа управителя местных земель, судя по геральдическому медведю, вставшему на задние лапы, изображенному на черных туниках. Только что-то важное могло заставить их пересечь границу графства — граф и барон были старинными соперниками. Знаковая ситуация: большинство удельных правителей королевства враждовали между собой, и только вассальная присяга королю удерживала шаткое подобие мира. Такая же выходка могла крепко попортить крови кравийскому барону: кадийский граф теперь имел полное право собрать свою дружину и вторгнуться к соседу. Если только...

Гурдел помянул демонов Бездны: вслед за дружинниками на гордо вышагивающих конях, традиционно светлой масти, выехали паладины: сверкали скромным осенним солнцем зеркала кирас и наплечников, развевались белоснежные плащи, правда, по краям они потемнели и набрякли тяжелой влагой. И у каждого мечи у пояса, кавалерийские топоры-клевцы с узким вытянутым лезвием, притороченные к седлу, имелись и небольшие арбалеты, наверняка, дварфской работы. Всего пятеро рыцарей — не так уж и много, если не считать, что среди них был обладатель золотой перевязи. В плотной коже, вышитой золотыми нитями и усыпанной мелкими бриллиантами, скрывались освященные свитки с выдержками из Светоча. Командор Ордена — это не шутки. Цитадель взялась за беглецов чересчур серьезно.

И теперь все вставало на свои места: паладины слишком спешили, чтобы успеть попросить, а вернее потребовать помощи у местного графа. Остался последний вопрос: как они отыскиали Гурдела и Геронима? Троль справедливо гордился своим искусством следопыта, как и любой, родившийся в лесистых предгорьях Горх-а-Нарг, или Драконьих Зубов по-тролличьи.

Краем глаза он заметил движение у обочины. Присмотрелся и...

— Мать Камня!

И тут было чему удивляться. По обочине, пригнувшись, чуть не стелясь по земле, бежал боггарт. Чем-то он походил на гоблина, но только совсем чуть-чуть: не такой длинный нос, уши тоже короче и прижаты к вытянутому узкому черепу, щелки черных непроницаемых глаз. Тело боггарта было скрыто грязными лохмотьями, а вся кожа разрисована коричневыми и зелеными полосами, так что и не разглядеть истинный голубоватый цвет кожи. Теперь шансы тролля и полуэльфа стремительно уменьшились: боггарты слыли лучшими следопытами в королевстве. Куда там даже троллю: твари до сих пор жили в глухих пущах у подножия Эстадийских гор, с людьми общались эпизодически, но порой их нанимали для различных деликатных делишек, когда требовалось кого-нибудь выследить и по-тихому убрать, но их услуги стоило дорого, очень дорого.

Всего Гурдел углядел четырех боггартов — слишком много, чтобы тролль и полуэльф без проблем добрались бы до горного перевала. Теперь придется повозиться.

Пока что тролль, укрывшийся на заднем дворе за конюшней, оставался незамеченным: можно было столь же незаметно и убратся. Главное — не выпустить из поля зрения крадущихся боггартов, дружинники и паладины на данный момент представляли гораздо меньше опасности. Но, так или иначе, стоило поспешать. И Гурдел бросился к таверне.

Заскочив в общий зал, он заорал во всю мощь своей глотки:

— Горгонадец! Отродья Тьмы атакуют! — Схватил тяжеленный табурет за ножку,

вознес над головой, как боевое знамя. — За Свет, братцы!

Реакция была соответствующей: местные жители, знакомые с Горгонадцем и с Темными войнами в большинстве своем понаслышке, подскочили со своих мест, заголосили, заметались в поисках оружия. Троль не стал дожидаться дальнейшего развития ситуации: воспользовавшись наступившей неразберихой, взлетел на второй этаж. С ходу вынес дверь и заскочил в комнату. Героним только-только начинал вытираться мягким полотенцем, длинные светлые волосы слиплись в мокрый хвост.

Полуэльф вытаращил удивленные глаза и от неожиданности попытался прикрыться полотенцем.

— Что... что ты себе позволяешь?!

— Тикаем! — гулко выдохнул Гурдел.

— Почему? — искренне возмутился полуэльф. Из дверного проема тянуло прохладным ветерком, и Героним начинал мерзнуть. — Зачем дверь-то выбил, а?

— Паладины уже тут!

— Ах, демоны... — Героним принялся лихорадочно собираться, напяливая одежду прямо на влажное тело. — Как они нас нашли?

— Они наняли боггартов.

Полуэльф скептически хмыкнул.

— Они всего лишь легенда...

— Хе-хе, — жестко ухмыльнулся троль. — Сча эта легенда с удовольствием сдаст нас паладинам. Ты готов?

— Ага! — Героним подхватил завернутый в тряпки Головоруб. Проклятая секира ощутимо завибрировала — видать, почувствовала близкую кровь.

— Во имя Света! — донесся снизу приглушенный крик, а затем грохот и шум борьбы.

— Они тут! — выдохнул троль и бросился к окну, выходившему на глухой лес.

Немногим ранее...

Командор Хорас чувствовал, как в крови разгорается жаркое пламя, как по вискам стекает пот, казавшийся обжигающим кипятком — хорошо, значит снадобье, приготовленное ведьмой, действовало.

Ненадолго, но выпитого хватит, а в переметной суме еще немало этого жидкого огня, страшного ведьмовского зелья... Но разве был у командора выбор?

Смертный холод не уходил, он лишь затаился где-то внутри, сжался под напором колдовского жара, но Хорас чувствовал, всегда и всюду чувствовал стылое дыхание болезни, от которой не было лечения ни у клириков, ни у темных колдунов.

Но зелья должно было хватить для того, что он задумал.

Хорас не стал ждать и сам вызвался в далекий путь вслед за таинственным оружием зла, что Цитадель собирала по всей Эратии: что тихо страдать от холода в неприветливой Цитадели, уж лучше сжечь свою кровь в бою на Свету.

Да, и об этом он знал, но что поделать: последнее общение с Магистром зародило сомнение и смятение в душе командора — он просто должен был во всем разобраться. Даже, если здесь была замешана сама Тьма.

Ведь, что, собственно, Хорас да и остальные братья знали о Железном Дровосеке? В

общем-то, ничего, если не считать многочисленные легенды, коими Магистр обзавелся за свою весьма долгую жизнь. Даже лицо — и то никто никогда не видел. Внешность его оставалась загадкой и для самого близкого окружения. Что и говорить про остальных?

Конечно, о своих размышлениях и подозрениях Хорас не стал докладывать своему командиру — лишь вызвался непосредственно участвовать в поисках полуэльфа и пропавшего проклятого оружия. Вполне благородная и верноподданческая цель — не подкапаешься. Странно было, чтобы Магистр отказал: не в его власти сдерживать стремление защищать Свет, хотя отговаривать пробовал, но, само собой, с нулевым результатом. Хоть здоровье Хораса и оставляло желать лучшего, ждать ни в коем случае нельзя было: в обозримом будущем стоило ожидать лишь ухудшения. Да и после поражения у Черных Холмов у Магистра были совершенно иные проблемы, правда, что было странно, он словно бы и не расстроился известиям, полученным от гонцов. Объединенная королевская армия спешно переправлялась через Маран, а он хранил уверенное спокойствие. Что ж, еще один кусочек складывающейся мозаики, правда, ясности он не прибавил.

И потому Хорас спешил. На следующий день он с несколькими ветеранами, с которыми он когда-то вычищал Эратию от порождений Бездны и в верности которых не сомневался, выехал в сторону Ведьминого Яра. Правда, до самого городка они так и не добрались. На полпути у Тианнора он свернул на север, к неприметному домику, притаившемуся у окраины Королевской пущи.

Только жил здесь совсем не обычный земледелец, хоть и походил он на зажиточного крестьянина, получившего вольную во времена Блайда Седого. Что, в общем-то, и неудивительно, ведь Светочом заповедано быть смиренным и скромным.

Чего-чего, а скромности у Дериола была хоть отбавляй, а вот смирения, наоборот, ощущалась острая нехватка: не раз и не два бывал он бит за свою молчаливую строптивость и необычайно острую память, особенно, это касалось того, что помнить-то и не советовалось. Например, о том, как отче Киату из Старого Дола воровал из храмовой казны и учетные книги вымарывал и переписывал. Короче, с подобным талантом Дериолу могло здорово не повезти, если бы он не попался, однажды, на глаза братьям-паладинам. С тех пор заведовал молодой, но невероятно памятливым клирик архивом Ордена.

Заведовал долго — так долго, что застал правление трех Магистров, пока, все-таки, в глубокой, но почетной старости не отправился на покой. В небольшой, но уютный домик в срединной Эратии.

— Приветствую, друг Хорас! — Дериол вышел их встречать еще тогда, когда они только сворачивали на малоприметную тропку к домику, скрытому зарослями яблоней и небольших, аккуратных груш. Несмотря на возраст, он еще сохранил бодрость духа и свою извечную скромную улыбку. Только голова его окончательно побелела, словно покрылась паутиной, а на лице прибавилось глубоких морщин. Глаза, правда, несколько не изменились: ярко-голубые, внимательные, а также холодные, как лед Сельдяного моря. — Какое дело привело тебя ко мне? Слыхал я, что некая хворь одолела тебя!

Командор остановился, поднял руку, закованную в латную перчатку — под доспехами он потел немилосердно, даже на прохладном осеннем ветру, но это радовало, ведь, как говорят в народе, жар костей не ломит. Хоть несколько дней без вечного нутряного холода.

— Разве я не могу навестить своего старого друга? — Хорас был только в кольчужном капюшоне — тяжелый шлем с фигурным забралом был приторочен к седлу. — И да, болел я долго, но вот полегчало мне — думаю иду на поправку.

Он сжал кулак — скрежетнули друг о друга пластины из полированной стали.

— Видал!

Дероил улыбнулся и слегка кивнул, сделав вид, что не слышал лжи. Улыбка на лице бывшего архивариуса Ордена стало как будто шире.

— К старым друзьям не приходят во главе целой кавалькады разодетых головорезов.

Теперь улыбнулся Хорас: что-что, а былой язвительности старый Дероил не утратил. Старик-клирик относился к тем вещам в этом бренном мире, что никогда не менялись.

Командор слез с лошади и крепко обнял клирика. Тот ответил взаимностью, похлопал сморщенной ладошкой по латному плечу.

— Ты как всегда прав, мой старый друг! Дело привело меня к тебе.

Дероил кивнул.

— Конечно, твои... спутники присоединятся к нам?

— Нет, я ненадолго.

— Тогда, прошу в дом.

Обиталище старого архивариуса не отличалось роскошью, но иного ожидать от него не стоило. Только Хорас вступил за порог, как он ощутил короткий, но болезненный укол, что постоянно посещал его, стоило задуматься о доме, том единственном, которого у него никогда не было. В Цитадели он был окружен заботой и почитанием младших братьев и оруженосцев — как же, герой Темных войн, живая легенда, но холодный камень и огромный камин не давали необходимого душевного тепла и уюта.

— Располагайся, — Дероил повернулся к Хорасу, нахмурился немного, — чаю будешь?

— Если только быстро.

Клирик опять улыбнулся, понимая.

— Я всегда готов к приему дорогих гостей, хоть они и посещают меня нечасто. — Легкая, практически незаметная обида в его словах.

Хорас покачал головой: знал бы старый друг о его беде.

Архивариус разлил по тонкостенным чашкам из дорогого джаффского фарфора ароматный чай, пододвинул одну к командору.

— Хороший чай. Я настаиваю его на лечебных травах и осеняю молитвой. Хорошо, когда есть время заварить правильный чай. Так что же тебя привело ко мне?

Командор наслаждался чаем, и прямой вопрос Дероида несколько выбил его из колеи.

— А я ведь надеялся немного повспоминать прошлое, деньки нашей славы...

— Твоей славы, — поправил его клирик. — Я в то время прозябал в архиве среди пыльных свитков и старого пергамента. Я вижу, что ты спешишь, вернее, у тебя осталось совсем мало времени.

Вздвигнув, паладин посмотрел на Дероида.

— Тебя сложно обмануть.

— Я слишком много повидал, чтобы знать, когда говорят правду. Где же ты подхватил черное проклятие? Не на войне — ты бы так долго не протянул.

Грустная улыбка на старом, но все еще красивом лице. Командор улыбался, но улыбка эта отдавала явственной горечью.

— Только ты, старый друг, сразу узнал заразу, съедающую меня изнутри. Ни молитвы, ни заклинания, ни...

— Ни наговоры ведьм — ничто не поможет тебе, — закончил Дероил.

— Неожиданно слышать от клирика, что молитвы и верное служение не помогут мне.

Архивариус проникательно посмотрел на командора.

— Это слишком похоже на ересь, но я прожил достаточно, чтобы знать границы Света.

— Это и есть ересь! — Хорас пристально посмотрел на собеседника.

Тяжелый взгляд у командора, но Дериол легко его перенес: он прожил достаточно, чтобы ничего и никого не бояться.

— Хватка старого паладина? Ну что ж, единственный, кто тебе поможет — цверг. Только темные гномы могут накладывать и снимать свои проклятья.

— Но темных гномов уничтожили!..

Дериол покачал головой, посмотрел так, как глядят обычно на послушных, но глупых детей.

— Если бы... Руки Ордена длинные, но не настолько. Как думаешь, откуда берется проклятое оружие в Эратии? Да, остатки темных рас расселились по миру, в том числе, и цверги. Давненько ты не покидал чертоги Цитадели, и теперь я понимаю тебя. Так или иначе, найди цверга и убеди его помочь себе.

— Помочь паладину? — Хорас позволил себе легкую иронию. — Скорее солнце взойдет на западе!

— Кто знает... — Дериола покачал седой головой. — Судьба — загадочная штука. Какие же у тебя еще вопросы к старому другу?

Командор помолчал, рассматривая рисунок чайнок на дне чашки.

— Скажи, Дериол, что тебе известно о прошлом Магистра?

Клирик улыбнулся слишком хитро для невинного служителя Света.

— О каком из ста пятидесяти трех, верно служивших Свету? Нет-нет, не обижайся — прости старческую вредность. Конечно же, мы оба знаем, какой тебя интересует.

— Что ты знаешь о Железном Дровосеке, герое последней войны и величайшем из Магистров?

— Я знаю все обо всех братьях Ордена, ведь тайнам и секретам не место во Свету. Только знай: то, что я тебе поведаю, заставило меня уйти на покой.

Хорас напрягся, глаза его внимательно буравили непроницаемое лицо орденового архивариуса Дериола.

— Я слушаю.

3.

Командор Хорас уехал от старого друга в странных чувствах, и чтобы разобраться в них требовалось время, как, собственно, и в том, о чем ему поведал архивариус. Но времени как раз решительно и не хватало. Перед отъездом паладин лишь спросил:

— Почему ты никому ничего не сказал?

— Почему — глупый вопрос. Разве неясно? — Дериол передернул плечами, словно ему внезапно стало холодно. — Пойми, Хорас, я пережил трех Магистров и застал четвертого, и только при последнем я понял, что значит истинное величие Ордена. Кем мы были до войны? Сбором чудаков, в лучшем случае, в худшем — врагами Королевства, скопищем вооруженных фанатиков. А теперь с Цитаделью советуется король — разве этого мало? А вскоре, как мне кажется, Цитадель будет сама менять королей, как перчатки.

— Но...

Дероил внимательно посмотрел на друга, так внимательно, что тому стало не по себе.

— Во имя такой цели никаких жертв не может быть слишком много. Даже если ты жертвуешь своей честью и совестью. И я жертвовал, вот только порой от меня требовалось слишком многое...

Честью и совестью... Легко сказать. А как же расстаться с последним, что еще сохранилось? Ведь ни семьи, ни здоровья, ни богатства — ничего не нажил Хорас за свою жизнь, только потерял. Только и осталось, что честь. Глупая, бессмысленная и бесполезная честь.

Хорас встал, расправил поникшие было плечи.

— Это Тьма! Это Зло, а меня учили с ним сражаться. Любыми способами.

Дероил кивнул.

— Хорошо, что твоя вера так крепка. С победой иль без нее, но если ты все также будешь верен себе, то я тебя опять буду ждать. Чтобы сражаться плечом к плечу!

Но еще надо найти доказательства, разобраться во всем, чтобы потом не оказалась, что и драгоценная совесть потрачена зря. Ладно, все это потом, а теперь вперед, только вперед.

Первым делом Хорас завернул в Ведьмин Яр. Конечно, он и не надеялся застать там Геронима, но его интересовало другое: происхождение загадочной секиры, отправившей на тот свет одного из паладинов. Судя по описаниям выжившего оружие это явно не простое, а зачатое на крови мастера, и такие вещи на каждом углу не валяются. Конечно, после Темных войн в Эратии оказалось немало проклятого оружия: чаще всего трофеи, пылящиеся в частных коллекциях, или же продолжающие свое дело в нечистых руках. Ордену пришлось приложить немало усилий, чтобы изъять темные клинки из оборота. Но иногда, очень редко встречалось по-настоящему опасное орудие смертоубийства, вроде разумного клинка Кровопийцы, принадлежащего последнему цвергскому царю. Ух и немало дел он натворил, пока не попал в руки паладинов. А что если и приснопамятная секира не так проста?

Командор не ошибался. Вскоре после прибытия в Ведьмин Яр при плотном общении с городской стражей и молодым бароном ему открылась вся история с прибытием в город Шмиттельварденгроу. Честно говоря не вся, но та ее часть, что стала достоянием общественности. Ходили слухи, что именно гном устроил разгром в жилище местного гоблинского клана, и Хорас уже грешил на то, что цверг, каким-то образом сговорившись с полуэльфом, вернула-таки свое оружие, но... Стражники же были твердо уверены, что тот был благополучно отправлен тюремным караваном в Ганалийскую долину. И больше о нем не было ни слуху, ни духу.

Нет, цверг отметался — значит, секира у полуэльфа. Поэтому — опять вперед. Без остановки, бешеным галопом по уже успевшим остыть следам. Но уже через несколько миль паладины потеряли след. И как не пытались, все равно, стоило признать: им самим злополучную парочку было уже не отыскать. Оставался последний шанс. Боггарты.

Как и любой паладин, Хорас с некоторым недоверием относился к нечеловеческим расам, особенно, к гоблиноидам. И в чем-то он был прав — взять хотя бы орков с их нездоровой ненавистью ко всему, что не имеет выпирающих клыков и зеленой кожи. Хотя вот тролли неплохо показали себя в войне, но ни один паладин полностью им не доверял, и, как оказалось, не зря: спутался же стражник, некий Гурдел с полуэльфом-ренегатом!

Но иного выбора не оставалось, поэтому Хорас стоял на опушке Королевской пуши — местообиталища одной из боггартовских семей — и с каменным лицом выслушивал условия

от темно-синего, почти черного престорелого гоблиноида-патриарха. Боггарт едва доставал командору до поясу, но гонору в главе семьи было, что у короля. Нечего и говорить: к ушастым следопытам обращались только тогда, когда совсем ничего не оставалось, а услуги у них имели поистине королевские расценки.

Наконец, удалось сойтись на цене — по старинной традиции человек и боггарт хлопнули по рукам. Патриарх забрал с собой половину всей суммы, а вместо него на опушку вышли четыре следопыта: трое — постарше, матерых преследователей, до ушей закутанных в какие-то коричнево-зеленые лохмотья, и еще один — совсем молоденький, и кожа у него отливала темно-голубым, приятным на глаз цветом.

Старшие сразу взяли след и отправились в погоню по лесам и самым глухим буеракам, что встречались в Эратии. Ничего удивительного: тролль, судя по доступной информации, служил «истребителем» магов и был опытным и опасным бойцом. Младший боггарт взял на себя роль связника и постоянно шнырял между своими братьями и едущим по дороге отрядом командора. Они быстро настигали беглецов.

И вот, наконец-то, им удалось-таки достать полуэльфа и тролля в предгорьях Королевского хребта и упустить их никак нельзя было: стоило им перебраться в Восточную Эратию и все — пиши пропало, даже боггарты ничем не смогут им помочь да и не сунутся синекожие по ту сторону гор. А с ними пропало бы и оружие, а Хорас догадывался: секира наверняка чует своего прошлого владельца и тянется к нему, и воссоединение ее и цверга допустить нельзя. Ведь ничего из этого хорошего явно не получится.

По здравому размышлению стоило заручиться поддержкой кадийского графа, но командор просто боялся упустить последний шанс, банально опоздать, поэтому одолжил дружинников в Кравии, хотя для этого пришлось крепко надавить на барона: тот чуял, что ничего хорошего это ему не принесет, но так просто представителям Цитадели ведь не откажешь. Скрипя сердцем и морально готовясь к будущим неприятностям с соседом, он отправил с паладинами десяток своих дружинников. Вкупе с пятеркой паладинов-ветеранов, четверьма боггартами это представляло серьезную силу: какой бы могущественной не была заклятая секира, с таким количеством бойцов ей не совладать, и даже тролль ей не поможет.

Ни от кого не таясь, отряд въехал в безымянную деревушку. Застать здесь беглецов никто не планировал, сказывались усталость, желание достичь максимально возможной скорости и слишком переоцененные надежды на чутье боггартских следопытов.

Последний отрезок пути, миль двадцать преступники преодолели по местному тракту, оживающему ранней весной, когда дварфы открывали так называемые Малые Врата Стангарона и вывозили на местные ярмарки оружие, сельскохозяйственный инвентарь, слитки высококачественной гномьей стали — несмотря на цену, эти товары пользовались стабильным спросом. И хоть сейчас разгоралась ало-золотым огнем поздняя осень, по шляху то и дело двигались люди и дварфы, ремесленники и просто всякий бесхозный люд. Потому запахи полуэльфа и тролля смешивались с остальными, и синекожим, не привыкшим к разнообразным ароматам людских поселений, приходилось туго: они медлили, путались в следах, то и дело теряя только-только найденный след. Теперь в дело вступили кравийские дружинники, отлично натасканные на поиск беглых крестьян и баронских должников. Но, само собой, так вынюхивать след, как боггарты, они не умели.

Деревенька показалась спокойной и тихой: до ближайших ярмарок еще долгая зима, никому нет дела до редких прохожих, да и здесь привыкли не вмешиваться в дела хорошо вооруженных и серьезно настроенного отряда. Уж лучше собственную шкуру побереечь, а то

И, видимо, переоценил свои силы.

— Не гневайся, о достойнейший! — запричитал кто-то в углу, упав на колени и воздев руки. — Демоны попутали, как есть — демоны! — Неизвестного шустренько оттянули в

ть, дабы не позорил славных кадийцев.

Командор оглядел тяжелым взглядом зал трактира. У деревянной стойки и угловатой баррикады, сложенной из столов и скамеек, столпилась горстка завсегдатаев. Напротив застыли в напряженных позах дружинники и боггарты. У ног следопытов истекал тягучей черной кровью самый молодой из них. И он уже не дышал.

— Кто главный?

Местные хмуро переглянулись, и вперед вышел крепкий мужичок, ростом доходивший до плеча сидящего на лошади командора. Грубые черты лица, большая лобастая голова и лопатообразные руки — кажется, в родственниках мужика ходили то ли тролли, то ли дварфы. Не удивительно — до Малых Врат было рукой подать, а подземные карлики слыли большими любителями людских женщин.

— Я - Марик, хозяин этого заведения. — Трактирщик глядел исподлобья, тяжело, как обычно смотрят на первых врагов. Что ж, судя по царящему вокруг бардаку, у него были на это все основания.

— А я Хорас — командор Ордена Света! Вы укрываете еретиков и предателей.

— Об этом мне не ведомо. Своих посетителей мы не допрашиваем и тайны прошлого не выводываем. — Он улыбнулся краем рта, правда, доброты в колючем взгляде черных глаз не прибавилось.

Да, местных так легко не проймешь — здесь не забитые крестьяне, а вольные жители предгорий, что и своему феодалу подчинялись исключительно в вопросах правосудия и сбора налогов.

— Хорошо, — Хорас качнул головой: что и говорить, и командору упрямства, а гордости — и подавно хватало на двоих. Что ему какой-то трактирщик? Сомнет, и не заметит. Но все-таки, Орден именно и создавался для того, чтобы защищать таких простых людей, даже и не слишком благодарных за это. — Хорошо, может быть, и так. Но, так или иначе, нам необходимо проверить...

— Командор... — Тихий сип чуть в стороне. Хорас повернулся к боггартам.

Самый старший из них, коренастый, практически фиолетовый, выступил вперед, правда, короткий тяжелый клинок он не опустил.

— Они убили младш-ш-шего!

Хорас сморщился, будто глотнул уксуса.

— Погоди, — процедил он сквозь зубы.

— Мы не потерпим... — набычился старший боггарт. — Иначе не ж-ж-ждите от нас-с-с помощ-щ-щи!

— Погодите немного, совсем немного, — шепнул паладин и вновь обратился к трактирщику. — Скажите, уважаемый, здесь все посетители?

Марик огляделся, покачал головой.

— Вроде бы... Хотя не, погодите! Кажется, еще двоих нету, сегодня заселились: скользкий такой тип, прилизанный и тролль, ага, именно — тролль. Крепкий такой паренек, ростом повыше головы на две, да и в плечах — и двоим не обхватить. Да-да!

— Где они? — подался вперед Хорас.

— Наверху, кажись!.. И вы это, звиняйте нас, не признали, а кады еще и этих страхолудин увидали, так и вовсе чуть в портки не наложили! — Трактирщик напряженно хохотнул, но его уже никто не слушал.

Паладины, повинувшись кивку командору, соскочили с лошадей и, лязгая доспехами,

устремились на второй этаж, а деревянная лестница отозвалась грохотом и тоскливым скрипом потемневших от времени ступенек.

Спустились бойцы быстро, разочарованно лязгнули мечи, вернувшиеся в ножны.

— Никого. — Паладин Трейт покачал головой; скрипнули сочленения доспехов. — Там окно — наверняка, они ушли через него. В лес.

От командора не укрылось, как вздрогнул Марик.

— В лес? — хмыкнул Хорас. — Не так уж и плохо. Уважаемый, — он повернулся к трактирщику, — мне нужны ваши собаки. Вы же охотитесь, судя по трофеям, — наверняка, они у вас есть.

Марик угрюмо покачал головой.

— Тут собаки не помогут.

— Почему это?

— Они боятся мертвечины... За тем лесом Большой Ларвийский Погост — никто и здоровом уме туда не сунется. Никто, в том числе и собаки.

— Хм, — тихий, равнодушный звук, но знающие люди вполне ясно почувствовали неудовольствие властного командора. — Хм. Господин боггарт, вы нам не поможете?

Гоблиноид оскалился.

— Я с-с-свое с-с-сказ-з-зал! Заплати виру...

Могучий жеребец, укрытый кольчужной попоной, грохнул подкованным копытом в пол, повел большой головой и фыркнул, чувствуя настроение своего хозяина. Командор Хорас, уничтожитель горгонадских полчищ и верный слуга Света, опустил узорчатое забрало. Что ж, когда дело Света требует, когда кто-то пусть и не по своей воле пытается остановить Орден, тот — предатель, еретик и нечестивец. Тот — достоин смерти! Нет, не боггарты — они еще нужны, а вот кадийцы... Что ж, им просто не повезло. Просто не повезло...

Не повезло? Все для Света? — ехидно хохотал кто-то за спиной, ворочался комок льда в груди, жгли раскаленными углями доспехи, но меч, сверкающий клинок, с издевательским визгом уже покинул ножны.

— Во имя Света!.. — тихо, совсем тихо, но все, кто должен, его слышали. — Во имя Света! Смерть нечестивцам!..

Захохотал издевательски боггарт, а с лица бедняги Марика сошла краска, но руки уже поднимали над головой старинную, дедовскую секиру. Но кто они против паладинов?..

Паладины и кравийские дружинники уходили по тракту, петляющему вдоль леса — не все, некоторые из обладателей черных туник с баронским медведем, легли там, где теперь пылал жаркий огонь, вытянувшись черным дымом высоко к небесам. И ведь никто больше не посмел вступить — люди, бедные сельчане просто стояли и смотрели, как сгорает жарким пламенем их корчма, смотрели, как прочь уходят люди в белых плащах. Хорас отлично чувствовал эти взгляды. Они жгли сквозь одежду. Но ни одного слова, ни одного движения — люди просто смотрели. Смотрели на дело рук сыновей Света.

А боггарты, удовлетворившись местью и чувствуя свежую кровь на тонких и мягких губах, бежали в лесу, меж огромных сосен и елей, под нависшими разлапистыми ветвями, почти не касаясь мягкими мокасинами сухих иголок, усыпавших податливую лесную почву. Уверенно и быстро, отлично чувствуя свежий след, уходящий к легендарному Большому Ларвийскому Погосту. Правда, боггарты редко общались с людьми и тем более не стремились перенимать людские суеверия, и потому ни капельки не боялись таившейся впереди неизвестности.

Впереди легкой трусцой двигался Гурдел, совершенно не ощущая свой немаленький вес. Позади, задыхаясь и постанывая, держась за бок, бежал Героним. Головоруб, завернутый в тряпки, немилосердно бил его по спине, а шуму полуэльф производил поболее, чем огромный тролль. Больше, чем десяток огромных троллей.

— Поднажми! — скрипел зубами Гурдел, изредка оглядываясь назад. — Давай-давай! Они близко.

— Эх! — Нещадно саднило пересохшее горло, и слова приходилось буквально проталкиваясь наружу между судорожными полувздохами-полувсхлипами: слишком шустрый темп взял тролль, слишком. — Эх! Не так быстро... Уф! Откуда... уф! Ты знаешь? Может... Эх! Кадийцы их задержали!

— Сча! — Тролль жестко улыбнулся, даже оскалился, обнажив большие желтоватые зубы. — Они паладинам не ровня. Да и вряд ли подпишутся за нас! А главное — я чую дым.

— Дым? Уф! Может, кто-то развел костер...

— Костер? — Гурдел покачал головой. — Нет, так пахнет только дым от горящих хат.

Тролль ловко перемещался в густом подлеске, легко проламывая заросли орешника и молодой ольхи: скрываться он больше не видел смысла, теперь главную роль играла скорость. От боггартов не укрыться, а вот оторваться от них можно было. На дороге без лошадей они обречены, но здесь же — стоило побороться. Только одно смущало Гурдела: впереди раскинулся приснопамятный Большой Ларвийский Погост, но тролль, как, собственно, и любой нелюдь не разделял человеческих суеверий. Было дело, когда и тролли являлись всего лишь суевериями, легендами перепуганных людишек. А раз так, то за любыми сказками, в худшем случае, скрывались такие же существа из плоти и крови, как и он. А раз так, то и его клинку будет работа.

В просвете между деревьями резанул глаз блеск полированных лат, послышался топот копыт.

— Демоны Бездны! — прошипел тролль и резко свернул вглубь леса. А вслед за ним, цепляясь одеждой за обломанные ветки, побежал полуэльф.

Краем глаза он заметил какое-то движение, будто часть упавшего и уже покрывшегося мхом дерева отделилась и устремилась им наперерез. С другой стороны тоже что-то двигалось.

— Боггарты! — прошипел, задыхаясь, Героним. — Они рядом.

— Клянусь демонами, они меня достали! — рыкнул Гурдел и мгновенно развернулся, одновременно выхватив из-за пояса свой тяжелый тесак.

Полуэльф, к чести будет сказано, тоже не сплеховал: скинул со спины свой проклятый топор и быстро размотал тряпки. Плотно сверкнул полумесяц остро отточенного лезвия.

Боггарт выскочил прямо под ноги Геронима и попытался резануть по сухожилиям длинным узким кинжалом. Удивительное дело, но привычное, отработанное до инстинктов движение натолкнулось на метнущуюся навстречу секиру: скрежетнуло лезвие и скользнуло в сторону. Черненный обух, увенчанный оскалившимся черепом, с мягким хрустом врезался в вытянутую физиономию гоблиноида и отбросил его назад.

Первый еще валялся на земле, вяло шевеля конечностями и сипя разбитым носом, а второй боггарт уже выскочил из кустов, страшно выкатив глаза. Головоруб крутнулся

замысловатым финтом, и следопыт согнулся, будто его смяло. И не мудрено: некоторых сминало и не так, когда грудину пробивала тяжелая секира. Жуткий чмокающий звук раздался снова, и глаза у Геронима стали вовсе бешеными. Головоруб отпустил свою жертву только тогда, когда та осела на землю сморщенным трупиком, шелестя пергаментной кожей. Третий, и последний боггарт остановился на пригорке и медленно попятился назад, полуэльф взвыл раненым зверем и бросился за ним следом, но его мигом смял тролль.

— Не увлекайся! Гляди...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От тракта к ним устремились дружинники и паладины.

— Порублю! — прохрипел Героним, вращая безумными глазами. — Всех!

— Ага, щас! — Тролль тянул его прочь. — Тут даже твой волшебный топор не поможет. Бежим!

Дальше двигались уже молча. Паладины остались далеко позади: они совершили глупость, когда попытались на лошадях догнать их в лесу. Животные просто завязли в колючих зарослях, а сами воины Света в своих тяжелых доспехах были слишком неповоротливы, несмотря на всю их чудесную подготовку.

Тем временем, менялась и местность. Она плавно понижалась, а деревья становились меньше и тоньше, странная болезнь корежила черные стволы и порой можно было наблюдать причудливые переплетения, похожие на лесных великанов, застывших навеки в замысловатых борцовских захватах. Сырость и холод поднимались от земли и оседали на одежде ледяной моросью. Шляпки огромных бледных грибов вздымали лесную подстилку, с глухим вздохом взрывались облаком спор, когда Героним неосторожно наступал на них. Темнело.

Все сложнее становилось ориентироваться в лесу, и полуэльфу, и даже троллю приходилось внимательно смотреть под ноги, стараясь не споткнуться о какую-нибудь корягу, вросшую в землю. Оттого сильно уменьшилась скорость передвижения. Хорошо хоть, что и преследователи испытывали такие же трудности.

— Осторожно, паутина! — рыкнул Гурдел и вовремя толкнул Геронима: прямо перед между двумя изуродованными чудовищными рыхлыми наростами елей протянулась паутина, размером больше постельной простыни.

Она, казалось, была сшита из толстых суровых нитей, белевших в быстро тускнеющих сумерках: страшно было даже представить паука, способного создать подобное. Героним аккуратно обошел паутину и двинулся дальше.

Стало темно, хоть глаз выколи, и скорость уменьшилась до медленной осторожной ходьбы. Беглецам приходилось передвигаться практически наощупь. Даже звезды и те — спрятались за густым пологом низких туч. Выручало лишь одно: в густой темноте то и дело вспыхивали зеленые и голубоватые огоньки, похожие на глаза сказочных тварей. Правда, из-за них в душе поселился липкий страх, заставлявший вздрагивать от каждого шороха.

Но недолго Герониму и Гурделу довелось странствовать в ночном лесу. Вскоре из темноты вынырнула невысокая серая стена, сложенная из основательных булыжников. За ней клубилась густая тьма теней, из которой выглядывали черные островки надгробий и остовы мертвых кладбищенских деревьев, на ветвях колыхались космы седого бородастого мха.

Сквозь разрыв выглянул полный Месяц, Слепой Глаз, Бельмастый как его прозывали в народе, и осветил гранитных горгулий, оседлавших старинные вычурные склепы.

— Неужели это то, что я думаю? — Героним настороженно остановился, оглядываясь вокруг.

— Именно! Добро пожаловать на приснопамятный Большой Ларвийский Погост, — сказал Гурдел и перелез через стену, окружавшую кладбище. Оглянулся, махнул рукой: — Ты идешь?

5.

— Может, вернемся, а? — Героним умоляюще посмотрел на тролля.

— Ты боишься? — широко усмехнулся Гурдел. — Такой, прости Свет, интеле... интле... интлягентный человек, прости — полуэльф, и верит в сказки о живых мертвяках?!

Героним смутился.

— Не то, чтобы... Но знаешь, дыма без огня не бывает. Кто знает, что здесь есть... Вряд ли местные боятся Погоста в силу привычки...

— Что ж, тогда на всякого трупача у нас есть твоя могучая проклятая секира, зачарованная самим Горгонадцем! Кто нам что сделает?!

А вокруг вздымались древние надгробия, суровые, лишенные каких-либо надписей и эпитафий, каменные параллелепипеды, цилиндры и пирамиды. Порой встречались жутковатые изваяния, грубые и приземистые: странные твари, пузатые, рогатые, с куцыми обрубками крыльев за спиной. А под ногами ощущалась мягкая кладбищенская земля, покрытая короткой, похожей на нежный мех, травой.

— Интересно, кто же здесь похоронен? — Героним глядел вокруг любопытными и испуганными глазами.

— А какая разница? — Гурдел пожал плечами. — Тем, кто мертв, такие излишества не нужны. Никогда не понимал людей, гномов... Вот мы, тролли: помер, значит, в общий котел! Понимаешь, у нас в горах жратвы маловато, а так с одного можно полклана накормить...

— Ладно-ладно! — Кажется, полуэльф даже побледнел. — Хватит с меня ваших тролличьих традиций. Что с вас взять — варвары!

— Тоже мне — цивилизация! — громыхнул Гурдел. — Знавал я вашу цивилизацию, королевство ваше гребаное. Уж лучше я вернусь в кланы, все проще у нас, нет ваших заморочек: ни проклятого оружия, ни горгонадцев, ни паладинов ваших черно-белых. Мы же, тролли Горх-а-Нарга, твердо знаем, где враг, а где друг. А тут... Ткнешься в Свет, а он, значицца, не лучше Тьмы. Без бутылки-то и не разберешься!

Герониму не нашлось, что ответить: а что тут скажешь, в определенной логике рассуждениям тролля не откажешь, так сразу и ответные аргументы не найдешь. Конечно, полуэльф мог припомнить кое-что из своей прошлой жизни: богатство торгмарских дворцов, красоту фрейлин и изысканные изделия столичных ремесленников, но разве это важно для Гурдела? Он слишком просто для этого, и может быть, даже будет прав, сказав, что для выживания ничего из этого не имеет значения.

— Так, думаешь, это все... сделали люди? — Героним постарался уйти от скользкой темы. — Как-то не похоже. Люди любят громкие слова и звучные изречения. А тут... — Он провел пальцем по одному из надгробий — угрюмой каменной стеле — пальцем, ощущая шероховатую, будто наждак, поверхность. — Пусто.

Гурдел заинтересовался. Колупнул толстым ногтем камень, приблизил задумчивую рожу, приложился всей ладонью, широкой, будто лопата.

— М-да, занятно. Тут поработали теслом, и хорошо поработали — никаких следов не осталось... Скажу сразу, странные люди здесь похоронены...

— А может — дварфы?

— Не-а! Для карликов слишком большое унижение: хоронить покойников в мягкой земле. Своих королей они хоронят, вырубая ниши в скалах, а простых — сжигая в похоронных горнах. Не, тут люди, но какие-то странные: о них словно попытались убрать всякое упоминание... Лады, не будем заморачиваться! У нас старики говорят: много будешь знать, быстро состаришься.

— А я-то думал, почему вы так долго живете... — пробормотал Героним куда-то в сторону.

— Че?

— Нет, ничего! — Полуэльф помотал головой. — Давай не будем отвлекаться: это место не внушает мне добрых мыслей.

Гурдел хохотнул.

— Уж в чем-чем, а в этом я с тобой согласен!.. погоди!

Троль резко остановился, вскинул руку в предупреждающем жесте.

— Что?! Что такое? — Полуэльф встрепнулся, отчаянно вертя головой, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в окружающем тумане.

— Кажется... — Великан медленно, очень медленно извлек свой тесак, взвесил в руке, словно примериваясь метнуть его. И замер, весь обратившись в слух, только глаза, превратившиеся в узкие черные щелочки, внимательно сканировали окружающее пространство. — Кажется, я что-то слышал.

Оглушающая тишина накатила морским валом, окутала все, словно толстое пуховое одеяло, пахнущее старьем и тленом. Тяжелое, словно неизбежность смерти.

Ощущение чужого присутствия пришло не сразу. Только спустя несколько ударов сердца Героним и Гурдел почувствовали, что что-то не так. И подозрение переросло в уверенность: они были не одни на кладбище. И не живые им были соседями.

Троль вдруг остановился: тупая игла вонзилась в сердце, на миг сбив дыхание. Он остановился, огляделся и почувствовал ее.

Магия. Вокруг была разлита магия. Темная волшба прямоком из Бездны. Меж старых надгробий, рухнувших статуй со стертыми лицами и оскалившихся горгулий поползли щупальца плотного, будто кисель, тумана. Сквозь белесую мглу явственно проступила гниlostная зелень.

Земля дрогнула, будто под ней разом вдохнули провалившимися ноздрями сотни и сотни тех, кто покоился на Великом Ларвийском Погосте. Полководцы, короли древности, герои давно забытых войн шевельнулись, сбрасывая оковы смертного забвения.

Гурдел даже чувствовал, как высохшая плоть, мертвые оксти забились в узких гробах и глубоких нишах брошенных склепов, обретая подобие жизни, испытывающие лютую ненависть к живым. Они все рвались наружу. К подлунному миру, свободе и живой плоти незваных пришельцев на их земле.

Медленно гас лунный свет, сменяясь свечением болотных гнилушек.

Туман уплотнился и теперь невесомым покрывалом, колышущимся, бугристым, заливал кладбище. Он поднимался все выше и выше, сначала до колен, до пояса, а вскоре и выше

голов, погрузив окружающий мир в слепое царство тишины.

Стало тяжелее дышать, словно Героним и Гурдел спустились в глухое подземелье, никогда не выдавшее света.

Героним, зачарованный, протянул вперед руку и не увидел собственных пальцев. Тролль превратился в темный уродливый силуэт, возвышавшийся над ним головы на две. Гулкий, словно грохот боевого брабана, голос звучал невнятно и глухо. Туман поглощал любые звуки, не желая прощаться со священной тишиной.

— Ничего не вижу! — Героним, не осознавая своих действий, потянулся к Головорубу. Секира мигом отозвалась жаркой волной кровавой жажды. Буквально попросилась в руки.

Полуэльф нащупал рифленую рукоять, оголовье в виде оскалившегося черепа, и его кровь чуть ли не закипела от прилива адреналина. Страх, оскаливший было свои зубы, поспешно отступил. Хотелось рубить, крушить, убивать. Героним облизнул внезапно пересохшие губы.

— Не нравится мне здесь! — прохрипел Гурдел и еще крепче сжал рукоять своего тесака. — Воняет магией.

Полуэльф и сам ощущал странное давящее чувство. Словно кто-то сжал мягкими, но настойчивыми пальцами виски.

— Быстрее! — рыкнул тролль и припустил тяжелой переваливающейся трусцой. — Надо уходить отсюда!

— Но куда? — Героним огляделся. Секира незаметно перекочевала в его руки. Некоторое время он удивленно смотрел на нее. Поспешно спрятал за спину и вновь уставился на тролля. — Ты видишь хоть что-нибудь? Лично я...

— Я чую камень! — грохнул Гурдел, хлопнув кулаком себя по бедру. — Горы там. Он ткнул перед собой пальцем.

Острые выступающие зубы, торчащие из ссохшихся десен, с костяным стуком сомкнулись, хватнув лишь глоток воздуха. Тролль сноровисто отдернул руку, округлившимися глазами уставившись на появившегося типа.

Он вынырнул из тумана и, казалось, состоял из одних лишь костей, туго обтянутых высохшей мумифицированной плоти. Узкую грудь и давным-давно запавший живот закрывал массивный панцирь из позеленевший бронзы — узоры почти скрылись под толстым слоем патины. Череп защищал плоский шлем с массивным наносником, ныне съехавший набок из-за того, что у обладателя обмундирования сильно голова сильно уменьшилась в размерах, лишняя плоть сползла, оголив выступающие скулы и мощные челюсти.

Провалы глазниц жутковатой обrazyны горели двумя изумрудами, вот только красоты в них не было. Только смерть, ненависть и голод.

Мервяк глухо застонал и качнулся вперед. В лапах он сжимал тяжелый топор, которым он уже рахмахивал, пытаясь достать отступающего тролля.

Гурдел, дождавшись очередного замаха, всадил широкое лезвие своего тесака под острый подбородок зомби.

Удар был невероятной силы — весь вес массивного тролличьего тела сжался в узкую грань клинка. Этого оказалось достаточно, чтобы хрустнул перерубленный позвоночник и голова, ковыряясь в воздухе полетела в одну сторону, а соскочивший шлем в другую. Вот только обезглавленная тушка продолжала переть вперед, слепо шаря ржавым топором.

— А говорили — помогает! — задумчиво произнес Гурдел.

Он пнул размахнувшегося дохляка под коленку, сбив с ног. Тот рухнул наземь, гремя доспехами.

Но вокруг один за одним возникали новые силуэты, проступавшие из тумана и превращавшиеся в обманчиво медлительны фигуры, шагающие, ковыляющие, ползущие. Скрюченные, согнутые, но упорно окружающие смертных.

Не дожидаясь, когда кольцо сомкнется, тролль бросился вперед, яростно раздавая тумаки восставшим. Вслед за ним побежал и Героним, орудуя Головорубом. Секира уже не пела, а просто верещала, обращая в прах мертвую плоть. Как только черное лезвие касалось дохляков, как между ним и высохшими мощами проскакивало нечто вроде черной искры, зеленый огонь гас в глазницах, а мертвец оседал на землю кучкой грязи, выпуская напоследок облачно гнилостно-зеленой пыли.

Но мертвецов становилось все больше и больше. А троллю все сложнее сдерживать их натиск. Они повисали на могучих руках, обматывали грязными саванами, впивались в неподатливую плоть, но не могли прокусить плотной, будто дерево кожи. Сзади отбивался полуэльф. Хоть Головоруб мог упокоить мертвецов, но им уже было теперь сложно размахнуться. Зомби цеплялись в оружие, выкручивали из холеных эльфийских рук и плотоядно щелкали зубами.

Неожиданно яркая багровая вспышка разорвала туман, донесся истошный вопль и грохот копыт. Из тумана вырвалась лошадь без седока, в белой, с серебристыми узорами попоне и узорчатом доспехе, укрывавшем шею и голову. Теперь все это было объято пламенем, и животное, ослепшее от боли и пламени, вломилась в толпу мертвецов, раскидывая и поджигая их.

Неожиданно поумневшие зомби раздались в стороны, пропуская лошадь. Вслед за ней из тумана вывалился высокий рыцарь в сверкающих доспехах. Латы на левой руке его были покрыты толстым слоем черной копоти, а в правой он сжимал меч с пылающим клинком. Оружие добротнo прореживало толпу мертвяков, разваливая их на обугленные куски.

Заметив Геронима и Гурдела, он остановился, застыв с выставленным мечом. Фигурное забрало было поднято, обнажая окладистую седую бороду, нос с широкими ноздрями и тонкий шрам поперек лиц, хорошо залеченный, но так и не исчезнувший. Глаза под набрякшими морщинистыми веками остановились на Герониме и его проклятой секире.

— Ты! — рыкнул командор Хорас и двинулся к нему.

6.

— Они наверняка туда ушли! — Дружинник — ражий детина с угрюмой рожей, изрытой оспинами — мотнул в сторону стены головой. — Большой Ларвийский Погост — считайте, судари, они уже трупы. Никто еще не возвращался оттуда. Ни живым, ни мертвым. Сожалею...

Лицо за фигурным забралом перекосилось от злобы, но металлическая блестящая личина осталась невозмутимой. Да и голос прозвучал также твердо и уверенно, как раньше:

— Мы должны убедиться в этом. Так или иначе, но нам пора двигаться вперед. И будьте готовы...

— Вы не поняли, сударь! — детина покачал лохматой головой, зачем-то поудобнее перехватил древко короткого копья с длинным листовидным наконечником.

Другие обладатели черных туник подвинулись ближе, настороженно зыркая по сторонам. Лишь паладины остались в стороне, флегматично рассматривая перепуганных дружинников: кто испытывает страх, тот достоин только презрения и жалости, ибо воинам Света он неведом.

— Не поняли, — повторил дружинник, нахмурившись еще больше, — там — не выживают, и потому мы не пойдем. И вам, судари, не советую. Хотя дело ваше, паладинское... Мы же возвращаемся домой... И так делов натворили — не расхлебашь. А вы уж дальше сами.

Что ж... Командор выпрямился в седле: вряд ли от местных стоило ожидать большего — не слишком уж верят в могущество Света. Нет, такого прощать никак нельзя.

— Тем более! — с нажимом произнес Хорас. — Назад вам дороги нет, а впереди... Свет щедро благодарит тех, кто ему помогает. И столь же щедро карает отступников.

— Вот, значит, как вы заговорили, сударь! — набычился дружинник с бугристым лицом. — Что Свет, что Тьма — одного поля ягоды!..

— Следи за своим языком! — Командор чувствовал, как внутри поднимается леденящая волна, гасит неуверенность и сомнения, оставляя лишь злость, холодную и расчетливую. Это хорошо поначалу, а потом превращает в жалкую развалину, не способную выпростать руку из едва греющих мехов.

Но показывать слабость перед чужими нельзя, никак нельзя. По глазам видно — звери, волки, что отлично чувствуют чужую слабость.

— Уж за чем-чем, но язык мой всегда в порядке! — язвительно отвечивал дружинник, нагло ухмыльнулся, поигрывая копьём — Лучше...

Что лучше, Хорас так и не узнал: широкое лезвие глубоко вошло в живот детины, легко прорубив и тунику со вставшим на дыбы медведем, и кольчугу тройного плетения, и плотный подкольчужник. Дружинник выпучил глаза, хрюкнул сдавленно, булькнул кровью, хлынувшей изо рта, и завалился набок. Остальные паладины только этого и ждали...

Мечи сработали слаженно, и уже через несколько коротких мгновений у ног орденских лошадей лежало десять мертвых тел, а клинки отливали темным багрянцем.

— Свет не прощает отступников, — сдавленно выдохнул командор, вытирая краем туники мертвого дружинника свой меч: удар дался ему тяжело — тело скрутило так, что хоть сейчас прыгай в костер, лишь спастись от обжигающего холода. Но Хорас держался. Из последних сил, но держался.

Только тогда, когда никто не видел, он припал губами к бутылочке с огненным зельем. Полегчало: кровь пополам с жидким огнем бойчее побежала по жилам.

Он выпрямился, с лязгом вогнал меч в ножны.

— Вперед. Они не должны были далеко уйти.

Кони, могучие орденские скакуны, выращенные в лучших королевских конюшнях Торгмара, метисы с горячей джаффской кровью и толикой расчетливого льда северных тяжеловозов, легко перемахнули невысокую каменную ограду. И тут же нырнули в непроницаемый зеленоватый туман. Животные, не ведающие страха перед грохотом мечей и диким огнем, захрипели, забились под седлом, чуя темную магию. Командор Хорас тоже ее чувствовал — здесь все было ею пропитано. Каждая пядь мягкой черной земли, с чавканьем продавливаемая копытами лошадей, каждое угрюмое надгробие, а уродливые горгульи, оседлавшие их, казалось, наблюдают за ними зелеными глазами-гнилушками.

— Держаться вместе и глядеть в оба! — рыкнул Хорас, а из-за опущенного забрала

голос лязгал металлом. — Мечи наизготовку. Здесь — проклятое место, но Свет с нами! Очистим эту землю огнем и сталью.

У каждого паладина к седлу были приторочены несколько факелов и плотно закупоренная глиняная баночка, в которой плескался проедающий плоть до костей и горящий пламенем столь жарким, что плавит железо, джаффский «вздых дракона». Стоил он бешеных денег, но еще ни один паладин об этом пожалел: ни одна, даже самая темная волшба не могла устоять против того, что знающие люди называли концентратом огненной магии.

— Зажигайте факелы — нам не от кого прятаться. Пусть нечисть сама страшится нас! — Хорас первым зажег факел и пустил своего скакуна медленным шагом, обесцвечивая огнем ночную тьму перед ним. Клинок его сверкал красными, багровыми и карминными бликами — он словно пылал сам по себе.

За командором двинулись паладины, выстроившись боевым клином братьев-рыцарей Волчьего Ордена из Моргейма — далекого северного городка, раз за разом отражающего постоянные атаки орочьих орд. Что ж, практика волчьих братьев пригодилась и на юге.

Вскоре во тьме, за пеленой тумана скрылась и ограда, а вокруг паладинов безмолвствовала тьма, а с неба безразлично взидала луна, чей призрачный лик уже изрядно поместили черные силуэты туч. Становилось темнее, страх, древний страх темноты и того неведомого ужаса, что скрывается в ней, подкрадывался все ближе, но в руках рыцарей Света продолжали гореть, тихо потрескивая, факелы, а сердца были полны отваги. По крайней мере, так хотелось верить Хорасу. Его же решимость подтачивал нутряной лед, но ничего в заветной фляге еще плескалось несколько глотков жидкого огня. Еще хватит на то, чтобы выследить беглецов. А раз они нашли пристанище в последней обители Тьмы на землях Королевства, то, тем более, заслуживали смерти.

7.

Мертвяки появились внезапно, буквально выскочив из-под земли. Костлявые руки впились в ноги, в сбрую, зацепились за доспехи и гривы. И немедленно начали валить лошадей и стягивать рыцарей.

Паладины начали орудовать тяжелыми мечами, кроша пустые черепа и отрубая не перестававшие шевелиться конечности. Вот брат Дюк, на кольчужной юбке которого висело несколько уцепившихся за кольца костистых рук, отрубленных где по локоть, а где по запястье, поднял на дыбы своего коня, вгоняя вооруженного мечом мертвяка в землю. Массивные копыта, подкованные крепким железом, легко проламывали черепа и дробили кости, но не могли до конца упокоить зомби. Беспокойные мертвяки продолжали переть.

Но вот брата Аллена стянули с седла, и сразу с десятков тварей склонились над ним. С неожиданной силой они срывали доспехи, разрывая металл, словно бумагу. Брат Аллен закричал, но вскоре его вопль захлебнулся кровью.

Хорас не успел — его меч застрял в чей-то пустой голове. Мертвяк, кругнувшись на месте, ловко вырвал его из рук и тут же оказался смят еще тремя, наступающими вслед за ним.

— Свет с нами, братья! — выкрикнул командор и с размаху саданул факелом по чей-то мертвой роже.

Неожиданно легко огонь перекинулся на сухую пергаментную плоть, тонкие тяжи мышц и сухой, будто песок, саванн. В одно мгновение мертвец занялся пламенем и принялся глухо стонать и бестолково размахивать руками.

— Огонь, братья, они дохнут от огня! В строй, во имя Света!

Но было уже слишком поздно. Вокруг было так много мертвецов, что лошади просто вязли в них. Твари не брезговали и животными и начинали жрать из заживо, откусывая куски кровоточащего мяса вместе с доспехами и толстой суконной попоной. Многие паладины оказались на земле, кое-кого уже завалили и медленно выколупывали из доспех, словно орех из скорлупы.

Хорас поднял старинный топор, принадлежавший дважды погибшему солдату древности, и начал размахивать им и факелом, расчищая себе дорогу к ближайшему паладину, судя по доспехам, брату Юрасу. Тот, так же, как и командор, воспользовался факелом, чтобы сдерживать натиск мертвяков. Но вот он неосторожно повернулся и ловкий зомби вскочил ему на спину. В одно мгновение слетел тяжелый бацинет, открыв совсем морщинистое, изрытое шрамами лицо с короткой густой бородой. Юрас оскалился в последней отчаянной попытке вырваться, яростные глаза под набрякшими веками на миг вперились в командора, заставив его вздрогнуть от силы взгляда. И веки опустились, как только острые зубы впились в шею паладину.

Мощным потоком хлынула кровь, заливая посеребренный панцирь, белый плащ и мертвяков. Брат Юрас завалился набок и над ним мигом сомкнулась крыша из склонившихся мертвяков. Раздалось жадное чавканье.

Тяжелый топор смял чей-то череп. Вторым ударом Хорас вогнал горящее оголовье факела в раззявленную пасть. Зеленое свечение в глубоких глазницах горело недолго. Вскоре кожа почернела и сморщилась, а из глазниц вырвалось пламя, быстро охватившее верхнюю часть тела. Командор отстранился, локтем опрокинул очередного зомби и снова бросился в бой. Призывать кого-то еще он уже не видел смысла. В потайном кармане, под стальным панцирем скрывался маленький хрустальный шарик. Его выдал сам Магистр, когда провожал Хораса. Он вручил его прямо в руки, похлопал по плечу.

— Это порталный камень. Раздавишь его и немедленно откроется путь в Цитадель. Вот только это дорога для одного.

Но камень подождет. Пока. До тех пор, пока окажется совсем неспособен сражаться.

Заметив, что брат Дюк, вскочивший на широкий постамент перед входом в старый склеп, все еще на коне и вполне эффективно отбивается факелом и тяжелым мечом-полуторником, Хорас принялся прорываться к нему.

Паладин, увидев командира, вновь заставил своего скакуна поднять передние копыта. Он сбил двоих мертвяков, смял, будто глиняные горшки, черепа, облепленные паутиной и остатками волос, так на нее похожих. Вскоре зомби превратились в вяло шевелящуюся труху под ногами рыцарского коня. Воин описал сверкающий полукруг своим полуторным мечом, лишив верхних конечностей и голов еще пару-тройку восставших, и пустил своего коня сквозь бурлящую, стонущую толпу.

Могучий тяжеловоз легко раздвинул бронированным нагрудником мертвяков. Прямо перед ним вырос мертвый воин в полном доспехе, правда, бронзовый наплечник с правой руки куда-то подевался, а остатки с металлическим звоном болтались на костях, кое-как обтянутых вялым мясом. В прорезях горшкового шлема светились зеленые огоньки.

Мертвяк воздел руки с зажатым в них фламбергом. Брат Дюк, счищавший мертвецов с

боков, не заметил его и даже не услышал протяжного свиста воздуха, когда огромное волнистое лезвие взвилось вверх. Но конь, могучий, вышколенный лучшими берейторами Цитадели, с родословной, которой могли позавидовать некоторые короли и князья, среагировал сам, без указки хозяина.

Он дернулся вбок, страшно хрипя, с невероятным усилием столкнул зомби. Повернул голову и впился зубами в оголенное предплечье.

Громко хрустнула кость, и рука, переломившись пополам, повисла на тонком лоскуте, застрявшем в лошадиной пасти. Животное мотнуло головой, отрывая конечность окончательно.

Меч упал, звонко ударившись о каменный постамент. Брат Дюк окончил дело, вогнав факел в раскрытый рот мертвяка. Тот вспыхнул серной спичкой, распространяя странную, пряную вонь.

Хорас швырнул бутылку с остатками «дыхания» в толпу мертвяков, заблокировавших Дюка. Глиняная фляга разлетелась осколками, соприкоснувшись с чьим-то чрезвычайно крепким лбом, расплескала свое содержимое на добрых пару футов вокруг. Вслед за флягой полетел и факел.

Полыхнуло до небес. Глухой стон превратился в визгливый вопль. От жара пламени проклятый туман раздался в стороны, испаряясь.

Брат Дюк не медлил. Прорвавшись по тлеющим останкам, он остановился рядом с командиром.

— Сир! Надо прорываться отсюда. Кажется, нашим братьям уже не поможешь.

Хорас медленно кивнул, не отрывая взгляда от паладинского скакуна.

Под братом Дюком нервно переминалась лошадь. Тот сжимал ее коленями, но не уже не мог усмирить.

Натянутые поводья заставили коня опустить голову. Командор покосился на нее: из раскрытой пасти хлопьями валила пена, и он мог поклясться Светом, что она пронизана кровавыми прожилками. Что-то вроде влажной паутины повисло между зубами, а выпученные глаза бедного животного оказались затянуты зеленоватой пленкой, словно плесенью.

Лошадь попыталась неуверенно цапнуть командора, но брат Дюк натянул поводья до предела, вывернув ей голову.

— Клянусь Светом, с Огоньком что-то не так! — прорычал он сквозь зубы, борясь с животным.

Хорас покачал головой.

— Этот Боливар двоих не вынесет! И даже одного. Думаю, Огоньку осталось недолго, но он ам еще послужит. У тебя осталась огнесмесь?

— Да, сир! — Брат Дюк кивнул.

— Слазь и давай его сюда.

Паладин упруго спрыгнул на землю, едва звякнув металлом. Несмотря на немалый возраст, паладин сохранил юношескую ловкость. Таким, если бы не болезнь, был бы и сам Хорас. Но уже поздно сожалеть. Зависть на миг обожгла нутро, но быстро отступила: заканчивалось действие согревающего зелья и холод все ближе подбирался к сердцу.

Хорас протянул руку. Дюк подал почти полную бутылку.

Вокруг мертвяки пока только собирались, пополняя потери, но не спешили пересекать границу, установленную туманом. Пока что они только следовали за дымчатыми лентами,

медленно срастающимися в единое полотно.

— Они не могут без тумана! — наконец догадался брат Дюк.

— Угу! — буркнул командор, сбрызгивая запасной меч Дюка, которым успел вооружиться.

Закончив с оружием, он опрокинул бутылку над конем паладина.

— Что вы делаете, сир?! — Голос брата Дюка под забралом шлема звучал не столь испуганно, как это было на самом деле.

— У перламцев есть легенда о том, что солнце — это огненный конь Шахмар, что торит дорогу во тьме для воинов света небесного горма Чуха. Одним словом, Огонек будет нашим Шахмаром. Благо и имя подходящее. Свет примет тебя, Огонек!

Хорас похлопал рукой, закованной латной рукавицей по взмыленной шее. Туман вновь подступал все ближе и ближе, а с ним и полчища мертвяков. Они даже успели организовать: впереди ковыляли мертвые воины в старинных доспехах и длинных, до колен, рваных кольчугах, вооруженные тяжелыми топорами и широкими мечами-тесаками со скругленными остриями.

— Ну что, Шахмар-Огонек, — зло улыбнулся Хорас. — Вперед, вслед за солнцем!

Он поджег факелом свой меч, Клинок мигом вспыхнул, пламя удлинено клинок раза в полтора, но быстро опало, облепив острую сталь. Командор размахнулся и шлепнул клинком плашмя по могучему мускулистому крупу.

Огонек совершенно по-человечьи взвыл и ринулся вперед, яростно хрипя. Огонь обхватил его с головы до ног, до кончиков косиц заплетенного хвоста. Лопнули и брызнули закипевшей жидкостью глазные яблоки. Конь ломанулся в толпу восставших, раскидав их, словно кегли в эратийской народной игре «троллегон».

Хорасу огнем опалило руку, когда он прикрыл лицо от вспыхнувшего пламени. Лизнуло огнем, оставив черный след на блестящей поверхности лат, уже и так изрядно попорченных пылью и прахом, густо замешанных на крови. Брат Дюк отшатнулся, бормоча: «Свет, Свет, Свет!» И случайно зашел в туман. Костлявая рука обхватила его поперек груди и потянула вглубь бледно-зеленого марева.

Паладин извернулся, засадил острым концом наруча назад и, судя по глухому хрусту, попал в цель, но хватка не ослабла.

— Свет, защити меня! — яростно прорычал он, протягивая руку и отчаянно выдираясь из мертвого захвата. — Сир, помогите!

Огонек быстро удалялся, полыхая, а коридор, образованный им, быстро сходиллся.

Хорас оглянулся на брата Дюка. Слишком мало времени — слишком важная цель. Цель, цена которой была гораздо выше чей-то жизни. Даже жизни паладина.

— Свет примет тебя, брат рыцарь! — торжественно произнес командор и пнул паладина ногой в живот.

Брат Дюк закричал. Страшно. Отчаянно. В голос его вплеся острый железный скрежет, словно внутри него лопнула некая струна. Та, что в нем на протяжении всей жизни выковывал Орден. И повалился назад. Его миглом обступили мертвецы, словно голодные псы миску с едой.

Хорас бежал вслед за Огоньком и не видел, как вскрыли, будто консервную банку, латы брата Дюка. Не слышал, как его крик захлебнулся кровью. Перед командором стояла иная задача.

Выжить.

Сквозь шум собственного дыхания, грохот лат и стоны восставших мертвецов Хорас услышал забористые ругательства и мешанину проклятий на эратийском пополам с эльфийским говором.

Он приостановился, оглядываясь. Под раскидистым дубом, темным силуэтом возвышавшимся в тумане, толпа мертвяков окружила двоих: тролля и человека. Только потом, подобравшись ближе, он заметил черную секиру в руках второго, которая с необычайной легкостью упокаивала восставших.

Хорас остановился, сжал меч обеими руками. Внутри клокотала злость: нет, не он сам виноват в гибели братьев, а именно этот проклятый полуэльф. И менее проклятый Тьмой и Бездной тролль.

Наконец, и они заметили командора. Полуэльф вытаращился на него в мимолетном испуге. Тролль оскалился, порубив в мелкие куски очередного зомби.

— Ты! — пророкотал горлом Хорас и шагнул к ним.

8.

— О, дхар! — с чувством выдохнул Героним. — Сир, вы?

— Ты его знаешь? — подвинулся ближе Гурдел, закончив с очередным мертвяком: тот валялся у его ног вяло шевелящимся крошечком и сверкал своими ярко-зелеными, светящимися, будто фосфорными глазницами.

— Хорас, командор Ордена! — представился паладин и внимательно осмотрел парочку.

Что ж, Героним сильно изменился с тех пор, как они в последний раз виделись. По сути, Орден вытащил полуэльфа из петли, но даже тогда он оставался блистательным придворным снобом с холодной самодовольной улыбкой и аккуратными полированными ногтями. Сейчас же исчезла его ухмылочка — ярость и адреналин исказили лицо, а ногти... Наверное, сейчас они были далеки от идеала.

Дорожный комплект из дорогого джаффского сукна, состоящий из узких штанов и плотного сюртука, поверх которого была накинута куртка из бежевой кожи, нынче оказался заляпан грязью, а правая штанина разорвалась, обнажив колено. Волосы растрепались и торчали, слипшиеся от грязи.

О тролле Хорас слышал от свидетелей, но только теперь увидел его впервые. Массивная туша, длинные узловатые руки, свисающие чуть ли не до земли и звероватая физиономия. Одежда, грязная и засаленная, видимо, никогда не знала мыльного порошка и чистой воды: серая-желтая, в разводах, рубаха и короткие штаны из стертой кожи, обнажавшие толстые волосатые лодыжки. На беспалых лапах не было никакой обуви. Да и зачем она ему: тролли были привычны к острым камням их горной родины.

Это был серьезный противник. В нем чувствовалась сила, ловкость и отчаянная жестокость — тролли до самой смерти не ведали старческого увядания.

Но больше их двоих Хораса занимало оружие, которое сжимал в руках полуэльф: массивная секира из черного металла, украшенная искусно отлитыми черепами и скалящимися демоническими мордами. От нее за милю несло скверной Тьмы. Но весьма эффективной против мертвяков, ведь вокруг щуплого и, в целом, не слишком приспособленного для сражений Геронима валялись вповалку почти целые тела мертвецов, растерявшие весь свой запал активного послесмертия.

Хорас понял: это именно то, за чем он и охотился. Проклятое оружие, так необходимое Магистру. Вернее той твари, что скрывалась под его личиной. Отличный предмет для торга. И не менее отличное оружие, легко расправляющееся с врагами владетеля.

Меч в руках продолжал гореть, но уже только местами. Кое-где пламя, пожрав огнесмесь, оголило почерневшую хрупкую сталь. Хорас опустил его.

Короткий миг передышки, когда можно было и поговорить. Основная масса мертвяков пока что была только на подступах и наступала не такой плотной толпой, как первоначально. Хотя основную массу наступающих скрадывал туман, однако пришельцы на погосте наверняка знатно проредили ряды мертвяцкого войска.

Командор поднял руку.

— Я хочу говорить! — Он попытался улыбнуться.

Получилось плохо.

— Говорить, сир? — крикнул Героним. — О чем нам разговаривать? Вы послали за нами своих головорезов, незаслуженно напяливших свои сверкающие доспехи и белые плащи. Загнали нас на это проклятое кладбище, а теперь хотите поговорить?

— Именно! — кивнул Хорас, не пытаясь вступать в спор. — Я допустил немало ошибок в своей жизни, но эта была самой роковой. Из-за нее погибло немало хороших людей, рыцарей и друзей. И я не хочу, чтобы из-за моей глупости продолжали гибнуть живые. Я слишком стар для этого.

После этих слов выражение лица тролля неуловимо изменилось. На грязной, изрытой морщинами и шрамами, бугристой, словно камень морде проявилось нечто, в чем командор с удивлением узнал надежду и тягучую густую боль потери.

— Верно молвишь, рыцарь! — пророкотал великан. — Вот только поздно уже — моего брата да и всех остальных не возвратишь. Кабы ты подумал об этом раньше.

— Гордость затмила мой разум.

— И что вы предлагаете, сир? — недовольно буркнул Героним, косясь на наступающих мертвяков. — Опять сделка, от которой нельзя отказаться?

— Сотрудничество. Вместе, я думаю, нам будет легче отсюда выбраться. Давайте объединим усилия и покажем силу Света этим мертвым ублюдкам! Мы знаем отчего они умирают окончательно. — Он кивнул на свой горящий меч и покосился на секиру полуэльфа. — И втроем мы сумеем без потерь пробиться отсюда.

— Да пошел ты, сир дхаров! — не выдержал, наконец, Героним и потряс Головорубом. Оскалился: — Сами...

На его лицо легла тяжелая, как горный валун лапища:

— Погоди. Он дело говорит! Хватит смертей — в тебе говорит это дхарово оружие. Секира всегда жаждет крови. Живой крови. Все-таки сухая гниль, что течет в жилах этих изрыгнутых землей ей явно не по вкусу. Не поступи ей! Борись!

— Вы благоразумны, господин тролль! — кивнул Гурделу Хорас.

Он подошел к полуэльфу, опустив меч.

— Я сожалею о наших разногласиях. Давайте выбираться отсюда вместе. — Командор сдержанно улыбнулся. Героним сплюнул и отвернулся. Гурдел кивнул паладину, принимая его в свою команду.

Хорас на миг прикрыл глаза. Глубоко вздохнул, разгоняя скопившийся в груди холод. И резко выкрикнул, вскидывая меч:

— Только еретики должны умереть!

Свет простит. Он все простит, если поступаешь во имя Его. И убийство, и предательство, и подлость.

Раскаленный горящий клинок рассек воздух, но свою цель не достал. Гурдел отшатнулся, инстинктивно прикрывая глаза. Неосторожно он отступил в туман, и на нем повисло несколько мертвяков, словно гончие псы на загнанном медведе. Троль взревел.

Хорас развернулся, не опуская меч. Головоруб рванул руку полуэльфа вверх, защищая своего хозяина. Он яростно прозвенел, сталкиваясь с мечом, жаждая свежей крови. Меч треснул, будто стеклянный и разлетелся сотней осколков, ударивших по зеркалу паладинской кирасы.

Героним прикрыл глаза, вскидывая руку к лицу, но несколько осколков рванули гладкую кожу. Выступила кровь. Все еще ничего не видя, Героним зашатался, отступив назад. Хорас был быстрее.

Он мгновенно сократил расстояние, лишая полуэльфа размаха, перехватил секиру за рукоять, буквально чувствуя, как темная волшба обжигает руку сквозь латную рукавицу. Он рванул Головоруба вниз, выкручивая из рук Геронима. Вторым кулаком, закованным в сталь, он смял ему челюсть. Полуэльф хрюкнул, сплюнув кровь, и завалился набок.

Секира осталась в руках Хораса. Тот смотрел на нее, и чувствовал темную волю, заключенную в этом оружии, ярость и жажду крови, отлитые в металле. Головоруб — имя само собой возникло в голове, словно оружие представилось — был почти живой. Нет, без всяких почти — живой.

Время внезапно растянулось. Мертвяк, высунувшийся из тумана, протянул к нему свои тонкие, но сильные руки. Хорас, не ощущая больше усталости и страха, просто отмахнулся от него. Секира снесла голову так легко, как будто сам мертвец состоял из этого тумана.

Командор молча развернулся к следующему. Темная ярость перетекала из металла в руку, в жилы, в плоть, впитываясь в кровь. Нутряной холод с готовностью отозвался, распахивая свои щупальца. Боль пронзила изнутри, словно в груди вырос шипастый сгусток.

Боль отрезвила. Головоруб выпал из окостеневших рук. Хорас рухнул на колени, ощущая, как растет внутри ледяная глыба, как густеет кровь, как останавливается кровь. Как он умирает.

Над ним выросла тень. Он поднял глаза и замер. Мертвяк в давным-давно истлевшей одежде застыл на миг. Всего лишь на миг. После он опустил, без усилий отодрав кованый наплечник и приник к оголенной руке.

Солоноватая кровь быстро наполнила гнилую пасть, а вместе с ней хлынул и холод.

9.

Зомби попытался прокусить его кожу, елозя острыми зубами по шершавому запястью. Кожа поддавалась плохо. Гурдел размахнулся и вогнал свой тесак мертвецу в череп. Повернул его, раскалывая кость и раздвигая челюсти.

Еще одно усилия, и голова восставшего просто развалилась. Еще одного мертвяка троль стянул с плеча, швырнул на землю и наступил ему на голову. Череп треснул легко, выпуская облачко праха.

Третьему досталось кулаком. Зомби отлетел от крепкого удара и упал в толпу себе подобных, сбив еще двоих. Наступающая толпа быстро смяла их.

Троль выпрямился, оглянулся. Мертвяки сходились, окружая его. У подножия дуба стоял на коленях паладин, а в его руку впился очередной зомби. Гурдел рыкнул и ударом ноги отправил восставшего в дальний полет. Только потом он заметил валяющуюся секиру.

— Ну и оставайся на проклятой земле! — сплюнул он и взвалил на плечо паладина. — Хватит смертей — я сказал!

Рядом застонал, поднимаясь, Героним. Едва ли он мог говорить со свернутой челюстью. Завидев Головоруба, он пополз к нему, глухо постанывая.

— Дхар! — сплюнул троль и поднял полуэльфа.

Тот что-то пробормотал, но его слова вряд ли бы кто разобрал: скорее всего его челюсть пришлось бы собирать по кусочкам — крепкая рука у командора. Гурдел отпихнул плечом еще одного мертвяка и покачал головой: вряд ли он когда-нибудь думал, что будет спасать людей и при этом от самих себя.

Он вздохнул. Смерть брата сильно его изменила. Что-то сломала внутри, а что-то и починила. Он опять вздохнул, поправил поудобнее человека и полуэльфа и нагнулся за секирой.

И ничего не почувствовал. Железка, как железка. Хотя нет — металл был другой, и пахло от него как-то странно. То ли сырой землей, то ли гнильем — не понять. Неприятно, но не более. Чем-то похожим воняла и магия этого погоста. Темной магией, но ни чуждой воли, ни противоестественной ярости он не чувствовал. Зато с мертвяками Головоруб справлялся преотлично.

Троль отправил в небытие очередного мертвяка и шагнул прочь от дуба, врубаясь в толпу мертвяков. В сторону невидимых отсюда гор.

Что-то выскользнуло из-под лат паладина, стукнулось о плечо тролля и упало на землю. Гурдел недоуменно остановился и развернулся. Что-то хрустнуло под подошвой его беспалой ноги. Он поднял ее и увидел невесомое облачко и стеклянные осколки в невысокой траве.

Облачко, вместо того, чтобы рассеяться без следа, сгустилось и увеличилось в размерах. Вскоре оно изменило и свою форму, превратившись в тонкий диск, диаметром с рост человека. Диск повернулся и встал на грань.

В лицо дохнуло магией, только уже светлой. Словно дуновение весеннего ветерка в затхлом подземелье. Диск уплотнился, затвердел и превратился в зеркало, которое ничего не отражало.

По слепой зеркальной глади прошла рябь, и проявился темный человеческий силуэт.

Звякнули латы, и в туман Большого Ларвийского Погоста шагнул высокий человек в доспехах паладина. Наплечники, панцирь и шлем сверкали алмазами, вделанными в заклепки. Серебряные узоры вились по блестящему металлу. От человека также пахло магией, но смешанной, словно в нем в невероятном узоре сплелись Тьма и Свет. Пришелец был безоружен, но отнюдь не беззащитен. При его появлении туман расступился вместе с мертвяками.

— Господин троль! — он вежливо поклонился, но то была вежливость победителя. — Не спешите — у нас наверняка будет время поговорить.

— Кто ты? — Троль замер. — И какого дхара тебе от меня надо?

— Я Магистр Ордена Света. И...

— Тогда почему я чувствую в тебе Тьму?

Магистр улыбнулся.

— Вы проницательны, господин тролль. Я — политик. И я ставлю перед собой задачу и выполняю ее. Всеми доступными мне способами. Тьма, Свет — это всего лишь метафорические фигуры, символы, не имеющие никакого отношения к добру или злу. Им просто назначили определенные роли. Роли, существующие в мозгах обывателей.

Тролль подозрительно посмотрел на него.

— Ладно стелешь. Ну да дхар с тобой — чего ты хочешь, Магистр?

— То, что у тебя в руках. Проклятая секира по прозвищу Головоруб. Разумное оружие, как говорят некоторые. Отдай мне ее и иди на все четыре стороны. — Он кивнул на висевших без чувств на плечах тролля человека и полуэльфа. — Вместе со своими друзьями. Новоприобретенными и не очень.

— А если я тебе скажу «пошел к дхару»?

Скрипнули доспехи, соприкасаясь. Гурдел мог отдать лапу на отсечение, что Магистр улыбается, вот только фигурное забрало оставалось абсолютно невозмутимо.

— А вот это будет большой ошибкой, господин тролль. Мгновение назад я был готов вам угрожать и привести угрозу в действие, но сейчас понял: это будет не конструктивно. Поэтому скажу иное: секира — одно из страшнейших орудий на земле. В нее вложена вся злоба, весь черный гений одного почти вымершего народа. И попади она не в те руки — принесет множество бед. Вот поэтому служители Ордена и были так жестоки со всеми, кто вставал у них на пути. Мы должны обладать ею, дабы никто и никогда не сделал ее орудием своей злой воли, не понимая всего могущества, заключенного в Головорубе. Отдай ее нам и клянусь Светом — никто больше не увидит ее в подлунном мире.

Тролль улыбнулся, только добра и готовности сотрудничать со Светом на его физиономии не было ни на медяк.

— Ты прав, Магистр, ее больше никто не увидит. Вот только спрячут ее не в вашей Цитадели, заberi ее тысяча демонов, а в пещерах троллей. Больше ни один взгляд, смертный иль бессмертный, ее не коснется. Клянусь тебе всеми моими предками, Магистр.

— Что ж, — голос под шлемом потерял всякое выражение, став холодным и отстраненным, — ты сделал свой выбор.

Едва заметное движение латной руковицы и вся та труха, в которую превратились уничтоженные мертвяки, кости, пыль, рваные куски плоти взметнулись в воздух. Серые бурлящие щупальца протянулись вперед и обвились вокруг секиры так быстро, что Гурдел успел лишь захлопнуть рот.

Как бы ни был силен тролль, темная магия оказалась сильнее. Она вырвала Головоруба из тролличьих лап и аккуратно подала Магистру. Тот бесстрастно принял ее, и Гурдел почувствовал острый, будто два клинка-мизерикордии, взгляд невидимых глаз.

— Беги, маленький тролль, беги! — И гулко расхохотался.

И, словно повинуюсь его приказу, сотни мертвяков, скопившихся во время разговора, рванули вперед, готовые смять, разорвать и пожрать последних живых на их погосте.

Магистр развернулся, уже не интересуясь судьбой обреченных, и шагнул в портал. Диск мигнул, подернулся рябью и осыпался стеклянной пылью.

наросты появятся позже. Лицо по человеческим меркам даже красивым: волевой подбородок, будто рубленный, узкие упрямые губы, прямой нос и пронзительно-синие глаза под густыми сросшимися бровями. Вытянутый конусом череп скрывала густая грива с заплетенными по вискам косами. Наверное, именно благодаря таким красавцам в Кадии рождались дети с явственными чертами горных великанов, крепкие и выносливые еще в глубоком детстве.

Под ногами острые камни горных склонов сменились мягкой травой и чавкающей грязью, но, честно говоря, тролль даже не почувствовал разницы: кожей на его подошвах можно было сгибать гвозди, наступая на них.

Впереди легко двигался Родул с костяным луком в руках. Немного постарше Горгула, но все еще молодой воин, хотя его грудь пересекал чудовищный шрам, оставленный стальными когтями снежного ётуна. Он был опытным разведчиком, с легкостью ориентирующимся и в горах Горх-а-Нарг, так и в низине Кадии. Замыкал отряд старшой — старый опытный тролль-магобоец Дархаг, плечи его разбухли от кожных наростов, едва вмещааясь под куртку полевого разведчика.

Западная граница Горха тянулась на тысячи миль, соприкасаясь с землями эратийского короля: Кадией, Умбрией и Саравангом — и едва ли три тролля могли стеречь ее всю. Да и это не входило в обязанности разведчиков. Дархаг, Родул и Горгул стерегли подступы к Большому Ларвийскому Погосту, ища и возвращая домой юных троллей, коих горячая кровь заставляла искать приключений на свою железные, но все равно уязвимые задницы, и заблудившихся торговцев и селян. По договору с кадийским графом они должны были возвращать потеряшек домой или хотя бы сдавать на руки ближайшим отрядам графских дружинников.

Отряд спустился рано. Еще затемно, когда наблюдающий на Западной Дозорной башне — кое-как обустроенном утесе — увидел, что на Погосте творится что-то странное. Цепкий нюх стража учуял творящуюся волшбу, явно отличающихся от гнили восставших мертвяков.

Но лес, окружающий кладбище, они достигли лишь к утру, а к могилам подошли уже когда полностью рассеялся проклятый туман.

Дархаг разделил свой отряд, и тролли отправились прочесывать погост, пытаясь найти следы ночного nepотpeбствa. Подумать только: магия в двух шагах от земли троллей!

Горгул быстро обнаружил поваленные памятники и выбеленные костяки, разбитые и расколотые — все, что осталось от многих и многих восставших. Нашел он и обглоданные лошадиные кости, куски доспехов и сманный меч. На клинке он разглядел клеймо Цитадели.

Стоило ему пройти еще несколько шагов, как его взору открылся старый мертвый дуб, а под ним куча костей. Он поднял взгляд... и обомлел: на развилке двух огромных ветвей сидел, прислонившись к стволу старый тролль.

Казалось, он спал, прикрыв глаза и устало уронив голову на грудь. В правой руке он до сих пор сжимал огромный тесак, лезвие которого выщербилось. Тело его покрывали многочисленные старые шрамы и свежие раны, оставленные зубами мертвяков и их оружием. Рядом с ним на ветвях лежали низинники: вроде бы люди, но один был еще без сознания, а второй тихо стонал. На втором были латы паладина.

Тролль шевельнулся. Приоткрыл глаза. Мутный взгляд зацепился за Горгула.

— Тролли не бегут, малыш! — Он заперхал, сплевывая сгустки крови. Отдышавшись, продолжил: — И не сдаются.

И улыбнулся.

Горгул застыл, словно очарованный. Перед ним был самый настоящий герой, в

одинокую сошедший с тварями Погоста. Такие, как он, жили только в легендах. И это было наверняка.

Он не стал торопиться и дождался Дархага и Родула. Вместе они сняли героя с дерева, аккуратно уложили на землю, подложив под голову свернутый плащ. Рядом положили и людей. Один из них — с вытянутыми острыми ушами, худой. Второй — массивный старик в доспехах Ордена. Правая рука его была оголена, а на плече зияла рваная рана с четким ободом мелких глубоких отпечатков, в которых запеклась кровь.

На троллей трупный яд мертвяков не действовал, а вот люди обращались почти мгновенно, превращаясь в быстрых и опасных монстров. Этот же почему-то был еще жив, хотя и без сознания.

Горгул присел перед ним на одно колено и приставил к его шее широкий поясной нож. Обычный акт милосердия — ничего более. Разгадывать загадки, при этом еще и маговские, тролль не собирался.

— Погодь! — окликнул его Дархаг. — Успеется. Наш брат сражался за них. Неужели мы не уступим его воле?

Горгул спрятал нож, кивнул.

Остроухий уже очнулся и теперь сидел, ошалело поглядывая на троллей.

— Если это Небесные Сады, то я хочу побыстрее смотаться отсюда. Троллей мне хватило и при жизни. Если...

— Заткнись! — коротко бросил Дархаг. При этом посмотрел он так презрительно, что человек мгновенно осекся и сник.

Герой почти очнулся. Он посмотрел на старшего. Улыбнулся.

— Тролли не бегут!

— Ты прав, брат, — кивнул Дархаг. — Что здесь случилось?

— Он сказал мне «бежать», а я послал его к дхару! — улыбнулся герой, пуская кровавые пузыри.

Оставалось ему явно недолго. Герой умирал, почти как в легендах: на руках собратьев. Умирал наверняка за правое дело.

— Кому ты сказал? Кто здесь был? Лич?

— Они... они живы? — будто не слыша его вопрос, спросил тролль.

— Один — точно. Второй... не знаю. Его укусил восставший.

— Они должны жить. Потому что иначе он победит. Оружие у него...

— Какое оружие, брат? — склонился еще ниже Дархаг. — Что, дхар побори, случилось?

Но герой уже не дышал.

Старшой выпрямился и посмотрел на разведчиков. Потом на выживших.

— Родул, нужна волокуша. Герою нужен достойный огонь. Горгул, ты отвечаешь за остроухого и паладина.

— Эй-эй! — воскликнул человек. — Вы кто вообще такие, раз здесь раскомандовались! Я Героним Аеландский, вельможа...

— Пойдем со мной, если хочешь жить! — бросил Горгул и выжидающе посмотрел на Геронима.

— Ладно, уступаю перед силой, — кивнул он. — Этот парень, — он кивнул в сторону почившего, — не зря умер. Уж поверьте мне...

— Заткнись, — буркнул Горгул.

Родул остановил старшого.

— Зачем нам мертвяк?

Дархаг остановился:

— Он еще не мертвяк, а просто раненый.

— Но он станет им. Ты же знаешь, от этого нет лекарства.

— Он не стал им до сих пор. И чегой-то мне кажется, что у нас в запасе еще много времени.

— Для чего?

— Для того чтобы узнать, дхар побери, что же здесь случилось!

ЧАСТЬ 6. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ТЕМНОГО НАРОДА

1.

Шаграты шли ходко, но и они уже стали выдыхаться. С лохматых морд, свисали толстые нити слюны, животные то и дело раскрывали рот, жадно ловя глотки холодного, обжигающе морозного воздуха. Даже бежавший на своих двоих Фозз начал шумно дышать и немного приотстал. Он припадал на правую ногу, поврежденную в бою за Эрдерет. Шмиттельварденгроу сражался тогда бок о бок с лохматым великаном.

Первым пало животное Шмиттельварденгроу. Шаграт ушел в сторону и на полном ходу рухнул на колени, уткнувшись вытянутой мордой в землю. Что-то громко хрустнуло. Цверга выбросило из седла.

Тот едва успел сгруппироваться перед тем, как протащило по мерзлой корке изо льда, земли и каменной крошки. Окончил свой путь он перед широким каменным пальцем, торчащим из земли.

Некоторое время цверг лежал: боялся пошевелиться и узнать, что у него переломаны все кости. В его-то возрасте даже каменные гномьи ребра становятся чрезвычайно хрупкими. Но пока что ничего, кроме саднящего лица, не болело и не указывало на масштабные внутренние повреждения.

Шмиттельварденгроу встал на четвереньки. Глухо замычал, облизывая разодранные губы. Также не хватало некоторых зубов — при этом он еще умудрился прикусить язык и теперь рот быстро наполнился кровью. Цверг задумчиво пожевал и сплюнул к подножию каменного пальца, несуразно раздутого в нижней части.

— Капитан? Ты как? — Фозз остановился, участливо сложив руки на волосатой груди.

Шмиттельварденгроу молчал и смотрел прямо перед собой, уставившись в разверстый пупок толстопузой клыкастой твари, уложившей свой тройной подбородок на расплывшуюся грудь. Именно этим гадством и являлся давешний каменный палец, о который чуть было не расколол череп выпавший из седла цверг.

— Шартак! — буркнул он.

— Чего? — Джалад слез с своего шаграта и похлопал его по боку, укрытому смердящим панцирем из плотной и грубой шерсти.

— Я говорю — Шартак! Шартак Большое Пузо, гребаный орочий божок.

Но Шартаку было уже глубоко плевать на оскорбления от какого-то там темного гнома: он продолжал нагло скалить каменные клыки, уставившись слепыми мертвыми глазами куда-то вдаль.

Статуя вросла в землю до пояса, скрыв под пеплом и черным песком массивный каменный постамент и, наверняка, не менее массивные ляжки. Чуть дальше цверг заметил еще статуи, из ветряной дымки проглянули остатки стены.

— Какого, я спрашиваю, какого дхара мы забрались так далеко к востоку?! — грохнул трубный глас гнома. — Мы почти в Горгонаде!

— Ух ты! У нас есть возможность обследовать руины? Вдруг найдется что-нибудь для моего обучения... — вмиг обрадовался Джалад. Темное лицо просветлело, глаза странно замерцали в темноте.

— Заткнись, — сказал цверг, не глядя.

— Видать, заблудились, — пожал плечами Фозз.

— Заблудились?! — Шмиттельварденгроу почувствовал себя кастрюлей с плотно прикрученной крышкой, в которой бурлило ядовитое варево. Еще немного, подумал цверг, и, гляди, сорвет крышку.

Он шумно выдохнул, зашипел в бороду, как испорченный горняцкий свисток. И уже спокойнее повторил:

— Заблудились? Ты же хренов следопыт, лучший, которого я знаю!

Огр снова пожал плечами, флегматично посматривая на павшего шаграта.

Животное хрипло дышало, поводя затянутым поволокой глазом, и судорожно сучила лапами. Из пасти тонкой струйкой сочилась кровь.

— Думаю, — осторожно вставил Джалад, — вопрос о том, как мы здесь оказались, не стоит так остро, как вопрос о том, как далеко мы оторвались от орков...

— ...И дварфов, — добавил Шмиттельварденгроу.

— ...И дварфов, — кивнул маг. — Итак, как мы будем действовать дальше?

Ветер принес хриплый вопль охотничьего рожка. А потом ему ответили еще с двух направлений. Уже гораздо ближе, чем первый.

На одно мгновение в голове цверга пронеслась мысль: остаться одному и прикрыть Фозза и Джалада, пока он будет сдерживать орков... Но он тут же отбросил ее, как неконструктивную.

— Дхаров дхар! Чтоб их всех забрали демоны Бездны! — взревел Шмиттельварденгроу и яростно затопал.

Джалад с опаской кашлянул.

— Может, попробуем спрятаться в руинах? Заодно исследуем...

— Иди, прячься, чтоб тебе дхар пятки поджег! — рыкнул гном. — У гребаных зеленокожих нюх, как у доброй собаки. Выследят, чтоб их матери забыли, как выглядят сыновья, как последнего козла! Нет, мы примем бой! Здесь и сейчас. Чтоб всякая тварь поняла, что не следует связываться с цвергом по имени Шмиттельварденгроу!

2.

В темноте появились огоньки. Они быстро приближались, загорались новые. Доносился рык шагратов и глухой рокот орочих голосов.

— Демоны Бездны! — Шмиттельварденгроу выпрямился. До этого он стоял на коленях и водил руками по земле, пытаясь воззвать к праху сотен и сотен умерших здесь существ. — Ничего не чувствую. Словно высосали все до капли! Дхарово проклятье!

— И огня нет! — промямлил Джалад, пряча руки под одеждой. Нежный уроженец солнечного юга начал крепко подмерзать: ему бы самому согреться, а в волшбу все пустить.

— Ниче! — пророкотал Фозз, взвешивая в руке массивный булыжник. — Наше дело правое — мы победим!

— Родос Сильный? — осведомился джаффец.

Огр почесал затылок, а потом махнул головой.

— Не-а, сам придумал.

— Вот она — великая сила образования!

— Заткнулись! Оба! — рывкнул цверг. — Надо сначала с орками разобраться, а потом можете сколь угодно долго точить языки друг об друга!

Джалад принялся внимательно обследовать поклажу своего шаграта. В кожаном мешке, притороченном к примитивному седлу, оказался запас факелов и глиняная бутылка, запечатанная липким комком шерсти. Скривившись, маг скovyрнул пробку, понюхал. И тут же закашлялся: в нос шибануло острым спиртным ароматом.

— Наверняка, это будет гореть! — пробормотал он и вытряс на землю факелы и комки сухой коры, использовавшейся вместо трута. Рядом звякнули, выпав из мешка, два камешка с блестящими острыми гранями. — Замечательно, клянусь Вулканом!

Он полил образовавшуюся кучу вонючей жидкостью из бутылки и принялся стучать кресалом, пытаясь высечь искру. Получилось не сразу — дрожали руки, ледяной ветер уносил сыплющиеся искры, но вскоре факелы и трут занялись, а алкоголь заставил пламя стать еще жарче и выше. Пламя плясало и жалось к земле, но уже весьма уверенно горело. Джалад довольно потер руки.

— Начали!

Цвергов взгляд зацепился за умирающего шаграта, потом скользнул по еще стоящему на ногах животному Джалада.

— Кажется, есть идея! Клянусь Бездной! Пора вспомнить былое!

Цверг опустился на колени перед павшим шагратом. Пальцы, длинные, жадные, задвигались, будто в предвкушении. Шмиттельварденгроу облизнулся.

— Что-нибудь острое есть? — Он выразительно посмотрел на огра. — Кроме твоего языка.

— Само собой, капитан! — кивнул Фозз и, наклонившись, быстрым движением разодрал когтем кожу на шее шаграта.

Животное задергалось, хрипя и захлебываясь. Кровь брызнула тугой струей, обильно орошая серые руки цверга. Шаграт забился, захрипел.

— Да-да, — проворковал цверг. — Давай-давай, не жалеи!

Он погрузил руку в разверстую рану, а второй принялся поглаживать мех на морде животного. Над плечом возникла любопытная морда джаффа.

— Ух ты! Магия крови! — восхитился Джалад. — Темнейшее из темных...

Ни слова не говоря, Шмиттельварденгроу двинул его локтем в грудь. Джаффец тут же осекся.

Слова заклинания сами собой всплыли в голове, скользнули на язык и выпрыгнули наружу, впитываясь в плоть и кровь.

— Призываю...

Кровь изменилась, превратилась в нечто вроде плотной пленки, которая вместо того, чтобы спокойно стечь, начала обволакивать тушу шаграта. Животное забилось в судорогах, но потом резко замерло. Глаза его заполнило густой краснотой, в которой утонули широкие черные зрачки.

— Призываю... Восстань из праха и крови!

Шаграт завизжал, тонко, почти, как человек, но вряд ли его крики могли разжалобить хоть кого-нибудь из присутствующих. Только склонился ниже любопытствующий Джалад, а Фозз равнодушно облизывал пальцы, тщательно вычищая кровь из-под ногтей. Но вот удовольствия в этом было немного: все-таки, не сладкая человечина.

— Хоть сейчас послужи, как надо, проклятая животи́на! — прохрипел цверг, с усилием

ворочая толстыми пальцами в ране.

Призвать демона крови не сложно — достаточно лишь значимого количества драгоценной алой жидкости. Не сложно, но опасно. Сам ритуал прост до отвращения, но требует четких и точных действий. Иначе призванная тварь обернется против своего создателя.

Шмиттельварденгроу давненько не вызывал демонов, не считая духов праха. Но это так — мелочь шаловливая. И совсем давно не лепил для них вместилище из плоти и крови. Но боялся он лишь поначалу. Стоило только приступить, как руки сами все вспомнили, а в голове всплыли слова заклинания.

— Кровью и мясом... Прахом и костями...

Шаграт и не думал затихать: он дергался все сильнее, а удерживать его было все сложнее. Кровь превратилась в густое червивое месиво, безостановочно шевелящееся и завоевывающие все новое и новое пространство.

Животное выгнуло, аж хрустнули смещенные кости. Острые шипы продырявили кожу, с треском вытянулись лапы и когти. Череп увеличился, вытянулся, в особенности челюсти. Мягкие, словно резиновые губы задрались, обнажая чудовищные клыки и багровые десны; все выше и выше, сворачиваясь пергаментными свитками, обнажая кости черепа.

Он встал на ноги: из глаз, ноздрей, ушей и пасти протянулись тонкие нити-щупальца, что активно начали рыскать в воздухе, впиваясь в мясо. Цверг встал вместе с животным, не отводя взгляд и продолжая шептать заклинание.

Демон взревел с потусторонней яростью и резко встал на ноги, вгрызаясь когтями в плотную, словно дерево почву. Взрывлив ее, тварь встала окончательно. Шмиттельварденгроу едва успел одернуть руки. Разрез на шее тут же сомкнулся и зарос багровым швом. Демон повел длинной головой, шумно приносясь.

Теперь уже животное, или, вернее, та оболочка, которую занял дух, меньше всего напоминала землеройку-переростка. Теперь это была здоровенная гончая с крокодильей костистой мордой и внушительным режуще-разделочным арсеналом в пасти. Глазницы заросли клубками алых жил, но глаза демону были уже не нужны. Живую плоть он мог учуять за десятки миль.

Слепой взгляд остановился на цверге. Тот поднял руку и указал грязным пальцем в тьму горгонадской ночи. Холодной осенней ночи проклятой земли.

— Взять, песик! Твоя добыча.

Из темноты, размахивая факелом, верхом на шаграте выскочил зеленокожий. В другой руке у него был топор грубойковки, похожий больше на кусок кое-как заточенной железяки, насаженной на толстенный дрын. Завидев демона, орк резко осадил шаграта, выпучил удивленные зенки и попытался отмахнуться от него топором. Получилось не очень. Размазавшись в воздухе, тварь снесла орка с седла, еще в полете распотрошив его. Упав на землю, дикарь имел в наличии разодранное брюхо, расплзающиеся кишки и донельзя расстроенное выражение на физиономии. Демон опустил вытянутую голову и принялся с аппетитом чавкать сизыми внутренностями, еще дымящимися на свежем морозном воздухе равнины Горго.

Второй орк, появившийся из темноты, попытался было резко осадить шаграта и развернуться, как только увидел чудовищное порождение Бездны. Демон с ленцой поднял морду и цапнул животное за бок. Вроде бы совсем чуть-чуть, почти любя, но шаграт захныкал, двинулся еще на несколько шагов и безвольно повалился набок. На шее у него

зияла чудовищная рана, сквозь которую проглядывала белая чересполосица оголенного позвоночника.

Орк успел отпрыгнуть, слетев с седла, и теперь во все лопатки улепетывал прочь, спотыкаясь и хрипло матерясь. Но недолго: тяжелый булыжник, пущенный крепкой огрской рукой, влажно чмокнул, соприкоснувшись с широким бритым затылком. Орк тут же повалился ничком и больше не шевелился.

Демон быстро потерял интерес к убитому шаграту: тот больше не шевелился. А вот второй продолжал взбрыкивать. Чудище облизнулось длинным сизым языком, похожим на толстую колбасу.

Еще двое орков пронеслись мимо него, нахлестывая шагратов и испуганно косясь, но тварь едва повела мордой. Едва успела просто среагировать — демон выглядел сонным и обожравшимся. Шмиттельварденгроу опять помянул Бездну: призванная тварь быстро выдыхалась. Совсем не на то рассчитывал он.

Фозз молча ступил вперед и ударом кулака смял челюсть орку, второй рукой он ухватил шаграта за загривок и прижал к земле. Животное сдавленно запищало, но ничего поделать не могла: огр уверенно сгибал ее голову все ниже и ниже, а резко дернул своей могучей лапищей: позвонки сухо треснули. Шаграт обмяк. Огр развернулся к барахтающемуся орку. Занес ногу, но тут его приложили сзади булавой.

— Сзади, — крикнул цверг, когда все уже совершилось.

Плотная шерсть, прикрывающая затылок великану смягчила удар шипастым наверхушом, но все равно: Фозз хрюкнул и опустился на одно колено. Орк, размахивая тяжеленным моргенштерном торжествующе взревел. В следующий миг в рот ему влетела огненная саламандра, пущенная Джаладом. Зеленокожий выпучил зенки, ухватился за горло. Гортань у него почернела и провалилась внутрь, запачкав ему пальцы жирной копотью.

Огр тряхнул головой, словно стреноженный тарквиний, и медленно поднялся. Глаза его встретили хмурым взглядом очередного орка.

— Забери тебя Пьютер! — крикнул тот и кинулся в атаку.

Позади четверо орков верхом на шагратах, в мехах и лохмотьях — видать, с побережных орд из-за Ганалийской долины, — крутили карусель вокруг демона с воплями и криками. Демон дергался то в одну сторону, то в другую, тихо подвывая — складывалось такое ощущение, что он хотел спать, а эти надоедливые зеленокожие раздражают и не дают забыться сладкой дремой. Показалось еще двое, и оба были вооружены короткими луками: не слишком мощными, как у королевских пехотинцев, но на таком расстоянии это не имело особого значения — ни у цверга, ни у джаффца, ни у огра не было никакой защиты. Если, конечно, не считать вонючих покровов Фозза.

— Дхар! Дхар! — сипел Шмиттельварденгроу и медленно отступал назад, пока, наконец, не уперся спиной в каменное пузо Шартака. Божок нагло скалился и, видать, был весьма доволен своими почитателями.

Все медленнее двигался и демон, словно обожравшись. Конечно, это было глупостью: тварь из Бездны никогда не могла насытиться. Цверг покачал головой — дело в другом. Оболочка получилось не столь надежной, как он рассчитывал. Усталость и остатки железа в крови сказывались.

Он поскреб широкий нос. Внизу, у подножия орудовали Фозз и Джалад. Но если у огра с его феноменальной выносливостью и глухой злобой дела обстояли еще более-менее ладно, то маг начал выдыхаться, как и сам цверг: проклятый металл давал о себе знать — да и

костерок быстро сник после манипуляций джаффца. Гном оглянулся — позади был Горгонад. Руины и воспоминания. Позор и предательство.

Совсем свежее предательство. Даже толком не пропеченное, ведь Шмиттельварденгроу лгал: ради спасения своей черной жизни он был готов на все. В том числе, и на предательство и на то, чтобы пожертвовать своими «друзьями».

Друзья... Разве они могут быть у цверга?

Можно все. Например, отвлечь орков огром и человеком, а самому тихо сделать ногу, пока зеленокожие не замкнули кольцо вокруг холма.

Демон истаивал в прямом смысле этого слова. Многочисленные раны покрывали его поджарое тело, быстро становившиеся еще тоньше: целые куски кровоточащей плоти отваливались ему под ноги.

— Пора, — выдохнул цверг и скатился по другую сторону холма, оставив Шартаху наблюдать за битвой. Ему она понравится, ведь его сыновей ждет победа.

Но что-то изменилось. Шмиттельварденгроу не успел полностью спуститься, как почувствовал напряжение в воздухе, вибрирующую струну, прошедшую сквозь него. Кто-то творил темную магию.

Этот запах было ни с чем не перепутать. Растерянный и капельку напуганный цверг подался назад, часто дыша в грязную, всклокоченную бороду. Невидимая волна накатила и опрокинула его, обдав душным облаком пыли. Гном закашлялся и буквально взлетел на вершину холма, выглянул из-за Шартака.

Джалад застыл с разинутым ртом, а рядом повалился на землю Фозз: он прекрасно знал, что надо делать, когда на поле боя работают маги — выучка, полученная в горгонадской армии, никуда не пропала. Заметив, что джаффец все также стоит, выпучив зенки, он сгреб его и прижал к себе, закрыв широким волосатым плечом.

Но не это сейчас занимало все внимание цверга: впереди творилась страшная волшба. Волна набирала силы, стягивалась и плотнела, став похожим на тусклую стену из полупрозрачного дрянного стекла. Черные полосы праха и пепла, стягивались к ней, вздымая верхний ее край все выше и выше. Теперь Шмиттельварденгроу было ясно, почему он не мог достучаться до праха: он уже был частью иного, более мощного заклинания.

Орки, что были поближе к холму, нерешительно отступили. То, что сейчас воздвигалось перед ними, было новым и странным и они просто не представляли, что делать. Но это длилось лишь мгновение. Для любого орка, в случае когда его мозг не срабатывал, верховенство брали инстинкты, которые обычно выбирали два варианта: драться или бежать. Драться было просто не с чем, поэтому оставалось одно. Орки развернулись и дали драпака. Они не успели сделать и пары шагов, и волна обрушилась на них.

Струна лопнула, и цверг обмяк. Фозз осторожно поднял голову, из-под его руки выпростался Джалад.

— Ух ты! — просипел он и закашлялся. Черная взвесь, оставшаяся от орков и шагратов, настойчиво лезла в нос и горло.

Плечом к плечу с ним встал Фозз. Он обернулся и отсалютовал Шмиттельварденгроу взмахом ладони, совсем как в горгонадской гвардии.

— Не знал, что ты так умеешь, капитан! — пророкотал огр. В его голосе чувствовалась неподдельная гордость. — Наши таланты проявляются только в моменты наивысшего напряжения сил.

— Карпассон Лютус? — поинтересовался, откашлявшись, джаффец.

— Он самый! — кивнул Фозз.

Шмиттельварденгроу хмуро посмотрел на них, одним из своих фирменных взглядов: Фоззу было все равно, но Джалад быстро сник.

— Я тут не причем. Это...

— Я!

Цверг быстро обернулся и застыл на месте. Рука поневоле потянулась за ножом, но его за поясом не оказалось. Невдалеке, в проломе, среди каменных обломков застыла приземистая фигура, черты которой скрадывал тяжелый черный плащ с капюшоном.

— Кто ты такой?! — Цверг подался к своим соратникам. Те успели взобраться на холм и теперь тупо пялились на незнакомца.

— Кто? — Смех, словно ножом по сковородке. Скрипучий и очень знакомый... — Кто? Я тот, что только что спас вас всех от неминуемой смерти. Не спорю, вы были изощренны, но этого было мало. Так что капельку благодарности не помешало бы...

— Умойся! — рыкнул цверг. — Почем мне знать, что ты захочешь взамен?

— Правильно! Узнаю кровь.

— Кровь? — Шмиттельварденгроу кольнуло неприятное предчувствие.

Фигура подошла ближе. Незнакомец был невысок, совсем, как дварф, но не столь широк в плечах, как каменнорожий. Скорее, он походил на...

Незнакомец стянул капюшон и раздвинул полы плаща, засунув большие пальцы за широкий пояс из толстой кожи, на которой еще сохранились следы от драконьих чешуек.

Кроме него были еще камзол глубокого черного цвета с начищенными серебряными пуговицами, штаны-шаровары, заправленные в тяжелые невысокие сапоги с массивными пряжками.

Лицо было гораздо примечательнее. Широкое, скуластое, с крупными тяжелыми чертами. Из-под набрякших век поблескивали черные глаза, в которых не было ни грана добра или сочувствия. Низ физиономии скрывала густая черная борода, аккуратно заплетенная в две толстые косицы. В темноте было не разобрать, но Шмиттельварденгроу мог поклясться, что она неприятного, землисто-серого цвета, как и у него самого. Перед ним стоял цверг.

— Дхаров дхар! — выдохнул Шмиттельварденгроу.

— И я тебя рад видеть, брат, — кивнул гном. — И твоих... друзей. — Пауза была почти незаметна. — Меня зовут Лардарнагдаррен, и я Хранитель Темного Трона. Рад снова видеть разумных, верных Тьме. Вы ведь поклоняетесь Черной Хозяйке и Ее Посланнику?

— Э-э... да, — ответил Джалад вместо Шмиттельвардегроу.

Тот молчал и сверлил тяжелым взглядом Лардара.

— Тогда следуйте за мной — скоро могут явиться остальные. Нам надо успеть скрыться за Завесу.

Он повернулся и зашагал вглубь руин, не дожидаясь ответа.

Джалад и Фозз поравнялись со Шмиттелем.

— Клянусь демонами, я ему не доверяю! — прогундосил он в бороду.

— Но почему? — Джаффец недоуменно посмотрел на него. — Он же тоже — цверг!

— Вот именно поэтому и не доверяю! Мы, темные гномы, поганые друзья.

Внизу кипел огромный чан плавильни и с жадностью поглощал падающие в него останки. Лишь выпускал лепестки пламени, когда расплав схлебывал очередное мясо. В кровавом сумраке плавильного цеха гномы походили на мускулистых дхаров с огненных горизонтов Бездны, ворочающих вилами и крючьями то, что осталось от грешников. И это было очень близко к истинному положению дел. В Ганалийской долине не было праведников.

Мясом служители называли каторжан, безликий расходный материал, которому стоило лишь исчерпаться, как его тут же отправляли сюда, в плавильный цех, где гигантским чанам, в которых кипел металл, был все равно, что поглощать: железо, плоть и кости. Только вот в последнее время мяса было слишком много: пришлось задействовать две печи, чтобы не испортить металл избытком углерода.

Грязные и потные дварфы в коротких штанах и фартуках на голую грудь толкали вагонетки, нагруженные останками мяса, и методично скидывали их в печь. Руководил им старый морщинистый дварф-трун с русой бородой в многочисленных подпалинах. Под фартук бригадир одел выдавшую виды старую рубаху. Порой он начинал яростно размахивать старой растрескавшейся курительной трубкой и покрикивать на своих подопечных.

— Куда?! А ну стой — гони к Третьей печи! Здесь хорош, а то железо хрупким будет. Давай, поднажми! — А потом тише, про себя: — Вот же свалилось, твою-то ж мать!

Норманг Меднобородый не слышал его, но догадывался, какие чувства обуревают труна-наемника: любой дварф душой болел за свою работу. Правда вот, бригадир Рагнар справлялся со своей, а вот некий Норманг Меднобородый, славный воин-жрец из Стангарона — нет. Не увидел сразу в старом цверге опасность, высокомерие застило глаза — и вот как все вышло.

Четвертый забой разрушен, по крайней мере, выходы завалило напрочь, погибло много каторжан, но не все: из воздуховодов порой доносились крики и стоны, приглушенные расстоянием и толщиной камня. Но не о них сожалел Норманг, отнюдь. И даже не о том, что снизилась добыча железной руды — все равно, в Четвертом не слишком-то и большой был выход руды. Сожалел дварф совсем о другом: о собственной глупости.

Ошибки надо исправлять. Он и так их допустил в своей жизни достаточно. Пальцы нежно пробежали по лезвию-полумесяцу небольшого метательного топорика, засунутого за пояс. Эту ошибку он исправит кровью. Черной кровью темного гнома.

Позади вежливо кашлянули. Дварф резко обернулся, все еще пылая яростью. Но увидев низушка быстро остыл.

Фолвенбранд стоял на расстоянии пары шагов и прижимал к груди массивный гроссбух в переплете из черной кожи.

— Господин Норманг, к вам посетители. Изволите подняться? — Лицо низушка в обрамлении пушистых бакенбардов, пухлое и почти невинное светилось искренним почтением.

— Зеленокожие?

— Они самые, господин Норманг. Из побережных.

— Явились! — прогрехотал громовой раскат дварфского голоса.

Норманг в последний раз взглянул на просторы правильного цеха, принял меховой плащ из протянутых Фолвенбрандом рук и, развернувшись, двинулся к выходу. Ему еще предстояло еще пересечь две сотни каменных ступенек лестницы, прорубленной в склоне

Ганалийского кратера и ведущей к Старому Замку.

Старый Замок возвышался над кольцевым хребтом Ганалии и походил на одинокий гнилой зуб, торчащий из мягких десен злобной старухи. Нижние уровни его были вырублены прямым в скальной породе, оголенной чудовищной мощью небесного гнева. Но Замок постоянно, на протяжении всей истории добычи железной руды в долине, достраивался, нарастал причудливыми формами. В основном, к его возведению приложили руку цверги, но отметились и иные темные народы: кобольды, лугаши, ныне истребленные и почти забытые. Когда вычистили Лыдистое нагорье, а Ганалийская долина перешла дварфам, они навели здесь свой порядок. Исчезли многочисленные горгульи, оседлавшие всевозможные выступы, и причудливые барельефы. Их сменили строгие геометрические формы и параллельные борозды, вырубленные в камне, — традиционные символические изображения священных бород дварфских прародителей.

Нормангу некогда было разглядывать красоты Старого Замка, тем более за последние годы они уже успели порядком приесться. Как и отвесные склоны кольцевого хребта, изъеденная шахтами, словно червоточинами, бесплодная долина, мрачные кубы и параллелепипеды железоделательной фабрики с вечно чадающими трубами и низкое серое горгонское небо, вечно сыплющее ледяной трухой.

По дороге вверх ветер успел проморозить тяжелый меховой плащ и забраться под одежду — это были не теплые глубины Стангарона. Несмотря на легендарную выносливость своего народа, стан успел основательно продрогнуть, пока поднимался в свои покои в Старом Замке, но и здесь было не лучше. Огромные, холодные и выразительно пустые, они без радости встретили своего хозяина. Кроме каменного кресла с вырубленными в подлокотниках хмурыми ликами Стана Первого и накинутой на сидение медвежьей шкуры, огромного камина и широкого круглого стола, вырубленного из цельного куска гранита с красными жилами орихалка, здесь ничего и не было. На столешнице еще виднелись следы от затертых цвергских рун.

Двое слуг-низушек разжигали камин, копошась в прокопченной пещере, и, хоть они преуспели и под низкими каменными сводами, облицованными черным камнем, уже пылал огонь, тепла все еще не было. Камень неохотно напивался теплом, и сквозняки, пронизавшие покои, выдували его наружу сквозь узкие окна-бойницы, прорубленные в четырехфутовых стенах. Сквозь окна едва мог протиснуться худосочный низушек, но вот от холода они совсем не спасали. Вставить стекла, как нынче делали в Эратии, не позволяла гордость.

Дварф нетерпеливо махнул рукой, отсылая слуг. Те быстро скрылись за дверью, но не успела та с тяжким глухим стуком захлопнуться, как на пороге показался запыхавшийся Фолвенбранд. В своей шубе он напоминал мохнатый шар на коротких ножках. Волнистые бакенбарды легли на пушистый воротник, обрамляя красное от усилий лицо.

Норманг опустился на кресло и запустил в бороду кулак, яростно сжав жесткие волосы в горсть. Только затем он соизволил обратить внимание на секретаря.

— Ну, где этот дармод? Надеюсь, Клыку будет, чем оправдаться...

— Извините, мастер, — поклонился низушек, — но Сломанного Клыка нашли на внешнем склоне с, гм, сломанной шеей.

— И это его спасло! — буркнул Норманг. — Так кого орки нашли себе в новые вожди?

В сопровождении двух дварфов в полном боевом облачении из нижних, приемных покоев поднялся невысокий и донельзя уродливый орк.

Вообще-то, с точки зрения dwarфов, они все такие — не слишком симпатичные. Но этот был особенно... приметен. Норманг хмыкнул, осматривая его. Что Сломанный Клык, что этот были на редкость малоприятными личностями. Орк был коренаст, и при ходьбе переваливался из стороны в сторону на коротких кривых ногах. Длинные руки свисали почти до самого пола. По выражению перекошенной, татуированной морды ничего нельзя было прочесть.

— Ты кто? — осведомился Норманг, высокомерно осматривая орка.

Тот почесался, запустив лапу под вонючие меха, накинутые на покатые плечи. Зеленокожий был коренным побережником и шагратским всадником — только у них были такие короткие и кривые ноги, приноровленные сжимать бока их смрадных животных. И пахло от него не лучше.

— Кривой Язык, гноме.

Норманга передернуло и невольно захотелось подправить перекошенную физиономию тяжелым dwarфским кулаком, да и манерам поучить заодно.

Язык пожевал выступающими челюстями и продолжил:

— Друг Сломанного Клыка. Нынче я — голова.

— Хорошо, голова, — кивнул dwarф. — И что ты мне скажешь?

— Слышал, — протянул орк, непрестанно двигая челюстями, — ты ищешь темного гнома.

Норманг резко подался вперед и едва удержался от того, чтобы схватить зеленокожего за горло и вытрясти из него всю необходимую информацию. Dwarф был куда массивнее и наверняка сильнее орка, хоть тот и выше почти на голову.

— Где он?! — только прохрипел гном. Горло внезапно перехватило стальным обручем. Внутри клокотало, словно в котле, готовом вот-вот взорваться.

Орк предупредительно подался назад. В маленьких пороссячьих глазках проявился страх.

— В Городе Забытых Богов, — как можно невозмутимее сказал Язык.

— В Городе... В Горгонаде! — догадался Норманг.

В голове словно щелкнули шестеренки, складываясь в новые мысли. Неужели?.. Неужели все, что случилось, было не просто так? Неужели все это было ради нового и сложного плана по возрождению Тьмы?! И только в руках Норманга Меднобородого задавить ее в зародыше, пока проклятая не подняла голову.

Это был шанс все исправить. И не только: возможность вернуться в Темную Глубь, вновь занять место в Совете Благородных, и теперь не как сыночек высшего жреца, а герой-победитель.

Норманг повернулся к Фолвенбранду.

— Передай Рогнаку — пусть готовит два десятка бойцов. — Dwarф взглянул на орка: в глазах у бородатого карлика разгоралась злая надежда. — Мы выступим, Язык. Сколько ты готов выставить топоров?

Орк хитро осклабился.

— Мы еще не договорились о цене, гноме...

Dwarф мрачно улыбнулся, огладив бороду.

— Будешь верным, орк, — не обижу. Я не забываю преданности. Как и обмана...

Лардарнагдаррен шагал уверенно, лавируя между руин только по едва заметной тропке. Порой он останавливался и принимался оглядываться, словно в поисках скрытых вещей и знаков. Это была его вотчина, которую он наверняка успел изучить досконально. И, возможно, и сам обустроил, как ему хотелось, превратив в мудреный лабиринт.

Приостановившись, Лардар поравнялся со Шмиттельварденгроу. Дальше они шли вровень. Перед ними мелькал магический светлячок, отливавший гнилостной зеленью. Позади шагали Фозз и Джалад. Маг возбужденно вертел головой, осматривая местные достопримечательности.

— Давненько я не видал подобных себе, — сказал Лардар, покосившись на своего собрата.

— Я тоже, — хмыкнул Шмиттельварденгроу.

Лардар замолчал. После неожиданно добавил:

— Я рад.

Шмиттельварденгроу тут же закашлялся, подавившись слюной. Шумно булькнув, он смачно сплюнул. Нити тягучей слюны повисли на бороде. Он нервно хохотнул и удивленно уставился на своего спасителя.

— Чего?!

— Тяжко, — поникнув, сказал Лардар. Тяжело быть одному, особенно, когда знаешь, что впереди есть цель. Эта огромная ответственность... Порой мне хотелось ее с кем-нибудь разделить... И вот ты... и они. — Он мотнул головой в сторону огра и человека. — Я рад, что вы ко мне присоединились...

— Мы еще ни к кому... — начал было Шмиттельварденгроу, но его уже словно не слышали.

— Особенно я рад тебе, брат. Потому что знаю: дело нашего народа живет!

Старый цверг посмотрел на Лардара и совсем тихо спросил:

— И в чем же дело нашего народа?

Тот недоуменно посмотрел на Шмиттельварденгроу, но вскоре его взгляд прояснился.

— В службе Властелину Тьмы, конечно.

В горле у Шмиттельварденгроу пересохло. Он очень хотел не понимать, о чем болтает Лардарнагдаррен. Хотел, но не мог. Цверг прекрасно осознавал, к чему ведет этот новоявленный горгонадец. Словно и не бывало трех десятилетий забытья, отчаянных попыток избавиться от навязчивых образов.

Прошное властно настигло его: тук-тук, отдавай должок.

— Война давно закончилась, — медленно, подбирая слова, произнес Шмиттельварденгроу. — Если ты не знаешь, или забыл, то я расскажу тебе, «брат». Мы проиграли: Тьма отступила, Симгар опустел, а последние цверги — это ты да я. Осколки, которые больше не склеишь. Нет больше ни нашего народа, ни повелителя Тьмы — вообще всего, во что я верил! Великая Блудница ушла, а ты, мой дрожащий «брат», живешь в заброшенных руинах! Вот и вся цель. Вот это все, — он в запале развел руки в стороны, — и есть наше будущее.

— Заброшенных? — делано удивился Лардар. Внезапно он положил руку старому цвергу на плечо. Тот вздрогнул: неприятный холодок волной протянулся вдоль позвоночника. Он посмотрел в лицо горгонадцу: грубая, словно выветренный песчаник, кожа, глубокие оспины и морщины, похожие на застарелые шрамы, но внутри, в глубине темных с багрянцем глаз он увидел искреннюю веру. — Ты разочарован, брат, и не мудрено,

ведь мудрость Господина от тебя скрыта. Ты видел крах старого мира, но новый-то не слишком от него и отличается. Еще десять лет назад я был точно таким же. Потом же я кое-что узнал.

Он снова замолчал, словно раздумывая говорить дальше или нет. Потом он улыбнулся. Неприятная цвергская ухмылка, походившая на оскал, осветила его мрачное лицо.

— Позволь я покажу тебе, брат!

И на следующем шагу что-то изменилось. Снова Шмиттельварденгроу почувствовал напряжение, словно уперся в упругую стену, легко прогибавшуюся под его натиском. Раз — и ощущение пропало, словно он шагнул внутрь мыльного пузыря. И мир неуловимо изменился. Вроде бы те же самые руины, но исчезло запустение, а между полуразрушенных стен пролегла обустроенная тропка, с которой кто-то тщательно убрал весь мусор. Появились шесты с привязанными к ним факелами. Они едва тлели, но цвергу освещения хватало.

— Дхарово отродье! — выдохнул гном.

Они находились под куполом огромного заклатья, магической путаницы, скрывавшей истинное от чужого взгляда. Вспомнилась и могучая «стена праха», уничтожившая орков. А после Шмиттельварденгроу вспомнил своего демона-доходягу. Лардарнагдаррен постоянно искал оставленные знаки, специально им созданные, чтобы найти единственный верный путь под полог невидимой завесы.

Старый цверг напрягся: он не доверял этому типу. Не просто, как цверг цвергу, а как более сильному цвергу. Существо, обладавшему куда как большей силой. Не физической, но магической. Что гораздо опаснее...

Почувствовать бы вес Головоруба в руках! Шмиттельварденгроу мечтально прищелкнул языком: вот тогда бы они могли говорить на равных. Сейчас же надо быть настороже и очень, очень осторожным в словах. Горгонадец не просто более искушенный маг, но и, судя по всему, в голове у него поселился хоровод дхаров.

Лардар улыбался, довольный произведенным эффектом. Прямо перед ними выросла каменная коробка, чудом сохранившаяся. Другим торцом она примыкала к нагромождению развалин, в которых цверг с трудом узнал крепость темного лорда. От стен остались одни огрызки, створки огромных железных ворот с обломанными шипами валялись по бокам от разбитой каменной дороги, присыпанные пылью и ржавчиной. Победители славно здесь поработали. Но не смогли отыскать все секреты Горгонада.

Стена из серого гранита, пронизанного черными жилами — этот камень добывали на склонах Льдистого нагорья — казалось монолитной и неразрушимой. Кое-где остались подпалы от магического огня, но этим все и ограничивалась. Ни дверей, ни окон в ней не было — все здание казалось единой скалой безо всяких пустот. Шмиттельварденгроу подумал, что толщина стен наверняка была колоссальной, чтобы ни простукивание, ни чутье земляного мага здесь не помогло. Но здесь что-то было: Лардарнагдаррен не зря их сюда привел.

Гном-маг остановился перед гранитным параллелепипедом и на миг задумался, словно вспоминая. Он взглянул на сереющее перед рассветом небо, хмыкнул. Глаза его загорелись серебром. Уже увереннее цверг шагнул к стене, прижал к холодному камню ладони.

Одна ушла вверх, другая — в сторону. Верх и опять в сторону. Двойная «саргр» — цвергская руна, значащая «любовь». Нет, не романтическое чувство к представителю противоположного пола — его цверги просто не ведали, — а другая любовь, преданность.

Жажда служить великому вождю.

Ногами прошла легкая вибрация, и с глухим стоном стена раскололась пополам, открывая темный провал входа. Она не раздвигалась в стороны, а просто среди камня рос проход, словно ускоренный в тысячи раз процесс эрозии. Змеящаяся трещина, потом — узкая полоса. Все шире и шире, и вскоре образовался проход, в который мог протиснуться даже такой кабан, как Фозз.

Позади восхищенно прицокнул языком Джалад. И посмотрел почти с любовным обожанием на Лардарнагдаррена. Шмиттельварденгроу поморщился: поведение джаффца неприятно кольнуло. Руна «саргр» — цверг ненавидел ее.

— Добро пожаловать в мой дом, господа! — учтиво поклонился Лардар и, махнув рукой, пригласил за собой.

5.

Ранним утром, когда невидимое сквозь вечный облачный полог солнце едва оторвалось от горизонта, ворота Ганалийского рудника покинуло пять крытых повозок, запряженных тарквиниями. Правили ими хмурые труны в кожаных панцирях и низко надвинутых капюшонах. У каждого к поясу были прицеплены боевые топоры, а спины закрывали небольшие круглые щиты из стали с бронзовыми ликами прародителя. Кроме того, в каждой повозке было еще по десятку гномов, вооруженных точно также. Правда, кто-то предпочитал топорам клевцы и короткие мечи с треугольными клинками.

Через несколько миль к повозкам присоединилось еще около сотни орков верхом на шагратах. Во главе их находился Кривой Язык верхом на особенно крупном верховом грызуне, бурым, с черными подпалинами. Слева к седлу, или, вернее, кожаной попоне, его заменявшей, был приторочен черный хопеш — кривой меч, похожий на огромный серп с длинной рукоятью без гарды. Остальные орки были вооружены топорами, булавами и прочим ударно-дробящим инструментарием. Хопеш был только у Языка.

К полудню это смешанное войско достигло границ Горгонада. Отсюда, с бесплодных черных холмов, припорошенных прахом с белыми разводами изморози, открывался отличный вид на опаленные руины: разрушенные стены, заброшенные идола орочьих божков и нагромождения рухнувших зданий, похожие на каменные кубики-игрушки ребенка-великана. Взобравшись на вершину одного из холмов, Норманг Меднобородый остановился, засунув большие пальцы рук за боевой ремень. С него свисал короткий треугольный меч в узорчатых кожаных ножнах и два метательных топорика. Рядом с начальником Ганалии хмурился Рогнак Железнолобый.

— Не верю я оркам! — сплюнул тягучим Рогнак и покосился на командира. — Подлые твари. Клыка-то ты выдрессировал, а вот этот, Поганый Язык... От него за милю тянет предательством, клянусь бородой!

— Вот за это я тебе, Рогнак, и плачу, — хмыкнул Норманг и похлопал Железнолобого по плечу, закованному в пластинчатый доспех, — чтоб ты всех подозревал и держал ухо востро. Я тоже не слишком верю этому зеленозадому, но выбирать не приходится: нам надо найти этого дхарового отпрыска, цверга темномордого. Но, если Язык что задумал, ты проследишь, чтобы мы с ним больше не пересекались.

Рогнак почесал ногтем длинный шрама, пересекавший лоб и заходивший на виски.

Выше этой полосы бугристой красной плоти начинался блестящий металл. Он доходил до макушки, где резко переходил в густую спутанную гриву. Пластина прикрывала дыру в черепе, проделанную во время Темных войн, был, конечно, не железная, а из странного сплава, но прозвище прицепилось да и гном не возражал против него.

— Гноме! — Хриплый голос раздался совсем рядом. Норманг резко обернулся, а Рогнак схватился за кинжал, висевший на поясе. Язык, отступив на шаг, едко ухмыльнулся, обнажив кривые клыки. — Мы кое-что нашли.

У подножия рядом стоящего холма столпились орки и даже дварфы, что-то оживленно обсуждавшие.

— Клянусь Прохфесором...

— Темная волшба, чтоб мне никогда своей бороды не видеть!

— Что случилось?! — рыкнул Норманг, расталкивая толпу. Вскоре и он увидел предмет обсуждения.

На земле, валялся почернелый орочий костяк, еще сжимавший в руках древко большого топора, рядом валялся скелет шаграта.

— Там, — Язык махнул рукой в сторону, — еще три таких же.

Норманг поднял глаза. Дальше, на промерзшей земле валялись еще кости. Много костей.

— Дхар! — Дварф сжал рукоять топора так, что скрипнула кожа на толстых перчатках, скрывавших его руки. — Это цверг.

— Худо! — буркнул Рогнак, остановившийся рядом. — У нас даже мага никакого нет. Если цверг смог такое учудить...

— С нами предки! — рыкнул Норманг. На поясе звякнули ритуальные топорик и молот, небольшие, из потемневшего серебра.

— А вот маг нам не помешает, — набычился Железнолобый. — Я не боюсь Тьмы, но скольких воинов ты готов пустить в размен ради этого цверга?

Медленно, опустив руки на пояс, Меднобородый подошел к труну. Они были примерно одного роста, и Норманг вперился взглядом в черные глаза под нахмуренными бровями.

— Не. Смей. Мне. Перечить. При. Орках. Ты меня понял, Рогнак?

Что-то скрипнуло под металлическим сводом дварфского черепа. Железнолобый, не отводя взгляда, кивнул.

— Ты мне платишь.

— Гноме! — Верхом на шаграте ухмылялся Язык. Сложив руки на шее животного, он с напускным любопытством смотрел на дварфов. Но глаза его были пусты, как две стекляшки. — У меня есть маг. Ну как — маг. Шаман. Говорят, у самого Хозяина служил. Да вот, когда того ухайдохали, тот подвинулся чутка умом.

— И чем же он нам поможет, твой полубезумный заклинатель погоды? — ехидно поинтересовался Норманг.

Язык расплылся в довольной ухмылке-оскале.

— Дед хоть и с того, но тему рубит: в темной волшбе лучше его никого нет.

Дварф поднялся вперед и рука его уже потянула из-за пояса метательный топорик.

— И ты мне, воину-жрецу Глубинного Города предлагаешь обратиться за помощью к черномагу? И за это я не вырежу твой поганый язык, а? Видимо, тогда тебя будут называть Мертвый Язык. Хочешь попробовать?

Кривой Язык ощутимо напрягся, сжавшись в седле, на морде промелькнула озадаченно-

испуганное выражение, а взгляд стал напоминать крысиный. Но руки так к хопешу и не потянулись. Шаграт, словно почувствовав настроение хозяина, подался назад, недовольно фыркнув.

Гном без усилий его остановил, ухватившись за сбрую. Он натянул поводья. Язык сдался и немедленно склонился.

— Что ты, гноме, клянусь Прохфесором! Даже в мыслях ничего такого не было, но Хамок Долговязый реально поможет! — Он горячо закивал. — Он шарит во всей этой темноте!

— Хамок? — Норманг нахмурился: необычное имя для орка. Слишком цивилизованное. Это совсем не нравилось.

— Он из старого рода, — пожал плечами Язык. — У них у всех такие погоняла. Культура, раздери ее Пьютер!

Норманг задумчиво огладил бороду. Цверг должен быть найден и наказан. Крайне жестоким способом. Но если он действительно столь силен в колдовстве, то это усложняло дело. Без помощи этого таинственного Хамока никак не обойтись. Дварф мысленно вздохнул: странное чувство точило изнутри, словно он с каждым своим поступком, каждым словом, каждым шагом все глубже погружается в болото. Что наступит когда-нибудь такой момент, когда из зыби будет уже не выбраться.

— Лады, — кивнул Норманг. — Где твой шаман?

Один из шагратов вышел вперед. Старый, худой, но сбруя была хоть и потемневшая от времени, но сделана была отнюдь не в прибрежных ордах: не сыромятные ремни, а кожа тонкой выделки, металл отливал бронзой, и его покрывал тонкий узор. На шаграте, согнувшись, восседал орк в сером плаще с глубоким капюшоном. Из-под него доносилось хриплое дыхание.

— Хамок, старый хрен! — воскликнул Кривой Язык. — Тут нужна твой помощь, твой чуткий нос и твои ловкие руки.

Долговязый выпрямился и теперь стало видно, что росту он был преизрядного. По крайней мере, выше Языка на голову да и в плечах пошире.

Морщинистая рука в темно-зеленых, почти черных пятнах выпросталась из-под плаща и стянула капюшон. Норманг непроизвольно вздрогнул.

Лицо у Хамока было почти человеческим, и если не массивная челюсть, выступающие клыки и темная зелень кожи, его можно было принять за обычного старика. Седые волосы походили на клочья паутины, прилепившиеся к пятнистой голове. Уши у орка были обрезаны.

Хамок прокашлялся, подслеповато озираясь. Его взгляд смерил гномов и остановился на Норманге.

— Стан! — словно выплюнул он. — Хурштунг!

Долговязый скривился, словно лизнул кислое. Кулаком Язык ткнул его в бок.

— Друг! Ворханг!

— Ворханг? Гном — ворханг?

Язык кивнул.

Хамок задрал свою голову и хрипло рассмеялся. Голос его погодил на шипение воздуха, вырывающегося из прохудившихся кузнечных мехов. Отсмеявшись, орк буквально сполз с шаграта и проковылял к Нормангу. Согнувшись, он заглянул дварфу в лицо. Тот непроизвольно попятился, чувствуя, как начинает закипать.

— Ворханг! Ха-ха, лагаш ворханг. — И потом хрипло на всеобщем: — Я чую Тьму. За сим позвал ты меня, гном-ворханг?

— Я хочу, чтобы ты защитил нас от нее, — хмуро произнес Меднобородый.

— Защитить, ворханг? Дуг-дуг, хараشانг мойгра! Я слабый старик, — хихикнул Хамок. — Пусть уж лучше вы меня защищайте. И кормите, и поите...

Он не договорил. Рука Норманга метнулась атакующей джаффской коброй. Крепкие пальцы, что гнули железные подковы так, словно те были из свежей глины, сжались на тощей орочьей шее, морщинистая кожа выдавилась сверху дряблой волной. Хамок захрипел, когда дварф заставил опуститься его на колени.

Язык потянулся было к хопешу, но тут же замер, не успев обхватить длинную рукоять, оплетенную кожаными шнурками: в лицо ему смотрело острое заточенного болта из черного железа, лежащего в ложе небольшого арбалета. Рогнак Железнолобый хмыкнул, криво усмехнувшись. Он повел арбалетом в сторону, призывая орка успокоиться. Язык выпрямился и отвел руку от оружия. Позади возмущенно загомонили дикари, но смолки, стоило вожаку поднять сжатый кулак.

Гнев плеснул в лицо задыхающемуся шаману. Норманг оскалился, обнажив большие лошадиные зубы, по крепости едва ли уступающие граниту.

— Я ненавижу темнил, — прогремел он. — И по закону я должен бы тебя тут же казнить. Или же заковать в железо и заставить вкалывать в Ганалии. Невелик выбор, так ведь, орк? Но есть и третий вариант: ты мне помогаешь со всей отдачей, на которую ты, тварь ползучая, способен. И я забываю, как ты служил на темной стороне. Клянусь предками, это замечательное предложение, и ты, будь умнее, выбери его.

Хамок захрипел, беззвучно хлюпая губами. Норманг немного ослабил хватку. Задыхающимся голосом орк произнес:

— Хорошо, гном, я помогу. Только... только отпусти...

Дварф с силой отшвырнул орка. Тот упал, закашлялся. Выпрямившись, он покорно склонил голову.

— Здесь был цверг?

— Цверг? Варанг? — прохрипел Хамок, потирая шею. Он склонился над землей, загреб длинными пальцами черную пыль, устилавшую ее. — Темная волшба. Характан. Лаш-мгра дер. Тьма была здесь.

Он понюхал перепачканные пальцы, лизнул. Зачмокал, словно попробовал изысканное вино. Рогнак подошел к Нормангу, откашлялся.

— Мне он совсем не нравится.

— А хоть один орк тебя привлекает? — с ухмылкой спросил Меднобородый, обернувшись.

— И то верно, — кивнул Рогнак.

Хамок, тем временем, двинулся вдоль холмов, окружавших Горгонад. Он склонился почти на четвереньки, то и дело касаясь руками земли. Вновь пошел снег, вернее, мелкая твердая крупа, а поднявшийся ветер превратил ее в шрапнель, врывающуюся в кожу.

Наконец, орк остановился. Замер, уставившись на вросшую в землю статую какого-то толстопузого орчьего божка. Обошел его и вновь опустился на колени.

— Тут были трое. Хум. Грангар...

— Человек, огр, — перевел Язык.

— ...И цверг. Да, темный варанг. Я чую его след.

— Куда он ведет? — напрягся, словно взведенная пружина, Норманг.

Хамок вновь зачерпнул горсть праха. Поднял руку и разжал кулак. Ветер дул в сторону от Горгонада, но черное облачко, поднявшаяся с ладони, вместо того, чтобы унести прочь, вытянулась строго на восток. Туда, где начинались стены уничтоженной цитадели.

— Туда. — Хамок поднял палец и указал перед собой. Прямо в разрушенные ворота Города Забытых Богов.

— Вперед! — взревел Норманг, подняв вверх сжатый кулак, и зашагал к воротам. — Уничтожим тварей!

Гномы, загрохотав тяжелыми, как камнепад, голосами, двинулись за ним. Следом — орки. Шагратов они оставили: внутри каменного лабиринта Горгонада на верховых грызунах было просто не развернуться. Во главе орочьего войска шел Кривой Язык. Хопеш он перевесил за спину.

Мимо Хамока прошли гномы, а следом — орки. Язык повернул к шаману, махнул рукой превратно своим, чтобы те продолжали наступление. Остановился перед стариком.

Хамок, ухмыльнувшись, стер вторую пару следов оставленными тяжелыми сапогами. Тут, у склона холма было тихое место, и они сохранились, хотя, наверняка, вели от ворот Горгонада. Язык кивнул и двинулся следом за своим войском. Хамок — за ним.

6.

Низкий коридор вел вниз и едва освещался редкими факелами, вставленными в бронзовые держатели через раз. Для цвергского глаза света было достаточно, но позади опять сдавленно ругнулся Джалад, умудрившись споткнуться в очередной раз.

Шмиттельварденгроу ощущал, словно он вернулся домой. И в то время, которое, казалось, он уже давно забыл. Узкая каменная кишка и застарелый цвергский дух — видать, Лардарнагдаррен прожил здесь очень давно. Его широкая невысокая фигура виднелась впереди, и край тяжелого черного плаща стелился по пыльному каменному полу. А еще здесь ощущалась волшба. Древня, темная и очень могущественная, словно с потолка свисали длинные тонкие щупальца, невидимые, но вполне ощутимые, когда они касались лица.

— Давно ты здесь живешь? — бросил в спину Лардару Шмиттельварденгроу.

— Весьма, — тот полуобернулся, не сбавляя шагу. — Почти двадцать лет.

— И как ты тут?.. Ведь хранилища были разрушены в войну, а на Горго ничего не растет и никто не живет, кроме поганцев-орков.

— Орков тут тоже нету, — ухмыльнулся горгонадец. — бывает, забредают из-за Льдистого, но не более. Тут зерна много в подземных схронах.

— Зерна?

— Да, — Лардар кивнул, — чтобы кормить кротолюдов.

Постепенно коридор выравнился. Спустя несколько шагов он резко расширился, потолок ушел вверх. Вдоль стен выстроились ряды колонн, массивных, с квадратным профилем. Языки застывшего в камне пламени покрывали их снизу доверху. И почти никаких следов разрушения. Пыль, каменная крошка, но не более. Ни разбитого камня, ни следов от огня, с помощью которого коалиция светляков пыталась пробиться сквозь стены. Сюда никогда не спускались слуги Света.

Давление Тьмы стало сильнее. Магия скапливалась в углах, клубилась почти

материальными тенями. И это все пугало. Всесилие, огромная мощь, которая сама шла в руки. Наконец-то, можно было расправить плечи, вдохнуть полной грудью. Но это означало, что возвращается то время, когда Шмиттельварденгроу умирал за чужие идеалы.

Умирать, тем более за то, во что он больше не верил, ему не хотелось. Неожиданная ярость всплыла бурлящей водой, хлынула в голову, заставила забиться сердечный набат. «Не хочу, не хочу!» — верещал внутри маленький и испуганный Шмиттельварденгроу.

Цверг повел пальцами, складывая их в знак. Сила с готовностью верного пса, отозвалась, прильнула его, напивая тугой пружиной мощи. Он поднял руку со сложенным заклинанием. Казалось, знак светиться, набухает между пальцами и рвется исполнить волю. Рвется подчиниться и убивать.

— Ты тоже чувствуешь это?! — резко обернулся Лардарнагдаррен. Глаза его светились в темноте.

Шмиттельварденгроу сжал кулак, разрушая знак. Магия разочарованно рассеялась.

— Почему? — хрипло, продавливая слова сквозь внезапно перехватившее горло, пробормотал он. — Почему магия не рассеялась? Здесь же были светляки, они облазили Горгонад сверху донизу... И нашли это место?!

— Неисповедимы пути Тьмы, брат. Но Она отсюда никогда и не уходила. Она все время была здесь и ждала. Проводник жив.

— Жив?! — Кровь ударила в голову. Шмиттельварденгроу почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он оперся о стену. — Но это означает, что...

— Да, Повелитель тоже жив. Но погоди, ты должен это увидеть!

Он вновь обернулся и плащ взлетел черным крылом, следуя за ним. Под плащом клубилась тьма, и она казалось живой.

Шмиттельварденгроу приотстал — в ногах он чувствовал слабость. И опустошение. Казалось, он все забыл, отрекся от всего, что было... Тяжелая рука легла ему на плечо.

— Что такое, капитан? — прошептал почти одними губами Фозз. Джалад обеспокоенно посмотрел на цверга, но промолчал. — Ты готовился к волшебю...

— А темную магию не собирают для того, что миловать, — хрипло вымолвил джаффец.

— Если... — неуверенно продолжил огр. Маленькие глазки забегали, и это было необычно для прежде невозмутимого гиганта. — Если Хозяин жив, значит, борьба продолжается и война не закончена...

— Заткнись, прошу тебя, заткнись, — прошипел Шмиттельварденгроу, облизнув пересохшие губы. — И ты, магик, тоже ни слова. Потом поговорим.

Коридор с колоннами окончился огромным помещением, потолок который скрывала темнота. А посередине, окруженная кольцом из факелов, установленных на бронзовых стойках, гладкий пол разрывался колодецем. Широкий, локтей на тридцать в диаметре и полностью заполненным Тьмой. Именно — Тьмой. Клубящейся, волнующейся, словно черная вода, заполнившая колодец под ободок. И даже свет факелов таял в ней. Именно от колодца сочилась сила Бездны. Куда там какому-то праху — это была чистая магия.

— Двадцать лет назад! — прогремел голос Лардарнагдаррена под сводом пещера. — Я пришел сюда, бездомный, бесцельный и бессмысленный. Война была проиграна, а мой Повелитель ушел, мои идеалы рухнули, словно замок из песка. И я вернулся сюда, чтобы выместить свой гнев и свою ярость от предательства. Но уже тогда над городом висела завеса. Да-да, ее не я установил, но я сейчас подпитываю его. Большая часть цитадели и подземелье оказались скрыты от нечестивых взгладом светляков.

Ему внимали. Фозз, Джалад, даже хмурый Шмиттельварденгроу не могли оторвать от него взор.

— Я долго блуждал, ослаб от голода и жажды. Я довел себя до того, что хватал ртом падающий снег, чтобы утолить свою жажду. И однажды, когда мне стало совсем худо, явился Он.

— Он? — скептически хмыкнул Шмиттельварденгроу. — Собственной персоной?

— Нет, конечно, — ухмыльнулся Лардар. — Он тогда все еще скрывался, и это было частью плана. Нет, перед мною появилась его астральная проекция, бесплотный дух...

— Ты видел лицо? Откуда ты понял, что это Он?

— Никто! — Горгонадец повелительно воздел палец, покачал им в воздухе. Его лицо будто светилось изнутри. Темным пламенем. — Никто не видел лицо Повелителя — ты же сам это знаешь, брат! А понял я... Ты просто не видел Его так, как я. Ты не чувствовал Его присутствия. Всего лишь астральная проекция, но в Его силе я мог купаться. И Горгонад чувствовал в Нем хозяина. Я тоже ощущал это.

Рядами, вдоль стен шли каменные скамейки. Шмиттельварденгроу, задумавшись, опустился на одну из них.

— Лады, и что же Повелитель хотел от тебя?

— Я должен был стать хранителем Горгонада! Здесь святое место, здесь Эратия напрямую выходит ко Тьме. И здесь, чтобы не делал Повелитель, будет центр Его силы, Его место рождения.

Шмиттельварденгроу сложил руки на груди.

— Хорошо, «брат», тогда скажи мне, что случилось тогда, тридцать лет назад, когда Он бросил нас, бросил умирать, лишил своей воли поддержки. Мы же почти побеждали...

— Нет, сие было скрыто от меня. Да и уже не интересовало. Главное — Повелитель всегда был с нами! И все, что случилось было частью Его плана.

— Плана по уничтожению тех, кто был предан ему?

— Нет! — грозно зарокотал голос Лардарнагдаррена. — Он избрал нас, лучших из лучших, вернейших из верных и избавился от грязи, тех, кто никогда так и не был предан Ему! Тех, кто выдержал испытание отчаянием!

— И что же нам делать согласно Его плану?

Лардар поник.

— Не знаю. Он ничего не говорил про вас. Но, наверняка, предвидел ваше появление. Значит, будет ждать, пока Он вновь навестит Горгонад. Возможно, ваше появление и твое особенно, брат, что-то означает. Что-то важное... Возможно, нам пора выступать!

7.

Кривой Язык поравнялся с Хамоком Долговязым. Рядом с ним, несмотря на старость и болячки шамана, он выглядел, как безродная дворняга рядом с породистой гончей. Когда-то это язвило, но теперь, спустя многие годы обучения, он понимал, что внешность ничего не значит. Главное было то, о чем Хамок всегда говорил.

Шаман был из тех, кто никогда не прощает. И никогда не забывает, ради чего умерли его соплеменники.

— Что ты видел? — Язык говорил на Старом Наречии, что когда-то бытовало среди

орков Города Забытых Богов. Уже в Темные войны оно было почти забыто, и на нем разговаривали избранные. Наречию Языка научил сам Хамок, отчего орк и получил свое имя.

— Следы, — пожал плечами шаман. — Человек, огр и два цверга.

— Два?

— Да, — кивнул Хамок, — один пришел из Города.

— Город обитаем?!

— А ты как думал? — язвительно хмыкнул Хамок. — Над Городом всегда была завеса.

И нужен был тот, кто ее поддерживает. Видимо, такой нашелся.

— Хранитель?

— Почему бы и нет. Цверг — отличная кандидатура.

Дварфы бы весьма удивились, если бы узнали, что в Старом Наречии почти не было ругательств, а по сложности и словарному запасу оно не уступало и людским языкам.

— Он нам помешает?

— Не знаю. Вряд ли — у него другие заботы.

— Но мы в его городе. И я видел, что он сотворил с бойцами. Теми, что гнались за беглецами из Кратера.

— Видимо, ему чем-то важен был этот цверг, тот, который ищет Красная Борода.

— Почему не рассказал о втором гноме Красной Бороде?

— Нам не надо, чтобы он беспокоился. Не ради этого мы вытянули его из Кратера, чтобы смущать и заставлять сомневаться. Он должен нам доверять и надеяться на нас.

Кривой Язык усмехнулся, облизнув длинные желтые клыки. На нижней губе повисли нити слюны.

— Как он надеется на тебя?

— Я единственный маг в этом дхаровом походе, клянусь Пьютером! Кому же еще быть путеводной нитью? — Хамок хрипло захохотал.

И в этот же момент дварф с железным лбом появился рядом.

Морда перекошена, зубы оскалены, яростно топорщится борода.

— Чего ржете, задницы?

— Ворханг-гном! — воскликнул Хамок, смешивая всеобщий и словечки из Старого Наречия. — Я искать и найти. Шарханг! Это — шарханг!

От ткнул пальцем в кучку камней, уложенных пирамидой друг на друга.

— Чего он бормочет? — хмыкнул Железнолобый. К ним подошел Красная Борода.

— Вешка! — радостно перевел Язык. — Знак! Долговязый нашел путь сквозь завесу!

— Отлично! — кивнул Красная Борода. — Значит, пошли дальше. К заходу мы должны найти цверга и выбраться из этого дхарового городища.

Железнолобый хмыкнул и последовал за своим начальником. Язык переглянулся с Хамоком и слегка шевельнул запястьем. Узкое лезвие скользнуло из ножен, приделанных к кожаному наручу в ладонь. Замахнувшись, орк ударил гнома в спину.

От зала с колодцем спиралью отходил второй коридор, в стенах которого были вырублены небольшие комнаты с лежаками и примитивной мебелью. Когда-то они

закрывались массивными решетками. Железными. Но Тьма и время развели их до состояния рыжей трухи.

— А! — тонко пискнул Джалад, когда часть стены, на которую лег свет от факела, который держал Лардарнагдаррен, опустилась на пол и распласталась на нем, подняв слепую голову.

Она напоминала человека, но весьма отдаленно. Обвислая серая кожа, скапливающаяся морщинами на толстой шее и подмышками, широкое скуластое лицо и рот, разрезавший его от уха до уха. Которых, кстати, почти не было. Всего лишь дырки, обрамленные парой кожистых складок. Ноздри сместились назад, а глаза исчезли в ходе неестественного отбора. На месте глазниц была всего лишь гладкая плоть.

— Что это за тварь?!

«Тварь» шевельнулась, тоненько заверещала и поползла вдоль стены, беспрестанно ощупывая ее боком. Шмиттельварденгроу заметил полосы волосков, покрывавших бедра существа.

— Кротолюд, — коротко бросил Лардарнагдаррен. — Низшие из рабов Повелителя, измененные Его волей. Они безвредны, но весьма вкусны. В свое время в подземных вольерах их было тысячи, но без догляда они быстро вымирают.

В стене появилась дыра, образованная выпавшим камнем. Нащупав ее, кротолюд коротко хрюкнул и нырнул внутрь. Джалад лишь сглотнул, кадык дернулся на тонкой шее.

Хранитель остановился рядом с первой же камерой — решетка рассыпалась в пыль, и теперь вряд ли могла кого-нибудь сдержать.

— Там дальше еще есть комнаты. Чуть дальше по коридору подземный источник. Располагайтесь, а потом приходите к колодцу — будем ужинать.

Не дожидаясь ответа, Лардарнагдаррен развернулся и пошел в сторону зала. Отсвет его факела еще долго плясал по влажным стенам.

— Эта тварь... — наконец выдавил из себя Джалад, — когда-то была человеком?

— Ты про Лардара? — невинно переспросил Шмиттельварденгроу. — Нет, такой сволочью он, видимо, был с рождения.

— Нет, я про кротолюда.

— Он — нет, — пожал плечами. — Его родители — возможно.

— О дхар! — выдохнул Джалад и опустился на каменную лежанку. — Это как-то все неправильно...

— Кротолюды лишены разума и всегда выращивались на мясо. Они питательны...

— ...Но суховаты, — вставил Фозз. — Кормежка у них особая. Зерно да зерно.

— Зато массу набирают быстро! — оборвал его цверг.

— О дхар! — вновь выдавил Джалад. — Клянусь огнем Сагазумана, не на это я рассчитывал.

— А на что? — пожал плечами Шмиттельварденгроу. — Это Тьма, детка. Здесь все такое. Неправильное...

— Но почему ты Ей служил?

Цверг нахмурился, задумавшись. Запустил пальцы в бороду.

— Мой народ избрал этот путь. Видимо, это наша природа, чтоб ее дхары драли. Повелитель говорил о нашей исключительности, что мы избранный народ, призванный править Его державой. Все остальные были мясом для нас. Даже наши союзники. А потом цвергов осталось не более пальцев на руках.

— Если, — произнес Фозз, — Хозяин жив, то и война не закончена. Значит, мы сражались не зря! Цель освещает наш путь! Лион Санталийский, — добавил огр, покосившись на мага. Тот не среагировал.

— Война закончилась тогда, когда Он бросил меня помирать. И тебя, Фозз, и всех остальных. — Шмиттельварденгроу замолчал. Обождая немного, он продолжил: — Эта война уже не наша. И если ты этого не понимаешь, мой большой и глупый друг, значит, нам больше не по пути.

— И я, что-то, не сильно влечет это погружение во Тьму! — пробормотал Джалад. Глаза его предательски блестели. — Я не хочу есть кротолюда и не хочу здесь оставаться.

— Уже двое — «за», — кивнул цверг и внимательно посмотрел на огра. — Я не считаю, что нам стоит здесь задерживаться.

Тот отвел глаза.

— Я сражался ради этого, капитан. Ты сам меня учил!

— Пора признать, — покачал головой Шмиттельварденгроу, — что из меня херовый учитель.

— Но как нам выбраться отсюда? — к цвергу поближе подобрался джаффец. — Я заплутаю в этих подземельях так, что и не найти.

— Я - нет, — рубанул рукой воздух гном. — Я запомнил путь и вешки — так мы выберемся из-под завесы. Но с Лардаром надо разобраться, иначе не сможем далеко уйти. Он... — Цверг отвел взор. — Он искушеннее меня в магии.

Гном испытывал жгучий стыд: сложно признаваться даже самому себе, что кто-то лучше его. Но, объективно, Лардарнагдаррен был лучшим магом и прожил здесь два десятилетия: он знает каждый ход, каждую ловушку и успел привыкнуть к тому морю темной мощи, что наполняла подземелья Горгонада.

У него до сих не укладывалось в голове, что где-то еще сохранилась темная магия в таких количествах, где можно было черпать силу не из праха, а напрямую из глубин Бездны. Это пугало и, одновременно, возбуждало. Наверное, будь он на месте Хранителя, то с тем же фанатизмом служил фантомам прошлого.

Фантомы. Он до сих пор пытался убеждать себя, что все рассказы Лардарнагдаррена — это всего лишь бред воспаленного сознания, но разум утверждал совсем иное. Факты были против цверга.

— Что такое Проводник? — неожиданно раздался голос Джалада. — Я слышал это слово в вашем разговоре.

— Трудно сказать, — задумался цверг. — Это одновременно и живое существо, и врата, и источник, и сила. Некое порождение темной магии, вернее ее сути. В Горгонаде тонка грань между Эратией и Бездной. И Тьма проникает сквозь нее. А Проводник умеет накапливать ее. Короче, Проводник — почти неисчерпаемый источник чистой силы. И он связан с Горгонадцем. Не этим, — он махнул в сторону выхода из камеры, — а настоящим.

— Насколько далеко может воздействовать Проводник?

— Не очень, — покачал головой Шмиттельварденгроу. — На пределе — границы Горгонада. Наверное, поэтому Повелитель редко покидал его. Вернее, совсем не покидал.

— А если Повелитель не здесь, — продолжил джаффец — в глазах его разгорелось странное пламя, — то ему нужен новый источник. Что этим может служить?

— Не знаю, все, что может аккумулировать магическую энергию... — Он замолк, и потом со всего размаха хлопнул себя по лбу. Улыбка, холодная, хищная, растянула губы и

обнажила заточенные зубы. — Проклятое оружие!

— Что?

— Вот кто все начал! Вот, кто стоял за похищением моей секиры! Не дхаров гоблин, а Повелитель! Вот, у кого стоит ее искать! Какой же я был дурак!..

— Причем здесь какая-то секира?

Шмиттельварденгроу ухмыльнулся.

— О, это занятная история. Клянусь демонами Бездны. Давным-давно, в руки цвергам попал странный камень. Камень, который мог накапливать энергию. Он был из металла, которого не существовало в Эратии. Что-то не из этого мира. Еще, когда у цвергов были цари, один из них, опасаясь силы камня, приказал его раздробить, а из частей выковать оружие. Невиданное и могущественное. Оружие героев и царей. Темных героев, оружие, созданное убивать бессмертных. Проклятые клинки. Один из них — секира — принадлежала мне. Последняя из созданных и, наверняка, самая могущественная из них.

Мечи. Топоры. Кинжалы. Если Горгонадец сумеет их всех собрать — он восстановит камень...

— ... И создаст новый Проводник! — закончил Джалад. От возбуждения он зачастил дыханием — ноздри его раздувались, а глаза горели лихорадочным огнем.

— Осталось лишь узнать, кем теперь является Горгонадец, под какой личиной прячется, — закончил Шмиттельварденгроу.

Нет, он больше никогда не будет служить Темному Лорду, никогда не пойдет умирать за чужое счастье. Нет, он придет и возьмет то, что ему принадлежит. И пусть весь мир сгорит при этом — не имеет значения.

Цверг обернулся к хмурому огру.

— Фозз, ты с нами?

— Ты знаешь, капитан, — пророкотал гигант, — я всегда с тобой.

9.

Клинок легко пробил кожаную куртку и уперся в кольчугу, поддетую под нее. Из добротной гномьей стали, она была достаточно хороша, чтобы выдержать попадание арбалетной стрелы. Но удар был настолько силен — Язык вложил в него весь вес своего тела, подавшись вперед, — что лезвие вклинилось между звеньями и, изменив направление, рванулось вверх, задирая кольчугу. Наверняка, кончик ножа проник сквозь броню и оставил глубокую царапину, но этого явно было недостаточно, чтобы покончить с дварфом.

Язык навалился на него всем телом, обхватил предплечьем шею и вдавил нож еще глубже вместе с кольцами кольчуги, насаженными на клинок, в плоть. Рогнак мотнул головой, вбивая твердый затылок (едва ли его крепость уступала металлической пластине, заменявшей лоб) в орочью физиономию. Язык булькнул кровью из расквашенного носа, но хватки не ослабил.

Норманг развернулся, на ходу выхватив метательный топорик. Хамок, взбив ногой облако пыли, отступил назад, а к дварфу рвануло сразу двое орков.

Рогнак вцепился в запястье орка — по-бычьи напряглась пережатая шея — и медленно, но верно начал разрывать хватку. Язык зашипел, из рассаженных губ и сломанного носа обильно потекла черная кровь, но бороться с дварфом было все равно, что бодаться с

тягловым тарквинием. Орк резко подался вперед, оторвался от земли, и руки гнома выпрямились сработавшей пружиной, отшвырнув зеленокожего.

В воздухе сверкнуло что-то, очень похожее на серебристую бабочку, и орк, разодетый в ржавые доспехи с чужого плеча, споткнулся на ровном месте и рухнул, словно подкошенный. Из лба диковинным наростом торчала рукоять из полированного дуба с кожаной петлей на конце — узкое лезвие погрузилось в мозг так глубоко, что полностью скрылось в расколоте черепа. Второго орка Норманг встретил яростным ревом и коротким мечом. Вместо того, чтобы отбить широкой гардой массивный топор, опускавшийся ему на голову, Меднобородый пропустил его мимо себя, чуть повернув корпус, почти обнял покачнувшегося в неверном движении орка и пробил ему череп острейшим трехгранным клинком. Гном отшвырнул обмякшее тело и меч, руки его скользнули за спину и в воздух взлетело широкое лезвие полумесяцем.

Освященный топор воина-жреца Стангарона с «бородатыми» рунами на рукояти из железного дерева был страшным оружием. Согласно древнему своду чести станов он не мог вернуться в чехол, пока лезвие — улыбка предка — не омоется вражеской кровью.

Ритмично взмахивая топором, Норманг Меднобородый с безумной ухмылкой берсеркера на лице шагнул к ревушей толпе орков.

Язык перекатился, увернувшись от острой бритвы Рогнакового меча. Вскочил на ноги — мелькнул огромный искривленный клинок хопеша. Язык управлялся с ним с изрядным искусством. Хопеш, очертив смутной спиралью фигуру орка, встретил в стремительном падающем ударе топор Норманга.

Рукоять чуть не вырвало из рук. Крякнув, гном потянул топор вверх, отшвыривая орка.

Рядом со своим командиром встал Рогнак. Шрам, окамлявший металлический лоб, воспалился, а в одной руке трун сжимал арбалет, а второй — метательный топор. Рогнак, прищурившись, навел арбалет на Языка.

Орк мгновенно разорвал дистанцию, но все равно не успевал. Щелкнула тетива из крученой железной проволоки. Наверняка, предателю оставалось жить недолго. Но он выжил. С удивительной скоростью настоящего мастера в обращении со своим страшным оружием он взмахнул хопешом. Диковинный меч описал полукруг, и стрела, взвизгнув, отрикошетила в сторону, кувыркаясь в воздухе. Согнувшись, Язык скрылся за спинами рядовых орков вслед за Хамоком.

Воздев хопеш, он задрал голову к небу.

— Ур-ур! — вырвалось полурычание-полупризыв из его глотки.

Руины тут же наполнились ревом и воинственными криками. Из-за разрушенных стен, поваленных колонн показались орки и шаграты. Рогнак, не разделяя боевой ярости Норманга, оглянулся. Они возглавляли клин из гномов, вытянувшийся в сторону орков Языка. Их фланги были слишком вытянуты и тонки: зеленокожие дикари, навалившись со всех сторон, легко бы смяли их чистым весом. Даже без особого воинского искусства — один шаграт весил больше двух гномов. Хотя не такие уж они были и дикари — ловушка была продумана на славу.

— Назад! Стройся «каменным ежом», — выкрикнул Железнолобый, описав в воздухе круг метательным топориком.

Норманг в это время расшвырял орков, наседавших на него. Причем сделал это с такой яростью, что остальные в испуге отступили, когда он с обезумевшим взглядом шагнул к ним. Стоило признать: окровавленный, с оскаленными зубами, с распушенной бородой он

смотрелся страшно. Но этот страх вскоре мог обернуться против него и остальных гномов.

Рогнак схватил стана за локоть. Меднобородый резко обернулся, взмахнув топором — рука сжимала рукоять под самым лезвием в стойке ближнего боя. Другим концом рукояти с залитой свинцом чушкой он легко мог наносить крепкие оглушающие удары.

Завидев перед собой не зеленую рожу очередного варвара, Норманг успел остановиться. Рогнак заглянул ему в глаза, еще заплывшие кровавой пеленой ярости.

— Это западня! Надо отступать.

— Никогда! Никогда dwarфы Королевского хребта не отступали...

— Опомнись! — выкрикнул ему в лицо Железнолобый. — Мы окружены — надо сохранить строй! Иначе нас сомнут.

— Дхар! — Плевок запутался в бороде.

Норманг тяжело дышал, но взгляд его прояснялся, и до него начала доходить вся тяжесть их положения.

Он зарычал, но покорно позволил Рогнаку оттянуть себя за стену баклеров. Гномы расступились, пропуская командиров внутрь строя.

Вслед за ними попытались протиснуться орки, но dwarфы действовали, словно хорошо отлаженный часовой механизм: первый строй вошел в клинч с ревущими в боевом угаре зеленокожими, сбив щитами оружие и связав их свалкой ближнего боя, второй — врубился в них топорами. Черная кровь брызнула во все стороны. Строй опять сомкнулся — из глубины вылетело несколько арбалетных болтов, сбивших еще нескольких орков. Атака захлебнулась — гномы сомкнули щиты, оцетинились мечами и топорами, и орки уже не спешили попадать под удары невысоких воинов.

Вокруг закружили голодными волками шаграты.

— Дхар, отступаем к воротам! — взревел Норманг, взмахнув топором.

— Куда, демоны его раздери? — рыкнул Рогнак. — Мы в ловушке и я, например, понятия не имею, где этот дхаров вход!

Меднобородый застыл. Страшное ощущение роковой ошибки подступило к горлу. Безошибочное чувство направление, коим всегда отличались dwarфы, молчало, словно обрубил. Dwarф сглотнул: он не знал, что делать. Он мельком взглянул на Рогнака, стараясь не показать растерянности.

— Нет, — просипел Норманг. — Выход должен быть всегда.

Краска жгучего стыда залила лицо — хорошо, что хоть под бородой этого не было видно. Хотелось крушить, рубить, разрывать на части... И он совершенно ничего не мог поделать. Руки ныли от переполнявшей их силы. Лицо горело: хотелось верить, что от бушующего в крови адреналина, а не оттого, что его обсуждали за спиной. В нелицеприятных выражениях.

Норманг с усилием подавил раздражение. Орки не собирались уходить, то и дело набрасывались на гномов, но пока что не могли пробиться даже сквозь первый строй крепких молодцев с небольшими круглыми щитами для яростных схваток накоротке, когда нет места для размаха. Два десятка dwarфов стояли твердо, словно легендарный «каменный еж» Королевского подземного легиона, закованный в тяжелые доспехи, закрытые длинными пиками и неподъемными ни для кого, кроме гномов, ростовыми щитами. Но надолго ли их хватит?

В конце концов, даже dwarфы устанут: стоять, биться, подчиняться безграмотному командованию. Пора было что-то делать, искать выход. Очнувшись, наконец, от тяжелых

мыслей, Норманг оглянулся.

Пейзаж вокруг простирался безрадостный. Когда-то здесь пролегал широкий проспект, и его окаймляли суровые каменные постройки с окнами-бойницами и горгульями на крышках. Нынче от них остались лишь кучи битого кирпича, из-за которого проспект, мощный широченными каменными плитами напоминал военную тропу, а иногда и вовсе был перекрыт полностью. Кроме того, что-то странное давило на глаза, да так, что разглядеть что-нибудь дальше пары десятков шагов было нельзя. Проступали жгучие слезы, и горизонт плыл, словно во время страшной жары. Вглядываться в него было тяжело: спустя несколько мгновений начинала болеть голова и глаза начинали слепить отблесками солнечного света, которого не было. Вокруг простиралась традиционная горгонская хмарь, но теперь к ней добавлялась и темная волшба. Невероятная завеса, маскирующая Горгонад, никуда не делась.

На последних остатках силы воли, до злой рези в глазах Норманг всматривался, пока, наконец, не разобрал: в пяти десятках шагов от них, за горой из битого кирпича и колотого камня виднелась аскетичная постройка в два этажа, лишенная каких-либо украшений. В стене верхнего этажа виднелись два маленьких окошка, в нижнем — дверной проем и узкая бойница привратника. В доме можно было забаррикадироваться и укрепиться — и сколь угодно долго можно отбивать нападения. Гномы были знатными доками в крепостном деле. Как захватывать, так и удерживать цитадели.

— Туда! — выкрикнул Норманг, перекрывая улюлюканье орков. — В дом — отступаем.

— Это ловушка! — рыкнул Рогнак, снова схватив его за руку. — Мы сами себя загоняем в мышеловку!

Резким движением Меднобородый сбросил руку труна, развернулся и схватил его за отворот куртки.

— У тебя есть другие предложения?! Если нет, то заткнись! Я спасаю и твою неблагодарную задницу. — Он замолчал, смерил взглядом двух гномов, уставившихся на них. Те быстро отвернулись. — Еще одно слово — и я тебя лично придушу. Ты меня понял меня, Рогнак? Не. Смей. Перечить. Мне. По крайней мере, перед твоими головорезами.

Они встретились взглядами. В глазах Норманга была чистая незамутненная ярость, у Рогнака — холод, которому могли позавидовать горгонские зимние морозы. Он медленно кивнул и первым отвел глаза. Не время ссориться.

— Ты допустил ошибку, начальник, — проговорил он, тщательно подбирая слова. — За которую расплачиваются остальные.

— И я наравне со всеми! — прошипел Меднобородый. — Так дай же мне возможность исправить свою ошибку. Помоги спасти остальных. Орки не продержаться долго — нам главное выстоять. А потом они начнут грызться, и тогда мы нанесем свой удар.

— А все-таки, как мы отсюда выберемся, о умнейший? — Видимо, Рогнак, как говорят в Трунгароне, попер рогом. Но теперь он, хотя бы, говорил вполголоса, чтобы остальные dwarфы его не слышали.

— Завеса, — сказал Норманг. — Все дело в завесе. Ее задача не пустить нас, а не задержать здесь. Думаю, нам стоит всего лишь идти, и завеса выведет нас к входу.

— В твоих словах есть логика, начальник, — согласился, наконец, Железнолобый. — Лады, все равно других вариантов у нас нет. Командуй.

Норманг кивнул с благодарностью. По крайней мере, внешне, чтобы ее увидел трун. А там... Одно понял стан: от Рогнака в будущем стоит избавиться. Авторитет начальства

непоколебим, и никак иначе.

Вновь взмахнув топором, Меднобородый выкрикнул команду и, словно огромное многоглавое животное, «каменный еж» слаженным движением качнулся в сторону убежища.

Ощетинившись топорами и мечами, отстреливаясь из арбалетов, рыча и проклиная все на свете, гномы двигались вперед, и никакая сила уже не могла их остановить.

Пока.

10.

Огромный черный стол из мореного дерева с узором черных нитей, пронизавших волокна, приковывал внимание. И не только своей темной мрачной красотой, но и тем, что еще час назад его здесь не было. И ниоткуда ему было появиться. Если только в закромах Лардарнагдаррена не пряталось в закромах хранилище довоенной мебели. Из такого дерева, проклятого ясеня, росшего на Черных холмах к востоку от Лыдистого нагорья, мастера цвергов делали преотличнейшие столы. И не только.

Точно такой же стол когда-то был и у Шмиттельварденгроу. На миг нахлынула волна ностальгии. Но не черной, беспросветной, как всегда, а иной, с каплей надежды, горчащей, как протухшее пиво, но, тем не менее, желанной. Надежды вновь стать прежним: сильным. Жестоким... И молодым.

Шмиттельварденгроу упрямо качнул головой из стороны в сторону. Скрипнули, сомкнувшись, зубы. Нет, молодым уже не стать. Уже дал себе слово: больше никаких хозяев. И никаких чужих войн. Теперь война только одна: его собственная, за то, что у него украдено. А слово цверга — кремень. Нет, тверже алмаза, ведь именно поэтому черные проклятья обладают своей силой. Слово и есть сила.

— А я уже заждался! — поднял голову Лардар.

Он крутил ручку огромного вертела, на который были насажены куски мяса, сочащиеся жиром. В некоторых угадывались части тела. Руки, ноги...

— Брат, — чуть склонившись, сказал Шмиттельварденгроу.

Хранитель кивнул в ответ. Позади шумно сглотнул Джалад. «Только не блевани, придунок!» — мысленно взмолился цверг. И улыбнулся. Вернее просто растянул губы в чем-то, что, как он надеялся, не слишком похоже на кровожадный оскал.

— Отобедаем или отужинаем? — невзначай поинтересовался Шмиттельварденгроу.

— Это принципиально? — поднял левую бровь Лардарнагдаррен. После пожал плечами. — Скорее, ранний завтрак.

— А мне казалось, что мы здесь гораздо дольше! — вклинился в разговор Джалад. — А ведь еще только ночь.

— Уже ночь, — ухмыльнулся Хранитель. — Вы здесь уже третий день. По крайней мере, для внешнего мира. Но под завесой не минуло из суток. Но внизу, в подземельях заклинание уже не действует, поэтому для нас сейчас третий день. Наверху всего лишь вечер первого дня.

Лардарнагдаррен вновь пожал плечами и отвернулся к вертелу, тщательно провернув ручку. Огонь зашипел, когда в него упали капли жира.

Шмиттельварденгроу подошел к столу. Провел пальцами по гладкой столешнице. Кончики кольнуло, словно электрическим разрядом. «Иллюзия». Цверг оглянулся. Четыре

стула. Один заметно больше остальных. Видимо, для огра. Наверняка, тоже иллюзия. А вот остальные. Он нахмурился, припоминая: они в глаза не бросились при первом визите, потому что стояли по ту сторону колодца с Проводником.

Всего лишь показуха. Сила на пределе, хоть и плещется почти материальной тяжестью, будто волна, накатывающая на утес. И Лардарнагдаррен должен быть с ней как-то связан. Чем-то, с чем он никогда не расстанется. Вновь Шмиттельварденгроу попытался напрячь мозг. Получалось тяжело, но получалось.

Какая-то мелочь. Возможно, оружие или что-то в этом роде... Нож! Цверг впился в него взглядом. Вроде бы ничего особенного, да и чутье молчит, но, дхар побери, здесь такая концентрация магии, что шестое чувство просто забивается помехами.

— Твою-то ж... Дхар! — вылутился Шмиттельварденгроу. Заигрывать со временем... Что ж, это была уже высшая лига. Уровня Горгонадца. — Ты бы не смог поставить такую завесу. Это не твоих рук дело. И сила твоя заемная.

Шмиттельварденгроу коснулся ближайшего табурета. Старого, выщербленного. Не столь идеального. Вроде бы, обычная древесина. И даже не черный яшень.

— Разве это имеет значение?

Цверг наклонил голову к плечу — в шее сухо щелкнуло. Улыбка и в самом деле превратилась в оскал.

— Имеет! — выдавил сквозь зубы гном и с размаху опустил табурет Хранителю на спину.

Табурет никуда не исчез, а просто разлетелся на куски, едва-едва опередив повернувшегося Лардара. Вместо того, чтобы без звука повалиться в огонь, он прикрылся плечом и покачнулся. Чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за вертел.

Зашипела, прикипая к металлу, кожу.

Шмиттельварденгроу попытался развить успех. В ладоне еще осталась обломанная ножка. Ею он попытался выбить лишние зубы из раззявленной пасти Лардарнагдаррена. Но уже в движении понял, что теперь запаздывает он сам.

Лардар отодрал руку от вертела, взмахнул ею, и прямо из пола, из щели между каменными плитами, вырвалась стена черного пламени. На высоте примерно в метр она сплелась в вытянутое гибкое веретено, метнувшееся напрямиком Шмиттельварденгроу в лицо. Последним, что он должен был увидеть, были безжалостные глаза Хранителя. Или, может быть, самого Господина.

Должен. Кончик черного щупальца лишь коснулся бороды, оставив в нем след из опаленных, обесцвеченных волос, дернулся и застыл, чтобы в следующий миг обернуться серым облачком пыли. Шмиттельварденгроу замер с занесенной ножкой, отупело уставившись перед собой.

Несколько секунд ему понадобилось на то, чтобы вновь включить мозг и осознать, что перед ним происходит.

Лардарнагдаррен катался по полу и отчаянно боролся с огненным щупальцем, протянувшимся из быстро тускнеющего костра. Когда пламя касалось его кожи, он вскрикивал и пытался закрываться опаленным рукавом. Край его плаща уже начинал тлеть.

Гном обернулся. Джалад, воздев руки, выкрикивал на своем гортанном наречии заклинание. К нему, нахмуясь, приближался Фозз.

Он молча обошел Шмиттельварденгроу, стащил со стоек вертел. Оглядел его со скептическим взглядом. И все также молча впился зубами в кусок мяса. Брызнул сок.

Джалад издал нечто, похожее на отрывку.

— Фозз, клянусь Кхаром, нельзя было потерпеть?!

Огненная конечность мигом ослабла, легла на пол. Шмиттельварденгроу выкрикнул:

— Не расслабляйтесь, придурки!

Джаффец вновь завел речитатив заклинания. Огр пожал могучими покатыми плечами, все еще помахивая здоровенным металлическим дрыном вертела.

— Я голоден!

— Потом, Фозз, потом. Когда разберемся с этим дхаром.

— Делу — время, потехе — час, — тяжело вздохнул огр и огрел вертелом Лардарнагдаррена.

Вернее, ударил, что им когда-то было. Каким-то чудом Хранителю удалось полностью завернуться в свой плащ и прямо на глазах он начал таять, превращаться в некое подобие мягкого студня, плавящегося под жарким солнцем.

Металлическая ось с мягким чмоканьем вошла в колышущуюся горку, которая растекалась черной жижей. Жидкость целеустремленно оттекла в сторону, где вновь собиралась в подобие сгорбленной фигурой. Шмиттельварденгроу взвыл.

— Не дайте ему уйти! — Но ни Фозз, ни Джалад уже не могли успеть. Огонь джаффца не мог достать так далеко, а огр все еще боролся с вертелом, пытаясь извлечь его из черного холодца.

Цверг сплюнул и сам ринулся на формирующуюся тело. Руки взбили студень, проникли внутрь, словно пытаясь разодрать его на части. Жижа просачивалась сквозь пальцы, но не ушами, а скорее шестым чувством, Шмиттельварденгроу слышал, как кричит от боли Лардарнагдаррен.

Наконец, удалось нащупать на сформировавшемся поясе нож. Цверг ощерился и вырвал его из ножен с торжествующим криком. И тут же осекся.

Нож был совершенно обычным. Кусок бронзы со следами от грубого литника. И ни капли магии.

— Придурок! — выдохнул ему в лицо Лардар. И лицо, все еще плывущее, словно расплавленный воск, в котором плавали глобулы глаз. Горящие яростью, злобой. И страхом.

Шмиттельварденгроу попытался ругнуться, но горло словно сдавила невидимая ладонь. Гном оторвался от земли, засучил ногами. Незримая, но вполне ощутимая сила подхватила его и швырнула через весь зал.

11.

Уродливая крылатая тварь с вытянутой глумливой мордой лениво покачнулась и повалилась вперед, соскользнув с невысокого округлого пьедестала под дружное уханье двух гномов. Они выпрямились, отряхнув руки. Все-таки, в ней было пару десятков фунтов чистого веса.

Острый язык, торчащий из раззявленной пасти, обломился при падении и шрапнелью отлетел вглубь комнаты — небольшого холла, которым начиналось новоявленное убежище дварфов. Кто-то глухо ругнулся.

— Валите вторую, — махнул рукой Рогнак.

Еще двое бородачей хэкнули почти разом, напряглись, и статуя, еще более уродливая,

чем первая, зубастая, шипастая, хотя и бескрылая, хрустнув мелкими камешками на постаменте, повалилась на крылана. Выступающие зубчатые крылья надежно заклинили уродца в лежащем положении. Теперь, чтобы разъединить и разобрать баррикаду в дверях, надо было хорошо постараться.

Снаружи зарычали в отчаянии, показалась оскаленная зеленая морда — ноздри пробиты костяной палочкой, с зубов срываются нити слюны. И тут же две арбалетных стрелы мелькнули поверх баррикады и физиономия тут же пропала. Стих и рык. Слышалось лишь пыхтенье шагратов и отдаленные приказы на искаженном всеобщем. И рычащие согласные старого наречия. Видать, орки планировали перегруппировку.

— Занять позицию! — бросил Рогнак, и тут же тройка dwarфов накинула щиты поверх баррикады, закрывая бреши и засела за ней, спешно зарядив арбалеты. Еще трое стояли наготове чуть дальше.

Сквозь дыру между статуями и аркой дверного проема еще мог пролезть орк, но для этого ему надо было уберечься от тяжелых стальных стрел и острых, как бритва, топоров и мечей.

Рогнак в последний раз проверил позицию и в качестве страховки оставил еще двоих. На смену, если что пойдет не так. Гномы раскатали шерстяные одеяла и уселись возле стены, приготовив оружие. В холле было темно, и единственный источник света — это арка входа. Да и то: ее хватало на узкую полосу бледного света. Все остальное тонуло во тьме.

Железнолобый кивнул и вышел в основное помещение, глухое и лишенное каких-либо окон. Ряды каменных столов тянулись вдоль стены и обрывались перед двойным лестничным маршем, обтекавшим стены предбанника. Гномы зажгли факелы, но от них помещение стало лишь мрачнее. Багровый отсвет превращал хмурые лица в демонические маски, а бороды в беспрестанно шевелящиеся клубки змей. Отовсюду раздавался шелест точильных камней: воины правили оружие, готовясь к своей последней битве. То, что она будет, никто не сомневался.

В дальнем углу, там, где не было массивной каменной плиты стола и вездесущего мусора, столпилось несколько dwarфов, а среди них возвышалась фигура Норманга.

— Что такое?

Меднобородый скользнул по нему взглядом. За черными тенями не видно было глаз — казалось, на Рогнака смотрят два провала, малые близнецы черных глубин стангаронских пещер. Или самой Бездны.

— Подвал.

— И?

— Кажись, под плитой проходит туннель. Я приказал Миро. — Кивок в сторону старого морщинистого гнома, вылезшего из люка в полу, чересчур поседевшего от осевшей каменной пыли, — разбить ее. Думаю, это наш выход.

— Ох, дхар! — Рогнак почувствовал слабость в ногах. Он покачнулся и осел на ближайший каменный стол. Спорить, возмущаться просто уже не было. Да и бесполезно. Стангаронского барана все равно не переспоришь.

— Что? — Трун не увидел, но почувствовал тяжелый, как наковальня, взгляд Норманга.

— Нет, ничего. Куда ведет туннель?

Меднобородый переглянулся с Миро, уже вылезшим из люка и державшем в руках тяжелую гномью кирку. Тот пожал плечами.

— Пока не знаю. Но лучше нас все равно никто не умеет ориентироваться под землей.

Если не выберемся, то, может быть, обойдем орков с тыла и ударим всей мощью!

— Со всей дури, — прошептал Рогнак в сторону. Вслух сказал: — Что наверху?

— Пусто. Окна слишком маленькие, чтобы в них могли пролезть орки. Только крыша провалилась, но я не думаю, что орки догадаются... Не сильны они в фортификации.

— Не думает... — Железнолобый даже не понял, что сказал это вслух. А когда до него дошло, то Норманг стоял перед ним, хмурил брови медного, с металлическим отливом брови и сжимал кулаки. Тяжелые. — Кто пойдет по туннелю?

Стан помолчал, словно раздумывая, сразу пришибить труна или обождать. Стерпел и ответил:

— Я. Ну и добровольцы. Думаю, среди нас найдутся храбрые парни. — Он оглянулся. Гномы ответили нестройным гулом. Храбростью-то то их Предки не обделили. Как и умом — теперь они косились на Норманга с подозрением. А на Рогнака — с надеждой.

— Найдутся, — кивнул трун. — Здесь все — отчаянные храбрецы, раз поперлись сюда. Уж лучше приказом — так обид избежим.

— Мудро, — легко согласился Меднобородый. — Лады, посмотрим, как там внизу обстоят дела.

Он с уханьем сиганул вниз, вытянувшись стрункой. Рогнак тяжело вздохнул, поднял веревку, ведущую вниз и неспешно, внимательно перебирая руками и ногами, спустился в подвал.

Темно, хоть глаз выколи. Даже два факела едва рассеивали вечную ночь, царившую внизу. Свет гас в клубах каменной пыли. Остро пахло металлом и камнем.

Рогнак глубоко вдохнул: почти как в родных пещерах. Грохот кирок в крепких гномьих руках, треск поддающегося неиссякаемых силе и упорству камня. Глухой отзвук эха, доносящегося внизу.

Вновь показалась перемазанная физиономия Миро. Он ухмылялся, хоть пот оставил темные дорожки на висках, а волосы и борода слиплись в тонкие сосульки. Труд — это почетно.

— Добро! — выдохнул старик, силе которому могли позавидовать и некоторые молодцы. — Осталось всего ничего. Плита — фута три. Не более. Держится на трех опорах. Мы подкопались тут и там — еще чуть-чуть, и она осядет. Прямо, как ровенький такой, замечательный пуск.

— Что-нибудь еще слышали?

— Снизу? Ничего. Тишина, дхар ее... Благослови ее предки — да-да. — Миро хохотнул.

Еще трое гномов яростно разбивали породу, ритмично поднимая и опуская кирки. Они оголились по пояс. Пот блестел на их могучих бугристых плечах, оставлял на грязных спинах темный рисунок, похожий на карту речной дельты.

— Хех, еще немного. Вот тут — поднажмите, ребяташки! — прилип ухом к плите Миро. Поднялся. Махнул рукой. — А ну хорош. Все разошлись!

Закинув орудия на плечи, тяжело, но удовлетворенно дышащие дварфы разошлись в сторону, освобождая кусок плота, образованного массивными плитами из серого базальта. Не центральную, а чуть в стороне, ближе к стене, терявшейся в темноте, основательно обдолбили по периметру, а углы вообще превратили в две глубокие ямины.

Миро встал на середину плита, примерился, притопнул. А после, взмахнув руками, прыгнул и тяжело опустился на ноги, присев в глубоком реверансе. Еще и еще. Пол отозвался глухим гулом. Посыпался за шиворот песок. Миро прыгнул еще раз.

Глухой рокот вырос до оглушительно треска. Ногами Рогнак почувствовал яростный грохот обрушившихся камней. Плита дрогнула и немедленно пошла вниз, обрушиваясь всем своим весом. «Лишь бы не завалило проход», — подумал Рогнак.

Но нет. Миро свое дело знал. Опытный рудокоп и горнопроходчик, он все точно рассчитал. С грохотом обвала плита опустилась и встала наклонно, словно пандус, ведущий в цех плавильни.

При падении старый гном шлепнулся на задницу, соскользнул вниз. Тут же подобрался, вытащив из-за пояса метательный топорик. Но быстро расслабился.

— Ох, как полегчало-то! А проход-то здоровенный. — Он махнул своим.

Вслед за ним спустился Норманг и еще один гном. Даркар — всех своих Рогнак знал по именам. Меднобородый оглянулся.

— Еще.

Железнодорожный подумал, что для разведки достаточно и двоих, но все равно кивнул. Наклонился к одному из гномов-рабочих.

— Зови Ракраса и Димо. Пойдут с этим... — он проглотил пытавшееся сорваться с языка слово, — станом. Миро!

— Че? — Старик, кряхтя, поднялся. Норманг покосился на него подозрительно, но ничего не сказал: в глазах его уже разгоралась пламя боевой ярости. А, значит, отключаются мозги.

— Будь настороже, — горячо зашептал Рогнак ему на ухо. — Если Норманг начнет чудить — успокой, как хочешь. Вас там пятеро будут. Думаю, скрутите. Если он не поднимется на поверхность, думаю, никто особенно не расстроится.

Миро покосился на него. И медленно, но уверенно кивнул.

— Не волнуйся, сотник. Мы справимся.

— Ну, — Рогнак похлопал Миро по плечу, — пусть вас ведут Предки!

— Предки, — Норманг поднял голову, внимательно посмотрел на Железнодорожного, — всегда со мной. И с теми, кто за меня.

12.

Слова черного проклятья не надо вспоминать. Когда надо, они приходят сами, складываются в правильную формулу и уже ничто не может их остановить. Потому что слово цверга есть закон.

Вот только, когда шея сдавленно невидимой силой так, что и дышать удастся-то с трудом, едва протискивая маленькие глотки воздуха в легкие, это уже не имеет значения. Тогда слова есть, но вот вырваться наружу не могут.

Ярость бурлила внутри, исправно впрыскивая в кровь адреналин порцию за порцией, но ни говорить, ни пошевелить руками и ногами Шмиттельварденгроу не мог. Его буквально расплющило по стене на высоте трех или четырех футов. Фозза повязали по рукам и ногам черные щупальца, росшие прямо из пола, и крепостью не уступавшие, наверное, мифрильным цепям. Какая-то тварь из теней и праха, похожая на скелет ребенка, оседлала Джалада. Тот лишь едва стоял на четвереньках и тихо скулил, не в силах сбросить, казалось, бы не такую уж и тяжелую тварюку. Но, пожалуй, ему было хуже всего: демон, тело которого и вовсе невесомое на самом деле, высасывал душу. Все то небольшое доброе и хорошее, что

еще могло скрываться в душе мага-отступника.

У каждого есть что-то хорошее. У каждого, самого отъявленного злодея есть крупица чего-то, что поддержит его в самый черный день. Самое сокровенное нельзя трогать, и оттого Шмиттельварденгроу возненавидел хранителя еще больше.

Лардарнагдаррен уже полностью собрался из черной жижи и взирал на них с почти вселенной мудростью и грустью. Как на заблудших овечек, которым уже не поможет миссионер, и гнев темных божестве неминуемо настигнет их. Через руки чистого и преданного.

— Неправильный выбор! — выплюнул вместе с каплями черной жижи Лардарнагдаррен. — Я есть Хранитель, и ничто в этом месте не поможет вам. Особенно тебе, мой брат.

Силища в нем была невероятная. Вернее, Проводник, не скупясь, напитывал его. Магия заемная, но цверг так долго прожил здесь, что он породнился с ней, сросся всем телом.

— Не это ли искал? — хмыкнул Лардар, засунул руку под плащ и извлек черную изогнутую рукоять с осколком клинка, торчащим из нее. — Но не угадал. Ты глуп и вдвойне глуп оттого, что пошел против меня и Властелина. А ведь когда-то наш народ был един в одной вещи: в служении Тьме. И Ее Посланнику. И что же теперь? Осколки не собрать. Ты уничтожил то, что еще делало нас единым родом. Служение.

«Народ? Два хреновых гнома из многих тысяч, уцелевшие за несколько десятилетий. Ничего себе народ...» — хотелось выкрикнуть, да вот ни слова не могло вырваться из пережатой глотки.

— Но ты отринул и это, — продолжал вещать Лардарнагдаррен. Лоб его блестел от пота в отсвете остатков пламени костра, но больше в нем чувствовалось напряжение от одновременного поддержания трех достаточно трудоемких заклинаний. — И теперь пришло время для наказания. Слабые духом будут отринуты Тьмой, дабы лишь терпеливые вошли в новый мир. Вы трое будете уничтожены во имя нашего Властелина. Итак, с чего начнем? С этого хмурого мраза? — Он ткнул пальцем в огра. Фозз зарычал, задергался, но щупальца держали крепко. — Если его мохнатую шкуру отмыть и вымочить в уксусе, то получится отличная подстилка для ног. Думаю, она будет греть меня вечерами... Или, — он крутнулся и оказался рядом с Джаладом, — начать с человека. С мягкого, вкусного и сочного. Кротолюды здесь многочисленны, но жестковаты — одним зерном, твари, питаются. А я его нашего магика посолю, поперчу и зажарю. Как думаешь, хорошо под вино из горгонадских подвалом пойдет? Или...

Он подошел вплотную, взирая снизу вверх на распятого на стене цверга.

— Или все-таки ты первый, мой заблудившийся в неверии брат? Ради уважения и преклонения пред нашим благородным видом ты упокоишься в объятиях Проводника, и тело твое станет гумусом, на котором взойдет новое древо Тьмы! Нет, ты должен всю полноту страданий и лишений, дабы душа твоя зияла Бездной. Да, это будет хорошо.

Он развернулся и шагнул к Джаладу.

— Начну с него. Вы испортили мой ужин, а я все еще хочу есть.

Тяжелый арбалетный болт словно по волшебству возник у него в шее. Лардарнагдаррен споткнулся, булькнул — изо рта хлынула кровь, обильно пятная его грудь. В невероятном удивлении он перед тем, как повалится на колени, ощупывая новый диковинный нарост из дерева и металла, повернулся и уставился на несколько невысоких коренастых силуэтов, возникших на границе освещенного круга.

Заклинание мигом пропало, и Шмиттельварденгроу без сил рухнул на землю. Повалился мешком с брюквой — шевелиться сил уже не было. Только и оставалось, чтобы с жадностью глотать воздух, раскрывая рот, как рыба.

Огр разорвал нити Тьмы легко, как гнилую ткань. Демон на спине Джалада иссякал, растворяясь в воздухе: он не имел приобретенной плоти, лишь силы заклинателя поддерживали.

Фозз набылся, расставив руки в стороны, ощерил свои внушительные клыки и глухо зарычал.

С неимоверным удивлением Шмиттельварденгроу узнал могучую бугристую фигуру и окладистую бороду, красную, с явственным металлическим оттенком. Пришелец шагнул ближе. В руках он сжимал массивный станский топор, рукоять которого покрывали многочисленные «бородатые» руны.

— Ну, вот мы и опять свиделись, мой темный друг, — пророкотал, улыбаясь, Норманг Меднобородый. — А я еще боялся...

13.

— А я еще боялся, что не увижу тебя. Видать, сама судьба сводит нас вместе.

Улыбка, словно приклеенная не желала слезить с лица. Норманг был доволен, но еще удовлетворится он только тогда, когда топор взыскует темной крови.

В луже черной крови затихал второй цверг — «Развелось их, как тараканов!». Воздух сдавливал грудь, звуки тонули в густой атмосфере Тьмы, царившей здесь, но вот завеса тут не действовала, и Норманг отлично чувствовал направление, как и любой гном, оказавшийся в любом подземелье.

Огр, поднявшись, был выше двух дварфов, поставленных друг на друга. И при этом еще распушил свой мех, став раза в полтора больше. Сильнее. Злее. Кровожаднее. Норманг махнул ему.

— А ты, волосатик, ни с места, а то ребята наспигуют тебя стрелами, как подушечку для булавок какой-нибудь торгмарской мадамы. Останется лишь пудрой присыпать, чтоб и цвет был соответствующий.

«Ребята» красноречиво повели арбалетами. Один протяжно и мощно сплюнул. Плевок улетел в черный колодец, занимавший середину пещеры.

— Эй, человеке, — Норманг холодно ухмыльнулся, — ты тоже не дергайся. Кто ты там? Огненный маг? И какой дхар свел тебя с этими образинами... Ладно, а это для подстраховки.

Он тщательно затоптал костер и последние жалкие обрывки пламени. Даже тлеющие угли хрустнули и рассыпались в пыль под стальными каблуками.

— Лады, значит так, цверг. Ты у меня, признаюсь, в печенках сидишь. Ты даже не представляешь, какой урон учинил. Паротяг уничтожил — а он три тысячи полновесных талеров стоил. Да-да, треть пуда каждый. Четвертый забой завален и все, кто там работал... — Он провел пальцем по горлу. Четыре сотни голов, если быть точным. Из них три сотни пришлось оставить внизу, под завалами — не было времени разбирать. Сейчас, наверное, извлекают последних. В виде мяса. — Но главное — ты оскорбил меня. Смертно. Наверное, стоило устроить честный бой, как по кодексу, но ты тварь, поганая лживая тварь,

как и любой из твоего народца. Можно просто пришить, но это было бы для тебя слишком легко. А значит...

14.

— А значит я буду резать тебя по кусочку!

Шмиттельварденгроу уже не слушал напыщенного идиота с медной бородой, а внимательно следил, как шевелится Лардарнагдаррен. Тьма все никак не давала ему умереть. Серая рука, выпроставшаяся из-под плаща, все еще сжимала обломок кинжала. Проклятого кинжала — в этом цверг не сомневался. За те мгновения, что хранитель размахивал оружием перед ним, он успел разглядеть детали: матовая чернота клинка, или, вернее, того, что от него осталось, вычурная гарда все из того же вороненого металла, рукоять в виде искаженного в муках человеческого тела. Очень медленно рука уползала под плаща, а он сам бугрился, вспучивался, словно горгонадец пытался поднять.

Нет, он и в самом деле поднимался. Неумолимо: сначала — на четвереньки, потом — на корточках. Голова безжизненно свисала, но вокруг него клубилась Тьма. Невидимая, но вполне осязаемая.

Джалад тоже смотрел прямиком на него. И глаза человека округлились и выпучились из орбит, что, наверное, уже не позволяла их анатомия.

— Что?.. — Наконец, выражение лица мага заметил и дварф. Он нахмурился, сведя густые желто-красные брови к переносице, дернулся, пытаясь одновременно и оглянуться, и не отвести взгляда от цверга, человека и огра.

Но как только он увидел вздымающегося Лардарнагдаррена, то забыл про все остальное. Челюсть мягко упала в бороду.

— Какого дхара?!

Тут же еще четыре стрелы выросли в теле хранителя. Гномы быстро, но без суеты перезарядили арбалеты и выпустили еще четыре. И одна не ушла мимо. Но цверг продолжал подниматься, лишь дернулся, когда в него впились стрелы.

Наконец, он выпрямился полностью. Глаза его сочились Тьмой. Он вытянул палец — и два гнома мгновенно обратились в прах. Без взрывов, без молний и всякой другой магической мишуры. Просто — пуф, и на месте двух дварфов возникли два серых облака. Остальные двое по вполне понятным причинам шарахнулись в стороны.

— Все демоны Бездны! — прошипел Шмиттельварденгроу и, не вполне осознавая, зачерпнул Тьму, словно воду, полной пригоршней. Размахнулся и швырнул в Норманга.

На лету Тьма обрела вещество и превратилась в несущиеся с огромной скоростью иглы.

Будто шрапнель из дварфской митральезы они рванули кожу на лице стана, высекли искры на наплечниках. И срезали половину бороды. Но гном все равно успел заслониться своим оружием.

С диким ревом он развернулся и бросился на цверга, бешено вращая топором. И со столь же бешено перекошенной мордой. Шмиттельварденгроу загреб двумя руками, взмахнул ими. Рой черных игл почти скрыл дварфа. Но тот с ловкостью, достойной гоблина, нырнул вниз, перекатился бронированным колом, и поднялся по эту сторону. Иглы чиркнули по камню, оставив длинные, хоть и не глубокие борозды.

Вблизи топор дварфа смотрелся еще внушительнее, чем на расстоянии в несколько

десятков футов. «Хороший», — со странной смесью благодушия и страха подумал Шмиттельварденгроу. — «И достаточно острый, чтобы развалить меня от макушки до яиц. Смешно, наверное, будет. Клянусь всеми демонами Бездны!»

Как замороженный он следил за острейшим лезвием, выгнутым разрубленным посередине полумесяцем. Кровавые отблески сверкали на стали. И они, танцуя, приближались все ближе.

Черная коса протянулась через весь зал и легко, словно пометку на пергаменте, перечеркнула Норманга Меднобородого. Опали, колышась в воздухе, последние волоски красной, с металлическим отблеском, бороды. Потом отвалилась левая рука, где-то чуть выше локтя. С косого среза, булькая и пенясь, обильно полилась кровь. Дварф удивленно хекнул, склонил голову.

И с застывшим удивлением наблюдал за тем, как грудь расплзается надвое.

Верхняя половина туловища соскользнула вниз по наклонному срезу. Лязгнув выпавший из руки топор. Из груди ударил вверх красный фонтанчик, брызнув Шмиттельварденгроу на лицо. Он слизнул каплю крови, повисшую на губе, и располовиненное тело дварфа осело на пол.

Коса из чистейшей Тьмы втянулась назад, превратившись в правую руку Лардарнагдаррена.

— Только праведный заберет твою жизнь! — выкрикнул он и двинулся к нему, тяжело раскачиваясь из стороны в сторону. Один из болтов застрял у него в колене, не позволяя сгибать ногу. Зато вокруг него клубился целый ворох черных щупалец, одновременно и материальных и казавшихся плоскими, нарисованными чернилами на несуществующем холсте.

— Твою ж мать! — устало выдохнул гном.

Лардар не проковылял и десятка шагов, как его буквально снес Фозз. Огр, рыча, поднял его вверх, и щупальца мгновенно превратились в десятки острейших лезвий. Взмах, и они разом пронзили волосатую шкуру. Кровь десятком ручейков засочилась вниз, оставляя длинные тонкие дорожки. Фозз лишь стал рычать еще яростнее и обхватил хранителя поперек тела.

Сжал, да так, что было слышно, как хрустнули кости. Лардарнагдаррен застонал и еще с десяток черных клинков появились из тела и прошли огра насквозь. Шкура на спине вспучилась и выпустила пять или шесть чернеющих жал — Шмиттельварденгроу стало лень считать. Фозз был уже покойником, но, видимо из-за собственной тупизны, просто не желал этого понимать и продвигался в сторону колодца с Проводником. Понял это и хранитель.

Он забился с объятиях огра, сиять выбраться, но добился лишь того, что тот сжал руки еще сильнее. Лардарнагдаррен завыл. Одна рука каким-то чудом выпрасталась и, сжимая проклятый клинок, стала наносить удар за ударом. Фозз вздрагивал каждый раз, но шага не замедлил.

Горгондец слабел. Наконец, он перестал сопротивляться и опять потек, превращаясь в тающее желе. Правда, было уже поздно. Еще один шаг — и нога огра не нащупала земли. Он покачнулся и, все еще сжимая растекающуюся черную бурду, как прохудившееся ведро с водой, упал в темноту.

Крик Лардарнагдаррена не длился и пары секунд. Раз — и наступила абсолютная тишина. Лишь через мучительно долгое мгновение, что никак не желало заканчиваться, размазываясь, как масло по ломтю хлеба, Шмиттельварденгроу почувствовал дрожь,

исходившую из-под земли. Почти на пределе слышимости, но было в ней нечто...

Удовлетворенное.

15.

Голова Миро показалась из темноты. Вскоре на свет вылезло и все остальное. Он кашлянул и шумно высморкался чем-то белесым. Вслед за ним появился Даркар. Кажется, эпитетом у него было Пыльный. Что ж, нынче очень подходящее прозвище: как и Миро, Даркар был с ног до головы покрыт белой пылью.

— Ну че? — Рогнак присел на краю наклоненной плиты.

— Ходу нет. Шахта обвалилась.

— А стан?

Миро пожал плечами.

— Были... трудности. Он не выжил.

Рогнак кивнул.

— Очень жаль, конечно, но надо двигаться дальше. Собираемся наверх. Говорить будем.

Темнело. Причем неестественно долго. Железнолобый мог поклясться, что несколько часов назад было также: густые горгонские сумерки, пронизанные ветром и снегом, никак не хотели сменяться ночью. Но, хотя бы, пропало давящее ощущение пустоты, исчезла белесая мгла, скрадывающая очертания городища. А внизу вокруг их убежища горели сотни огней, слышалось фыркание шагратов и рокот орочьих голосов.

Миро взял Рогнака под руку, отвел в сторонку от тихо шелестящих бородами гномов.

— Там был второй цверг.

— Что?

— Мы нашли пещеру, большую, с колодцем посередине. И там был второй темник. Мы наштиговали его стрелами, но он, дхаров выродок, никак не хотел помирать. Он-то и разрезал стана, как пучок сельдерея.

— И что же потом случилось?

Миро вздохнул.

— Не знаю, мы ушли раньше. После того... — Он сглотнул. — Я привык биться на топорах, мечях, стоять в строю фаланги, когда на тебя мчит тяжелая конница, но меня не учили противостоять волшбе.

Гном отвернулся. Рогнак успел заметить, как еще больше сморщилась его физиономия. Будто печеное яблоко.

Железнолобый положил старику руку на плечо, заставил вновь повернуться к себе.

— Ты правильно поступил, брат. Не наша эта война. Норманг гнался за своим цвергом, и он получил то, чего заслужил. А мы должны жить дальше и думать, как вернуться в долину. Что же ты предлагаешь?

Миро почесал под бородой, что-то щелкнуло: видать, выловил блоху.

— Может, поговорим?

16.

Хамок вздрогнул, когда пропала завеса. Заныли старые кости, сдавило в груди: он закашлялся, прижимая к себе дрожащие руки.

Почувствовал это и Язык. Он дернулся, замотал головой.

— Что... что случилось? Стало как-то, гм, легче.

— Немудрено. Цверг пал.

— Который?

— Местный. Не им завеса было создана, но им поддерживалась.

— Это хорошо?

Хамока передернуло. Все, что получилось, когда он попытался пожать плечами.

— Не знаю.

Язык склонился над своим хопешом. Огромное изогнутое лезвие переливалось всеми оттенками красного, словно предвкушая кровь. Орк установил точило и медленно, словно наслаждаясь шелестящим звуком, провел им вдоль кромки клинка.

— Все равно это не имеет значения. Он — прошлое, как и весь Город Забытых Богов.

Долговязому очень захотелось ударить Языка. Да так, что рука уже начала подниматься. Новый приступ заставил его остановиться и опустить кулак. Хамок сплюнул в костер.

— Нам надо найти сердце Города.

— Чего? — Хитрый вылутился на него.

— Цверг откуда черпал силу — слишком завеса могучая. Это заклинание Хозяина. Мне... нам тоже нужна эта сила.

Теперь сплюнул Язык.

— Какого?.. Пусть прошлое останется прошлым. Не надо тянуть его к нам.

Хамок ощерился.

— Ты не понимаешь!

Язык подскочил. В руке он сжимал хопеш. Клинок покачивался в опасной близости от лица Долговязого.

— Ты слишком увлекся, — медленно и с преувеличенным спокойствием произнес Хамок, глядя в сторону. — Карлики могут в своем убежище просидеть достаточно долго, чтобы ты успел обломать зубы о камень. Скольких воинов ты еще готов потерять? Свою задачу мы выполнили. Краснобородый ушел из Железной долины, а с ним пятая часть всех воинов. Времени прошло достаточно, чтобы Дикий Крюк выполнил свою часть плана. Вам пора возвращаться назад.

— «Вам»?

Хамок прикрыл глаза.

— Я остаюсь.

17.

Шмиттельварденгроу поднял проклятый кинжал. В нем чувствовалась сила, и, стоило его только сжать в руке, как невероятная сила пронзила цверга от запястья и до пяток. К затылку словно приложили кусок льда.

— Ты... ты хочешь остаться? — Голос за спиной заставил очнуться от сладостного ощущения.

Гном обернулся. Джалад казался жалким, словно трехногая собачонка. Скривившийся, в

серых лохмотьях, а под слоем грязи не был виден истинный цвет кожи. Джаффец облизнул пересохшие губы.

— Нет, — Шмиттельварденгроу с усилием покачал головой. Перевернул кулак и разжал его. Звякнув, кинжал отлетел к колодцу. — Это не моя война.

— Ты теперь последний из цвергов.

Он криво улыбнулся.

— Надеюсь. Таких родственничков, как у меня, не пожелаешь и врагу. — Он отвернулся от колодца Проводника. Прошагал мимо мага к выходу.

Человек остался стоять.

Шмиттельварденгроу помянул дхара и тоже остановился. Обернулся.

— Что опять?

— Ни слова не скажешь?

— О чем? — Цверг нахмурился. На малую долю времени он смог назвать человека своим другом, но сейчас наваждение прошло.

— О Фоззе! — развел руки в стороны Джалад. — Великан пожертвовал ради нас собой Ради тебя. И ты просто уйдешь?

— Хочешь — говори, — хмыкнул Шмиттельварденгроу. — А мне что сказать? Это был его выбор — не мой.

— Неужели ты не сделал бы того же для него?

— Нет. Я не такой дурак.

Джалад открыл было рот, но потом снова закрыл, не проронив ни слова. Он подошел к колодцу, присел, закрыв глаза. Ненадолго, но достаточно, чтобы Шмиттельварденгроу почувствовал угрызения совести. И даже удивился: откуда она у него? Но он успел раньше, чем она обрела голос. Прогремел на весь зал:

— Ты идешь?!

Человек поднялся и двинулся следом. Им все еще предстоял долгий путь.

18.

Рогнак Железнолобый и Хитрый Язык встретились на пустыре, в окружении трупов. Рогнак жестко ухмылялся, Язык — скалился. Говорить первым начал орк, не дождавшись высокомерно улыбающегося гнома.

— Слишком много быков легло, гноме. — Всеобщий давался ему нелегко. — Хватит.

— Удивительное благоразумие.

— Ты можешь смеяться, гноме, — ухмыльнулся и орк. Он склонил голову к плечу, хитро осклабился. — А где Краснобородый?

Рогнак замялся.

— Погиб.

— Хорошо, — закивал Язык. — Ну, тады, гноме, вы можете уходить. Оставьте оружие — и валите.

— Оружия мы не сложим. — Дварф сплюнул ему под ноги. Слюна попала прямоком на лапу. — Дварфы Стального Пика никогда не сдаются.

Язык флегматично вытер плевков, потеряв ногу о штанину. Хмыкнул, отворачиваясь. За ним в руинах виднелось с сотню зеленокожих головорезов. Столько же видно не было. Было

видно, как закаменело лицо гнома, побелели костяшки пальцев, сжимавших оружие. Он ждал битвы.

Но орк лишь пожал плечами.

— Лады, оставайтесь при оружии и убирайтесь. Я все сказал.

Он развернулся и собрался уходить, но взволнованный окрик дварфа остановил его:

— Но почему?!

Язык хрипло рассмеялся. Когтистым пальцем утер слезу, набежавшую на испещренную шрамами щеку.

— Почему? Вы проиграли.

И ушел, оставив Рогнака с разинутым ртом на пустыре.

После ни одной стрелы не вылетело из руин. Орки развернули шагратов и уползли в сторону врат. Вслед за ними, обождав с час, двинулись и гномы. В своем строгом боевом порядке, закрывшись щитами и оцетинившись арбалетами и мечами — они в любой момент ждали нападения. Но ничего не случилось.

Хамок закрыхтел, поднимаясь на ноги. Посохом ему служило старое копье с иззубренным бронзовым наконечником. За пояс под мешковатой накидкой он засунул несколько факелов, спрятал в сумку трут и кресало. Он был достаточно умен, чтобы сложить все, что случилось: приход гномов и падение завесы. Ведомо ему было и то, что земля Горгонада испещрена подземными ходами. За несколько десятилетий после Падения часть из них, наверняка, обвалилась, часть — сохранилась, но ни один ход не вел в них. Часть... Кое-что осталось и гномы, как добрые камнезнатцы, могли найти вход, но если не ушли через них, значит, встретили нечто, что заставило их пойти на переговоры. Хамок надеялся, что догадки его правдивы.

Он зашел в старый мортуарий. Один из сотен в Горгонаде. Когда-то некросы Повелителя проводили здесь свои эксперименты, но нынче ничего не осталось от бывшего, лишь каменные лежаки с темными пятнами от ввевшихся алхимических зелий. Были следы и гномов: потухший костер, обглоданная кость.

В дальнем углу был люк из черного металла. Карлики разбили петли и надежно заклинили, присыпали щебнем. Хамок вздохнул: легких путей не бывает. Он прикрыл глаза и простер руку. Заклинание вспомнилось с трудом, и с первого раза ничего не получилось. Орк втянул побольше воздуха и вновь проговорил заклинание.

Тьма отозвалась. Здесь в мортуарии праха было много, как страданий, ужаса и смерти. Черные ленты соткались прямиком в воздухе, протянулись к люку, отыскивали мельчайшие щели и проникли в них. Хамок резко сжал кулак.

Затрещал камень, застонал металл — над крышкой сгустился воздух. Орк повернул кулак тыльной стороной вниз — и люк выскочил пробкой, лязгнув о потолок и откатился в сторону. Его смяло, как неудачное письмо.

Внизу уже света для орочьих глаз не хватало, и он зажег первый факел. Часть пола обрушилась, образовав пандус, который вел в открывшуюся пещеру. Хамок зашагал дальше, звонко стуча по камням тупым концом копья. Спустя некоторое время он почувствовал, как за ним следят. В глубине мелькнула фигура, позади что-то зашуршало. Орк остановился и, чиркнув им об стену, затушил факел. Звук стал явственнее, повторился. Снова и снова — со всех сторон.

Хамок закрыл глаза: все равно они пока никак не могли ему помочь. Опустил копье наконечником вниз. Звуки обрели плотность и объем. Что-то коснулось его ноги, и шаман

выбросил вперед руку с зажатым в ней копьем. Молниеносно, как в молодости. Наверняка, не хуже, потому что острое с легким сопротивлением вошло во что-то мягкое. Тьма запищала и тут же утихла. Хамок зажег второй факел.

Копье пригвоздило к полу жалкую тварь. Бледная дряблая кожа, уродливое безглазое лицо с плоским носом и вывернутыми ноздрями, изогнутые лапы, которыми легко загребать, но не ходить. Отдаленно создание напоминало человека. Весьма отдаленно.

Его смерть была весьма красноречивой, чтобы остальные кротолюды тут же затихли и больше не пытались сопровождать Хамока. Он сочно харкнул в плоскую морду со скошенным подбородком и зашагал дальше.

Конечно, у него не было ни гномского дара ориентации в подземельях, ни точной карты, но чутье и тонкая струйка, даже волосовина темной магии вела его также надежно, как звезды и память погонщиков орду Хитрого Языка по пустошам Побережных Равнин.

Вскоре показалась пещера, чтобы осветить которую не хватило бы и сотни факелов. От черного колодца посередине волна за волной плескала Тьма. На краю застыл изваянием человек в полном доспехе. Латы его сверкали чернотой, как если бы ослепительный свет обратили в полную противоположность неведомой магией. Хамок остановился, тяжело опираясь на копьё: все-таки в его возрасте такие походы уже давались нелегко.

— Кто ты? — хрипло прокаркал он, пытаясь совладать с дыханием. — Хранитель?

Человек обернулся. Забрало его шлема было выковано в форме умиротворенного лица с гордым профилем забытого правителя.

— Хранитель погиб, оберегая колодезь. — Голос его был подобен могучей реке, пробившей свой путь сквозь тысячи и тысячи миль долин, равнин и гор к далекому морю. — И мне нужен новый.

— Кто ты? — Хамок хрипел уже не от усталости, а от волнения. Он догадывался, но ждал, пока заветные слова будут произнесены.

— У меня много имен. И еще большим множеством назовут в будущем. — Фигура на миг стала плоской и пошла рябью.

Всего лишь астральная проекция, но от него веяло такой силой, словно от сильнейшего из магов.

— Я есть Посланник. Я есть Сын. Я есть Властелин. Я есть Хозяин... Достаточно ли ты слышал, или мне назвать еще? — Он поднял забрало.

Миг — словно слепота. А потом прозрение.

— Достаточно, Повелитель! — произнес Хамок, уже стоя на коленях и склонив голову. — Прости меня — годы и возраст затмили мой взор. Я готов служить.

— Тогда прими дар Хранителя. — Повелитель вдруг оказался совсем близко. На его вытянутой руке покоилась черная рукоять в форме человеческого тела, искаженного невероятным страданием, вычурная когтистая гарда и осколок вороненого клинка.

Стоило только коснуться его, и поток темной силы хлынул в орка. Тело на мгновение пронизала сильнейшая боль. А после пришло блаженство могущества.

Хамок почувствовал, как разглаживаются морщины.

Он выпрямился, и колени больше не хрустели при каждом движении.

— Ты верен мне, Хамок Долговязый?

— Всегда.

ЧАСТЬ 7. ГЕРОЙ-ПРЕДАТЕЛЬ

1.

Если бы кто сказал, что знает усталость, то Джеремия попросту плюнул бы ему в лицо. Нет, не изведав сотни миль пешего хода в колодках и лохмотьях, не измерзнув студенными степными ночами и не изжарившись безжалостным белесым солнцем днем, никто не может сказать, что испытал настоящую усталость. Которая теперь всегда была с ним. И даже теперь, когда уже третий день они ничего не делали, лишь спали, сидели в загонах и ели полужидкую бурду в корытах, как скот, усталость не уходила. Она словно въелась в кости. И Глазастик подозревал, что даже мягчайшие из перин не изгонят ее.

— О чем задумался, зеленый? — Рядом лениво пошевелился Гернор.

Цепь, соединявшая их лодыжки, звякнула. Звенья, словно старая усталая змея, пошевелилась в грязи. Здесь, у побережья моря Седрэ, уже давно зарядили осенние дожди. Косые струи, подгоняемые штормовыми пассатами, казалось, все время били в лицо. В отдаленные гремели волны, что, словно стая голодных псов, неутомимо грызли прибрежные скалы. Хоть по ночам не было так холодно, как в степи, постоянная влажность добивала не хуже голода, что постоянным спутником оставался всегда рядом.

— А тебе какая разница? — буркнул, отворачиваясь, Глазастик.

— Хе-хе, большая, мой зеленый друг, — хохотнул Гернор. — Самая, что ни на есть. Ведь мы с тобой связаны. Во всех, дхар раздери, смыслах!

Он вновь пошевелил ногой, звякнув кандалами, запустил руку под лохмотья, оставшиеся от штанины, и почесал одну из своих кровоточащих язв, оставленных ржавым железом. Другой конец цепи, соединялся с грубым стальным кольцом на лодыжке гоблина.

— Так что: о чем думаешь?

Джеремиа хотел бы плюнуть в лицо старому разбойнику, но передумал: разбитая скула все еще ныла по ночам.

Однажды, они повздорили, и каждый закончил спор с различными результатами: Глазастик с заплывшим от синяков лицом, Гернор — со сбитыми в кровь костяшками.

— О будущем.

— Че?

— О том, что нас ждет.

— Ха, — выдохнул, беззубо ослабившись, Гернор. На следующий день после их «дискуссии» его ухмылка не пришлась по душе какому-то степняку, сопровождавшему пленных, и уже их противостояние завершилось весомым аргументов против Гернорового мнения: звучным тычком древка копья в зубы.

Джеремиа улыбнулся, вспоминая. Наконец, закончив с приятным, он устался на ополченца:

— Опыту?

Гернор расплылся в довольной ухмылке, но промолчал, уставившись перед собой. На рассаженной физиономии застыло мечтательное самодовольное выражение, словно он не протопол несколько сотен миль по высушенной степи с кандалами на ногах.

Спустя несколько ударов сердца и несколько капель дождя, упавших на лицо Джеремии,

человек заговорил опять:

— Кем ты был, гоблин? Вором, грабителем, убийцей или хитрым сукиным сыном, надумавшим обдурить какую-нибудь крупную шишку?

Отвечать не хотелось, но, блин, в голову лезли отвратные мысли. Настойчивые, как тараканы на остатках вчерашнего обеда.

— Наверное, всем сразу, — пожевав губами, ответил Глазастик. — И полным придурком в придачу. Такой вот компот.

Гернор понимающе кивнул, присвистнув.

— Да уж, на каждую хитрую жопу найдется свой винт с левой резьбой. Вот и на мою нашелся.

— А ты кем был? — Джеремя вновь повернулся к ополченцу.

Тот цыкнул сквозь зубы, сплюнул чем-то бурым в грязь.

— Развеселым лесным братом. Слышал о таких?

— Слыхивал. Только вот... — гоблин задумался, — не сочти за грубость, но таких, как ты, вешают на первой ветке — закон такое разрешает. Но не в армию отправляют.

— А это, мой маленький гоблин, — тихо посмеиваясь, ответил Гернор, — такая моя удача. И еще подумать надо, нужна ли она мне!

За оградой их загона раздались крикливые возгласы на степняцком наречии: стражники о чем-то переругивались за стеной, плетеной из ивняка, легкой и какой-то совсем не серьезной. Даже такой «силач», как Джеремя, мог повалить одну секций, связанных гнилыми веревками и растительными волокнами, но даже такой дурак (коим он в последнее время стал почитать себя) не решится на такое.

Вокруг загона располагался лагерь хорвашей и микка — двух племен из огромной степной орды, даже не армии, а целого народа, кочевавшего на восток. Вокруг теснились шатры из серой шерсти и грубых полотен в ярких заплатках, фыркали лошади, невысокие, неказистые, но невероятно выносливые, ревели бараны, шмыгали чумазые дети и переругивались некрасивые маленькие женщины. И, конечно, шастали мужчины в старых халатах и бараньих тулупах, но все с саблями и луками, с маленькими круглыми щитами из кожи и кости, закинутыми за спины. Те, кто побогаче, и одеты были получше: яркие ткани, блестящие чешуйчатые панцири и кривые чагаши в узорчатых ножнах. Но даже женщины преотлично стреляли с луков и нисколько не жалели нескольких грязных, вонючих эратийцев.

Как-то двое попытались бежать на марше. Недолго они звенели цепью. Неудачники не сделали и сто шагов, как их спины были утыканы стрелами. Степняки деловито собрали стрелы, но тела трогать не стали, мудро рассудив, что через сутки от них не останется и следа: в степи всегда найдутся лишние рты и голодные желудки.

— Хор-рак! — властный голос прервал вялое переругивание.

Это было что-то новое. Пока что Джеремя с горем пополам разбирал отдельные слова на ховрашском наречии и даже стал улавливать общие закономерности произношения, и это возглас был чем-то чужим. Иным языком, одним из сотен, на которых разговаривала Орда. Хотя потом гоблин понял, что ошибался: это были слова, которые стояли выше всех прочих. Это был язык самого га'хана.

Поэтому, услышав грозное «хор-рак», Джеремя подобрался и с тревожным любопытством уставился на ворота загона.

Вскоре скрипнул грубый деревянный засов и часть ворот отворилась. Внутри

протиснулся старый ховраш с чагашем без ножен и нагайкой за широким поясом-кушаком. Влажные букли овечьей безрукавки лоснились под дождем.

Степняк нервно огляделся, хмурясь при виде измученных, перепачканных грязью по самые уши пленных, и отступил в сторону, подобострастно склонившись. При этом он попридержал ворота, не давая им захлопнуться. Следом прошествовал второй. Высокий, широкоплечий, гремящий тяжелыми доспехами.

Этот был из «гром-сотни». Элита элит, степные рыцари, как их называли некоторые из пленных ополченцев, когда их доводилось видеть издалека во время марша. Дважды доводилось видеть их во время слаженной атаки. Битва при Черных Холмах, когда громовики, как их называли сами степняки, смяли строй эратийского ополчения и во время штурма Каргола, когда придурок-комендант почему-то вывел свой гарнизон в поле. Видать, светляки-паладины во время своего отступления чего-то нашептали. Само собой, и каргольцев растоптали, а саму крепость сожгли.

Чешуйки наборного панциря, спускавшегося до пояса и еще ниже, двумя хвостами, до колен, сверкали и при каждом движении могучего тела поскрипывали. Одну руку в латной рукавице громовик положил на оголовье своего тяжелого чагаша в усыпанных драгоценностями ножнах, а второй держал под мышкой гривастый шлем с острым наносником. Пряди плюмажа из конского волоса, окрашенного в красный, свисали до самой земли, ниже сапог, укрепленных стальными пластинами.

Широкоскулое безбородое и абсолютно бесстрастное лицо, медленно повернулось из стороны в сторону. Маленькие, утонувшие под кожистой складкой черные глаза внимательно и цепко оглядели каждого в загоне. На миг взгляд задержался на съезжившемся гоблине, но это было всего лишь холодное любопытство. На лице ничего не отразилось.

Громовик бросил что-то короткое и емкое на королевском наречии. Ховраш, запинаясь и кряхтя, возразил. Джеремиа узнал слово «добыча» и почувствовал почти умоляющий тон старика. Но громовик, не меняясь в лице, сгреб степняка, что был раза в полтора ниже его, за отворот безрукавки и швырнул в грязь. И пророкотал на грубом эратийском:

— Выввод-д'и!

— Что ж, — Гернор с готовностью поднялся, отряхнулся, похлопав себя грязными руками по грязным бокам, словно мог сделаться чище, — нам пора. Не будем заставлять господина в доспехах ждать: чую, если его настроение испортится, нам будет очень больно.

2.

Их прогнали через весь лагерь. Степняки, наполнявшие его, ругались при их виде и швырялись грязью. Наверное, швырнули бы и какашкой, если только конский навоз не был бы здесь вместо дров.

Словно ручейки в полноводную зловонную реку, стекались небольшие группки пленных в кашляющую, стонущую, ковыляющую толпу. Сначала десятков Джеремии и Гернора, а после все больше и больше. Их окружали воины верхом на выносливых степных лошадках, в плотных кожах, со щитами и пиками в руках, а вели бойцы из «гром-сотни», молчаливые, гремящие своими причудливыми чешуйчатыми доспехами.

Отовсюду доносились сдавленный шепот, лязг цепей, шарканье ног, громкое пыхтенье и кашель тех, кому недолго оставалось. А сверху обрушивался ливень, смывая грязь и кровь,

дерьмо с ног и лиц. Джеремя задрал голову вверх, ловя ртом капли. Теплые и большие. Ветер швырял пригоршни воды в лицо и приносил с собой едкий морской аромат, который хоть на долю мгновений избавлял от неизбывной вони немытых людских тел.

— Хоть помоемся напоследок, — Гернор мерно двигал сильными челюстями, сглатывая дождевую воду, попадавшую в рот. Он даже прикрыл глаза от удовольствия. Зафыркав, он посмотрел на Глазастика: — Ну что, зеленый, кончилась наша удача. Жалею ли я об этом? Наверное, нет.

Но почему-то гоблину казалось, что все еще впереди. Пугающее чувство неизвестности подтачивало его изнутри, но это был не страх смерти. Да и смысл во всем том, что с ними произошло? Их не превратили в рабов, не забили в тех же Черных Холмах. Их гнали через всю степь, юг Восточной Эратии к побережью моря Седрэ и плавно понижающемуся к побережью Королевскому хребту. Они шли к Марану, восточным вратам Эратии.

Джеремя, следуя за кособоким ополченцем в рваном камзоле, перевалил через холм, у которого располагался лагерь ховрашей, и на миг увидел его. Могучие стены из огромных каменных блоков, плавно сменяющиеся неприступными скальными отрогами, остроконечные крыши построек, стяги и массивную башню с огромным куполом, по которому вились «бородатые» дварфские руны.

— Эк как! — воскликнул Гернор, шурясь на вершине. Он помедлил, всматриваясь в городские стены. — Восхитительный город! Все-таки, бородачи умеют строить, не то, что мы. Мовет, нам еще и эскурсию устроят...

Но задние ряды напирали, и им пришлось спуститься по скользкой грязи в череду глубоких луж, в которые ноги уходили по щиколотку. Но вскоре им снова пришлось подниматься, хоть и невысоко. И перед ними был еще один лагерь.

Нет, не очередного племени с его неумолчным шумом и гамом, бытовой суматохой, в которую лишь вплетались нотки воинской подготовки и правленного оружия. Им открылась настоящая ставка командования, годного и для Магистра Ордена Света и даже для короля всея Эратия. Вокруг невысокий частокол с широкими воротами, в которых застыли громовики с чагашами в ножнах и копьями в руках. Застывшим взором они уставились прямо перед собой, не обращая никакого внимания на грязную змею пленной толпы, медленно ползущую вдоль лагеря.

Потом были длинные шатры из черного с красным холста, перед каждым в землю были воткнуты палки с бунчуками различных цветов — знаками гром-сотен.

Каждая такая казарма наверняка могла вместить если не сотню, то где-то около того. Под навесами рядом с шатрами сидели крепкие ребята и начищали доспехи, полируя каждую чешуйку, точили оружие и чинили щиты, чуть дальше — они же безжалостно расправлялись с чучелами, набитыми соломой и опилками. А за частоколом, по ту сторону лагеря виднелся табун отборных лошадей, высоких и крепких, совсем не похожих на степных пони.

А в середине круга казарм возвышался огромный шатер из потемневшего от дождя шелка, вход в который был завешан шкурами и коврами. Джеремя оглядел его, облизнулся и пошел дальше. Следом за остальными, к группке громовиков.

По толпе пробежалась команда, и люди, качнувшись было вперед, остановились. Не сразу, но достаточно оперативно, чтобы конвой не приступил к наказанию нерасторопных. От громовиков отделился один всадник. Он был в плаще и сильно отличался от остальных.

Мохнатый мех ложился на плечи, словно облитые металлом. У воина тоже был чешуйчатый доспех, но каждое звено было таким маленьким, что латы облевали поджарое

тело, словно вторая кожа. Змеиная кожа. Подпоясан он был красным кушаком, из-за которого торчала рукоять не чагаша, а самого настоящего меча, только более узкого, чем те, которые привык видеть Джеремиа у дружинников. Тем не менее, был и чагаш с изогнутой в виде обнаженной женской фигуры рукоятью в изукрашенных ножнах, притороченных к седлу великолепного опалового скакуна.

Доспехи поднимались высоким металлическим воротником на жестких сочленениях и заканчивались под самым подбородком, но затылок был закрыт металлической чешуей почти полностью, правда, двигаться она совсем не мешала. Воин легко повернул голову, оглядывая пленных. Вода стекала по красивому гладкому лицу с чуть раскосыми глазами. В нем было грубых черт громовиков и, тем более, ранних морщин, к которым были склонны все степняки. В войне чувствовалась стать и порода.

Джеремиа невольно сглотнул: перед ними гарцевал на коне сам грозный га'хан, степной царь и объединитель сотен племен Великой Степи, а теперь еще и победитель войск эратийского короля.

Он смахнул пряди длинных черных волос, липнувших к мокрой щеке, звенья диковинной брони заиграли разноцветьем, словно каждая чешуйка была драгоценным камнем.

— Свобода! — Голос у га'хана был чистый, приятный и чуть хриловатый. По таким голосам сохли все женщины. В том числе, и гоблинские. И при этом степняк говорил на чистейшем всеобщем без всяких рычащих степных согласных. — Что вы знаете о свободе, черви? Достойны ли свободы?

Пленные молчали, угрюмо уставившись на степного царя.

— Достойны ли вы жизни? — уже тише произнес он, осматривая толпу. Глаза остановились на Глазастике, безошибочно разглядев темную зелень гоблинской кожи, длинные вислые уши и выдающийся нос. — Нет! Вы мокрицы по копытам степных коней. Вы — грязь, вроде той, в которой стоите. И знаете почему? Свобода, жизнь — это ответственность. Ответственность принимать тяжелые и опасные решения. Те из вас, кто пытался бежать, умерли достойно, сражаясь. Они умерли свободными! Вы же... — Он сплюнул, презрительно скривив губы. Бледное лицо горело яростным гневом. — Вы все достойны лишь рабского ярма и участи свиней в загоне! Вас всех стоило забить дубинами, как неразумных тварей... Но боги учат давать второй шанс. Степные боги жестоки, молчаливы, но они говорят: дай завоевать жизнь. Дай возможность стать вровень со свободными людьми Великой Степи.

Он замолчал, оглядывая толпу. Тяжелый взгляд словно заставлял пригибаться под своим весом каждого, на ком он задерживался хоть на миг.

— Завтра, мы войдем в город бородатых карликов. — Он воздел руку, указывая в сторону темневшего под дождем Марана. — И вас будет выбор: или вы пойдете впереди Орды, торя нам дорогу, зубами и руками вырывая свои жизнь и свободу, или же умрете здесь и сейчас. Умрете грязными рабами, презренными тварями, отказавшимися от того и другого. Ну, каков ваш выбор?

Молчание повисло в воздухе, нарушаемое лишь шорохом падающих дождевых капель. Гернор судорожно выдохнул сквозь сжатые зубы, глянул на Джеремию. Подмигнул. И вскинул руку, сжатую в кулак.

— Смерть грязным дварфам! За Великую Степь!

Джеремиа судорожно заверещал вслед за ним. Словно волна прокатилась по толпе

пленных, грязный, вонючий вал, поднимавший из-под спуда плена и безнадёги мусор слепой ярости и жажды жизни. Жажда любой ценой.

Гоблин кричал до хрипоты, потому что помнил: смерть — это конец. Итог всего и вся. А он все еще не был готов к подведениям итогов.

3.

Им выдали новую обувь — мягкие кожаные мокасины — и новую одежду: драные штаны и вонючие овечьи тулупы, в которых все тело начинало преть, пот ручьем тек по спине и разъедал натертую жесткими швами кожу. Но это все равно было лучше прежних грязных обносков. Волоча в цепи цепи, пленные ополченцы, солдаты Каргола, крестьяне и бургеры из мелких городков, уничтоженных Ордой, двигались в сторону врат Марана, гостеприимно распахнутых, похожих на огромную пасть диковинного зверя, зевнувшего на склонах Королевского хребта.

Да и дорога здесь была получше. Не земляная тропа, а широкий тракт, мощный серой плиткой, уложенной так плотно, что сквозь стыки не пробивалась ни одна травинка. Или, может быть, столь оживленный, что никакая растительность не успевала здесь прижиться.

Джеремя оглянулся — они как раз взбирались вверх по полого поднимающейся дороге — и увидел длинную колонну людей, лошадей, возков. Она тянулась, казалось, до самого горизонта, теряясь за далеким подъемом на холмистое взгорье Марана.

По бокам от толпы пленных, покачиваясь в седлах, двигались степняки-погонщики с тонкими пиками с затупленными остриями, чтобы сподручнее было подгонять отстающих без лишней крови. Конники вяло переругивались между собой, покрикивали на пленных и, закинув по своему давнишнему походному обычаю одну ногу на седло, жевали дзафт, отчего вид у них было задумчивый и благожелательный.

— Актеры, блин! — выдохнул, не разжимая зубов, Гернор.

— Че? — Джеремя взглянул на своего соседа по цепи.

— Видал, сидят, будто ничего и не происходит!

— А что должно произойти? — перешел на шепот и гоблин, следуя примеру своего напарника.

Гернор был тертым калачом, и глаз, как у лесного брата, у него был наметан на неприятности.

Мужчина хекнул, покосился на Глазастика.

— Слышь, у тебя прозвища типа от противного?

— Че?!

— Через плечо! — проскрежетал Гернор. — Разуи глаза, придурок зеленоротый! Почему нету ни женщин, ни детей. Куда они подевали свои табуны?

Джеремя оглянулся и похолодел. А ведь действительно: Орда на марше была не слишком притязательным зрелищем. Правда, мало что может сравниться с ней в масштабности и величии, но то величие было нечистое, шумное и бесформенное. Табуны лошадей, отары овец, блеющих под тяжелой рукой погонщиков. Бегущие вдоль возков и племенных отрядов дети, тянущие заунывные мотивы жены, правящие морщинистыми костистыми тарквиниями.

Здесь ничего этого не было. Отряды воинов, напряженные, собранные, в воздухе

плещутся значки племен и бунчуки военных вождей, возы сопровождают вооруженные до зубов люди и правят не женщины, а хмурые мужчины в плотно набитых шерстью тулупах с чагашами за поясами и луками за спинами. Перед колонной пленных двигались громовики под знаменами красной сотни — человек двадцать, не больше. В середине степной армии блестели броней желтые громовики и вилось на ветру волосяное знамя га'хана. Заметил Джеремя и странных людей в шелковых халатах и квадратных шапочках верхом на низеньких мулах. Они сопровождали отдельные возы, побольше, тщательно замотанные плотным сукном.

— Дхар! Точно! — выдохнул Джеремя.

— И еще, — продолжил Гернор, — я могу точно сказать, что за нами идет двое степняков, прячущих под одеждой оружие.

Гоблин попытался оглянуться, но разбойник так дернул ногой, что тот на миг потерял равновесие и чуть повалился на каменные плиты гномьего тракта.

— Не верти головой, ушастый! Иди, как ни в чем не бывало.

— Что же это такое?! — в отчаянии пробормотал Джеремя, втянув голову в плечи.

— Что-то задумали. Хитрецы! Если Маран открыл ворота, значит га'хан заплатил им. И неплохо так заплатил, раз уты забыли про свои договоренности с Цитаделью и Торгмаром. Но при этом большая часть Орды — женщины, дети, скот, остались в предгорьях. В город идут воины... И речь этого степного хероцаря. Что ж, кажется мне, что степняки будут возвращать свое золото. С процентами в виде Марана. Значит так, как только начнется буча, тикаем, что есть мочи. Ни степнякам, ни гномам до нас дела не будем. Скроемся где, а когда стемнеет выберемся за стену и тикаем.

— Куда?! — воззрился на Гернора Глазастик.

— Куда глаза глядят. А теперь не отвлекайся и готовься — нам главное не растеряться, когда наступит момент.

4.

Величие врат Марана было под стать величию Орды, медленно втекавшей в город.

Мощный барбакен, далеко выдающийся вперед. Он образовывал каменный коридор, в стенах которого были сделаны проемы, через которые нападающих, если таковые сыскались, можно было залить огнем. Джеремя при взгляде на них поежился. При таком раскладе от его бедной гоблиничьей шкурки не останется и пепла. Невыносимо сильно захотелось покинуть этот крематорий. Глазастик неосознанно ускорил шаг, но его остановил Гернор, похлопав по тощему плечу.

— Терпение, мой маленький и ушастый друг. Не тут, мне кажется, совсем не тут.

Впереди появился свет. Он ослепил, заставив зажмуриться. На глазах проступили слезы, но Джеремя заставил себя смотреть в плывущие от предательской влаги угловатые очертания dwarфской архитектуры.

Возможно, кому-то показалось бы, что логичнее всего гномам, как большим любителям фортификации, было построить длинный коридор, сжатый могучими стенами. И тогда бы точно никакая хитрость не могла сработать. Но уты были уже не те самые dwarфы, как их родственники труны и, тем более, грозные станы. Уты были торговцами и вся их жизнь была посвящена получению прибыли.

— Сильнее упорства dwarфов лишь их жадность! — криво ухмыльнулся Гернор, оглядывая гномий город, единственное наземное поселение подгорного народа.

Конечно, никаких стен не было. А всего лишь бесконечные ряды лавок и лавчонок, забегаловок и джаффских кофеен под открытым воздухом, но над огромными чанами с кипящей черной жидкостью, похожей на нефть, корпели почему-то светлобородые коренастые силачи в узорчатых рубахах, а не чернокожие жители Земли Тысячи Огней. Здесь продавали все, что угодно: от хлеба, свежего, только что из печи, до совести, протухшей и никому не нужной.

Дварфский рынок располагался под стенами стоявших вплотную трех- и четырехэтажных домов с узкими окнами с каменными рамами, украшенными вездесущими параллельными бороздами — стилизованными «бородами предков». Пожалуй, эти здания могли сойти за стены, если бы не раскрытые настежь двери, развернутые лотки со всякой всячиной, так и приглашающие заглянуть на огонек. Маранцы свято верили, что только большой глупец посягнет на их благополучие.

Пожалуй, лишь тонкие высокие башни, возвышавшиеся по обе стороны дороги, через равные промежутки выполняли оборонительную функцию. Над частыми острыми зубцами виднелись шишаки городской стражи, выглядывали рыла арбалетов и баллист. Да в толпе торговцев можно было встретить внимательно наблюдавших на веренище людей, лошадей и повозок степняков крепких гномов в угловатой тяжелой броне и шлемах с широкими наносниками, закрывавших лица так, что виднелись лишь русые бороды, заплетенные в две или три толстые косы.

Когда пленных прогоняли через промежуток между воротами и первой парой башен, там, где скопилось под две сотни dwarфских пехотинцев, Джеремиа увидел краем глаза, как гномы загружают крытую повозку тяжелыми бочонками, разгружая их со степняцких лошадей. Рядом стоял отряд громовиков под десяток голов во главе с самим га'ханом, — по крайней мере, примечательные доспехи в мелкую чешую гоблин узнал сразу. Как и разноцветное знамя, развевающееся у него над головой. Правда, красивое лицо скрывало забрало плотно облегающего голову шлема: изысканная маска холодной металлической красоты с черными провалами глазниц. Из-под шлема выбивались черные пряди. Сопровождали его еще двое приметных коротышек в халатах, изукрашенных золотыми драконами, и квадратных шапках. Они постоянно кланялись и улыбались, словно заводные болванчики. А Глазастик решительно ничего не понимал.

Их призывали драться, но пока ничего не происходило и ничего не намекало на предстоящее сражение, если не брать в расчет пыhtенье скрытых степняков позади него.

Они миновали первую пару сторожевых башен, скрылся из виду га'хан со своими бочонками, потянулись бесконечные торговые ряды. И при виде свежей выпечки, копченых окороков, висящих на крюках в мясницких лавках он почувствовал острую боль в животе: последние месяцы он не видел ничего, кроме помоев, которыми побрезговали и свиньи. Чтобы не соблазняться, он отвернулся, проглотив скопившуюся горькую слюну.

— Золото! — возбужденно прошипел Гернор.

— Чего? — Джеремиа с готовностью отозвался, лишь отвлечься от мыслей об еде.

— Я грю — золото. В тех бочонках — золото, коим наш хреноцарь заплатил за проход. Это ж сколько-то всего: наверное, половина эратийской казны. Не меньше!

— Ты знаешь размер королевской казны? — Глазастик скептически хмыкнул.

— Ну, — бывший разбойник покрутил рукой, — представляю. Примерно. Может быть,

и больше, но здесь все равно очень много золота.

— Много счастья, но не про нас спето, — угрюмо бросил гоблин.

Гернор вновь положил ему руку на плечо, похлопал ободряюще.

— Нужно мыслить позитивно. По крайней мере, мы до сих пор дышим.

— Надолго?

— А вот это мы...

Он не успел договорить. Ужасный грохот нагнал их, а теплый ветер, толкнувший в спину, заставил присесть.

Джеремя потряс головой, оглянулся. Позади, в районе ворот поднимался столб серого дыма пополам с пылью. И если бы не звон в ушах, он бы наверняка услышал бы завывание боевого клича степняков.

Позади опять толкнули. Гоблину пришлось упасть на колени. Инстинктивно он сжался и прикрыл голову руками. Наконец, слух восстановился и он услышал команды. Властные голоса на королевском наречии степняков. Так могли разговаривать только громовики.

Пока пленные прижимались к земле, то тут, то там поднимались фигуры, скидывали овчинные куртки. Под ними блестел металл, похожий на змеиную кожу.

Позади, звякнув, опала цепь. Разъединившись, двое степняков выпрямились, взмахнули руками и сразу несколько металлических шаров, шипя и отплевываясь искрами, полетели в торговые ряды.

Стражники среди толчеи запаниковавшего народа не успели среагировать. Сферы упали на торговые лотки, среди толпящихся dwarфов. Пару ударов сердца, и череда взрывов сотрясла проход. Кто-то упал, заливаясь кровью, кто-то кричал, а кого-то просто разорвала на куски — Джеремя увидел, как прямо перед ним на каменные плиты дороги шлепнулась рука, оторванная по локоть. Пальцы еще судорожно сжимались и разжимались.

С ближайшей башни ответили слаженным залпом из арбалетов и баллист. Стрелы утонули в волнующейся толпе пленных. Степняки бросились врассыпную. Лишь несколько остались рядом с повозками, быстро и слаженно стягивающие накрывавшую их ткань. Миг — и показалось толстое бронзовое дуло. Еще миг — и раздувшееся тело со следами от грубого литья.

На повозку подскочил коротышка в шелковом халате и, властно командуя несколькими степняками, кое-как им удалось повернуть повозку на несколько градусов. По ним ударили из арбалетов, но воины успели скрыться за массивной бронзовой трубой. Стрелы лишь бессмысленно звякнули, опав на землю. Следом за этим любитель халатов подскочил на повозку и поднес горящий факел к торчащей из трубы веревке.

Дымно-огненная струя, похожая на драконий плевок, вырвалась из широкого дула, и гром опять накрыл Джеремию. На миг он опять потерял чувство реальности — ему казалось, что он плывет, волоча ноги по вывернутым камням. Он оглянулся: медленно, как во сне, и нереально беззвучно вершина сторожевой башни вместе со всеми арбалетами, баллистами и dwarфами заваливается набок, осыпаясь осколками кирпичей. Это было почти смешно, и Глазастик улыбнулся, чувствуя, как корка, стягивающая губы, рвется.

— Да очнись ты наконец! — Грубый Герноров голос ворвался в сон и заставил судорожно откашляться. Кровь плеснула изо рта. Что-то влажное сочилось по шее. Гоблин коснулся виска и уха, посмотрел на руку. Она стала красной и скользкой, но он все еще слышал, хотя не был уверен, что также хорошо, как и раньше.

Наконец, Джеремя пошел сам, пробираясь между трупами и ранеными. Проход

перекрыла павшая башня, а степняки разворачивали пушку для нового выстрела по второй, с которой их продолжали расстреливать из арбалетов. С остальных повозок, словно перезревшие бобы из стручка, посыпались степняки с чагашами наголо. В паникующую толпу полетели стрелы, короткие, но от этого не менее смертоносные. Степняки уже успели ворваться в несколько лавок и теперь хозяйничали в них.

— Нам надо выбираться отсюда!

— погоди! — Джеремя уперся и заставил остановиться Гернора. Он повернулся, сжав кулаки. — Надо... поглядеть... Сориентироваться.

Впереди, перед упавшей башней разворачивались в боевой строй громовики. Один из них воздел руки с тонким мечом в одной и чагашем — в другой, и крупночешуйчатые доспехи, осыпались с него, словно прошлогодняя листва.

Га'хан, опуская на лицо забрало в виде тонко улыбающейся маски, выполненной с поразительным искусством, развернулся и выкрикнул:

— Жизнь! — Голос его гудел металлом из-под стальных губ. — Жизнь и свобода!

С ревом и криками «Бей коротышей!» безоружная толпа кинулась в стороны, гремя цепями. И, пожалуй, пугала поболее вооруженных степняков. В бездумной ярости бывших ополченцев и кадровых солдат, крестьян и ремесленников из разоренных поселений сплелись страх и боль, боль за предательство, за дварфскую жадность, ведь мало кто из них верил, что Орду вот так просто, за золотой звон, пустят в Маран. Все верили и готовились умереть, штурмуя неприступные стены, а не избивая безоружных (ну почти) торговцев.

— Насмотрелся?! Ну теперь пошли! — Гернор дернул цепь и потянул Глазастика ко входу в разоренную лавку, которую уже уничтожали бывшие пленные в борьбе за свои «жизнь и свободу». Кто-то уже завоевал свободу, одну ее и ничего более.

— Стой! погоди! — Джеремя уперся, чуть не упал, но устоял, заставив человека вернуться к нему. Глаза его горели безумием, а кулаки плотно сжаты. Видать, Гернор уже готовился оторвать гоблину ногу, чтоб тот больше не досаждал.

— Там — ловушка! — быстро выдохнул Глазастик, в отчаянии глядя на ополченца. — Мы там, словно в ловушке.

Гернор нахмурился, но остановился. Очередной рев выстрела заставил его пригнуться. Снаряд ушел чуть в сторону, лишь чиркнув по кирпичам башни. Джеремя продолжил:

— Скоро проход окружит стража, и тут будет новый филиал Бездны. — Он сглотнул. — Я предлагаю другой выход.

— И какой же?

Гоблин указал пальцем в сторону вывернутого взрывом канализационного люка, открывавшего проход под землю.

— Мы пойдем под землей.

Гернор ухмыльнулся: редкозубый оскал на почернелом от копоти и крови лице.

— Женщины и дети вперед.

Глазастик сплюнул и полез первым. Гернор за спиной вздохнул с почти настоящей грустью:

— Жаль, а я стал привыкать к чистой одежде.

Наверху что-то глухо грохотало, слышались приглушенные камнем крики, топот, а внизу, в широкой, больше человеческого роста трубе с выложенной красным кирпичом стенкой царила почти райская идиллия. Лишь журчал фекальный ручеек по дну да доносилось из-за спины брызжанье Гернора.

— Это ж надо! Для того, чтобы дерьмо стекало, такие трубы отгрохать! Не зря говорят, что гномы того, с приветом. — Он покачал головой.

— Ага, — поддакнул Джеремя, — а ведь как хорошо, когда дерьмице под ногами бежит, и главное какой аромат-то родной! Прямо, детство свое вспоминаешь, да?

— Все шуткуешь? — скривился разбойник. — Это хорошо. Значит, нервы крепкие, а меня вот до сих пор всего трясет. После той здоровенной дурынды, из которой пальнули по башне. Грохоту-то — обоссаться можно.

Он пощупал штаны. Облегченно выдохнул — видимо, не обнаружил ничего лишнего.

— Хорошо хоть, что не жрали давно. Слышь, — он приостановился, но быстро нагнал гоблина, — а куда, собственно, мы идем? В этих говнистых лабиринтах сам дхар голову сломит!

И действительно, канализация в Маране было большой и разветвленной — по крайней мере, до такой даже густонаселенному Торгмару было еще далеко. Лабиринты туннелей и труб, коридоров и лестничных спусков с аккуратными желобками стоков — все сплеталось в замысловатую сеть. И, главное, никаких указателей. Дварфам-то они не сильно были и нужны, но вот остальные вполне могли и заблудиться. И Джеремя чувствовал, что он не просто мог, а уже потерял направление и путь. Правда, особой цели у него и не было: он планировал отойти как можно дальше от места сражения, желательно в район стоков (а они должны быть — куда-то все это стекает!) и выбраться наружу. Далеко и от Орды, и от мстительных dwarфов.

— Следуем за течением, — ответил Глазастик.

— И?

— Стоки, видимо, ведут к морю, — сказал гoblin. — Надеюсь, мы выберемся в районе порта, а там попробуем затеряться среди моряков. Судя по всему, dwarфы будут стягиваться к торговому проходу, а остальные — бежать, куда глаза глядят.

Гернор хмыкнул и уважительно кивнул.

— А ты, мой маленький гoblin, не такой дурак, как кажешься. Видать, за дело тебя прищучили!

Он отмахнулся от косм светящейся плесени, свисавшей с потолка. Ею также поросли и все стены, порой полностью скрывая кирпичную кладку. В мертвенно-голубом свете Гернор походил на покойника: темные, почти черные глаза и яркие, даже светящиеся белки, бледное, до синевы лицо, явственно проступили мешки под глазами, а шрамы и морщины стали еще глубже и чернее.

— Умные засранцы, эти гномы! Насадил эту гадость, и факелов не надо. Только вот теперь ты, зеленый, стал и вовсе страшен, как демон Бездны. Только рогов не хватает.

— На себя посмотри, — буркнул Глазастик, — тебя словно из могилы только что выкопали. И пахнет ты не лучше.

Гернор захохотал, задрав голову к потолку. В этот момент пучок светящихся волокон попал ему в рот. Ополченец шумно вздохнул, готовясь к новому раскату и втягивая в себя плесень, и осекся. Глаза его вылезли из орбит.

Он шумно закашлялся. В перерывах между хрипами что-то коснулась тонкого слуха

гоблина. Он напрягся, вслушиваясь. Замахал отчаянно, призывая Гернора к молчанию. Тот прикрыл рот рукой и начал беззвучно вздрагивать, пытаясь выкарахать остатки плесени из горла.

— Как думаешь, она прорастет у меня во рту? — сдавленным хриплым шепотом поинтересовался Гернор. — Вот веселуха будет: открою пасть — а из нее свет. Можно стражников пугать...

— Заткнись! — прошипел Джеремя, приложил руку к уху. — Разве ты не слышишь, что-то изменилось.

— Да! — просветлел лицом ополченец. — Шума стало как-то меньше. Погромыхивает где-то далеко, а так... То ли в ушах гудит от взрыва, то ли...

— Да, это стоки! — торжественно заключил гoblin. — Идем — осталось недалеко.

Наверху...

Стелился дым. Густое, едкое от каменной пыли варево, в котором и в двух шагах ничего не было видно.

Поэтому приходилось двигаться медленно, постоянно осматриваясь в поисках темных силуэтов. То ли врагов, то ли спасшихся в этом аду. Мастер-капитан Мирос взмахом руки приказал остановиться. Звякнули и затихли доспехи, скрежетнули по вывернутым камням мостовой нижние грани тяжелых ростовых skutumov. Когда звуки стихли, он прислушался, всматриваясь до рези в глазах в темно-серую, перечеркнутую белесыми полосами пелену.

Первые жители Марана вышли на берег Изумрудного моря (или моря Седрэ, как говорили люди) еще тогда, когда в Эратии буйствовало звериное варварство. Вырос в могучую крепость он тогда, когда объявились первые людские цари, и на восток, минуя Королевский хребет, потянулись торговые караваны и военные экспедиции. Сколько лиц, мечей и товаров повидал Торговый Тракт, пересекавший прямой стрелой центр города! И не перечислить. И ни одна рука, ни одно оружие не поднялось на южный форпост великого царства дварфов Королевского хребта. И это породило самоуверенность и слепоту.

Горечь ошибки изъедала горло и сушила глаза, оставляя лишь опустошенность. И то, в чем ни один гном не признается: страх. Страх перед будущим, перед изменениями. Раз степняки это сумели сделать, то почему кто-то еще не попробует.

Было подозрительно тихо. Лишь в отдалении доносились звон оружия и рокот пушечных голосов. По сети слуховых трубок передали: у врага есть и взрывчатый порошок, и огромные стенобитные пушки, коими они успешно громили сторожевые башни на Торговом тракте. Там с прорвавшимися степняками сражались труны-наемники. Здесь же на Привратной площади, затянутой дымом после сильнейшего взрыва было странно спокойно, лишь время от времени в каменных обломках попадались тела. Пока что одних дварфов.

Мирос вновь взмахнул рукой, и отряд двинулся вперед. Мастер-капитан не был профессиональным воином, а всего лишь торговцем, но, когда пришла пора, пошел в призыв. В своей мирной жизни он был богат, а фактории торгового дома Мироса были даже в Джаффе, поэтому в страже он сразу же получил звание мастер-капитана и двадцать гномов в подчинение. Одних утов.

Гномы Марана никогда не были хорошими воинами, как это странно ни звучало. Да, станы были грозными и воинственными фанатиками, труны — хитроумными наемниками,

но уты... Эти всегда были торговцами, путешественниками и лишь отчасти — воинами. Прародителю, Уту Безземельному достались лишь бедные южные склоны хребта, и он вывел свой народ на поверхность, где воткнул в мягкий прибрежный песок свою старую лопату. И из первых примитивных хижин вырос самый блестящий и могучий город Эратии. И стоял он на золоте, не добытом в бою, не вырванному кропотливым трудом из горных недр, но обмененном на многочисленные товары Запада и Востока, Севера и Юга.

В первые минуты катастрофы, потеряв связь с командованием — были разрушены обширные участки слуховых труб — Мирос-Торговец, борясь с неуверенностью, собрал свой отряд и повел их к Привратной площади на поиски выживших. Одних утов, но он знал, что сражаться они будут отчаянно. Не слишком умело, но с яростью медведей, защищающих свои берлоги.

На них были доспехи с позолотой, украшенные «бородатymi» рунами и знаками Прародителя, а поверх — белые плащи. Плоские, как миски шлемы опускались низко на глаза, а широкие наносники еще ниже, до усов. Сзади свисала кольчужная бармица. Панцири и броневые юбки были нарочито угловатыми, скопированными со становских образцов. Вооружены все были короткими, «городскими» алебардами, прямоугольными скутумами и небольшими топориками для ближней схватки. Какой-то умник из городского совета распорядился затупить лезвия топоров «во избежания травмирования», так что ими можно было оглушить, но убить — вряд ли.

Вперед раздался стон. Повинуясь сигналу мастер-капитана, отряд рассредоточился, так что он перестал видеть крайних. Наверное. Это была плохая идея, но он отмел сомнения и, осторожно, внимательно смотря на ноги, двинулся вперед, наперевес с алебардой.

Что-то темнело под массивными обломками стены. Он кивнул своим сержантам. Те, вместе с остальными, разобрали завал, работая слаженно и без опасной спешки. Вскоре показался выживший. Мирос склонился и узнал одного из членов совета, мастера Врат, заведовавшего пропуском караванов, Дагона Длинноносого.

— Что... что случилось? — Мастер-капитан сжал толстую руку дварфа. Тот лишь слабо шевельнул пальцами в ответ.

Мирос пробежался взглядом по израненному телу Мироса и едва сдержал испуганный вздох. Он шумно сглотнул: ниже колен у Мастера Врат осталось от ног лишь изломанные кровавые бурдюки, расплюснутые камнями.

— Мирос! — прохрипел Дагон. Белая от каменной пыли борода потемнела и набрякла влажным вокруг рта. — Эта была ловушка. Они... они обманули нас. Откуда мы могли знать, что люди знают секрет взрывчатого порошка!

— Кто-то предал нас? — Мастер-капитан не сумел сдержать крамолу, сорвавшуюся с губ.

Мастер Врат качнул головой из стороны в сторону.

— Слава Предкам, нет. Это хуже и опаснее — взрывчатку такой мощи не ведают даже труны... Что сейчас происходит?

— Степняки сами себя отрезали от выхода. Стража наверняка зажала их на Торговом тракте. Думаю, они не долго продержаться. Это все так глупо и нелепо.

— Нет, не глупо. Совсем не глупо. Что со стеной, вратами? — Дагон даже приподнялся на локтях.

Он шумно и тяжело дышал, лицо кривилось от боли. Пот и кровь оставляли темные полосы на скулах и висках.

Мирос хотел было отдать приказ, но от стены уже возвращались стражники.

— Мы больше никого не нашли.

— Стена? — почти выкрикнул Мастер Врат. — В каком она состоянии?

— Пролом. Взрыв вынес ее полностью футов на пятьдесят — не меньше. Здесь не помешали бы каменщики...

— За стеной?

— Ничего не видно — ветер не так силен, чтобы рассеять его полностью, но уже видны горы.

— О, Предок! — выдохнул в отчаянии Дагон и упал прямо в руки Мироса. — Уходи и предупреди остальных. Пусть... пусть вызывают станов, пусть опустошат все казармы. Призовите трунов, но остановите проклятых степняков!

— Но...

— Там, за стеной остались еще тысячи степняков. Конечно, женщины и дети, но сколько еще воинов спрятались от нашего взора — неизвестно.

— Хорошо, я все передам.

Мирос-Торговец выпрямился и кивнул сержантам.

— Забирайте его и уходим — вы все слышите. И мы должны успеть, прежде...

Что «прежде» стало ясно буквально спустя пару ударов сердца. Словно земля дрогнула, разнесся заунывный боевой клич. Ему отозвались тысячи глоток.

Дым ел глаза, но, смахнув набежавшие слезы, он наконец смог разглядеть, как облако, повисшее над Привратной площадью, медленно рассеивается под ударами осенних пассатов. Но когда он наконец увидел тракт, ведущий к воротам Марана, он пожелал, чтобы дым вернулся. Там, за быстро тающей пеленой, к городу приближалась грязно-черная волна, увенчанная на гребне многочисленными знаменами: разноцветными тряпками и волосатыми бунчуками.

— Отряд! — выкрикнул Мирос, грохнув щитом о землю. Он выпрямился, пристально вглядываясь в ряды степной армии, такой разнородной и такой... грозной. — Стройся!

Простые уты: ремесленники, рабочие, торговцы и моряки — они все готовы были умереть. Не слишком умелые в военном деле, но решимости им было не занимать. Ни фута родных шахт, как говаривали предки, или, что правильнее сейчас, ни пяди родной земли, родного города. До тех пор, пока по туннелям Королевского хребта не пройдут дружины воинов-жрецов Стангарона и наемные отряды Трунгарона. И не выбьют степную нечисть из города.

— Нет! — выдохнул Дагон. — Не смей! Только не сейчас. Вы должны уходить...

— Дварфы не отступают, — процедил мастер-капитан сквозь крепко сжатые зубы. — Никогда.

— Дурак! — чуть не выкрикнул мастер врат. — Ты круглый дурак! Кто, если не ты, предупредит об Орде? Сейчас наши братья сражаются в городе, а потом степняки ударят им в спину. Вот чего стоит твое геройство! Так что уходи...

Мирос дернулся, словно от пощечины. «Дурак, действительно — дурак». Об этом можно было и подумать с самого начала. Ну, что с него взять — торговец.

— Ладно, — он тяжело кивнул, признавая правоту Дагона, — ребята, забирайте мастера и уходим.

Воины сложили параллельно две алебарды, перевязали их плащами и с огромной осторожностью уложили на них Дагона Длинноносого. Он смертно побледнел от боли, но и

разу не вскрикнул. Не зря говорят, что дварфы сделаны из камня.

Сформировав отряд, Мирос-Торговец оглянулся на наступающий вал на мгновение, а после, махнув рукой, двинулся обратно в Маран, прочь от разрушенных врат и заваленной телами павших площади. Он обещал себе, что вернется сюда, чтобы всех почтить каменным погребением.

6.

— Близок дух свободы! — протянул Гернор, смотря, как стоки, мутные, переполненные подозрительными сгустками, обрушиваются водопадом вниз и тонут в бурлящей пене морских волн.

Было не слишком высоко: футов тридцать-сорок по достаточном пологому склону, заканчивающимся узким песчаным берегом. Редкие камни были тщательно облизаны волнами, маслянисто блестели. Грязно-желтая, вплоть до насыщенных коричневых оттенков пена оседала на песке ребристыми следами. Вдалеке в сизой морской дымке белели паруса ушедших корбалей.

Но берег был также недоступен, как если бы к нему вес отвесный двухмильный склон, а внизу бы пенистые буруны выгрызали из гранита острые скальные зубья. От спасения Джеремию отдеялала железная, покрытая подозрительными лохмотьями осадка решетка. Черные прутья были толщиной с его запястье. Между ними он еще мог просунуть голову, но чтобы вытянуть ее обратно надо было обрубать уши.

Рисковать ими не хотелось, поэтому Джеремиа, упершись руками в решетку, с горечью смотрел вниз на тугую струю городских отходов, бившую из канализации.

— ... Но дышать им будем не мы и не сейчас, — закончил тираду Гернор и сочувственно похлопал Глазастика по загривку.

Гоблин едва не въехал носом в перекрестье решетки — сочувствие больше походило на подзатыльник.

— Попытка была хорошая, но удача нам изменила. Ты когда в последней раз приносил своей богине жертвы?

Джеремиа отвернулся: он был здравомыслящим гоблином и последнее приношение Джулии видел, когда его мать приводила маленького Глазастика в лесное святилище.

Он прикусил губу, но, чувствуя, что сейчас изжует ее до крови, успокоился.

— Поищем другой выход. Попробуем бежать из города поверху — все равно дварфам сейчас будет не до нас.

— Главное не унывать, правда? — ухмыльнулся Гернор и, развернувшись, пошлепал по склизкой грязи вглубь канализации.

Джеремиа двинулся следом. После морской свежести едкий аммиачный дух вернулся вновь и пришлось привыкать к нему заново.

Они вернулись до перекрестка и двинулись в противоположную сторону от той, откуда пришли. Вскоре туннель стал уверенно забирать вверх, кое-где кирпич сменился скальной породой со следами грубой обработки. Вверху снова появились окошки, забранные узорчатой чугунной решеткой — уличные стоки.

Попадались и люки с металлическими лестницами, ведущими наверх. Но стоило Джеремию подняться, как он останавливался: снаружи доносились встревоженные крики и

тяжелая гномья речь, перемежающаяся словами на всеобщем.

— Не пойдет, — заключал гоблин, спускался и они шли дальше.

Вскоре неразлучная благодаря цепи пара оказалась в глухой части канализации, где не было ни стоков, ни люков. Стены из кирпича окончательно сменились кое-как обтесанными каменными сводами, обросшими толстой шубой светящейся плесени, а от потока остались лишь окаменевшие отложения и тонкий исчезающий ручеек. Стоило признать, понял Джереми, они заблудились окончательно. И, судя по хмурой морде, это дошло и до Гернора.

Но стоило Глазастик у решить, что надо уже вернуться до ближайшего перекрестка и попробовать другой путь, как ему на глаза попала ржавая лестница, основание которой обросло обильной бахромой подозрительного происхождения.

Гоблин, тешась последней надеждой, взобрался наверх и приложил ухо к металлическому блину. Сквозь вентиляционные отверстия проглядывала чистейшая тьма.

Снаружи было тихо. Даже подозрительно. Еще пару минут гоблин прислушивался, но ни звука не доносилось сверху.

Глазастик кивнул Гернору. В груди взволновано затрепыхалось сердце. Он прижался плечами к люку. Напрягся.

На тонких, но сильных руках выступили жилы. Он скрежетнул зубами, но люк не поддался даже на волосок... Джереми устало покачал головой.

— Наверное, замуровано.

— Отвали! — рявкнул Гернор. — Дай, я у попробую. Глядишь, у меня силушки-то и поболеей!

Он взобрался на место Глазастика. Уперся в люк и с отчаянным пыхтеньем надавил.

На миг гоблину показалось, что сейчас у человека вылезут глаза из орбит.

Глаза остались на месте, а люк с немелодичным скрежетом сдвинулся вверх. Еще немного — и Гернор полностью поднял его и откинул в сторону. Чугун глухо звякнул.

— Вот так! — выдохнул ополченец и полез наверх. Вслед за ним отправился и Джереми.

Здесь же было темно так, словно они не поднялись, а спустились в очередные гномьи подземелья. Гернор на ощупь двинулся вперед и тут же остановился, налетев на что-то массивное и выпуклое. Судя по шороху, он ощущал препятствие.

— Какие-то бочки...

Глазастик зашарил руками в обратной стороне и вскоре наткнулся на стену, он пробежался по ней чувствительными пальцами. И через пару футов наткнулись на крюк, вбитый в стену, на котором болталось нечто вроде стеклянного фиала в металлическом корпусе. Он нащупал маленький верньер в основании и провернул его. Сухой щелчок отозвался ему. Еще раз и еще. Наконец, искра попала на горячее масло, и огонь разогнал окружающую тьму. В руках у гоблина была дварфская самозапальная лампа. Он снял ее с крюка и поднял над головой.

— Что за...

Их окружали почти бесконечные ряды бочек, высоких — Гернору под грудь, или почти с рост дварфов. Они уходили в темноту, одинаковые, проконопаченные смолой от влаги и помеченные одной и той же руной. Ополченец опустился на колени и провел рукой по каменному полу, присыпанному какой-то черной пылью.

Понюхал пальцы, даже на вкус попробовал и с отвращением сплюнул.

Гернор выпрямился, на его лице застыло смешанное выражение.

— Дхар! — выдавил он сквозь зубы.

— Что? — Джеремиа с таким же умным видом тоже поелозил пальцами по полу. Пыль оставляла черные разводы на коже и пахла чем-то едким. Алхимическим.

— Это гномий порошок!

— Который взрывается?

— Он самый, — рассеянно кивнул Гернор. — Здесь наверное городской запас.

— Дорогой, наверное?

— Безусловно!

Вдалеке замелькал огонек, слышались голоса и топот.

— Вниз! — вдохнул Гернор и прижал Джеремию к полу, спрятав за бочками. Попытался затушить лампу, но сильный густой бас разнесся по хранилищу гномьего порошка:

— Назовись!

— А может того... — прошептал Глазастик, — назовемся?

— И что ты скажешь? — оскалился ополченец и потянул рычажок заслонки, перекрывая доступ. — Мы военнопленные, сбежали от Орды и прячемся у вас на складе взрывчатого порошка? На каком слове они снимут тебе голову? На «военнопленные» или, если повезет» дотерпят до порошка? Так что заткнись.

Он потушил лампу. А огонек, преследующий их, разделился на несколько отдельных ламп. Зазвучал рокот гномьего языка.

— Уходим обратно, — прошептал Джеремиа, — они наверняка заметили наш свет и ориентируются здесь лучше нас.

— Разумно, — ответил невидимый в темноте Гернор и, судя по шуршанию, начал пробираться к канализации.

7.

Магистрат был окружен беженцами и воинами. Первые все прибывали к нему, а вторые, наоборот, — убывали. И при этом с пугающей быстротой. Гражданских, перепуганных, воинственных в своем отчаянии, возмущенных и чересчур активных было слишком много.

Мирос, окруженный своими бойцами, прошел к входу. И перед ним расступились: голоса затихали, только в глубине всхлипывали дети и перешептывались замужние матроны, степенные торговцы провожали тяжелыми взглядами не его, а носилки Дагона Длинноносого. Стража, стоявшая на воротах во внутренний дворик, расступилась без лишних слов, оттеснив чересчур торопливых.

Внутри царила сдержанная деловитость. Никаких выкриков, шума, отчаянных разговоров и посиделок — каждый занят своим делом. Мирос передал Мастера врат медикусам Магистрата, удостоверился, что им займутся в первую очередь. Хотя в глубине души подозревал — это все для того, чтобы он от них отцепился. Слишком много работы, чтобы препираться с очередным просителем. Да и сам Длинноносый не выглядел уже жильцом.

Мастер-капитан взбежал по мраморной лестнице в Приемный зал. Внутри кафедра и кресло магистрата были сдвинуты в сторону, а всю центральную часть зала занимал огромный

стол, на котором расстелили подробную карту Марана. Возле нее суетились высшие командиры стражи и чиновники Магистрата. Последние явно чувствовали себя не в своей тарелке. Первый топор тут принадлежал капитанам наемничьих отрядов трунов. Сложив руки за спиной, с лишенным какого-либо выражения лицом, за всем эти наблюдал бурмейстер Марана Дарзар Всерукий.

— Бурмейстер! — Мирос отсалютовал ему поднятой рукой. — Мы нашли Мастера врат и...

— Он жив? — резко бросил правитель, обернувшись к стражнику.

Дарзар был не слишком высок — даже по меркам dwarфов, но долгие годы спокойной жизни сделали его не то, чтобы толстым, но каким-то расплывчатым, лишенным острых углов. Говорят, dwarфы напоминают гранитные валуны, так вот Дарзар Всерукий был похож на неумело слепленный комок мокрой глины.

— Да, бурмейстер! Но при смерти.

— Повезло, — буркнул Всерукий, презрительно кривя губы. — Иначе ему бы пришлось иметь дело со мной!

— Не думаю, что это именно его вина. Никто не знает всех обстоятельств...

— Вам и не надо думать! — выкрикнул бурмейстер. Мирос почувствовал капли слюны на своих щеках. — Вам надо выполнять приказы! Какого дхара вы поперлись ко вратам? Не надо ничего говорить, давайте я догадаюсь. Спасать выживших? И что, много нашли выживших? Кроме этого идиота, Мастера врат?

Мастер-капитан промолчал, сверля взглядом макушку Дарзара. Тот и не ждал ответов. Не успев еще и отдышаться, он продолжил:

— Ответ, как по мне, очевиден! Как он сумел проглядеть, что в бочках спрятан порох?! Да этих грязнорылых выскочек не то что в город, да на милю подпускать нельзя было.

Мирос уже почти не слышал бурмейстера и не стал напоминать, что решение о принятии мзды от степняков принималось на самом высоком уровне. Он лишь чувствовал, как у него начинает гореть лицо и всплывать на поверхность ненависть к расплывшейся физиономии, разевающей пасть перед ним. Рука непроизвольно сжалась кулак и почти поднялась.

Что-то тяжелое легло на плечо. Мастер-капитан вздрогнул и обернулся: за ним стоял гильд-полковник Драбек Крепкозубый, командир наемников-трунов.

— Он, кажется, хочет что-то сказать. — Он ободряюще похлопал Мироса по плечу. — Дадим высказаться.

Дарзар хотел сказать что-то еще, но передумал: улыбочка у гильд-полковника была слишком многообещающей. Бурмейстер махнул нетерпеливо.

— Ну, что еще?

Мирос резко выдохнул и ответил:

— К вратам подходит остальная Орда. Я видел...

— Это стоило ожидать, — кивнул Драбек. Он огладил свою бороду, выкрашенную красной охрой в яркий алхимический цвет. — Спасибо, мастер-капитан, но мы это знаем.

— Знаете?! — Лицо бурмейстера во время этого разговора приобрело почти смертельную бледность. На ее фоне даже русая борода казалась почти черной. — Дхар вас всех раздери! Надо собрать все войска и бросить на врата. Нас же раздавят!..

— Кого мы бросим? — устало произнес гильд-полковник. Судя по тону, Всерукий успел его основательно достать. — Нам бы справиться и с теми, кто уже сейчас в городе. Вы в

курсе, многоуважаемый бурмейстер, что мы почти потеряли Торговый тракт в восточной части города степняки оттеснили моих ребят в глубину улиц. В курсе, что у них пушки?! Подумать только, откуда у них взялся порох...

Теперь Дарзар начал стремительно пунцовать.

— Вы на что намекаете, гильд-полковник? Что это я его продал степнякам?

— А откуда у них порошок? — с ехидной ухмылкой переспросил Драбек. — Сами намешали?

— Да я... да ты... Дхаров выродок... На груди прикормил... — От возмущения бурмейстер начал задыхаться.

И в этот момент Мирос-Торговец почувствовал настоящую безнадегу. Словно кто-то открыл маленький кран в его душе и слил оттуда все, что еще заставляло дварфа держаться: уверенность в победе, гордость за свой народ, святую месть и надежду.

Пустота пугала, но не больше, чем то, что творилось здесь, в сердце Марана. Город медленно склонялся перед врагом, а в Магистрате спорили о справедливости взаимных претензий.

— Пора расчехлять мощну, — до сознания донеслись слова Драбека.

Дарзар пыхтел, скрежетал зубами, но молчал.

— Сами мы не справимся. Надо призывать станов — нам нужна их ярость. А по подземному эху обратимся к Гильдии Стального Пика — думаю, гильд-полковники Стирмац и Гарандар свободны. Думаю, полутора суток им хватит, чтобы по туннелям добраться до Марана. А это еще четыре тысячи бойцов. Станы, само собой, успеют раньше, но я даже не представляю, сколько выставит Верховный Жрец. Все зависит от цены — Его Святейшеству не слишком по духу утский образ жизни.

«Мы. Должны. Платить?! Чтобы дварфы вышли против общего врага?!» — почти вырвалось из-за крепко сжатых зубов, но Мирос стерпел: теперь он видел, что спорить тут с кем-нибудь совершенно бесполезно. Тут просто никто не представляет всей серьезности ситуации. Ну, кроме Драбека, пожалуй. А вот этому все равно: он — наемник и сражается до тех пор, пока ему платят. Если станет ясно, что сражаться бесполезно, он уйдет по туннелям в сторону Стангарона и хорошо, если не подорвет за собой проходы.

— Хорошо! — Бурмейстер резко взмахнул рукой. — Тогда нам надо оттянуть силы назад — куда стоит Магистрат, стоит и Маран...

— И открыты проходы в туннели, — закончил Драбек. — Тогда можно будет ударить из пушек по кварталам, занятым Ордой. У меня есть десять. А у вас?

Правитель Марана успокоился также быстро, как и вспылil, и вновь стал действовать сдержанно и разумно. Он обернулся к толстому уту в ярко-красном камзоле, едва сходявшемуся на животе, и с густо напояженной бородой, тщательно уложенной в замысловатой форме.

— Фархам, сколько у нас пушек?

— Сорок, — быстро ответил он. Голос его звучал, словно из бочки.

— Э-э... как? — Бурмейстер застыл на месте с разинутым ртом. — Я же в этом году подписал расходы на сто пушек! Где они?!

— Ну, дык заказали, — степенно ответил Фархам, не меняясь в лице, — но бронзовое литье было с браком — отправили назад на переплавку.

— Что? А почему не из чугуна?

— Дорог нынче чугун, — сокрушенно покивал Мастер Огневого Ремесла. — за два

таланта чугуна в Стальном Пике дерут, как в Тунгароне за четвертак бронзы.

— Эк... — кажется, у бурмейстера снова стала отказывать способность разговаривать. — Мы заказали бронзовые пушки у людей?

— Да.

— И они вышли с браком?

— Да.

Драбек ухмылялся, с высоты своего опыта уставившись на перепалку. А Мирос уже почти чувствовал, как уходит из под ног земля.

— Мастер Огневого Ремесла, — отдышавшись, Дарзар вспомнил, как складывать нечленораздельные звуки из своего рта в слова, которые не предвещали ничего хорошего, — как вы думаете, что мне с вами сделать? Колесовать или отправить на фронт, дабы кровью искупить вину?

Фархам застыл с разинутым ртом, глаза его выпучились, а пузо под дорогой тканью камзола мелко задрожало.

— Но... но, бурмейстер, никто ж не...

— Заткнись, — махнул ему правитель. — Не говори больше ничего. Дхар! — Он грохнул кулаком по столу. Серебристые фигурки, поставленные на карту и изображавшие dwarфские отряды, повалились и смешались. Это было... символично. — Мне нужен новый Мастер! Вы...

Мирос вздрогнул, когда понял, что бурмейстер обращается к нему.

— Как там вас... Мирос-Торговец, да? Поздравляю, вы повышены, Мастер Огневого Ремесла. А теперь идите и займитесь делом: в течение часа вы должны выставить пушки на крыши. И возьмите с собой этого полудурка: он, конечно, с мозгами не слишком дружит, но лет десять, как управляет всеми запасами пороха и пушек Марана. Хотя бы в курс дела введет.

Новый Мастер Огневого Ремесла почти радостно отсалютовал бурмейстеру. Радостно оттого, что, наконец, сможет покинуть это змеиное кубло. Почти — потому что на него ложится вся ответственность за прикрытие отхода маранских войск.

Он подхватил побледневшего Фармаха и потащил к выходу, но на пути его остановил Драбек.

— Прошу, — проникновенно прошептал он, глядя в глаза, — не начинай стрелять, пока я не передам, что все мои ребята вышли из-под огня.

Мирос кивнул и вышел наружу. Дышать стало даже легче, и он не сразу услышал, что Фармах что-то бормочет.

— Я ж хотел как лучше. Мирос, да? Из Торгового дома Мирос? Знаю-знаю. Вы ж должны понимать, что Мастер Огневого Ремесла — это синекура. По крайней мере, была. Никто никогда не следил ни за пушками, ни за порошком...

Склады с порохом находились прямо под Магистратом, в старых катакомбах, вырубленных прямо в скале. За ними начинались туннели под Королевским хребтом.

Стратегический продукт — строгая отчетность, охраняется тщательней магистратской казны. Главное, чтобы все это не оказалось просто словами после того, что довелось увидеть и услышать в штабе. Рыба гниет с головы — кажется, так говорят люди? Что ж, стоило подготовиться к тому, что могло встретиться внизу, в складах.

Мирос прихватил с собой еще парочку бойцов со своего отряда, а остальным приказал расквартироваться во внутреннем дворе Магистрата. Став начальником пороховых

складов, он лишился своего прежнего звания мастер-капитана. Несмотря на свою явную военную направленность, Мастер Огневого Ремесла считался гражданской должностью.

— Ты же торговец, Мирос! — внезапно сказал Фармах. — Неужели думаешь, что дварфские правители чем-то лучше людских? Ха! Все они из одного камня тесаны. Власть портит, и тут уже совершенно не важно кого: человека, дварфа или какого-нибудь эльфа.

Неожиданные слова подействовали отрезвляюще, заставив отвлечься от мрачных мыслей. Теперь они сменились раздражением.

— Думаешь, ты лучше, Фармах?

Толстяк улыбнулся, широкое щекастое лицо, казалось, стало еще объемнее, маленькие глазки почти скрылись в складках обильной плоти.

— Я такой же, как и все. Ничего более — обыкновенный толстый гном, который хочет стать чуточку богаче. Хотя, знаешь, я ведь говорил бурмейстеру про дорогой чугун и тот полгода назад был совсем не против бронзовых пушек. Да и бедняга Дагон не сам впустил степняков... А, вот мы и пришли!

Вход на пороховой склад находился во внутреннем дворике Магистрата — массивные двустворчатые двери, обитые листовым железом. По бокам от них стояли на вытяжку два ута в кафтанах из плотного черного сукна со знаками бурмейстерской охраны и с нашитыми стальными пластинами, вооруженные короткими алебардами.

Фармах махнул им, ничего не говоря. Уже у двери он извлек из кармана своего алого камзола связку ключей и одним из них отпер замок с узорчатой крышкой — «бородатые» руны лучами расходились от нее, покрывая всю дверь.

Толстяка здесь знали и пропустили без вопросов. При приближении Мироса стражники ощутимо напряглись.

Бывший Магистр Огневого Ремесла лишь махнул им рукой.

— Он со мной.

Уже внутри, в спиральном коридоре, полого уходившем вниз, он пояснил:

— Побуду пока за главного, до тех пор, когда бурмейстер выдаст новый патент на твое имя. А так формально, конечно же, я все еще Мастер.

Мирос не стал возражать. Коридор вел к очередной двери, рядом с которой на деревянной полке нашлось с десяток самовозгорающихся ламп в безопасных стеклянных плафонах. Фармах щелкнул ручкой розжига и передал зажженную лампу своему сменщику. Потом разжег и вторую. Себе. Двоим стражникам он позволил самим озаботиться освещением.

— Ну-с, добро пожаловать на стратегический склад, новый Мастер Огневого Ремесла, — торжественно произнес толстяк и отпер вторую дверь.

Внутри царил ослепляющая тьма. Мирос попытался проморгаться, но даже для зрения дварфа тут было слишком темно. Лампа оказалась как раз кстати.

Они спустились по деревянной лестнице, отходившей от грузовой платформы с механическим краном.

Свет вырвал из темноты фрагмент стены из огромных пузатых бочек, черных от смолы. На каждой на боку была выжжена руна дикого огня. Мирос опустил лампу, и на миг ему показалось, что в глазах мелькают световые мухи, но нет: в глубине хранилища действительно виднелся огонек.

— Я тоже это видел! — Рядом оказался Фармах. Лицо его в свете лампы казалось смертельно-бледным, а глаза — черными щелками. — А они нас?

— Не знаю, — прошипел Мирос. — Сейчас узнаем.

Он выпрямился и гаркнул во всю мощь своей командирской глотки.

— Назовись!

У гномов она особенно сильна, поэтому звук вышел что надо: можно было гарантировать, что его слышали в самом дальнем уголке хранилища.

И огонек погас.

— Не наши, — хмыкнул Торговец. И махнул своим: — Гаси.

Повернулся к Фармаху:

— Хорошо знаешь хранилище?

— Как свои пять пальцев. — Толстяк кивнул.

— Ну, тогда веди.

8.

Они вынырнули из темноты, словно вестники Бездны. Или нет — ангелы Небесных Садов. Вспыхнувшие со всех сторон лампы ослепили. Ненадолго, но достаточно, чтобы Джеремя успел потерять ориентацию. Он выпрямился, зашарил перед собой руками. Задел локтем кого-то — судя по голосу, Гернора. Ополченец выругался.

— А ну стоять! — рывкнул он.

Глазастик проморгался и удивленно уставился на него. Вскоре удивление сменилось ужасом.

Гернор походил на древнего героя из легенд. Могучий, с воздетыми к небу руками, на шее проступили жилы, а в ладонях он сжимал свет животворящий. Хотя нет — это была всего лишь лампа.

— Стоять! — рывкнул он. — Сучьи потроха, еще шаг, и я разобью эту лампу.

— Не дури! — бочком двигался к нему дварф с русой бородой. За его спиной стоял еще один: толстый и красный. Во всех смыслах — широкая рожа горела огнем, не уступая цветом камзолу. — Ты же погибнешь — знаешь, сколько здесь порошка...

— А мне насрать! — выкрикнул Гернор. — Стойте на месте.

— Ладно-ладно, стою! — Дварф вытянул перед собой руки. — Чего ты хочешь?

— Поговорить, — процедил человек. — Просто поговорить.

Дварфы переглянулись.

— Хорошо, говори. Кто вы такие вообще и как здесь оказались?

— Мы из Орды. Военнопленные...

— Ага, — медленно кивнул гном. Лицо его изменилось: брови сошлись к переносице, морщины стали глубже.

— Мы прошли через канализацию.

— Ага. — Он обернулся к красному гному. — Через канализацию?

Тот лишь развел руками. Дварф вновь уставился на Гернора.

— И много вас таких... умных?

— Пока что парочка.

— Парочка, ага. Значит, сюда напрямик из города есть ход?

— Да, — Гернор кивнул.

— Отлично, и что же вы хотите?

Событий, случившихся потом, оказалось очень много, но все они произошли за очень короткий промежуток времени. Наверное, не больше тридцати ударов сердца, но их хватило, чтобы переговоры превратились в катастрофу.

Джеремя во время разговора все время отступал назад. И не остановился, когда пятки зависли над пустотой. Он дернулся, оглянулся, но было поздно: ступни соскользнули с края отверстия. Гоблин вытянул руки вперед, грохнулся грудью о металлическое ребро — дыхание перехватило. Следующим получил удар острый подбородок: крик словно обрубил, и рот мгновенно наполнился крошечками из треснувших зубов и кровью. Инстинктивно Глазастик вскинул руки к лицу и скользнул в колодец.

Но цепь-то никуда не делась. Еще в падении гоблина развернуло, цепь рванула было за лодыжку, но потом внезапно ослабла. О том, что происходило наверху, оставалось только догадываться.

9.

Мирос только закрывал рот после своих слов, как гоблин вдруг исчез, а человек упал, словно его ударили под колени. Лампа вылетела из рук.

Время размазалось, словно масло по хлебу. Дварфы застыли соляными столбами, и Миросу оставалось лишь бессильно смотреть, как плафон касается каменного пола и разлетается на мелкие осколки.

Масло плеснуло во все стороны и тут же вспыхнуло. Затрещала горячая пыль, взвешенная в воздухе. Оставалось лишь одно: бежать.

Новоявленный Мастер Огневого Ремесла развернулся и устремился к выходу. Но он был уже последним: впереди летели стражниками, а за ними, не отставая, гнал Фармах.

Не останавливаясь, они взлетели по лестнице. Потолкавшись, протиснулись в коридор и всей гурьбой бросились наверх.

Рокочущий гул нагнал их на середине пути. Потом под ногами вздрогнула земля. Еще раз и еще.

Пол бросился в пляс. Мирос, споткнувшись, упал, перевернулся на спину и увидел, как расходятся плиты потолка. Земля не переставала трястись. По коридору снизу рванулись клубы черно-серого дыма, пронизанного огненными черточками искр.

Раскаленный воздух втек в легкие, заставил закашляться, выворачивая наизнанку. Мирос перевернулся — дым ел глаза — и, ничего не видя, пополз наверх.

А затем потолок развалился на части и обрушился вниз. Последнее, что почувствовал Мирос-Торговец перед тем, как каменные блоки весом под сотню талантов раскрошили ему позвоночник и расплющили грудную клетку, было разочарование. Смерти он не боялся. Боялся умирать просто так, не успев толком ничего сделать для спасения любимого города и любимого народа.

10.

Очнулся Джеремя лицом в вонючей жиже, обильно текущей вокруг него. Вынырнув, он часто задышал. Жидкость попала в рот, заставив закашляться.

Гоблин перевернулся и попытался сесть. Показалось, что голова распадается на части. Безвозвратно. Он глухо застонал, сжал руками виски. Отступило.

Наконец, и перед глазами перестали плясать цветные огоньки, и зрение хоть немного, но прояснилось. Вокруг царил хаос. Потолок обрушился, завалив битым камнем и массивными плитами перекрытия канализационный туннель — кое-где виднелись огромные прорехи, сквозь которые проступало дымное серое небо. По камням бодро журчал ручеек.

В ушах звенело, но, судя по звуку капли, хоть слышать Джеремию не перестал.

— Эй, зеленый, живой, что ли? — хриплый голос втек в зудящее ухо откуда-то слева. Глазастик обернулся.

Гернору досталось больше, чем ему. Кусок перекрытия обрушился прямо на него, расплющив и сдавив правую половину его тела. Ребра пробили грудную клетку и торчали белыми высохшими ветками из груди. Удивительное дело, но разбойник был все еще жив и даже не забывал улыбаться, растягивая губы в корке запекшейся крови. Он закашлялся — кровь плеснула ему на подбородок, потекла черными полосами вниз, на шею.

— А я вот — не слишком. — Он заскреб ногой, скованной цепью. Целехонькой. — Но, видимо, еще терпимо. Только вот ничего не чувствую ниже шеи. Скажи, гобла, я там целый?

Джереми с трудом оторвал взгляд от изуродованной груди. Ему даже говорить ничего не пришлось.

— Видать, не слишком, да?

— Я бы сказал, — протянул гоблин, — сильно не целый. Тебе расплющило грудь, видимо, пробил легкие и, наверное, сломало хребет.

— О как! — выдохнул на пределе Гернор. — Но если я до сих пор жив, может — оклемаюсь.

— Вряд ли, — покачал головой Глазастик. Встал, пошатываясь.

Сам он, судя по общему состоянию, даже ничего не сломал — так, отделался синяками и контузией — голова продолжала болеть не переставая, а каждое движение отзывалось глухим набатом. Глаза также с трудом фокусировались хоть на чем-то.

— Эй-эй, — человек заговорил часто, проглатывая окончания, — ты же не уходить собрался. Не бросай — вытащи. Мы же столько вместе прошли!

Джереми склонился над ним — их все еще сковывала цепь. Он положил руку на Гернорово колено, прижимая дергающуюся ногу к земле. Зашарил второй рукой по камням, и острый осколок услужливо ткнулся в ладонь.

— Ты не жалец, Гернор, — покачал головой Джереми. — Да и как человек ты — дерьмо.

— Сука! Не делай этого! — Разбойник не мог поднять голову, но наверняка догадывался, что задумал гоблин. — Найду — прибью.

С мягким хрустом камень вошел в плоть — нога дернулся. Гоблин поднял осколок и ударил еще раз, разрубая острой кромкой кожу и мясо. Оголилась кость.

Когда он закончил, человек уже не кричал, а тихо плакал: слезы мешались с кровью. Гоблин вытащил отрубленную ступню из кандалов, швырнул на землю. Заправил цепь за пояс, чтобы не сильно мешала.

Развернулся и двинулся было прочь, но что-то заставило его остановиться. Неприятно заныло в груди. Он развернулся, опять склонился. В руках он все еще сжимал камень, залитый кровью с прилипшими к иззубренным граням костяными осколками.

Гернор широко раскрыл глаза, уставившись на Глазастика. Губы его беззвучно

шевелились — вряд ли он что-то чувствовал, скорее его боли были душевными.

— Хоть ты и сволочь, но заслужил быстрой смерти. — Человек открыл рот широко-широко, словно намереваясь крикнуть, но уже в следующую секунду его череп треснул, и мозговая жидкость, крепко замешанная на крови, потекла по белесой пыли, камням, расплываясь черным, как и вся Гернорова жизнь, пятном.

11.

Два десятка желтой гром-сотни выехали к краю огромной расщелины, пересекавшей город, как рваная рана. Впереди ехал га'хан. Великолепные доспехи потускнели, но ни одной царапины не виднелось под слоем пыли. Казалось бы, стоит лишь протереть тряпицей и вновь засверкает чистая сталь.

Повелитель медленно повернул голову, хрустнули сочленения лат. Огромные камни фундаментов встали на дыбы огромными зубами. Дома стояли разрушенные. А дальше висела густое облако пыли, сквозь которую проглядывал склон Королевского хребта. Вдоль края трещины медленно брела одинокая нескладная фигурка. Взгляд га'хана остановился на ней. Он взмахнул рукой, и десяток из его личной стражи немедленно двинулся вперед. Затрепетали вымпелы на поднятых копьях.

Вытянувшись в сторону полумесяцем, конники за пару десятков ударов сердца окружили гоблина. Опустились копья, запирая его в круг остро заточенной стали. Ушастый замер, втянув голову в плечи. Длинные вислые уши медленно дрожали.

Он поднял руки. Медленно, внимательно глядя на гоблина, подъехал га'хан. Он взмахнул рукой, словно отгоняя муху, и громовики, повинаясь безмолвному приказу, взяли копья наизготовку.

— Я помню тебя, — с преувеличенной четкостью произнес повелитель степняков. Он говорил на всеобщем почти идеально, но странный акцент заставлял его выделять тоном непривычные для эратийского уха звуки.

Джеремя пожал плечами.

— Возможно. Я бываю чересчур запоминающимся. — По крайней мере, в армии степняков. Видать, для них зеленокожий карлик с длинными ушами был диковинкой, неизменно привлекающей внимание. В Эратии гоблины были повсюду и ни у кого не вызывали интереса. Только раздражение.

Га'хан поднял руку к металлической маске, закрывавшей лицо. Раздался тихий щелчок — и лицо из полированной стали осталось в ладони. Он опустил ее, закрепил маску в специальном зажиме на поясе.

Физиономия у степняка было, как говорится, вдохновляющей. Глазастик в очередной раз поразился власти и силе, отпечатавшихся в чеканных чертах. Гордый профиль как никакой другой подходил к образу царя царей. Ему хотелось подчиняться, позволить вести себя в светлое будущее, несмотря на цену. Гоблин почувствовал острое желание бухнуться на колени — такому человеку не грех подчиниться. Он просто был выше остальных. Во всех смыслах.

Джеремя мотнул головой, отгоняя непрощенные мысли, но глаза опустил — смотреть прямо в глаза га'хана было почти физически невозможно.

— Что здесь случилось? — Степняк обвел рукой открывавшееся перед ним

пространство, заваленное битым камнем, рассыпями кирпичей и вставшими на дыбы плитами фундаментов. — Какой злой дух озорничал?

Холодная улыбка коснулась его красивых губ.

Джеремя вновь заставил себя отвлечься от этого лица, обладавшего неестественным магнетизмом. Он оглянулся, поскреб отросшими ногтями обширную плешь и, наконец, решился.

— Дух? Всего лишь маленький гоблин... И человек. Правда, второму эти игры вышли боком. — Он поправил цепь, под весом которой обвис старый облупившийся пояс, и кивнул в сторону расщелины. — Пал смертью храбрых.

Гоблин чувствовал, что убивать прямо сейчас за дезертирство его не собираются и немного осмелел.

— Ты великий колдун?! — удивленно изогнул бровь га'хан. — Тогда тебя стоило познакомить с Лаэном — он бы мог многому у тебя научиться.

Глазастик не знал, кто такой этот Лаэн, и решил за лучшее промолчать.

— Так или иначе, ты достоин не только жизни и свободы, но и награды. Места в шатре царя царей.

— Мне бы хватило и первых двух.

Га'хан улыбнулся.

— В тебе есть жила, получеловек. — Властным движением он развернул коня. Оглянулся назад: — Мне нравится. Видимо, ты все это время лишь ждал этого момента?

Джеремя почувствовал подвох, но кивнул.

— Хорошо, тогда жду тебя в моем шатре. И, если не против, мои люди избавят тебя от цепи. Или она дорога тебя, как память?

12.

Расковали гоблина уже в лагере, вольготно раскинувшегося в тени разрушенных стен Марана. Там, в городе уже слышались удары молотков — степняки деловито уничтожали то, что еще не успели. Теперь в загонах пленных сидели рядом гномы. В большинстве своем — уты, но попадались и труны.

Джеремя отвернулся — скорее всего, он уже туда не вернется. Пугало другое: что ожидало впереди. Слишком все легко прошло с га'ханом. Слишком уж тот оказался легковерным. Но к встрече с ним гоблина подготовили основательно: приодели в узорчатый кафтан с широким поясом из толстой кожи, настоящие кавалерийские сапоги с мягкими подошвами. И даже подогнали все по фигуре — для этого ему выделили одного из тех смешных человечков в шелковых халатах. Он постоянно улыбался и оглаживал тонкие нити длинных усов, свисавших по обе стороны от тонкогубого рта. Правда, в раскосых глазах теплоты и радости от общения с «получеловеком» не было ни на грамм. Но гоблину было почти все равно.

Еще ему позволили обмыться. В представлении степняков это обливание ледяной водой, набранной из ближайшей речки и яростное обтирание пучком сухой травы. Но после этих процедур чувствовал себя Джеремя уже совсем неплохо, если не брать в учет многочисленные синяки, все еще нывшее при каждом движении. Немного гудело в голове, да и слух порой прорезал тонкий неприятный свист.

Посыльный громовик из желтой сотни принес перевязь с чагашем. Джеремя сначала удивился, а потом расслабился: он уже почти степняк. Оружие было явно новым — металл клинка сверкал, и в нем можно было увидеть свое отражение. Ножны — простые, но добротные, украшенные сверху странным узором из разноцветного бисера. Примерив оружие — кончик чагаша почти касался земли — он двинулся вслед за громовиком, который должен был сопровождать его в ставку га'хана.

Воин остановился перед входом и отодвинул в сторону заведывающие вход шкуры. Они были мокрые и пахли псиной. Джеремя вздохнул и не стал ждать, когда его будут подгонять. В груди поселился холодный комок, от которого порой сдавливало горло — слишком все было странно. Словно смотришь дурно поставленную пьесу, да вот никак не можешь определить, что с ней не так.

Внутри было душно и густой аромат благовоний настойчиво лез в нос. Дышать стало труднее. В темноте, едва освещенной открытым очагом, от которого особенно сильно тянуло сладким дымом, виднелся большой трон, заваленный шкурами. А на нем восседал га'хан. И все еще оставался в доспехах. Джеремя шагнул ближе и встал на колени, поклонился — ему казалось, что теперь это будет не лишним.

— Посмотри на меня.

Гоблин выпрямился, сел на пятки. Теперь царь царей был совсем близок, но полутьма и дымный воздух скрадывали черты, на гранях чешуек причудливых лат то и дело вспыхивали алые отсветы. По обоим бокам от трона застыли желтые громовики. Чужеземец в шелковом халате неспешно ворочал обгоревшие чурбаки в костре. Что-то большое и массивное, вроде сундука стояло за тронном.

— Расскажи, как все было, — приказал га'хан.

Джеремя облизнул пересохшие губы и поведал то, как они с Гернором уничтожили склад с огненным порошком. Правда, история подверглась существенной корректировке. Теперь они отправились в канализацию не сами по себе, а по приказу одного из степняков, да и поджег черную пыль не человек, а лично гоблин. В точности по хитрому плану.

— Ты — герой. Настоящий степняк, — сказал царь царей и улыбнулся. — И, возможно, ты достоин особенного задания.

«И какого же?» — чуть не ляпнул Глазастик, но вовремя сумел захлопнуть рот. Он молча поклонился и застыл в ожидании.

— Скажи, что ты знаешь о своих повелителях?

— Э-э...

— Правителях этой страны. Эратии, да? — Он посмотрел на человека в шелковом халате. Тот кивнул. — Эратии.

Ему совсем не получалось выглядеть идиотом. Скорее, он походил на плохого актера. Смутное беспокойство волнами разлилось от холодка сгустка в груди. Джеремя сглотнул горечь во рту. Попытался облизнуться, но опять сдержал себя. Ему почему-то до боли захотелось выбежать из шатра, из лагеря и броситься прочь. Юркому гоблину это, может быть, и получилось бы.

Нет. У входа в шатер стоял, сложив руки на поясе, громовик, приведший его. На непроницаемом лице плясали черные тени.

— Правителях? — нервно проговорил гоблин. Опять сглотнул — острый кадык заходил вниз-вверх. — О короле. Ну, Эратией правит король Демерий. Тринадцатый или Четырнадцатый.

— Он хороший воин?

Джеремия пожал плечами.

— Не знаю. Я его ни разу не видел.

— А эти воины, в сверкающих доспехах и белых плащах... Он и ими правит?

— Нет, — гоблин мотнул головой, — ну, то есть, да, хотя не совсем. Они паладины и служат Ордену Света.

Видимо, га'хан заинтересовался. Он опустил локоть на подлокотник, коснулся пальцами точеного подбородка.

— Что за Орден? И почему он посвящен Свету?

— Ну, они борются с Тьмой и порождениями Бездны.

— Зачем бороться с Тьмой? — удивился степняк. — Свет и Тьма суть две стороны одной силы. Так гласит Священная Ясса Племен.

Джеремия поклонился.

— Как пожелает Повелитель!

Царь царей отмахнулся от его слова.

— Ладно, оставим этот вопрос шаманам. Скажи, кто правит Орденом?

— Магистр. И имени его никто не ведает.

— А он великий воин?

Глазастик задумался. Сказать правду? А почему бы и нет. Слишком все спокойно было — пора разболтать это болото.

— Несомненно. Он лично снес голову самому Горгонадцу, страшнейшему из слуг Бездны.

— Видимо, это кто-то очень страшный... — протянул га'хан. Опять внимательно посмотрел на гоблина. — Тогда скажи, почему он все время отступает?

— Мне не ведомо, — вновь поклонился Глазастик.

— Уж не стал ли он трусом? Или я страшнее самого... э-э... Горгонадца? Да? — Он снова посмотрел в сторону Шелкового Халата.

Тот медленно кивнул, едва удостоив правителя Орды взглядом. И совсем того не боялся.

Джеремия промолчал. Пока не время говорить колкости. Стоит подождать, что ждет его будущее. Га'хан говорил почти по-свойски, и гоблин расслабился — холодный комок начал рассасываться. Неужели действительно удалось обмануть этого человека?!

— Нет, не думаю, — хмыкнул степняк. — Здесь другое. Магистр хитер — он заманивает меня себе домой, заставляя расплыть свое войско, ведь чем больше земли под властью Орды, тем меньше мои воины хотят воевать дальше. А кто-то желает уже и вовсе остановиться. Только самые верные остаются со мной. И самые умные. — Вновь короткий взгляд на Шелковый Халат.

— Пусть так, — он откинулся на спинку трона — мелодично прошелестели чешуйки, — я дам ему бой, но на своих условиях. Ты готов и дальше служить мне, получеловек? Наградой теперь будет не просто жизнь и свобода, но и статус — ты станешь первым нелюдем, который станет служить в мое личной гром-сотне. Многие из моих воинов мечтают об этом — ты же исполнишь мечту.

Казалось, стоило бы почувствовать торжественность ситуации, но единственное, что ощущал Джеремия — это собственная неуместность. Возможно, Гернор лучше подходил к речи, произнесенной га'ханом.

Глазастик помедлил, переваривая вопрос. Служить? Стать степняком и даже

громовиком — это был большой соблазн. Вряд ли он снова мог бы подняться в Эратии — слишком большой груз грехов тянулся за ним. Убийца, дезертир — о, в лучшем случае, он мог вернуться в леса, доживать свой век. В худшем посетить виселицу. Он стал изгоем, как и тот почти забытый цверг, с которого все и началось. Среди степняков он был новичком, но новичком, за который стоял целый подвиг! Добротный задел на будущее. Пусть ему не удалось добиться успеха в королевстве, то в Орде он мог бы стать тем, кем мечтал. Поэтому он кивнул.

— Да, мой повелитель, готов! — И уже в голове возник образ: нос, гордо воздетый вверх и тело, закованное в чешуйчатый доспех под желтым знаменем Орды.

— Хорошо, — произнес га'хан ровным тоном. — Тогда убей для меня Магистра.

Мечта треснула и разлетелась осколками. Реальный мир резво напомнил о себе, и это походило на удар под дых.

— Что?! — голос предательски пискнул. — Я?! Но...

— Ты знаешь царство, можешь скрыться среди его жителей и ты верен мне. Что еще нужно? От того, кто разрушил силу города карликов, я могу ожидать новых подвигов. Героям не предстало почивать на лаврах — это портит их.

— Ага... — протянул гоблин.

«Героев портят чужие мечи и стрелы, а не лавры!» — подумал он. — «А то так и некогда будет и насладиться своими геройствами. Ничего для себя — все людям». Он сдавленно усмехнулся. Нет, ему здесь явно не место. Сегодня — Маран. Завтра — убей Магистра. А после завтра? Свергнуть Хозяйку Тьмы? Нет, доля героя не для него.

Он было попытался рассказать о своих возражениях, но тут же осекся. Он понял: так просто его не отпустят. Не отправится он, пошлют кого другого. Более стоворчивого. А его — в утиль. Чтоб, значит, не болтал лишнего. Никто ему не скажет «иди с миром» и не выпроводит с гостинцами из лагеря. Он останется здесь. Навсегда.

Только вот есть один шанс.

Джеремя вздохнул и ответил:

— Я согласен, мой повелитель!

Главное, выбраться из лагеря, оказаться в Эратии, а там — поминай как звали. Одинокого гоблина трудно найти. Пусть это и не то, о чем он мечтал, однако, это жизнь, и в ней всегда существует возможность. Смерть же выбора не оставляет.

Царь царей рассмеялся. Смех его напоминал звон обнаженного клинка. Он махнул своим громовикам и что-то сказал на царском наречии. Те мгновенно очнулись от своего ступора, подскочили к гоблину и, легко оторвав от земли, скрутили руки за спиной и заставили задрать голову.

Степняк неспешно подошел к нему, погладил холодными металлическими пальцами по щеке.

— Ты трус и предатель. Я слышал о твоём виде, воровском народе. Рассказы о подобных тебе доходят даже до Великой Степи. И ты решился обмануть меня, царя царей. Я все знаю о том, что произошло в селении карликов. О том, как ты со своим другом-человеком, бежали, как спрятались от боя. Не знаю, каким образом ты взорвал город, но, думаю, геройством тут и не пахнет. И, как достойное окончание, ты сам забил своего друга камнем, когда тот начал стеснять тебя. Достойные поступки, что и говорить. Но ты мог сказать «нет», и тогда бы я тебя отпустил. Слова га'хана тверже камня. Но ты даже в этом усомнился...

Он присел перед ним, коснулся шеи гоблина. Сильные пальцы сжались стальным

обручем — мигом стало тяжело дышать. Джеремиа захрипел.

— Я мог бы приказать сломать тебе хребет прямо сейчас, мог бы сам тебя задушить... — Пальцы сомкнулись сильнее. — Но не буду.

Он ослабил хватку, убрал руку.

— Теперь я знаю достойную кандидатуру для своей задумки. Лаен, — он кивнул Шелковому Халату, — начинай.

Лаен поднялся с колен, с достоинством поклонился. На тонких губах играла самодовольная ухмылка. Он обошел трон, открыл сундук и извлек из нее небольшую черную шкатулку из полированного дерева.

Джеремиа скосил глаза и буквально вцепился взглядом за шкатулку. Чем ближе ее подносили, тем сильнее он сопротивлялся, но все было бесполезно: равнодушно и спокойно, но громовики держали крепко. И все его попытки лишь были вялыми подергиваниями, больше похожими на судороги.

Чужеземец остановился. Провел пальцами по гладкой, стеклянисто блестящей крышке. Но вместо него заговорил га'хан.

— Далеко отсюда в глубине степи есть земля Шаргат'адах, что значит Место Призрачной Травы. И действительно там все покрывает странная трава — прозрачная, словно стеклянная, а ее листья острые, будто ножи. Мы давили ее огромными катками, дабы она не коснулась ног наших лошадей. Но не в ней дело. В Шаргат'адахе жил странный народ хладнокровных ящеров и их рабов — людей, похищенных тварями, моих бывших собратьев и сестер. Когда Орда, послушная моему гневу, пришла на землю призрачной травы, они не стали сражаться. Они пришли все, покрытые крепкой чешуей, и поклонились мне. Они не ведали металлов, не ведали лошадей, единственное, что у них было, это рабы, поразительно преданные своим хозяевам. За все историю ни один не сбежал из Шаргат'адаха. Так вот эти существа, народ призрачной травы, подарил нам рабов, ибо ничего ценного у них не было. И мы приняли их: крепких мужчин и красивых женщин. Три самых прекрасных достались мне. Когда я возлег с ними, они... Покажи ему, Лаен.

Тот кивнул и открыл шкатулку. Руку, одетую в толстую черную перчатку, он запустил вовнутрь. Что-то отвратительно зашипело, блеснул... Панцирь?

Джеремиа почувствовал, как моча стекает по его ногам, когда из шкатулки появилось это. Уродливая тварь с многочисленными ножками, длинными усиками и вытянутым серым брюшком, на конце которого шевелились тонкие щупальца. Черный сегментный панцирь глянцево блестел в свете тлеющего очага. Виднелись рудиментарные крылышки.

Тварь длиной где-то с локоть постоянно извивалась, а длинные жвала, дотягиваясь до руки Лаена, пытались продырявить толстую грубую кожу перчатки.

— Личинка жука-погонщика. Их подсадили в каждого раба, взятого нами, и ночью в одно время уже сформировавшиеся твари покинули носителей и напали на воинов и меня. Если бы не Лаен, я бы погиб от их ядовитых укусов. И, если бы не Лаен, я бы выжег ко всем демонам, все кладки этих тварей в укывищах ящеров. Но он сказал, что наступит момент, когда я смогу использовать этих существ для своих нужд. И вот он оказался прав — как всегда. Когда мы подселим ее, — он посмотрел на личинку, — ты станешь абсолютно верен мне и не потому, что тварь подчинит твой разум. А потому, что только я знаю, как избавить тебя от нее. А если ты предашь меня и попробуешь сбежать, не исполнив мой приказ, то через две недели личинка созреет и из твоего нутра, разорвав его, выберется взрослый жук. Он будет убивать, но тебе, я думаю, будет уже все равно. Ты умрешь гораздо раньше.

— Нет! — взвыл в отчаянии Глазастик, забился еще сильнее, чуть не ломая себе кости. — Пожалуйста, мой повелитель! Я буду верен тебе...

— Не сомневаюсь, — кивнул царь царей и мрачно улыбнулся. — Лаен, начинай.

Халат кивнул и ухватил одной рукой за челюсть гоблина, резко дернул и заставил раскрыть рот, надавив пальцами. И опустил личинку ему на физиономию.

Тварь подобралась, изогнувшись дугой, вздыбилось по-скорпионьи брюшко. Джеремиа закричал.

Крик не длился и пары секунд. Брюшко опустилось в рот, вовнутрь скользнули щупальца, раздвигая губы. Насекомое помедлило и, словно спущенная стрела, скользнула гоблину в рот.

13.

Когда могучие громовики вынесли гоблина прочь, Шаор Лаен закрыл шкатулку, но предварительно убедился, что яйца жука-погонщика на месте. Не допусти боги, какое-нибудь из них пропадет. Шкатулка хранилась в шатре га'хана и даже ему, сильнейшему из сильных, требовалось отдыхать.

Сложив ее обратно в сундук с диковинами, он повернулся к своему повелителю.

— Царь царей, вы уверены, что это существо справится?

— Ты про получеловека? Думаю — да, отчаяние творит потрясающие вещи.

Они говорили на древнем диалекте народа Шаора — дексов. Вряд ли бы здесь нашелся хоть кто-то, кто его понимал. Даже многие из младших аколитов знали лишь отдельные слова, обозначавшие алхимические ингредиенты и элементы плетений. Ну а га'хан обучился ему за две ночи разговоров с Лаеном — у человека были потрясающие способности к языкам. Сам же Шаор человеком не был. Внешне он походил на него, но внутри — все иное. Другой дыхательный аппарат, два сердца, трехкамерный желудок и кости, тонкие, но невероятно прочные.

— Жуки-погонщики двуполы, и если он вылупится, то сможет дать потомство. А в этих землях у них нет естественных врагов. Они сломают экосистему.

— Порой твоих слов я не понимаю, — покачал головой степняк. — Но, даже если получеловек не справится, жуку достаточно одного укуса, чтобы убить. Запасной вариант на случай неудачи. Если же понадобится, я лично выжгу все норы этих тварей, когда мой народ станет здесь хозяином.

— Как знаешь, повелитель, — вновь склонился Шаор. — Но легко ошибки исправлять только на пергаменте.

Га'хан внимательно посмотрел на декса. Дерзость — за такое любого из Орды могли быстро сломать позвоночник. В том числе, и любому дексу. И только Шаор Лаен мог быть неприкосновенным. Слишком ценный, чтобы казнить. Ведь только он ведал секрет превращения золота в огонь и мощь, только он мог напрямую трансмутировать элементы без сложных ритуалов и смесей. После того, как настоятель превратился в каменную статую, он стал сильнейшим из Изумрудов — послушников Храма Земли, Это было случилось так далеко отсюда: за тысячи лиг, за Великой степью, за речными землями Эдара, на восточном склоне Драконьих зубцов. Тогда же пал и Храм Земли. Но никто об этом сильно не горевал. Старинная доктрина Изумрудов изжила себя и пора было возвращаться в мир. И этому, как

никто другой, помог повелитель степняков.

— Существо говорило про взрывчатый порошок, — медленно произнес Лаен. — Они все думают, что у нас есть такой же. Они ничего не знают про трансмутации.

«О боги, как же пути мира и Изумрудов разошлись!»

— Значит, это уловка сработает еще раз.

— Конечно. Но остается проблема: местные горы полны тайных ходов — по ним могут подойти подкрепление карликов и, если мы двинемся дальше, то они смогут перекрыть нам дорогу назад.

— Верно. Поэтому половину войска и всех дексов я оставляю здесь. Ты и твои помощники перекроете ходы, а Орда защитит проход. Я возьму лучших своих воинов из племен, все гром-сотни и двинусь на Эратию. Никаких обозов, никаких женщин и детей — мы должны действовать быстро и решительно, пока этот Магистр не очнулся и не перестал отступать.

— Как пожелаешь, повелитель! — Шаор посмотрел на него. — Тогда мы должны зарядить ваши доспехи. Они уже начали отслаиваться от кожи.

Га'хан судорожно кивнул — он действительно не чувствовал прежней гибкости. Если чешуя отстанет окончательно, он превратится в металлическую статую.

— Я готов, — он развел плечи и встал перед дексом. — Начинай.

Тот позвал своих помощников, ожидавших около шатра. Двое Изумрудов, Тайр и Марл встали по бокам от степняка. Шаор остановился за спиной. Все трое положили руки на плечи га'хана так, что их пальцы сплелись в замысловатом узоре. Лаен закрыл глаза.

Когда он их открыл вместе с Тайром и Марлом, то у всех троих они горели ярким зеленым светом. Рябь, словно от падения камня в воду, прошла по земле. И царь царей закричал от невыносимой боли. Металл пронзил кожу тонкими усиками, вцепился в тяжи мышц и суставы, сросся с костями, превращаясь в новую, непробиваемую кожу, напитывая мускулы своего носителя нечеловеческой силой.

Никто не зашел в шатер царя царей. Громовики застыли у входа, безразлично вслушиваясь в отчаянные вопли страшно пытаемого человека. И только тогда, когда они прекратились, личная стража вошла внутрь.

На земле, свернувшись клубком, лежал подрагивающий в агонии га'хан. Над ним стояли трое дексов.

Шаор моргнул, изгоняя сияние из глаз. Посмотрел на вошедших.

— Он готов.

Мелгрик Даргмур был жаден и скуп. Но отнюдь не от хорошей жизни. Он родился и вырос в Восточной Эратии, и его детство и отрочество пришлось на Темные войны. Воочию он увидел легионы, марширующие под черным с серебром знаменем Горгонадца. И это оставило неизгладимый след на его личности.

Нет, он не превратился в разбойника, дикого лесного брата, досаждавшего сначала силам Тьмы, а после колониальной власти Торгмара, пришедшей за разоренные земли Дератонского королевства и его соседей. Но годы нужды и голода заставляли беречь не то, что эратийский медняк, но и хлебную крошку. Именно их сейчас и собирал старый торговец, сосредоточенно елозя грязным пальцем по не менее грязной столешнице. Насобирав достаточно, Мелгрик поднял палец, внимательно его осмотрел и с задумчивым выражением лица облизнул. Только после этого он поднял глаза и уставился на двух незваных гостей, заявившихся к его столу. К его любимому столу в таверне «Глухой орк».

Один был южанином, судя по темной коже. К тому же огненным магом, хотя алая мантия представляла собой жалкое зрелище: рваная и грязная, а от благородного красного цвета осталось что-то бурое и невзрачное, как брюшко раздавленного таракана. Второй был гномом: по телосложению он напоминал квадрат — размах плеч едва уступал росту.

— Говорят, меня кто-то ищет... — гнусаво протянул Мелгрик.

— Именно, о высокочтимый! — воскликнул смуглокожий, радостно осклабившись.

Он прижал правую руку к груди и чуть склонился — знак уважения равным равного, но не подчинения. Торговец хмыкнул — южанин был знатоком хороших манер, несмотря на свои лохмотья.

— Позвольте представиться! — Южанин выпрямился. — Я Джалад ур-Малашан, также известный, как Джалад Валантский! Почему Валантский? Все очень просто: я просто родом из Валанта. Дипломированный огненный маг первой ступени. Конечно, это не второй и даже не третий, но я готов клясться Священным Огнем Юга, что вы не найдете еще одного первенца в радиусе ближайших тысячи миль!

Мелгрик шумно высморкался в кулак, вытер руку об штанину.

— И нахер мне это знать?

Джалад улыбнулся, огладил грязной пятерней, замотанной в какую-то тряпку, клочковатую бороду. Темные, почти черные глаза ничего не выражали. И они Мелгрику напоминали два тусклых камешка.

— Кроме того, что я дипломированный огненный маг? Ну, до нас доходили слухи, что вы собираетесь на ту сторону и...

— На ту сторону?! Доходили слухи?! — Мелгрик посмотрел направо, где стоял Дорос Даргран, начальник его охраны. Тот пожал плечами. Потом вновь уставился на джаффца. — Зачем мне на ту сторону? Там же война.

Он скривился в тухлой ухмылке.

— Война! — радостно согласился Джалад. — Которая, как известно, двигатель торговли. И вам это известно не хуже меня. Ведь зачем еще вы снаряжаете караван перед

самой зимой, ибо каждому дератонцу известно, что скоро последний перевал закроется снегами и он станет совершеннейшим образом непроходимым. Только если знаете, что сумеете за свои товары получить прибыль, достаточную, чтобы рискнуть пройти заснеженным перевалом. По территории ётунов.

Повисло тяжелое молчание. Мелгрик уставился на джаффа.

— Ты умен. — Торговец пожевал губами: он был слишком расчетлив, чтобы послать наглого колдуна подальше, тем более, что он был прав.

И, кроме того, если он наймет огненного мага, то ему не придется закупать земляное масло и кровь дракона. И, значит, можно будет выйти не через неделю, а уже завтра. И против ётунов, как известно, одно оружие годится: огонь.

— Пожалуй, ты мне подходишь, — задумчиво протянул торговец Таргмур. Охранники, застывшие по бокам, ощутимо расслабились. Поссум и Пулдун переглянулись и убрали руки с рукоятей коротких мечей.

Мелгрик причмокнул и ткнул пальцем в сторону гнома.

— Только коротыш мне зачем? Тебя беру, а его — нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джалад Валантский усмехнулся. И тепла в ухмылке огненного мага было не больше, чем на зимних перевалах Королевского хребта.

— Вряд ли вы, уважаемый мастер торгового ремесла, сумеете отказаться от его услуг.

— Угу, — донеслось из-под капюшона.

Огромная секира с узором «бородатых» рун на рукояти и лезвии взметнулась в воздух и обрушилась на Мелгрика.

Он зажмурился. А потом открыл глаза, почувствовав, что его голова все еще крепится ко всем остальным частям тела. Взгляд торговца скосился на полулунное лезвие, застывшее возле его шеи, потом скользнул по рукояти к перчатке из толстой кожи, выше по рукаву. К лицу.

Капюшон соскользнул с головы, обнажив густую черную бороду, похожую на воронье гнездо, грубые черты, массивный нос, глубоко запавшие глаза, горевшие алым огнем Бездны, серую, будто из старого гранита, кожу.

Ужас парализовал. Мелгрик не увидел, но почувствовал, как отшатнулись Поссум и Пулдун. Идиоты-охранники даже не задумались выхватить мечи. Рациональная часть мозга, все еще не затронутая быстро расползающейся тенью страха, отметила, что стоило бы после такого скосить жалованье. А еще лучше выгнать взащей. Но то, что уже по уши плескалось в набегающей черной волной вопило на все лады одно-единственное слово.

— Цверг!!!

Кто-то засмеялся. Лающе, отрывисто, но искренне. Только потом Мелгрик понял, что это заливается джаффец. Уставившись на мага, торговец сглотнул горькую слизь, скопившуюся во рту.

Джалад смахнул пальцем набежавшую слезу.

— Всегда смешно, — сдавленно выдохнул он, — когда он так делает. Цверг! — маг театрально взмахнул руками. — Ой! Чудовище! Хотя каждый вроде бы знает, что последнего темного гнома уничтожили тридцать лет назад. Никаких больше цвергов!

— Но... но он...

Южанин нетерпеливо дернул плечом.

— Горм, расслабься. Ты произвел достаточное впечатление.

Гном презрительно фыркнул, ощерив острые треугольные зубы, но оружие убрал.

— Каждый раз срабатывает, — пряча улыбку, произнес Джалад. — Но Горм Твердый не цверг, а обыкновенный дварф, изгнанный из своих гор.

Голос его наполнился почти искренней грустью.

— Почему? — хриплый голос все еще плохо слушался Мелгрика.

Он потер шею, все еще зудящую в том месте, где к коже прикасался острый металл.

— Каменная проказа. Бич всех карликов, — пояснил маг. — Скорая смерть для любого гнома за редким исключением. Иногда дварфы выживают, но болезнь уродует их: серая кожа, красные глаза, треугольные зубы. Знаете ли, это как печать проклятья: никто из сородичей не желает иметь с ними дело. И вот уходят проклятые в белый свет, на подвиги, надеясь в посмертии избавиться от черного проклятья... Порой мне его жалко...

Гном так зыркнул на мага, что тот мигом осекся. Откашлялся.

— А порой и нет.

— Так он, — косясь на секиру, протянул торговец, — типа, прокоженный. Заразный?

— Э, нет, — с улыбкой мотнул головой Джалад Валантский, — людей гномья хворь не берет.

— Гм...

— И еще к тому же — быстро продолжил джаффец, — уважаемый мастер Горм Твердый — опытный секироносец, как вы, уважаемый мастер Мелгрик Даргмур, наверное, уже смогли убедиться. Думаю, в нашем походе услуги такого профессионала не могут не пригодиться.

— В нашем? — с легким удивлением переспросил торговец.

На лице южанина отобразилась приятная улыбка.

— А разве мы еще не договорились?

2.

— Снег! Ненавижу снег! — прорычал Шмиттельварденгроу, счищая налипший на сапоги снег о поваленную сосну.

Цверг с яростью посмотрел на голубевшие впереди заснеженные склоны Королевского хребта. Язык густого хвойного леса вонзался между двумя пиками, отмечая начало перевала. Над ним клубилось серое облако. Впереди снега было еще больше. Гном сплюнул в снег, устало выдохнул и уселся на бревно. Скинул со спины чехол с рунной секирой и поставил между ног. Сил не хватало даже на то, чтобы с чувством и толком выругаться. Как и любой гном, цверг мог завязывать гвозди узлом и мять, словно глину, подковы в кулаке, но продолжительные пешие походы были не его любимым занятием: корот кие ноги, массивное тело, глубоко проваливающееся в снег требовали усилий в разы больших, чем от человека. На это накладывался и возраст, и не слишком здоровый образ жизни цверга. В итоге дневной переход, дававшийся остальным относительно легко даже худосочному Джаладу, превращался в сущее мучение, после которого у Шмиттельварденгроу было одно желание: добраться до любого бревно, камня, пенька, то есть места, куд-а можно было водрузить свое седалище.

Цверг мельком оглянулся, проверяя, не наблюдает ли кто за ним. Южанин колдовал над сложенным хворостом и ловил искру, которую выбивал один из людей Мелгрика. Меж

пальцем южанина уже плясали алые блески. Остальные ставили войлочные навесы на длинных жердях, нарубленных в хвойнике, укрывали плотными попонами коренастых мохноногих тарквиниев и стягивали кругом сани с товаром. Пару человек вострили колья. Никто не обращал внимания на ворчливого гнома.

Тот выдохнул и положил руку на бревно. Дерево давным-давно умерло, как и сотни поколений букашек и прочих мелких тварей, обитавших в нем, — скопившийся прах сухо потрескивал под пальцами, словно статическое электричество. Шмиттельварденгроу прикрыл глаза и медленно втянул его в себя, неспеша, небольшими порциями. От энергии закололо пальцы, голову словно продули кузнечными горнами. Сразу отлегло — кровь быстрее побежала по жилам, перестали ныть кости и мир больше не казался таким ненавистным. Настроение почти улучшилось, да и снег не казался таким уж отвратным. Вот таким можно было и с людьми пообщаться.

Темнело рано. Вечер наваливался густой, ни единого просвета, тьмой, но Шмиттельварденгроу она была не страшна: даже в темноте подземелий он вполне явственно видел силуэты живых существ, но а теперь так вообще — словно в полдень прогулялся. Ни одной детали не упускал взгляд. Как коснулись его подозрительные взгляды охранников, как Мелгрик чуть отодвинулся, уступая место: он боялся страшного цверга.

Джалад улыбнулся, когда подошел гном. Искры в его руках превратились в яркий и жаркий огонь, довольно пожиривший хворост — рядом были свалены еще несколько вязанок, которых должно было хватить на ночь. На большой закопченной треноге висел на огне котелок с «гномьей каше» — густой вязкой массой, булькавшей с тошнотворным звуком. В кипящей серой массе плавали островки редкого волокнистого мяса.

А маг развлекал остальных, вызывая в пламени маленькие фигурки странных существ, сражавшихся в потешных боях друг с другом. Люди смеялись, когда огненное создание отделявало особенно потешный кульбит. Кто-то начал рассказывать смешную историю.

Они радовались: караван двигался споро, несмотря на свежевypавший снег, было еще не слишком холодно, и с Королевского хребта не успели еще спуститься холодные зимние ветры. Но только от этого у Шмиттельварденгроу на душе стало совсем худо. Он был чужим на этом празднике жизни. Даже Джалад стал своим, но только не цверг. Тяжелые черные мысли ворочались в голове. Он сплюнул в отвращении, развернулся и пошел в черноту. Поссум, сидевший рядом, развернулся.

— Ты куда, гноме?

На миг Шмиттельварденгроу остановился — до зуда в горле захотелось послать человека. Но, сдержавшись, он кинул через плечо:

— Пойду отолю.

— Ты там осторожнее, — ухмыльнулся охранник, — поговаривают, что в этом году ётуны спустились с гор рановато. С первыми снегами.

— Ётуны, говоришь? — мрачно осклабилась цверг. Он дотронулся кончиками пальцев доя полулунного лезвия рунной секиры. — У меня есть чем их отвадить. А твои молодцы все вернулись?

Поссум недоуменно проследил за гномьим взглядом. Люди плотным кольцом окружили кострище, и прорех в единой стене тел он не видел, но чего-то не хватало. Вернее, кого-то.

Он толкнул локтем сидящего рядом Пулдуна.

— Эй, твои все здесь?

Напарник слизал с ложки остатки каши, обернулся к Поссуму.

— Че?

— А, грю, твои все?

Пулдун почесал острым концом ложки под шапкой.

— Кажись, все. — Он окинул взглядом караванщиков. Наткнулся на ответный Мелгрика

— тот, видать, что-то почувствовал. — Гм. Вроде как Димаха и Мозгрира нету. Может, отлить отошли?

— Вдвоем? — невинным тоном поинтересовался Поссум. — Друг-другу поддержать?

— Мда, — смущенно хмыкнул Пулдун. — Н-дык...

Он не договорил. Толкнул в плечо одного из своих бойцов — невысокого мальчика в кургузом полушубке.

— Где Димах и Мозгрир?

Тот пожал плечами. Открыл рот...

И ничего сказать не успел. Хриплый от боли и ужаса крик взрезал тишину заснеженного хвойника. Разговоры за костром мигом стихли, погасли Джаладовы креатуры в огне. Все разом обратились в слух.

Здоровенный камень вылетел из темноты. Продолговатый, черный на свету, крутнулся в воздухе пару раз и по пологой дуге упал в костер, разбросав угли. Закачался котел, расплескивая кипящую кашу. Едко запахло паленым. Шмиттельварденгроу с наслаждением втянул запах раздувшимися ноздрями, неспешно скинул со спины и расчехлил секиру — лезвие влажно заблестело в алом отсвете костра. Цверг развернулся, перехватив оружие поудобнее. Резко выдохнул, улыбнувшись.

— Началось! — Он чуял острый, пряный аромат жареной человечины.

В огне, пострескивая и шипя, скручивались и чернели белесые, словно паутина, волосы на отрубленной голове, глубоко зарывшейся в раскаленные угли.

3.

Нет, Шмиттельварденгроу ошибся: голову не отрубили. Ее оторвали, скрутили, словно слабому цыпленку, выдрав заодно и часть позвоночника, и бахрому рваных жил.

Судя по светлым волосам, насколько помнил цверг, незавидная смерть досталась Димаху — долговязому, нескладному дератонцу, настолько бледному, что он казался ожившим трупом. Дхаров альбинос, тронутый Светом, как говаривали в народе. И вроде как дальний родственник Мелгрика. А вот о судьбе Мозгрира, уроженца стирского побережья, можно было только догадываться. Ни сейчас, ни потом его больше никто не видел.

В темноте вырисовалось четыре массивных фигуры, отделились от черной массы леса и двинулись к огню. Алые росчерки легли на блестящий белый мех, отразились в полированной черноте глаз под тяжелыми морщинистыми веками, скользнули по острым прозрачным, словно озерный лед, зубам.

Ётуны двигались легко, словно скользили, не проваливаясь под снег. Огромные ступни взбивали поземку, но с легкостью несли по ненадежному насту массивные тела. Космы меха покачивались в такт шагам, свисая с приподнятых когтистых лап. За первой четверкой возникли еще силуэты.

— В круг! — взревел Поссум. Пулдун повторил его клич.

Шмиттельварденгроу сплюнул на снег, но отступил: тварей было слишком много —

никакое воинское искусство тут не поможет. Сомнут.

Когтистая лапища внезапного мороза коснулась лица, оставив иней на бороде и усах — пробрало так, что заслезились глаза. Проморгавшись, цверг оскалился, покачивая внушительным оружием.

Етуны весьма отдаленно напоминали огров, но, пожалуй, Фозза такое сравнение просто оскорбило бы. Людоед-то был живым существом из плоти и крови, а эти...

Творения Тьмы — изначальной, стихийной, не прирученной Горгонадцем — и Хлада, не признающей ничего живого силы дальнего севера и вечных снегов. Древние твари, что застряли на Королевском хребте после отступления последнего ледникового периода, были одержимы лишь одной целью.: убивать, сражаясь с нутряным теплом живых тварей.

Рунная секира с треском врубилась в грудь ближайшего етуна. Чудовище совсем по-человечьи всхлипнула, а после тонко и визгливо завывала, облапила торчащее из тела лезвие.

Металл покрылся узором ледяной изморози, онемели, потеряв чувствительность пальцы. Шмиттельварденгроу хватки не ослабил, сжал зубы и выдавил сквозь них слова.

Чернота проскользнула тенями в бороздах «бородатых» рун и впиалась в льдистую плоть. Вгрызлась глубже. Голубая, полупрозрачная кровь, сочащаяся из раны, потемнела, зашипела. Паутина черных жил прошила грубо вылепленную физиономию. Глаза вздулись, словно два чернильных шарика, и лопнули — черная зловонная жижа потекла на быстро тающий бледный мех густых бакенбардов, окаймлявших морду твари.

Цверг выдернул секиру и сломанный етун повалился в снег. Еще мгновение — и чудовище почти ничем от него не отличалось, превратившись в рыхлую белую кучу ледяных кристаллов.

Джалад голыми руками зачерпнул огня, словно набрал в горсти воды. Или, что вернее, мягкую глину, которую он мигом начал катать между ладонями, вылепливая плюющийся искрами шарик.

Подбросив на ладони, южанин размахнулся и швырнул его прямо в раскрытую в скрипучем крике пасть. С сухим хлопком шарик лопнул, и пламя, вырвавшись из глазниц и ноздрей, в один миг сожгло то, что у етуна было вместо мозгов. Все еще продолжая двигаться, обезглавленное тело рассыпалось снегом.

По бокам от мага стояли Поссум и Пулдун с рогатинами и факелами в руках. Остальные люди споро встали рядом с ними, образовав оборонительный круг — видать, это была не первая их стычка с тварями Хлада. Караванщики были спокойны и сосредоточены, хоть встреча с ледяными великанами произошло слишком рано: они даже не успели взобраться на перевал.

— Слышь, — сипло выдохнул Пулдун, — чегой-то рановато.

Он покачал головой.

— Да и не их это время!

— Дык, — ответил Поссум, — паладины совсем обленились. Горы не чистят от тварей. Да и тролли затихарились.

— Тролли? — Джалад внимательно посмотрел на него.

— Ага, только каменнолицые могут убить етуна.

— Но...

— Эх, ничего ты не знаешь! — махнул рукой Пулдун. — Это ведь снеговые бабы с когтями и зубами, а сами етуны — бесплодные духи, живущие во льду. Это каждый мальчонка знает у нас, в Дератоне.

Шмиттельварденгроу не слышал разговор, продолжая орудовать секирой на переднем фронте, дорубая очередного великана. Южанин посмотрел на него и отвернулся к людям.

— И так вы каждый раз?

— Не, в это время мы обычно сидим по домам, а с етунами разбираются тролли. Если льдистые и спускаются с гор, то в самые суровые зимы. Да и то десятка не наберется за раз. Не ссы, магик, с тобой ни один етунец нам не страшен! — хохотнул Поссум и ударил факелом по морде близко подобравшегося чудовища.

Горящая головня оставила уродливую рану, разворотившую полфизиономии. Тварь глухо заворчала, пытаясь лапами собрать распадающееся лицо. Получилось неважно, а дератонец закончил дело. Вогнав широкий наконечник рогатины в место между скошенным подбородком и ключицей — у твари почти не было шеи, а голова, казалось, росла прямо из плеч.

Мелгрик забился в самый центр круга, взобрался на сани с товаром, как на революционную трибуну и раздавал указания, активно размахивая руками. Само собой, его уже никто не слушал: люди и без того знали. Что делать. Только вот одно смущало Джалада: никогда раньше, насколько он слышал, так близко к зиме, когда северные перевалы Королевского хребта превращались в полноправные вотчины етунов, караваны не уходили в горы. Наверняка мало кто знал, что их может ожидать. Уж слишком он понадеялись на огненного мага-недоучку. Ан нет, первая ступень, вспомнил он. Хотя куда там — джаффец горько усмехнулся — до первенца ему было учиться и учиться.

Отрубив голову очередной твари, Шмиттельварденгроу придвинулся к стене людских тел, оцетинившихся копьями и рогатинами, но в строй не стал. В тесном круге было не размахнуться топором — гному требовался простор. Да и к тому же, была велика вероятность, что кто-нибудь заметит маленькие фокусы странного гнома.

Он вновь впитал немного праха, подсек обратным ударом ноги етуна и пригвоздил того к земле тяжелым лезвием. Вытаскивал секиру цверг уже из кучи снега.

А етуны все шли и шли, вылезали из хвойника, раздвигая руками еловые лапы и устремляясь к людям, как мотыльки на огонь. Только ни в одном мотыльке не было ни росту в полтора людского, ни длинных когтистых рук, ни прозрачных, словно стеклянных, и невероятно острых зубов, ни темной ненависти ко всему с горячей кровью в жилах.

Вот уже двоих им удалось выдернуть из строя, дернув за древки копий. Крики бедняг быстро затихли в темноте. Но от этого круг лишь теснее сомкнулся. Огонь горел жарко, поддерживаемый двумя молодцами, и давал надежду на выживание.

— Мы выстоим! — гаркнул в пространство сквозь обледеневшие усы Поссум.

Нестройным хором отзывались ему караванщики: они видели и чуяли, что до победы осталось совсем чуть-чуть. И развоплощенные етуны отправятся в свои горы, наращивать новые тела из льда и снега.

И твари уходили. Останавливались на полпути, словно получив неслышный приказ, разворачивались и уходили в ночь.

Кто-то рассмеялся, и сложно было сказать, чего больше слышалось в голосе: радости от победы или истерического облегчения. Люди начали корчить рожи, показывать неприличные жесты, словно они чего-то значили для созданий Хлада и Тьмы. На поляну словно опустился гудящий рой огромных пчел: каждому хотелось что-нибудь сказать, похвалить соседа и пригласить на чарку после сложной и тяжелой ночи. Облегчение людей чувствовалось кожей.

Правда, Шмиттельварденгроу смеяться не хотелось, но не от того, что он презирал своих нанимателей. Своим черным нутром он чуял, что все произошло слишком легко. Да, сражаться было сложно, и от лап етунов погибли люди, но ничего сверхъестественного. Ледяные чудища умирали от честной стали также хорошо, как от огня и праха. Однако, цверг помнил, что магические творения не слишком бояться обычного оружия да и так легко не сдаются. Они не чувствовали усталости, страха или разочарования. Они были, как хорошо отлаженные механизмы, следующие к своей цели без сомнений и колебаний, до самого конца.

И, как всегда бывает, к своему собственному неудовольствию Шмиттельварденгроу понял, что был прав.

4.

Смех и радостный гомон победителей смолк в один миг, когда над лесом разлился многоголосый вой, отразился эхом от недалеких гор, нарастил силу, придавив к земле. Визгливые, скрипучие голоса, звучали словно скрежет торосов Звездного моря и грохот падающих в воду отломков от вековых ледников Незнаемых земель севера.

Вой нарастал, обогащался модуляциями и нечеловеческими интонациями — над землей плыла странная, чуждая песня без слов.

Шмиттельварденгроу вдохнул полной грудью, безошибочно улавливая в воздухе острый аромат темной магии. В носу защипало. Песня наполнилась прекрасными, дикими, первобытными перекатами силы. Изначальная истинная черная магия без цвергской мудрости, без хитроумной вязи заклинаний темнил Горгонада. И эта песня несла с собою смерть.

Сначала пришел ветер; стена урагана обрушилась на столпившихся людей, на войлочные навесы, бедных испуганных и ослепших лошадей. Безжалостный, выдирающий влагу из глаз порыв. Цвергу пришлось встать на колени, вогнав шип на конце рукояти глубоко в снег, чтобы удержаться. Он зажмурился поначалу, но заставил себя открыть глаза навстречу яростному, режущему, словно нож ветру. Там, за волглой завесой слез, за буруном белых песчинок, острых, словно гвозди двигались черные силуэты.

Он не продержался и десяти ударов сердца, снова закрыл глаза, сжался. А после пришла снежная лавина. Воздух пополам с твердой ледяной крупой.

Ветер сбивал дыхание, снег залеплял глаза Гном чувствовал, как леденеет, обвисает под весом сосулек борода, как оседает изморозь на усы и скулы. Как смерзаются веки. Он опять заставил себя разлепить их. Чтобы сберечь глаза, он отвернулся и взглянул назад.

Строй развалился, а люди напоминали играющих в пятнашки слепцов. Кто-то кого-то окликивал, но слова, словно птицы, улетали вместе с ветром. Пламя костра, как испуганный зверек, прижалось к земле, спрятавшись в потускневших углях.

— Огонь! Смотрите за огнем! — выкрикнул Джалад слепо шарящим в бушующей темноте помощникам.

Его слова, сорвал, скомкал ветер и унес прочь. Наверное, мага как-то поняли без слов. Вновь в костер полетели щепки, но пламя, придавленное ветром, лишь разбрасывало искры, но подниматься не желало. Желто-алые языки огня вылетали из угольев, но быстро таяли, разорванные в клочья.

Сквозь пургу он заметил какое-то движение, что-то массивное двигалось на него. Джаффец зачерпнул двумя горстями еще горячих, тлеющих алым углей, скомкал их в два огненных сгустка и швырнул в бушующую ночь.

Фаерболы, неаккуратные, неровные, не пролетели и десятка футов, разбрасав искры, как налетел очередной порыв ветра, и два желто-красных сгустка расплылись святащимися, но быстро тускнеющими полосами.

Что-то упало за шиворот, камешек или льдинка. Шмиттельварденгроу изогнулся, запустил под плащ руку и извлек помеху. Зашипело, пахнуло едкой вонью горящего волоса: в ладони гном держал тлеющий огонек, а он даже ничего не почувствовал. Руки онемели до полной потери чувствительности. Надолго ли его еще хватит? Цверг сдержанно помянул дхара и двинулся назад. Скольких еще етунов он смог завалить бы? Две-три штуки. А сколько еще тайлось в темноте, за завесой пурги? Нет, проблему стоило решать радикально. Гном развернулся и зашагал назад, торя себе путь сквозь толстые пласты нанесенного снега.

Он заметил Поссума, отмахивающегося мечом от наступающих теней. Сколько среди них было настоящих етунов, не мог никто сказать. С великой осторожностью Шмиттельварденгроу обошел его по широкой дуге, и только потом заметил, что рядом с дератонцем не было его верного помощника — Пулдуна. И только потом цверг попытался оглядеть остальных.

Караванщиков здорово поубавилось, а он ничего не увидел и не услышал. На миг пробрало ознобом: дхар, а ведь он мог точно также пропасть. И ни следа, ни звука.

Он вернулся к Поссуму.

— Огонь, мать твою дхар дери за задницу! — выкрикнул он в лицо наемнику. В одной руке гном держал секиру, а во второй — воротник куртки дератонца. Да так, что почти тыкался своим выдающимся носом ему в лицо. — Костер спасайте! Без костра все сгинут!

— А, гноме? — дернулся было прочь Поссум, но потом одумался. — Ага, что ты сказал? Уходить?! Да куда, клянусь Светом, уходить?!

Шмиттельварденгроу оттолкнул человека. Миг, и тот растворился в темноте. Гном метнулся к южанину, дернул того за плечо. Джалад ковырялся в костре, разминая пальцами щепки и колотые дрова, которые подбрасывали в огонь его помощники. Пламя плясало, то поднималось, то опускалось, но никак не могло разгореться в полную силу. Воздушный пресс метели продолжал давить без перерыва.

— Что? — Маг резко обернулся, с его пальцев соскочила миниатюрная саламандра.

Та стрелой метнулась в лицо, но остановилось в половине дюйма от цверга, повинувшись движениям пальцев южанина.

— Костерок-то... Того — кончается, — ухмыльнулся Шмиттельварденгроу, не спуская глаза с саламандры. Огненная ящерка отвечала ему взаимностью. — А ты молодец!

— А, ерунда! — Джалад махнул рукой. — Нормальные маги могут из костра создать саламандр размером с собаку. А это лишь пощекочет етуна...

Вдруг ящерка напряглась, развернулась и красной молнией метнулась прочь. Прямо в физиономию выросшего, словно из-под земли, етуна. Явно обиженная словами Джалада саламандра насквозь пробила голову чудовища и вернулась назад в руку своего создателя.

— Короче! — рубанул воздух ладонью Шмиттельварденгроу. — Нам пора уходить!

— Но куда?! — удивился маг. Он кивком указал на сани с товаром. — Сомневаюсь, что караван сумеет пробиться с приемлемыми потерями.

— С приемлемыми?.. — скривился цверг. Он презрительно хмыкнул и сплюнул в

снег. — Нихрена не понял из твоего дерьма. Мы уйдем только вдвоем и бросим этих неудачников. Думаю, ледяным уродам хватит людишек на пару часов. А пока они будут весело хрумкать человечинкой, мы сумеем уйти.

— Ну, — видимо, Джалад тоже об этом задумался, правда, он был все еще недостаточно темным, чтобы совершить все без зазрения совести, — существует два препятствия. Во-первых, как нам вроде как известно, мы пройдем через земли троллей, а они, как дважды известно, не любят цвергов, огров и темных магов...

— Темных магов?

— Я имею в виду себя, — кротко пояснил южанин.

— Ага, — с задумчивым видом покачал головой гном. — А что там с «во-вторых»?

— А, во-вторых, это будет как-то не совсем правильно: мы взяли на себя обязанность защищать этих людей и...

— Это тебе второй урок темной магии: мы ничего и никому не обещаем! А теперь собирай пожитки и валим отсюда.

— Но ты, — Джалад застыл. Снежная крупа впиалась в его щеку, сорвала капюшон с головы, и давным-давно немытые черные волосы разметались липкими лентами, — ты же когда-то клялся в верности Темному Лорду!

Шмиттельварденгроу оскалился, глухое горловое рычание не мог заглушить даже ветер.

— Я поменял правила с тех пор. Никому больше Шмиттельварденгроу, аттауран Симгара не поклянется в верности. Мне хватило и предыдущего раза. А теперь валим!

— Ах ты, сволочь! — Из хаоса пурги вывалился Поссум. — Темный Лорд, значит! Я тебе с самого начала не доверял...

Он не успел договорить. У него за спиной выросла огромная белесая фигура, большие руки обхватили его поперек груди, подняли в воздух. Дератонец закричал, но через пару ударов сердца глотка его замерзла. Етун сделал резкое скручивающееся движение: с тошнотворным хрустом Поссум развалился на части, твердые, будто вырезанные их дерева куски плоти.

Джалад воздел руки, и высосал последнюю энергию из костра. Угли почернели и застыли, а между ладоней человека сгустилась ослепительно яркая плазма.

— Священный огонь! Услышь меня! — выкрикнул он, и — странное дело — слова звучали четко и ясно, словно Джалад произнес их за трибуной главной аудитории своего Валантского университета. По крайней мере, так показалось Шмиттельвардегроу.

Огненный шар вспыхнул.

Нет, это была не совсем верная характеристика. Он буквально выстрелил светом и жаром. В один миг вокруг стало светло, как днем, а от жара зашипела борода цверга. Рукоять секиры нагрелась так, что он больше не мог ее держать. Ожесточенно встряхнув обожженными пальцами, он выронил ее и прикрыл глаза. Последнее, что он увидел было то, как от света вспыхнули языками пламени одежды Джалада.

С глухим рокотом етуны отступили, спрятавшись за пределы светового круга, а внутри его снег сначала растаял, а после и вовсе испарился. Высохла и пошла трещинами земля. Вспыхнул, словно дварфски огненный порошок мох на земле.

И все. Магия не продилась и пяти секунд, но цверг почувствовал, что загар его был как после того, когда Доннермагнустру сунул его головой в печ, когда они боролись за Головоруба. Короче, приятного мало. Шмиттельварденгроу открыл глаза. Пурга, трусливо отступившая, опять набирала обороты.

Гном не стал ждать. Он схватил в охапку Джалада, благо тот не мог оказать никакого сопротивления, и накрыл их обоих куполом тьмы. Энергию он впитал из тела, вернее из осколков замороженной тушки Поссума — хоть какая польза от этого идиота.

Звуки погасли, оставшись лишь легким гулом где-то там снаружи. Померкло и зрение — за колышущейся стеной тьмы он видел лишь дрожащие силуэты. Вот — сани с товаром в виде темного холма с проблесками ряби, вот — караванщики, чьи тела светились переплетениями налитых горячей кровью жил, вот черные провалы, будто двери в самую Бездну — наступающие етуны. Это была их территория, а люди — их добыча.

Но только не цверг.

Шмиттельварденгроу холодно усмехнулся. Жалкие несчастные дератонцы, жители страны, раздавленной, словно таракан, железной пятой Горгонадца. Они были слабы, а, значит, недостойны.

Но хотелось верить, что он сам был достоин. Достоин вернуться и взять то, что по праву его.

Энергии, взятой из смерти Поссума, хватит где-то на полчаса, а, значит, через полчаса они должны быть далеко отсюда. А там наступит день, и они спасутся от етунов. Они могли уничтожить десятки, сотни ледяных чудовищ, но те были чересчур настырны.

Нет, на территорию троллей он не пойдет. Это будет глупая смерть — известных магоборцев его фокусами не проймешь.

Он поудобнее перехватил тельце Джалада и потащил его прочь. Как он надеялся, и прочь от Королевского хребта. Они пойдут другим путем, там, где нет снежных тварей.

Они? Он посмотрел на безвольно тянущегося южанина и заставил себя поверить, что спас его не потому, что привязался к забавному магику, а ради его возможностей и силы. И, когда наступит момент, цверг бросит его, как, например, Фозза. Ради собственной шкуры. Это было третье правило темной магии: никаких привязанностей. Жаль только, что Джалад узнает его таким образом.

Шмиттельварденгроу остановился только тогда, когда купол рассыпался черными лоскутами, но они сумели-таки выйти из снежной бури. Вокруг было тихо и покойно. Гном привалил Джалада к дереву, зачерпнул горсть снега и с наслаждением стал им елозить по лицу мага до тех пор, пока на бледных скулах не проступил румянец.

Джаффец застонал, но глаза открыл.

— Идти можешь?

Он тряхнул головой.

— Попробую. — И заворочался в снегу, пытаясь подняться.

В отдалении хрустнула ветвь. Шмиттельварденгроу резко развернулся, взбив облако снега, взмахнул, подняв секиру. И все ради того, чтобы почувствовать, как что-то холодное и острое уперлось ему в шею, подрезав бороду.

— Так-так-так!

Голос походил на перестук катящихся камней. Цверг скосил глаза, чтобы сначала увидеть небольшой метательный топорик о длинным шипом на обухе, который, собственно, и упирался ему в кыдык, потом крепкую руку с кожей бугристой, как необработанная порода — предплечье стягивал широкий кожаный шнурок. А после было плечо, закрытое щитком из твердой прошитой кожи и только напоследок лысая, взрезанная шрамами, как перепаханное поле, голова. Морщинистая, наслоившаяся кожа на уродливой физиономии стала еще гаже, когда тролль улыбнулся.

— Меня зовут Грол, — пророкотал он. — А тебя, козявка? Ах постой, дай угадаю. Думаю, твое имя цверг. Мертвый цверг.

— Какой, — медленно и осторожно произнес Шмиттельварденгроу, — изысканный юмор.

— Я знал, что тебе понравится. — Он с усмешкой надавил на топорик. Цверг почувствовал, как острое, будто жало василиска, острие впивается в кожу.

— Стой, Грол. — Кто-то не менее громоздкий возник рядом. Старый, потрепанный жизнью тролль в отметках военного вождя: светлые горизонтальные полосы по груди и ожерелье из зубов и костяшек. — Не тебе пока раздаривать смерть. Цверги давно не появлялись в наших чертогах. Пусть о судьбе его покумекает Грумак. — Он повернулся к кому-то другому. Мотнул головой: — вяжите их.

Вновь глянул на Грол и Шмиттельварденгроу.

— А нас еще ждут етуны.

5.

Старый и невероятно худой тролль уставился на человека, который лежал на шкурах горных баранах, неподвижного, словно мертвеца.

Нет, человек не был мертв, хоть на плечах и руках у него были незаживающие раны от следов умертвий, грудь не вздымалась дыханием, а пульс не прощупывался. Однако, Грумак, шаман троллей пика Ург'Нарв, чуял в нем слабую, но не гаснущую искру жизни. И что-то темное, что поддерживало ее.

В человеке шла борьба зла со злом. И, странное дело, этим они спасали его. В этом вся суть. Грумак улыбнулся: он находил забавным подобное противостояние, как змею, кусающую себя за хвост.

Тролля и человека разделял жаркий огонь, раскаленный воздух плыл над очагом, и отчего казалось, что по телу проклятого пробежала рябь теней. А, может быть, и не казалось.

Человек был стар по меркам своего рода, но, как и все из его народа, сохранил гладкую кожу. И его шрамы на выступающих ребрах больше походили на ровные линии, выдавленные в коже. Поневоле Грумак перевел взгляд на собственные руки, лежащие на коленях. Кожа, похожая на древесную кору, и шрамы — не линии, а толстые червяки, застывшие на ладонях. С возрастом кожа троллей теряла эластичность, и каждая царапина в итоге превращалась в уродливые хрящеватые наросты. И это же делало троллю шкуру такой прочной, что не всякий меч или топор возьмет ее.

Он вновь посмотрел на человека. Теперь его взгляд цепко осматривал укусы умертвий и серую кожу вокруг них. Некроз остановился, но вряд ли человек проснется таким же, каким и был. Если вообще проснется.

Шелохнулись шкуры, закрывавшие вход в пещеру. Шаман медленно перевел взгляд на вошедшего. Молодой воин по имени Горгул, один из тех, кто обнаружил человека и тролля, отдавшего за него жизнь. За него и еще одного — хитрого полуэльфа.

— Мудрый Грумак! — Горгул коротко поклонился. Его взгляд скользнул по телу человека, по лицу пробежала гримаса отвращения. — Мы спасли караван людей от етунов...

— Караван? В начале времени снегов?! Они дураки, раз задумали пройти перевал. Он уже непроходим — зима пришла рано.

— В мире людей война. Они решили нажиться на этом. Одна солонина в товаре. И тканей немного.

— Значит, жадные дураки. Кто выжил?

— Только хозяин. Торговец по имени Мелгрик.

Громак задумался:

— Я его помню — он давно уже ходит перевалом. Правда, жадный, как старый гном. — Он ухмыльнулся: — Ты знаешь, что делать: Мелгрика сопровождать на равнины. Половина товара — в племя. Солонина и нам не помешает.

Горгул кивнул, но уходить пока еще не собирался.

— Что-то еще?

— Это... мы нашли огненного мага. Смуглого, как кора перама.

— Значит, южанин. Видимо, Мелгрик нанял его для защиты...

— И цверга, — быстро закончил Горгул. — Торговец говорит, что это он навел етунов на караван.

— Интересно, — прищурился Громак, поглядывая на воина. — А что думаешь ты?

— Ничего, — мотнул головой тролль. — На то есть вожди, чтобы думать.

— Хорошо, а что думает наш славный Морхун?

На миг Горгул запнулся. Но потом также уверенно продолжил:

— Морхун думает, что торговец прав.

— Ага, — глазки шамана озорно блеснули в темноте.

— Значицца, Морхун уже и думать научился. Разве его никто не учил, что это может быть вредно: та жижа, что у него вместо мозгов, может закипеть.

Горгул смущенно потупился: каждый в племени знал, что Морхун и Громак друг друга недолюбливали. И правильно: они олицетворяли собой две стороны одной власти.

— Лады, — Громак, отсмеявшись, махнул рукой, — я подойду, когда освобожусь. Пока чужеземцев не трогать.

Горгул кивнул и исчез, а Громак опять вернулся к созерцанию бездыханного тела.

Когда оно дернулось, затрепетали веки, шаман с кряхтеньем поднялся. Хрустнули старые кости: они все еще помнили былую силу и, если чего, Громак кое в чем мог дать и молодым фору, но в лихой молодости и могучей зрелости он мог гораздо больше. Лишь тень осталась от него. Кожа на костях.

Он тяжело вздохнул, присел рядом с человеком и принялся перевязывать незаживающие раны полосками ткани, смоченной в целебном настое. Они должны были унять боль.

Временно.

6.

Хорасу снилась могила. Его собственная. И это почему-то была не орденская усыпальница с резными фризами и рядами молчаливых каменных рыцарей. И даже гроба в ней не было. Пусть и самого завалиющего, соснового, наскоро сбитого военными товарищами.

Нет, это была простая яма, в которую швырнули Хораса, обмотав грязным саваном. Как какого-то крестьянина из разоренной чумой деревни. А сверху насыпали сырой земли.

Она пахла старой кровью. И немилосердно давила на грудь, сжимала руки и ноги так, что нельзя и пошевелиться. Какое там — даже дышать он не мог. Он хотел крикнуть, но в

раскрытый рот лишь лезли клубки склизких червей. Страшный отчаянный вопль бился в черепе, за глазами яблоками, словно птица в клетке. Несчастливая певчая канарейка, мать ее!

Хорас резко открыл глаза. Над ним был бугристый темный потолок, покрытый узором пляшущих теней, связки трав, от которых пахло едким и раздражающим. Высушенные тельца мелких животных, раскачивающихся под потолком воняли особенно отвратно, хотя и в целом запах там, где он находился, вряд ли относился к освежающим.

Кроме того, были еще и глаза. Темно-коричневые пронизательные глаза на древнем лице страшного чудовища.

У него было изуродованная страшными шрамами кожа, окостеневшие валики надбровных дуг, длинный кривой нос и тонкие растрескавшиеся хрупким шлаком губы.

— Дхар! — выдохнул Хорас.

Он попытался отодвинуться, привстав на локтях. Его взгляд зашарил по пещере в поисках чего-нибудь, что сошло за оружие. Огонь в очаге из круглых закопченных камней, пару низких лежанок, укрытых шкурами, деревянный шкаф, уставленный какими-то склянками, баночками и ступами, заваленный пучками трав и птичьих конечностей невысокий столик. Совсем рядом от паладина в деревянную колодку был воткнут нож грубойковки с веревочной рукоятью. Он потянулся к нему.

И с ужасом понял, что сон все еще не закончился: Хорас нем мог пошевелиться, как и раньше. Он не чувствовал ничего. Кроме давящей тяжести в груди.

Тварь не спешила разрывать орденского командора. Она улыбнулась. Покачала головой. У нее был неровный бугристый череп и маленькие уши с длинными мочками, пробитыми костяными серьгами.

— Нет, я не дхар! Я — Громак, шаман племени пика Ург'Нарв, а ты в Горх-а-Нарге. А на второй твой вопрос — невысказанный — ответу тоже — нет. Твой сон закончился, и да — ты не ощущаешь своего тела. В твоём положении, считай, это нормально.

У Громака был ровный, совсем не троллий голос, да и акцент заключался лишь в редких твердых согласных, гремящих каменным перестуком.

— У меня сломана шея? — Хорас решил не тянуть, а сразу узнать всю правду, какой бы горькой она не была. Если же он был прав, то мог попросить у тролля удар милосердия, оборвав никому не нужную жизнь жалкого обрубка. Пусть другие сражаются за Свет. Да, дхар дери, за все, что угодно. Он сам уже отвоевался.

— Эх, — старый шаман почесал грязным ногтем мясистый кончик выдающегося шнобеля, свисавшего морщинистым огурцем с грустной физиономии, — если бы все было так просто, то я не сидел бы здесь с тобой и не возился, как с Морхуном, когда того поднял на рога безумный козлотур. Уж поверь мне, в этом случае я мог озаботиться о милостивой смерти. На острых скалах пика Ург'Нарва умирают почти без мучений. Но, как видишь, ты до сих пор жив, а я разговариваю с тобой.

— Уж спасибо! — скептически хмыкнул Хорас.

Ему почему-то смерть от падения на скалы больше не казалась такой уж соблазнительной. Все-таки, шея цела, и, значит, не все потеряно — все остальное зарастет и окрепнет.

— Ну, так чего же, многоуважаемый тролль, я все еще с тобой разговариваю? Какой интерес у тебя ко мне? Надеюсь, чисто платонический...

Тролль крикнул, оценив шутку, но промолчал.

Он словно раздумывал, а стоит ли вообще говорить дальше с глупым человечешкой.

Может быть, еще не поздно обратиться за решением к скалам Ург'Нарва. Неужели что-то было страшной самой смерти?!

— Лады, человеке, ты знаешь, что на тебе лежит смертное проклятье?

Хорас прислушивался к собственным ощущениям. Заколело в пальцах на руках, словно в них вонзили сотни маленьких иголок. В пальцах!

Вздых облегчения сорвался с его губ: к нему возвращалось его родное тело со всеми его болячками и предательствами. От радости он даже не сразу уразумел слова Громака.

— А? Проклятье? Ну, догадывался, — с усмешкой сказал Хорас и пошевелил предплечьем — заныли долго бездействующие мышцы. — Ты мне глаза не открыл. Вот уже три десятка лет я с ним борюсь — пока что без особого результата, но и оно так и не сумело меня победить. Это у меня после Темных войн осталось. Не успел-таки однажды заткнуть глотку одному цвергу...

И в этот же момент вернулось до боли знакомое: тяжелый ледяной шар в груди, от которого никак не избавишься. И если не выпьет свое огненное зелье, то вскоре лед запустит свои холодные нити во все члены, заставляя дрожать от холода в самую страшную жару. Но, судя по всему, в горах Горх-а-Нарга редко бывает теплее, чем в позднюю осень Срединной Эратии. И это в самую теплую пору.

Хорас с сомнением посмотрел в огонь: может, следует попросить шамана разжечь пламя побольше и пожарче, чтобы аж волосы в бороде начали скручиваться. Авось, и отпустит!

— Кхе-кхе!

Звук вывел его из размышлений. Он вновь посмотрел на тролля; тело слушалось его гораздо лучше. Ему даже удалось с огромным усилием присесть, приподняв грудь и голову. Ноги все еще оставались двумя большими деревяшками. Хорас поднял непривычно тяжелую руку и принялся растирать бедро, заставляя кровь бежать быстрее.

— И это тоже не кажется мне чем-то особенным. Подумаешь, смертное проклятье! Но вот другое... Скажу так, чтобы уж не тешить тебя особенной надеждой: тебя укусил мертвяк с Ларвийского погоста...

— Эй, погоди! — Паладин нахмурился. — Но я ведь до сих пор жив и чегой-то не горю желанием впиться в твою шею!

Он постарался улыбнуться. Получилось не очень.

— В этом и весь цимес. Ты должен, но почему-то этого не делаешь! Это... как его... ну у ваших ученых голов говорят, — он щелкнул пальцами.

Звук вышел звонкий, твердый, словно две деревяшки столкнулись.

— А, уникальный! Во, уникальный случай. Два темных заклятья столкнулись друг с другом и ни одно не желает уступать твое тело. Этим они тебя и поддерживают. Твою жизнь и твой дух.

Неожиданно Хорас улыбнулся, а после и вовсе открыто и свободно рассмеялся. Давно он так не радовался, — казалось, и забыл, как это приятно.

— Так холод отступит?

Троль кивнул.

— Что ж, ты меня обрадовал. Никогда не думал, что темная магия будет сама себе мешать.

Но Громак оставался таким же унылым. Морщинистая физиономия походила на лик, вырезанный неумелой рукой в камне.

— Не стоит радоваться. Проклятье Ларвийского погоста несоизмеримо сильнее — оно поднимает мертвых, а не просто отнимает жизнь. В конце концов, ты почувствуешь голод, который ты ничем не сможешь утолить. Даже теплой кровью живых.

Хорас помолчал, обдумывая сказанное.

— Так сколько мне осталось?

— Не знаю, — покачал головой шаман. Возможно одна луна, а может и того меньше. Процесс уже начался. Посмотри на свои пальцы.

Командор поднял руку и поднес ладонь к огню. На фоне пляшущего огня мало что можно было разглядеть, но это он увидел сразу: кожа на кончиках пальцев почернела, а ногти отливали глубоким антрацитом.

7.

Героним стоял на краю и смотрел вниз. Бездна завораживала, особенно скалы, торчащие из нее, словно колья из волчьей ямы. Полуэльф слышал старые истории, что тролли сбрасывают своих слабых детей вниз. Интересно, сколько костей уже скопилось там? Под снегом ничего не было видно.

Он мотнул головой, отгоняя отвратные мысли. После общения с грубыми великанами они все чаще и чаще посещали голову бывшего вельможи. И бороться с ними было все труднее и труднее. Призрак проклятой секиры все никак не желал отпустить — во снах он видел его, такую же прекрасную и страшную, как и тогда, на кладбище. Руки, тело помнило мгновения невиданной мощи, темной, но соблазнительной силы, пронизавшей жилы.

Героним и не заметил, как подошел к самому краю бездны. Очнулся он от окрика, которым наградил его старик-наставник, занимавшийся гурьбой тролльей малышни. Полуэльф дернулся, как от удара и отступил. Он прикрыл глаза — кажется, отпустило. Нет, нельзя ему оставаться одному. Сейчас бывший вельможа не доверял самому себе, но при этом приходилось надеяться на других. Великая сила оставила после себя великую слабость.

Обернувшись, Героним заставил себя обратить внимание на что-то более приземленное и не столь мрачное.

Он находился на краю каменной площадки, выровненной и выправленной руками троллей. Она была самой нижней из череды многих, тянувшихся к сверкающим снегам Ург'Нарва. Полуэльф задрал голову, прищурился. Стояла ясная солнечная погода — облака клубились где-то внизу, а тут в Горх-а-Нарге голубизна была такая, словно кто-то очень могущественный и с очень плохим вкусом покрыл небо яркой, до рези в глазах, краской. А снег горных вершин сверкал, словно россыпь бриллиантов в королевской сокровищнице. Но сквозь слезы Героним таки рассмотрел ряд террас, соединенных вырубленными прямо в горе лестницами и крутыми тропинками. А также множество пещер, пронзавших тело горы, словно ходы в муравейнике.

Тролли Ург'Нарва не были многочисленным племенем, но, как рассказывали Герониму, они жили здесь уже с сотню поколений. Но великаны не отличались особым горнопроходческим искусством, и хватало их на то, чтобы немного расширить и облагородить естественные пещеры или вырубить нечто вроде выемки в горе, укрытой каменным козырьком, где едва умещалась тролля семья: отец, мать и выводок лобастой малышни. Самой большой пещерой был Воинский зал, где жили молодые воины племени —

три футов длиной и пятьдесят в поперечнике узким, спину не разогнуть входом. Каждому молодому троллю полагалось за свою жизнь сколупнуть камешек со стен Воинского зала. Наверное, поэтому ее размеры позволяли в ней жить. Хотя как жить — почти сотню крепких молодых троллей спало вповалку, храпело, воняло, шумело, галдело, устраивали потешные поединки. Героним прочувствовал это в полной мере — ему-то пришлось поселиться вместе с ними, так как по возрасту подходил. Отдельные пещеры полагались лишь женатым или ценным членам племени. Само собой, полуэльф не был ни первым, ни вторым.

Вспомнив про женитьбу, Героним обратил внимание на загон с козлотурами — неуклюжими мохнатыми животными, напоминавшими чересчур волосатых коров с острыми козлиными рогами длиной с локоть, не меньше. Нет, конечно, не они привлекли его внимание, а тролльчихи, ухажившие за ними. У троллей женщины занимались домашним хозяйством, хотя, как ему показалось, в силе и ловкости мало в чем уступали мужчинам. Наверное, этим способом они тешили самолюбие своих будущих мужей, гордых, но не слишком многочисленных. С явной ноткой авантюризма в характере — именно она заставляла многих троллей искать лучшей доли в равнинной Эратии. И из-за нее появилось знаменитое подразделение троллей-магобойцев. С легкой грустью Героним вспомнил Гурдела.

Заметив его задумчивый взгляд, одна из тролльчих улыбнулась ему. Крепкие здоровые зубы, высокая грудь и относительно всего остального тела — узкая талия и широкие бедра. Ровные, хоть и несколько грубоватые черты лица не делали ее ослепительной красавицей, но заставляли обратить внимание. В отличие от вельможных дам королевского двора в Торгмаре, где в почете были отчаянная худоба и легкий флер холерической болезненности, она лучилась здоровьем. И вроде как была не прочь. На вкус Геронима она была очень даже ничего. Только вот плечи чересчур широковаты да и мощные руки с развитой мускулатурой его несколько смущали. Странно, когда женщина сильнее мужчины.

Полуэльф улыбнулся ей в ответ и подумал, что сегодня он будет ночевать не в Воинском зале. И в этот момент девушку дернула за руку старуха — видимо, командовавшие остальными во время ухаживания за козлотурами. Она была страшней любого тролля. При взгляде на нее Геронима передернуло, он сдавленно ухмыльнулся, с трудом растянув ставшие резиновыми губы и скрыв гримасу отвращения.

Быстро отвернувшись, он с облегчением выдохнул: нет, подумал он, никакой женитьбы. И пока никаких женщин — мало ли какие у них обычаи. Глядишь, за руку поддержишь, а потом скажут: вы теперь муж и жена. Лучше не нарываться — дипломатическая осторожность, слава Свету, еще никуда не делать. В этот момент он полуэльф заметил движение у входа в пещеру шамана, где уже который день старый тролль ухаживал за почти бездыханным командором Хорасом.

Из-за шкур показалась худая и согнутая годами фигура шамана. Сидевший по шестом со звериным черепом воин подскочил и чуть ли не вытянулся во фрунт перед стариком. Тот скептически его оглядел.

— Горгул! — В голосе шамана слышалось недовольное удивление. Он сказал еще пару слов, и тролль явно смутился и отвел глаза, ответив что-то неразборчивое.

Они говорили на своем грубом наречии, изобиловавшим твердыми, грохочущими окончаниями.

Героним считал себя способным к языкам, и, конечно, спустя несколько дней мог уже понимать отдельные слова и простые предложения. «Вождь», «ожидание», «приказ» —

ничего особенного. А вот одно слово, проскользнувшее в разговоре, вызвало затруднение. Вроде как и походило по звучанию на «гнома», но вряд ли могло означать дварфа. Подгорный народец активно мало общался со своими соседями по Королевскому хребту.

Слово наполнилось странными, мрачными коннотациями и было произнесено с интонацией, что состояла из отвращения и скрытого страха. Интересно, что оно могло значить?

Тут его заметил шаман. Громак подковылял к нему, опершись на сучковатый посох. За годы использования острые грани и торчащие сучки сгладились и блестели отполированной древесиной. Горгуль остановился чуть в отдалении, недовольно скривившись, а вот старик улыбался, оскалив по-лошадиному большие желтые зубы.

— Гуляешь, низинник? На женщин наших засматриваешься?

Героним натянуто улыбнулся. Выражение его лица было тщательно отрепетировано и вряд ли могло означать что-то другое, кроме вежливой заинтересованности. По крайней мере, полуэльф, натренировавшийся во время обитания в Торгмаре, мог на это рассчитывать.

— Хе-хе! А то — наши девки кровь с молоком. Камень, — он сжал свой костистый кулак, — размолотят своими сиськами!

Полуэльф продолжал молчать. Старику захотелось выговориться, подшутить над вынужденным гостем?

— Только вот глаза твои не на то обращают внимание. Небось не знаешь, что ребяташки Морхуна поймали цверга?

— Я слышал, что кого-то привели... — начал было Героним, но тут же осекся. Глаза его округлились, а в сердце кольнуло темное воспоминание: секира, проклятое оружие! Он явился за ним! Страх сжал горло. Голос сипел: — Что ты сказал?!

— Что слышал! — буркнул тролль, развернулся, кивнул своему сопровождающему и поплелся в сторону ближайшей лестницы, оставив полуэльфа с вытянутым от удивления лицом.

Потрясение было недолгим. Дождавшись, когда тролли поднимутся достаточно, чтобы не видеть его, он скользнул в пещеру шамана.

На лежаке, как и прежде, без движения лежал Хорас. Героним наклонился, и в очередной раз увидел, что его глаза закрыты, а грудь почти не движется. Полуэльф разочарованно хмыкнул, дернулся, пытаясь выпрямиться, но не успел. Сильная рука сжала его предплечье. Теперь глаза командора были широко открыты.

— Дхар! Ты жив! — выдохнул он в лицо Герониму. Дыхание старого паладина отдавало явственной гнилью.

— Ты так говоришь, как будто не рад? — язвительно заметил полуэльф. Он вцепился в руку человека, пытаясь отодрать ее от себя. Но она держала крепко.

— А разве я рад? — Хорас не заметил издевки и, уцепившись в бывшего вельможу, сел на свое ложе. Далось это ему явно нелегко. — Такую предательскую тварь, как ты, я бы с радостью обменял на живого Гурдела.

— Наши чувства взаимны! — ответил Героним, сражаясь с командорской рукой. Он скосил глаза. — Что... что с твоей рукой?

Хорас резко отдернул ее, сжал в кулак, который упер в бедро. Полуэльф мог поклясться, что кончики пальцев почернели, как у лежалого трупа. Но, может быть, ему просто показалось в неверном свете притухшего очага.

— Ничего, — буркнул командор. И, словно бросившись в атаку, своим фирменным

басом спросил: — Тебе чего? Сам же понимаешь, что я не рад увидеть тебя среди первых после своего воскрешения?

Воскрешения? У командора было совсем плохо с юмором, но Героним смолчал: дипломатичность, напомнил он себе, в первую очередь!

— Я думал, ты бы хотел услышать новость.

— Новость? — Хорас нахмурился.

— Конечно, я достоин того, чтобы меня цитировали, но ты не находишь, что сейчас несколько несвоевременно...

— Заткнись и говори по делу!

— Так заткнуться или говорить?

Героним резво отскочил от заворочавшегося, словно тюлень на лежке, командора. Тот бессильно сжал-разжал кулаки и с ненавистью уставился на него.

Дипломатичность ушла лесом. Героним выдохнул.

— Ладно, буду краток: тролли поймали цверга.

— Что?! — взревел Хорас и заелозил по своему лежаку еще активнее. — Веди меня к нему!

— Но ты же...

— Веди! — рыкнул командор.

Героним ожидал, что физиономия паладина станет пунцовой от гнева, но, что удивительно, он оставался все таким же бледным, как и раньше. Прямо-таки мертвенная бледность. Полуэльф заметил бинты, закрывавшие плечо рыцарю. Они были белыми, хотя за такой срок раны, наверняка, если вспомнить его состояние после погоста, не смогли бы затянуться и еще продолжали кровить.

— Бить не будешь? — скромно поинтересовался Героним.

— Нет! — прошипел Хорас то ли от боли, то ли злости. — Веди!

8.

Так много троллей Героним видел лишь однажды: в своем кошмаре. Правда, тогда это было пару сотен великанов с лицом Гурдела. Две сотни близнецов, и каждый укорял его за подставу. Наверное, так проявляла себя его совесть, в обычном бодрствующем состоянии организма мирно спящая. Диалектическая несовместимость, что и говорить.

Полуэльф помог выпрямиться командору. На нем был выдавший виды мохнатый зимний плащ, брошенный поверх рваного поддоспешника. Хорас тяжело дышал и морщился, как от боли: видимо, подъем дался ему нелегко. И это еще слабо сказано: сам Героним с трудом осилил подъем на четыре террасы вверх. И здесь было заметно холоднее.

Снег лежал уступах и окаймлял белым кольцом огромный амфитеатр, гудевшим многоголосым эхом. словно каждый из собравшихся троллей общался друг с другом в полный голос, но ни один другого не понимал.

Они перебивали друг друга, ругались — гул стоял такой, словно с гор обрушился камнепад. Один из тех, что мог с легкостью разрушить небольшой город.

Сужавшиеся к низу ступени амфитеатра были забиты воинами и охотниками, женщинами, стариками и детьми, испуганными и вопящими. Те, что постарше гоняли вверх-вниз и затихали лишь тогда, когда один из морщинистых, страшных, словно порождение

Бездны, ветеранов, окружавших площадку в центре амфитеатра непроницаемым кольцом, не награждал одного из хулиганов увесистым подзатыльником. Но профилактическое средство работало недолго.

Но стоило появиться шаману Громаку, как шум затихал сам собой, словно тишина волнами распространялась от него. Нет, ни о каких магических силах речи и идти не могло: тролли были единственным народом в Эратии, в котором магии не было ни на грамм. Поговаривали даже, что и души-то у них нету, и для Небесных Садов, как и для Бездны, они невидимы. Правда, своим проклятьем горные великаны не слишком тяготились. И выбрали в свое время они правильную сторону, из-за чего по всему королевству почитались за наивернейших союзников.

А шаманы троллей были мудрыми советниками, искушенными целителями, знавшие множество трав и даже правителями. Наравне с военными вождями. Каждый в племени Ург'Нарва уважал шамана. Даже сам Морхун и его ближайшие сподвижники. Уважали, но не любили. Героним не раз был свидетелем ссор между ними. Вождь был не слишком умен и частенько уступал в споре, но главный его аргумент — пудовые кулаки — не спешил пускать в дело. Слишком высокая ответственность на них обоих: соперничество с другими племенами Горх-а-Нарга, традиционная вековая война с етунами, а совсем недавно и стычки с отрядами Горгонадца. Тридцать лет — небольшой срок для тролля.

Полуэльф и сам отметил, что ум Громака не затупился с годами: что-то скрывалось за тем, что шаман рассказал ему о цверге. Да и поднялся он слишком медленно, раз даже Героним с ослабевшим Хорасом сумели его почти нагнать. Наверняка, в старой черепашке сложилась какая-то интрига. Чужая, старая перестановка, что на равнинах творится что-то неладное, вот и не спешит с выводами.

А они, даже с точки зрения Геронима, были не слишком очевидными. Особенно, по отношению к двум типам, привязанным к столбам в центре амфитеатра. Именно их и обсуждали все тролли, собравшиеся здесь, а ветераны охраняли от излишнего любопытства.

Темного гнома связали крепко-накрепко, накрутив веревки так крепко, что он сам едва виднелся из-под них. Предупредительно заткнули деревянным кляпом рот, отчего тот лишь грозно скалился и извивался недобитой змеей.

Странно. Героним подумал, что тролли чересчур предусмотрительны, раз бояться даже темного проклятья. Хотя кто знает этих цвергов — может они владеют какой-то особой магией, потому что сила и продолжительность этих проклятий не слишком, как слышал полуэльф, зависели от магической силы злых карликов. Обычный топорносец мог проклясть так, что он ни один клирик не освободит!

А вот второй был южанином. Но замотан не менее тщательно. Интересно, какой-то темный маг, или просто слишком невезучий тип?

Кроме того, полуэльф увидел еще одного человека. Носилки из двух жердей с накинутыми на них шкурами, на которых он лежал, окружали тролли из личного отряда Морхуна — уродливые головорезы, вооруженные массивными дубинами и тесаками.

Сам вождь тоже был там. Огромный даже по меркам самих троллей, ширина плеч едва бы позволила ему протиснуться в обычную человеческую дверь. Казалось, ему в этом случае было бы проще и вынести пол-стены своим здоровенным каменным молотом, окованным железными полосами.

Сейчас Морхун опустил его каменным оголовком наземь и использовал в качестве подставки для своих мускулистых рук. Он с почтительным вниманием выслушивал человека.

Судя по белесым волосам и вытянутой лошадиной физиономии, он был из Восточной Эратии. Торговец или что-то вроде того.

Мигом в группу поддержки вклинился Громак. Горгул остался снаружи, всем своим видом показывая, что он тут не причем. А шаман тут же принялся громогласно отчитывать вождя.

Плечо полуэльфа вдруг отяжелело — это оперся на него командор. Он выдохнул ему прямо в ухо.

— Чего встал? Пошли!

«Командир дхаров!» — подумал Героним и двинулся вниз. Хорошо, что перед этим появление шамана заставило троллей хоть ненамного умолкнуть и рассестись на ступенях.

Они спустились к вождю и шаману. Полуэльф вежливо кашлянул, привлекая внимание.

Без особого успеха. А вот Хорас рассусоливать привычен не был. Едва успев спуститься, повиснув на своем нечаянном помощнике, он громогласно заявил о себе. Героним отметил, что по силе голоса паладин едва уступал самым шумным троллям.

— Что здесь происходит?! Именем Света, я требую объяснений! Кто ваши пленники?

Громак резво для своего возраста обернулся, расплылся в самодовольной улыбке.

— А, господин командор, вы уже встали! Вовремя, очень вовремя...

— Что ты здесь делаешь, человеке? — прорычал Морхун. — Ты не допущен к собранию...

Всеобщий у вождя был отвратительный, едва понятный с большой примесью исконно тролльих слов.

— Я представляю Свет и Корону! И вы, как верноподданные...

— Мы, тролли Горх-а-Нарга, никому не подчиняемся! Ты слишком много себе позволяешь, человеке! Поди прочь, и ты не познаешь мой гнев!

— Ладно, ладно! — примирительно вступил между ними Громак. — Не будем спешить ссориться. Все-таки Хорас — важная вельможа внизу, да и эльфик тоже, если я не ошибаюсь. Я прав?

Со сдержанной улыбкой Героним кивнул.

— Может нам и стоит выслушать двух уважаемых низинников — они нам верные союзники, как-никак. Я прав? — Он повернулся к вождю.

Тот скривился, будто откусил кислое яблоко, но тяжело и неуступчиво кивнул. Шаман с показной благодарностью принял его согласие. Подал руку Хорасу, позволил на себя опереться. И паладин, и полуэльф выдохнули с облегчением.

— Итак, — сказал Громак, — ситуация довольно... гм-гм... как это на вашем будет... А, интересная, то бишь занятная. На дороге, ведомой... ведущей к Горх-а-Наргу, а она, ежели вам ведомо, единственный путь через горы в северной их части, мы наткнулись на разоренный караван...

— Не ты, а я и мои воины! — угрюмо поправил Морхун. — Етить твою налево...

Он сплюнул. Громак не улыбнулся, а просто-таки ощерился, благо зубы позволяли. Такие зубы да любому в его возрасте на зависть. Ну, в пересчете для обычного человека-низинника.

— Спасибо за уточнение! — он кивнул вождю. — Итак...

Видимо, данное слово было в почете у тролля-шамана.

— Итак, храбромогучий Морхун спас караван. Ну, как спас... Одного человека — владельца оногo каравана. Весьма, гм, предусмотрительно!

— Ты на что намекаешь, гнилая твоя печенка?! — взъярился Морхун.

— Неважно, — продолжал вещать Громак. — Но, кроме того, отыскиались в лесу двое: цверг и этот человек. Как утверждает торговец, человек — пиромант. А цверг...

— А, темнила, — опять встрял Морхун, наверное, вконец разозленный поведением шамана, — наслал на них етунов!

Остальные тролли, собравшиеся на редкие в их краях развлечения, уже не болтали — они смеялись над тем, как шаман унижает вождя. Угрюмо молчали воины, особенно Морхуновы сподвижники, а остальные не были столь печальны. И это злило военного вождя. Наверное, на это и рассчитывал Громак: когда человек злится, поддается эмоциям, он начинает совершать ошибки. Это было справедливо и для троллей. Хитрый старый дхар.

Героним с удовольствием внимал шаману — в нем чувствовалась душа истинного политика. Ощущение нарушил резкий противный голос, который подал лежащий на носилках раненый. Полуэльф внимательнее его осмотрел: у того ниже колен ничего не было — культяпки, обмотанные какими-то тряпками.

— Вы... вы паладин Хорас?! — с надеждой спросил он.

— Откуда? — резко подался к нему Хорас. — Откуда ты знаешь?

— Я - Даргмур. Мелгрик Даргмур, торговец из Дератона... простите, Восточной Эратии, верный слуга Света и подданный Его Величества. — Он натянуто улыбнулся. — Как тут не узнать? Вы — герой войны. Я видел вас, когда вы возвращались с победой через Дератон, то бишь его руины. Только тогда на вас были сверкающие доспехи и плащ белый, такой чистый... Я все думал, как он остался таким чистым. Всюду грязь, шел дождь, а вы такой чистый.

Мелгрик бредил: заметно было, как дрожат губы, бегают глаза, он дрожал. Но только потом Героним заметил, как изменился в лице командор. Скулы окаменели, губы сжались в тонкую полоску, изогнувшись капризной линией, но вот в глазах у него была неизбывная, безнадежная тоска.

— Был, когда-то был, — медленно, едва слышно проговорил Хорас. Он закрыл-открыл глаза, и Героним мог поклясться, что железный паладин смаргивает слезы. Присел на корточки рядом с раненым.

Движение далось ему нелегко — он закачался, едва удерживаясь на согнутых ногах. Но удержался и похлопал торговца по руке.

— Расскажи.

Мелгрик откашлялся. Он сумел сфокусировать взгляд и слабо улыбнуться командору.

— Я снарядил караван — думал успеть до конца сезона... Почти отказался от затеи, а тут вот подвернулись эти двое. — Кивок в сторону позорных столбов. — Черномазый назвался огненным магом — ну, с этим было сложно поспорить, штуки он выделял знатные, а вот второй — мне он сразу не понравился. Джалад назвал его дварфом Гормом, сказал, что он переболел какой-то гномьей заразой. Я, как дурак, поверил, а Поссум сразу заподозрил что-то неладное...

Неладное? Героним нахмурился, глянул на цверга — его-то перепутать с дварфом?! Надо постараться. Наверное, сгубил дератонца не какой-то там цверг, а обыкновенная жадность.

— А после на нас напали етуны — видимо-невидимо. Наверняка этот дхаров карлик их и призвал, а сам опосля и слинял на пару с огневицом. — Он с ненавистью поглядел на связанного цверга.

— Вот! — взрыкнул Морхун, грохнув яблоком на конце рукояти молота по земле. — Он связан с етунами, поэтому повинен смерти!

— Смерть! — глухо зарокотал вал голосов. Смех смехом, но цвергов не любили даже тролли. Хотя почему «даже»? Одни из первых цвергоненавистников. Свое время племен великанов было куда как большее количество. В том числе и таких, что проживали далеко на севере, на Лыдистом Нагорье.

Морхун покачал головой и выразительно посмотрел на Геронима. Почему именно на него? При этом полуэльф поклялся бы Светом, что где-то глубоко внутри шаман улыбается. Что же он задумал?

— Да, повинен! — взвизгнул Мелгрик с носилок. Глаза его опять помутнели — пальцы судорожно сжали край шкуры, на которой он лежал. — Он забрал у меня ноги...

— О, смерть... — театрально всплеснул руками Громак, — все вы скорые на руку да медленны по уму!

— Что ты там бормочешь, старик? — осклабился Морхун. Миг, и тяжеленный молот взлетел ему на плечо. — Иль против племени пойдешь?!

Сказано это было громко и отчетливо. Да так, что тролли повскакивали с мест, загомонили, потрясая кулаками. Орала все: воины, женщины и дети, хрипели и сипели в ярости старики — жуткие твари, сами похожие на порождения Бездны. Вскипели и ветераны, охранявшие пленников. Круг распался — они надвигались на шамана.

Тот грохнул оземь посохом.

— Опомнитесь! — И он перешел на родное наречие.

Героним понял его — озарение заставило его улыбнуться. Никто и не собирался спасать цверга, тем более, сами тролли. А шаман — и подавно. Он просто тянул время. Для чего?

Он дал им шанс. Единственный, но на большее он вряд ли был бы способен.

Героним огляделся, тронул за руку раздраженного Хораса.

— Что? — рыкнул командор. Он все еще пытался найти общий язык, хотя, стоило отметить, получалось неважно.

Полуэльф приложил палец к губам, мотнул головой в сторону привязанного цверга. И паладин все понял без слов, кивнул: больше возможности поговорить с гномом не представится. А выяснить предстояло многое. И без лишних ушей.

Великаны были увлекающимися существами и почти не обращали внимание на двоих людей. Незамеченными они пробрались к позорным столбам.

Хорас скептически оглядел цверга. Тот имел жалкий вид: грязная клочковатая борода, рваные лохмотья вместо одежды, заплывший из-за огромного синяка глаз, который, однако, пылал отчаянной злобой, как, собственно, и второй. Глядя в них, Героним подумал, что при иных обстоятельствах, будь цверг при силе, а они в его власти, он недрогнувшей рукой распотрошил бы их, а кишки развесил у них на шеях изысканным ожерельем.

Полуэльф нахмурился. Приближаясь к цвергу, он опять чувствовал, как пробуждаются в голове темные фантазии. И это не могло быть совпадением: гном имел непосредственное отношение к проклятой секире.

— Цверг, ты меня понимаешь?

Гном сфокусировал свой черный зрак на паладине, и Герониму почудилось. Что ненависть, пылавшая в них ярким огнем, разгорелась еще сильнее. Наверное, этот взгляд лишь малость уступал крепкой оплеухе. Хорас даже едва подался назад, словно защищаясь, а физиономия у него стала тревожно-трагической.

— Вижу, что слышишь. Во, как зыркаешь! — прошептал он. — Но не надо пытаться прожечь во мне дыру — я не казнить тебя пришел. Хотя не мешало бы... Видишь, я честен перед тобой. Как честен и в том, что хочу сказать: мне нужна твоя помощь.

Изумление, проскользнувшее в цвергских буркалах, не менее очевидное, как и опять появившаяся в них ненависть. Командор, глядя в глаза темного гнома, стойко выдержал — и лишь огладил рукой свою бороду.

— У нас мало времени, чтобы в гляделки играть или убеждать тебя в чем-то. Ты что-нибудь знаешь про проклятое оружие твоего народа? Ответь, если хочешь жить. Иначе я не смогу тебе помочь.

«Помочь?» Удивительно слышать такое слово из уст паладина Орден Света по отношению к цвергу, темнейшему из темных.

Гном, словно все еще сомневаясь (хотя почему «словно»? — на его месте сомневался бы любой), медленно, очень медленно кивнул. Конечно, он не был дураком, чтобы не понимать: в его положении хоть маленький, но шанс на спасение лучше, чем окончательная и бесповоротная смерть. А те самые скалы, у подножья Ург'Нарва могли вместить еще немало костей. И им было безразлично, кому они принадлежат.

— Мне необходимо знание. Что такого скрывается в этом оружие, особенно, в секире Головоруб, если за ней... Ты что-то знаешь?

Цверг горячо и быстро закивал, заелозил, пытаясь освободиться. Конечно, у него ничего не получилось.

— Ты готов мне помочь?

Тут поток кивков иссяк. Внимательно и неприятно пленник уставился на командора. Хорас продолжал:

— Сейчас я освобожу твой рот. И буду готов услышать слова клятвы — и я смогу отличить ложь от истинного слова. Да-да, знаком я с вашими способностями. А если попытаешься проклясть меня — опять! — то успею заткнуть тебя. И тогда уже ничто не поможет тебе.

Он рывком освободил цверга.

— Клянись.

— Клянусь, истинными словами говорю, клянусь отплатить тебе добром на добро, ежели освободишь меня!

Командор облегченно выдохнул, выпрямился.

— Именем Света и Трона! — загремел его голос. И весьма кстати: в этот момент толпа троллей готова была смешать Громака с каменной пылью, что они натоптали в амфитеатре. Они разом смолкли и удивленно уставились на Хораса. — Этот цверг под моей защитой! Только Орден Святого Света имеет право судить его! Любой, кто попытается заступить дорогу Ордену или Его представителю — в моем лице — будет отвечать перед Цитаделью и лично перед Магистром. И уж поверьте, излишним милосердием он не отличается.

Нет, тролли, несмотря на всю браваду все-таки побаивались Орден. Хорас, великий командор, улыбнулся довольно, пряча острую боль внутри себя.

— Ты лгал, — безапелляционно заявил Шмиттельварденгроу, когда его и Джалада

отвели в тесную и темную пещеру, пропахшую высушенными травами и едким троллем духом. Как они поняли, она принадлежала местному шаману, веселому старикану, хитрому и умному, что иной дхар.

Напротив них сидели светляк-паладин и еще какой-то тип. Судя по ушам, с изрядной примесью эльфийской крови.

— Да, — просто ответил паладин. Он свалил перед собой свои доспехи и тщательно начищал их тряпочкой и мокрым песком. — Только не будем это афишировать перед остальными, особенно перед троллями. Иначе моего слова им будет уже недостаточно.

Цверг кивнул, соглашаясь. Помолчал, словно раздумывая. Потом заговорил вновь.

— Ты говорил про Головоруба.

— Да, — кивнул паладин, — говорил. Что ты про него знаешь?

— Что знаю? Да, собственно, все. Она принадлежала мне, пока ее не выкрали. И я поклялся найти и вернуть.

— Это хорошо. Кому она может понадобиться?

Шмиттельварденгроу и Джалад переглянулись. И цверг поведал свои мысли по поводу Источника.

— Темный Властелин, говоришь? — Командор Ордена покачал головой. — Иногда слишком больно оказываться правым.

— О чем ты?

— Уже не важно. — Хорас стряхнул резким движением песчинки с начищенного зеркала кирасы. — Странное дело — никогда не думал, что попрошу о помощи кого-то, вроде тебя.

— Да? — ощерился Шмиттельварденгроу. Ослиное упрямство просто не давало вот сразу согласится на союз со своим естественным врагом. — А я уже согласился?

— А разве нет? — безразлично переспросил командор. — Вот то-то же. Теперь мы... э... э... вчетвером против Тьмы. Паладин-изгнанник, цверг, начинающий пиромант и... — Он покосился на Геронима: — полуэльф. Отличная компания!

— Но ведь и Великая Пятерка тоже была не слишком едина! — с воодушевлением произнес Джалад. — Железный Дровосек, Воровка, Синий Бельт, Храбрый Низушек и Космач! Как пишет Варрен, они с самого начала не могли ужиться друг с другом, но общая и великая цель...

— Заткнись! — рявкнул Шмиттельварденгроу. Его опять начало все раздражать, но неожиданно он добавил более мягким голосом — Пожалуйста. И это, светляк, ты не путай: борьба с Властелинами всех мастей — это твоя проблема. Моя же заключается в том, чтобы вернуть Головоруб.

— Любой ценой?

— Любой!

— Значит, и на смерть — очередную — Темного Властелина, если понадобится, ты пойдешь?

— Без вопросов! — рубанул воздух ладонью цверг.

— Но я думаю, — вкрадчиво добавил полуэльф, — что вряд ли тот, кого мы именуем Посланником Тьмы, отдаст его добровольно.

Шкуры у входа шелохнулись, и показалась скособоченная фигура Громака.

— Что, друзья, болтаем? — Он хохотнул. — Только вот у вас не шибко много времени для того, чтобы почесать языками. Мне удалось убедить остальных, что вас не стоит рвать на

части. — Тролль выразительно посмотрел на цверга и южанина. — Но у нас, как вы должно быть ведаете, не слишком большое терпение. Скажу честно: совсем крохотное. Вот такое! — Он свел указательный и большой палец почти вплотную. — Так что собирайте манатки и валите отсюда. Удалось хотя бы убедить Морхуна найти вам проводника.

— Спасибо и на этом, — кивнул Хорас. — Только вот одного не пойму. Зачем тебе все это? Ты нажил из-за нас проблем, рисковал, пошел против своего народа...

— Эх... — Громак опустил на шкуры рядом с ним. — тут все одновременно и просто, и сложно. Представь себе ситуацию: тролли находят тебя и полуэльфа, выживших после нападения умервий. И при этом ради вас погибает тролль, погибает героем, что очень почетно. А тролли мрут только за правое дело.

— Правое? А если они ошибаются?

— Ошибаются те, кто думает иначе! — резко ответил шаман. — Я считаю, что вам надобно было помочь, чтобы вы не затеяли — память павшего требует уважения к его идеалам!

Опять эти гребаные идеалы! Шмиттельварденгроу снова оказался в окружении фанатиков. Но, удивительное дело, теперь ихние фантазии очень даже подходили. На данный момент, а потом — цверг сдержанно ухмыльнулся — он сумеет повернуть ситуацию в свою пользу.

— Но ты не встанешь вместе с нами на борьбу. Так? — подытожил Хорас, выпрямившись. В его руках пылал багрянцем огня начищенный металл кирасы.

— Я?! — удивился Громак, лицо, изуродованное подкожными выростами, исказилось, став еще страшнее. — Нет, конечно. Я слишком стар, чтобы играть в героя. Позволь уж мне прожить свою жалкую юдоль в шкуре старого труса.

— Я бы не назвал тебя трусом, — осторожно вставил Героним.

«Капельку лести?» — покачал головой Шмиттельварденгроу. Вряд ли она могла бы прокатить со старым дхаром. Слишком он был себе на уме.

И правильно, слова полуэльфа лишь раздражили шамана.

— А что ты вообще знаешь о героях, остроухий? — обратил на него свое внимание тролль.

Полуэльф отвел взор. Знамо дело, нихрена о ни про каких героев не знает. Шмиттельварденгроу ухмыльнулся.

— А ты чего улыбишься, темняк? — рыкнул Громак, обернувшись к нему. Скорчил отвратительную рожу, словно собрался плюнуть в цверга. — Моget, ты ведаешь про героев?

— Ведаю, старый хрен! — равнодушно глядя на него, ответил тот. — Поболей некоторых.

— Это ты меня имеешь ввиду? Дык тогда стань им, коли знаешь как! — буркнул шаман. Нет, не плюнул, хотя, насколько заметил гном, ему очень хотелось. — Чтобы мы могли сложить песню о цверге, не пожалевшим живот за правое дело. Думаю, это будет удивительная песня. По крайней мере, таковых я раньше не слыхал.

— А разве для того, чтобы попасть в песню, надобно умереть?

— Само собой, — важно кивнул Громак. — Хороший герой — мертвый герой.

— Ну, выжить, например, — подал голос Джалад. Неуверенно так, робко.

— Не-е, — протянул старый тролль, — живых героев не бывает. А ежели остался таков тип живехонек, то, значит, и подвиг не такой уж и великий. Так, разминочка. Настоящий подвиг всегда последний.

— Ну спасибочки, — протянул Шмиттельварденгроу, — ободрил, что и говорить.

— Я рад, — по-идиотски ослабился шаман, — ну...

— Коли не хочешь с нами, — властно прервал его Хорас, — то попрошу оставить нас одних. Обсудить геройство.

— Правильное дело — не буду мешать.

Громак отвесил шутовской поклон и задом вышел наружу. Колыхнулись и сомкнулись шкуры. Цверг выждал пару мгновений и сказал:

— Так что нахрапом? В лоб? Армия, конечно, у нас не ахти, клянусь Бездной, но авось потянем на героев.

Он невесело улыбнулся. Умирать ему совершенно не хотелось. Но жизнь его впервые за столько времени обрела смысл. И цель. А ради нее можно и умереть, борясь. Уж лучше так. Чем конопатиться в глубокую нору и лакать брагу бочонками, дожидаясь, пока тебя не выкурят, как паршивую лису.

Сильно изменил гнома невольный поход. Только за секирой-то? Нет, подумал цверг, больше за самим собой.

Не ожидал он от себя такого. Думал, выгорел изнутри, но что-то еще тлело. Поэтому он и сказал, оглядев остальных участников:

— По крайней мере, я готов на это. — Он потрянул кудлатой головой. — Сам себе не верю, но клянусь извечной Тьмой, многих вражин — и светлых, и темных — заберу с собой в Бездну!

Он грохнул рунной секирой по земле. Не поскупились тролли — вернули и ее. Острый шип-пробойник на конце рукояти глубоко вошел в вытоптаный до твердости камня насыпной пол из песка, соломы и глины.

— Не горячись, гноме, — мрачно улыбнулся паладин, внимательно глядя на него. И в его голосе сквозило искреннее уважение.

Уважение от врага? Что ж, тем почетнее.

— У меня есть иной план, — продолжил он. — Хотя и для его исполнения попотеть придется, но, верю, героями нам становится не придется.

Ранняя зима.

Отвратная пора, особенно здесь, в северной Эратии. На юге снега вообще никогда не выпадают, а лужи замерзают лишь под утро тонкий хрупким ледком. Но тут — иное дело.

Морозные сырые ночи, после которых на одежде оседает слой инея толщиной с полпальца, а одежды становятся что деревянные. И не менее промозглые, хоть и более теплые дни. Правда, и они не приносят с собой ничего хорошего. Холодный, до ломоты в костях дождь, мелкий и противный, месиво из черной грязи, мусора и опавшей листвы вместо дорог и мрачные леса, похожие на скопление уродливых виселиц. Так и хочется кого-нибудь на них развесить. И унылые серые города и деревни, одинокие хутора, застывшие уродливыми наростами на пустынных, прорезанных белыми проплешинами чудом уцелевшего снега. И в это время к людям начинали наведываться первые волчьи стаи, ведомые зимними вожаками, огромными, наглыми и почти по-человечьи умными. Но одновременно с этим на редких торгах появлялись и первые белые шкуры, мохнатые и теплые. Даже в своей беде люди находили пользу.

Но только не этой зимой. Торжища не стояли пустынными, но волчьих шкур на них не наблюдалось. Только хлеб, зерно и солонина. Гнилье, пополам с червями, хранившееся вот уже который год, никому не нужное. Но даже оно не задерживалось на прилавках. Любую еду скупали за бешеную цену, не скупясь и не торгуясь. В Эратию пришла война.

С югов, откуда доносились слухи о страшной армии чудовищных степняков, шли и шли вереницы беженцев. Иногда целые города уходили на север, спасаясь от смертей и разорений. И всей это ораве надо было есть, спать, справлять нужду. Они были саранчей, пожиравшей все на своем пути. Местные, свободные фермеры и сельские феодалы, интенданты с городскими запасами продавали им втридорога, набивали карманы серебром и золотом. Медь уже давно не котировалась — почиталась за грязный, бросовый металл. Медные монетки, корольки, как их называли местичи из-за профиля давным-давно забытого правителя грубой чеканки, можно было найти в грязи, в обочинах, зеленеющих в лужах и мешанине из дорожной глины и полурастаявшего снега.

Те, кто не мог платить требуемое, отрабатывали паек, нанимались в кабалу к местным дворянам. Кадия, Кравия, Умбрия, Сараванг мигом стали одними из самых густонаселенных пределов Эратии. И никогда еще у кадийского графа, кравийского барона, умбрийского князя и володаря Сараванга не было столь много крепостного люда. Поначалу они радовались, потирая руки в ожидании прибылей. А когда поняли, что запасов едва-едва хватает на то, чтобы самим дотянуть до конца зимы, то вывели на тракты свои дружины, по крайней мере, пытавшихся заворачивать голодые орды беженцев назад. Получалось помирному не всегда.

Часто им приходилось сходить с дороги и пропускать колонны беженцев с вооруженным сопровождением королевских войск. Дабы глухое недовольство не превратилось в гражданскую войну: среди беженцев попадались и ветераны Темных войн, и остепенившиеся на земле наемники, вольные рыцари с семьями и бывшие солдаты, отслужившие свой срок. Ясно, что они знают с какого конца держаться за меч.

Иногда встречались разбитые телеги и тела, сваленные на обочине. Мужчины с дрекольем и настоящим оружием, женщины, старики и дети. Только тарквиниев нигде не было — и немудрено. Разве кто-нибудь позволит пропасть такому количеству мяса. Раз не сразу, так после подтянутся ночью, а на утро даже костей не останется.

Шмиттельварденгроу был ко всему этому равнодушен — точно такую же картину он наблюдал тридцать лет назад в Восточной Эратии, но вот Джалад явственно бледнел от всех этих видов. Что поделать, благословенный южный край огненных гор не ведал таких масштабных войн. Как, до поры до времени, не ведало и Королевство. И это еще были цветочки: сюда еще не добрались вражеские войска.

Лошадей они раздобыли в замке саравангского володаря. Его самого не было — объезжал владения и наводил порядок во главе со своей дружиной. Встретил их комендант — хмурый дядька с бородой до пояса. Он был старой закалки и наверняка участвовал в Темных войнах, поэтому не прекословил Хорасу. Он еще помнил ужасы войны, чтобы уважать волю Ордена. Молодые, поминая про поражение при Черных Холмах и последующее бегство королевского войска во главе с паладинским отрядом, были не столь любезны. Настолько, что Хорасу пришлось заметить, что во главе той армии стоял Линсельм, герцог Ниддарский и королевский лорд-герольд — двоюродный брат короля, второй маршал и известный глупец. Не рассказывал он только про то, как милый Линсельм не раз и не два наведывался в Цитадель к самому Магистру. Но сказав одному, сказав

другому, он вряд ли смог остановить волну слухов.

Так или иначе, после Сараванга они ехали верхом, а Шмиттельварденгроу — верхом на флегматичном муле, который сам был едва выше цверга. И все потому, что на лошади его просто-напросто укачивало. Только вот смеяться над этим никто не стал: вспыльчивый нравом гном мог выкинуть какую-нибудь неприятную для окружающих глупость.

Нынче, после всего, он уже начинал помышлять, что совершил ошибку, так легко согласившись на предложение командора. Но разум утверждал, что без помощи ему не справиться.

Наконец, он решился. Шлепнув ладонью по крупу мула, он подъехал к могучему рыцарскому иноходцу, на котором восседал Хорас в полном боевом облачении. Доспехи были что зеркало, за спиной развевался постиранный и починенный белый плащ. Шлем паладин приторочил к седлу и ехал с непокрытой головой. Белая, словно мелованная кожа туго обтянула скулы, запали глаза под насупленными седыми бровями. Паладин сильно сдал за последнее время, пусть даже и внешне. И Шмиттельварденгроу догадывался почему.

— Гноме, — кивнул ему человек. Латные рукавицы скрипнули, когда он крепче сжал поводья.

— Я чувствую в тебе проклятье. Цвергское, — произнес Шмиттельварденгроу. — Если хочешь, я могу снять его.

— Спасибо за участие, но нет. Оно меня не тяготит. — Хорас покачал седовласой головой.

— Не тяготит? — Он что — издевается? Цверг начинал злиться. — Как тебя, человек, может не тяготить проклятье. Из-за него погибали целые страны. Из-за брошенных походя слов.

— Откуда в твоём народе такая сила? Видать, не Светом это определено.

— Дхаров дхар, не знаю. Да и мне все равно. Я просто хочу быть уверен, что когда наступит момент, ты не подведешь. Здесь только двое, — Шмиттельварденгроу обернулся: Героним и Джалад что-то живо обсуждали, видать, нашли друг друга два одиночества, — кое-как умеют обращаться с оружием.

— Но почему же? — Командор выгнул бровь. Уже в который раз цвергу показалось, что у паладина не лицо, а маска, кожаный капот, натянутый... На что? — Твой южанин — пиромант. Героним — тоже, хоть и слабенький. К тому же я видел, как он орудует Головорубом.

При упоминании секиры лицо у цверга передернулось. Он заставил себя унять и не бросится на полуэльфа, руки которого осмелились осквернить его оружие. Нет, не время еще. Правда, наступит ли оно когда?

— Секира любого превратит в великого воина — это ее свойство. В ней умения лучших секироносцев моего племени. А магия... Волшба ненадежна — меня вот подводила не раз. Только это, — он провел пальцем по кромке станской секиры, — никогда. Так что еще раз говорю: я могу снять проклятье.

— Все равно — нет, — качнул головой Хорас. — И это не из-за того, что считаю тебя врагом.

— Тогда из-за чего же?

Командор оглянулся: Джалад с Геронимом продолжали оживленно общаться. Видать, обсуждали какой-то аспект огненной магии. И, судя по изменившемуся лицу и потухшему взгляду, решился.

— Дело в том, что цвергское проклятье поддерживает мне жизнь...

— Что-о?

— Не перебивай! — В голосе паладина прорезалась сталь. — Ты не знаешь, что я и полуэльф выжили на Ларвийском погосте.

— Это Большой который? Тогда уважуха, клянусь Бездной.

— Спасибо, — сардонически усмехнулся Хорас. — Только вот после посещения сего изумительного места я не остался прежним.

Он стащил латную перчатку и пошевел пальцами, белыми с черными некротическими кончиками.

— Меня покусали.

Неожиданно. И это было еще слабо сказано. Шмиттельварденгроу от изумления даже рот разинул.

— Дхаров дхар! И ты еще не мертвяк с зелеными глазами?! Э-э, интересно... — протянул он. Сколько прожил цверг, а о таком ни разу не слыхивал. — Это что ж получается, проклятье спасло тебе жизнь?

— Не совсем. Скорее оттянуло неизбежное. Сколько его хватит я не знаю, но только вчера заметил, что пальцы начали терять чувствительность. Хотя надеюсь, что завтра не стану смотреть на тебя, как на вкусный окорок. — Человек слабо улыбнулся.

— Если шутишь, значит, еще крепок. Хотя...

— Я знаю, — кивнул командор. — Никто не знает, что будет со мной дальше. Только вот соображаю я все еще ясно, а проклятья лишь прибавляют мне силы. Впервые за последние пару десятков лет я чувствую себя сносно без всяких эликсиров. Только вот...

Он сник, словно раздумывая, стоит ли говорить дальше.

Решился:

— Не важно, победим или проиграем мы, но я хочу знать, что такая моя жизнь не продлится слишком долго. Как только я стану не нужным, то ты цверг убьешь меня. Для тебя это будет легко, ведь ты был и остаешься моим врагом, с которым я лишь временно заключил союз.

Согласиться было легко, но вот только что-то Шмиттельварденгроу не спешил. Что-то мешало ему, может быть, странное чувство привязанности к паладину-изгнаннику и то, что теперь цверг был не совсем тем, что раньше. Нынче он даже мог некоторых людей назвать своими друзьями. Это было странно... и приятно.

Наконец, решился и он.

— Хорошо я сделаю это.

10.

На исходе четвертого дня они пересекли граничные засеки Сараванга и вступили на землю Дарватского княжества — одного из самых крупных, хоть и не самых многочисленных пределов Королевства.

Но нынче княжество могло претендовать и на второй титул, сомнительный по смыслу. То и дело около дороги попадались лагеря беженцев, которые охраняли княжеские войска. То ли лагерь от воров и мародеров, то ли окружающие земли от обитателей лагеря. Шум и вонь доносились даже до дороги. Пахло людьми: кровью, нечистотами, гнильем и голодом.

Вроде как дарватский князь организовал раздачу хлеба, но его все равно не хватало. А за околицей уже возникло кладбище и вырос дощатый барак со знаком Святого Света над кособокой крышей. Среди толпы беженцев попадались белые балахоны клириков — они были словно стервятники, привлеченные страданиями такого количества людей. Шмиттельварденгроу презирал их, но это чувство, как он теперь понял, носило иррациональный характер. За что презирать тех, кто и так подневолен тяжелой длани Ордена.

На окраине лагеря, той, что упиралась в разъезженный тракт стояло старое мертвое дерево с кривыми сучьями и гнилым дуплистым стволом. На нем что-то виднелось — дощатый прямоугольник с выжженными буквами. Когда четверка путешественников подъехала, они смогли разобрать надпись:

!РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

!ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ!

!КЛИРИК ДЕРОИЛ!

!ПРЕДАТЕЛЬ ОРДЕНА И СВЕТА!

!ОТСТУПНИК И СЛУГА ВЕЛИКОГО ВРАГА!

!ВРАГ КОРОНЫ И КОРОЛЕВСТВА!

!НАГРАДА — 1000 ТАЛЕРОВ СЕРЕБРА!

!ЗА ЕГО СООБЩИНИКОВ ИЛИ ТЕХ, КТО ЕМУ БЛАГОВОЛИТ!

!200 ТАЛЕРОВ СЕРЕБРА!

А под ней грубый, но вполне четкий портрет этого самого Дериола.

Шмиттельварденгроу внимательно взгляделся в лицо Хораса, и от нее не укрылось, как будто дернулась щека, сжались в тонкую полоску губы, помертвели глаза.

— Знакомый? — как бы невзначай осведомился цверг. — Уж не тот ли это друг, о которым ты все говорил?

Командор промолчал, буквально прожигая глазами объявление. Но потом-таки заговорил. Правда, совсем не то, о чем спрашивал гном.

— Значит, враг вычищает ряды Ордена...

— Знаешь что, — вновь заговорил Шмиттельварденгроу, — а мы находимся в более выгодном положении. По крайней мере, этот самый враг не подозревает, что все еще не кормишь червей. Ну, или сам кормишься на ком-то и противостояние Света и Тьмы тебе уже совершеннейшим образом фиолетово. Стоит задуматься, что мой план был, клянусь Бездной, не так уж и плох.

Хорас сорвал объявление и скомкал его в руке. Сунул в переметную суму.

— Как раз сейчас и не мешало его найти. Если его разыскивает Орден, значит, он на нашей стороне. Или, по крайней мере, будет на ней.

Шмиттельварденгроу подивился превратностям судьбы: он и вместе с паладином (пусть теперь и бывшим), полуэльфом и пиромантом идет брать штурмом Цитадель Света. Это был цвергский план, бесхитростный, простой и вряд ли выполнимый. В то же время Хорас предложил свой: оказывается у него есть друзья, которые каким-то образом помогут ему. Цверг покачал головой: не нравились ему такие друзья — с ними никаких врагов не надо. Продадут, купят — и еще раз продадут.

С ними поравнялось еще двое: Героним и Джалад. Теперь они вчетвером едва умещались на узком деревенском шляхе.

— Уважаемый, — издалека начал полуэльф. Шмиттельварденгроу даже оглянулся, выискивая «уважаемых». — Уважаемый, ежели мы решили навестить вашего разыскиваемого друга, то стоит неким образом изменить внешность.

— О чем ты там толкуешь, остроухий? — скривился цверг. — Причесаться и умыться? Героним сдержано улыбнулся.

— Это бы тоже не помешало. Но я говорю о другом. Сир, со своими бородой и плащом вы весьма узнаваемы. Ежели плащ поменять легко, то насчет другого... сложнее. Но уж поверьте мне, бритье бороды меняет человека радикально. Это я вам говорю, как знающий человек. На моей родине искусство — заметьте, я говорю искусство, а не ремесло — брадобрея в большом почете, и занимаются им только уважаемые люди!

— Дело говорит! — кивнул Джалад. — Помню, когда я в своем Валанте хотел побриться, то шел исключительно в эльфийский квартал — там этих брадобреен было на каждом углу, что блох на собаке, и, как писал Саммах эль-Гаруди...

Он смолк, стоило только Хорасу пронзить его взглядом, который по интенсивности и наполненности смыслом не уступал цвергскому. Гном же в этот момент откровенно забавлялся, ухмыляясь во все свои шестьдесят четыре заточенных зуба.

— Так ты говоришь, побриться? — очень спокойно, даже чересчур осведомился Хорас, глядя теперь уже на Геронима.

— А что, — влез Шмиттельварденгроу, — он, конечно, еще тот дхаров выкормыш, но идея очень своевременная.

— Своевременная?! Хорошо, цверг, спрошу по-другому: что ты сделаешь с тем, кто посмеет отрезать волос в твоей бороде?

Гном нахмурился, но потом ответил:

— Разорву на тысячи кусочком, и помрет глупец только на пятисотом!

Командор холодно улыбнулся.

— Ты слышал ответ, Героним!

— Как соизволите, сир! — поклонился полуэльф и дальше уже ехал молча.

Шмиттельварденгроу вновь поравнялся с Хорасом, когда они съехали с тракта и двинулись по узкой лесной тропинке, укрытой чавкающим ковром из павшей листвы и грязи. Подальше от незваных глаз.

— Скажи, паладин, ты действительно веришь этому своему другу? Кто он вообще?

Человек покосился на него.

— Когда мы были у троллей ты не задавался такими вопросами.

— Видимо, троллячья глупость была заразной, — пожал плечами гном. — Нынче я исцелился. Короче, мне хотелось побыстрее избавиться от покореженных рож.

— Эт хорошо, что кто-то из нас все еще здоров. А друг надежный. Именно от него я услышал, что Магистр не тот, кто на самом деле. Или по крайней мере, укрепил меня в моих сомнениях. А когда Магистр, или кто там скрывается под его доспехами, явился и чуть не скормил нас мертвякам, я стал уверен в этом.

— Так кто же по твоему этот Магистр?

— А ты не догадываешься, гноме?

— Подожди! — Озарение ударило поленом по лбу. — Уж не хочешь ли ты сказать... А ведь и точно. Иначе и быть не могло.

Цверг улыбнулся. Заточенные зубы придавали ему демонический вид.

— Ха-ха, какая ирония судьбы, клянусь Бездной и всеми ее демонами! Горгонадец во

главе Ордена Света! — Потом он столь же внезапно помрачнел. — И я шел за ним, верил и клялся его именем. Отродье Бездны и отрыжка Света!

— А представляешь каково мне, цверг?

Дхар раздери, но ему начинал нравится этот человек. Паладин, даже целый командор Ордена Света, его извечный враг, но он был воином, честным и справедливым. По крайней мере, гному это казалось. И, возможно, Хорас мог стать и добрым другом. О, друзья... У цвергов, как усвоил с младенчества Шмиттельварденгроу не бывает друзей.

Не бывает? Теперь ему хотелось рассмеяться в лицо тому, кто это говорил. Фозз, отдавший за него жизнь, Джалад и теперь Хорас. Неужели... Неужели он обрел то, о чем даже мечтать не мог?

И дальше Шмиттельварденгроу ехал с прямой спиной и тем самым выражением лица, которое можно встретить лишь в легендах о благородных героях. Шмиттельварденгроу-прежний от такого бы просто плевался. Но его уже не было. Кто-то другой был и, как казалось, чуточку получше старого.

11.

Все-таки Хорас воспользовался предложением, как бы он ему не сопротивлялся.

В захудалой таверне на окраине малого село никто не страдал излишним любопытством: ни хозяин, ни его сыновья, хмурые типы, смахивающие на бандитов. Видимо, такие, как четверка путешественников попадались часто. Здесь была глубокая Эратия, глухая, далекая и от торговых трактов, и от просвещенного богатства больших городов.

В снятой комнате командор позволил-таки Герониму заняться бородой, правда, не побрить начисто, а лишь укоротить и подровнять. И, несмотря на то, что полуэльф работал обыкновенным кинжалом, получилось добротнo. Наверное, лучше не справился даже торгмарский брадобрей с Золотого рынка со всеми своими ножницами и бритвами. В мутной глубине полированного серебряного блюда, незнамо каким чудом обретенного хозяином таверны, отражался седой, но все еще крепкий мужчина с массивной квадратной челюстью и аккуратной рыцарской бородкой. Таким он мог сойти и за рыцаря с рубежей Королевства, и наемником. Второе было предпочтительнее: от него требовалось ни титулований, ни строгих правил этикета, в коих Хорас — выходец из простого народа — мог и напортачить.

Он снял с себя часть лат, оставив лишь поддоспешник, кирасу с наплечники, кольчужную юбку и поножи, подходящие для конного боя. Белый плащ сменил невзрачный шерстяной, купленной в этой же деревне. Немало времени при этом пришлось потратить на то, чтобы выловить в нем всех блох, а уксусом отмыть часть пятен. Большинство, правда, осталось, но Героним отметил, что редкий наемник следит за состоянием своего гардероба.

Дождавшись наступления темноты, вся четверка спустилась к коновязи. Хорас сунул мальчонке, спавшему в хлеву рядом с животными медяшку, чтобы тот молчал, да он, видимо, так и не понял: то ли приснилось ему все, то ли и в самом деле гости за животными заявились.

— Здесь. — Командор остановился на околице небольшой и некогда весьма преуспевающей деревушке.

Ярко, словно фонарь в небе, светила луна. И разукрашивала сдержанными приглушенными оттенками голубого, расчерченного резкой чернотой теней, лежавшую перед ними деревню. С многочисленными садами, аккуратными домиками и узкими дорожками, выложенными цветными камешками. Да вот только сейчас деревья стояли черные, с когтистыми ветвями, в окнах, несмотря на ночную пору, не было ни огонька, заколочены и двери толстыми тяжелыми досками. Тропинки вбили в грязь ногами, колесами повозок и копыт тарквиниев. Заборы исчезли, наверняка разобранные на костер, кое-где даже срубили деревья в некогда богатых домах — через деревню прошли люди. Много людей. Беженцы теперь казались саранчой, разорявшей Королевство не хуже находников, только страдали от нее большей частью люди простые, крестьяне и свободные общинники.

Хорас угрюмо оглядел разорения, ткнул пятками в бока лошади и двинулся было вперед, но его остановила рука Шмиттельварденгроу, коснувшаяся его локтя.

— Не стоит так внаглую. Если здесь проживает твой Дериол, то я, клянусь Бездной, устроил бы засаду на его друзей. Если бы был его врагом, конечно.

— Обо мне беспокоишься, гноме? — жестко ухмыльнулся командор.

Цверг оскалился, показав острые акулы зубы.

— Больше о себе, паладин. Ты у нас человек конченный, терять особо нечего. А вот мне польза в тебе имеется: как я без тебя секиру свою отыщу, клянусь Бездной?! Вот то-то же. Обмозговать все надо.

Он кивнул Джаладу.

— Ходи сюда.

Южанин выглядел жалко после всех странностей. Похудел, осунулся еще больше, кожа приобрела какой-то пепельный оттенок, а вот лишай свой, как рассказал он сам, исчез после лечения у троллей.

— Ты у нас человек незамеченный, — сказал Шмиттельварденгроу и ободряюще похлопал по плечу, — и не вызовешь излишних подозрений...

— Я понял, — холодно прервал его пиромант, посмотрел внимательно на Хораса и кое-что в его взгляде цвергу не понравилось: затаенная злость, что ли. — Я должен проникнуть в деревню, оглядеть дом Дериола и вернуться. Хорошо, только есть одно «но».

Он вновь поглядел на паладина и потянул гнома в сторону.

— Когда ты будешь меня темной магии обучать? Или я тебе мальчик на побегушках?

— Хорошо, — цверг тяжело выдохнул. — Я займусь тобой Будь уверен, ты вырастешь знатным чернокнижником, но теперь мне нужна твоя помощь...

— Опять, — вставил Джалад, — и ни слова о магии.

Шмиттельварденгроу тяжело вздохнул.

— Хорошо, я даю тебе свое слово, — сказал он. Голос его словно кристаллизовался в воздухе, а потом резко треснул и рассыпался. Поплыл едва уловимый, но узнаваемый аромат магии. — И оно нерушимо. Теперь доволен?

— Да, — кивнул маг. — Теперь я готов выполнить вашу просьбу.

Ночью ударил мороз. Не сильный, но для уроженца южного Заморья вполне чувствительный. Не спасал даже толстый шерстяной плащ, сменивший его лохмотья, и

кожаные штаны и рубаха из плотного сукна, купленные на деньги командора.

Вернувшись до первых соловьев, он успел основательно продрогнуть и, когда он вернулся в таверну, то первое, что сделал: присел к камину и протянул к нему дрожащие руки. В зале было душно и жарко, судя по потным и покрасневшимся лицам посетителей. С почерневших стропил свисали лохмотья сажи, густо пахло подгоревшей снедью и гнилым луком, который богато начиняли блюда этого заведения. Люстра из железного обода, с насаженными на него оплывшими свечами, чадила сильно, но света давало едва-едва. Так, что углы тонули в густых тенях.

Когда рядом появился Хорас, он так и не смог вымолвить ни слова. Единственное, что получилось, немного унять зубы, выбивающие затейливый ритм.

— Тихо?

Джалад кивнул.

— С-с-странно, — сумел он-таки выдавить из себя, — если бы было иначе. Все-таки его разыскивают по всему Королевству!

— Я знал, — равнодушно согласился командор. — Но никто и не думал, что будет иначе. Дероил — не дурак.

— Не дурак?! — вспыхнул маг. — Тогда я полный дурак, если пошел сюда. Не удивлюсь, если завтра слягу с горячкой. И ради чего? Ради того, чтобы какой-то рыцарь убедился в своей правоте...

Хорас ухмыльнулся. Похлопал джаффа по плечу.

— Чтоб горячки не было, обычно пьют горячий грог.

— Горячий? Я бы не отказался.

— Тогда, — паладин шутливо поклонился, — прошу к столу.

Шмиттельварденгроу и Героним терпеливо дожидались их, коротая время за тарелкой с тушеной брюквой, приправленной мясом. Вернее, редкими мясными волокнами, похожих на бледных червяков, заселивших серую разваренную массу, но, хоть полуэльф ел с видимым усилием, морщась и кривляясь каждый раз, когда подносил ложку ко рту, цверг уплетал за обе щеки.

Когда Хорас с Джаладом подошли к столу, цверг уже доедал свою порцию и с плохо скрытым вожделением поглядывал на тарелку полуэльфа, который едва притронулся к еде.

— А вот и наш друг! — Хорас присел, усадил рядом джаффа.

— И что? — тот испытующе уставился на него.

— Что «что»? — Паладин придвинул к нему глиняную кружку, над которым вился парок, пахнувший кислым вином и специями. — Вот твой грог.

Джалад глотнул. Приятное тепло обожгло пищевод, бухнуло в желудок. Мышцы, сведенные холодом, отпустило. Он расслабился, чуть не расплылся топленным маслом по лавке. По крайней мере, потянуло в сон. Джаффец не отказался бы от хорошо прогретой и мягкой постели и, может быть, чего-то жаркого тела под боком. Мягкого и нежного.

Нет. Рано для этого. Джалад встряхнулся, прогоняя цепкие щупальца сна. Оставил кружку с грогом. Ему было уже достаточно хорошо, что адекватно воспринимать реальность, но не потерять связующую нить разговора.

— Что дальше, я говорю? Что делать-то будем.

— Ждать, — буркнул Шмиттельварденгроу. — Ты пей-пей.

Он кивнул на грог.

— Сам готовил. По традиционному цвергскому рецепту. Чутьочку специй, самую

малость черной магии, — он хохотнул, — и много, очень много местного паршивого вина. Прошибает до печенок.

— Да, — кивнул Героним, — уважаемый гном сам готовил. Говорит, «мерзлый придет — надо привести в норму». «Клянусь Бездной»!

Последние слова он сказал глухим цвергским басом. И — самое удивительное! — Шмиттельварденгроу вместо того, чтобы вспылить по своему обыкновению, громко расхохотался, чем привлек внимание тухлой компании по соседству. Заросшие по самые глаза мужики заозирались, сказали что-то грубое, отчего цверг мигом обернулся.

Рука опустилась на рукоять рунной секиры. Гном ощерился, показав два ряда острых акульих зуба.

— Надо чего? — Он с тошнотворным скрипом провел грязным ногтем по лезвию, острому, словно бритва цирюльника.

Те мигом стушевались, бормоча извинения. Цверг повернулся опять к столу.

— Демонское дерьмо! И так, все-таки чего ждем?

Хорас оглядел всех присутствующих.

— Когда нас найдут.

— Найдут?

— А, может, хватит повторять мои слова! — Он опустил большие натруженные руки на стол. — Да, найдут. Те, кто знает, где Дериол, или даже сам клирик.

— Или те, кто сам его ищет.

— Или они, — кивнул Хорас. — По крайней мере, это может означать хоть какую-то определенность. И мы начнем действовать по-настоящему, а не возится, словно слепые щенята.

— А, все эти ваши планы, которые неизвестно — выполняться или еще нет. Дериолы, союзники, друзья... — Шмиттельварденгроу махнул рукой. — Слишком все сложно. Надо было нахрапом — топором постучаться во врата Цитадели.

— И умереть, не успев ступить и шага к этим самым вратам, — хмуро произнес Хорас. — Почему Дериол? Он умнейший из всех, кого я знал. Если кто и знает, какие еще отнорки ведут в Цитадель, то только он. Когда-то он был смотрителем архива Ордена. И он первый догадался о настоящей личности Магистра. Если его уже ищут, значит, он пошел против него в открытую. Так просто Дровосек, или же его надо кликать Повелителем, не посмел бы его тронуть — слишком большой авторитет у Дериола. Такого лучше не трогать.

Открылась, скрипнув, дверь в таверну, но — странное дело — на вошедшего никто не обратил на него внимание. Наверное оттого, что появлялся незнакомец здесь почти каждую ночь под утро. И уже многим успел намылить глаза своей нарочитой безликостью. Округлое и широкое лицо с носом-картошкой, обрамленное кудрявой бородой, улыбочатые морщинки в уголках глаз. Простой серый плащ, простая крестьянская одежда, только отличные дорогие сапоги да короткий наемничий «кошачий клык» у пояса несколько выбивались из образа.

Вошедший кивнул хозяину таверны, махнул кому-то еще. Взгляд его, по-военному цепкий и внимательный, скользнул по залу, осматривая сидящих.

Хорас сидел к входу спиной, но, увидав выражение лица Джалада, напрягся, рука скользнула к поясу, где висел длинный рыцарский бастард.

— Знаешь его? — тихо спросил он.

— Не скажу, чтобы лично... — протянул джаффец. — Но он чуть не зашиб меня лошадью.

— И ты ничего нам не сказал?

— Не придавал значения, — пожал плечами пиромант. — Он даже извинился.

— А теперь?

— А теперь — не знаю, — покачал головой Джалад. — Может просто зашел перекусить.

Нет, не просто. Незнакомец, увидав его, улыбнулся, приложил два пальца к виску, отдал шуточно честь и, небрежно положив руку на гарду меча, двинулся к нему.

Хорас кивнул гному. Тот столь же небрежно положил секиру на лавку рядом с собой, погладив рукоять, словно расшалившегося кота. Напрягся и Героним, проверил свои ножи и тонкий меч. Джалад потянул на себя огонь из очага. Пламя взбрыкнула, налилась густой краснотой, в глубине его замелькали тени саламандр.

— Дхар! — выдохнул Хорас и оскалился.

Давнишня компания поднялась со своих мест: пять человек. Под плащами виднелись кольчуги и чешуйчатые панцири, руки на мечах и прикладах арбалетов.

Шмиттельварденгроу не оглянулся. Отхлебнув из здорового жбана с пивом, он утер усы рукавом. Сыто рыгнул.

— Мы не одни?

Командор кивнул.

— Господа! — Рядом с их столом вырос незнакомец. На лице у него блуждала довольная улыбка. И тут же погасла, сменившись растерянностью и искренним удивлением. — Свет велик!

В голосе слышалась предательская хрипота.

— Что б меня! Хорас, друг...

Командор резко дернулся и вскочил со своего места. Его лицо выражало почти точно такое же удивление.

— Тессий! Ты...

Что ж, его можно было понять. Удивление и радость от встречи мешались с тревожным ожиданием: на чьей стороне старый друг...

— На твоей, друг, только на твоей! — опять улыбнулся Тессий. — Дериол рассказывал о тебе, но я думал... Вернее, Магистр сказал, что ты пал смертью храбрых.

— Дериол?

— Думаю, ищешь ты его, а? Конечно, я прав.

Он кивнул остальным, и солдаты расслабились и вновь расселись по своим местам. А хозяин таверны, как и остальные посетители даже не шевельнулись, словно ничего и не было. Словно не должна был вот-вот пролиться кровь.

— Мы давно уже общаемся с Дериолом. А после того, как ты, гм, умер, Магистр стал подминать Орден под себя. Менял старых командоров, возвышал преданных лично ему капитанов, а ветеранов отправлять на покой. Тогда на меня вышел клирик и рассказал свою историю. Конечно, поверил я в нее не сразу... Но после того, что увидал, сомневаться было бы уже преступно.

— Что ты видел?

— Сейчас не время и не место это рассказывать. Думаю, нам пора выдвигаться отсюда. Дериол ждет... нас.

От Джалада не укрылась пауза, словно он хотел сказать совсем другое слово. Да уж, явление Хораса было для него невероятным явлением, и пришел он сюда допрашивать. И

убивать. Видимо, сейчас названный Тессием импровизировал. И не факт, что его начальник был доволен его самостоятельностью.

13.

Все-таки он ошибался. И когда им навстречу поднялся Дериол, то на его лице была искренняя радость. Или всего лишь видимость — клирик был политиком, как уже давно понял Хорас.

Тессий привел их к глухому хутору, в глубине старого леса, там, где сходились границы трех пределов: Сараванга, Таргхольма и Гравуи — и, соответственно, царила атмосфера беззакония. К хутору вела разбитая в грязь тропа, кое-где пересекаемая линзами моховых болот и ручейков. Правда, по утреннему морозцу ныне они схватились тонким и ломким ледком. Деревья стояли, огромные, тенистые, мрачные и безмолвные. В эту пору года даже птиц и зверья не было слышно. Или же их успели распугать незваные гости.

Вскоре открылся и сам хутор: широкая луговина, окруженная хмурыми елями и лиственницами, добротный, хоть и выдавший виды дома из замшелого, обросшего мхом сруба. Несколько амбаров с провалившимися крышами и обширными загонами, заросший сухим разнотравьем. В нем ныне находилось несколько оседланных лошадей, за которыми ухаживала мутная личность в темном грязном плаще. Хотя с животными он обращался сноровисто. Когда человек повернулся к гостям, под плащом блеснул зеркальный нагрудник с гравированным семилепестковым пламенем — знаком Ордена.

У входа в дом находилось еще двое. Тоже в плащах, но в простых кожаных доспехах. Лица скрыты высокими стоячими воротниками и низко надвинутыми капюшонами. Вооружены они были короткими «кошачьими когтями» и кинжалами. У правого в руках, кроме того, был взведенный арбалет. Он дернулся, заметив их, но тут же расслабился, когда Тессий скинул капюшон. Подозрительно оглядел пришедших с ним гостей и взял поводья лошадей. Мазнул скептическим глазом по гному, но мула принял без лишних слов.

Хорас искоса посмотрел на цверга: лицо скрыто низко надвинутым капюшоном, а рука так и не рассталась с рукоятью дварфской, наверняка трофейной секиры.

Прямой, как древко копья, и простой, словно кровавая рубка в бою — вот свой, а вот чужой, руби сплеча. А цверг стал своим. Вот только как это доказать остальным? Дериол, может быть, поймет, а вот рыцари? Или авторитета бывшего архивариуса будет достаточно?

— Знаешь что, паладин, — Шмиттельварденгроу словно услышал его мысли, — мне при таком обилии светляков милее личина Горма Твердого с его каменной проказой...

Хорас покачал головой.

— Тут тебе не дератонские торгаши. У этих людей чутье на подобных тебе...

— Подобных? Темнил, что ли?

Командор словно не услышал его.

— И не хорошо начинать сотрудничество со лжи. Союз, скрепленный столь ненадежным цементом, распадется в самый ответственный момент. Дериол поймет — не бойся.

— Цверг?! И боится?! — вспыхнул гном. Рубанул воздух ладонью. — Клянусь Бездной, но мне нужно кое-что побольше, чем эта демонская дыра и ее обитатели.

Внутри дома было темно и холодно, на стенах блестели капли конденсата, мох,

которым законопатели щели намок и разбух, по здоровенным бревнам растянулись кляксы черной плесени. Четырех фонарей с дварфскими восковыми свечами едва хватало на то, чтобы разогнать темноту. Хорас видел широкий стол на массивных ножках, две лавки, которые занимали трое человек. Ну, или четверо, если считать Тессия, тут же занявшего крайнее левое место, рядом с дородным паладином со знаками капитана. Стоящий Дероил кивнул, приветствуя командора и его соратников.

Соратников? Хорас мрачно усмехнулся — ну, у него и фантазия!

У клирика отвердело лицо, когда Шмиттельварденгроу скинул капюшон. И только, он посмотрел на Хорас, но смолчал, ожидая, что скажет командор. Остальные не столь умело сохранили самообладание.

Первым среагировал Тессий. Он вскочил, выхватил меч и приставил острие к горлу цверга.

— Я зарежу эту тварь! — Он оглянулся на остальных, взор на миг задержался на Хорасе: в глазах горел яростный укор. — Горгонадец стал слишком нагл, раз послал к нам этого уroda. Клянусь Светом, Хорас, не ожидал я...

— Надо уходить! — подскочил рыцарь с капитанскими узорами. Хорас узнал и его: бывалый ветеран, наставник молодняка, Доггер из Фордланда, что у подножья Перламских гор. Сурового места, где всегда стоило держаться настороже. Горцы близко, а Торгмар далеко.

Осторожный и слишком любящий подстраховаться капитан. Отличный наставник, но не слишком удачливый воин. Планы Доггер строил такие, чтобы учитывать каждую мелочь. Не мудрено, что в бою они частенько шли прахом: фордландец совершенно не умел импровизировать. Честно говоря, Хорас удивился, увидев его здесь. Наверное, Дероил имеет быть дхаровски убедителен.

Правда, Доггеру хватило и малой угрозы:

— Через его глаза Повелитель узнал, где наш лагерь. С минуты на минуту сюда явится его войско!

— И ты уже готов бежать, Доггер? — ехидно осведомился еще один капитан. Хорас узнал и его по узорчатому забралу шлема, который тот держал на колене. Тараил пододвинулся, и его лицо выплыло из темноты.

Не в первый раз командор видел его, но опять вздрогнул, как и всегда раньше. Лицо симаринца было страшно изуродовано ударом орочьего топора. Вместо правого глаза в расколотеи глазнице тускло отсвечивал полированный стальной шар.

Доггер бросил на Тараила уничижающий взгляд.

— Не за свою жизнь я беспокоюсь! Мы еще не готовы встретить Повелителя в открытом сражении.

— А когда будем готовы? — невинно осведомился симаринец. А после обернулся к Тессию: — А ты никогда не слыл сторонником скоропалительных решений. Ты не задумывался, почему сам Хорас Истребитель привел его сюда? Или же ты засомневался в нем?

Хорас с благодарностью воспринял его слова: капитан старым другом. Правда, он уже года два, как ушел на покой.

А Тессий открыл рот, намериваясь что-то сказать, и вновь закрыл, не проронив ни слова. Лицо его приобрело растерянное выражение. Симаринец улыбнулся: безгубый рот, скошенный уродливый шрамом вправо, растянулся жуткой пастью. В так и не заросшей до

конца щеке можно было увидеть зубы, вернее то, что от них осталось.

— К тому же, — тем же спокойным будничным тоном продолжил Тараил, — цверг вот-вот может лишить тебя главного признака мужественности. И это явно не твой меч. Хотя если ты его так называешь...

Тут не выдержал и ухмыльнулся даже Доггер, напряженные желваки разгладились на худом лошадином лице.

Тессий опустил глаза. Острейший полумесяц рунной секиры приподнял край кольчужной юбки и уперся ему в промежность.

— Тессий! Доггер! Капитаны, можно ли нам, наконец, услышать командора? — Дериол хлопнул ладонями по столу и опустился на свое место. Не забыл, правда, при этом сложить разлетевшиеся бумаги.

Опустился меч Тессия. Цверг ухмыльнулся и с преувеличенной осторожностью убрал свое оружие, лишь кольчужные звенья едва слышно звякнули, соприкоснувшись с заточенной сталью.

— Прошу тебя, Хорас, и тебя, многоуважаемый, гм, гном. — Он указал на пустые места на лавках. — И вас, господа, прошу присаживаться.

Хорас и Шмиттельварденгроу уселись рядом с Тараилом. Героним и Джалад — напротив. Командор пожал протянутую капитаном руку.

— Решил вернуться в строй?

— Кости ноют, — машинально коснулся изувеченного лица паладин, — но я еще могу показать парочку забытых ныне трюков. Даже самый лучший доспех ржавеет, если его не промывать кровью.

— Командор! — Голос у Дериола был сильный и хорошо поставленный, как у профессионального оратора. Старый архивариус был кладезем неизвестных талантов. — Представь своих друзей.

Хорас кивнул.

— Уважаемый Шмиттельварденгроу, — получилось с первого раза, за что цверг посмотрел на него с благодарностью, — мастер боя на топорах и наш главный специалист по проклятому оружию.

Клирик посмотрел на него с явной заинтересованностью. Тессий отвернулся и презрительно фыркнул. Доггер и Тараил хранили полную невозмутимость.

— Джалад Валантский — огненный маг из Джаффы. Героним... э-э...

— Мастер разведки! — помог ему полуэльф и улыбнулся.

— Мастер разведки, — озадаченно повторил Хорас, но решил не поправлять Геронима.

— Очень приятно, что столь опытные люди присоединились к нашему собранию. Ваша помощь может оказаться неоценимой. — Дериол кивнул каждому по очереди. — Только при всем моем уважении к тебе, мой друг, присутствие одного из твоих соратников, — цверг вскинулся, когда понял, что речь идет о нем, — вызовет вопросы. Если не у нашего собрания, так у остальных рыцарей очевидно.

— Я понимаю, — кивнул Хорас. — Что ж, уважаемые господа коллегианты, позвольте дать слово господину Шмиттельварденгроу.

Командор подвигал челюстью, пожевав губ: от такого обилия сложных слов у него начал болеть рот. В битве все как-то проще и легче, а тут... Нет, к словесным баталиям он был подготовлен слабо. Хорас посмотрел на гнома, кивнул.

Цверг помялся для виду, но выложил-таки свою историю. Хранить секреты вымершего

народа не имело смысла.

— Только одно «но»: откуда Горгонадец мог узнать о происхождении и свойствах проклятого оружия. Величайшая тайна моих соплеменников и, одновременно, очень личная. Только если...

— Кажется, я догадываюсь, — прервал его Дeroил. Он кивнул ему, благодаря за рассказ. — До меня доходили сведения, что Магистр отыскал кого-то, очень похожего на твоего собрата, цверг.

Тессий вздрогнул. Даже Доггер отреагировал — лицо его вытянулось еще больше. Тараил лишь хмыкнул, мол, нашел секрет.

— Сведения точные? — поинтересовался Хорас.

Клирик кивнул.

— Из надежного источника.

Шмиттельварденгроу напрягся. Но затвердевшему лицу пробежала тень.

— В последнее время я не слишком рад слышать о своих собратах. Клянусь Бездной, они до сих пор живут Бездной. Но тайна проклятого металла... Вряд ли кто из них осмелился.

— А ваш этот Лардар?... — Дeroил прищелкнул пальцами, вспоминая имя. — Не может быть рекомым цвергом?

— Нет, — качнул упрямо головой Шмиттельварденгроу, — его разум помутился и он вряд ли то-то понимал в реальности. Он был всего лишь Хранителем, а таких не посвящают в важные секреты.

— Значит, есть и третий, — хмыкнул Тараил. — Чего-то многовато для вымершего народа.

Кажется, Шмиттельварденгроу хотел что-то сказать, наверняка обидное, но голос Хораса заставил его замолчать. Мазнув тяжелым взглядом по клирику, гном закрыл рот и вновь уселся на свое место.

— Хорошо, что мы узнали о подоплеке событий, но каковы наши силы? — Командор оглядел присутствующих. — Я не сомневаюсь в храбрости и мастерстве присутствующих здесь капитанов, но кто еще стоит за нас?

— Всего тридцать два человека...

— ...Двадцать пять привел Доггер, — перебил клирика Тараил, — за что ему честь и хвала. Но, в основном, это оруженосцы или совсем юные рыцари. Может, парочка-другая опытные паладины. Уважаемый капитан у нас учитель молодежи в Ордене, и, видать, имеет кое-какой авторитет у воспитанников.

Фордландец нахмурился, подозревая подвох в словах симаринца, но кивнул, принимая комплимент. Хорас внимательно посмотрел на него и почувствовал внезапное отвращение. Вроде бы не совсем оправданное, но, как он считал, вмешивать во все это молодежь — грязное дело. Не их это грехи, и не им за них отвечать.

— Тессий, — продолжал тем временем Тараил, — притащил семерку своих головорезов. Честно говоря, подозреваю, что к рыцарям они имеют весьма отдаленные отношения. Но судить не буду: во все времена Орден нанимал для темных дел темных личностей, чтобы не марать свои белые плащи.

— В верности своих людей, Тараил, я не сомневаюсь, — сухо заметил Тессий.

— Вот и славненько, — лицо симаринца исказилось жуткой расколотой ухмылочкой. — Короче, глубокоуважаемый Тессий у нас за разведку. Ну а я...

Он выразительно пожал плечами, скрипнули, соприкоснувшись пластины стального панциря.

— С собой у меня мой меч, щит и латы. То бишь пришел я простым рыцарем. Без всяких капитанств. Знаешь, для дела я бы согласился сражаться под началом Доггера, но Дериол решил по-другому. Сказал, что не станет умалять капитанскую честь. — Он издал странный фыркающий звук. Хорас понял, что это всего лишь смех.

— Три десятка не пойми кого против самого Горгонадца, — жестко усмехнулся Шмиттельварденгроу. Он поглядел на командора: — И ты решил, что они нам помогут? И что вы будете делать? — Он обратился к остальным: — Штурмовать Цитадель? Одно хорошо, мы сумеем подняться по одной лестнице — сэкономим на дереве. А сколько, собственно, против нас? Три или четыре тысячи подготовленных бойцов? Или еще больше?

Наверное, Тессий хотел что-то сказать в ответ. Что-нибудь про честь, праведное дело, но взмах руки Дериола остановил его, и Хорас в очередной раз подивился влиянию, обретенному архивариусом.

— Могу отметить, — сухо произнес он, — что большая часть войск вместе с Магистром выступила во главе королевской армии навстречу степнякам. Думаю, в крепости осталось не более двух-трех сотен стражи и оруженосцев.

— По десятку на рыло, — прищурился Шмиттельварденгроу. — Все-таки напролом. Уважаю! Совсем... по-цвергски!

— Спасибо, — серьезно кивнул ему клирик, словно и не услышал издевки в голосе гнома. — Но нет. «Напролома» не будет. Есть другой план.

— Планы?! — сплюнул на пол цверг. — Опять планы! Ненавижу планы!

— Я глубоко уважаю мнение присутствующего здесь представителя подгорного народа, но он никак не желает кого-нибудь выслушать до конца и только потом высказать свои несомненно весомые и важные мнение. Можно мне теперь продолжить?

— Да пожалуйста! — махнул рукой гном.

— Итак, из каждой ситуации должно быть не менее двух выходов. И этот случай не исключение. Святой Свет благоволит нам, поэтому мне еще в бытность хранителем архива Ордена удалось сделать копию древних подземелий, что лежат под Цитаделью. — Судя по тому, как напряглись капитаны, Хорас понял, что они тоже ничего об этом не знают. Наметанный взгляд ухватил, как Доггер что-то держит в плотно сжатом кулаке. Лицо его приобрело непроницаемое выражение. — И я считаю, что при здравом разумеении именно там и находится основное гнездо Повелителя вместе с его, гм, новым Источником.

— Прямо под Цитаделью? — хмыкнул Тариал. — Не слишком-то и умно.

— Как раз наоборот — очень. Червоточина в сердце Ордена. Вряд ли кто станет искать Тьму у себя под боком. Считаю, что и свою секиру наш многоуважаемый цверг отыщет там. Хоть мы и не в состоянии в открытую сойтись с Повелителем с мечами наголо, но можем нанести один единственный удар кинжалом и разрушить его силу.

— И тебе не надоело лгать, Дериол?

Клирик замолчал. Все в удивлении воззрились на Доггера. Тот холодно улыбнулся, но, судя по каплям пота на лбу и потемневшим от влаги седым вискам, она далась ему нелегко. Он положил сжатый кулак на стол и сквозь пальцы пробился неестественно белый свет.

Хорас похолодел. Догадка уже стучалась изнутри черепа, но он-таки спросил:

— Доггер, что у тебя в руке?

Шмиттельварденгроу чуял магию. Сильную и запретную, с явной примесью Тьмы. Тьмы, спрятанной в Свете. «Все в этом мире отбрасывает тень. Любое препятствие, любой силуэт. Свет сам порождает Тьму». В голове сами собой возникли слова и далекого и почти забытого учения. Свет, попадая в реальный мир, дает тень. И опытный темный маг может использовать и ее. То, что Доггер держал в руке, было создано хорошим магом, знакомым с этим постулатом. Не клириком, нет. Чернокнижником. Выдающимся.

Дхар побери, значит и Лардарнагдаррен, и Дероил — все были правы. В сердце Ордена спрятался черный паук. И тем страшнее было предательство: Повелитель позволил уничтожить народ цвергов, сбросив их, словно битый козырь. Нынче у него на руках была новая раздача.

— Поначалу к тебе даже можно было прислушаться, Дероил, — продолжал Доггер. — В твоих словах была логика, извращенная и соблазнительная. И я почти поверил. А ведь меня Магистр предупреждал, но сегодня... — Капитан покачал головой, на его губах застыла, будто приклеенная улыбка. — Сегодня все стало на свои места. Какая речь может идти о Свете, когда вы привечаете создание Тьмы, уродливое порождение Бездны, искаженный образ настоящего гнома...

— Это он про меня? — уточнил Шмиттельварденгроу у Джалада.

Огненный маг кивнул.

— Думаю, что да. — После прокашлялся: — Многоуважаемый капитан Доггер, позвольте отметить, что ваше мнение не совсем соответствует последним исследованиям гномьей генеалогии. Согласно Фидиусу, Ут, Стан и Трун не были единственными сыновьями Большой Бороды, то бишь история темных или черных гномов, ныне известных, как цверги, гораздо глубже, чем нам ведается...

— Заткнись! — выкрикнул Доггер. Глаза его налились кровью под опухшими веками. Он грохнул кулаком по столу. Что-то явственно хрустнуло. Сквозь капитановы пальцы потянуло светлым дымком, но, кажется, ничего и не заметил.

Джалад поднял руки в примирительном жесте.

— Не делай этого, — хмуро уставился на паладина Хорас. — Ты ошибаешься. И не ведаешь, что творишь!

— А ты кто такой? — уставился на него Доггер. — Славный командор Ордена, Хорас Истребитель? Не думаю. — Он нервно хохотнул. — Потому что на Ларвийском погосте ночью не выживают.

Хорас вздрогнул, рука его поневоле потянулась к незаживающим ранам на плече, а Доггер расхохотался.

— В точку! Из каких глубин пришел ты, тварь? Кто ты, надевший личину командора? А, не имеет значение!

— Не делай этого! — покачал головой Хорас.

— Плевать! — выкрикнул капитан и поднялся на ноги. Кулак, сочащийся светлым дымом он поднял вверх. — Предаю вас в руки правосудия Ор...

Тессий ударил коротко, без замаха. Острейшее лезвие легко прошло между краем кольчужного капюшона и подбородка. И столь же резко отдернул кинжал, отскочив в сторону.

Тараил только успел открыть и закрыть рот, как его панцирь украсила россыпь красных капель. Доггер сжал распоротую шею, из которой кровь хлестала потоком, словно вода из разорванного бурдюка. Но другая рука судорожно сжалась. Та самая, что держала свет.

Он взмахнул ею, и облачко светящейся пыли поплыло в воздухе, быстро собираясь в плоский диск, диаметром с человеческий рост, если не больше. Он завис в воздухе, ребром вниз, и очень быстро пыль слилась в глянцевитую поверхность, зеркало, зависшее в воздухе.

— Что это? — выдохнул Тессий, вооружившись дополнительно к кинжалу и мечом.

— Портал! — выкрикнул Хорас, отступая за стол. В его руках тоже уже было оружие. — Детище Магистра.

Вскоре всех присутствующих отделял от диска портала стол: вряд ли он мог их защитить, однако такой барьер был лучше, чем вообще ничего. И, самое главное, порталное зеркало отрезало их входа, а закопченное окошечко с другой стороны было слишком мало, чтобы в него мог пролезть кто-нибудь, крупнее лесной феи. Тараил напялил свой шлем, скрыв изуродованную физиономию: стальной лик с завитой бородой выглядел внушительно. Искусный кузнец искривил губы маски в тонкой ироничной ухмылке. Которая весьма шла к освобожденному от ножен тонкому полуторнику с черной кожаной рукоятью. Хорошее оружие — отличная ковка, наверняка, дварфская. Шмиттельварденгроу по достоинству оценил меч. Может быть, у основания клинка имелось клеймо...

Вспучившаяся поверхность портала заставила отвлечься от оружейного восхищения и притянуло к себе все внимание.

— Прошлый раз ко мне явился сам Магистр, — сдержанно заметил Хорас, и все выразительно посмотрели на него.

Зеркало вздулось пузырем, подалось и лопнуло, высвобождая темную массу металла. Кто-то тихо ахнул, помянул Свет, а Тараил громыхнул проклятьем внутри шлема. Голос его гудел, словно ветер в дымоходе.

— Что это за тварь, дхар его дери?!

И Шмиттельварденгроу его прекрасно понимал.

В лицо дохнуло едкой вонью: даже не темная магия, а кое-что похуже. Старая кровь, тление и выгребная яма — все это сплелось в одном мощном ударе по обонянию. Кажется, его заметили и остальные. Героним сморщился, Джалад неуверенно подался назад, но возжег в огне лампы маленькую, но яростно горящую саламандру.

Массивная фигура была выше Хораса с Тараилом, выше тонкококостного, словно вытянутого вверх полуэльфа, но, пожалуй, по комплекции напоминала цверга: широкие плечи, широкий торс и крепкие ноги. И все это прикрывали черные латы. Но, присмотревшись, Шмиттельварденгроу понял, что никакие они не черные, а скорее темно-бурые, шершавые, словно измазанные грязью. Только вот это была никакая не грязь.

Кровь. Он был покрыт ею с ног до головы. Старой, запекшейся, взятой из его живых жертв, впитавшей их жизненную силу, вскормившую чудовищную темную магию. И она же превращала доспехи в несокрушимую броню.

Рыцарь со скрипом расправил плечи. Под глухим шлемом с сетчатым забралом не было видно лица и глаза, но каждый почувствовал, как он смотрит на них. Взгляд воина задержался на цверге, и тот мог поклясться, словно что-то знакомое было в этом взгляде. Глухой рокот донесся из глубин доспехов, словно далекая лавина, сошедшая с гор. Создание подняло руку с зажатым в ней топором.

Вернее, с секирой. С узорчатой, причудливой рукоятью, с узором из демонических рож

и черепов, находивших на полулунное лезвие.

— Клянусь Бездной! — выдохнул Шмиттельварденгроу. — Головоруб!

Рокот повторился — тварь смеялась, как он уже понял. Легко взмахнул секирой, обрушив ее на стол — и дерево не выдержало. Треск походил на крик живого существа. Толстенные доски развалились надвое, брызнули щепки. Черный рыцарь шагнул к ним.

— За Свет!

Его опередил Тессий. Кроме того, в дом ворвались его бойцы, вооруженные арбалетами. Вжикнули, распрямившись, стальные луки. С такого расстояния тяжелые толстые бельты, выпущенные с мощных пружинных арбалетов гномьей конструкции, пробивали рыцарский доспех, осадный щит и деревянное бревно. Но, как оказалось, доспехи темного рыцаря были много крепче всего этого: стальные стержни визгливо пожаловались на излишнюю крепость зачарованного металла и рассыпались острыми, но бессильными осколками.

И тут же свой меч обрушил на него Тессий и его головорезы, атаковав сразу с трех сторон. Били они прицельно, целясь в сочленения и ремни, скреплявшие латы. Только вот сочленения были словно забиты густой смолистой массой, в которой вязли железные клинки, а все ремни сменили туго завернутые болты, заклепки и стальные стяжки. В таком вот обмундировании ни один человек не смог бы двигаться. А этот вот — двигался, и весьма шустро, несмотря на габариты.

— Дхар! Умри...

Пропустив удар Тессия, обрушившегося между кованым наплечником и краем опускавшегося на плечи шлема. Лезвие вспорол воздух, вонзилось в чужую плоть. Но так лишь показалось — меч, выбив несколько ошметков, остановился, как будто приварной.

Второй удар пришелся на латную рукавицу, поднятую навстречу. Металл застонал, зажатый в бронированном кулаке, — клинок изогнулся, хрустнул и развалился надвое. У воина, нанесшего удар, вытянулось лицо, но он, видимо, так и не успел испугаться по-настоящему: Головоруб обрушился ему на голову, походя отбив третий удар — меч брызнул осколками. В основном, в лицо второму соратнику Тессия.

Лезвие словно не встретило сопротивление. С тошнотворным чавканьем проклятый металл развалил череп пополам, плеснуло кровью и раздавленными мозгами, а секира запела — Шмиттельварденгроу почувствовал это всем нутром.

Горячее чувство бешеной яростью захлестнуло с головой. Оттолкнув в сторону заслонявшего ему дорогу Хораса и Дериола, он буквально вкатился под ноги жертвенному голему. Ударил снизу вверх рунной секирой, целясь в разрез латной юбки. Головоруб опустил ему навстречу — радостный и кровожадный вопль зачарованного оружия чувствовался почти ушами, словно вопль обезумевшего берсеркера.

Удар обрушился с чудовищной силой и скоростью. Головоруб жаждал крови и не узнавал своего хозяина. Единственное, что успел сделать цверг, это выставить дварфскую секиру ему навстречу.

Рука онемела — болью прострелило до плеча, свело судорогой мышцы. И лопнули, рассыпавшись, словно стеклянные, кости запястья. Вся конечность в одно мгновение превратилась в тряпку. Единственное, что успел сделать гном, — это увести секиру в сторону, не дав Головорубу испить его крови.

Голем рыкнул — голос его гудел под шлемом, как боевой горн — и попытался раздавить наглого цверга, наступив на него ногой, закованной в бронированный башмак. Почти на одних инстинктах Шмиттельварденгроу потянулся к праху и швырнул здоровой

рукой жгучую горсть прямиком в сетчатое забрало. Рык перешел в вопль на высокой ноте — рыцарь покачнулся и нога опустилась мимо гнома — доски встали дыбом, а щепки хлестнули его по щеке. Кровь залила бороду.

Цверг вывернулся и отполз прочь, заметив при этом, что Героним, Хорас и Дериол пробираются к выходу. Кроме того, туда же лез и Героним. Одни Джалад остался на месте, втянув в плясавшую у него между рук саламандру весь огонь в хате. Дух огня горел рубиновым светом, маленькие глазки сверкали расплавленным золотом.

— Давай! — хрипло выкрикнул Шмиттельварденгроу.

Саламандра, повинаясь воле мага, прыгнула вперед, вытянулась в струнку и вонзилась стрелой в забранное мелкой решеткой отверстие в забрале, приваренного прямиком к шлему.

Запахло паленой мертвечиной — металлическая сетка раскалилась, начала плавиться и стекать вовнутрь. Вопль поднялся на недостижимые для человека частоты. Цверг, кое-как слепив запястье прахом, поднялся и обеими руками вцепился в рукоять. Силой, конечно, вырвать ее он не мог, но он уже впитывал энергию смерти из двух трупов, валявшихся под ногами, чтобы нанести последний, добивающий удар. Казалось, и он завалит эту тупую грудку зачарованного железа. Он улыбнулся, игнорируя боль в травмированной руке. Прохрипел:

— Против цверга надо что-то посильнее, чем железноголовый болван...

Как оказалось впоследствии, энергией смерти воспользовался не один он. Знакомое ощущение, словно лопнула струна, правда, сам Шмиттельварденгроу не успел сложить свое заклинание и потому сильно удивился. Только вот сделать он уже ничего не успевал.

Голем крикнул. Не слишком тонкое, не слишком изощренное, но налитанное силой до предела, заклинание хлестнуло по цвергу. Его словно лягнула гигантская лошадь. Своим подкованным гигантским копытом, превратив его в блин раздавленной плоти.

Хорошо хоть, что это всего лишь показалось. Хотя ребра хрустнули на самом деле. Также, как и на самом деле упругая волна, словно от взрыва дварфского огненного порошка, оторвала его от секиры и швырнула об стену, разом выбив и дух, и желание дальнейшего сопротивления.

В голове гудело или, что вернее, ревело ураганным ветром. В спину, хорошенько впечатанную в бревенчатую стену, словно вонзили раскаленный гвоздь. Горсть раскаленных гвоздей. Силы в руках хватило только на то, чтобы утереть кровь, обильно текущую ртом. С трудом подняв голову, Шмиттельварденгроу огляделся.

Только от хорошенько встряхнутых мозгов, то ли от поднятой заклинанием пыли перед глазами плыла густая дымка. Сквозь него двигалась массивная темная фигура. На миг остановившись рядом с цвергом, она вполборота повернулась, и гном опять почувствовал улыбку на невидимых устах.

— Дхар тебя дери! — просипел цверг, едва проталкивая слова сквозь забитое горло. — Кто ты такой?

Он чувствовал темную магию, исходившую от голема, и хоть сначала подумал, что заложена волшебство в доспехах, но после понял: внутри сидело нечто, владевшее ею, по крайней мере, ну хуже цверга. Как цверг.

Рокошущий смех раздался вновь. Он ткнул в сторону Шмиттельварденгроу Головорубом, а после выразительным жестом провел полулунным лезвием на ширине пальца от своего горла.

— Готовься, но не сейчас! — голос походил на грохот могучих шестеренок

титанического механизма, на лязг паровых молотов в кузне. — Сразишься за то, что считаешь своим.

— Головоруб — мой! — крикнул, или, вернее попытался, крикнуть цверг. Он зашелся удушающим кашлем, на закончив фразу.

Рыцарь опять хохотнул, перешагнул лежащего под обломками стола Тараила и шагнул к куче мала, что образовалась у выхода. Дверь вынесло криком, но никто уже не спешил на выход.

Кроме Хораса. Он медленно поднимался и одновременно тянул на себя бесчувственного Дериола.

Командор шагнул навстречу темному рыцарю, выставив свой меч. Голем смел его, словно пушинку. Меч разлетелся на части после удара Головорубом, рукоять вывернуло из руки. Хорас попытался ухватить гиганту за руку, но силой тот не уступал троллю. Страхнув паладина, как назойливое насекомое, он отшвырнул его. И в следующий миг опустил проклятую секиру на голову клирику.

Архивариус умер, не приходя в сознание. Шмиттельварденгроу почувствовал, как сытно зачмокал Головоруб, впитав в себя жизнь клирика.

— Теперь можно уходить! — глухо заключил голем и, развернувшись, отошел к portalу. Шаг в зеркальную гладь — и блестящий диск схлопнулся, оставив после себя резкий аромат грозового воздуха.

15.

— Итак, — хмуро произнес Тараил, баюкая на перевязи сломанную руку, — все закончилось, не успев начаться. Мы знаем, что на самом деле Дериол был прав, только вот это уже ему не поможет. Расколотому черепу мало что помогает. Ну, за редким исключением.

Наверное, он улыбнулся: под бесстрастным стальным ликом было мало что видно.

— Не поможет и нам. Мы теперь тоже расколоты. И черепки собрать воедино, потому что нет главного.

Шмиттельварденгроу, разминая залеченную руку, хмуро посмотрел на него. После заклинания она еще плохо слушалась его и ей требовались интенсивные упражнения, например, отрубание голов и конечностей. Тоже самое требовалось и самому цвергу. После того, как Головоруб почти был его в руках, он ощущал всю свою прежнюю ярость и ненависть, жажду убивать и крушить, поутихшую было со временем. И ему, к тому же казалось, что все слишком большее значение придавали старому клирику. Никудышный воин и, как выяснилось, никудышный конспиратор — какая от него могла быть польза? Хотя эту мысль он пока еще держал при себе.

Остальные были обратного мнения, ну кроме, пожалуй, Джалада и никогда не унывающего Геронима, хлопотавшего над сдавленно стонавшим Тессию. Тот оказался совсем рядом с големом, когда тот крикнул и удар кинетического заклятья пришелся по нему в полный рост. Кажется, ему сломало несколько ребер и ключицу, а также расквасило в лепешку нос. После удара об стену он, кроме того, не мог теперь пошевелить ногами. После удара об стену он, кроме того, не мог теперь пошевелить ногами. Судя по жалобам, он их и не чувствовал. «Еще одна обуза», — со злостью подумал Шмиттельварденгроу, все

ожесточеннее двигая пальцами. До хруста в костях.

После всего случившегося, им пришлось покинуть хутор и скрыться в густых лесах графства, вплотную приближавшихся к Королевской пуще. В этих глухих местах, сохранивших первозданную дремучесть можно было спрятать целую армию, а встречались лишь графские ловчие. Да и то дальше к востоку, где начинались возделанные земли. Хотя, с другой стороны, существовала опасность встретить кого-нибудь из малых народцев, ревниво относившихся к границам своих территорий.

— Нет! — упрямо покачал головой Хорас. — Ничего еще не закончилось. Думаю, мы все предадим память Дериола, если остановимся. Да и уже нельзя останавливаться — Стирмы уже пересекли, значит, пора штурмовать и Горгонад!

— Но как? — развел руками Тараил. И глухо крикнул — сломанная рука, судя по всему, отозвалась вспышкой боли. — Дериол единственный знал, где это гребаное подземелье.

Командор замолчал и отвернулся. Что есть, то и есть. Цверг выдохнул и покачал головой: значит, все-таки напролом.

— Господа, — подал голос джаффец. Он тщательно разгладил складки своего плаща, присел на него, накинутого поверх ствола поваленного дерева. — у меня есть предложение. Ведь в нашей команде есть гном.

Шмиттельварденгроу внимательно посмотрел на него: кажется, его чересчур крепко приложили по голове, раз он не мог понять, к чему ведет пиромант. Но после расслабился: судя по озадаченным физиономиям остальные тоже не пронялись словами мага.

— И что? — хмуро буркнул цверг. — Я то гном, но не имею чудодейственных сил и возможностей. Клянусь Бездной! — добавил он после краткого обдумывания.

— Я не сомневаюсь, — кивнул Джалад. — Только мы все забыли о природной способности подгорного народа ориентироваться в подземельях. Помнится, мы вместе с многоуважаемым Шмиттельварденгроу легко нашли выход из подземелий Горгонада, хотя у нас было ни карты, ни проводника.

Мысль дельная — не мог не отметить цверг. Вот только ему совершенно не нравилось становится последней надеждой воинов Света. Претило его темной душе. Да и к тому же оставался еще один нюанс, который первым озвучил сам Хорас:

— Но мы же даже не знаем, где вход в это подземелье!

— Хорошо! — вежливо улыбнулся ему маг. — И это может стать проблемой, хотя у меня имеются кое-какие мысли...

— Поделишься? — осведомился командор.

— С удовольствием! — поклонился ему Джалад. Он выпрямился и на его лице появилось деловитое выражение. До того смешное, что Шмиттельварденгроу хрюкнул от сдерживаемого смеха. Маг не обратил на него внимание и продолжил: — Если верить Уриусу Саммо и его трактату «Истории темных войн» Цитадель Света была построена задолго до появления самого Ордена.

— Было дело, — раздался глухой голос из-под шлема Тараила. — До нас, где-то с тысячу лет назад занимали рыцари Семипламенного Венка. От них мы и наследуем нашу эмблему. — Он тронул узор из серебра на своей кирасе. — Первые рыцари Света.

— Но, насколько я помню, — тем временем произнес Джалад. — Они не были столь могущественны, как потомки. — Он выжидательно посмотрел на Хораса. Тот кивнул. — И не раз подвергались осадам темных сил, конкурирующих орденов и прочая. Цитадель строилась с таким расчетом, что она может выдержать осаду. Осаду Крепости Света, о чем

до сего момента, нельзя было и помыслить. И, значит, имели все признаки традиционной крепости, вроде запасного подземного хода, дабы в случае неудачи обороняющиеся могли скрыться или ударить в тыл войскам, ведущим осады.

— Это все очень хорошо, но насколько мы ближе к тому, чтобы обнаружить вход в подземелье? Или, может быть, это вовсе и не то подземелье, а какого-нибудь поновее?

— А зачем Ордену подземелья? Темные секреты?

Хорас замолчал и смерил Джалада резким, будто удар под дых, взглядом. Раздался приглушенный сталью смех Тараила.

— Уел, южанин! Ох, уел. Ведь так, командор?

Тот посмотрел на капитана и тонкие губы растянулись в некоем подобии улыбки.

— Конечно, я могу и ошибаться во всех своих выкладках. Вот только что нам остается?

— Ты прав. Так ты знаешь, где этот самый вход?

— Представьте себе, куда может вести выход из осажденного замка? Куда-то, где немного людей, но не в глушь, чтобы армия имела возможность развернуться в атаку. И не слишком далеко, дабы имелась возможность быстрой переброски сил, но и не слишком близко. Скорее всего, это будет заброшенное селение или старая крепость со снесенными напроочь стенами и крышами. Такие не привлекают внимание противника. И...

— Погоди-погоди! — осадил его Тараил, подняв здоровую руку. — Кажется, Хорас, помнишь, Крепость Ущербной Луны? Ну, та с покосившейся башней. И от стен остались одно название да горы щебня. Мы ж туда оруженосцами ходили отмечать твое помазание. Помнишь? И в колодец пересохший плевали...

Командор кивнул со сосредоточенным видом. Судя по его лицу, в голове у старого паладина разом заработали все шестеренки.

— Ты думаешь, в Ущербной Луне может быть вход? — спросил он. И Джалад кивнул. — А если туннель обрушился?

— Делать нечего. У нас всегда остается второй вариант: проникнуть через главный вход.

— Хорошо, — согласился Хорас. — Попытка — не пытка. Можно попробовать. — Он повернулся к Шмиттельварденгроу. — Ты нам поможешь?

Цверг помедлил, разминая затекающую руку. Потом с усилием выдохнул и хлопнул себя по колену. Поднялся со старого пня, подхватил рунную секиру.

— Клянусь Бездной, вы люди — как малые дети. Ни шагу без старших рас ступить не можете. Так и быть — вспомогу, иди оно все к дхару. Только, ежели завал где, мне понадобится с десятков стоунов дварфского огнедара. Конечно, лучше была эссенция Чора, но где ее будешь искать... Да и вообще, кто, клянусь именами переводемонов, кто отправляется в подземелья без доброй взрывчатки?

Все переглянулись. Гномий огненный порошок был вещью дорогой и редкой. Ее можно было приобрести любо у самих дварфов, либо у перекупов с огромной наценкой.

Кто-то сдержанно кашлянул. Хорас, Шмиттельварденгроу и Героним оглянулись: Тессий поднял ослабевшую руку.

— Я найду, но мне надо связаться со своими людьми.

— Тогда — добро, — кивнул командор. — Значит, не будем терять время и выдвигаемся: нам предстоит еще немало сделать.

— Слушай, — раздался голос Тараила, он заворочался, приподнялся, тщательно сберегая руку, — а ведь мы, возможно, станем величайшими злодеями Эратии!

Сомнительная слава...

— Что поделать, — пожал плечами Шмиттельварденгроу. Он искренне верил, что знает о чем говорит. — Кому ходить дорогами героев, а кому-то — путями негодяев.

ЧАСТЬ 9. ВО ИМЯ СВЕТА И ТЬМЫ

1.

Его Величество король Эратии, Восточных Пределов и Арры Дараван Одинадцатый медленно потер руки, протянув их к огню. Несмотря на жарко пылающее пламя ему казалось, что его тело сковал холод. Холод страха.

Король бывало и раньше боялся, но недолго. Нынче страх уходить не желал. Почему? Раньше главными его противниками были мятежные бароны юга и перламцы-мародеры, удиравшие при первом же виде королевской армии. Теперь против него стояла армия, обратившая в бегство королевское ополчение во главе со сводным отрядом рыцарей восточных пределов и его двоюродным братом, Линсельмом Ниддарским. Ну, как стояла: непрерывно двигаясь, подминая под собой города и веси Эратии. И он, Дараван Одиннадцатый, сын великого отца и внук знаменитого деда, ничего не мог поделать. Потому что даже в своем собственном штабе его никто не желал слушать. Со своими жалкими двумя тысячами личной гвардии он мог лишь время от времени вставлять ничего не значащие слова в выступления герцога Мариуса, торгмарского хозяина, и Железного Дровосека. Потому что у первого под началом было десять тысяч наемных войск и в два раза большее ополчение вассальных баронов, у второго — весь Орден Света со своими закованными в сталь паладинами. Грозой всех врагов Королевства и Света.

«Хотя нет, — подумал король, — Свет надо было поставить впереди».

Странная ситуация: в своем собственном королевстве он не был самой значащей фигурой. Вассальная присяга, данная еще первому королю, была бессрочной, но и столь же формальной. Возможно, в прошлом многое было иначе, но прошлое стало прошлым, и его не вернуть. Нынче королю приходится приспосабливаться, подстраиваться под своих подданных.

— Ваше Величество! — Голос у Робура был резкий, сильный и неприятный. Голос старого сержанта.

Королевский слуга и в самом деле отслужил в торгмарской дружине, но вот в его верности Дараван не сомневался: Мариус приговорил старину Робура к четвертованию за убийство мелкого графа. Засранец решил воспользоваться правом первой ночи по отношению к его дочери. Само собой ветерану Темных войн это совсем не понравилось, а молодчик-граф, только-только оторвавшийся от материнской сиськи, еще не успел заслужить его уважение.

Слуга замер у входа в шатер, вытянув руки по швам. На нем был простой кожаный колет, одетый поверх кольчуги, меч и кинжал у пояса, на плечи наброшен синий шерстяной плащ с золотым королевским ястребом.

— Пора, — он склонил голову. — Совет ждет вас.

Наверное, стоило настоять и провести совет в королевском шатре, но тогда пришлось бы проститься с редкими минутами уединения, а король дхаровски любил свое одиночество — ценнейшую часть жизни, в остальном состоявшей из бесконечных приемов, балов, советов и аудиенций. Но хорошего понемногу. Он повернулся и с улыбкой кивнул своему слуге, приняв с протянутых рук тяжелый плащ, отороченный мехом снежного леопарда.

Неудобная и колючая штука, но жутко статусная. А королю полагаются статусные вещи.

Король застегнул золотую фибулу в виде миниатюрного дракона с большим рубином взглядом. Посмотрел в зеркало из полированного серебра, поправил, взбил мех по отворотам плаща, развернулся резко. Так, что взлетели тяжелые полы, подняв облачко пыли. Дараван Одиннадцатый хмыкнул: сойдет.

— Меч! — Он протянул руку, и Робур с поклоном подал бастард с полированной стальной рукоятью. Клинок покоился в узорных деревянных ножнах, обтянутых тонкой выделанной кожей.

Ножны от лучших мастеров Торгмара, а клинок — подарок полномочного посольства Стангарона. Единственно стоящего подарка за многие годы после золотых и серебряных безделушек от вассалов, сановников и джаффов. Король выдвинул клинок из ножен, словил лезвием отблеск огня, залюбовался полированной сталью. Взгляд его скользнул по волнистому закалочному узору, сплетавшемуся замысловатой вязью, таинственными письменами железа и огня, которые, вот-вот, и успеешь расшифровать. Интересно, что они скрывают?

Нет, ничего. Дараван с силой вогнал клинок обратно и пристроил меч на поясе. Оправился в последний раз и, кивнув слуге, вышел наружу, скрипнув тяжелой дверью. Стража в тяжелых потускневших от дождя и грязи доспехах отдала честь: два рыцаря, чьи лица скрывались под тяжелыми забралами с узкими параллельными прорезями. Они синхронно подняли мечи, молча вознесли их вверх и разом же опустили, склонив стальные котелки голов. Король лениво махнул им рукой и зашагал по проторенной тропе, которую кто-то догадался выложить деревянными чушками. Помогло по первости — со временем чушки расползлись в грязи, оставив большие разрывы из грязи, луж и несвежего навоза.

Армия встала на постой в довольно-таки крупной деревне, почти городке — Нижних Сойках. Пять десятков крепких бревенчатых срубов и небольшое, но хорошо укрепленное поместье местного барона из рода Старксов, древнего, ведущего происхождения из северных пределов. Сам барон не слишком-то обрадовался королевскому войску, которое следовало кормить, поить и ставить на постой. Но выбора у него не было: тридцать тысяч солдат умеет навязывать правильное мнение. Однако, старик Лиддел Старкс вспомнил о древней присяге, в особенности о некоторых привилегиях, даруемых верным вассалов, благодаря чему он стал счастливым обладателем пяти тысяч золотых монет из королевской казны. Война, между прочим, разорительное дело.

Конечно, даже Соек не хватило на размещение всей армии. В самом селении разместилось командование, старшие офицеры и знатные рыцари. Поначалу король остановил свой выбор на поместье Старксов, но сырое, темное и угрюмое строение показалось ему чересчур уж смахивающим на крепость. На старинную крепость с привидениями в подвалах. Дараван мог бы поклясться, что по ночам ему бы спать не давал звон призрачных цепей. Одним словом, сплошная мрачность, потому король распорядился поставить свой обширный шатер из бело-голубого сукна с золотыми ястребами по окружности, а в поместье обосновался штаб королевской армии и остальные члены Закрытого Совета.

У входа в дом Старксов королю отсалютовали два рыцаря из королевской стражи и составлявшая им компанию парочка гвардейцев Мариуса в цветах герцогского дома Торгмара: красный с серебром. Грохот столкнувшихся мечей и щитов и опущенные головы в тяжелых шлемах с разноцветными плюмажами. Но Дараван даже не обратил на них

внимания: глядя прямо перед собой, он прошел внутрь через предусмотрительно раскрытую герцогским капитаном дверь. Следом проскользнул в закрывавшуюся дверь Робур. Капитан мазнул по нему недовольным взглядом, но ничего поделать не мог. Казалось, король ничего и не заметил — сам-то он виду не подал. Но, пройдя под низкие своды гостиной, позволил себе коротко ухмыльнуться. Ему нравилось наступать на любимые мозоли.

Но слуга знал свое место. Он остановился, повинуясь едва заметному жесту хозяина, принял скинутый плащ и остался в полутемной, едва освещенной несколькими факелами нижней гостиной в компании с остальными слугами. По широкой, с невысокими ступеньками лестнице король поднимался сам: на заседание совета допускались лишь его члены. Даже писцам запрещено было присутствовать. Поэтому даже дверь пришлось открывать самому. Тяжелую, резную — грубые, но выразительные сцены охоты и пиров. Видимо, что-то из семейной истории Старксов. Толстые доски рассохлись, резные узоры разъехались широкими щелями, но все равно — дверь могла бы служить крепостными воротами в небольшой крепости.

Король потянул большие медные ручки, темные и гладкие. С натугой скрипнуло дерево — и массивные створки раскрылись. Он хмыкнул и с напускной уверенностью шагнул внутрь, в ярко освещенный многочисленными свечами зал.

В дальней от входа стороне ярко пылал огромный камин, сложенный из массивных каменных блоков. Он выдавался далеко вперед, разевал огнедышащую пасть, как древний дракон. И, как чувствовалось Даравану, огонь был столь же жарок. На висках мигом выступила испарина, а подмышками, под слоями шелка, парчи и дорогого джаффского сукна начала скапливаться влага. Король остановился и медленно кивнул навстречу поднявшимся из стола присутствующим.

Стол — не менее основательное, чем и камин, изделие. Толстая дубовая столешница, которая отлично выдержала бы залп из арбалетов, массивные прямые ножки, толстые, уверенно стоящие на выложенном плитками полу. А по обхвату... О, за столом бы влегкую разместилось десятка два рыцарей. Только вот нынче здесь собралось лишь пять человек. Ну, шесть, поправил себя король, если брать в расчет и его самого.

Первый и ближайший к месту короля. Герцог Торгмара Мариус Грозный. Двоюродный кузен по материнской линии или кто там еще — столичные владетели были близкими (или дальними — это уж как посмотреть) родственниками королевской линии. Только вот он мало чем походил на короля: коренастый, почти как гном, не менее широкоплечий, объемное пузо, не висевшее, но надутое, словно пузырь с воздухом. Грузное туловище обтягивал красный парчовый кафтан, а мускулистые плечи покрывал черный плащ с серебряными узорами и гербом Торгмара на спине — красным жеребцом на белом фоне. Многочисленные подбородки заколыхались, гладко выбритые, лоснящиеся, когда герцог поднялся со своего места и поклонился. Недостаточно подобострастно, но и не чересчур самоуверенно, чтобы вызвать королевский гнев.

По левую руку от короля — лорд-маршал Сигил Маркуд. Командир королевской стражи. Он четко отдал честь, поклонился, словно дернулся. Худой, будто жердь. В королевских цветах: голубой кафтан, белые штаны, заправленные в высокие коричневые сапоги, и позолоченная кираса с рельефным изображением атакующего ястреба — личным гербом, дарованным еще отцом Даравана. Лорд-маршал был стар, морщинист и уныл, глаза его потускнели, словно задернулись полупрозрачными шторками, только в поединке он оживал, превращался в молнию, превращая реальных и воображаемых противников в фарш

своим длинным тонким, но тяжелым эспадоном с широченной гардой. Кстати, он и теперь был при Сигиле.

Рядом с ним склонился с благочестивым видом соборный примас брат Марциус. Предыдущий отец церкви был, как помнил Дараван, маразматичным стариканом, погрязшим в оголтелом фанатизме. Да они все, если рассмотреть фрески в торгмарском храме, были такими: обвисшая кожа, горящий взор и пигментная плешь. Но брат Марциус сильно от них отличался. Во-первых, он был молод, даже по меркам закрытого совета, во-вторых, в прошлом он был паладином. То ли ужаснулся ужасов войны, то ли... Одним словом, однажды храбрый светоносец подался в клирики, а его набожность и знание священных текстов помогли выбиться на самый верх церковной иерархии. А еще он и слова не мог сказать без позволения Магистра. До сих пор.

С явным недовольством теперь король смотрел на него, на могучего воина в изукрашенных латах и вычурном шлеме, забрало которого было приварено к основанию. Никто и никогда не видел лица Железного Дровосека — героя Темных войн и победителя Горгонадца. Или же кто-то удостоился этой чести?

Магистр поклонился сдержанно, насколько позволяли доспехи, и выпрямился. Глаза его скрывались за тенями прорезей и никто не мог угадать, о чем думал старый вояка, до сих пор сохранивший противоестественную бодрость и силу. Многие говорили, что это — благословение Свет. Некоторые же, что очень быстро замолкали, — нечто совсем противоположное.

Спиной к камину стоял лорд-протектор Даргваст Лиман. Старик опирался на трость из черного дуба с серебряным набалдашником. Когда он поклонился, хрустальные линзы его очков облило багрянцем, скрывшим черные глубокие глаза.

— Ваше Величество! — проскрежетал он, выпрямляясь. В его голосе чувствовалась мука — видать, в осенние дожди больная спина беспокоила его особенно сильно. — Вас что-то задержало?

Дараван улыбнулся в ответ. Неспешно, оправив одежду, уселся на стул с высокой резной спиной, сиденьем повозился, устроился поудобнее, положил руки на гладких, блестящих от многочисленных касаний подлокотники. Кивнул по-королевски.

— Прошу вас — обойдемся без церемоний. — Весьма «своевременные» слова после того, как все поднялись, приветствуя его. — Дела Королевства — вы же знаете.

Лорд-протектор сдержанно кивнул и медленно, тщательно оберегая спину, опустился на свое место. Следом за ним сели и все остальные.

— Что ж, — с дежурной улыбкой произнес король, — если все в сборе, то мы можем и начинать.

2.

— Под нашим началом, — взял первым слово Мариус Торгмарский, — пятьдесят тысяч воинов. Лучших из лучших. Такие армии собирались лишь в Темные войны. Это сила, с которой всем придется считаться. А что против нас? Дикари!

— Это дикари обратили в бегство Линсельма! — заметил Дараван. В его голосе была вложена тщательно вымеренная доля скепсиса. — Рыцари и ополчение из восточных пределов и отряд паладинов Ордена...

— Которые, кстати, — хмуро перебил его Мариус, — даже в бой не вступили!

На последней фразе он повернулся к Магистру и выразительно кивнул. Мол, понимаете, как хотите.

Дровосек издал неопределенный звук, который король идентифицировал, как сдавленный смешок. Вместо Магистра ответил примас. Голос его гудел, словно боевая труба.

— Рыцари Света подчинялись приказам избранного! — пророкотал он. Кулак его с силой опустил на столешницу. Но в последний момент он сдержал себя, и рука коснулась дерева, почти ласкающе. — Не их вина, что лорд-герольд ошибался.

«Ошибался». Это еще брат Марциус смягчил выражение. Линсельм струсил, смалодушничал — глаголов подобрать можно было массу. И «ошибался» — самое невинное из них. Эх, как говорил отец, «знаменосцам не место во главе войска». И если бы не его «ошибка», то сейчас за эти столом было семь заседателей, а у короля в кармане — целых два голоса. Можно было диктовать условия. Нынче же приходится договариваться. Кто же знал, что ордены успели промыть мозги Линсельму. Дараван в очередной раз с уважением глянул на Железного Дровосека: под стальной кастрюлей скрывался весьма изощренный ум.

На таком уровне жизнь превращалась в бесконечную партию «королевских игр»: ход — ответный ход в ситуации вечного пата. Один неосторожный шаг — и ты уже на краю политической карьеры.

Король отвлекся от своих мыслей, когда Магистр подал голос. Он всем телом — доспехи несколько сковывали его движения — развернулся к лорду-протектору.

— Лорд Даргваст, что нам известно о противнике?

Улыбка на королевских устах: железяка заигрывает со стариком. Испрашивает его мнение, хотя каждому известно, что протектор уже который десяток лет не вмешивается ни в какие политические игры. Ему хватает проблем с налогами, сборами, архивами, дипломатией и торговлей. Попробуй-ка поработать с конкурирующими гильдиями, когда каждая так и норовит перегрызть конкурентке горло. Жизнь в крысином лаке учит осторожности.

Лиман хмыкнул, оценивающе взглянул на Магистра. Откашлялся. Руки его сцепились в замок поверх набалдашника трости.

— Союз племен. По самым приблизительным меркам — около трехсот тысяч только воинов. И это не считая тех, кто движется в обозе — женщины, дети и старики: всего около, по нашим оценкам, миллиона. — Марциус при этих словах недоверчиво хмыкнул, а соборный примас пробормотал что-то вроде «защити нас Свет». — В основном, всякий сброд, что не обучен сражаться в правильном строю, но есть и элита. Их называют Громовыми Сотнями — хорошее вооружение и доспехи, слаженная работа в бою и абсолютная преданность га'хану — ихнему правителю. Судя по всему, эта должность выбранная. И этот степной король сам участвует в сражениях — его люди должны видеть спину правителя. Такое у них правило.

Лорд-протектор с особым старанием не смотрел в сторону короля, что выглядело достаточно красноречиво.

Старик не спешил укорять Даравана — у него и в мыслях не было усомниться в своем правителе. Король улыбнулся: мыслей особых и не надо, чтобы разгадывать язык тела. Может быть, великий дед Форбан Победитель всегда был на острие атаки, внук не считал войну достойным занятием для короля. Кровь дороже золота.

— Ха, дикарские обычаи! — хмыкнул бесхитростно Мариус. — Значит, этот степной

«король» может легко помереть в бою. Случайная стрела, копье, сильнодействующий яд... Способов много.

— Кроме того, — выдержав паузу, продолжил лорд Лиман, — они гонят вперед военнопленных. Таковая практика использовалась при штурме Марана. И это не самое страшное. У степняков есть огненный порошок. Не меч и стрела захватили dwarфскую столицу, а грандиозный взрыв. Судя по всему, степняки устроили подкоп и заложили взрывчатку. Когда наступил момент, они обрушили Маран в бездну. Наши прознатчики докладывают, что почти весь центр лежит в руинах, часть горного склона обрушилась вниз и заблокировала подземные туннели.

— Нынче бородачам придется проходить по нашим землям, — заметил Дараван, тщательно взвешивая слова. — Королевству не мешало бы оказать им помощь провиантом и обозом.

— Но у нас и так все занято, — взвился Мариус, — мои кладовые почти пусты: все отдали армии.

Все? Дараван вопросительно посмотрел на герцога. Все?! Позволил себя улыбку, понимающую, мол, знаем мы о твоих закромах, великий герцог. Знаем все и по пунктам. А также знаем, что ты поставил войскам хлеб, спеченный пополам из гнилого зерна и мышинных экскрементов, и мясо, которым побрезговали и городские собаки. Чего там больше — то: мяса или червей?

Герцог ответил угрюмым взглядом, кулаки сжались, а отвисшие щеки стремительно побагровели, но торгмарский правитель смолчал, опустил на свое место.

— Само собой, тяжелая ситуация вынуждает требовать символическую плату, которая, конечно, не повлияет на наши добрососедские отношения с Королевским хребтом. Лорд Лиман, — старик кивнул, придавая себе вид внимательно слушающего человека, — подготовьте резолюцию. От гномов что-нибудь слышно?

— Пока нет, — покачал головой Даргваст, — но, судя по всему, гномьи послы получили какие-то указания через курьеров.

— Ладно, — кивнул головой, — когда гномы будут готовы, они получат наш ответ.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Что там еще со степняками?

Протектор прочистил горло.

— Также наши люди, наблюдающие за врагом, доложили, что га'хан разделил свое войско. Большая часть — простые воины, обоз — остался в Маране, а он наступает во главе своих Громовых Сотен и отборных бойцов из всех племен. Всего в районе ста пятидесяти тысяч.

У лорда Сигила — командующего объединенными силами — непроизвольно дернулось лицо. С трудом уняв судорогу, он оглядел собравшихся. Лицо у него было... беспомощным.

Неприятный холодок ощутил и сам король, но лицом он явно владел лучше лорда-маршала.

Скрипнул металл — это развернулся Магистр. Звякнули, опустившись на столешницу золотые руки. Самоцветное Пламя у него кирасе сверкало почти истинным огнем. Взгляд невидимых глаз пронзал почти насквозь, и узкие прорезы не были ему помехой.

— Что-то не так, лорд-маршал? — осведомился он. Голос его гудел сталью и силой. — Мы можем принять во внимание ваш возраст и ваши заслуги. Вы и так заслужили почет...

«Дхаров хитрец!» Король почти восхитился Дровосеком, его наглостью и

самоуверенностью. Еще немного — и Дараван останется в одиночестве на совете. А по лорду Маркуду было заметно, что он с удовольствием принял бы предложение Магистра. И ведь действительно: старый вояка уже так многим пожертвовал ради Королевства. Своим уделом, семьей и детьми. Многое же он готов отдать за то, что в старости понянчиться с внуками, которых никогда и не видел. Многое, но не все.

— Соблазнительно, но нет, — ответил лорд-маршал и перекинул длинную рукоять своего меча из руки в руку. Широкая костистая ладонь крепко обхватила ее, до белых костяшек. — Мой долг перед Королевством еще не выплачен.

— Свет с вами! — сказал Магистр, и король мог поклясться: железная бочка улыбается. — Тогда позвольте спросить о том, что мы можем противопоставить Орде.

— Не слишком многое, — хмуро произнес Сигил, тиская рукоять своего эспадоны. — На нашей стороне знание местности и ненарушенные пути снабжения. И мы находимся в выгодном месте: вокруг сплошные холмы и скалы, дороги узкие — это хорошо для нас и плохо для кавалерии. Ей негде развернуться.

— Не менее плохо и для нашей конницы, — заметил Магистр.

— Поэтому, — с усилием произнес лорд-маршал, повозился на стуле, — основной нашей ударной силой будет пехота. Она свяжет степняков ближним боем, а после на них обрушится наша панцирная кавалерия. Ударом стального молота.

— Сто пятьдесят тысяч человек?

— Позвольте отметить, — прокашлялся лорд Лиман, — что они движутся по разоренной земле: люди ушли на север, посева давным-давно убраны: ни хлеба, ни овса — ничего не осталось. И, главное, нам достаточно сокрушить основу: Громовые Сотни и самого га'хана. Он единоличный правитель — все нити власти в его руках. А исчезнет ткач, плетущий из них полотно государства, они изорвутся и смешаются. Уничтожив его, мы отрубим голову, а после степняки погрязнут в борьбе за власть. Орда развалится.

— Отлично! — грохнул кулаком по столу Мариус. — Убьем гада — и победа будет за нами. Я же говорил — дикари!

— Проблема в другом, — заметил лорд-протектор с потемневшим лицом, — ходят слухи, что га'хана нельзя убить обычным оружием. Что он бессмертен.

Торгмарский герцог рассмеялся, а остальные замолчали. Вскоре смолк и Мариус, покраснев и еще больше.

— Свет не допустит! — хрипло заметил Мариус. — Никогда Тьма не будет сильнее Его. Сколько войска Она не соберет, какие силы не накопит. Свет велик! И победа будет за нами.

— Воистину, Ваше Преосвященство! — с точно отмеренной дозой издевки сказал Дараван. — Вы воодушевляете...

— Га'хана я беру на себя! — прогудел Железный Дровосек. Лязгнуло железо, когда он повел руками, словно разминаюсь. — Специально для него я найду особое оружие.

Слова прозвучали веско и словно поставили точку в разговоре, но король просто не мог допустить, чтобы последнее слово оставалось за Магистром. Ни игра, ни даже сегодняшняя партия еще не закончилась.

Дараван Одинадцатый откашлялся, с невинным видом снял невидимую пылинку с одежды.

— Позвольте спросить, Магистр. — Тот уставился на него — из-под забралом веяло скрытой враждебностью. — Ходят слухи, что в Ордене наметился разлад. Некоторые братья, как бы это сказать, обладают собственным мнением на будущее Ордена.

Дровосек замер. Плохо, очень плохо, что из-за шлема король не мог считывать выражение его лица. А брат Марциус шлемов больше не носил, поэтому его эмоции мигот отразились на лице.

Он подскочил, движения его стали резкими, дергаными.

— Никогда! — голос его набрал силу, взмылся вверх, наполнившись силой, словно он вещал с амвона перед прихожанами. — Никогда еще в Ордене не было разлада. Он един, потому что суть его есть Свет, а Сияние неделимо, как лучи спектра. Воистину!

Поневоле Дараван восхитился таковой убежденностью, если бы не постоянные косые взгляды, бросаемые в сторону настоятеля Ордена: то ли примас действительно во все это верил, то ли ему основательной промывки мозги в Ордене. Вернее, наверное, второе. После войны Орден особое внимание уделял идеологическому воспитанию, в котором королю отводилось ущербно малое место. Но его больше волновала реакция самого Магистра, а не его комнатной шавки.

Дровосек едва двинул рукой, совершив неопределенный со стороны жест. И Марциус тут же смолк. Сел, тревожно поглядывая в сторону своего патрона.

— Слухи? — медленно процедил Магистр из глубин своего шлема. В голосе явственно слышались резкие металлические нотки, которые разительно не соответствовали самому тону, нарочито сухому и безэмоциональному. — Они всего лишь слухи. Орден един, как никогда. Перед лицом нашего общего врага. И негоже искать червоточины в своих друзьях. Орден никогда не отступал, когда Королевству грозила беда.

Он лгал и не краснел. Хотя, кто его знает, вдруг румянец стыда не обошел и его, но под сталью его видно не было. И Дараван не понимал зачем: уничтожение безвестной архивной крысы и парочки выживших из ума ветеранов показали бы силу Магистра, его неодолимое желание консолидировать Орден. В Закрытом совете его слова послужили бы весомым козырем. Но он врал. Почему?

Король не удержался и засунул палец под рукав, там, где крепился небольшой карман. Пошарив там, он нащупал краешек мягкой бумаги, сложенной вчетверо. Этот невод мог потянуть и более страшные тайны, которые Магистру было объяснять не с руки. В сообщении Соловей не врал — люди короля проверили описанное место и обнаружили кое-какие следы. И им едва удалось уйти перед тем, как на хутор заявились паладины и сожгли все к дхару.

Заметали следы. Что ж, это давало лишний козырь — не слишком убойный, но он позволял вырваться из патовой ситуации, в которой оказался благодаря воле Дровосека.

Король улыбнулся, открыто и почти искренне.

— Я безусловно рад это слышать, Великий Магистр. Орден — костяк не только нашей армии, но и всей Эратии. Вы, как факел, светящий в ночи и направляющий нас на путь. Воистину!

— Воистину! — повторил Закрытый совет, не несколько вразнобой.

Дараван подбоченился, опираясь на локоть. Обратил свой взор к командующему.

— Лорд Сигил, посвятите нас в детали плана. Возможно, понадобятся определенные корректировки.

Лорд-маршал встал и кивнул, готовясь к долгому и нудному разговору.

Освободившись лишь вечером, король вернулся в свой шатер. Следом тенью двинулся Робур. Только внутри своего шатра Дараван позволил себе расслабиться. Скинул тяжелый плащ, плюхнулся в резное кресло. Закинул голову, и взгляд его поневоле скользнул по

текучим золотистым узорам, бежавшим по небесно-голубой ткани. Так и не понять сразу, что в центрах этих узоров находились тщательно замаскированные руны. Магические.

Рунная магия мелких бородачей не давалась людям. Что-то из магии земли, но со своими нюансами. К тому же, мало кто знал, что кроме кузнецов и механиков, у dwarфов отличные ткачи-маги, могущие с помощью тщательно вышитых рун придать ей любое свойство. Невероятную прочность, долговечность или, как в случае с шатром, полная звукоизоляция. Ничто не могло покинуть этих матерчатых мягких стен без королевской воли.

— Гребаный Орден! — выдохнул Дараван и плеснул себе слабого вина из серебряного кувшина в кубок с королевскими печатями, стоявших на нешироком одноногом джаффском столике. Вино тоже было из-за моря Седрэ. Фруктовое, сладкое. И, как королю сейчас показалось, отвратительно-приторное. — И этих людей мы считаем светочами Веры?! Да пошли они все к дхару, где им и самое место...

— Ваше Величество! — Робур выдвинулся из тени, вытянув руки по швам.

Грубое, будто из камня тесаное лицо словно и не было способно выражать никаких эмоций. «Пуговики, — внезапно подумал король, — глаза, словно латунные пуговицы. Как у голема».

Оставалось лишь горько улыбнуться. Он сам его и создал, вытянул из петли и вознес наверх. Человека, превращенного в голема. Он вытянул его из петли, в которой осталась вся предыдущая жизнь, и вложил в пустую оболочку новое содержание.

— Ваше Величество! — повторил слуга, чуть поклонившись. — Соловей вновь запел.

Одновременно со словами в его руках появилось сложенный лист, который Робур подал, опустив глаза. Дараван принял письмо, развернул.

По мягкому пергаменту, тонкому и хрупкому бежали замысловатые четверостишия. Пустые, как сад по осени для непосвященного. Король улыбнулся, вчитываясь в строки и расплетая замысловатые узоры метафор. Этот поэтический код они с Соловьем выдумали сами — будущий агент оказался большим любителем поэзии. Этим они с королем и сошлись, который тоже любил почитать на досуге дешевой любовной лирики, ходившей среди придворных дам. Не самое мужское занятие, зато в итоге это позволило разработать специальный шифр, который могли понять лишь двое. Король и его Соловей.

Подняв взор от письма, король по привычке сложил его вновь, всунул в рукав, хотя, может быть, не мешало бы сжечь.

Робур с готовностью склонился к королю, хотя для этого не было никаких причин: их разговор не мог услышать никто, кроме них.

— Какие будут указания, Ваше Величество?

Дараван в задумчивости постучал гладким ногтем по подлокотнику. После коснулся острого гладко выбритого подбородка.

— Ждать, мой дорогой Робур! — Он помолчал, но недолго — пару мгновений. — Мы будем ждать. В этой партии фигуры уже ходят сами по себе.

3.

Боль превратилась в привычку.

Привычку предугадывать ее вспышки, нарастающие приливы, что захлестывали с

головой, не оставляя в ней ничего, кроме пустоты страдания.

Джеремия дернулся, ощутив нутром движения соседа, и замер, прислушиваясь к ощущением, но тварь уже затихла. Правда, и беспокойный сон испарился без следа. Пришлось вставать, хотя до рассвета оставалось еще пару часов. Усталость тоже стала постоянным спутником, однако, она еще была не навязчивой, как боль. Ее еще можно было терпеть, уговаривая самого себя сделать шаг. И еще. И еще один.

До бесконечности.

Медленно, тщательно контролируя каждое движение, он поднялся, выпрямился. Конечности окоченели, слушались плохо, кости отзывались хрустом, только что это перед болью?

Когда Глазастик встал, на землю, белую, смерзшуюся, посыпались хлопья, столь же белые. Видать, ночью выпал снег. Небольшой костер, сложенный из хвороста и мусора, давным-давно потух, покрывшись ледяной коркой. Гоблин поправил осторожным движением сползающую с плеч мешковину, служившую ему и плащом, и одеялом. Лицо что-то стягивало, словно маска. Он коснулся кожи и почувствовал под пальцами холодную корку. Сколупнул — в руке остался темный осколок. Можно было ужаснуться, что за ночь его кожа промерзла до мяса, но ни желания, ни сил не оставалось. Сосед даровал ему кроме боли и невероятную, сверхъестественную выносливость. Умереть от переохлаждения можно было не бояться, как и многих других вещей, опасаться которых Глазастик учился с детства. Даже дикие звери обходили его стороной.

Джеремия старался двигаться лесами, глухими проселками, не боясь заблудиться: некое новоприобретенное чутье уверенно вело к цели. Дороги оставались в стороне: по ним двигались люди. Солдаты, селяне, горожане, ремесленники со своим скарбом — народ бежал на север, стараясь уйти с дороги неумолимой лавины. Орда двигалась к сердцу Эратии, а он, бедный, несчастный гоблин был ее вестником.

Пора двигаться. Глазастик и так потерял время на переходе от Марана к Торгмару, пропуская толпы беженцев. Он чувствовал, как сосед становится все более беспокойным, значит, надо спешить.

Небо на востоке посерело, вспоминая про рассвет. Пока робко, неуверенно — самое время для того, чтобы двинуться в путь одному маленькому гоблину. Он собрал свои пожитки и двинулся по склону холма, лавируя между кустами и деревьями. Под большими огрубевшими ступнями хрустел снег и иней.

Впереди, все еще находясь в тени ночи, сиял военный лагерь. Огромный, никогда ранее не виданный — даже Черные Холмы, когда их заняло королевское ополчение, не были столь внушительными. Многочисленные костры, освещали палатки и шатры, коновязи со стреноженными животными, стойки с оружием и крытые повозки. Даже в такую рань — волчий час — в лагере не стихало движение. Вялое, неспешное, но все равно — неостановимое.

Но оно не беспокоило Глазастика. Он все равно давно решил обойти его по большой дуге. Конечно, он видел паладинские — белые с семицветными пламенными цветками — стяги, однако, чутье, почти сверхъестественное гнало его к серой громаде Цитадели. Его цель была там. Не в военном стане, а в крепости Ордена.

Джеремия спустился в лощину и, найдя едва заметную тропу, двинулся между холмами, надеясь, что неброское одеяние и густое сплетение кустарников скроет его от внимательного взгляда.

Ноги двигались, как заводные механизмы — без участия головы, давящее ощущение в груди никуда не делось, ежесекундно напоминая о невыплаченном «долге», и разум опять погрузился в глубины звенящей пустоты. Мысли разорвались в клочья, оставив после себя лишь туман, едко пахнувший пеплом. Это состояние гоблин выработал за эти дни, стараясь хоть как-то сдерживать соседа. Существо реагировало на сильные эмоции, воспоминания, поэтому, чтобы оно оставалось спокойным, их необходимо было гнать прочь, опустошая свой разум. Тогда наступал краткий миг спокойствия — даже боль отступала.

В таком состоянии он мог многое не заметить. Например то, что за ним уже двигалось два человека в мягких кожаных куртках, подбитых войлоком, и округлых шапочках с набивкой из конского волоса. У каждого в руке было по крученому луку из слоев дерева и кости, а у бедра по колчану с белоперыми стрелами.

Патруль состоял из дриамских наемников торгмарского герцога: у них на рукавах были повязаны полосы из красной, белой и черной ткани.

Один из дриамцев остановился, присел, свистнул лесной птицей. С другого края отозвался третий. Короткой трелью первый отдал приказ и, махнув своему напарнику, они спрыгнули на тропу.

Джеремя услышал шум, тяжелые шаги, но среагировал слишком поздно. В следующий момент его повалили наземь, добавили сапогом под ребра и рывком перевернули. К горлу прикоснулся кончик прямого листовидного клинка.

— Какой зеленый кролик! — Глазастик попытался сфокусировать свой взгляд и увидел над собой круглое, шершавое даже на вид лицо. Вернее, морду.

Красную, словно распухшую, с большими навывкате глазами. Морда ощерилась, показались крупные гнилые зубы — дохнуло таким перегаром, что сохранив Глазастик толику своей брезгливости, то наверняка потерял сознание. А так лишь поморщился и тихо застонал: он заставлял себя держать в узде. И все равно — внутри зашевелился сосед.

— Ну что нам кролик расскажет?

— Я не кролик, — пробормотал Джеремя, пытаюсь утихомирить дыхание. Воздух словно собрался комком в пережатом горле.

— Чего? — ухмыльнулся дриамец. — А тогда кто? Уши есть? Есть! Зубы? Еще какие! Значит, кролик, а что кожа зеленая, значит, кролик — магический. И исполняет наши желание. А мое желание таково: быстро-быстро кролик расскажет, кто он такой и что здесь вынюхивает?

— Морм, хватит поясничать! — раздался голос со стороны.

Глазастик покосился и увидел еще двоих.

— Ты подорожную проверил?

— Не-а, — махнул головой несколько озадаченный Морм.

— Тогда чего ждешь? Особого приглашения?

— Да у него и карманов-то нет. Одни запаршивевшие лохмотья. Какая тут подорожная? Кролик, у тебя есть подорожная?

Джеремя молчал. Он боролся с подступающей тошнотой, с чем-то, вспухавшем внутри, словно гнойны пузырь.

— Не говорит! — Морм обернулся.

И в этот момент гоблин открыл рот и в странном противоестественном поцелуе слился с рукой наемника. Дриамец резко обернулся, раскрыл пасть.

— Че?..

И тут же резко отдернул. На коже остались маленькие красные точки.

— Дхар! Он меня укусил!

— Укусил? — Второй дриамец громко расхохотался. — А кролик-то с зубками!..

— Ща я их повыбиваю! — Морм набычился, занес огромный кулак. — Дхар! Как же чешется.

Он опустил руку, сосредоточенно почесал место укуса и с удивлением увидел, как на руке прямо на глазах распухает, наливаясь густым багрянцем.

— Е... Что за дхар! Дарм, кажись, херово мне...

Он резко осекся. Мелко задрожал. Застонал. Забился мелкой дрожью — кинжал выскользнул из ослабевшей ладони, шлепнулся в грязь. Вслед за ним рухнул и дриамец. Сначала на колени, а после и вовсе мордой вперед. На его губах проступила густая желтая пена.

— Что с ним?!

— Морм, твою ж мать! — Дарм ринулся к нему, перевернул, осматривая. Лицо Морма смертно побледнело, глаза закатились, показав блестящие белки. Пена уже стала багровой и крупными хлопьями срывалась и падала на землю. Укушенная рука распухла так, что край рукава впился в плоть, вспучившуюся, словно надутая воздухом.

Джеремия сел — во рту густел кислый привкус, словно он целый день сосал дверную ручку. Командир патруля резко обернулся к нему, кивнул третьему наемнику.

— Юрм, вяжи ушастого, только осторожно. У него какая-то гадость за зубах.

Юрм, к чести сказать, действовал быстро, без раздумий, четко повинуясь приказу, однако он все равно опоздал. Неведомая сила подкинула гоблина, заставив его встать на ноги в одно мгновение. Он изогнулся, пропуская дриамца мимо себя. Наемник шагнул, наклонился и не успел вывернуться — бухнулся плашмя. И тут же его оседлал гoblin.

Глазастик, совсем не осознавая того, склонился к его шее, прильнул к ней в противоестественном поцелуе. Юрм закричал, но его крик быстро захлебнулся. Он забился в конвульсиях, ртом пошла густая пена. Гоблин оторвался от наемника, выпрямился, все еще не слезая с него, и посмотрел на Дарма. Тот лишь медленно открыл и закрыл рот, глядя в совершенно пустые, словно мертвые глаза, следящие за ним. Словно два окошка, за которыми скрывался кто-то совсем другой: холодный, расчетливый убийца.

Правда, к чести Дарма можно сказать, что он не медлил. Не сводя взгляда с гоблина, он действовал: его руки, словно сами по себе, подняли лук, ловкие пальцы неспешно, но уверенно вытащили стрелу, наложили на тетиву.

Резкий рывок натягиваемого лука словно послужил сигналом Джеремии. Он сорвался с места, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя конечностями. Настоящий кролик.

Одним прыжком он оказался рядом с дриамцем и с размаху врезался в него лбом. Наемник повалился, почувствовал, лук дернулся — и стрела ушла в сторону, ударив оперением по пальцам. Дарм почувствовал, как по его телу пробежались ловкие длинные пальцы. И ужасные бессмысленные глаза оказались совсем близко.

Дарм был старым воякой. Прошел не одну военную кампанию: воевал в Перламе, защищал западные Пределы, штурмовал острова саджакских пиратов в море Седрэ, побывал даже на северо-западном побережье Большого Сельдяного острова, где сдерживал атаку Морского Народа на Рубежах Артуа. Наемником у Мариуса Торгмарского прослужил около десяти лет, поднялся до сержанта разведывательного отряда — дриамцы славились, как отличные стрелки и следопыты. И этого гоблина отряд Дарма выследил еще вчера,

наткнувшись на большие, но не глубокие следы.

Длинноухий весил совсем немного, однако что-то мешало, что толчком скинуть гада с груди, может быть, неподвижный змеиный взгляд или... Рот гоблина медленно, с каким-то сухим хрустом раскрылся и там, внутри шевельнулся язык. Толстый, членистый...

Дарм почувствовал, как его штаны быстро становятся теплыми и мокрыми. Влажная кожа миглом прилипла к ногам. Старый бывалый наемник, прошедший и огонь, и воду испытывал дикий всепоглощающий ужас. Такой, что он мог не шевельнуться, ни закричать. Пасть гоблина раскрывалась все больше и больше, и там внутри двигался второй рот или нечто иное. Какая-то тварь, вцепившаяся тонкими сегментными лапками в остатки языка, выдвинулась вперед и в ее передней части, укрытой хитиновым панцирем, из-под покровов показались серповидные жвала, блестящие от липкой слизи, что свесилась с них длинными тонкими нитями.

Горло гоблина раздулось, он дернулся, словно его рвало — и тварь в его рту выдвинулась еще больше, свесившись вниз. Вслед за жвалами раскрылась, словно ракушка, вертикальная щель еще одного рта, розовая, словно свежее мясо. Длинные лапки, щетиновые, заканчивающиеся кривыми шипами, уперлись в подбородок, заставив длинное тельце вытянуться до самого лица Дарма. Конечности опустились и осторожно, словно лаская, коснулись лица дриамца. Это словно послужило сигналом: сержант протяжно и отчаянно закричал.

Глаза Джереми закатились, показались розовые белки, пронизанные сетью кровеносных сосудов. Вопль сменился хрипами, а потом бульканьем. В конце концов, лес затих — осталось лишь влажное чавканье.

Очнувшись, Глазастик вновь встал и пошел туда, куда тянула его цель. Сосед затих, насытившись, а гоблин старался не смотреть назад. Он опустил над тело Морма, вывернул из руки кинжал. Добротный и большой, в руке Джереми больше похожий на короткий меч. Ничего — немного практики, и он достаточно его освоит. Ни одежды, ни обуви он не тронул: в последнее время к внешним раздражителям гоблин относился с непривычным безразличием. Они просто не были ему нужны. Он обходился своими лохмотьями и плащом из старой мешковины.

Засунув кинжал за веревочный пояс он зашагал к Цитадели, чей трапециевидный силуэт возвышался над лесом. Рядом просыпался лагерь королевского войска.

4.

Шмиттельварденгроу в очередной раз проверил свое снаряжение: моток веревки, новенькая кирка, ювелирный молоток и несколько мешочков с черным порошком в сумке, лямка от которой была перекинута через плечо. Несколько мешал рунный топор в заспинной перевязи, но цверг не собирался с ним расставаться. А вдруг чего?

Кроме того, гном расстегнул, а после опять затянул лямку шахтерской каски с горной свечой, прикрепленной на лоб вместе с полированным латунным рефлектором. Оправил пояс со связкой факелов и мешочком с трутом и стальным огнивом. Вроде все сидело хорошо. Странное было чувство, почти забытое, выброшенное за ненадобностью, но приятное. И руки, несмотря на то, что давным-давно ничего подобного не делали, легко вспомнили то, что от них требовалось.

Цверг в очередной раз посмотрел в сторону колодца: короткой трубы, сложенной из плохо обработанных камней. Над ней возвышалась рама для подачи ведра. Само собой, ни жестяного барабана, ни цепи, ни самого ведра не сохранилось, однако перекаладина отлично подходила для того, чтобы закрепить на ней веревку для спуска.

Колодец располагался на узкой крепостной площади стиснутой горами битого кирпича и камня и огрызками руин, походивших на гнилые пеньки зубов скверной старухи. Земля здесь была скрыта под толстыми каменными плитами, правда, уложили их кое-как, спустя рукава. Сквозь широкие щели пробивалась трава и даже мелкий колючий кустарник, по осеннему времени превратившиеся в пучки бледно-желтой жесткой соломы. На поседевших колючках лежал предутренный иней.

Только-только занимался рассвет, и солнце пробивалось сквозь переплетения ветвей и проломы в стене, густо заросшей диким виноградом и бешеным огурцом. Густые черные тени легли на большой барельеф, украшавший главную башню: запечатленная в камне огромная роза. Некоторые лепестки обломались, но и до сих пор роза казалась произведением искусства. И это первое, что насторожило Шмиттельвардегроу.

В какой-то задрипанной крепости, расположенной в глубине старых болот, забытой всеми и всем, развелось такое украшательство. При том, что все остальное носило на себе отпечаток не только времени, но и некачественного строительства.

Во дворе крепости кроме старой заброшенной коновязи и колодца остались следы от кострищ. Тараил задумчиво ткнул сапогом в одно из них, разворошил слежавшиеся угли. На нем вместо обычных лат была кольчуга и плотная кожаная куртка, укрепленная стальными наплечниками. И вместо шлема — плотный кожаный капюшон с металлической маской.

— Старье. — Он повернулся к Хорасу. — Помнишь, как мы здесь ночевали после тренировок? Хорошее было время. Тогда хоть никто не искал не замысливал друг против друга. Тогда еще и Железный Дровосек был самим собой...

Командор молча кивнул, осматривая старую крепость. Затерянная в лесу среди болот она не представляла собой никакого значения — просто удобное место для лагеря.

— Интересно, что здесь было раньше? — прогудел голос Тараила под стальным ликом. — Ты не задавался этим вопросом, командор?

Тот лишь пожал плечами. Он склонился над мешками и распаковывал свои доспехи, прилаживая их друг к другу и проверяя застёжки и ремешки. На нем была одна холщовая рубаша и расстегнутый ватный поддоспешник, черный, прошитый толстыми белыми нитями. Под ним виднелась белая и словно полупрозрачная кожа — сквозь нее просвечивала сетка сосудов. Шмиттельварденгроу отвернулся: интересно, в каком состоянии его проклятье? Может быть, через сутки командор ни вспомнит ни его, ни Тараила, ни цель, ради которой они забрались в крепость Ущербной Луны? Останется лишь одно: неестественный голод, усиленный темной магией.

Проклятье не-мертвого было одним из древнейших аспектов чернокнижия. Даже не заклятье, а стихийно возникшее явление — своеобразные врата для черных душ Бездны, искаженных и преисполненных вековой злобой и ненавистью к живым. И даже сам Шмиттельварденгроу не помнил ни одного случая, чтобы живой так долго сопротивлялся их влиянию. Невероятное, неожиданное стечение обстоятельств, когда предыдущее проклятье защищало своего носителя от другого, наложенного позже. Это было уникальным случаем и последствия его никто не мог предсказать.

От размышлений цверга отвлекли слова Джалада. Тот нынче переоделся в кожаную

куртку с нашитыми на нее стальными кольцами и простыми суконными штанами, заправленными в ботинки с гамашами. Вместо кинжалов или мечей на поясе у него был бутыль с земляным маслом, выпрошенным у человека Тессия, стальное огниво и трут.

Джаффец заложил пальцы за пояс и с несколько высокомерным видом произнес:

— Я ни разу не встречал упоминаний об этой крепости в исторических хрониках. И уже поверьте подобных, особенно по истории Темных войн, мною проштудировано немало.

— Так значит, — произнес Тараил и сквозь металл было слышно некоторое разочарование, — никаких историй героической обороны, никаких подвигов?

Пиромант пожал плечами и ничего не ответил. Шмиттельвардегроу хмыкнул: неужели пробел в знаниях у выдающегося знатока исторических трудов? Нет, вряд ли. Кое-что заподозрил и гном.

— Так сколько, — вставил он, — ты говоришь лет этой крепости?

— Ну, — протянул капитан, — дхар ее знает. По крайней мере, поколение послушников, предыдущее моему, тоже занималось здесь. Но и для них это было очень древнее место.

— Нихрена, — рубанул цверг. — Древности я не чую. И, действительно, клянусь Бездной, в хрониках ее не будет. Откуда ей там вообще быть, ежели построили ее от силы века два назад.

— Чего? — по лицу, сокрытому маской, и не разобрать, какие чувства обуревали Тараила. Однако, интонации были более чем красноречивы. — Что ты мелешь, гном?! Сам Храбр из Симмы, одиннадцатый магистр, держал здесь оборону от войск злокозненного Джаммы Чернокнижника триста лет назад!

— Простите, — невинно вклинился в разговор Джалад, — но позвольте узнать, откуда у вас эти данные?

Тараил помедлил, но все-таки ответил:

— Нам рассказывали легенды об этом, некоторые из многих.

— Легенды? — переспросил джаффец, и по его лицу можно было понять, что паладин сморозил какую-то глупость. — Еще раз простите, но и Симиус, и Ладдар, и Торкмар Твердобородый сходились в том (а это весьма редкое явление в их трудах), что сражение Храбра и Джаммы происходило несколько севернее, за Торгмаром, у Цветущих Садов. А сам Храбр умер буквально полтора столетия назад, то есть битва не могла происходить триста лет назад, только если Свет не наградил безусловно великого Храбра выдающимся долголетием. Конечно, есть вопросы по датировкам, но на гробнице Храбра дата смерти указана по новому календарю.

Симаринец смолк. Видать, сказанное заставило его глубоко задуматься, в том числе, и о своих убеждениях.

— Хо-хо! — выразительно рассмеялся Героним. — У вас, в Ордене, оказывается, уже целая традиция лжи...

— Кончай базар! — буркнул Хорас.

Он выпрямился и уже успел нацепить кольчугу и мягкий подшлемник. Поверх он приладил тяжелые кованые наплечники и бригантину и теперь боролся с многочисленными завязками и застежками. Лицо он имел хмурое и сосредоточенное. На взгляд гнома, обошедшегося обычной кольчугой, и презабавное.

То ли учуяв насмешку, то ли просто спросить, паладин обернулся к нему.

— Ты уверен, что вход в колодце?

Тот кивнул.

— Я бы обустроил его там. Самое правильное место: и скрыто от чужих глаз, и случайный прохожий не забредет. Что может быть еще в высохшем колодце в заброшенном замке?

— Сокровища? — предположил Героним.

Шмиттельварденгроу не стал отвечать на провокацию, а лишь презрительно хмыкнул. Отвернулся и замотал на перекладине конец веревки. Связал самозатягивающимся узлом. Проверил, потянув на себя. Держало крепко.

Цверг взобрался на край колодца, покачнулся, когда из-под ног выскочил камень, а раствор превратился в мелкую каменную пыль, скользкую, словно машинное масло. «Хреновая кладка, — мимоходом подумал Шмиттельварденгроу, выбирая слабинку веревки, — как и все у людей. Вообще, хреновый народец».

После этих мыслей он по-иному взглянул на перекладину над колодцем. Вроде и выглядит крепко, однако, кто знает, может сломаться в самый ответственный момент. Например, когда он повиснет на ней всем своим немалым весом. И полным ходом вниз, в самую Бездну.

Но был лишь один способ это проверить. Цверг судорожно выдохнул, отгоняя последние сомнения, и сделал шаг вперед.

Рывок. Но и веревка, и перекладина выдержали. Грубые волокна тернулись о мозолистую кожу ладоней, напряглись. Гном обвил ногами веревку, повис, тщательно зафиксировал положение своего тела. Дерево скрипнуло, но выдержало. Теперь можно и расслабиться чуток, обождать, когда руки привыкнут к постоянному напряжению. Но тут раздался голос Хораса.

— Все нормально?

— Отлично! — пробормотал Шмиттельварденгроу и добавил парочку цвергских ругательств, забористых, как старый уксус. Еще чуть подождал и принялся неспешно спускаться, перебирая руками и ногами.

Веревка раскачивалась, подчиняясь движениям гнома, потянулись заросшие мхом и плесенью выпирающие, грубо обработанные камни. Раствор между ними раскрошился, осыпался, оставив глубокие и весьма обширные щели. Шмиттельварденгроу лишь сокрушенно покачал головой.

От пересохшего дна начал подниматься густой дух перегноя, кислый и навязчивый. Вверху остался кругляшок серого бессолнечного неба. Поэтому по мере спуска темнело быстрее, чем обычно. Цверг остановился, зафиксировал ноги, не давая себе бесконтрольно соскальзывать. Освободил руки.

Из мешочка на поясе показались стальное огниво и трут. Стараясь не упустить их, он резко провернул пальцем колесцовый механизм. Прыгнули и упали на мягкие волокна грибного трута искры. Затлело — дымный запах на миг перекрыл вонь, вполз хлебным ароматом в ноздри. В темноте светилась багрово-алым полоска на конце трута. Осторожно, стараясь не растерять зародыш огня, гном поднес его к свече на каске. Горючее масло в металлической колбе мигом занялось да так ярко, что его ослепило.

Выступили слезы, скользнули по морщинистым скулам и затерялись в густой бороде. Проморгавшись, цверг снова принялся спускаться. Руки помнили, что надо делать, а голова во время спуска была по ощущению наполнена удивительной, приятной пустотой, какая обычно бывает, когда занимаешься привычным повторяющимся делом, не требующим ни

размышлений, ни даже особого внимания.

Очнулся цверг тогда, когда ноги его коснулись чего мягкого и вязкого. Он взглянул вниз, и свет от налобной свечи отразился в блестящей черной массе грязи, покрывавшей дно, стены фута на два. На поверхности валялись сломанные ветки, перегнившая, слежавшаяся листва даже трупик давным-давно издохшей птицы. Шмиттельварденгроу огляделся: так и есть, имеется и боковой туннель. Его и стоило здесь ожидать.

Он отпустил веревку, дернул два раза, предупреждая заранее оговоренным способом, что у него все нормально. Пригнулся, чтобы не врезаться головой о каменный свод (свежи еще были воспоминания о том, как он померил лбом твердость потолка в своей родной пещере) и шагнул в туннель, узкий и невысокий.

Стены тоже были сложены из кирпича и плохо обработанных камней. И, судя по скопившейся воде, уходил под уклоном вниз от главного ствола колодца. Сток или чего-то вроде этого. Только Шмиттельварденгроу сразу понял, что в колодце этом никогда и не было большой воды. Камни, вделанные в стены, были грубые, с острыми сколами от обработки, не выглаженные потоком воды. Очередная обманка, как и все в этой крепости. Теперь цверг окончательно утвердился в своем мнении, что замок был выстроен именно как прикрытие для тайного входа. И в своем первоначальном виде не слишком отличающегося от нынешнего: искусственные руины.

Вскоре туннель уперся в тупик: плоскую стену, перегородившую проход. Гном подошел поближе, посветил себе. Кладка в этом месте отличалась от обычной. Камни мелкие, битые кирпичи, кое-как скрепленные замазкой. «Люди», — с презрением подумал Шмиттельварденгроу и взвесил в руках кирку. Здесь даже молотком не надо проверять — все и так ясно. Он размахнулся и ударил.

В первой же попытке острое инструмента раздробила раствор и глубоко вошло между камнями. Рывок вверх и вниз, поворот — отверстие расширилось, на пол попадали с хлопотным звуком выбитые камни. Из дыры потянуло застоявшимся воздухом.

Несколькими ударами проход удалось расчистить так, что в него можно протиснуться.

Внутри оказались медные трубы, концы которых, основательно заросшие зеленью окислов, торчали сбоку из стены, окованный сундук на полу и еще один тупик. Теперь это был покатый блок валуна, цельный и недвижимый.

— Что бы тебя! — не выдержал цверг и лицо его вытянулось от удивления. — Мать твою за задницу! Да чтоб меня дхары забрали...

5.

— Я же говорил — сокровища! — гордо возвестил Героним, подбоченясь. Глаза его алчно косились на сундук.

Шмиттельварденгроу промолчал, угрюмо сверля взглядом содержимое сундука. Под крышкой оказались монеты, золотые и серебряные. Были и эратийские номиналы, и джаффские обрезные. Дератонские шиллинги, перламские трубочные с грубой чеканкой, «листы» с Сельдяных островов, а то и вовсе неузнаваемые. Цверг смотрел на них, а пальцы, тем временем, оглаживали золотые дварфские дхармы, распаханные по карманам, — он так и не мог устоять перед собственной натурой, хотя с трудом представлял, куда деть. Может быть, когда (или если) вернется в родную пещеру, они послужат началом новой коллекции.

Все собрались вокруг сундука и смотрели на него. Кто задумчиво, кто с вожделием. Только глаза Хораса оставались совершенно бесстрастны. Он поднял взор и посмотрел на гнома. Тот поразился тому, насколько изменились глаза старого паладина: они походили на латунные кругляши, тусклые и невыразительные. Внутри шевельнулось беспокойство.

— Входа нет?

Шмиттельварденгроу покачал головой.

— Тупик.

— Значит, мы ошиблись, — заключил командор и отвернулся.

Плечи его поникли, походка стало вялой и неторопливой.

— Это была обманка, — громко сказал ему вслед цверг.

Все разом посмотрели на него.

— Чего?

— Сундук монет?

— Именно, — гном кивнул, — на то и рассчитано. Нам бросили его, как кость для собаки. Все это место — сплошные декорации.

Умное слово само скользнуло в уста — общение с Джаладом сказывалось.

— Что ты имеешь в виду? — Хорас вновь повернулся к нему. В его глазах появился призрачный интерес.

— Те, кто строил все это, рассчитывали на то, что будущие поколения, возможно, найдут сокровища и успокоятся, занявшись дележом. И ничего больше искать не будут.

— Тогда...

— Да, — гном посуровел. В его голосе прорезались интонации уверенности. — Где-то здесь есть вход в подземелья. Зачем городить еще подобное?

— Тогда где он?

— Там, — цверг помедлил — голова начала лихорадочно работать, а после спуска это было даже приятно, — где искать будут менее всего. На виду у всех, там, где на него не обратят внимания. Или обратят, но в совершенно в ином смысле.

Он поднял взор. Там, на стене, над узкой террасой улеглись тени в узорах огромной каменной розы — причудливого барельефа, выполненного с удивительным мастерством. Вдвойне невероятным, если учитывать, где она находилась.

Шмиттельварденгроу остановился, на его лице застыло крайне задумчивое выражение. Он запустил пятерню в бороду, яростно поскреб и ловким движением извлек какое-то насекомое. Посмотрел на него, словно ожидал получить от малявки ответ. Видимо, та молчала, потому что в следующую секунду он с хрустом раздавил букашку. Вытер руку об брючину.

— На самом видно месте... — пробормотал он задумчиво.

Ответ был совсем рядом — достаточно руку протянуть, только вот в каком направлении? Роза здесь была явно не зря. Он хмыкнул и обошел главную башню.

Невысокая, в два этажа она было столь же неуклюжа, как и все в этой крепости. Даже арку главного входа умудрились заложить кирпичом. Но справа, за поворотом стена треснула и разошлась, образовав узкий, но не чересчур вход. Цверг сквозь него пробрался внутрь. Пришлось, правда, выдохнуть и втянуть живот.

Крыша давным-давно рухнула, оставив после себя почерневшие стропила и горы трухи на земле. Плиты пола разъехались, и между ними густо проросла трава, жесткая, словно мочалка. По стенами вились узоры черной плесени. Ни мебели, ни внутренних перекрытий

не сохранилось. Шмиттельварденгроу оглянулся и особым тщанием осмотрел арку. Все те же кирпичи. Или...

Идея мелькнула и захватила его целиком. Он выскочил из башни — остальные смотрели на него со странной смесью недоумения и сдержанного любопытства, как на деятельного, но безобидного сумасшедшего.

Но Шмиттельварденгроу было уже все равно. Загадка захватила его с головой, чувство приближающегося ответа будоражило. Он вновь вернулся к главному входу, коснулся руками кирпичей... И расхохотался.

— Есть! — Он хлопнул даоенью по кирпичам. — Есть! Я понял! Стена... стена слишком толстая. Даже очень футов шесть, не меньше. А зачем?

Цверг наставительно поднял пальцем. Остальные молчали.

— А затем, что она пустотелая. И вход — вот там! — Он воздел руку и указал на розу. — На самом видном месте. Я искал, где глубже, а он, наоборот, там, где выше.

— Что будем делать? — к нему подошел Хорас и проследил за рукой.

— Посмотрим, — быстро пробормотал Шмиттельварденгроу.

Он вернулся к колодцу за веревкой, быстро смотал ее и связал на конце петлю. Размахнулся и швырнул ее наверх. Петля взмыла и опустилась на каменный столбик, один из тех, что окружали террасу. Перила куда-то делись, а, возможно, их никогда и не было.

Быстро перебирая конечностями, гном взобрался наверх. Терраса, узкая, не шире трех футов была усыпана палой листвой, камни побелели от птичьего помета. Шмиттельварденгроу ловкими движениями ощупал барельеф, прошелся молоточком под ним, простукивая кирпичи. Они отзывались звонко, резонируя с пустотой внутри. Там наверняка что-то было, вот только никакого скрытого механизма не было. Но ничего: и для этого было решение.

Он шустро разместил во впадинах барельефа мешки с огнедаром. Почти половину из того, что у него было: пять мешочков размеров с детский кулачок. Сплел фитили в косицу и пустил по террасе. Наклонившись над концом, он быстрым движением поджег его. Шипя и стреляя искрами по пропитанному маслу льняному шнуру побежал огонек. Шмиттельварденгроу акробатом нырнул вниз — веревка лишь едва замедлила его падение. Он перевернулся через голову, грохнув своим снаряжением о каменные плиты, и рванул прочь в поисках укрытия. И никто даже не стал дожидаться его «Ложись!». Люди брызнули в разные стороны, словно тараканы под метлой, и к тому моменту, как огонек достиг первого мешочка, площадь полностью опустела.

Глухо бухнуло. С треском и хрустом брызнули осколки кирпича и камни, над башней поднялся столб белесого дыма вперемешку с пылью. Шмиттельварденгроу вылез из-за разрушенной стены, поковырялся мизинцем в ухе и довольно ухмыльнулся: теперь, когда дым рассеялся на месте розы образовался черный провал.

— А было красиво! — заявил Героним, появившись по соседству. — Варвар!

— Хе! — хмыкнул цверг и подошел к башне. Чувство победы окрыляла. И все равно, он оказался там позже, чем Хорас и Тараил. Паладины взобрались по уцелевшей веревке на террасу, сейчас засыпанную строительным мусором, и заглядывали в образовавшийся провал.

Цверг протиснулся мимо них и увидел деревянную лестницу, винтом уходившую вниз. Верхние ее секции были разрушены взрывом, но дальше вниз она была целой. Командор повернулся к Шмиттельварденгроу. На лице человека обозначилось некое подобие улыбки.

— А ты молодец, гноме!

Это было тяжело признать, но Шмиттельварденгроу чувствовал, как его распирает от гордости. И перед кем? Перед извечным врагом. Правда, теперь на это было наплевать.

6.

Дараван Одиннадцатый покинул свой шатер и предстал перед выстроившимся боевым порядком войском. Вперед находилась тяжелая панцирная пехота Мариуса, набранная из торгмарских горожан. Они вооружились длинными пиками и обвешалась железом: тяжелыми выпуклыми кирасами, стальными шлемами с широкими покатыми полями, защищавшими от рубящих верхних ударов. Из-под доспехов свешивались длинные кольчужные юбки.

На флангах находилась кавалерия: рыцарская и баронская. Ополчение, набранное из вассалов. Королевская стража и паладины остались в резерве, чтобы вступить в бой свежими силами в самый необходимый момент. За пехотой бушевало море герцогских наемников, ополчения: легкая пехота и конница из Дриама, лучники западных пределов. Кроме них отряды арбалетчиков, поддержанные пешими мечниками, оседлали вершины окрестных холмов, готовые, ежели что засыпать тяжелыми болтами наступающие силы противники. Над войском гордо реяли многочисленные стяги.

От количества цветов рябило глаза, и король устало потер переносицу. Этой ночью выспаться не удалось. Тем не менее, он, подъехав на здоровенном вороном мерине, поднял руку в приветствии. Позолоченные доспехи, укрытые сверху плащом на собольем меху, выглядели в меру воодушевляющими. Наверное, стоило сказать какую-то речь, но у Даравана нынче было не то настроение. Не для речей. Поэтому он кивнул лорду Сигилу. Тот поклонился и выехал вперед на своем пятнистом жеребце, горячем и нетерпеливом. К седлу его был приторочен старый эспадон.

Старый вояка знал правильные слова по чести и отвагу, верность Короне и Свету, мог подбодрить, когда так это требовалось. Только зная, что приближается войско, в разы большее, чем эратийское, поневоле эти слова казались тонкой издевкой. «Сдохните! Сдохните вы все! И не важно за что: Короля, Света, вашего барона или рыцарскую честь. Итог один: добро пожаловать в землю!»

Мрачные мысли настраивали на флегматичный лад. Сам король, если что пойдет не так, сумеет отступить к Торгмару правильным порядком: он будет беречь свою стражу до последнего. Гвардейцы — изделия ручной работы, за неделю по городам и весям не соберешь. А ополчение с наемниками пусть гибнет за чужие идеалы — им за это платят.

Король едва не упустил тот момент, когда лорд-маршал закончил свою речь. Его слова повисли в воздухе, словно грозовые тучи, готовые разразиться невероятной бурей. Дараван придал своему лицу одухотворенное выражение, над которым он тренировался перед зеркалом, и снова поднял руку. Теперь ладонь была сжата в кулак.

Словно взрыв, словно горная лавина — войско разразилось слаженным воплем, таким, что от него, наверное, покачнулись сами Небесные Сады. Слова были разными, каждый вопил на свой лад, однако, до короля докатывался лишь оглушающий гул. Слава омывала его с ног до головы — это ощущалось почти физически. Дараван опустил руку, положил ее на рукоять меча — золотую, с витой гардой, изображавшей оскаленные головы драконов, а

рукоять заканчивалась огромным кроваво-красным рубином — и элегантно взмахом извлек оружие. Гномья сталь сверкнула на так кстати проглянувшим солнцем — по клинку спустился ослепляющий огонь. Так мог светиться только металл с особыми присадками подгорных бородачей. Зрелище было великолепным.

— Вперед, — выкрикнул король. — Свет рождает Тьму и Он же ее уничтожает! Так будем Его орудием во имя всего, что нам дорого!

Он развернул коня, не опуская его, и дал шпоры. Животное взрыкнуло и двинулось широкой рысью. Соболевый плащ пополоскался на ветру.

Позади завопили кавалерийские рожки, зарокотали-загремели барабаны и войско, всколыхнувшись, двинулось вперед единым порывом, словно океанский прибой, неостановимый, необузданный.

Приятно было ощущать себя океанским прибоем. Рядом пристроился нога в ногу герцогский конь. Мариус Торгмарский в ребристом вычурном доспехе, покрытом темно-красным, цвета венозной крови, лаком возвышался в широком седле. Вооружен он был шипастой булавой, уложенной поперек седла. Клювастое забрало в форме головы грифона было поднято, открывая широкую физиономию, расплывшуюся в кровожадной радости. Герцога сопровождал целый взвод его гвардейцев в красных плащах. Тогда, как короля лишь один Робур в простых сержантских латах. На коне он смотрелся, как мешок брюквы на корове, однако, в бою мог дать фору пятерым герцогским гвардейцам. Они, кстати, демонстративно не смотрели в его сторону. Слуга, скособочившись в седле, хмуро поглядывал то на них, то на короля, то в сторону, оглядывая конные фланги, далеко выдвинувшиеся вперед.

— Волнуешься, Робур? — Король не посмотрел в его сторону, но слуга был уверен, что от взора Его Величества не ускользает ни одна деталь.

— Никак нет, Ваше Величество! Я всего лишь хочу быть подготовленным.

Сержант не сдержался и поправил меч, висевший у него на поясе: короткий «кошкодер». Длинная спата для кавалерийского боя была укреплена на седле.

Дараван хмыкнул и дальше двигался молча. Вот только слуга понял смысл того, что он хотел сказать.

Позади грохотало слаженным шагом огромное по меркам Королевства войско. Слышались голоса сержантов, рокот пехотных барабанов. Хлопали на ветру огромные знамена, королевские, торгмарские, всех многочисленных полков, наемных и призванных, что объединились в великую армию.

Но и впереди был слышен угрожающий рокот. Вражий прилив приближался. Вскоре над вздыбленной холмами равниной показались пики передовых отрядов и развевающиеся на ветру волосяные значки. Пронзительный визг свирелей пронзил небеса, а вслед за ним дрогнула земля.

Волна, исчерченная цветными полосками, сверкающей чешуей доспех плеснала вперед и сорвалась вниз по склонам, поросшим сухой мертвой землей. Король придержал коня и поднял руку. Сжал кулак. И войско, подобно хорошо настроенному механизму, остановилось. Грохнули, опустившись, павезы. Первые ряды панцирной пехоты скрылись за ними, в специальные вырезы щитов опустились пики и алебарды. Следующие ряды встали вплотную, чуть склонив пики над головами первого ряда. Ряд за рядом пики застывали в правильном положении, превращая войско в остетинившегося иглами гигантского ежа.

— А вот и гости! — ухмыльнулся Мариус. — Неужели они прибыли. А то я уже

заждался!

— Заждались чего? — Дараван повернулся к герцогу с высокомерным видом. — Вернуться в свой шатер?

Торгмарский хозяин побагровел, но смолчал. Король все с тем же непроницаемым выражением на лице отвернулся. Дернул поводья, и его жеребец припустил вдоль строя. Дараван вновь поднял руку, теперь уже с раскрытой ладонью, приветствуя свое войско. Солдаты разразились восторженными воплями. По крайней мере, Даравану хотелось верить в то, что восторга в их голосах было больше всего. Они ведь пока не знали, с каким врагом столкнуться. Хотя и догадывались — степняки нескончаемым водопадом обрушивались в долину между холмами.

В правом фланге рыцари мигом образовали проход, в который скользнули король, герцог и вся их свита. Только Робур подзадержался, замешкался, разбираясь с поводьями и ушел в сторону, вклинившись в строй между кавалерией и пехотой. И только теперь он, проявив чудеса ловкости, соскользнул со спины лошади, повис на боку, держась за седло и стремя. Хлопком ладони по крупу, он отправил ее в галом, а сам спрыгнул на землю.

Строй легко принял его, словно камень, брошенный в пруд. Лошадь перехватили позже, а королевский слуга затерялся в огромном войске без следа.

7.

Внизу лестница заканчивалась в небольшом округлом помещении, выложенным коричневым кирпичом, влажно блестящим на свету факелов. В другом конце комнаты виднелся низкий полукруглый проход, залитый чернильной тьмой.

Факелы осветили голые стены, пол, залитый черной жижи. Вдалеке что-то журчало. Шмиттельварденгроу заглянул в проход — огонь показал все те же кирпичи и влажный пол. У стен, в узких канавках бежала вода.

— Проход уходит вниз. Неплохо, — хмыкнул цверг.

— Что? — Хорас уставился на него. В руке у него застыл меч.

— Люди тоже, оказывается, любят зарываться в землю. Тут порода мягкая, склонна к обрушениям. Вот и выложили кирпичами.

— Ты что-нибудь чувствуешь?

— Пока ничего, — гном покачал головой, — только вода и земля. Мили полторы не меньше — у нас впереди. Больше мое чутье не пробивает.

— Тогда двигаем.

Шмиттельварденгроу кивнул и первым скользнул в проход. За ним вереницей потянулись остальные: сразу следом за ним Хорас, а после него Джалад и Героним, вооруженный арбалетом. Замыкал отряд Тараил.

Коридор казался бесконечным. И спереди, и сзади. Два бесконечных провала в темноту. Шмиттельварденгроу остановился, коснулся кончиками пальцев кирпичной кладки.

— Новая, — задумчиво проговорил он. — Ее недавно подновляли.

И действительно, можно было увидеть более светлые участки свежих кирпичей, чередующие со старыми, темными и замшелыми. Коридор явственно забирал вправо и вниз, закручиваясь огромной спиралью. И, тем временем, кирпичи сменились камнем — сплошным гранитным монолитом, в котором был вытесан проход. Кропотливая и тяжелая

работа — гном заметил следы от инструментов, старые, облитые соляным налетом и сглаженные постоянно сочащейся из стен водой. Она собиралась вниз и покрывала пол коридора сначала тонкой пленкой, а после и вовсе поднялась по лодыжку. Однако, по расчетам Шмиттельварденгроу, ее должно быть гораздо больше, вниз бы коридор бы полностью залило. Видимо, решил он, существовал какой-то дополнительный сток.

Цверг почувствовал, как туннель выровнялся и исчезли бесконечные правые повороты. Да и вода начала убывать, хотя влажность была сильной: стены блестели слюдяными потеками и кое-где на ней выступила плесень, а каменные выступы поросли пещерными грибами, бледными, хилыми и ядовитыми. Возможно, здесь могла поселиться и какая-нибудь нечисть. Что-нибудь малоприятное, навряд ли Черной Пелериной, однако подземелья были абсолютно безжизненны. В конце концов, Шмиттельварденгроу понял почему.

Сначала это было похоже на легкий ветерок, сквозняк из далекого окна. Раскрытого настежь окна в Бездну. И с каждым шагом интенсивность ощущения росла: после ветерка тонкий ручеек, прикосновение к которому было вполне осязаемо. Затем — полноводный поток, от касания которого кожа становилась маслянистой. И запах, пряный запах напитавшей стены и кирпичи волшбы. Темнейшей и темных. А в конце и волна, накрывшая с головой. Поневоле Шмиттельварденгроу потянулся к праху, в котором буквально тонул.

Прах был тяжелый, набрякший от крови, страданий и слез. Это была жертвенная энергия. Интересно, сколько же разумных было здесь замучено? Нет, гном не ужасался и интерес его был чисто академический. Он и до того был свидетелем невероятных гекатомб Горгонадца и его слуг. Уж в Темном Городе это дело было поставлено на поток. Только почему-то вся эта сила не слишком ему и помогла. Неужели это ничему не учит?

Шмиттельварденгроу тряхнул головой: история учит лишь в книжках, а в реальности она подобна спирали, раз за разом пересекающей одни и те же места. И в одно из этих мест он и возвращался сегодня.

Стены коридора раздвинулись, разошлись в стороны, низкий потолок поднялся, выгнулся аркой вверх. А по обеим сторонам потянулись маленькие, не больше чулана, вырубленные в скале комнатки. Каждую закрывала массивная решетка в повисших лохмотьях ржавчины на вделанных в камень петлях, густо смазанных. Черное, липкое масло блестело, отливая глянцем. Из камер тянуло застарелыми фекалиями, кровью и потом. Цверг пригнулся и осветил царапины на висячем замке, блестящие оголенным металлом. Казалось, стоило прислушаться и можно было услышать горестные стоны пленников и звяканье кандалов.

— Дхар раздери! — выдохнул Тараил. Дыхание вырвалось из отверстий его металлической маски белесым облачком. — Что это еще такое? Хорас, ты знал?

Командор повернулся, покачал головой.

— Но откуда... И зачем?

— Это жертвы, — произнес Шмиттельварденгроу. Слова, тяжелые, шершавые, отозвались тусклым, но протяжным эхом. Царапины походили на те, что оставляет ключ, когда им пытаются попасть в замочную скважину в полутьме, при неверном свете догорающего факела. — Здесь держали скот. Совсем недавно. Мясо для ритуалов, для накопления силы из крови замученных. Горгонадская магия. Я ощущаю ее...

Он не врал. Потоки темной, нечестивой, но приятной силы обтекали его, наполняли жилы яростной энергией. Забытое ощущение. Опасное ощущение. Шмиттель словно бы погружался в прошлое, как в топкое болото. И, главное, бороться совершенно не хотелось.

Он оглянулся.

В свете шахтерских свечей и факелов лица спутников казались масками, красными, расчерченными уверенными черными мазками. Глаза горели огненным отсветом. Кто они такие? Истуканы, марионетки в чьих-то руках, чужие, вражьи куклы. Рунная секира дрогнула, поднимаясь.

Шмиттельварденгроу с силой выдохнул, закрыв глаза. Сила совращала, манила отдаться полностью — и это было главным опасностью для чернокнижника. Поборов соблазн отдаться ей, можно было вступить на следующий этап постижения могущества. Цвергу было знакомо это ощущение и он справился с ним достаточно легко, а вот что касается остальных... Он не был столь уверен. Тараил и Хорас были глухи к зову. Капитан не имел способности к магии — он был честным рубакой, а вот командор... Он уже погрузился во Тьму, может быть не весь, какой-то малой долей, но и этого было достаточно. Джалад был магом. И он вполне мог почувствовать Тьму, ее обволакивающее дыхание, однако, как говорят, в любом пироманте есть свет. Не Небесных Садов, но свой собственный, цвета крови и дымного пламени.

Он открыл глаза и понял, что стоны звучат не в его воображении, а на самом деле. Звуки пробивались, как сквозь тяжелые бархатные портьеры: глухой, но явственный призрачный шепот.

— Вы это слышите? — вмешался Героним. Он, как полуэльф, обладал самым чутким слухом. — Здесь кто-то есть.

Шмиттельварденгроу без выражение посмотрел на него и кивнул. Полуэльф тоже оставался таким же прежним, словно случайный прохожий, ставший свидетелем любопытных событий. Нервозность лишь чувствовалась в некоторых движениях агента Ордена.

Слабые звуки доносились через три камеры, из узкого каменного мешка, из-за ржавой решетки. Хорас подошел поближе, факел в его руке осветил грязный пол, заваленный гнилой соломой и дерьмом, а в углу бесформенный куль тряпья. Командор коснулся клинком решетки — металлом отозвался коротким звоном, словно бы болезненным.

Куль шевельнулся. Стоны сменились бормотаньем.

— Нет... нет... пожалуйста... Я не хочу больше боли... Свет... Уберите свет... Я отрекся от него...

— Свет с тобой, несчастный! — произнес Хорас традиционную фразу, сказанную ради того, чтобы успокоить пленника.

Но куль, на поверку оказавшийся невероятно худым стариком в лохмотье, пошевелился лишь ради того, чтобы забиться еще больше в угол.

— Свет... свет... свет... — забормотал «куль». — Свет — это боль...

— Хватит, — Шмиттельварденгроу тронул Хораса за предплечье, — у него поехала крыша. Мы ничем ему помочь уже не можем.

— Как это — не можем?! — воскликнул Тараил, растолкав остальных. Он примерился мечом с щели, между решеткой и стеной, всунул кончик клинка. Нажал.

Железо заскрежетало, немного поддалось, посыпалась ржавая труха.

— Свет грядет! — воскликнул паладин и, используя меч, как рычаг, надавил.

— Свет! — истерически выкрикнул «куль» и внезапно подскочил к решетке.

Он больше походил на келет обтянутый кожей, однако удар был так силен, что решетка сотряслась.

— Свет! — изо рта узника слетели хлопья слюны. — Света нет!!!

Что-то не так было с лицом пленника, и это если не считать огромных синяков. С глазами, или вернее с тем, что у него осталось вместо них: веки были крепко сшиты большими стежками, черная суровая нить пронизывала плоть, глубоко вдавливаясь в воспаленную кожу.

— Света нет!!! — снова закричал «куль» в безжизненное железное лицо. Тараил отшатнулся.

— Твою ж мать!

Пленник забился, повиснув на решетке, по-паучьи длинные пальцы вцепились в железные прутья. Несмотря на невероятную худобу решетка, казалось, вот-вот слетит с петель.

— Уходим, — дернул Тараила Хорас. Тот, словно заводная игрушка, поплелся за ним. Позади продолжал верещать безглазый.

Шмиттельварденгроу видел, как он сочится Тьмой, но это был как невесомый черный туман, окружавший его... Остатки того, что из него выкачивали мучители. Бедолага был почти полностью иссушен.

Впереди раздался шум, ругнулся Тараил. Командор от кого-то отмахнулся мечом, раздался звон столкнувшихся клинков. Героним действуя скорее по инстинкту, чем размышляя, вскинул арбалет и выстрелил. Болт вогнал сдавленный стон в плоть человека, показавшегося из темноты. На нем были какие-то обноски, разрозненные детали ржавых доспехов, однако, он был вооружен узким бастардом, которым теперь беспорядочно размахивал. Второй рукой он ощупывал оперение болта, выросшего у него в щеке.

Наконечник наверняка пробил голову насквозь, однако человек все еще двигался. Правда, ступив еще парочку неуверенных коротких шагов, он рухнул заживо. Меч, выпавший из руки, загрохотал по каменному полу. Вместо мертвеца появился второй воин.

Он выбежал на свет, целясь здоровенным пехотным топором по Хорасу, промахнулся. Тот достал его мечом, широким размахом перечеркнув его от плеча к поясу. Сквозь грязную одежду и разорванную кожу проступила черная кровь. Но оружие не выпало из ослабевших рук, снова взлетело в воздух, чуть не задев командора на обратном ходу завернутым полумесяцем лезвием. Паладин качнулся назад, отступил. Слева от него возник Тараил, грозящий врагу мечом. Шмиттельварденгроу зашел справа, внушительно покачивая секирой.

Теперь ему удалось рассмотреть врага как следует. И презрительно фыркнуть. Редко кто учится на своих ошибках, а кое-кто вообще не учится: Горгонадец был на редкость предсказуем. Перед ними, шипя и постанывая, покачивался фанатик. Рвань, сквозь которое проглядывает грязное голое тело. Поверх накинуто нечто вроде ржавой и рваной кольчуги, прикрывавшей лишь одно плечо и ниспадавшей ниже колен длинным рыжим лоскутом. Лицо было скрыто маской: куском кожи с прорезями для глаз и носа, туго натянутой на, словно на барабане, которая была пришта прямо к голове. Толстыми, грубыми стежками. Шмиттельварденгроу частенько наблюдал у слуг Властелина еще в бытность свою аттаруаном склонность к шитью по живому телу. Не практичную, но весьма устрашающую на вид. Поговаривали, что это просто склонность к саморазрушению тех, кто не смог противиться зову.

Фанатик вновь кинулся вперед, размахивая топором, но его встретили в шесть рук. Меч Тараила погрузился в запавшее брюхо, вышел наружу со спины, скрежетнув металлом по позвоночнику. Клинок Хораса вскрыл шею, выпустив облачко алых капель, легших кровавой

росой на лицах. Секира Шмиттельварденгроу опустилась наискосок, развалив грудную клетку, ребра и сердце. И только теперь за кожаной маской исчезла всякая жизнь.

Бесформенный куль, бывший когда-то человеком повалился на пол. С опущенных клинков закапала кровь.

— Надо двигать дальше, — сухо произнес Хорас. Он стряхнул влагу с меча резким рваным движением, только им выдав овладевшие им эмоции. Холодно посмотрел на капитана: — Здесь мы больше ничего не сможем сделать.

Тараил, а вместе с ним и все остальные, повернулись к узнику, все также повисшему на решетке. Он тихо и бесслезно плакал. Паладин мотнул упрямо головой. Подошел к нему, и, обхватив ладонью затылок, прижал его к решетке. Безумец застонал.

— Пребудешь ты во Свете! — пробормотал он и с силой вонзил клинок в грудь. Там, где трепыхалось еще изъязвленное сердце мяса.

8.

Робур втиснулся в строй и пожал несколько рук, протянутых к нему. Здесь его ждали, загодя приготовив место. Кто-то сунул ему в руки алебарду. Кроме того, Робур вооружился коротким прямым мечом для тесных схваток в строю и кинжалом-мизерикоридией для пробивания доспехов. Теперь вместо обычного колета на нем был наборный пехотный панцирь с длинной кольчужной юбкой и солдатским шлемом с ребрами жесткости, укрепленными изнутри и защитным плоским ободом, прикрывавшим лицо и затылок. Ремешок крепежа удобно лег на старую мозоль. Тело все еще помнило: мышцы — вес обмундирования, ноги — ритм наступления, а руки — древко пехотной алебарды. А горло — рев походной песни.

Знаменщик, воздев в небо черную, с белым вороном, хоругвь завел старую мелодию, гортанно выкрикивая слова. Через мгновение ее подхватили и остальные. Робур наравне со всеми горланил скабрёзные слова про любовь купчихи к крепким солдатским елдакам. Это была традиционная песнь наемного полка «Белые враны», сформированного в Тержере по личному распоряжению короля. Знамо дело, что секретному. Солдаты были лично отобраны Робуром, но он сам не стал командиром отряда — не дело это для царского слуги. Нашлись для этого и более компетентные люди.

Однако, он состоял в полку на правах сержанта и имел права голоса на полковом совете. Большую часть времени, конечно, «Белые враны» мотались по Королевству и Эмиратам в поисках работы, а так как войны никогда не заканчивались в Ойкумене, дел для «Вранов» всегда хватало. Но иногда король требовал решить какую-нибудь задачу для небрезгливых исполнителей. За весьма солидное вознаграждение, конечно. Вроде, как сейчас. Официально «Враны» подписали контракт с торгмарским герцогом, но на самом деле...

Но никто не возражал. Да за такие деньги можно было предать хоть сам Свет. А ведь кое-что похожие им и полагалось сегодня выполнить. Рядом с его строем показалась лошадь кондотьер-генерала Мара Дегоне, уроженца северо-западной части Джаффы.

— Доложись, сержант!

— Задание выполнено, мой генерал! — Робур отсалютовал алебардой. — Мечи начищены.

Это было условной фразой, предполагавшей начало выполнения задания. Условия были

предоставлены Дегоне заранее. Тот кивнул.

— Служи, сержант! — выкрикнул он и вернулся к тройке своих ближайших офицеров. В движениях кондотьер-генерала чувствовалось напряжение: прямая спина, чересчур крепко сжатые на поводьях кулаки с белыми костяшками.

Это стоило ожидать. Эратийская армия непрерывным потоком спускалась по склону очередного пологого холма, коими были богаты предместья Цитадели. По бокам на вершинах высоких и отвесных холмов выросли ряды щитов, скрывавших отряды арбалетчиков и лучников, готовых встретить врага слаженным залпом. С этого расстояния виднелись сигнальщики с красными и синими флагами, принимавшие и пересылавшие послания. Как Робур помнил, там также находились и многозарядные гномьи установки, стрелявшие гранеными кубиками и шипастыми шариками из закаленной стали.

И взгляд поневоле скользнул поверх голов впереди идущих и вцепился в темную зубастую волну, катившуюся им навстречу. Впереди раздалась резкие выкрики и строй остановился, грохнули, опустившись павезы, слаженно застыли, оцетинившись пиками, передние ряды.

Генерал Дегоне взмахнул командирским жезлом, зажатым в правой руке, и «Враны», согласно заранее отработанному порядку развернулись в атакующий порядок. Впереди ряд пикинеров, за ним — алебардисты и арбалетчики. Следом лучники с тяжелыми составными джаффскими луками. Наконечники стрел были обмотаны паклей, смоченной в драконьей крови. К каждой десятке лучников был прикреплен солдат с жаровней и запасом стрел. «Белые Враны» не входили в полки первого удара, однако и им, когда панцирная пехота устанет и отступит, придется вступать в бой с превосходящими силами противника. Хотя и армия была достаточно разнородна, командиры отдельных отрядов вместе с лорд-маршалом Маркудом договорились о совместных действиях. Войско генерала Дегоне входило во вторую линию, задача которой была сдерживать противника, медленно отступая с таким расчетом, чтобы степняки оголили свои фланги для удара рыцарской и орденской кавалерии. Никто не собирался становится героем и попадать в ведомости отрядного мортуса: ни одно жалованье не стоило жизни. Деньги — вещь преходящая, а смерть — это навсегда.

С грохотом, словно обрушились сами Небесные Сады, сошлась панцирная пехота Королевства, отборные гвардейцы короля и герцога, с нахлынувшим на них морем Орды. Сверкающая металлом гладь из чешуйчатых доспехов и кривых клинков и копий взбурлила, обрушившись на утесы павез. Захрипели, закричали лошади, перекрывая визгливые возгласы чуждого степного наречия. Лязг металла о металл, влажный хруст острой пики, вошедшей во вражескую плоть, стон умирающих и раненых — там, впереди словно раздвинулись врата в Бездну, из которой доносились вопли дхаров.

— Первая линия — вперед! — разнесся по строю приказ Дегоне, переданный по глоткам офицеров и сержантов. — Вторая линия — ...товсь! Лучники — огонь уступом, навесными!

Когда до него дошла очередь, Робур повторил приказ. Он находился в охране лучников, и солдат с разогретой жаровней и здоровенной вязанкой стрел за спиной побежал вдоль строя лучников и следом за ним вспыхивали ярким искристым огнем пропитанная драконьей кровью пакля на стрелах. Офицер верхом на огромном коне — шкура в подпалинах, серая — посмотрел налево, там, где передавали приказы королевские сигнальные. Робур проследил его взгляд: над волнующимся человеческим морем,

упорядоченным командирской волей, показался красный треугольный флажок. Офицер поднял руку в толстой кавалерийской перчатке и резко опустил.

Тетивы хлестнули плеткой и с пару сотен стрел взмыли огоньками в воздух, одни из немногих, сложивших в пылающую тучу тысяч стрел, поднимающуюся над королевским войском. Наверное, со стороны степняков зрелище было одновременно и завораживающим, и ужасающим.

Но Орда не отступила. Стрелы канули, словно в воду. Кое-где вспыхнули огни, ряды бронированной конницы дрогнули — словно рябь пробежала. И ничего.

Степняки ответили ответным залпом. Смертоносным дождем на «Белых вранов» просыпались стрелы с белым оперением. Ранило солдата с жаровней. Он споткнулся, медный таз на цепях вылетел у него из рук, по траве рассыпались раскаленные угли. Он застонал, хватаясь за бедро, из которого торчало тонкое древко стрелы. Робур распорядился заменить и отвести его в тыл, к мортусам. Не на смерть, конечно, а всего лишь на лечение. Рана не выглядело слишком опасной.

А вот отрядам первой линии досталось гораздо сильнее. Удивительное дело, но степняки не делали различий между конницами и лучниками. Они стреляли с седла, прямой наводкой, целясь поверх павез. И первый же залп знатно проредил щитоносцев. Казавшаяся такой нерушимой стальная стена вдруг обрушилось, в ней образовались прорехи, которые солдаты не успевали заполнять. Ощетинившийся пиками и копьями строй вдруг развалился, подался назад, чтобы уменьшить ширину строй. Закрывшись щитами, панцирники отступали. Ненамного, буквально на какой десяток шагов, но и этого хватило, чтобы Орда вцепилась в них, словно изголодавшийся пес. Несмотря на то, что ее постоянно обсыпали стрелами и арбалетными болтами с укрепленных пунктов на холмах, сдаваться она не собиралась. Наоборот, кинулась вперед, в страшный рукопашный бой.

Стрелять стало куда как сложнее, чтобы не попасть по своим. Дегоне вновь взмахнул своим жезлом и отдал приказ на то, чтобы бесполезные ныне лучники отступили назад, к обозу и телегам мортусов, а вперед с лихой и злой походной песней не двинулись пикинеры и алебардисты. Робур подхватил мотив и зашагал вместе со всеми остальными, держа на весу алебарду с жутким шипастым наконечником. Внешне он был спокоен, смеялся вместе с остальными, готовясь к кровавой мясорубке, однако, внутри у него был лед. Он боялся. Нет, не боя, а кое-чего другого. Он посмотрел по сторонам. Увидел, как над грядой холмов показались рыцарских вымпелов. Глянул в другую.

Там, откуда должны были наступать паладины, было пусто, лишь отстреливались арбалетки во временных крепостях. Неужели, кружилась над ним мысль, неужели Магистр пойдет на предательство? Он не знал того, что творилось на самом деле: Соловей молчал, но королевский слуга и, одновременно, доверенное лицо все равно старался держаться поближе к жаровне в ожидании новостей.

9.

С мотивацией у Джереми проблем не было: сосед здорово умел расставлять приоритеты, но вот с умственной деятельностью обстояло не все так гладко. Из-за постоянного напряжения мозга варили большим трудом, иногда и вовсе отрубаясь. Тело продолжало действовать, но голова словно впадала в ступор, погружаясь в бессмысленную

пустоту.

Двигался он почти безостановочно и под конец, загнанный соседом, как ломовая лошадь, он уже просто не мог пошевелиться. Видимо, это наконец дошло и до паразита, когда гоблин в очередной раз повалился, но уже не смог подняться. ОН лежал на животе, лицо до половины погрузилось в лужу и дыхание создавало тихую рябь на глянцевой поверхности, усыпанной жухлой листвой.

Глазастик позволил себе отдышаться и в голове впервые за много дней хоть немного прояснилось. Приложив последние усилия, он заставил себя сесть. Перед глазами плыло, сердце бухало последним набатом, ноги стертые в кровь кровоточили и воспалились. В голове пронеслась мысль: еще сутки такого забега, и он уже больше подняться не сможет.

Ноги дрожали, когда он поднимался. Шатаясь, Джеремя отковылял к густым кустам орихина, усыпанным мелкими жесткими листочками, что сохранялись круглый год на ветках. Повалился прямо в густое переплетение тонких, но крепких и гибких плетей. Он показали ему настоящей подушкой и спустя неощутимо малое мгновение он провалился в тяжелый сон без сновидений.

Не проснувшись, он не ощутил, как его рот раскрылся и членистый хоботок выпрастался наружу. Он разбух, обзавелся тонкими ножками с коготками и вертикальной зубастой пастью, обрамленной многосоставными жвалами. Тварь, соединенная тонкой пульсирующей пуповиной с основным телом внутри грудной клетки гоблина, замерла у него на груди. Он потемнела и поменяла цвет гибкого хитинового панциря на темно-коричневый с серыми разводами под цвет лохмотьев, в который был обряжен Глазастик.

Он оставался совершенно неподвижным, что напоминал мертвеца. Когда невидимое за сплошным облачным покровом солнце поднялось до половины небосклона, рядом с гоблином показалось юркое серое тельце, вытянутое и гибкое, снабженное пушистым хвостом.

Хорек остановился и принялся. От тела исходил специфичный трупный аромат, а в нынешнее голодное время даже падаль была в цене. Поколебавшись немного, он метнулся вперед, на колени к гоблину.

На все хватило одного удара сердца. Сосед резко ожил метнулся к зверьку и тонкие когтистые конечности впились в гибкое тело, пасть раскрылась и так быстро перекусило шейку хоря, что тот даже не успел осознать опасность. Зубастая пасть разошлась в стороны еще больше, кровь стекала по прозрачным зубам-шипам, смешиваясь с прозрачным пищеварительным секретом. Рот паразита начал расти и вскоре тело внешнего выраста словно разделилось на две половины и полностью обхватило трупик хорька. Сжалось, и треснули тонкие кости. Вскоре останки животного полностью скрылись под плотью твари. Пуповина запульсировала активнее.

Когда Джеремя очнулся, все стало по прежнему. Он утер рот и прислушался: что-то разбудило его. И в самом деле, из-за деревьев и кустарника доносились топот копыт, лязг металла и грубые, словно искаженные голоса. Он поднялся.

Чувствовал Глазастик себя гораздо лучше. Получив ментальный импульс от соседа, он тихо, хоронясь в зарослях, двинулся к дороге — старинной, выложенной каменной плиткой, сквозь стыки которой пробивалась трава с острыми и тонкими стеблями. Сейчас по дороге, звучна стуча подковами двигался отряд паладинов в сверкающих латах и чистых белых плащах — пополнение из Цитадели, чьи стены виднелись уже совсем недалеко. Можно было даже рассмотреть лица часовых над гребнями защитных укреплений.

Цитадель показалась такой соблазнительной целью, что Джеремия едва сдержался, чтобы не кинуться под копыта коней в бессмысленной попытке достичь ее как можно быстрее. Немилосердная боль скрутила его нутро в бараний рог — единственно, что врожденная осторожность заставила его остаться на месте. Переждав приступ, а заодно и пропустив отряд орденцов, он вылез из своего убежище и быстрым шагом двинулся к Цитадели.

К стенам, гладким, лишенным признаков каких-либо стыков, он пришел уже к вечеру, когда наступили ранние сумерки. Солнце скрылось за массивом крепости, и она погрузила окрестности в густую, непроглядную тень.

Поначалу Глазастик думал перебраться стены, используя стыки между кирпичи, когда по молодости перелазил через городские стены Ведьминого Яра, но здесь бы такой подход не прокатил бы. Он не видел ни одной щели, в которой можно было уверенно укрепиться при подъеме.

Первой идеей было схорониться у ворот, чтобы, когда они откроются, проскользнуть вовнутрь. Не самая умная мысль, и у Джеремии пока что хватало сообразительности, чтобы понять, что это сравни самоубийству. Озадаченный, он двинулся вдоль стены. Цитадель давным-давно не подвергалась никаким нападениям, находясь в центре Эратии, и ее окружили густые сады, скрывавшие передвижения гоблина. Что-то намекало ему, что в такую большую крепость, как Цитадель Света, должен вести еще один выход. Не самый очевидный и доступный, но не зря же гоблины считаются лучшими ворами Королевства.

И такой вход был найден: выход узкого канализационного стока, ныне заброшенного, судя по тому, что он был совершенно сух. Только в небольшой канавке под ним образовалась грязная лужа, заваленная мусором.

Он была достаточно узкой, чтобы в нее не мог пролезть человек или какая еще Громадина. И даже для гоблинов размер все-таки был маловат. Только вот Глазастик за время своих странствий здорово потерял в весе, напоминая сейчас тень себя предыдущего.

Зажав дриамский кинжал в руке, он склонился перед входом в трубу, прикинув, как сподручнее туда залезть, как почувствовал резкий незнакомый аромат. Не то, чтобы неприятный, но тревожащий, вызывающий смутное беспокойство. Сосед шевельнулся и это вызвало приступ острой боли. Глазастик не выдержал, ноги его подогнулись и рухнул в канаву, подняв кучу брызг. Сразу завоняло тухлятиной — и боль отпустила. А Джеремия даже не понял, что впервые в жизни почуял аромат магии, прежде ему недоступный.

Не раздумывая больше, подстегиваемый краткими болевыми импульсами он полез внутрь. Паразит, живущий внутри него, кроме боли и цели наградил его кое-чем еще, и способность распознавать магию была еще не самое удивительной.

10.

После полутьмы тюремных коридоров, наполненных кровью и страданий, ярко освещенный зал резанул по глазам багровым светом факелов, в пламя которых было явно подмешан какой-то секретный ингредиент. Он насыщал огонь необычными, вызывающими тягостное ощущение цветами, которые одновременно и били по глазам, и наполняли пространство многочисленными колеблющимися тенями. Беспросветными и черными, как смола из земляного масла. Одного бы этого хватило, чтобы испортить настроение и вызвать

чувство, похожее на тошноту. Но и дело обстояло в том, что цветовая гамма была лишь обрамлением действу, творившемуся в зале.

Высокий куполообразный потолок, испещренный трещинами, поддерживали колонны, вырубленные из цельного камня с немалым искусством. Искусством, достаточным, чтобы им могли восхититься даже гномы. Вот только восхищаться у Шмиттельварденгроу никакого желания не было. Посеред рукотворной пещеры располагался куб жертвенного камня, окруженного десятком типов в бесформенных хламидах с капюшонах, скрывающих головы. Кроме них, у стен выстроились фанатики с нашитыми на лица кожаными масками. Но те даже не пошевелились, когда в зал ввалились цверг и компания.

Зато прекрасно отреагировал тот, кто стоял около жертвенного камня, прижимая огромной ручищей обнаженную женщину. Это был тот самый закованный в железо великан, что наведывался в хижину заговорщиков. Тот самый, кто убил Дериола.

Черный рыцарь в доспехах, измазанный жертвенной кровью. Железный голем, неуязвимый ни для магии, ни для доспехов. Шмиттельварденгроу зарычал от ярости при виде его. Он закрутил рунный топор над собой смертоносной каруселью и кинулся вперед.

— Стой! — выкрикнул Хорас, попытался заступить дорогу цвергу.

Взбешенный гном даже не заметил его. Визгнул, столкнувшись с раскрученным топором, клинок командора, что едва спас его от неминуемого прикосновения с полулунным лезвием из лучшей дварфской стали. А сам Шмиттельварденгроу этого даже не заметил: продолжая размахивать топором, он неумолимым тараном понесся в сторону проклятого рыцаря.

Создание темной магии тоже не медлило. Можно было поклясться, что под приваренным забралом расплылась довольная ухмылка. Безо всяких усилий он поднял за горло визжащую жертву. На миг в голове пронеслось: «а она ничего». Гладкая кожа, упругая грудь, но все испортило лицо, искаженное страхом и рыданиями. Грязные волосы облепили глубоко врезавшиеся в нежную кожу железные пальцы. А сквозь оплывшую причудливым изгибом решетку, закрывавшую смотровое отверстие, горел алым демонический глаз.

Другой рукой проклятый рыцарь поднял кривой нож, игрушечный в его огромном кулаке: кривой ржавый клинок длиной не больше полторы ладони. Голем поднес его к выемке между ключицами. Жест был достаточно красноречив: еще шаг — и она умрет.

— Нет! — выкрикнул позади Тариал. Голос его охрип от ярости. — Стой, цверг, он...

«Благородная размазня», — подумал Шмиттельварденгроу. Любитель стальных масок не понимал, что она уже мертва. И железный голем Магистра лишь подтвердил мысли гнома.

Черный рыцарь поднял ее над собой и вонзил нож по самую рукоять в нежное тело, созданное для любви и страсти. Выдохнул с металлическим присвистом и потянул его вниз.

Лопнула кожа, раздалась в сторону разрубленная грудная клетка. Крик перешел в хрип и стих. Кровь, переплетенные внутренности хлынули потоком и оросили голема с ног до головы. На шипастых выступах наплечников повисли обрывки кишок. А «балахоны» застонали от увиденного и словно бы очнулись ото сна, как и фанатики у стен.

Сверкнула обнажившаяся сталь, и те, кто стоял вокруг жертвенника, бросились наперерез цвергу. Но его не остановил и строй троллей, к тому же следом за ним двигались Хорас и Тариал. Героним перезарядил арбалет и навел их на фанатиков, Джалад впитал в себя часть огня с факелов, отчего в зале здорово потемнело.

Звон металла — и меч, опустившийся на лезвие гномьего топора, разлетелся осколками.

Шмиттельварденгроу опустил оружие и резко поднял — топор вонзился в подбрюшье одного и «балахонов». Тот вскрикнул и осел, грохнув доспехами, скрытыми под одеждой. Второго цверг, что называется, уронил: ловкой подсечкой отправил на пол, а сверху припечатал полулунным лезвием.

Хряснули разрубленные ребра — и цвергу пришлось остановиться: топор застрял в расколоте панцире, украшенным серебряным семипламенным огнем.

— Дхар, — выкрикнули позади. — Во имя Света, вы что творите, братья?

Кажется, это возмущался Тараил. «Братья» ничего не ответили, а только вместе с фанатиками еще больше усилили натиск. Из второго выхода из зала показалось еще несколько бойцов, «балахонов» и фанатиков вперемешку.

Шмиттельварденгроу дернул рукоять, но топор крепко заклинило в панцире. Стянутый многочисленными застешками и ремешками, он не выдержал удара рунного оружия, однако хватка у него оказалась поистине волчьей. От рывков гнома дергалось тело, но топор не желал покидать раны. Цверг оглянулся.

Его обступили «балахоны». Теперь они скинули свои одежды и в сумрачный свет факелов отбрасывал отблески на полированные доспехи, на золотые и серебряные семипламенники на кирасах. Корни предательства глубоко проросли в Ордене.

— Дхар! — Топор не желал поддаваться, но цверг вспомнил, где именно он находится.

Он потянулся ко Тьме и она с удовольствием ему отозвалась: тело сотряслось от сладостной дрожи. Шмиттельварденгроу развел руки, впитывая прах.

Он резко выбросил руки в перед, сформировав простое, но очень мощное заклятье. Облако едкой пыли в миг окутало трех или даже четырех паладинов. Те закричали, когда прах проел ржавые дыры в их доспехах и впился в человеческую плоть. За несколько ударов сердца от них останется в лучшем случае костяк и ошметки гнилой плоти на нем, и поэтому Шмиттельварденгроу не отвлекался на них. За корчащимися телами виднелась массивная туша, которая, однако, двигалась не к выходу из зала. Путь его уходил напрямик в стену.

Голем прижал ладонь к едва заметному выступу на стене и участок между колоннами со скрежетом выехал в зал, открывая скрытый до этого проход. Шмиттельварденгроу застонал: враг уходил, а он ничего не мог поделать.

Бессильная злость клекотала внутри, и он в ярости впитывал прах и швырял заклинания вокруг себя: ядовитые облака, копыя, образованные из Тьмы, щупальца, выраставшие прямо из каменного пола. Вскоре весь жертвенный зал был завален мертвыми телами. И только потом до фанатиков дошло, что их безумный натиск ни к чему не ведет, лишь прибавляет павших.

Тогда из проема выхода ударил слаженный залп. Цверг едва успел укрыться защитным полем, завернувшись в него как в плащ. Арбалетные болты, отскакивали от него, как от стены, но каждый их удар отдавался звоном в уже и так гудевшей голове. Что-то мокрое сочилось по усам и бороде. Шмиттельварденгроу утерся и понял, что от напряжения у него носом пошла кровь. Темная магия разрушала его тело — не мешало бы и отдохнуть. Он с сожалением посмотрел на торчащий из мертвого паладина рунный топор — оружие служило ему верой и правдой, и было жаль его бросать, однако необходимость утверждала обратное.

Гном скрылся за жертвенником, от которого несло кровью и дерьмом, и с облегчением скинул защитное заклинание. Оглядел потери их маленького отряда. Сильнее всех пострадал Тараил: его ранило в бок, болт торчал из тела, впившись в плоть, пронзив насквозь и кирасу, и поддоспешник. Дыхание капитана вырывалось из-за маски с трудом, с металлическим

присвистом. Рядом присел Хорас: на его лице виднелась длинная некровоточащая царапина, черное на белой, словно измазанной мелом, коже. На него как-то странно косился Героним, взводивший арбалет. Зарядом для него осталось всего то с полдесятка. Джалад глядел на цверга с восхищением.

— Я... я видел, что ты вторил. Это было невероятно! Я должен узнать все про эту силу! — произнес маг на одном дыхании.

Шмиттельварденгроу поморщился: поклонник дхаров! Только этого и не хватало. Он мельком выглянул из-за камня: под прикрытием арбалетчиков в зал входили фанатики и паладины-предатели. Последние формировали центр небольшого войска, вооруженные огромными ростовыми павезами. С флангов их прикрывали легко вооруженные «кожаные морды». Правильная баталия, построенная опытным командиром. А, собственно, иных в Ордене и не водилось.

— Дхар! Дхар! Дхар! — Неужели все? Неужели вот на этом его столь длинный путь своим по праву и закончиться? Цверг зажмурился.

Он почувствовал чье-то прикосновение. Открыл глаза и увидел склонившегося над ним Хораса. Бледное лицо с черными тенями на месте глаз и черной, словно проведенной грифелем по щеке, царапиной. Тараила он оставил на попечение полуэльфа.

— Ты как, гноме?

— Нормально, — кивнул тот. — Готовлюсь умереть.

— Рано еще. Ты как со своей магией? — хмыкнул командор. — Предложения есть?

Шмиттельварденгроу покачал головой. Подтер продолжавшую сочиться кровь.

— Пока — никак. Я уже и так на пределе. — Он помолчал и добавил: — Мы в западне.

— Признавать очевидное перед лицом неприемлемого — это удел смелых.

Оба обернулись к Джаладу. Тот скромно потупился.

— Йехан из Синдара, — пояснил он.

— Джаффец, с огнем чего-нибудь спасительного сотворишь?

Тот сдержанно улыбнулся, лицо его стало похожим на морду нашкодившего пса, извиняющегося перед хозяином.

— Пламени факелов не хватит на что-то серьезное. Они и так еле светят. Но позвольте мне заметить...

— Что? — разом выкрикнули и цверг, и паладин.

— Огненный порошок dwarфов! — помявшись, добавил он. — Его еще немного осталось?

Шмиттельварденгроу осторожно прощупал пояс, словно бы боясь тонкую магию надежды, рожденную словами джаффца. Нет, надежда оказалась незряшной: на поясе все еще было несколько мешочков с тщательно отмеренным количеством порошка. И каждый был снабжен фитилем.

— Разнесем здесь все к дхару! — рыкнул он.

Сорвав с пояса мешок, он поднес фитиль к шахтерской свече. Вспышка, с треском, разбрасывая искры и шипя, по плетеному шнурку побежал огонек. Цверг выглянул на мгновение, прикидывая расстояние, и швырнул бомбу прямо в толпу врагов. Все произошло так быстро, что никто просто не успел среагировать ни на действия гнома, ни на то, что произошло потом.

Грохнуло. Да так, что с потолка посыпались земля и камешки. Шмиттельварденгроу потряхнул головой, но навязчивый звон никуда не пропадал, перекрыв собой все остальные

звуки. Голова на взрыв отозвалась протяжным гулом, как пустая бочка, по которой с размаху врезали ногой. Со всей, как говорится, дури. Только теперь до гнома дошло, что взрывы в замкнутом помещении до добра не доводят. Он оглядел своих.

Героним осел на пол, ошалело смотрел прямо перед собой и молча открывал и закрывал рот. Может быть, что-то говорил, но гном ничего не слышал. Джалад остервенело ковырялся в ухе, словно надеясь выковырять пробку, которой там не было. Тараил просто не шевелился.

Спустя недолгое время в однообразный звон примешался лишний звук: жужжание, интересным образом промодулированное. Казалось, стоит прислушаться и можно было различить в нем отдельные слова.

— ...готовы! — Голос Хораса донесся до цверга словно сквозь вату. — Ты меня слышишь?

Шмиттельварденгроу сдержанно кивнул. Ему казалось, что стоит дернуть головой посильнее, и ее содержимое взболтается до однородной массы.

— Я говорю, кажется, мы их уделали. Ты видел, куда делся черный рыцарь?

Цверг снова кивнул.

— Да-да, тайная дверь, чтоб ее в Бездну! Я видел! — Приходилось кричать, чтобы услышать собственный голос.

— Сможешь открыть?

— Попробовать можно, — произнес гном, тщательно выговаривая слова.

— Тогда действуй.

Шмиттельварденгроу выглянул над жертвенником. Что ж, слугам Горгонадца досталось еще больше. Тут уж разорванными барабанными перепонкам не обошлось. Кое-кто был все еще жив, но с оторванными ногами, руками и развороченным лицом не сильно-то повоюешь. В жертвенном зале словно прошла коса смерти. Кровь плеснула во все стороны, обильный вклад в уже хранившуюся здесь силу. Люди валялись вповалку, стонущие, воющие от боли, рычащие от ярости и страха, мычащие в отчаянии. Гном, переступив очередной труп, у которого взрывом разворотило грудину и челюсть и оказался у того места в стене, где, как он видел был проход.

Он попытался вспомнить, куда именно нажимал голем, чтобы открыть скрытую дверь. Голова стала капризной и все никак не решалась открывать свои кладовые памяти. Шмиттельварденгроу вздохнул и заставил себя собраться: сейчас не время было поддаваться слабостям. Осталось совсем чуть-чуть.

Рука нашла небольшой выступ в теле колонны. Надавила. Камень провалился в небольшую выемку, и гном почувствовал рукой механические вибрации, тихий гул и скрежет. И следом за этим толстая каменная плита (на глазок, ладони две шириной, не меньше — две крепких цвергских ладони), выглядевшая до этого как ни чем не примечательный участок стены, выехала на скрытых в полу направляющих. Показался темный ход, железные штанги, которые и толкали камень. После Шмиттельварденгроу заметил узкие прорезы в каменном монолите пола и темные силуэты огромных сцепленных шестерней механизма, скрытого за дверью.

Гном заглянул вовнутрь. На земле пыли не было, механизм открывания дверей наполовину был скрыт в металлическом кожухе, от которого тянулись звенья ременной передачи, скрывавшейся в открывшемся коридоре: грубо обработанные стены со следами от инструментов, горки каменной крошки наметенной в углах и щелях. Пахло щебнем, строительной пылью и сыростью. Коридор, судя по всему, построили уже позже основного

подземелья.

Шмиттельварденгроу вернулся назад, нашел рунный топор, торчащий из кучи тел, подобно диковинному саженцу. Гном понапрягся и, постепенно расшатав его, вытянул. Он со странной смесью тоски и уважения посмотрел на оружие: добротное, спокойное и уверенное — такое оно создавало ощущение. Это было оружие для настоящего воина, которому было не чуждо благородство победителя и честь побежденного. Только вот ему не везло с хозяином. Благородство победителя? Это не про цвергов. Гном взвалил его на плечо и вернулся к своему отряду. На излете у его ног тукнулся арбалетный болт.

Посмотрев на командора, цверг заметил:

— Они скоро вернутся. С большими силами. Клянусь Бездной, многовато народу для заброшенного подземелья!

— Что ты предлагаешь? — сухо произнес Хорас.

— С железноголовым вы не справитесь — его не возьмет обычное оружие. Да и зачарование спасет от дварфьей пыли. А магия... Можно попробовать скомбинировать. Джалад, — гном повернулся к магу, — ты готов познавать темную сторону.

Тот с готовностью кивнул.

— Мы, — цверг снова повернулся к паладину, — попробуем вернуть эту тварь в Бездну. А вы будете прикрывать наш отход до тех пор, пока мы не вернемся. После отправимся на поиск Источника. Заметано?

— Наверное, мы бы стоило предложить тебе помощь...

— Не надо, тем более, вы все равно будете только мешать.

Лицо Хораса оставалось бесстрастным. Спустя несколько мгновений он кивнул.

— Заметано.

Шмиттельварденгроу крикнул: тяжело играть в героя. Он разделил бомбы, оставив себе три штуки, — остальное досталось командору и команде, повернулся к двери, махнул головой Джаладу, и тот последовал за ним. Тем временем позади Хорас начал раздавать указания: они строили укрепление, стены которого будут сложены из мертвецов. Цверг по достоинству оценил задумку: трупы ничем не хуже мешков с песком. Ему вообще был чужд любой трепет в сторону мертвецов. Цверги и так были достаточно прокляты, чтобы беспокоиться о подобных пустяках.

II.

А еще Шмиттельварденгроу соврал. Вернее, умолчал. Источник он уже нашел. А значит, там мог скрываться и проклятый Головоруб. Цверг подозревал, что иначе добыть свою хранимую секиру ему будет гораздо сложнее. А так всего лишь пришлось бы сразиться с неуязвимым творением темной магии.

Конечно, в одиночку цверг бы голема не поборол, но в союзе с силой пироманта можно было и попытаться. Когда Тьма сливается с Огнем, рождается странное. Дополнительно к этому Джаладу Шмиттельварденгроу доверял больше, чем остальным. А так как остальным он и вовсе не доверял...

Гном ощутил пульсацию силы, не гнилостной энергии жертвенника, а чистой, насыщенной, похожей на уверенное течение большой реки. Оставалось лишь отдаться могущественной воле этой «реки».

Очередной коридор этих подземелий разительно отличался от того, что было видано раньше. И, в тоже время, было в нем нечто знакомое: низкий и широкий свод, нарочитая грубость обработки. Шмиттельварденгроу не выдержал, и его пальцы коснулись шершавой поверхности камня, пробежались, слегка касаясь, по следам от кирки или долота. Что-то смутное шевельнулось внутри. Смутное и знакомое.

Иногда макушка его касалась выступов на потолке — приходилось пригибаться. Каково же было Джаладу? Джаффский маг просто не разгибался, согнувшись, как прихожанин перед алтарем в Светлой церкви.

Сила, словно биение сердца, толчками, прокатывалась по коридору. От нее сводило горло и ныли суставы. Тело переполняла магия, и перед глазами плясали черные мухи.

— Ты чувствуешь? — Шмиттельварденгроу даже не услышал, а почувствовал вибрацию от тихого шепота мага. Словно звуки его голоса задевали невидимые струны.

Цверг сдержанно кивнул. Здесь магия четко структурирована, образовывала сложные, почти механистические структуры. Ни подавляющая волю жертвенная магия, ни неуправляемая волшба Горгонада — здесь было нечто иное. И до боли знакомое.

Руки крепче сжали рукоять топора. Дхар, опять. Неужели это никогда не кончится.

— Зачем ты взял меня с собой? — снова послышался голос Джалада. И Шмиттельварденгроу был ему почти рад. — Боюсь даже предположить...

— Ты же хотел учиться? — буркнул цверг, обернувшись к нему. Грязная физиономия джаффа была взволнованной, но особого испуга на ней не наблюдалось. — Вот и будет первое занятие.

— Э-э... И его тема?

— Сражение не на жизнь, а на смерть!

Они выбежали в очередной зал. Поменьше, но потолок тут был гораздо выше, и одна из стен полностью скрывалась под белым пологом пещерного водопада. Он низвергался из трещины под самым потолком и обрушивался в небольшое озерцо. Зал, или вернее рукотворная пещера была обставлена, как мастерская механика со склонностями к темной магии. Длинные столы, заваленные шестеренками, цепями и инструментами. Все это соседствовало с алхимическими приспособлениями и ингредиентами: деревянными пестиками и ступками, колбами со снадобьями, тиглями, кусками застывшего причудливыми формами кусками свинца. Была даже небольшая плавильная печка около наковальни.

Грохотал, поднимаясь и опускаясь молот. Из печи показалась раскаленная решетчатая пластина. Еще пару ударов — и выгнулась дугой, образовав нечто вроде щитка. Щипцы, сомкнувшись на выступающей полоске согнули ее в петлю, и голем развернулся.

— Приветствую тебя, родич! — пророкотал голос из нутра проклятых доспехов.

Огромная рука поднялась и одним движением сорвала решетчатую задвижку, изуродованную огнем джаффа.

— Ты пришел, — произнес глухой голос. В нем слышались рев огня и лязг металла. — Я ждал этой встречи очень давно. Так давно, что уже и не думал о ней, как о чем настоящем. Тому, чему суждено сбыться.

— Чего-то я не узнаю тебя в... — Шмиттельварденгроу ткнул в его сторону топором. — В этом. Покажи личико, любезный.

— Сожалею, — пророкотала тьма, клубящаяся в провале шлема. Там внутри не было ничего, кроме... — но оно не в лучшем состоянии.

Голем провел перед шлемом своей ручищей, словно срывая маску. И это было и в самом деле маской. Пустота, тьма сморщилась, как сминаемая ткань и слетела невесомым черным дымком. Открыло лицо.

— Бездна! — выдохнул Шмиттельварденгроу, и его челюсть помимо воли поползла вниз. — Но я же...

— Ты убил меня, — произнес Доннермагнустру, создатель Головоруба, один из последних магов-кузнецов гномов Лыдистого Нагорья. Цверг, чья кровь первой коснулась проклятой секиры и оживила ее.

Половины лица у него не было: бронзовая пластина закрывала ее, соединенная с изуродованной ожогами кожей второй половины выступающими заклепками. Глаз не было вовсе: красные рубины, вставленные в глазницы, горящие неугасимым огнем, словно две алых свечи. Пламя горна, в который упал кузнец сожгло бороду и оставило чудовищные раны.

— От остального моего тела осталось не многим более, — прогудела труба, вставленная в рот этой химеры из металла, живой плоти и магии. — Наверное, не стоит утомлять тебя деталями моего спасения...

— Ты прав, — рыкнул цверг, взвешивая рунный топор, — мне необходимо доделать то, что не удалось тогда. Сегодня ты умрешь, Доннер, и позабочусь, чтобы больше ты не смог собрать себя по кусочкам, клянусь всеми демонами Бездны!

— Ты не исправим, Шмитти, — хохотнул с металлическим лязгом голем, — история тебя ничему не учит.

— Посмотрим, — буркнул в ответ Шмиттельварденгроу, наступая. — И не смей меня так называть, иначе смерть твоя будет долгой и страшной.

— Меня не испугать этим, — добавил кузнец, — я пережил страдания преисподней и вернулся обратно. Моя судьба начертана не тобою.

Он с лязгом установил свежевыкованную решетку на месту и захлопнул забрало. За ним вновь сгустилась тьма. Он выкрикнул короткий приказ, и из-за водяной струны показалась бок огромной глобулы, вращавшейся с постоянной скоростью. Струны магии, пронзавшие пещеру запутанным узором, взвыли от напряжения.

Вода облизала неровный бок висящего в воздухе без видимой опоры шара и выпустила из своего текучего плена. Сверкнувшие в свете свечей капли упали на десятки, если не сотни клинков, слагавших эту противоестественную конструкцию. Влажно блестели убийственные острые кромки, что не могли затупить ни камень, ни вражеская сталь, а воронение, казалось, поглощал сам свет. Это было похоже на саму Тьму, ставшую частью таинственного металла из межзвездной пустоты.

Сфера клинков вращалась с тихим, едва слышным гудением, переходящим в нутряную вибрацию, которое, однако, перекрывало даже шум водопада. С лязгом и звоном внутри что-то перемещалось, сцеплялось, образовывало новые конструкции, которые не существовали и десятка ударов сердца, преобразовываясь в следующие элементы. Каждое такое изменение отдавалось всплеском с магическом фоне. Это было то самое биение, что чувствовал Шмиттельварденгроу по дороге сюда.

— Это оно?! Это Источник?! — завороченно вымолвил Джалад. Взор его горел восхищением. — Невероятно... и прекрасно!

Он был прав. Даже цверг на миг промедлил, любуясь изменчивым совершенством Источника. В его движениях, его форме чувствовалось механическое совершенство, которое

могли создать немногие, обладающие знаниями на грани между тайной магией техники и волшебством. Кто-то, вроде магов-кузнецов Черного Нагорья.

Доннермагнустру протянул руку и тональность песни Источника изменилась.

— И я даже благодарен тебе, Шмитти! Ибо без страдания, без смерти я бы не сумел познать совершенство структуры, глубину истинной волшбы, ее склонность к самоорганизации. Что я сделал? Немного, лишь добавил, направил это стремление к созданию единства движения и покоя, энергии и массы, воли и покорности.

Скрежетнули скрепы клинков и рукоять, и сфера раскрылась, как диковинный металлический цветок. Ее нутро перестроилось и выпустило из себя «семя»: Головоруба, плавно перелетевшего в руку кузнеца. Железные пальцы сомкнулись на черном топорище, и проклятая секира отозвалась сладострастным звоном. Сфера вновь сомкнулась.

Ярость клокотала мокротой в горле, раздвигала кости черепа, словно искала выхода наружу, но Шмиттельварденгроу терпел, сдерживал ее из всех сил, загоняя точащую его боль предательства поглубже. Столько лет они были вместе, но, видимо, в последнее время он стал для Головоруба слишком мягок, ленив и мирен. Кровь, война и боль — все, чего секира желала, он уже не мог дать. Чего уж тут удивляться? Однако, легче от этого не становилось. Головоруб был почти разумен, и он избрал нового хозяина. И даже если секира вернется обратно в руке аттаурана, она уже не сможет служить ему, как раньше.

Шмиттельварденгроу резко остановился и выбросил вперед руку вместе с зажатым в нем заклятием. Облако, словно состоящее из черных мотыльков, быстро расширилось и накрыло Доннермагнустру. И чтобы избавиться от него, ему потребовалось лишь отмахнуться. Однако, облако лишь раздалось под ударом секиры и вновь сомкнулось, перекрывая ему обзор.

В нем не было ничего убийственного, лишь небольшая иллюзия, слабенькая, однако, надоедливая. И, чтобы справиться с ней, голему пришлось замедлиться, обратиться к силе Источника, зачерпнуть с лихвой и почти голую энергию швырнуть в сердце облака. Черные мотыльки вспыхнули алыми искрами и исчезли. На все потребовалось какие-то доли мгновения, однако, и их хватило цвергу. Тот сорвал бомбу с пояса, поджег фитиль и швырнул ее под ноги Доннеру. И, когда он расправился с заклинанием, она оказалась прямым под ним. Шмиттельварденгроу позволил себе самодовольную ухмылку и нырнул за стол, надеясь, что тяжелая дубовая столешница, защитит его от взрывной волны.

Горячая волна лизнула его в затылок и обрушила стол на бок, на пол посыпались склянки и инструменты, вспыхнули и разлетелись огненными сгустками бумаги, исчерканными угловатыми цвергскими рунами. Наверняка, что-то ценное, и понимание этого согрело Шмиттелю душу.

Взрывом разметало всю центральную часть пещеры, и ее теперь заливал тусклый багровый отсвет огня, охватившего лабораторию: горели разбитые склянки, взорвалась, вывернув свое нутро алхимическая печь, обломки столов и перевернутых полок горели, охваченные невысоким, но жарким пламенем с примесью какой-то ядовитой химии — в воздухе явственно ощущалась едкая горечь, от которой саднило и жгло горло. Шмиттельварденгроу закашлялся в кулак, и на руке остались брызги чего-то черного. Он сплюнул на пол и нашел взглядом Джалада.

Голова джаффа показалась над перевернутым столом. На щеке красовалась черная полоса копоти. Его взгляд встретился с глазами гнома, и пиромант кивнул: теперь огня ему хватало на то, чтобы прикрыть цверга.

Взрывом загасило если не все, то большинство свечей, и в пещере, несмотря на многочисленные горящие алхимические смеси, стало гораздо темнее, подступили пляшущие тени, в багровом отсвете скрадывались движения и глаз то и дело цеплялся за очертания обломков, казавшихся скрючившимися фигурами. Теперь в полутьме стало ясно, что глобула Источника, кроме всего, еще и светиться: несильным, но явственным серебром, облачком с металлическим отсветом, окружавшим ее поверхность.

Обломки зашевелились и черная смутная фигура, окруженная черной взвесью пыли, поднялась из них. Раздался лязг металла, когда она вновь двинулась к Шмиттельварденгроу. Багровое пламя взвилось ввысь, лизнуло неровный потолок и осветило бугристые сочленения доспехов.

— Ты разочаровал меня, Шмитти! Огненный порошок сыновей Труна? Неужели, это все, на что способен? Я так и знал, что без моей секиры, моего детища — ты ничто, ничтожный аттауран ничтожного Симгара!

Шмиттельварденгроу до скрежета сжал зубы, заточенные резцы сомкнулись с кроважидным лязгом: Доннермагнустру зря времени не терял и знал, как он выжил в Темной войне. Симгар, последняя крепость темного народа, сдался без боя, а его аттауран бежал в ночи, бросив луноцветные знаки различия: витую перевязь и скипетр владетеля.

Но это были всего лишь слова. Сегодня они уже ничего не значили, и Шмиттельварденгроу уже больше не был тем аттаураном. Он научился доводить дела до конца. Вновь отыскав Джалада, он жестом приказал ему помедлить, выглянул и увидел все приближающуюся грозную фигуру мага-кузнеца, закованную в неразрушимую броню. Огонь обрамлял его достойным фоном, мрачным и торжественным.

Ну, почти неразрушимую.

— Ты напоминаешь мне о старых долгах, Доннер? — ответил ему Шмиттель. Он постарался, чтобы его голос не дрожал от напряжения и саднящей боли в горле. — Так вот я пришел отдать один из них. Тот самый, что я задолжал тебе!

— И что же это, маленький, но очень храбрый гном?!

Голос кузнеца звучал почти над ним. Цверг нутром чувствовал, как над его укрытием поднимается Головоруб, оскаленный в кроважидной ухмылке. Он почти видел, как алые блики ложатся на полулунные лезвия, похожие на свежую кровь.

— Твоя смерть! — выкрикнул цверг и кубарем выкатился из-под удара.

Головоруб смял остатки стол, превратив толстую, с руку толщиной столешницу, в тонкие щепки, разочарованно высек сноп искр из каменного пола.

Шмиттельварденгроу присел на одно колено, взяв наизготовку рунный топор и махнул рукой.

— Джалад, давай!

Доннермагнустру зарычал, но еще громче зарычал огонь. Он взвился двумя чудовищными колоннами и в следующее мгновение обвинил голема пылающим вихрем. В один миг температура в центре, судя по скрутившимся волоскам в бороде была достаточна, чтобы нагреть железо до красного каления, и продолжала повышаться. Рев перешел в истошный вопль.

Огромная фигура закачалась, попыталась отступить, но вслед за сместился и огонь. Шмиттельварденгроу увидел, как Джалад воздел руки и его губы быстро-быстро двигались, выплетая длинное, почти бесконечное заклинание. На бледных висках влажные полосы прочертили струйки выступившего пота. Цверг отсчитал десять ударов сердца и прыгнул на

пылающего голема, взмахнув топором.

Огонь раздался двумя крыльями в стороны, оголяя раскаленный металл и отслаивающиеся лохмотья жертвенной крови. Удар Шмиттельварденгроу не пробил, но глубоко вмял правый наплечник — закаленная сталь глубоко вошла в мягкое железо.

Цверг работал, как лесоруб. Огонь ослепил Доннермагнустру, заставив того лишь защищаться. Он поднял руку с Головорубом — секира разочарованно стонала и вибрировала в его руке, а Шмиттельварденгроу раз за разом наносил удары, вкладывая в них не только свою силу, но и толику Тьмы. На пятом или шестом ударе слетел правый наруч, обнажив металлические тяжи и шестеренки, обтянутые кольчужным чехлом. После удара из погнутой трубки брызнуло масло, вспыхнуло, попав на раскаленный металл...

Очень легко было увлечься. И, казалось, цверг совсем потерял голову, одержимый лишь одним: топором, мерно поднимающимся и опускающимся на шатающуюся голема. Вот она победа — совсем рядом, лишь осталось поднажать чуток.

Но Шмиттельварденгроу не забывал о том, с кем он сражался: с выдающимся магом-кузнецом, цвергом с колоссальным опытом выживания в царстве Льдистого Нагорья, того, кто выжил после того, как его душу истерзал Головоруб, а тело сгорело в плавильной печи. И потому он старался не выпускать из виду того, что происходило вокруг него. Например, он заметил черные вихри праха, появившиеся вокруг, почувствовал дрожь магических тяжей Источника, его отзыв на чужую волшбу.

— Джалад!

Гном отшатнулся, и чародейское пламя вновь сплелось вокруг Доннера. Огонь высасывал свет из окружающего пространства свет, но, как ни странно, темнее не становилось: Источник с каждым миготом разгорался все сильнее, серебристое облако расплзалось от него, выпуская щупальца по направлениям невидимых струн магии. Зрелище, конечно, было красивым, однако Шмиттельварденгроу больше занимало то, что несмотря на яростное полыханье, шатаясь, отступая, но Доннермагнустру все еще стоял. Его голос, искаженный болью, жаром и яростью, проговаривал слова мудреного заклинания. И, как назло огненный вихрь, окружавший его начинал слабеть. Все больше в вихре алых, багровых и оранжевых нитей пламени проявлялась паутина Тьмы: кузнец душил пламя своей магией и, судя по всему, готовил что-то весьма разрушительное.

— Дхар! — выплюнул цверг. Во рту все пересохло, горло нещадно дерло, словно он проглотил кусок точильного камня. — Джалад, поднажми!

— Не могу! — Не голос, а нечто среднее между хрипом и рычанием.

Джаффец был не в лучшей форме: смуглое лицо смертельно побледнело, глаза очертились резкими темными кругами, пот катился градом, а из носа тоненькой струйкой сочилась кровь. Руки он не опускал, продолжая речитатив заклинания, прервавшись лишь для того, чтобы ответить гному. Но этого хватило, чтобы пламя опало, и Шмиттельварденгроу увидел нечто вроде черного плаща, в который заворачивался голем. Металл доспехов раскалился, защитная пленка жертвенной крови дымилась и отваливалась кусками, обнажая горящий алым металл.

— Дхар! Дхар!! Дхар!!! — выкрикнул Шмиттельварденгроу и снова бросился в атаку.

Теперь его удары встретились с топорищем Головоруба. Металл, из которого оно было отлито, размягчился от жара, но совсем немного, позволив лишь оставить зарубку под самым лезвием. Голем второй рукой попытался двинуть цверга в челюсть, но тот поднырнул под кулаком — его волосы обдало испепеляющим жаром, и рунный топор опустился на

сочленения панциря. Звякнули расширившиеся от жара заклепки и выстрелили: одна дернула его за щеку, оставив после себя горячий след, мигом набрякший влагой.

Сталь кирасы разошлась, обнажая переплетенные с Тьмой элементы механизма и остатки плоти. Но Шмиттельварденгроу отступил: Доннер с завидной скоростью развернулся, прикрывая металлом слабое место, застонал Головоруб в поисках свежей крови. Цверг разорвал дистанцию, перебросил топор в другую руку и выбросил вперед ладонь, сложив пальцы замысловатой фигурой, которую в приличном обществе посчитали бы оскорбительной.

Тьма собралась черным осколком и ударила голема в прореху в его броне. Истощный вопль, в котором смешались скрежет металла и боль терзаемой плоти, хлестнул по ушам кнутом надсмотрщика. Шмиттельварденгроу отшатнулся, на миг отвлекся, чтобы подать знак Джаладу, как Доннемагнустру резко выпрямился и обрывки плаща из магии и Тьмы, покрывавшие его плечи, сложились длинным маслянисто-блестящим копьём. Заклинание вытянулось и рванулось вперед. Цверг успел только прикрыться топором.

— Джалад! — Бесполезно — все случилось слишком неожиданно.

Мягкое чавканье, словно кто-то наступил ногою в жидкую грязь, и на лицо гному упали капли раскаленного металла. Он дернулся, но не от боли — она пришла позднее. Скорее от неожиданности, словно ему плеснули в лицо водой. Обжигающе-холодной, колодезной.

Потом пришла боль, рванула когтями лицо, выбила слезы из глаз, и Шмиттельварденгроу отшвырнул бесполезное оружие: от лезвия почти ничего не осталось, одни бесформенные потеки раскаленного металла. Оглянулся и увидел Джалада.

Он все еще стоял, но что не давало ему упасть — оставалось загадкой. С такими-то ранами уже не живут — это цверг мог сказать с точностью. Заклинание целилось не в него, а в мага. Доннермагнустру разгадал их тактику и, пока джаффец жег, подготовил ответный удар.

Шмиттельварденгроу видел разбухшее обгоревшее мясо, торчащие белые обломки ребер, даже трепещущее сердце.

— Смерть! — прохрипел за спиной голем. — Я есть смерть! Я есть отомщение! Я еси кара!

Дальше случилось нечто совсем непонятное.

Доннермагнустру с трудом выпрямился, по дымящимся доспехам струилась кровь пополам с машинным маслом. Его клонило набок, но он вновь поднимал Головоруб — песня проклятого оружия звучала чисто и ясно в предвкушении вражеской крови.

А потом все вокруг стало огнем. Ослепительное сияние скрыло Источник, пещеру, голема. Вокруг ничего не осталось, кроме чистого, алого, словно свежая кровь пламени. От жара, казалось, кожа сама собой, сходит с лица.

Сияние сжалось до узкого луча, соединившего рану в груди Джалада и Доннермагнустру. Все длилось не дольше пары ударов сердца, вдруг растянувшихся, словно тетива на луке.

Раз, два — луч исчез, и время вновь потекло, как обычно. Сначала стало совсем темно, но после свет Источника вновь набрал силы. Шмиттельварденгроу попытался подняться. Получилось не сразу, ноги подкашивались. Он коснулся по привычке бороды, и почувствовал пустоту, рука в панике поднялась выше. Волосы, жесткие, курчавые, остались лишь на подбородке, едва длиннее пальца.

— Все демоны Бездны! — выдохнул он и осмотрелся.

От столов остались одни головешки, но фигура Доннермагнустру никуда не делась. Она лишь опустилась на одно колено, словно голем признавал покорившую его силу. Но чего-то в нем не хватало. Гном присмотрелся, проморгав скопившиеся слезы, утерся и присвистнул: у железного болвана не хватало плеча, руки и части груди: из чудовищной раны торчали части механизма, искореженные шестерни, распорки, обгорелая плоть.

Головоруб валялся на полу, среди головешек. Осторожно, словно боясь спугнуть видение, Шмиттельварденгроу наклонился и поднял его. Знакомое чувство силы наполнило цверга, напитало здоровой злостью и жадой схватки. Торжествующая улыбка коснулась его губ, но тут же погасла, секира опустилась вниз. Рядом с лезвием валялся хрустальный шарик portalного камня. По наитию цверг наклонился и поднял его.

Вот оно. Проклятая секира у него в руках, как и средство спасения: Шмиттельварденгроу был уверен, что с Головорубом в руках ему не страшны никакие враги, куда бы его не выбросило, хоть в центральный штаб Ордена. Похер, во имя Бездны, он победил. Но что-то мешало ему, словно заноза, острый шип, застрявший в его совести, которая, как ему казалось, уже давно атрофировалась за ненадобностью.

Джалад.

Маг упал навзничь, раскинув руки. Его тело... Что-то странное творилось с ним. Кожа, куски плоти вспыхивали, превращались в пепел, под которым проглядывали раскаленные угольки.

Предательские слезы. Рука гнома почему-то дрожала, когда он смахивал их. Острая боль рвала сердце — это было ощущение незнакомое, странное, но было в нем нечто очищающее, словно кто-то жесткой щеткой счищал с него накипь многолетней злобы.

— Джалад? — Шмиттельварденгроу коснулся его рукой, неуверенно, кончиками пальцев...

И, несмотря на чудовищные раны, джаффец шевельнулся. Его рука крепко сжала пальцы гнома.

— Это был... поучительный урок! — прохрипел он. Его глаза сфокусировались на цверге, в их глубине горел настоящий огонь. — Как жаль, что на этом все!

— Я... я не позволю, — слова душили. — Нечего умирать ради меня. Пожалуйста...

Последнее слово он произнес очень тихо, почти неслышно, но Джалад, если не услышал, то почувствовал.

— Фозз, теперь — я. Ты бросишь меня, как огра?

— Дхар! — выдохнул Шмиттельварденгроу. — Мне не нужна твоя смерть. Ты и не представляешь, сколько призраков я оставил за спиной!

— Одним больше... Ты бросишь меня? — повторил пиромант.

Заскрежетал металл, тяжелое дыхание смешалось с воплем разодранной стали.

— Смерть не берет меня! — Доннермагнустру медленно, но вновь поднимался. — Я победил ее! Навеки! Я взял ее регалии...

Магия клубилась вокруг него. Мерно крутился, заряжая его, Источник.

— Вот же неутомонный дхар! — пробормотал Шмиттельварденгроу.

Времени для раздумий не было. Как и вариантов действия. Он сжал руки на рукояти Головоруба. Вокруг секиры за клубилась дымом Тьма, а изуродованные морды, отлитые в металле, ожили, раскрыв пасти в немом крике. Что-то непонятное почувствовал, наверняка, и Головоруб: тональность его песни изменилась, стала тревожнее и яростнее. Он не понимал смысл действий своего хозяина, как и не понимал своего прежнего предательства.

Такие глубины моральной оценки ему были недоступны.

Для того, чтобы швырнуть Головоруб в Источник потребовались остатки всей магической силы. Секира, провернувшись несколько раз в воздухе и оставив за собой быстро гаснущий след из черной взвеси, врезалась в сферу, смяла ее верхние слои.

Наверное, Источник мог испытывать боль, как живое существо. Он содрогнулся, по поверхности из клинков и острий прокатилась волна и биение силы сменилось настоящей какофонией без ритма и смысла. Действовал Шмиттельварденгроу чисто по наитию и даже сам удивился последствиям своего поступка. Разрушение Источника было истинным кошунством, но на другой стороне весов было выживание. Его и Джалада.

Он поспешил. Раздавить в руке порталный камень, швырнуть в воздух облако хрустальной пыли, подхватить мага на руке...

И шаг на ту сторону нематериального зеркала.

12.

Земля заходила ходуном. Героним повалился на колени, и палец самопроизвольно нажал на спусковую скобу арбалета. Взвизгнув, болт ушел в потолок. Посыпалась пыль: на голову, плечи, лицо.

Полуэльф закашлялся. Снова выпрямился, выглянул из-за укрытия. Фанатики в один миг потеряли энтузиазм: замедлились, остановились. Принялись бестолково крутить головами во все стороны.

— Что это с ними? — произнес Героним, вопросительно глядя на Хораса.

Командор лишь пожал плечами.

— Кто их разберет! — ответил вместо него Тараил. Он медленно поднялся, прижимая руку к ране, тщательно забинтованной полуэльфом. — Но это наш шанс!

Хорас кивнул в ответ и, размахнувшись мечом, выскочил из-за укрытия. Следом за ним проковылял симаринец. Они неудержимым вихрем клинков врубились в толпу фанатиков, обошли стену щитов и принялись творить кровавый ужас и разорение в рядах предателей. Раненый Тараил не отставал от своего командора.

Героним затаился, выпустил еще болт и двинулся следом. Ему в голову пришла интересная мысль.

— Именем Свет! Да как вы смеете поднимать меч на славного Хораса, командора Ордена, героя Темных войн и ближайшего друга Магистра.

Хорас обернулся и с яростью посмотрел на него, но полуэльф не ступевался.

— Сложите оружие! И он пощадит вас!

Как ни странно, но слова подействовали, словно с людей спало помутнение, владевшее ими до землетрясения. Неужели, подумал Героним, у цверга получилось?

Фанатики остались стоять, но паладины-предатели остановились в нерешительности, из-за щитов показались шлемы и растерянные физиономии. Кто-то произнес:

— Командор? Мы... мы не думали, что это вы! Магистр приказал...

К чести будет сказано, но Хорас быстро сориентировался.

— Магистр обманут! Это заговор! В Цитадель проникла Тьма! Именем Света, я призываю очистить это место от скверны.

— Простите нас, командор, — вперед вышел паладин с капитанским серебряным

семипламенником на панцире. — Нами словно кто-то овладел. Воистину, Тьма в сердце Света. Но мы готовы искупить свою вину...

— Кто ты? — Хорас взыскующе глянул на склоненного в почтительном поклоне капитана.

— Дарий Сегментус, капитан Ордена.

— Где Магистр?

— На битве, мой командор! Командует нашими войсками. Если он обманут, ему может угрожать Тьма!

— Ты совершенно прав, капитан. У тебя есть порталный камень?

— Что, простите? — На красивом молодом лице паладина Сегментуса отразилось искренняя растерянность.

Героним хмыкнул: само собой, Магистр не станет распространять свое секретное оружие среди тех, кто не полностью верен ему и кем руководит не личная преданность, а наведенное заклинание.

— Ничего, капитан. Веди нас в покои Магистра, — распорядился Хорас. — Мы выручим нашего Магистра!

Дарий резко кивнул, отдал короткие, отрывистые команды своим бойцам, но помедлил, глядя на застывших в прострации фанатиков с кожаными масками.

— Командор, а с этими что делать?

Хорас даже не посмотрел в его сторону. Бросил короткое:

— Уничтожить.

После короткой зачистки Хорас, Тараил во главе отряда Дария двинулись на верхние ярусы Цитадели. Героним пристроился сбоку. Не забыл он при этом взвести свой арбалет.

13.

Шмиттельварденгроу рухнул на пол, больно приложился о полированные плиты локтем, но уберег от удара Джалада. Тот еще дышал, но едва-едва слышно. Глаза его были прикрыты, а горение охватывало все большее пространство его тела. Пепел покрывал теперь половину лица, захватывал глаз, пылавший раскаленным углем.

Его тело обжигало даже сквозь одежду, и цверг опустил мага на пол, осторожно, стараясь не спешить, чтобы не сделать еще хуже.

Джаффец сгорал изнутри. Может быть, его можно было чем-нибудь охладить? Взгляд Шмиттеля зашарил по комнате, в которой они оказались после того, как выпали из портала.

Небольшая, но не каморка. Портал выкинул их на огромную шкуру северного ревуна, светло-пепельную с черными подпалинами. Редкий, летний цвет. Высоко ценится у знатоков. Стены из дикого камня, скрепленного раствором, в стене — окошко, в котором виднелся кусок серого осеннего неба. Напротив, потухший камин. Рядом с ним протянулись книжные полки, заставленные разнокалиберными томиками, письменный стол, из массива черного дуба. Полированная столешница завалена бумагами, раскрытыми книгами. Между ними затерялось несколько порталных сфер из дымчатого хрусталя. И тяжелый резной стул с высокой спинкой, украшенной стилизованным изображением Пламени Веры о семи лепестках. Сейчас часть лепестков скрывалась грузной фигурой, застывшей на стуле.

Сверкающий металл. Шмиттельварденгроу увидел собственное отражение: грязная

обваренная физиономия с черными метками ожогов от капель расплава. Фигура в полном доспехе, тщательно отполированном, вычищенном, пошевелилась в самоцветах Семипламенника отразился свет свечей.

— Ты цверг, — раздался голос из-под забрала, соединенного со шлемом заклепками с бриллиантами на шляпках. — Редкий ныне вид.

Шмиттельварденгроу ощерился. Он ощутил силу, исходящую от Магистра, необъятную, непобедимую, почти как сила Источника. Силу, власть и возраст.

— Мой слуга, почему ты сражаешься со мною? — вновь произнес голос. В нем отсутствовали эмоции, лишь легкий интерес.

— Мой Господин умер тридцать лет назад. Я теперь никому не служу! Клянусь всеми демонами Бездны!

— Ты заблуждаешься, темный гном! — Голос стал громче, металл гудел от его силы. Магистр легко, будто не было на плечах веса тяжелых лат, встал. Колыхнулся за плечами девственно чистый плащ. — Твой Господин жив! Я жив! Приветствуй меня, цверг!

Он снял шлем, с грохотом опустил его на столешницу. На Шмиттельварденгроу смотрело вечно молодое лицо. Пшеничные волосы, тщательно убранные назад, гладкая кожа, высокий лоб и прямой острый нос. Узкий, хоть и не лишенный воли подбородок, тонкие губы, сложенные в вечной полуулыбке. И глаза, льдисто-голубые, холодные, как вечные снега Севера. Как сердце Повелителя Тьмы.

— Ты разочаровал меня, цверг! Ты ворвался в мой дом, уничтожил моего вернейшего слугу и разрушил то, над чем я работал десятилетия! Твой хозяин недоволен тобой!

— Ты! Мне! Не! Хозяин! — прохрипел Шмиттельварденгроу. В горле клокотало от ярости, горячей, как огонь Джалада. — Ты предал меня, мой народ. Превратил в своих марионеток, а когда надобность отпала, отбросил в сторону! Ты — тварь, коей не место на этой земле!

— Громкие слова, — холодно произнес Горгонадец. — Кто ты, маленький гном? В твоих словах я чувствую боль, но в них я слышу дерзость, а она должна быть наказана.

— Я - Шмиттельварденгроу, аттауран Симгара!

— Извини, не помню.

Магистр вдруг оказался совсем рядом. Цверг не заметил движение, лишь почувствовал легкое дуновение ветерка.

— Тебе дорог этот человек? — Повелитель присел на корточки, хотя Шмиттельварденгроу мог поклясться, что совершить подобное в его доспехах попросту невозможно. — Почему?

— Ты не поймешь. Для этого надо быть чуточку человечнее.

— А ты человечнее, маленький гном? Ты ведь служил мне, убивал во имя мое. Где же тогда было твое «человечнее»?

— Время точит камень. Что же говорить про меня?

Странное дело, но стоило оказаться совсем рядом с Горгонадцем, как ярость стала отходить, сменяясь усталостью, безразличием. Может быть, так работала магия Повелителя.

— Ты стал слаб, мой маленький гном. Слишком слаб для этого мира, а вот твой друг... — Магистр склонился к нему, словно принялся. — В нем есть потенциал. Возможно, я заберу его к себе. Но нужен ритуал. Этот пиромант поджег свою кровь. Великое волшебство, способны к нему немногие, а я могу спасти его. Готов ли ты пожертвовать свою кровь, маленький гном?

Шмиттельварденгроу хотел жить — это безусловно, но чего стоила эта жизнь? Жизнь изгоя, беглеца? Жизнь в грязи и неизвестности? Жизнь на окраине, граница которой смерть? Стоит ли она того? Ну а Джалад? Жизнь молодого мага стоит ли крови старого гнома?

— Справедливый размен, — заключил цверг.

Горгонадец коротко и холодно улыбнулся.

— Нужно подготовиться. — Он коснулся указательным пальцем лба джаффа, и тело огненного мага в один миг сковал лед. На волосах, бровях и бороде лег толстой коркой иней.

Дверь вылетела под ударами мечей, и в комнату ввалился Хорас. Следом чуть не упал Тараил, не белом полотне повязки проступило безобразное кровавое пятно. Показалась голова Геронима с любопытствующим выражением на лице.

— Во имя Света, смерть я тебе дарую! — Хорас шагнул к Горгонадцу.

Тот лишь нетерпеливо отмахнулся: воздушная волна подхватила Хораса и Тараила и швырнула их об стену. С грохотом захлопнулась дверь. Как ни странно, голова полуэльфа не покатилась по полу, аккуратно отделенная от тела крепкой деревянной кромкой, обитой железом.

Симаринец обмяк без сознания, но командор был уже на ногах. Он оскалился и снова шагнул в атаку, выставив перед собой меч. Шмиттельварденгроу понял, что командор выглядит несколько иначе. Да что там, он сильно изменился.

Лицо блее полотна у рачительной домохозяйки, заострившиеся скулы над изрядно поредевшей бородой. Но главное, изменился цвет глаз: они стали темными, почти черными, как два провала во Тьму. И ни единого проблеска эмоций — это лицо было мертво и больше подходило ухоженному трупу на поминках. Наверное, Хорасу следовало испытывать хоть какие-то чувства: ярость, ненависть, злость.

Нет. Складывалось такое впечатление, что паладин выполняет рутинную, хоть и неприятную обязанность. Словно выметал мусор из своих покоев. Что ж, отметил Шмиттельварденгроу, мусор в виде Горгонадца — это было символично. Мусор истории, только вот участвовать в этом уже совершенно не хотелось.

Цверг вцепился в затвердевшую ткань куртки Джалада и оттянул тяжелое негнущееся тело в угол, подальше от гнева Магистра, командора и остальных.

Горгонадец выпрямился, на красивом нестареющем лице проявилось нечто вроде интереса к новому сопернику. И, судя по всему, трансформация, затронувшая старого паладина, не укрылась от него.

— Любопытно! — с улыбкой вымолвил Магистр. Он застыл, не спуская искрящихся льдом глаз с Хораса. Кончик клинка уперся ему в грудь. — Проклятье должно было погубить тебя, но ты все еще на ногах и даже угрожаешь мне. Я чую что-то еще? Каков твой новый дар, мой добрый друг Хорас?

Горгонадец кончиками пальцев взялся за клинок, и по стали заветвился морозный узор, затрещал металл, остывший до невероятных температур, при которых сам воздух застывал. В один миг меч побелел, иней покрыл его от кончика клинка до яблока наверх. Перекинулся на руки, сжимавшие рукоять, но те так и не разжались. Скрежетнули, но пальцы еще сильнее сжались, и лед посыпался с них.

— А, посмертие Ганалийского погоста! — Улыбка Горгонадца стала еще шире. — И как, на свежую человечину еще не тянет?

— Пошел ты! — сухо, словно не оскорблял, а просто указывал верное направление, произнес Хорас. — Свет хранит меня!

— Правда? — невинно поинтересовался Магистр. — Тогда почему я до сих пор стою перед тобой, а не поверженный молю о пощаде на коленях?

Меч разлетелся осколками, и до того, как они упали на пол, Горгонадец оказался совсем рядом с Хорасом, почти по дружески положил руки ему на плечи и легко, будто свежевыстиранный плащ, поднял его в воздух.

— Два проклятье — это слишком много для одного, — прошептал он командору на ухо, но так, что его слышали все присутствующие. — Позволь я освобожу тебя от одного из них.

Тяжелый полуторный бастард обрушился на голову Магистра. Но остро отточенная сталь просвистела мимо, колыхнув ветерком светлые кудри чернокнижника и звонко соприкоснулось с наплечником.

Удар был что надо — Тараил, подпрыгнув на здоровой ноге, вложил в узкую линию клинка весь свой немалый вес. Даже самые лучшие доспехи из гномьей стали, закаленной в огне джаффских пиромантов, не выдержали бы подобного. Со всеобщими законами тварного мира не слишком-то и поспоришь, если ты только не величайший темный маг в истории человечества. К таким, как Магистр, отношение тех самых законов несколько иное. Более мягкое, если так можно выразиться.

От удара меч раскололся на три части, осколки пронеслись в воздухе, звякнули об стену, а один застрял в столешнице. Магистр качнулся, оступился, чуть не повалившись набок, но устоял. Рука его коснулась места, куда ударил клинок капитана. На блестящем металле не осталось даже царапины.

— Вот же дхар! — вымолвил он, и воздушная волна подхватила симаринца.

Подняла в воздух и швырнула об стену, превратив почетного рыцаря Ордена в безвольную тряпичную куклу. Он шмякнулся о камни и немедленно сполз на пол. Сегодня Тараилу досталось.

Цверг отметил это равнодушно, но в следующий миг швырнул в Магистра одно из своих знаменитых проклятий, сложив скороговорку из цвергского наречия и всеобщего языка. Против него даже всех сил Горгонадца было недостаточно. По крайней мере, по первости.

Сталь наруча потемнела, покрылась ржавыми потеками, драгоценные камни, вделанные в шляпки заклепок потускнели, некоторые упали и покатались по полу. И, видимо, Магистру было больно: он обхватил пальцами пораженное предплечье и с ненавистью — первой не показной эмоцией — посмотрел на Шмиттельварденгроу.

Рой черных кинжалов, образованных из праха и Тьмы, рассыпался перед чернокнижником невесомой пылью. Красивые холодные глаза обещали смерть, по возможности, медленную и страшную.

Интересно, как победить волшебника, который старше самого Королевства и могущественнее любого ныне живущего мага? Только если устроить какую-нибудь подлянку, только — вот беда — Горгонадец и сам был мастером подлянок. Нет, решил Шмиттельварденгроу, достаточно будет обычного цвергского смертного проклятья.

Но не успел гном произнести и слова, как произошло нечто, чего не мог предсказать даже Повелитель Тьмы. Нечто, выходящее за пределы его идеально разыгранной пьесы.

Лопнула свинцовая рама, посыпалось на пол дорогое стекло из песчаных пустынь Ливарэля и что-то маленькое и юркое влетело внутрь комнаты и в один миг оседлало Горгонадца. А самое главное, что спустя мгновение Шмиттельварденгроу узнал нового гостя.

— Мать твою, Джереми! Во имя всех демонов Бездны, что ты здесь делаешь?

Если Глазастик и услышал, то не подал даже виду. Больше того занимало, как удержаться на шее бешено приплясывающего Горгонадца и не попасться под появившиеся в воздухе над головой Магистра тонкие черные нити. Одна из них все же коснулась кожи гоблина и оставила после себя длинную кровоточащую полосу, но и этого он не заметил. В руке Джереми появился кинжал, слишком большой для узкой гоблиничьей ладони.

Он нанес быстрый режущий удар, целясь в горло чернокнижника. Наверное, это бы сработало, но только тот успел поднять руку, заблокировать удар, и острие кинжала оставила на нижней челюсти короткий порез. Проступили бусины крови, красной, как у самого обычного человека.

Наверное, именно это и разозлило Магистра так, что нити Тьмы у него над головой сплелись в бешено вращающийся вихрь, в воздухе остро запахло грозой.

Чернокнижник сорвал со своей головы гоблина, как прицепившуюся к волосам колючку. Встряхнул хорошенько и скептически скривился: длинноухий выглядел не слишком героически. Рвань и грязь, зеленая кожа выцвела и побледнела, а длинные уши обвисли, как у грустного пса. Он попытался отмахнуться от хватки Горгонадца, но тот легко отбил тонкую гоблиничью руку. Кинжал покатился по полу.

— Букашка, — хмыкнул Магистр. — Храбрая букашка.

Он без замаха ударил Джеремию. Кулак пробил грудную клетку, брызнула кровь, обильно оросив полированную сталь. Гоблин судорожно дернулся и затих, вот только шевеление его тела не прекратилось.

Ребра раскрылись, как огромная пасть и что-то напоминавшее длинную членистую руку с пальцами-когтями обхватило кулак Магистра. В раскрытой, как голодная пасть груди шевельнулось нечто еще, чужеродное и живое и из багряного месива выстрелило блестящее от крови копье — костяной шип на длинной хитиновой рукояти. Он молниеносно коснулся шеи чернокнижника и вновь скрылся среди развороченных внутренностей Глазастика.

Тело Джереми выпало из разом ослабевшей хватки. Бухнулось на пол, дернулось, и дряблую кожу в нескольких местах прорвали длинные членистые конечности. Костяные шипы проскребли и подняли мертвое тело вверх. Голова запрокинулась, челюсти раздвинулись, обнажая черные блестящие жвала, с которых капала едкая слизь. Она оставляла дымящиеся следы на мохнатой шкуре северного ревуна.

С невероятной скоростью тело на тонких ножках пронеслось по полу, прошелестели по камню безвольные руки и ноги — для твари, скрывавшейся внутри гоблина, его тело было всего лишь чехлом. Жвалы широко разошлись в сторону и лязгнули в опасной близости от ног Шмиттельварденгроу. Еще один рывок, и из развороченной раны вперед протянулись щупальца с выпуклостями суставов — с венчавших их шипов капал прозрачный яд.

Еще одно движение — и быть цвергу новой жертвой существа, вот только арбалетный болт успел раньше, пришивив тело Глазастика к боковине письменного стола. Тварь заметалась, заскребла конечностями, оставляя на дереве длинные глубокие царапины. Ее агонию завершил Хорас, располовинив дергающееся тело гоблина. В последний раз ядовитые щупальца дернулись и безвольно опали черными веревками.

Шмиттельварденгроу плюнул в сторону существа. Кивнул командору.

— Во имя всех демонов Бездны, спасибо! Только не забывай про Магистра... Кажется, яда было все-таки недостаточно.

Да, Горгонадцу досталось неслабо. Его лицо покраснело, покрылось липкой пленкой пота, а на месте, куда его ужалил паразит из тела Глазастика, вздулся огромный синюшный волдырь. Рана на его вершине сочилась кровью и сукровицей.

Долго командора упрашивать не пришлось. Он подобрал то, что осталось от его меча: рукоять и короткий огрызок, торчащий из него. Приставил обломок к шее своего бывшего начальника и нынешнего врага.

Как ни странно, но ни страха, ни даже беспокойства в глазах Магистра не было. Лишь разочарование и капля боли.

— Убьешь меня — и кто будет сражаться с га'ханом? — произнес он с вымученной ухмылкой. — Его охраняет нездешняя волшба...

Произнести очередную речь ему не дали. Хорас с хрустом вогнал меч под подбородок, дернул в сторону, расширяя рану, и на уже так порядком измазанный Семипламенный самоцветов хлынула кровь пополам с гноем.

В воздухе лопнула невидимая струна — конец магии, источником которой был Повелитель Тьмы. И это было невероятно приятное ощущение, словно с плеч упал огромный камень. И командор тоже это почувствовал: на его лице застыло торжественное выражение древней статуи. Он победил. Чужими руками, но эта был его триумф.

Снаружи...

Робур с облегчением выдохнул, когда над гребнями холмов появились копья и блестящие шлемы. Потом возникли плечи, укрытые девственно белыми плащами. Взревели кавалерийские рожки, развернулось огромное белоснежное знамя с вышитым золотом и серебром Пламенем Веры. Грянули оземь копыта могучих животных — отборных рысаков ортанской породы, широкоплечих и крепконогих. Закованная в блестящую броню, с развевающимися за спиной крыльями плащей неумолимой лавиной обрушилась вниз по склону кавалерия Ордена.

Паладины наступали ровным строем и с каждым шагом все убыстрялись и убыстрялись, переходя с нетерпеливой рыси на яростный галоп. Стальная волна набрала скорость и теперь ее уже ничто не могло остановить.

Поверх шлемов с белыми плюмажами и торчащими зубцами бронзовых семипламенников полетели арбалетные болты, вонзились в разворачивающийся строй гром-сотен. Им ответили слаженным залпом из крутоплечих луков. Стреляли напрямик, но паладины были словно заговоренные. Только присмотревшись, Робур понял, что упали несколько лошадей. Увидел, как опрокинулись назад всадники с торчащими в груди стрелами, но Орден наступал так слаженно, что стоило одному покинуть строй, как его место занимал другой и, сомкнувшись, лава двигалась дальше, вытянувшись клином, как огромный меч, готовый вонзиться во врага.

Ордынцы тоже умели воевать. Они растянули полумесяцем фронт. Его левый конец вырос по флангу, встречая атаку Ордена лицом к лицу. Сейчас бы сборной ораве рыцарей поднажать на правом фланге, а королевской гвардии поддержать мечами из центра... Робур не сразу почувствовал, как сжались кулаки в нетерпении. Вот она, победа! Он обернулся.

Позади, у королевского лагеря застыли стальными изваяниями, украшенными королевской синью, рыцари с гордыми ястребами на знаменах. Почему они не двигались? Копыта степных лошадей, невысоких, лишенных грации эратийских жеребцов, уже грохотали по выпавшим из мертвых рук павезам, как по брусчатке, когда копыта опрокинули задние ряды и огромные могучие скакуны не начали топтать уже их самих.

Паладины выпустили уже бесполезные копья, и в воздух взлетели мечи. Поднялись и опустились. Слаженным разрушительным ударом. Закричали люди, лошади. Белое знамя паладинов опустилось, почти скрылось в стальной волне рыцарей, но тут же опять взвилось вверх. Видимо, погиб знаменосец, но древко успели подхватить из ослабевших рук. Клин сжался, растянулся в стороны, но и степняки подались назад в центре. Сейчас бы атаковать, напрячься, ударив по всему фронту, но впереди все также стояли щиты панцирников, из-за их спин методично стреляли лучники, а наемная конница томила в тылу. Рыцари справа завязли в жестокой рукопашной, стиснутые между склонами холмов и строем пехоты.

Громовиков тоже можно было считать панцирной кавалерией, но она по весу, по силе лошадей явно уступала паладинским всадникам. Рыцари Света вошли в яростную схватку, в которой никто не хотел уступать.

— Дхар! — процедил Робур сквозь зубы.

Ему надо было оказаться там. Любым способом. Почему медлит сигнал к решающей атаке? Холодная дрожь прострелила вдоль позвоночника. Пора, давай, где же сигнал?!

И он увидел. Резкие, отрывистые движения сигнальщиков лорд-маршала.

В ответ генерал Дегоне махнул командирским скипетром, отдавая очередной приказ. Сигнальщики сыграли на горнах бодрую и короткую мелодию перестроения. Тяжелая пехота со щитами разорвала непроницаемую «черепашу» и освободила проходы между ними, в которые мгновенно двинулись конные воины отряда.

— «Враны» — в огонь! — выкрикнул кондотьер-генерал и возглавил конный рейд, сменив командирский жезл на длинный бастард, старый и иссеченный шрамами-царапинами, знаменитый меч Большого Ворона Дегоне.

Традиционный клич отряда рванулся вдоль строя, поддержанный сотней плоток. Робуру подали коня, он легко взлетел в седло, выхватил длинную кавалерийскую спату из ножен, притороченных к седлу, и, взмахнув ею, вместе с остальными двинулся в атаку. В другой руке, в рукаве, за наручем из плотной толстой кожи, укрепленной стальными полосами, пряталась старая мизерикордия с круглым клинком.

Орда быстро среагировала на неожиданное нападение. Робур с высоты седла видел, как разноцветное войско в котловине холмов перестроилось с невероятной скоростью, отступило, позволив подняться тяжелой пехоте, но заодно сократила и линию фронта. Но главное, что подстегнуло всех воинов, было то, что чешуйчатые громовики показали свои спины в цветных плащах. Раздались звуки рожков разворачивающейся для стремительной лавы королевской кавалерии, под грохот литавр наступали торгмарские полки и наемничьи отряды, поддержанные визгливыми звуками дриамских волюнок и симаринских жалеек.

Позади осталась пехота, тяжеловесная и неповоротливая, а конница, в том числе и наемничья рванулась вперед, в образовавшийся разрыв между королевским войском и Ордой. Огромные клещи из лошадей и людей, стали и кожи раздвинулись, норовя вцепиться в степняков. Робур не размышлял — у него были конкретные приказы, и он их просто выполнял. Воевали другие, вроде кондотьер-генерала Дегоне и прочих. Теперь для королевского слуги главным было пересечь кусок земли, заваленный умирающими и

ранеными, промчатся в сплоченном строю и оторваться от него, когда сомкнется со стальными рядами Ордена.

— «Враны»! — вопили рядом. — В огонь!

Голоса смешивались, воинственные кличи превратились в бессмысленный ор. Бились на встречном ветру знамена, плащи. Конники «Вранов» сомкнулись строем с орденцами и уже дальше наступали единым фронтом. А после Орда развернулась.

Завыли степные рожки, со всех сторон понеслись ураны и громовики единым строем, сверкавшим стальными чешуйками, словно огромная змея, покатились навстречу. Из-за спин ударили луки — тысячи стрел посыпались на голову рыцарям. Конское ржанье, человеческие крики и грохот металла — передние ряды споткнулись, замешкались и в один миг превратились в непроходимое препятствие из повалившихся лошадей и воинов. Степняки замедлились, в руках передних рядов появились короткие, но мощные луки с крутоизогнутыми плечами. Они били прямой наводкой, планомерно прицеливаясь и выпуская стрелу за стрелой. После каждого выстрела первый ряд разворачивался и уходил вглубь строя, уступая место первому.

Больше всего досталось наемничьей коннице. Легко вооруженные, привыкшие к быстрому сближению и рукопашному бою они гибли быстро, один за другим. К чести будет сказано, генералы быстро сориентировались — многие развернули выживших на полном ходу, смешали строй, но отступили под прикрытие павез. Жаль только не все поспевали: Орда, рванулась вперед, в образовавшуюся прореху между далеко выступившими вперед флангами. Рыцари на правом и паладины на левом пострадали меньше и, наконец, сошлись, в гремящем водовороте рукопашной с прославленными и внушавшими ужас гром-сотнями га'хана.

Дегано скомандовал отход. «Враны», потерявшие несколько десятков всадников и пятерых офицеров — один рухнул со стрелой в груди рядом с Робуром, — откатились назад. Поверх голов выстрелили тержерские лучники. Добрые тисовые луки сработали отлично, позволив коннице оторваться от грозной степной кавалерии. С грохотом встали в строй щитоносцы, опустили пики, а над ними открыли непрерывный огонь арбалетчики. Только Робура среди «Вранов» уже не было. С десятков наемников, увлеченных атакой, отстал от отряда и заскользил по флангу орденцов, отрезанный от остального войска наступающей Ордой. Волей-неволей им пришлось присоединиться к постоянно наступавшим и атаковавшим гром-сотни паладинам. Слуга подозревал, что немногие из прорвавшихся вернуться в зимние квартиры в южном Тержере. Как-то само собой он возглавил этот заблудившийся десяток.

Спата взлетела горизонтально. Робур нанес широкий рубящий удар параллельно земле. Скрежетнула сталь по стали — и степняк, громовик с зеленым волосяным плюмажем на остроконечном шлеме поскакал дальше. Рука с кривой саблей безвольно опустилась, выпустила оружие. Шлема слетел от удара, подскочил в воздух — вместе с головой.

Брызнуло в лицо чем-то горячим. Рядом оказался еще один степняк, он вопил на своем, на странном языке с шершавыми, жесткими звуками. Над головой у него бешено танцевала сабля. Раз — кончик клинка взвизгнул по шлему, высек искру и заставил покачнуться. В голове загудело, словно ударили в барабан. Два — Робур едва успел уклониться от горизонтального замаха, едва не вскрывшего ему шею. Три...

Три уже не было. Солдат ткнул заостренным концом спаты вражеской лошади в глаз. Животное дернулось, замотало головой. Вторым ударом Робур опустил меч степняку на

плечо. С хряском согнулись чешуйки, врубiliсь в живую плоть. Воин хрюкнул и осел набок. Его взгляд поплыл, заполняясь туманом. Следующим ударом Робур отправил его на землю.

— «Враны»... — раздалось позади и тут же заглохло.

Слуга позволил себе обернуться. Одного из наемников — изрезанного шрамами ветерана-тержерца — рассекла от макушки до подбородка красная полоса. Половинки лица сдвинулись друг относительно друга — и старый солдат исчез по копытами наступавших степняков.

Робур больше не оборачивался. С отчаянным хэканьем он вонзил шпоры в уже изрезанные бока лошади. Она уже не ржала, а хрипела, но в скорости прибавила, устремляясь туда, где вершина клина вонзилась в тело Орды.

Копье скользнуло около ноги, уперлось в плотную лошадиную шкуру, острый листовидный наконечник пронзил ее — ногу мигом обдало горячей волной, в сапоге, залитом кровью, захлупало. Конь — шкура рыжая, в темных пятнах — споткнулся и завалился набок, но Робур успел выдернуть ногу из стремени, подтянул под себя и прыгнул.

Он столкнулся со степняком, опрокинул его. Ордынец что-то выкрикнул, попытался боднуть его острым шпилем своего шлема. Слуга ухватился за него, свернул набок и, используя спату, как рычаг, скovyрнул громовика с седла. Вскочил в освободившееся седло, наподдал тонкокостному скакуну и, снеся ударом меча еще одного степняка, и столкнулся стременем с паладинской лошадьё. Взмахнув спатой, он отдал салют рыцарю. Тот сдержанно кивнул закованной в вычурный шлем головой, ткнул куда-то вперед копьем с широким раструбом, прикрывавшим запястье.

— Хей! Хей! — медленно, но Робур продвигался вперед, протискиваясь между давившей паладинский строй Ордой и рыцарями в сверкающей стали.

И вот уже впереди он видел плащ с цветным Пламенем, сверкающие самоцветы, усыпавшие доспехи Магистра. В руке уже оказалась верная мизерикордия.

Повелитель Орден был без меча, он, подобно стальному медведю сгреб воина, что был полностью покрыт чешуйчатым доспехом, сдавил того так, что хруст костей был слышен даже сквозь грохот битвы.

Спустя несколько ударов сердца Робур оказался рядом. Доспехи закованного в сталь походили на змеиную кожу — так плотно они облегли тело. Вот только голова... Она походила на грецкий орех с морщинистой, но твердой кожурой. Что-то невероятно сильное сдавило голову воина так, что металл смялся, а из-под него сочилась кровь.

Взгляд едва удалось оторвать от мертвеца и переместить на Магистра. Глаза того — Робур мог поклясться — горели зеленым, светящимися гнилушками на болоте. Слуга заставил себя поклониться в седле — и он почувствовал, что взор Магистра двинулся дальше. Одной рукой он все еще держал мертвеца в стальной змеиной кожей.

Он поднял его в воздух, легко, как тряпичную куклу. И в этот момент Робур вогнал клинок мизерикордию в щель между шлемом и горжетом, туда, где череп насаживался на позвоночник.

Мгновением раньше...

Хорас бился отчаянно, когда перед ним возник воин. Его окружали громовики с желтыми плюмажами. Властным движением воин заставил тех отступить. Как помнил

Хорас, желтая гром-сотня была личной гвардией га'хана.

Командор чуть склонил голову в поклоне столь уважаемому противнику. Поднял меч, приглашая к единоборству. Га'хан ответил уверенным кивком. Его тело покрывало нечто, походившее на змеиную кожу, которая, как утверждали слухи, было крепче любой стали. Шлем состоял из части доспехов, закрывавший затылок, и причудливой маски. Она изгибалась на выступах лица, но полностью скрывала все черты. Только глаза были видны в узких прорезях.

И Хорас, увлеченный разглядыванием, едва не пропустил удар саблей, взлетевшей в атакующем маневре прямиком из ножен. Командор качнулся назад и встретил ее своим мечом, опустил вниз и попытался ткнуть степного повелителя кулаком в лицо.

Тот оказался проворнее, дернул поводья и заставил лошадь отступить на несколько шагов, а после резко рванул вперед — кони столкнулись грудь в грудь.

Сабля врубилась в бок под поднятой рукой, легко прорубила панцирь и вонзилась в тело.

Боль... Как ни странно, боли не было. Ощущение холода, расплывшегося от раны — и ничего более. И, главное, Хорасу это было все равно. Он выпрямился в седле, сжал рукой саблю, застрявшую в панцире, и, провернув лошадь, вырвал ее из рук га'хана. Сам взмахнул мечом и опустил его на голову степняка.

И тот снова извернулся, поднял руки и поймал меч в жесткий захват чешуйчатых наручей. Резко свел руки вместе, локоть к локтю — и Хорас тоже оказался обезоружен.

Только и это не остановило командора. Он не чувствовал боли, страха или каких-либо еще эмоций. Холод затопил его с головой, оставив лишь желание убивать. Он взял лицо га'хана в ладони, словно собирался поцеловать того. Притянул к себе.

— Смерть! — прохрипел он. Что-то случилось с его горлом, из-за чего он не мог нормально выговаривать слова. Внутри клокотало, шипело и слова получались протяжные, шипящие. — Во имя Света!

Он сжал руки.

Металл маски смялся словно бумага. Что-то отвлекло Хораса. Он обернулся, увидел наемника, каким-то чудом прорвавшегося к вершине атакующего орденского клина. На лице у того отразилось решимость, удивление и испуг. Один за другим они сменили друг друга, и наемник поспешно спрятал глаза, склонившись в почтительном поклоне.

Хорас отвернулся, поднял в торжествующим жесте безжизненное тело га'хана. И...

Вспышка.

Удар молнии, пронзивший его от макушки и до пяток.

Потом пришла боль. Недолгая, но обжигающая, как раскаленный металл.

Потом — пустота.

ЧАСТЬ 10. ПОСЛЕДСТВИЯ

В это время в другом месте...

Мариус ходил взад-вперед, заложив руки за спину, а это, уж стоило признать, требовало немалой сноровки при тех латах, что сейчас были на нем. Выглянуло солнце и отразилось багровым бликом на алом лаке, покрывавшим металл.

— Герцог, пожалуйста! — выразил свое легкое неудовольствие Дараван, подняв бокал с красным джаранским. Взболтал опалесцирующую жидкость. — Вы мне мешаете.

— Да, простите, Ваше Величество! — Он бухнулся на стул, поданный слугой. Застонали тонкие гнутые ножки под весом грузного торгмарского владельца и металла доспехов.

Что ж, Мариусу стоило волноваться. Его гвардейцы возглавляли самоубийственную атаку центра, которую смяло сопротивление Орды. Большие потери, большие затраты...

Король отхлебнул из бокала, покатал на языке сладкую жидкость и сглотнул. Волноваться? Переживать? Не по-королевски как-то.

Конечно, трудно было понять, что творилось на поле боя в котловине между холмов, но Дараван доверял Сигилу. Тот обладал почти сверхъестественным чутьем во время сражения. Интуитивно знал, когда в бой ввести резервы, когда отступить, как из маленьких шажков соткать длинный путь к победе.

Несмотря на кажущуюся расслабленность Дараван Одиннадцатый не упускал ни одной детали из происходившего среди Аргентских холмов. Каждое перемещение, как течение неустойчивой материи, напоминало движение мельчайших частиц газа, вроде того, о котором рассказывают в Тунгаронском университете. Тайно, но все-таки рассказывают. Там, внизу между холмами Первого Магистра и Серебряной Гробницы что-то случилось. Небольшой водоворот, после которого королевская армия из неприступных береговых скал, о которых разбивались валы ордынских атак, пришла в движение, надавила и заставила степное войско отступить.

Лорд-протектор с кряхтением выпрямился, оторвавшись от дальноглядной трубы в вычурном бронзовом корпусе на высокой треноге. Он протер слезящийся глаз, всматривавшийся в окуляр, шелковым платком и повернулся к королю. С легким полупоклоном, на который все еще была способна его спина, он проговорил:

— Ваше Величество, Орда отступает.

— Это... это очередная их лживая уловка! — Мариус все никак не мог забыть своей потери: гвардия, его замечательная алая гвардия. Интересно, сколько золота вбухано в его красноспинников?

Дараван с трудом подавил самодовольную ухмылку. Снова пригубил из бокала. От сдерживаемого смеха хрусталь-таки звякнул о зубы.

Лиман покачал головой. Он сложил морщинистые руки на трости и постарался выпрямиться во весь свой немалый рост. Что-то весьма слышно хрустнуло. Судя по выражению лица лорда-протектора, это была его спина.

— Не думаю, Ваше Высочество! Слишком все, гм, масштабно. На поле боя что-то произошло. Что-то важное...

— И что же? — нетерпеливо переспросил герцог.

— Не имею ни малейшего понятия! — как можно тверже произнес лорд-протектор. Но все-таки в конце концов голос его задребезжал, как треснувшая ваза.

— Видимо, — вмешался наконец и король, — наш многоуважаемый лорд Сигил вовремя ввел резервы.

После его внимание привлек шум, донесшийся из-за ряда телохранителей. Жестом он отослал слугу, и спустя некоторое время тот вернулся и, склонившись, тихо, но внятно произнес:

— Ваше Величество, вестовой от лорда-маршала.

— Пропустить, — немедленно распорядился король и немного подался вперед, постаравшись, что бы его поза выглядела поцарственнее.

Ряд телохранителей — красное с голубым впеременку — расступился, и показалась фигура солдата.

Молодое лицо, легкие кожаные доспехи, узкий эсток на поясе. Волосы под шлемом взмокли и прилипли к бледном лбу. Он остановился, слегка шатаясь от усталости, поклонился, прижав кулак к сердцу по армейскому обычаю.

— Ваше Величество, — голос его дрожал, но звучал твердо. Дрожь не от волнения, наоборот, от радости, — Орда отступает. Мы сомкнули фронт и гоним ее назад. Кое-где еще есть сопротивление, но воинов уже не остановить. И... и га'хан мертв.

— Отличившиеся?

— «Белые Враны», Ваше Величество! Они прорвали кольцо окружения вокруг орденских частей и помогли развить наступление в центре.

— Так-так, — Дараван словно задумался, постучав пальцем по подбородку. — Им командует... э-э...

— Мар Дегоне, тержерский дворянин! — отрапортовал посыльный.

— Ах да, кондотьер-генерал! — словно бы вспомнив, произнес король. — Лорд-протектор, мы сможем пожаловать ему титула графа? Как мне кажется, освободилось несколько уделов...

— Как пожелаете, Ваше Величество! — Старина Даргваст склонил голову. Этим движением он напомнил стервятника.

— Господа! — Дараван порывисто поднялся. Протянул руку с пустым бокалом в пространство. Как из ниоткуда возник слуга с пыльной, в паутине амфорой — фирменным знаком джаранских вин — и плеснул густой, словно патока жидкости. Ровно на два пальца и ни капель больше. — Господа, думаю настала пора поздравить нас всех, а особенно нашего непревзойденного лорда-маршала! Поздравить с победой, величайшим триумфом Королевства и Света со времен Темных войн!

Пять часов спустя...

— Магистр ранен? — Королевская бровь выгнулась. — Ранен?

Робур поклонился.

— Говорят, когда мортусы доставили его тело в лагерь, он все еще подавал признаки жизни. Шевелил руками и ногами. Пытался укунить...

Дараван выразительно поглядел на своего слугу. Тот промолчал: оправдываться ему было не в чем. Мизерикордия его еще ни разу не подводила.

— Укусить... — задумчиво повторил король. — Значит, Соловей не ошибался: с Хорасом действительно что-то произошло на Ларвийском погосте... Как думаешь, каковы последствия для Ордена?

— Неважные, — пожал плечами Робур. — Долго скрывать они не смогут, что Магистр, кроме того, что ранен, — он постарался выделить последнее слово интонацией, — но и еще безумен. Это урон по репутации Цитадели да и вообще по всей вере. Как можно доверять клирикам, если Первый Меч Веры сам погряз во Тьме?

— Справедливое замечание, — протянул король.

Он поднялся, прошелся по шатру — мягкий пол с подстилкой из плотного сукна, пропитанного особым составом, не пропускавшим влагу, мягко прошуршал под ним, — и остановился рядом с переносной печью. Бронзовые дверцы, украшенные королевскими ястребами и вставшими на дыбы львами — древним символом первых поселенцев, пришедших в Эратию с побережья Джаффы, — были приоткрыты, а за ними плясало жаркое пламя, подкармливаемое брикетами плавильного угля. По двадцать золотых за фунт. Такой уголь горит медленно, но ярко и горячо.

Дараван присел перед огнем, протянул руки, потер ладони — не мудрено. После битвы зарядил снег, мелкий и частый. А вкупе с ветром и резким холодом, пришедшим с темнотой такая погода могла надолго испортить настроение. Медный таз с водой в углу шатра, в коем король предпочитал проводить вечерние умывания, покрылся тонкой коркой льда. В замечательном королевском шатре. Хорошо, что хоть Робур догадался распорядиться нагреть воды. Оставалось лишь дожидаться, когда слуги принесут кипяток.

— Знаешь, Робур, мы кажется совершили ошибку.

— Ваше Величество? — медленно произнес слуга, чуть склонившись и не глядя на короля. Тихий и вкрадчивый тон, которым были сказаны слова, свидетельствовал, что король находился не в духе.

— Мы ведь всего лишь хотели ограничить влияние Ордена в Королевстве, — медленно произнес король.

Голос его стал совсем тих. Огонь очертил резкими тенями черты лица Даравана, углубил морщины и заострил скулы. А ведь король был далеко уже не молод. А королевская власть прибавляла к реальному возрасту лишний десяток. Нервы, чтоб их дхар побрал!

— Ограничить, а не посеять смуту. Орда — это лишь один из вызовов. Маран пал, и никто уже не сумеет остановить или хотя бы задержать новых врагов. А помнишь донесения Соловья? Ну, те, что про Горгонад и Источник? Тьма ведь все еще не повержена. Мы уничтожили Магистра, но что дальше? Под каким ликом она вновь вернется в мир? Какие войска возглавит? А степь? Она постучалась в наши ворота. Всего лишь постучалась, и пол-Королевства лежит в руинах...

— Маран, — Робур-таки заставил себя вклинить в размышления короля. — Мы можем восстановить город. Отстроить крепость...

— Дварфы, — угрюмо процедил Дараван, — не позволят. Вернее их дхарова гордость. Как бы нам не поднять знамя войны с подгорными королевствами... Пока мы будем болтать на вечных переговорах, может явиться очередной враг.

— Ваше Величество, мы победили. А народ любит победителей. Уже никто не сможет в открытую противиться Вам в совете. Вы можете возглавить Королевство единолично!

— И посеять смуту у себя под боком? Например, Мариус почти потерял свою гвардию, но гордость и казна все еще у него в руках. Он торговец, да, но торговец властный, ревнивый

к чужому успеху. А половина баронов должна ему деньги. Дхар раздери, даже я занимал у его отца!

— Что вы предлагаете, Ваше Величество?

— Орден выстоит! — резко выдохнул Дараван. — А его возглавит решительный и сильный Магистр. Но такой, который будет осознавать, кто поддержал его...

— Простите, Ваше Величество...

— Правильно, мой верный Робур, Тараил. Он решителен, верен Свету и честен, но не слишком умен. И... — Дараван обернулся, взглянул на слугу. — Соловей должен открыться ему и убедить встать во главе Ордена. Капитаны растеряны, сбиты с толку — они схватятся за любую соломинку. А Тараил... Ему понадобится умный советник, что направит его энергию в нужное русло. Тем более, что наши цели совпадают: сохранить и поддержать силу Ордена.

Пять дней спустя...

Тараил опустил промасленную голову факела в огонь. Пламя вспыхнуло, лизнуло низкий каменный потолок. Капитан вздохнул: ему опять пришлось вернуться в подземелья Цитадели. Во Тьму, таящуюся в тени Света.

Только нынче на симаринце были новенькие латы, блестящие, полированные, и золотой семипламенный на груди. Вчера на совете капитанов, на котором председательствовали оставшиеся два командора, ему было возвращено звание. Наверное, стоило радоваться, только вот капитанское Пламя почему-то радости не вызывало.

Знания. Тайна. На него взвалили непомерный груз, а ведь никто даже дозволения не спросил. Потому что «надо».

К дхару это «надо». Он пошел за справедливостью, правым делом, за тем, во что всегда верил. И этот путь привел его не к той двери. В конце не стало все понятнее и яснее, наоборот, будущее, казалось, заволочло непроглядной тенью. Иди оно все к дхару!

Ох, как хотелось кинуть это в торжественные рожи капитанов и командоров, развернуться и уехать в закат. Да вот только он всего лишь улыбался, да так, что заболели губы, принимал поздравления и заверения. Какие еще заверения? В верности, само собой. Потому завтра должно был собраться очередной совет, на котором его грудь украсят самоцветы. Завтра он станет Магистром.

Карьера, мать ее. Уважение, от которого за милую несло гниль и ложь. Да только не посмеет вспомнить, что именно возвысило его. Потому что Тьма таится во Свету, и знание это не должно покинуть стен Цитадели.

Вниз вели ступеньки, старые, выщербленные, но некоторые, особенно большие провалы были недавно заложены камнем. Белел свежий раствор. Заканчивалась лестница небольшой площадкой и дверью из тяжелых дубовых брусьев, скрепленных железными полосами. Даже самая малая щель была тщательно заделана смолой. Массивный замок со сложным гномьим механизмов под бронзовым корпусом препятствовал любому вору, ежели такой отыщется в Цитадели, проникнет через три поста стражи и минует верхнюю решетку из прутьев в руку толщиной. Других проходов сюда не было. Еще два дня выход со стороны развалин Крепости Ущербной Луны вход был завален при помощи трех десятков фунтов огненного порошка дварфов. А в будущем Тараил планировал и вовсе полностью уничтожить подземелье.

Он остановился внизу перед самой дверью. Шрамы под стальной маской жутко чесались, ныл бок от еще не зажившей раны, спина, которой его крепко приложили о стену, также давала о себе знать. А кроме того жутко хотелось выпить — во рту словно самому прошелся. Едва песок не зубам не хрустел. Капитан выдохнул сквозь зубы, переложил меч в руку с факелом и со щелчком вставил ключ в замок. Провернул. Три раза вправо и один влево.

Когда дверь приоткрылась и из-за нее потянуло неестественным холодом, Тараил поднял меч, кончиком клинка отворил ее и шагнул вовнутрь. По лезвию стекла и упала на пол прозрачная, но с явственным изумрудным оттенком капля.

Металл был щедро смазан «вздохом дракона». Стоило лишь поднести клинок к факелу — и меч по праву можно было бы назвать сияющим.

Внутри было темно. Ну, как и в любом подземелье. Только здесь тьма казалась живой. Свет факела заставил ее отпрянуть, но недалеко, затаиться на границе, оскалив свои зубы, что так соскучились по свежей плоти.

Тихий стон прорвал тишину, как ветхое полотно и вместе с зеленоватым туманом вполз в круг света. Загрохотала, протянувшись по полу, цепь.

Тараил остановился. Сглотнул, и словно в горло набили с горсть песка. Остро захотелось прокашляться. Руки задрожали, а шрамы вместе с новыми ранами напомнили о себе еще явственнее.

Показалась фигура. Высокая, могучая. Туман обтекал, сочился из стыков между латами, сползал по сухой пергаментной коже рук. От командора нынче оставалось немного: кости, немного плоти на них, тонкая и морщинистая кожа и латы. Тусклые и ржавые. Пламя веры сияло на свету всеми цветами радуги: драгоценным камням, как известно, наплевать на Свет и Тьму.

Капитан взглянул выше, там, где ему казалось, находилось глаза. Словно в ответ они вспыхнули отвратной зеленью. Холодной и чуждой.

— Привет, командор. Ты как?

То, что осталось от Хораса глухо зарычало и придвинулось ближе. Вернее, попытался это сделать. Цепь натянулась, ошейник из метеоритного железа врезался в мертвую плоть, и остановил его. Мертвяк повис на привязи, как бешеный пес, и рык перешел в надсадный хрип.

— Хочешь есть? — глухо проговорил Тараил, глядя на него исподлобья. — Извини, друг, ничего у меня нету. Знаешь, я ведь пришел освободить тебя...

Тональность хрипа изменилась. Командор отступил назад, цепь обвисла. Он открыл пасть с запавшими губами и острыми, выехавшими вперед зубами.

— Та-а-а-ра-а-а-и-и-и...

Симаринец вздрогнул. Неожиданно — его никто не предупреждал, что эта тварь все еще могла разговаривать. Хотя какое там разговаривать — может быть, очередной стон, а воображение превратило его в слово.

— Извини, командор, но я должен.

Тараил поднес меч к огню, и пламя мгновенно взбежало по клинку, вспыхнуло. В воздухе запахло едким, раздражающим. Тварь отшатнулась было назад, но снова наступила, натянула привязь. Заклацала зубами. Вечный голод брал свое.

Выдохнув скопившуюся горечь, капитан взмахнул мечом. Наискосок, снизу вверх. Мертвяк попытался было прикрыться — инстинктивное движение, лишённое всякого

смысла. Стоило огню коснуться мертвой плоти, как она вспыхнула, занялась вся рука, от кончиков скрюченных пальцев и до локтя. Клинок пошел дальше, впился в панцирь, прочертил борозду на металле, но не пробил его. Хораса развернуло от удара, он повалился на колени, но тут же попытался подняться скользящим, почти человеческим движением, но не успел. Тараил провел клинок наотмашь, горизонтально земле. И он почти не встретил сопротивления.

Зеленые гнилушки, что были вместо глаз, вспыхнули, из них брызнули искры, что быстро сменились рыжими языками пламени. Внутренности черепа выгорели за пару ударов сердца, как сухая бумага. Бумага с секретом, самым страшным на всей земле.

— В чем смысл, Героним? — Наверху, от яркого света и свежего воздуха Тараил почувствовал головокружение. А, может быть, и от усталости. Не физической.

Усталости разума.

— В выживании, мой капитан, — сказал полуэльф. Тонкокостная фигура в зеленом кафтане слегка поклонилась. — В выживании Королевства.

— Королевстве, построенном на лжи и обмане?

— Другого не дано, — пожал плечами бывший королевский вельможа. А ныне — королевский соглядатай. Героним сам в этом признался, когда они встретились вчера перед советом. — Свет и Тьма — это всего лишь две стороны одной медали. А между ними — люди, которым так нужны пастыри.

— А сами они избрать свой путь не в состоянии?

— Именно так, мой капитан. Мы храним их от зла, где бы оно не скрывалось: во Тьме или на Свету.

«Ох!» Тараил протяжно выдохнул. Только этого и не хватало.

Сами собой в голову пришли странные слова. Он мысленно проговорил их, будто пробуя на вкус: «Свет, защити нас от ведающих истинно верный путь!»

И решил, что и такая молитва ничем не хуже других.

Двадцать дней спустя...

Под утро на землю лег свежий снег. Глубокий, по щиколотку, он укрыл смерзшуюся грязь и кучи мусора. И на нем явственно отпечатались свежий конный след.

Шаор Лаен поплотнее запахнулся в старый заношенный зипун. Это был чисто человеческий жест — привычка, почерпнутая у жителей равнин. Сам декс холода почти не ощущал: он вырос в покрытых вечным снегом горах, где тепло было лишь сказкой для малых детей.

Позади просыпался лагерь: многочисленные шатры из серой и бурой шерсти, присыпанные снегом, разбросанные среди огромных величественных даже в таком жалком состоянии развалин древнего города. В загонах, сооруженных в домах, где сохранились стены, мычал скот, волновались лошади, пощипывая сухую солому. Бегали, играя, беззаботные дети. Доносилась женская ругань и бормотание стариков. Мужчины ходили настороженные и молчаливые. Они седлали лошадей и собирались у шатра хана Габая, где, по слухам, принимали гонца от самого га'хана. Люди встревоженно переговаривались в напряженном ожидании судьбы войска Повелителя степи.

Шаор же был совершенно спокоен. Он-то знал, что случилось на западе, на холмистой

равнине. Смерть га'хана пришла ему во сне изнуряющим кошмаром. И не доверять ему не было никаких оснований. Сны дексов не врут.

Позади послышалось дыхание и тихие шаги. Шаор не обернулся: к нему приближался Тайл. Его своеобразную, шелестящую походку нельзя было перепутать с буханьем Марла.

— Намесник призывает тебя, Старший! — Тайл поклонился тихо, по-змеиному и таким же текучим движением выпрямился.

Человек бы никогда не смог так согнуть спину — для этого ему не хватало гибкости позвоночника. Помощник застыл каменным изваянием. Его лицо напоминало маску, искусную, но мертвую.

Вокруг шатра наместника столпилось немало людей, но близко они не подходили, волнуясь и перешептываясь. Народ упирался в строй оргатов — соплеменников Габая. На манер гром-сотен га'хана, нацепивших на кожаные остроконечные шлемы цветные ленты. Они скрючились в седлах, взяв на изготовку короткие метательные копья, мрачно глядели на собравшихся. Стоило дексу подойти поближе к шатру, как двое оргатов выдвинулись вперед, опустили копья и заставили скопившихся людей образовать проход. Без лишних слов Шаор прошел к дверному проему, занавешенному куском синего сукна.

В шатре было темно и душно. Посланник лежал на коврах, поджав под себя ноги и уткнувшись лбом в пол. На невысоком помосте, укрытом шкурами сидел на пятках Габай — сухой, невысокий, но из-за многочисленных мехов казавшийся в два раза больше. С лысого черепа свисала одинокая прядь серых волос. Плоское лицо покрылось ранними морщинами, под узкими глазами набрякли тяжелые мешки.

Габай медленно пошевелился, когда Шаор приблизился и поклонился. Тонкие руки в бронзовых браслетах выпрастались из-под шкур и легли на колени. Двое воинов в чешуйчатой броне встали по бокам хана и уставились на декса напряженно и неуверенно.

— Га'хан мертв.

Лаен уставился на него пустым взглядом. На гладком лице блуждала извечная дексовская полуулыбочка. Хан цыкнул, приподняв верхнюю губу. Зубы у него были черные и кривые.

— Завтра я соберу вождей. — Габай снова замолчал, словно ожидая ответа Шаора. Так и не дождавшись он, оскалившись еще больше, продолжил: — Будем избирать нового га'хана.

Сухо трещал огонь в очаге, обложенном гладкими камнями, застыли недвижимыми статуями телохранителями, а глава оргатов снова замолчал, дожидаясь слов декса. Тот продолжал хранить молчание, уставившись на хана. Казалось, ничто не могло поколебать застывших мышц лица. Правда, мозг Лаена продолжал работать, анализируя сложившуюся ситуацию, только вон Габаю об этом знать не стоило.

Наконец, поняв, что от строптивного декса он не вытянет ни слова, хан наконец решился.

— И я стану новым га'ханом. Дабы повести народ Великой Степи дальше на запад, сломить сопротивление стальных людей и захватить плодородную и тучную землю по ту сторону гор!

— А если, — вкрадчиво произнес Шаор, — остальные ханы не согласятся? Что, если они решат, что ты, хан Габай, недостойн?..

— Я?! — взревел степняк, грохнув кулаками по коленям. В таком малом теле вмещался могучий голос. Таким наверняка приятно приказывать — так и хочется подчиниться. Лаен позволил себе улыбнуться чуть шире, откровеннее. — Я, хан Габай, вождь оргатов, и

единственный, кто вправе принять власть над Ордой. Сам царь царей оставил меня своим наместником, его правой рукой! Никого иного, только меня! Как смеют ханы, как смеешь ты, нелюдь, перечить священной воли Повелителя?!

Внезапно Габай осел, сгорбился, глянул на декса исподлобья. Голос его стал тише, сдержаннее. Злее.

— А кто посмеет, тому не жить.

И он был прав. Как ни крути, но Габай был один из самых влиятельных вождей. Поначалу, он даже соперничал с будущим га'ханом, но оказался умнее многих, приняв над собой его главенство. И в жестокой межплеменной сече оргаты уцелели, почти не потеряв воинов. Под их серо-алые знамена встанут многие меньшие племена, и на совете у Габая будет преимущество. Правда, только не все поддержат его. Жестокие д'кане, гордые ховраши — много будет у оргатов соперников. Быть новой резне, но здесь уже не родная Степь, а под стенами павшего града копают обходные туннели бородатые карлики — Шаор слышал грохот из инструментов. На подходе полки стальных людей, уничтоживших отборные гром-сотни. Если в Орде не будет единства, она погибнет.

— Чего ты хочешь, хан? Чем тебе может помочь мой народ?

Габай ухмыльнулся.

— Ха! Это совсем другой разговор. Ты же и сам понимаешь: Орда несокрушима в единстве. А я должен стать таким га'ханом, которого признают все, каждый вождь от микка до сасванов. Декс, дай мне железную кожу!

В глазах, черных, маленьких, но пронизательных, вспыхнул лихорадочный огонь. Он нагнулся ближе, облизнул узким красным языком тонкие губы.

— Одень меня в шкуру стальной змеи!

Шаор поклонился с максимальным почтением.

— Как пожелаешь... га'хан! — Краткую заминку в речи Лаена Габай даже не заметил.

Он расправил плечи. Уперся костяшками пальцев в бедра. Шаор поглядел на телохранителей.

— Тайнство должно проводиться без лишних глаз.

Неуверенность отразилась в движениях Габая. Лаен надавил.

— Га'хан доверял Изумрудам. Доверял мне лично.

— Ладно, — хан стрельнул глазами по сторонам, кивнул воинам: — Подождите снаружи. — Лаен посмотрел на него: — И не заходите, если того не разрешит декс.

Те ответили на оргатском наречии. Габай окрысился, рывкнул в ответ и это наконец убедило телохранителей. Они низко поклонились и скрылись за пологом входа. Габай же положил на колени свой чагаш: старый, выщербленный, но клинок остротой не уступал лучшим мечам громовиков. Хан был хитрым, сильным и опасным игроком. И это тоже стоило учитывать.

Декс вежливо улыбнулся, подобрал широкие рукава своего халата: золотые драконы с сапфировыми и изумрудными глазами задвигались на темно-бардовом шелке. Пошевелил пальцами: в один момент на каждом добавилось по лишнему суставу. Они задвигались, словно паучьи ножки с необычайной гибкостью, тонкие, бледные, точно ножки насекомого.

— По воле моего га'хана, — произнес он тихо и вкрадчиво, а затем по тяжелому спертому от вонючего тела, старого дыма и затертой кожи поплыли певучие слова заклинания.

Габай вздрогнул, застонал глухо, вбивая боль поглубже в тело. Кулаки сжались,

вдавились в бедра. Смуглое лицо вытянулось, заострилось, дыхание стало шипящим, поверхностным. Но вместе с тем на лице хана зарождалась безумная радость. Он поднял руки. Губы задрожали и растянулись в довольной улыбке.

Кожа на руках проросла стальными чешуйками, они слиплись в единый покров, теперь кулаки Габая отливали металлом. Он распрямил и вновь сжал пальцы, металл пополз выше по предплечью.

— Добро! — прохрипел он.

Слова заклинания стали резче, короче, песня рассыпалась осколками, превратилась в мрачный речитатив. Шаор резко свел ладони с растопыренными пальцами вместе, сплел их в замок. Вот тогда хан закричал, только неизвестно еще, чего в его голосе было больше: боли или ужаса, потому что чешуйки слились в монолит, и он уже не смог разжать пальцы.

Отяжелевшие кулаки опустились вниз. Железная чума достигла уже шеи, обхватила ее стальным обручем, спустилась на грудь. Устремилась выше.

В раскрытом рту появились нити, тонкие проволочки, натянутые, словно струны. Челюсти с лязгом захлопнулись, крик превратился в мычание.

За краткий миг металл распространился по всем телу, превратив Габая в настоящую статую. Только его глаза оставались все еще живыми и яростно метались в металлических глазницах. Потом и они успокоились, застыв и потускнев. Ребра, превращенные в железную клетку сдавили легкие и украли дыхание у хана оргатов.

Шаор отряхнул ладони, вновь спрятал их в рукава, поклонился с чрезвычайным почтением и покинул шатер Габая. На выходе с оружием наготове его встретили телохранители.

— Повелителю необходим отдых, — вкрадчиво, но уверенно проговорил он. — Не спешите его беспокоить.

И равнодушно двинулся прочь. Его взгляд безошибочно отыскал в толпе Тайла, Марла и остальных.

— Мы потерпели поражение и уходим. Наше время еще наступит.

Когда оргаты рискнули наконец заглянуть в шатер — а к этому времени уже стемнело и издалека доносились звуки боевых барабанов стальных людей — то, выскочив наружу, они не сумели отыскать ни одного декса. Нелюди по своей странной манере исчезли и никто из часовых и объезжавших дозорами окрестности воинов не видел ни одной фигуры в шелковых одеяниях с золотыми драконами.

Шаор понимал, что их главное преимущество перед суесящимися людьми заключалось в том, что они умели ждать. Наступит момент, и они явятся вновь. В мир, который будет готов их принять.

Два месяца спустя...

Рогнак Железнолобый пошевелился, и плот под ним закачался на мелкой волне. Дварф замер, чувствуя, как затухают колебания, а вместе с ним и тошнота, подкатившая к горлу. Он сел с максимальной осторожностью. Черная гладь вокруг плота блестела угольным антрацитом, кажущая недвижимой и спокойной. Рогнак зажмурился и потер ноющие запястья: кандалы успели натереть даже его каменную кожу.

Плот находился посередине небольшого, но глубокого подземного озера. От кольца,

вделанного в доски тянулась цепь, прикрепленная к сталгамиту, торчащему из воды. И больше ничего: твари знали, что гнома не удержат каменные стены. Вот только Рогнак, как и любой трун до ужаса боялся большой воды. Озер, рек и тем более морей. И любой гном в силу собственной физиологии по своей плавучести напоминал обыкновенный топор. Черная озерная гладь держала Рогнака надежнее любых стен и цепей. Тут можно было даже обойтись и без кандалов: дварф не заставил бы себя ступить и шагу за пределы его маленького плота.

Рогнак находился в старом штреке, затопленном, когда от взрыва паротяга прорвало заглушки на нижних уровнях. За короткое время Пятый, Четвертый и Одиннадцатый забои оказались затоплены, вода поднялась до приемных залов. Здесь еще виднелись остатки деревянных подъемников, полузатопленные и казавшиеся причудливыми корягами, торчащими из воды. А еще здесь было темно.

Посередине плота торчал шест с масляной плашкой, но топливо прогорело уже давно и Рогнак находился в полной темноте. Не то, чтобы дварфа тяготило отсутствие света: благодаря способности видеть тепло, его зрение раскрасило свод пещеры в темно-багровые тона, смешанные с глубокой чернотой, на фоне которой метались яркие точки летучих мышей. В дальнем углу, над утонувшей вагонеткой, край которой торчал над водой, свисали целые тепловые гирлянды этих животных. Они тихи чирикали, верещали. И всегда это происходило тогда, когда Железнолобый ложился спать. Вода же была бессмысленным черным провалом. Иногда озерной глади касались весла и примитивная долбленка выплывала из темноты пещеры. Она привозила с собой двух молчаливых орков, которые никогда не подплывали вплотную к плоту. Обычно у одного было длинное копьё, на которое он накалывал шмат плохо прожаренного мяса и протягивал пленнику.

Сколько он уже здесь? Как казалось, Рогнаку не больше пары месяцев, однако, точно время он определить не мог: как подсказывали его внутренние часы, орки приплывали не через равные промежутки времени. Скорее тогда, когда про него вспоминали. После всего случившегося у зеленокожих хватало дел в Ганалийской долине.

Трун вернулся с отрядом своих наемников и попал в элементарную засаду у шлаковых отвалов, окружавших долину. На них обрушилась правильная и хорошо спланированная кавалерийская атака, только вместо рыцарей и лошадей, она состояла из завывающих орков верхом на шагратах. Первые ряды даже держали простенькие копы на манер рыцарских, выставив их перед собой. Уставшие от сражений в разрушенном Горгонаде и от продолжительного марш-броска дварфы собрались в свою несокрушимую черепаху, но у них не было ни пик, ни алебард, а тяжелые арбалеты не могли обеспечить необходимую плотность стрельбы. Однако, несмотря на это, прикрытые щитами, дварфам удалось почти без потерь пробиться к воротам и вызвать подмогу с помощью своих рогов. Только мало кто ожидал, что подмога, хоть и подойдет, то отнюдь не к ним.

С нависающего барбакана на них обрушили здоровенные камни. В один миг валуны сломали строй и превратили в блин из крови, осколков костей, металла и мозгов троих или четверых. «Черепаха» не успела развернуться на встречу новой опасности. Раскрылись ворота и по ним выстрелили из двух баллист. Хороших таких, добротных баллист гномьей работы, что по обычаю стояли на стенах, тянувшихся по вершинам Ганалийских окружных гор. И на местах расчета находились орки. Не профессиональные артиллеристы из Трунгарона, воспитанные в Огневой Академии, а обыкновенные дикари из побережных орд. Правда, они не были столь тупы, чтобы промахнуться с расстояния в пару десятков шагов.

Тяжелые, окованные металлом колья пронзили «черепаху» насквозь, оставив после раненых и умирающих. А следом в атаку кинулись пехотинцы: здоровенные зеленокожие бугаи, одетые в шкуры и лохмотья и вооруженные чем попало: камнями, дубинками, каменными ножами, кузнечными молотками и кирками.

Рогнак рубился отчаянно и, когда у него выбили из рук топор, обрушили на голову костяную колотушку, заставившую загудеть металлическую пластину, что была у него вместо верхней части черепа, он еще отбивался голыми руками, кусался, лягался, кричал на dwarфском, проклинал орков на всех языках, что были ему доступны. Второй удар, встреченный затылком, опрокинул его в беспмятство. Очнулся он уже на плоту.

Плеснуло в темноте. Рогнак с раздражением посмотрел в сторону звука. Из багровой тьмы вынырнула лодка с извечными орками на борту: мелкими, горбатыми и уродливыми. Эти так страшнее других были. Факел пылал ярко-алым пятном, слепя глаза. Дварф моргнул, перестраиваясь на обычное зрение.

Навалилась тьма, а пятно превратилось в языки пламени, освещавшие низкие борта долбленки. Орки в его свете превратились в угрюмых дхаров, приплывших за грешником. Один из них поднялся. У него, как и всегда, было копьё в руках. Он повис на нем и махнул рукой. Рогнак заметил, что у орка не хватает трех пальцев. Рука походила на бугристую клешню.

— Гном, мы причаливаем! — прохрипел он, словно у него было сдавлено горло. — Давай без глупостей. А то, клянусь Прохфесором, я насажу твою задницу на свое копьё!

— Очень страшно, — угрюмо пробормотал Рогнак, поднимаясь на ноги.

Утлый плотик под ним заходил ходуном. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за шест.

Сидящий орк, подрабатывая веслом, причалил к плоту боком, вцепился когтистой лапой в доски. Первый опустил копьё и ткнул ему в сторону Железнолобого. Неуклюже так, подставляясь. Дварф легко бы схватил его немного выше наконечника, дернул на себя... и полетел бы вместе с уродом в воду.

— Ты, это, давай в лодку! — буркнул копьеносец и немного отвел оружие.

— С чего это? — насупился Рогнак. — Чего вы там себе удумали?

— Хе-хе. — Смех орка напоминал визг напильника по металлу. — Язык хочет тебя к себе!

— Правда? — с ухмылкой поинтересовался Железнолобый. — А вот у меня чегой-то настроения нет...

— Язык говорил, — проскрежетал орк, — что если ты, коротыш, будешь буяннить, то следует утопить тебя в озере. Но, клянусь Прохфесором, он не будет против, ежели я насажу тебя, как на вертел!

Острые его копыя ткнулось гному в живот. Несильно, но кожаная куртка прогнулась внутрь. Рогнак почувствовал металл у себя на коже, выдохнул и зажмурил глаза. Все-таки, без проблем не обойтись.

Он ударил ладонью по копьё, там, где наконечник крепился к древку, и одновременно отшагнул в сторону. Вторая рука, сжатая в кулак, приласкала зеленокожего по его отвратной роже. Оставалось надеяться, что столь радикальное вмешательство хоть немного подправит его черты.

По сути, орк сам упал Рогнаку на кулак, хрюкнул, голова его дернулась назад и он кулем с песком повалился сначала на край плота, а затем и в воду. Копьё осталось в руках гнома.

Второй орк дернулся, зарычал, метнулся к ножу на поясе, но в следующий момент

дварф перепрыгнул в лодку и с размаху засадил тупой конец копья дикарю в зубы. Тот откинулся назад, лодка запрыгала под ним, закачалась — Рогнак резко присел, сохраняя равновесие. Перебросил копье из руки в руки, развернул наконечником вперед. Острие застыло в волоске от прыгающего кадыка, похожего на острый камешек, застрявший в горле. Орк шумно вздохнул и захныкал.

Обеими руками он держался за лицо, между пальцем сочилась черная кровь. Зеленокожий глухо простонал, что-то почти членораздельное, если бы не кровь и осколки зубов, забившие ему рот.

— Кончай притворяться! — буркнул Рогнак и уселся на узкую перекладину, видимо, служившей сидением. — Весло в зубы и гребь, а то, клянусь бородой предка, сломанная челюсть будет казаться дружеской оплеухой. Живо, отродье грязи!

Орк перегнулся через борт. Шумно опорожнил рот. Выпрямился — на подбородке повисли нити слюны пополам с кровью. Кривя разбитые губы, зеленокожий взялся за весло.

Наверху даже не пришлось жмурить глаза — небо заливал непроглядный свод свинцовых туч. Свет превратился в серые зимние сумерки. Обжигающе холодная снежная крупа сыпалась, как из дырявого сита на землю, застывшие на вкопанных рельсах вагонетки с рудой, потухшие горны в плавильнях и мертвые механизмы кузниц. Вверху, врезанный в скальный склон, вырастал Старый Замок, в окнах которого горели отсветы костров, что дикари, наверняка, развели напрямиком в коридорах. Рогнак хмыкнул и выпустил орка, что он держал за шкуру. Зеленокожий что-то замычал и бросился наутек.

Мигом Железнолобого окружило с десятков орков. Здоровенных — не чета надсмотрщикам из забоя — побережников в шкурах, вооруженных дубинками и дурно откованными топорами.

Рогнак швырнул копьцо на землю.

— Я к вашему боссу! И никто не посмеет сказать, что привел Рогнака Железнолобого к какому-то там бугру. Он сам пришел!

И больше не слова ни говоря зашагал вперед. Орки заколебались на мгновение — Рогнак сжал огромные мозолистые кулаки — но расступились. Последовали следом. Вскоре дварф собрал целую процессию. Но на ступени, ведущие в Старый Замок, он вступил уже в одиночестве.

Костры действительно были. Повсюду в коридорах, пустынных комнатах, огромные, сложенные из поломанной мебели, притащенных вверх деревянных балок и... костей. Рогнак рассмотрел во всех деталях почерневшие черепа и кости в прогоревших углях. Кое-где огонь погас, где-то все еще горел, поднимаясь почти к самому потолку, оставляя длинные черные полосы сажи. Видимо, в огонь не пожалели земляного масла. В плавильнях был запас.

У серых дверей, украшенных «бородатыми» рунами имен предков, жарко горел очередной костер. Пламя, вскормленное обломками шкафов и корешками книг, поднялось до самого потолка, оставив широкое черное пятно сажи. Стоило Рогнаку подойти ближе, как четыре орка поднялись ему навстречу. По-обезьяньи длинные руки, короткие кривые ноги, плащ из сшитых шкур поверх обрывков кольчуг, деталей трофейной амуниции выдавали в них всадников шагратов — элиту побережных орд. Вооружены зеленокожие были топорами на длинных рукоятях, чтоб было сподручнее рубить с седла, и чем-то, вроде боевых кос. У ближайшего морда была раскрыта длинной неровной раной, стянутой грубым швом из тонкой проволоки. Левый глаз вытек и закрылся навсегда. Железнолобый вспомнил его и то,

как он стянул орка с седла и рубанул по голове топором. Удар не вышел, оставив после себя хоть и жутковатую, но легкую рану. После гнома повязали арканами. Рогнак ухмыльнулся ему.

Орк зарычал, подняв верхнюю губу. От движения лицевых мышц рана опять закровянила, и черная жижа потекла вниз по покатоному подбородку, шее. Навстречу ему шагнул другой орк, мелкий, меньше по росту, чем даже гном. Да и хлипче телосложением, хоть фигуру немного скрадывала объемная шуба. Дюже знакомая.

Раздалась грубая орочья речь, полная перекатов рычания и повизгивания. Орк остановился, все также скалясь. Карлик обернулся и скинул капюшон.

Показались рыжие курчавые волосы. Не огненно-медные, как у Норманга, а тускло-имбирные. Потом пухлые щеки и пушистые бакенбарды. В немом удивлении Рогнак вытаращился на него.

Фолвенбранд потупился и сдавленно откашлялся, прикрыв рот маленьким кулачком.

— Приветствую вас, мастер Рогнак. Хм, мастер Кривой Язык вас уже ждет.

— Ты... — Наконец, горло немного отпустило. Короткое слово вышло хриплым и невыразительным, больше похожим на рык.

Низушек развел руки в сторону.

— Я личность мелкая и слабая. Можно сказать, трусливая, а орки, как выяснилось, тоже ценят тех, кто хорошо считает и ведет дела. — Он покосился на своих соседей. — По крайней мере, некоторые из них.

В огромном пустом зале, выходившем высокими окнами на Ганалийскую долину было холодно и ветрено, несмотря на пылающую Бездну огромного камина. Пронзительный ветер прорывался сквозь шкуры, коими орки догадались завесить окна, превращал их в диковинные серые знамена и высасывал любые крохи тепла. Согреться можно было лишь у широкого зева камина, в котором горели толстые бревна, что обычно шли на подпорки в штреках.

Язык сидел на корточках у огня и сосредоточенно шевелил раскаленные угли длинной кочергой. Он повернулся на шаги Рогнака и ухмыльнулся. Уродливая физиономия потемнела от жара и сморщилась еще сильнее, чем обычно.

— Железноголовый, ты, говорят, убил моего воина. Интересно, ты заплатишь мне виру за него или мне взамен стоит забрать твою жизнь?

Дварф остановился посередине комнаты рядом с круглым столом, тесаным из цельного куска камня. Сложил руки на груди.

— Ты верно ошибся и хочешь меня поблагодарить, орк, что я избавил тебя от одного из твоих дармоедов и сберег немного вашего дерьма, что вы зовете едой. Ежели так, то я принимаю твои благодарности.

Поначалу Язык изменился в лице, но тут же взял себя в руки. Проковылял на кривых ногах к трону Норманга, взобрался на него с ногами и запахнулся в верховой плащ поплотнее. Огромный древний хопеш, тускло блестящий желтым с багрянцем, стоял рядом, прислоненный к широкому подлокотнику.

— У тебя крепкая кость, гноме, раз ты смеешь дерзить мне.

— Невелика храбрость, мой маленький зеленый друг, — процедил Рогнак. Лицо его хранило непроницаемое выражение.

— Уже нет, — прошипел орк. — Я пахан паханов, повелитель Побережья и Хозяин Кратера. Передо мной склонились все орды ради добычи, что я дам им, когда поведу бычар

через Стир. Вкусное и сладкое человечье мясо ждет меня!

— Много гонору да вышел один пшик! — скептически отозвался Железнолобый. — Гномы и люди сомнут твой сброд, стоит тому оказаться под стенами Эрдерета! Ни одна орочья лапа...

Рогнак прервался с открытым ртом и уставился на трясущегося от смеха Языка. Тот буквально плясал на троне, а из его глотки доносились глухие булькающие звуки. Наконец, ему удалось совладать с собой.

— Совсем запамятовал! — стряхнул невидимую слезу когтем орка. — Ты ж ничего не ведаешь. Совсем закис в своем подземье, клянусь Прохфесором.

— Не ведаю что?

— А то, — Язык внезапно посерьезнел, — Маран уничтожен, а твои сородичи нынче точат ножи на людишек. Не до нас им теперь, ой, не до нас!

— Чего?!

— Со слухом проблемы, гноме! Может прочистить? У меня завалилось несколько приличных шомполов... Мои ребята так мигом!

Рогнак взъярился, сжал кулаки и сделал несколько быстрых шагов к трону. В глазах его горел отсвет жаркого гнева.

— Для этого ты позвал меня? Поиздеваться?! Клянусь бородой предка, за это я тебя...

— Не кипишуй! — резко огрызнулся Язык. В лапе его мгновенно оказался хопеш, а сам он успел соскочить с трона, пригнувшись и застыв в боевой стойке. — Мне нет резона тебе лгать, Пьютер тебя дери! Да, ваш богатый городок пал, а вы теперь сретесь с людишками за его руины.

— Но как?

— Большая война прокатилась по землям людишек, а Маран оказался у ней на пути. Людишки-то отбились да вот еще не навоевались, зубы точат на нижний путь чрез горы. И, клянусь Прохфесором, я не вру.

— Зачем? Зачем ты мне все это рассказываешь? — прохрипел Рогнак. Горе сдавило ему горло железным обручем. Маран пал, Маран разрушен — это все равно сказать, что дварфов изгнали из подгорных царств.

— Затем, что мне нужна твоя помощь, гноме!

Поистине, сегодня был день неожиданных новостей. Железнолобый пристально уставился на орка, и взгляд этот не сулил ничего хорошего.

— Мне не нужны ваши пещеры, Железнологовый. Я лишь хочу вывести орды на равнины, дать им волю, иначе орки сгниют на Побережье. Вдосталь земли, вдосталь пищи. И людишек не помешало бы проредить, а то их расплодилось — тьма. А для сего мне и моим быкам нужно оружие, не самодельное дерьмо, а добрые топоры из хорошей стали. Я хочу, чтобы ты вновь запустил печи Долины. Сделаешь это и станешь свободным, вернешься в свои горы вместе со всеми своими быками. Сразишься с людьми. Моget и мы встретимся опять как-нибудь, плечом к плечу. Враг моего врага — мой друг, а?

Рогнак Железнолобый ненавидел орков, но, кроме того, он был и прагматиком и никогда не позволял эмоциям брать над собой верх. Орки — грязные твари, но ничто не мешает их использовать. Потом, когда придет время, дварфы вернут себе долину, а об орках будут напоминать лишь пирамиды из их черепов, что насыпят по дороге к Ганалийской долине. Уж Рогнак позаботиться о том, чтобы не один зеленомордый урод не пережил этой войны.

Поэтому дварф помедлил для проформы и кивнул.

Пять месяцев назад в руинах Горгонада...

Черное пламя вырвалось на свободу, поднялось до самого потолка и расплылось в стороны гибкими мерцающими щупальцами. Отзвук Тьмы возник болезненным набатом в висках, занял вибрацией в зубах и заставил опуститься на колени.

Хамок Долговязый распростерся на полу, вытянув руки в сторону колодца с Источником. Вот уже несколько часов не стихала боль и надсадный воющий голос, бессловесный, но переполненный болью. Орк догадывался, что ему достается лишь эхо истинного и он был благодарен за это. Истина убивает — Хамок усвоил это еще во время своей далекой юности.

Только в этот раз она обошла его стороной, задев лишь кончиком своего черного крыла. Весть о смерти Посланника и Воплощения. Горе, страшное, всеобъемлющее, пронизало его от затылка до пяток, ледяная молния отчаяния.

Орки не умеют плакать, и впервые Хамок пожалел, что у нет слабости мягкокожих. Может быть, стало бы легче.

— Тьма! — шептал он. — Хозяйка Ночи и Тайн, Повелительница Бездны, почему, почему не защитила?! Скажи мне, что делать, а Повелительница? Как дальше быть? Без Твоей воли мой народ сгинет без следа!

Пламя внезапно опало. Ушла и боль. Повисла гулкая тишина. Хамок поднялся — руки без сил лежали на коленях. Он прикрыл глаза и дрожащая рука коснулась лица. Боли больше не было, но кто заберет тоску? Видимо, эту долю ему нести до конца. Не так уж и долго ждать этот конец.

Орк открыл глаза и увидел, что Тьма Источника никуда не ушла, она превратилась в черную жидкость, залившую колодезь. Хамок поднялся и подошел к нему, опустился на колени и опустил в черную воду пальцы, сложенные в горсть.

Иголками укололо кончики пальцев, незримая энергия рванулась вверх по руке, по кровеносным жилам, ударила в голову, да так, что шаман покачнулся. Чуть не сверзился в бездну колодца.

Удержался. Дождался, когда в глазах проясниться и чуть не отшатнулся прочь. Гладь пошла рябью, как след от камня, брошенного в воду. Брошенного снизу. Изнутри.

Тьма вспучилась, надулась пузырем. Хамок потер глаза: ему показалось, будто что-то бледное мелькнуло под истончившимся слоем черноты.

Нет, не показалось. Жидкость разошлась, то густая, как земляное масло, то текучая, как вода. Голова, маленькая, лысая, сморщенное личико, плечи, маленькая, сжатые в кулачки ручки, поджатые ножки и кожа, мучнисто-белая, блестящая.

Человеческий детеныш! Хамок осел в удивлении. Ребенок, рожденный не из утробы матери. Ребенок, рожденный Источником. Посланник!

Дрожащие руки опустились во Тьму, зачерпнули черноты и подхватили ребенка. Он открыл глаза.

Льдисто-голубые. Ярость, боль, ненависть и холодная решимость последовательно промелькнули в них. А потом ребенок закричал. Обыкновенный вопль замерзшего, голодного новорожденного. Ничего особенного, но достаточно было одного взгляда в эти

глаза, чтобы понять, кто предстал перед.

Кожа младенца была холодной как лед, но, странное дело, холод этот не обжигал в руки. Наоборот, энергия вливалась через них, дикая, концентрированная сила Тьмы.

Хамок дернулся, словно что-то услышал. Напрягся, весь обратившийся в слух.

— Да, я слышу! — пробормотал он невидимому собеседнику.

Взгляд его заскользил по пещере, но ничего не нашел.

— Кто ты? — хрипло произнес он.

— Да, я понял. — Орк склонил голову в покорном поклоне. — Конечно, моя верность безгранична. Хочешь, заberi мою жизнь! — Снова пауза. И он снова ответил — в голосе его пылала яростная решимость: — Да, служение — смысл всего. Тьма да пребудет навеки на земле. И... — Он помедлил, решаясь: — Спасибо за надежду!

Отпустило. На руках все также верещал младенец. И теперь Хамок не испытывал грусти, тоска ушла из его груди. Впереди... впереди было слишком много дел.

Тьма — стихия, разумная, мыслящая — хоть и в иных категориях — но стихия. И она бессмертна. Она появилась с рождением мира и она исчезнет, когда все раствориться в пустоте безвременья. И с той же бесконечностью будет двигаться колесница воплощений.

Хамок покидал пещеру с радостью на душе. Он завернул в свой плащ, вернее те обрывки, что от него остались, ребенка и прижал к своей груди. Он найдет стойбище и молодую родившую орчиху. Повелитель вырастет среди помета орков, проникнется судьбой племен, возглавит орды и поведет их вперед, на земли людишек. К славе и вечному царствованию Тьмы. Нет, теперь орки не будут тупым мясом для войны, теперь они подхватят знамя, выпавшее из рук исчезнувших варангов-цвергов. И снова, как в седой древности, вырастут города орков и возродятся старые роды. Не будет орд, а будет Империя!

Уж об этом Хамок позаботиться. Тьме-то все равно, каким способом ее приведут к победе. Зато тех, кто верно служит, Она возблагодарит сполна.

В тоже время, но в совершенно в другом месте...

Шмиттельварденгроу с удовольствием опустил натруженные руки в таз. Вода обожгла свежие шрамы, и засохшая на руках кровь расплылась в прозрачной глубине мутным облаком. Он чувствовал тягучее удовольствие от славно сделанной работы.

Казалось бы, еще бы миг — и все насмарку. Однако, благодаря неожиданному всплеску, он смог зачерпнуть побольше энергии и закончить дело. Закончить славно.

Может быть, профессиональный некромант справился бы лучше, аккуратнее, но где их сыщешь, вот и приходилось делать все самому. Где вспоминать забытые и погибшие в Льдистом Нагорье книги, а где и просто импровизировать, вслепую нащаривать верный путь.

Шмиттельварденгроу был стар и уже давно растерял свою былую форму. Усталость навалилась на него, но то была приятная усталость выполненного долга. Ее следовало смаковать.

Он опустился на старую лавку. Поднес к лицу ладони, грубые, испещренные короткими шрамами жертвенных ран. Собственной кровью он связал плоть и душу и не позволил им разделиться во смерти. Светом такая магия считалась запретной, но, как говаривают, клирики умеют исцелять наложением рук. Собственной Святостью! Уж цвергу такие

богатства недоступны. Приходилось обходиться тем, что есть.

Отпив из ведра со свежей водой, что он натаскал заранее, Шмиттельварденгроу шумно высморкался, обтер руку об штанину и подошел к грубому столу, сбитому из широких досок. Поверх них лежал Джалад.

Худое — ребра торчат — тело, тонкие руки и ноги. И вытянувшееся, заострившееся лицо, когда смуглое, но теперь серое. Там, где воспламенившаяся кровь, прожгла кожу и мышцы, гном поставил заплаты: черные, блестящие, словно брюхо тритона, отчего тело джаффца напоминало мозаику, растерявшую знатное количество своих частей. Но... грудь пироманта мерно поднималась и опадала. Пока что он спал, погруженный в магический сон, чтобы восстановить то, на что требовалось время, но вскоре он должен был очнуться.

Мир изменился. И, как верилось Шмиттельварденгроу, навсегда. И теперь в нем не было места одинокому цвергу. Сгинул Головоруб, погиб Горгонадец — прошлое утекало, стремительно, как вода сквозь пальцы. Только вот цверг почему-то об этом не сожалел. Он устал, но это была совершенно иная усталость.

Усталость от жизни, от борьбы. Больше не осталось целей, не осталось стимулов. Зато за спиной — выплаченный долг, потому не так уж тяжело уходить на покой. Шмиттельварденгроу улыбнулся: Джалад очнется и наверняка вернется домой, но теперь он будет нести внутри знание темной магии. Орден Света очистился от скверны и опять станет строить свои порядки в Королевстве. Интересно, с кем он будет сражаться теперь, когда Повелитель пал окончательно? Кто еще изберется Цитаделью на должность служителя Тьмы?

Правда, ответы на эти вопросы его не интересовали. Это уже будет совсем другая история. Эратийские хроники не дописаны, но в главе о темном гноме, аттауране Симгара и капитане Темной Гвардии, каторжанине и убийце своих братьев по крови, славном и могущественном цверге Шмиттельварденгроу поставлена последняя точка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net